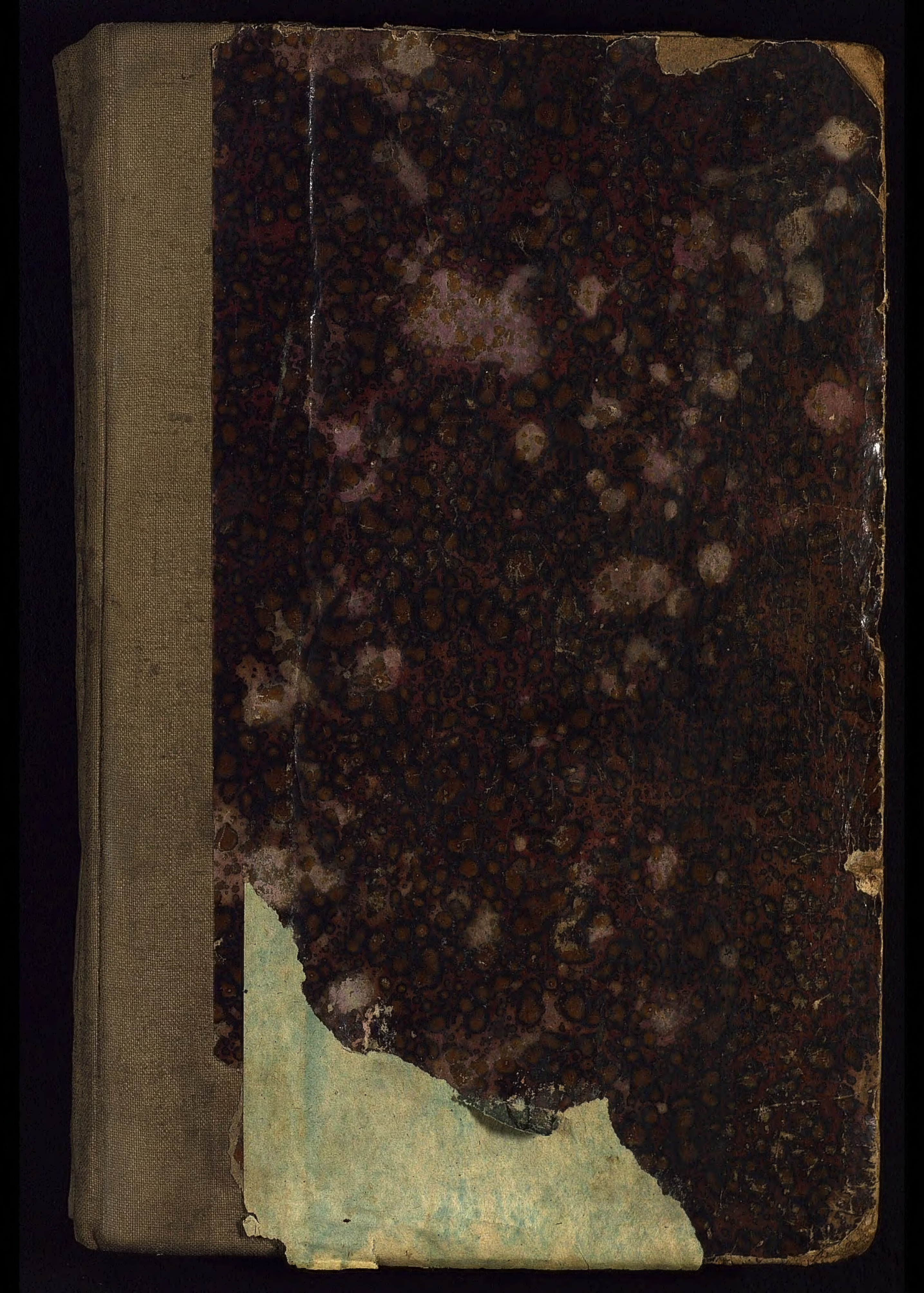

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ

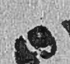
18—XI

ЖУРНАЛЪ

НАУКИ — ПОЛИТИКИ — ЛИТЕРАТУРЫ,

основанный М. М. Стасюлевичемъ въ 1866 году.

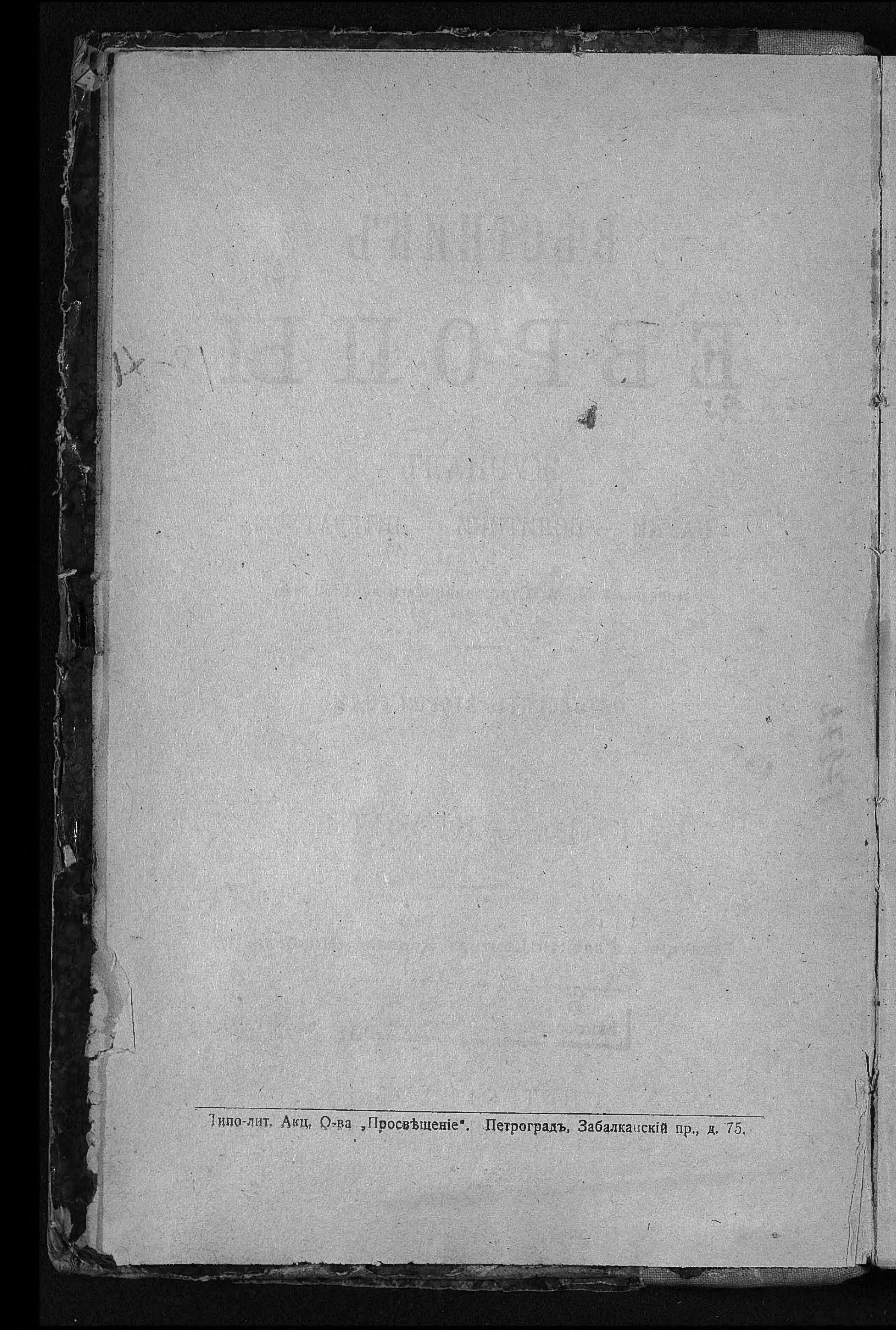
ПЯТЬДЕСЯТЪ ВТОРОЙ ГОДЪ.

ІЮЛЬ—АВГУСТЪ.

Редакція и Главная Контора журнала: Моховая, 37.

ПЕТРОГРАДЪ.
1917.

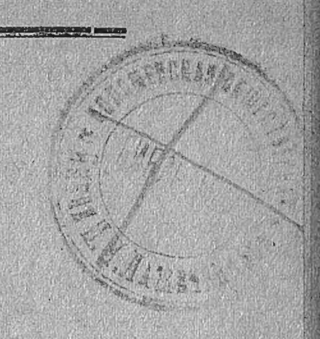
Типо-лит. Акц. О-ва „Просвѣщеніе". Петроградъ, Забалканскій пр., д. 75.

СОДЕРЖАНІЕ.

КНИГА СЕДЬМАЯ и ВОСЬМАЯ. — ІЮЛЬ—АВГУСТЪ.

ОТЪ РЕДАКЦІИ. Рукописи, присылаемыя въ редакцію для просмотра, должны быть переписаны на пишущей машинѣ и на одной сторонѣ листа; на отвѣтъ редакціи и на возвратъ рукописи заказной бандеролью должны быть приложены марки.

Редакція открыта для справокъ и личныхъ объясненій по средамъ отъ 2 до 4 ч. и по субботамъ отъ 3 до 4 ч. (кромѣ праздниковъ).

МОЯ ВЕСНА [1]).

(РОМАНЪ.)

I.

Звонъ неожиданно и грузно ухнулъ съ колокольни, всколыхнулъ воздухъ и мягкимъ гуломъ покрылъ всѣ голоса и шумъ города.

— Такъ, такъ, — сказалъ я себѣ, улыбаясь, — ловко. Ну-ка, еще разъ.

Второй ударъ отвѣтилъ на этотъ вызовъ, и въ звонѣ разлилась золотая ласковая улыбка привѣта, которую я не только услышалъ, но какъ будто ощутилъ всѣмъ своимъ тѣломъ, почти такъ же ясно, какъ за полчаса передъ тѣмъ ощущалъ веселую прохладу осенней рѣчной воды.

— Донн... донн... — зачастилъ колоколъ.

Этотъ звонъ показался мнѣ знаменательнымъ, въ немъ слышалось что-то въ родѣ благословенія начала моей новой жизни. Вѣдь, кромѣ Бога, меня некому было благословлять на это. И еще болѣе знаменательнымъ показалось, что церковь-то эта была та самая, гдѣ я когда-то былъ пѣвчимъ.

Она ничуточки не измѣнилась, только синій куполъ немного

---

[1]) Романъ *„Моя весна"* — вторая часть задуманной мной трилогіи. Первая часть „Заря жизни" была напечатана въ *„В. Евр."* въ 1914 г. и вышла уже вторымъ изданіемъ. Вторая часть *„Моя весна"* читается независимо отъ первой, хотя нѣкоторыя дѣйствующія лица здѣсь уже выступали и въ „Зарѣ жизни", гдѣ описаны ранніе дѣтскіе годы Гарькова, нищенская, подчасъ мрачная и вмѣстѣ съ тѣмъ трогательная семья: пьяница отецъ, чахоточная мать, по смерти которыхъ маленькій Гарьковъ и его младшіе братъ и сестра очутились въ разныхъ темныхъ углахъ. Затѣмъ — переходъ Гарькова изъ приказчичьяго подвала въ аристократическій домъ Ростовцевыхъ въ качествѣ воспитанника, а оттуда — къ родственницамъ Ростовцевыхъ — крѣпостницамъ-старухамъ. Попутно намѣчается дѣтскій романъ Гарькова съ Олечкой, сыгравшій роковую роль въ его жизни, первое пробужденіе въ немъ творческихъ порывовъ, скандальный разрывъ съ „благодѣтелями" и страстное желаніе начать самостоятельную жизнь.

Авторъ.

поблекъ, и золоченыя звѣзды на немъ потускнѣли. И такъ же на сѣрыхъ, стертыхъ камняхъ паперти продавали пахнувшіе свѣжей мочалой бублики, такъ же ныли калѣки-нищіе и тянулись къ открытымъ вратамъ ея рѣдкіе прихожане, все больше старики и старухи.

Можетъ быть, и нищіе и прихожане тѣ же самые.

Я на одну минуту почувствовалъ себя маленькимъ. Только одну минуту.

Нѣтъ, я уже не тотъ, не маленькій. Я выросъ, и случилось это какъ-то внезапно, вотъ-вотъ, только что случилось, можетъ быть, не дальше какъ во время купанья. Еще маленькимъ я бросился въ воду, а вышелъ большимъ.

Звонъ продолжалъ колыхать воздухъ. Звонили ко всенощной. Въ самомъ дѣлѣ, завтра воскресенье. Это тоже хорошо: я успѣю сдѣлать все, что надо.

А надо было прежде всего найти пристанище и затѣмъ перевезти туда мои вещи. Вещей было немного, такъ немного, что ихъ свободно можно было унести подъ мышкой: книги да нѣсколько штукъ платья и бѣлья.

Самое непріятное возвращаться за этими вещами. Хорошо бы плюнуть на нихъ, но при теперешнихъ моихъ обстоятельствахъ это даже невозможно.

Впрочемъ, я по совѣсти могу считать эти вещи моими. Вѣдь я цѣлыхъ два года работалъ тамъ не меньше прислуги; мало того, у меня взяли онѣ тѣ десять рублей, которые когда-то подарены были мнѣ моимъ покровителемъ.

Тутъ я опять не могъ не поморщиться: вѣдь эти два года онъ имъ платилъ за меня. Отказываясь отъ дальнѣйшей помощи, я обязанъ поблагодарить его и сдѣлаю это съ удовольствіемъ: въ этомъ семействѣ онъ несомнѣнно былъ добрѣе и симпатичнѣе всѣхъ, несмотря на свои большіе недостатки. Онъ, навѣрное, даже и не зналъ о моемъ унизительномъ положеніи. Во время рѣдкихъ встрѣчъ нашихъ онъ меня всегда спрашивалъ, какъ я живу. И я отвѣчалъ: хорошо. Да и жена его, въ сущности, навѣрно добрая и симпатичная. А что она не желаетъ, чтобы ея дочь любила меня, это понятно: вѣдь она покуда не можетъ знать, что изъ меня выйдетъ. Она допускала, что я могу стать чиновникомъ, но это вовсе еще не значитъ стать достойнымъ ея дочери.

Легкая волна нѣжности и грусти облила мое сердце. Но уже въ этомъ воспоминаніи не было ни горечи, ни упрека. Значитъ, и тутъ освободился и выросъ я.

Хорошо, хорошо, я знаю теперь, съ чего начать.

По смерти отца опекуномъ назначили сапожника Ланцова, съ мальчишками котораго я когда-то ходилъ славить. Судьба, такимъ образомъ, опять возвратила меня въ тотъ дворъ, гдѣ я родился.

Когда мнѣ случайно приходилось бывать или проходить здѣсь, всегда становилось грустно. Сейчасъ я съ особеннымъ волненіемъ посмотрѣлъ на лавочку съ той же самой вывѣской, даже какъ будто съ тѣми же самыми колбасами, подвѣшенными на окнахъ для соблазна покупателей. Помню, какъ эти колбасы, пахнущія сапожной кожей, твердыя, какъ окаменѣлость, отецъ полировалъ тряпкой, когда онѣ покрывались синеватой плѣсенью, а иногда для блеска смазывалъ постнымъ масломъ.

Лавочка успѣла за эти короткіе годы перемѣнить нѣсколько владѣльцевъ, а голова турка, которымъ въ младенчествѣ пугали меня, продолжала неизмѣнно дымить трубкой, торчавшей въ свирѣпо ощеренныхъ зубахъ. Во дворѣ тотъ же лодочникъ, и тѣ же хибарки, и та же мастерская Ланцова съ жестянымъ сапогомъ надъ дверью.

Что Ланцовъ откажетъ мнѣ въ пріютѣ, какъ-то даже не приходило въ голову, хотя обязанности его, какъ опекуна, сами собой прекратились, такъ какъ имущества, которое слѣдовало опекать, не было: послѣ продажи лавочки все было разобрано кредиторами.

Человѣкъ онъ былъ, кажется, добрый, любилъ выпить, да и то съ женой. Вотъ теща настоящая вѣдьма, и лицомъ на вѣдьму похожа.

Она мнѣ и попалась первой.

Стоя на крыльцѣ, въ своихъ грязныхъ лохмотьяхъ, старуха держала за шиворотъ черную кошку и изо всей силы колотила ее вѣникомъ. Кошка мяукала, извиваясь, но никакъ не могла защититься.

— Вотъ те, вотъ те, окаянная, — приговаривала старуха, щеря свои два большіе, качающіеся зуба.

— Да будетъ вамъ, маменька, истязать-то ее, — крикнулъ изъ сѣней женскій голосъ.

Старуха размахнулась и швырнула кошку, которая полетѣла прямо на меня, чуть-чуть не въ лицо.

Царапнувъ лапой по плечу, кошка шлепнулась на землю и стрѣлой понеслась прочь.

— Вамъ чего нужно? Давалецъ, что ли?—непривѣтливо обратилась ко мнѣ старуха.

Но тутъ изъ сѣней появилась ея невѣстка.

Она, видимо, въ сумеркахъ сначала не узнала меня. Потомъ вдругъ всплеснула руками и хлопнула себя по бедрамъ.

— Батюшки, да вѣдь это Пашутка! Паша, — поправилась

она, и ея зеленовато-сѣрые, внимательные глаза съ любопытнымъ вопросомъ остановились на мнѣ.

Мнѣ стало почему-то неловко отъ этого взгляда и сразу вспомнились всѣ нехорошіе слухи, которые ходили о ней по всему нашему двору и улицѣ.

— У, да какой же ты большой выросъ! И совсѣмъ барчукомъ смотрите, — продолжала она своимъ пріятнымъ, нѣсколько усталымъ голосомъ, не сводя съ меня внимательнаго взгляда. — Ну, здравствуйте, здравствуйте.

Старуха посторонилась, чтобы пропустить меня въ сѣни, и злымъ прищуреннымъ взглядомъ обшарила всю мою фигуру.

Мое бодрое настроеніе сразу потускнѣло; мнѣ стало даже почти жутко отъ этого непривѣтливаго старушечьяго взгляда.

— Дома Иванъ Парфенычъ? — спросилъ я.

— Дома, дома, — тягуче отвѣтила невѣстка и слегка потянула меня изъ полутемныхъ большихъ сѣней, которыя лѣтомъ служили мастерской, въ горницы. И взглядъ ея также тянулъ меня за собою; и у меня на глазахъ ея моложавое, нѣсколько пухлое и непріятно бѣлое лицо чуть-чуть покраснѣло.

Въ мастерской, по случаю завтрашняго праздника уже отдѣлались: большой верстакъ былъ пустъ, и липки чинно стояли вокругъ него, чуть-чуть поблескивая своими лоснившимися кожаными сидѣніями отъ вечерняго свѣта, проникавшаго въ маленькое оконце. Надъ верстакомъ висѣла жестяная лампа съ обгорѣлымъ бумажнымъ абажуромъ.

Пахло клейстеромъ, варомъ и кожей, и эти сапожницкіе запахи смѣшивались съ запахомъ щей и остывшей печи, которая поднималась справа и зѣвала во весь ротъ своимъ раскрытымъ устьемъ, какъ бы готовясь проглотить большой чугунъ, стоявшій на шесткѣ.

Изъ другой комнатки, куда вела узкая дверь, доносилось басоватое пѣніе: «Отрыгну сердце мое».

— Къ намъ гость, Иванъ Парфенычъ, — оповѣстила хозяйка.

Пѣніе прервалось, и послышались медленные шаркающіе шаги.

Она отпустила мою руку, и я сразу почувствовалъ странную слабость въ ногахъ и въ головѣ. Что со мною?

Одутловатое курносое лицо, похожее на лицо Сократа, съ большой лысиной, безъ которой его нельзя было представить даже въ самые молодые годы, показалось изъ-за двери. Еще не узнавъ меня, но убѣдившись, что птица я неважная, онъ выступилъ впередъ весь со своимъ брюшкомъ въ сѣрой жилеткѣ и твердыми короткими ногами, въ брюкахъ домашняго производства.

— Ну, вотъ, и онъ не узналъ, — усмѣхаясь, протянула жена. — А вѣдь это Паша.

Въ отвѣтъ послышался привѣтливый смѣшокъ.

— А вѣдь и впрямь Паша. А я думалъ давалецъ новый; ни за что бы не узналъ.

— Не жаловалъ, не жаловалъ да пожаловалъ, — заскрипѣла отъ печки старуха. — Небось, думаетъ денегъ послѣ отца у опекуна не осталось ли. Ни гроша не осталось, ни гроша, ни гроша, — закаркала она.

И опять этотъ голосъ мучительно отозвался во мнѣ и какъ будто разлился черной струею. Становилось не по себѣ.

— Перестаньте, маменька,—оборвала старуху молодая. И, взявъ меня за плечо, она настойчиво повела впередъ.

Маленькая комнатка, съ широкой деревянной кроватью, стекляный шкафчикъ съ посудой; фольговый образъ съ лампадой въ углу и съ сахарнымъ засиженнымъ мухой яичкомъ подъ нимъ.

Мы гуськомъ прошли между стѣной и кроватью въ сосѣднюю комнатку побольше, которая служила чѣмъ-то въ родѣ гостиной; тутъ на двухъ оконцахъ были даже бѣлыя кисейныя занавѣски и на подоконникахъ цвѣли фуксіи и герань. На овальномъ столѣ, покрытомъ вязаной скатертью, стояла стеклянная лампа, съ помятыми бумажными цвѣтами на абажурѣ; нѣсколько стульевъ и, вмѣсто дивана у стѣны большой сундукъ, покрытый пестрой, чисто вымытой дерюжкой. Черезъ всю комнату тянулся полосатый половикъ, узкой дорожкой заворачивавшій въ спальню.

— А я ко всенощной собирался и жена тоже.

— Нѣтъ, нѣтъ, ты ужъ одинъ иди, Парфенычъ. Къ шапочному разбору успѣешь. Мы такъ вотъ всегда: въ церковь, какъ къ дѣлу.

— Бога-то не обманете. Бога-то не обманете, — раздался старушечій голосъ.

Стѣны были тонки, какъ переплеты и, какъ бы тихо ни говорили, во всѣхъ комнатахъ было слышно.

— Понесла изъ-за угла, — махнулъ рукой хозяинъ и сталъ зажигать лампу.

— Чайку не хотите ли? — предложила хозяйка.

Мнѣ, въ самомъ дѣлѣ, очень хотѣлось пить, и жажда ощущалась не только во рту, но и въ груди. И отъ этой жажды даже немного кружилась голова. Несмотря на то, что я нынче не обѣдалъ, ѣсть не хотѣлось, но чаю я выпилъ бы съ наслажденіемъ, особенно чаю съ лимономъ.

Горячаго чаю, очень горячаго, потому что свѣжесть купанья

не только не проходила, а наоборотъ, проникала куда-то внутрь, глубоко.

Не дожидаясь моего согласія, она крикнула матери:

— Вмѣсто разговоровъ-то, маменька, поставьте-ка самоварчикъ.

Въ отвѣтъ что-то задребезжало, стукнуло, и зашипѣлъ непріятный зловѣщій голосъ.

— Да, да, это старуха-то вѣрно сказала, что ни гроша не осталось, — со вздохомъ подтвердилъ сапожникъ, шопотомъ, точно сообщалъ мнѣ тяжкую тайну.

— Да я не затѣмъ, — поспѣшилъ я успокоить его. И тутъ же объяснилъ, зачѣмъ я именно пришелъ.

Онъ слушалъ меня, разинувъ ротъ и какъ-то недовѣрчиво скосивъ на меня глаза.

— Вотъ оно какъ, — неопредѣленно разводя руками, отвѣтилъ онъ и взглянулъ на жену.

Она вдругъ какъ-то странно оживилась.

— Что жъ, это, конечно, можно. Конечно, — повторила она, съ особенной жеманностью выговаривая букву ч. — Но какъ же вы послѣ такой-то барской жизни будете у насъ.

Мнѣ непріятна была жеманность и то, что она стала мнѣ говорить вы, какъ большому. Я съ досадой отвѣтилъ:

— Какая тамъ барская жизнь! Никакой барской жизни не было, а если бы и было, все равно, я хочу самъ зарабатывать хлѣбъ свой, а не питаться подачками. Вы только дайте мнѣ у себя уголъ, гдѣ бы я могъ спать и заниматься, а питаться я буду въ мастерской.

— Зачѣмъ же въ мастерской, когда можно съ нами, — вступила слащавымъ голосомъ хозяйка.

Мужъ, поджимая губы, значительно взглянулъ на нее. Но она продолжала, лаская меня глазами:

— Вы теперь такимъ барчукомъ стали, что вамъ даже не къ лицу было бы за верстакомъ ѣсть.

— Чепуха, — рѣзко прервалъ я. — Мнѣ главное, чтобы вышло дешевле. Немного-то денегъ я заработаю уроками. Я могу репетировать не только первоклассниковъ, но даже второклассниковъ и даже третьеклассниковъ.

— Скажи, пожалуйста, — не вполнѣ довѣрчиво, но снисходительно протянулъ хозяинъ въ отвѣтъ на мое гордое заявленіе. — Ре-пе-ти-ро-вать, говоришь. Это что же такое будетъ?

— Репетировать, это значитъ — заниматься, повторять уроки съ ними. Это слово происходитъ отъ французскаго слова репете, что значитъ повторять.

— Ска-а-жи, пожалуйста, — съ усмѣшкой неопредѣленно покачалъ онъ головой. — А сколько же тебѣ за эти репете платить будутъ?

— Какъ придется, рублей восемь, а то и десять за урокъ,— съ дѣловымъ видомъ пояснилъ я. — Мнѣ вѣдь только на зиму, а лѣтомъ я кондиціи найду.

— Кондиціи, — уже не скрывая своего изумленія предо мною, повторилъ онъ. — Да ты я вижу малый съ головой.

— Я такъ и думала, — игриво поддержала его жена. И опять изъ-подъ рѣсницъ взглянула на меня, и я съ брезгливостью вспомнилъ, что такимъ же взглядомъ купеческая кухарка глядѣла на пригожихъ мальчугановъ изъ магазина.

И стало еще холоднѣе и даже какъ будто чуть-чуть тошно отъ нехорошей мысли.

Мужъ вопросительно взглянулъ на нее, и она поспѣшила отвѣтить на этотъ взглядъ:

— Конечно, если Паша желаетъ, ихъ можно у насъ устроить. Поставить вотъ тутъ кровать.

— Зачѣмъ? Можно на сундукѣ, — перебилъ я. Но почему-то скрылъ, что тамъ я также спалъ на сундукѣ.

— И правда. А на день постель убирать, и все будетъ прилично.

— М-да, — неопредѣленно протянулъ мужъ. И какъ-то ласково и свѣтло улыбнулся мнѣ. — Ну, что жъ, съ отцомъ пріятели были, не наживаться на тебѣ. А? Устя?

Та позванивала уже въ другой комнатѣ у шкафчика посудой и весело откликнулась оттуда:

— Конечно.

Когда она вернулась, держа въ рукахъ чашки и стаканъ, я замѣтилъ на ея плечахъ кокетливо накинутую красивую косыночку.

— Все-таки, — дѣловымъ тономъ приступилъ я, внутренно обрадованный тѣмъ, что такъ благополучно устраивается, — сколько вы можете взять съ меня въ мѣсяцъ?

— Да что жъ, — опять поглядывая на жену, отвѣтилъ онъ,— восьмерку, чай, стоитъ?

Все слышавшая старуха, внесла угарный самоваръ и со звономъ поставила его на жестяной подносъ.

— Кажется, самоварецъ съ угарцемъ, маменька.

— Нечего, не княжескi головы-то, не станется.

Однако хозяинъ отворилъ окно. Вошла вечерняя прохлада съ рѣчной сыростью. Меня зазнобило, а голова какъ-то сразу отяжелѣла. «Должно быть отъ угара», — подумалъ я и подошелъ къ окну.

Съ Волги шла темнота, кое-гдѣ, вѣрно на плотахъ, свѣтились огни.

Уходя, старуха прошипѣла:

— Ишь, накачали на шею нахлѣбника. Жди отъ него денегъ, держи карманъ.

— Если вы, маменька, не въ свое дѣло будете мѣшаться...

Но я поспѣшилъ перебить эту обидную для меня сцену:

— Восемь рублей недорого; я въ состоянiи буду платить, — заявилъ я умышленно громко. — Значитъ, такъ и покончимъ, и нынче же я перевезу свои вещи.

Самоваръ кипѣлъ, громко стучали деревянные часы съ мѣдными гирями, и что-то тяжело охало съ рѣки; должно быть шелъ пароходъ.

Хозяйка заварила чай и поставила его на канфорку.

— Ну, вотъ, и милости просимъ.

Сапожникъ вдругъ всталъ и засуетился:

— Ну, вы здѣсь пейте чай, а я пойду. Хоть къ «Взбранной воеводѣ» поспѣю.

— Знаю я, къ какой это «Взбранной воеводѣ», — сказала хозяйка, однакоже безъ всякой злобы и умышленно тихо, чтобы не разслышала старуха. — Такъ ужъ и быть, отпущу тебя одного. Только приходи-то хоть не на карачкахъ. А мы здѣсь съ Пашей чайку попьемъ. Вамъ съ лимончикомъ не угодно ли?

— Зачѣмъ вы говорите мнѣ вы? — не выдержалъ я. — Вѣдь вы меня знали совсѣмъ маленькимъ.

— Еще бы, съ пеленокъ, можно сказать. Я вѣдь тоже родомъ со здѣшняго двора.

Хозяинъ ужъ въ дверяхъ махнулъ мнѣ на прощанье головой въ большомъ сѣромъ картузѣ, пробормоталъ что-то въ родѣ:

— Я скоро, я вотъ только отстою...

Прибавилъ что-то насчетъ всенощнаго пѣнiя, видимо больше для вразумленiя старухи, и затѣмъ слышно было, какъ стукнула въ сѣняхъ дверь, застучали сапоги, и темная фигура его быстро скользнула мимо окна.

— Ишь, обрадовался, — подмигнула жена. — Вмѣстѣ хотѣли, ну, да, ужъ пусть нынче. Это мы старухѣ очки-то втираемъ, — созналась она. — Насчетъ всенощной-то. Въ трактиръ закатился. Дома-то намъ и выпить нельзя, сейчасъ старуха привяжется. Ей о душѣ надо думать, а она смерть какъ любитъ вино.

Я съ жадностью пилъ чай съ лимономъ, въ прикуску, чтобы не разорять сахаромъ хозяевъ. Но жажда утолялась какъ-то обманчиво. Чай не проникалъ куда-то, гдѣ она ощущалась такъ же, какъ

и во рту, вмѣстѣ съ томительнымъ холодкомъ. Уже пересталъ чадить самоваръ, но голова все больше тяжелѣла, и его замолкающее кипѣніе и стукъ часовъ безпокойно отзывались на слуху.

— Что жъ, я васъ маленькимъ знала, я и сама тогда, можно сказать, дѣвочка была. А ужъ теперь вамъ, небось, лѣтъ шешнадцать будетъ.

— Нѣтъ, мнѣ всего пятнадцать.

Она острыми, часто поставленными зубами, манерно держа сахаръ двумя пальцами, откусила кусочекъ и усмѣхнулась:

— Ой-ли! А по видимости вамъ больше. Совсѣмъ молодой вьюноша. Не бойсь, за вами барышни какъ бѣгаютъ.

— Вовсе нѣтъ.

— Разсказывайте сказки, такъ я и повѣрю. Вы, небойсь, скажете, что никогда и не цѣловались съ барышнями и вкуса въ этомъ не знаете, — сдержанно, почти шопотомъ продолжала она, играя глазами.

Я выпилъ чай и вдругъ понялъ, что нездоровъ. Хорошо, если это только отъ угара, а если простудился. Если заболѣлъ такъ, что не въ состояніи буду работать.

Что-то коснулось моихъ ногъ. Я испуганно вздрогнулъ, подумалъ, что черная кошка вернулась и трется подъ столомъ, но эта мысль не только меня не успокоила, а скорѣе еще больше встревожила, такъ что я даже не сразу рѣшился взглянуть.

Опять прикосновеніе, еще болѣе настойчивое, но твердое.

Тогда я понялъ, что это не кошка. Взглянулъ на хозяйку и встрѣтилъ неопредѣленную блуждающую улыбку, остановившуюся въ сѣрыхъ, чего-то ждавшихъ глазахъ.

Я лихорадочно поднялся.

— Надо торопиться. Вотъ я сейчасъ пойду и вернусь ужъ съ вещами. Это будетъ лучше всего. Такъ сразу, и вечеромъ. Вечеромъ не такъ неловко, какъ днемъ.

Я замѣтилъ, что разговариваю самъ съ собою и еще болѣе взволновался. Сталъ искать свою фуражку, не замѣчая, что она предо мною на стулѣ; только тогда замѣтилъ, когда сама хозяйка взяла ее и, заложивъ за спину, вытянувъ впередъ къ самому лицу моему голову, зашептала:

— А вотъ я возьму да не отдамъ. Попробуйте-ка, отнимите-ка ее отъ меня.

Она какъ будто нечаянно закрыла дверь и сама остановилась на порогѣ.

Я боялся потерять каждую минуту. Я начиналъ сознавать, что

болѣзнь все болѣе и болѣе овладѣваетъ мною. Надо было хоть на время побороть ее, чтобы успѣть сдѣлать все, что надо.

А дальше? Что будетъ дальше?

Объ этомъ не хотѣлось думать. Вся моя энергія была направлена къ тому, чтобы перебраться сюда. Хотя сейчасъ мнѣ было это совсѣмъ непріятно, и непріятно не столько изъ-за вѣдьмы-старухи, сколько изъ-за этой вотъ молодой женщины, которая стоитъ предо мною и тихонько смѣется, смѣется.

— У, да и впрямь, какой же ты мальчикъ, какой же ты мальчикъ, — шепчетъ она. — Ну, ужъ такъ и быть, иди. Даже и не вѣрится, что ты мальчикъ, вьюноша, а совсѣмъ какъ будто бы дѣвчонка.

— И вовсе я не дѣвчонка, — говорю я обиженно. — А только мнѣ сейчасъ нужно идти. Непремѣнно сейчасъ, чтобы не опоздать.

— Нѣтъ, дѣвчонка, нѣтъ, дѣвчонка, — говоритъ она какъ-то машинально и приближается ко мнѣ. — Ну, вотъ!

Она надѣваетъ обѣими руками фуражку мнѣ на голову, нахлобучиваетъ ее мнѣ прямо на глаза, и я чувствую, какъ ея руки касаются моего лица и шеи и щекочутъ меня.

И я не знаю, разливаются ли этотъ зной и эта слабость по моему тѣлу отъ ея прикосновенія, или отъ недуга.

Но въ эту минуту отворяется дверь, тихо отворяется, и въ комнату безшумно и осторожно входитъ черная кошка.

— У, проклятая, — со злобой набрасывается на нее женщина и даетъ ей такого пинка, что кошка съ жалобнымъ мяуканьемъ отлетаетъ въ уголъ, а затѣмъ стремительно бѣжитъ вонъ.

Но тутъ взамѣнъ ее врывается старуха и съ яростью набрасывается на невѣстку:

— Ты чего мою кошку бьешь! Что она тебѣ помѣшала! Помѣшала!

— Убирайтесь вы къ чорту съ вашей кошкой, маменька, — тихо и озлобленно огрызается невѣстка.

— Нѣтъ, она тебѣ помѣшала. У-у, безстыдница!

Я поправляю на головѣ фуражку и ухожу, какъ разъ въ то самое время, когда молодая медленно, но съ угрозой, подходила къ старухѣ:

— Вы чего это сказа-ли-и? Какое это вы такое слово сказали-и?

Я быстро выхожу наружу и, проходя мимо окна, слышу, какъ старуха уже пронзительно кричитъ:

— Тронь только! Тронь! Я тебя вотъ этимъ кипяткомъ ошпарю!

— А ну васъ къ дьяволу! — слышу я въ отвѣтъ тоскливый голосъ.

II.

Ноги какъ-то сами собой машинально несутъ меня впередъ. Уже ночь, и горятъ керосиновые фонари.

Какъ быстро настала эта ночь. А можетъ быть, она уже давно. И неужели этотъ день, въ который такъ много было пережито, неужели онъ былъ всего нѣсколько часовъ тому назадъ?

Въ памяти, точно туманная картина на экранѣ, быстро промелькнуло: моя бѣшеная вспышка послѣ того, какъ меня эти старухи заподозрили въ кражѣ. Какъ могъ я цѣлые два года сносить такое униженіе изъ-за куска хлѣба!

И вдругъ, опять таки, какъ въ туманной картинѣ, я увидѣлъ себя бѣгущимъ по улицѣ безъ шапки.

И опять картина оборвалась, и ужъ я вижу склоненныя надъ собой лица Эди, и его матери, и сестеръ.

— Какія они добрыя!

Но и эта картина исчезаетъ съ экрана.

Я слышу свои торопливые шаги по улицѣ, которая круто поднимается вверхъ, и огни керосиновыхъ фонарей взбѣгаютъ все выше и выше и, кажется, поднимаются къ звѣздамъ, и городъ продолжается тамъ, среди этихъ звѣздъ.

Проѣзжаютъ извозчики, люди двигаются, звонятъ церковные колокола: отошла всенощная, и мнѣ, съ одной стороны кажется, что все это движеніе связано ритмически со звономъ колоколовъ, съ другой стороны какъ-то непонятно связано со мной. Вотъ-вотъ на меня наѣдетъ извозчикъ, подойдутъ, о чемъ-то станутъ разспрашивать люди.

Да, да, я боленъ. Надо спѣшить, надо спѣшить, а то не знаю, что можетъ произойти. Да, нѣтъ, я пересилю эту начинающуюся болѣзнь! Только бы не свалиться тамъ, у этихъ ужасныхъ старухъ.

И въ то время, какъ голова моя тяжела до того, что хочется ее положить на что-нибудь, ноги съ невѣроятной легкостью и поспѣшностью несутъ меня впередъ.

И вотъ я уже у эторо маленькаго краснаго домика, который теперь кажется мнѣ напившимся моей кровью клопомъ. Съ странной для самопо себя смѣлостью вхожу я на крыльцо и отворяю дверь.

— Я вамъ говорила, что пожалуетъ назадъ и будетъ просить прощенія, — доносится до меня голосъ дочери.

Она увидала меня первая и стоитъ въ дверяхъ съ гордо поднятой головой, съ гнѣвнымъ величіемъ королевы. Свѣтъ лампы тамъ,

за ея спиною. Она закрываетъ своею фигурой почти всю дверь и рисуется большимъ и отвратительнымъ мнѣ силуэтомъ.

У меня начинаетъ страшно колотиться сердце. Тѣнь отъ ея фигуры покрываетъ большую часть этой маленькой комнаты-передней, гдѣ я провелъ столько тяжелыхъ дней и ночей. Я дѣлаю нервное движеніе, чтобы выйти изъ полосы этой тѣни, и вижу, какъ въ освѣщенной комнатѣ поднимается съ своего кресла старуха. Она говоритъ что-то по-французски. По тону мнѣ ясно, что она спѣшитъ позвать дочь къ себѣ или предупредить о чемъ-то.

Я собираюсь съ силами и, насколько могу спокойно, говорю:

— Я пришелъ за своими вещами.

Тогда старуха подходитъ къ двери, держа въ рукахъ карты: видимо, онѣ раскладывали обычный пасьянсъ, стараясь найти въ картахъ поддержку многолѣтней и все болѣе шаткой надежды на замужество дочери.

— Вотъ какъ, — мрачно и угрожающе отзывается черный силуэтъ.

Но старуха отстраняетъ ее рукою и сама заступаетъ ея мѣсто.

Я вижу, что лицо ея нѣсколько встревожено.

— Ты съ ума сошелъ! — строго обращается ко мнѣ она.

— Нѣтъ, покуда еще нѣтъ, — отвѣчаю я дерзко.

— Да какъ же ты смѣешь такъ разговаривать, — возвышаетъ она голосъ. — Надѣлалъ такого... такихъ гадостей... и еще дерзишь, вмѣсто того, чтобы попросить прощенія!

— Мама! — раздраженно останавливаетъ ее голосъ дочери.

Вмѣсто отвѣта я ищу глазами свои вещи. Надо спѣшить, надо спѣшить, потому что въ головѣ опять поднимается тяжелый шумъ, и ѣдкій зной набѣгаетъ на глаза.

Мать не отвѣчаетъ на окликъ дочери.

— Перестань глупить, — обращается она ко мнѣ тономъ строгаго приказанія, — а то я приму свои мѣры.

— Какія же это мѣры? — вызывающе отвѣчаю я. — Вы меня не можете удержать силой.

— Что! — взвизгиваетъ дочь и бросается къ двери.

Но мать всей своей массивной расплывшейся фигурой закрываетъ дверь и протягиваетъ руку, чтобы удержать ея негодованіе.

Та останавливается, но изъ-за старушечьей спины продолжаетъ прорываться ея срывающійся на визгливыхъ крикахъ голосъ:

— Мальчишка! Хамъ! Надо позвать дворника, полицію, чтобы выпороть его. Вотъ и все.

Но во мнѣ теперь этотъ гнѣвъ ужъ не только не возбужда-

етъ страха и бѣшенства, прорвавшагося утромъ, а наоборотъ, подзадориваетъ еще больше.

Съ непонятнымъ мнѣ самому спокойствіемъ, которое идетъ откуда-то изъ глубины зябнущаго тѣла, я говорю:

— Пусть только посмѣетъ кто-нибудь коснуться! — и нащупываю въ карманѣ свой перочинный ножъ, отлично зная, что дѣло не дойдетъ до него и, вынувши, обнажаю остріе. — Вотъ этимъ самымъ ножемъ тутъ же возьму и зарѣжусь.

Я вижу, какъ старуха испуганно вздрагиваетъ и слегка пятится назадъ. Но тотчасъ же съ раздраженіемъ набрасывается, однако, не на меня, а на дочь:

— Замолчите, говорю я вамъ! — и, обернувшись ко мнѣ, уже скорѣе тономъ увѣщеванія, чѣмъ властнаго приказанія или гнѣва, продолжаетъ:

— Нѣтъ, ты окончательно сошелъ съ ума. Спрячь, говорятъ тебѣ. И вообще... вообще, оставь всякія глупости...

— Нѣтъ, это ужасно! — вопитъ дочь.

Старуха какъ будто не слышитъ этого вопля.

— Я не хочу вредить тебѣ, хотя могла бы нажаловаться и твоему благодѣтелю и начальству гимназіи. Я даже готова... готова простить тебѣ, — все болѣе и болѣе снисходя ко мнѣ, продолжаетъ она.

Но я уже молча собираю свои книги и вещи.

Это, повидимому, окончательно ее обезкураживаетъ:

— Я только ограничусь тѣмъ, что вычту изъ твоихъ денегъ то, что стоитъ разбитая тобою посуда.

— Возьмите хоть всѣ мои деньги за эту посуду, — гордо отвѣчаю я.

Тогда голосъ дочери разражается съ новой силой:

— Что, дождались! Дождались! Изъ-за какихъ-то несчастныхъ грошей, которые платятъ вамъ за этого хама, за этого воришку... Да, да, воришку!... воришку!... — кричитъ она, подбѣгая къ двери и поднимая кулаки. — Вы готовы унижаться передъ нимъ!.. Передъ этимъ хамомъ!.. Передъ этимъ воришкой!.. Да, да, воришкой!.. Воришкой!.. Готовы сами просить у него прощенія. Пусть убирается вонъ! Или я уйду отъ васъ. Пусть онъ беретъ свои вещи и чтобы духу его не было здѣсь!

Тогда старуха также забываетъ свое достоинство и набрасывается на дочь.

— Уйдешь! Уйдешь! Пожалуйста, не пугай, ты никуда не уйдешь. Вы не смѣете распоряжаться здѣсь! — постоянно сбиваясь съ ты на вы и обратно, выкрикиваетъ старуха. — Гроши!.. Да, эти

гроши намъ нужны. Безъ этихъ грошей мы должны жить, какъ послѣдніе мѣщане...

— Ахъ! Ахъ! — истерически взвизгиваетъ дочь и съ плачемъ бросается въ кресло.

Мать на минуту ошеломлена. Карты падаютъ изъ ея рукъ и, какъ живыя, разсыпаются по полу. Съ испуганнымъ возгласомъ: «Мари!» — спѣшитъ она къ ней. Я слышу, какъ булькаетъ вода изъ графина въ стаканъ. Мое вызывающее, почти озорническое настроеніе прошло. Я чувствую себя отмщеннымъ и, воспользовавшись тѣмъ, что онѣ оставили меня, забираю подъ мышку свой несложный скарбъ и собираюсь уходить.

Но едва отворилъ я дверь, какъ вслѣдъ за собой уже слышу гнѣвный голосъ старухи. Разгнѣвана ли она своимъ безсиліемъ, обижена ли за дочь, или въ ней самой проснулась ея дворянская гордость, только, топнувъ ногой, она также напутствуетъ меня короткимъ запоздалымъ выкрикомъ:

— Вонъ!

И швыряетъ что-то мнѣ вслѣдъ. Смотрю, забытая мною моя форменная фуражка.

III.

У покойнаго отца моего была слабость покупать мнѣ самыя безобразныя вещи. Безобразно длинная рыжая шинель съ чужого плеча была куплена въ расчетѣ на ростъ. Пустая отговорка. Я чувствовалъ, что никогда не въ состояніи вырасти настолько, чтобы это огромное сооруженіе оказалось мнѣ впору. Подъ стать шинели купленъ былъ мнѣ и ранецъ, такой невѣроятной величины, что едва помѣщался въ ящикѣ школьной парты. При томъ ранецъ этотъ, несомнѣнно, былъ сдѣланъ изъ кожи самаго безобразнаго рыжаго тюленя. И когда я взваливалъ этотъ ранецъ себѣ на спину, онъ давилъ и угнеталъ меня, какъ уродливый горбъ.

Но сейчасъ я примирился съ этимъ ранцемъ. Въ немъ помѣстились всѣ мои книги и бѣлье. Все остальное заключалось въ узлѣ, въ рукахъ.

Съ этимъ багажемъ я еле дотащился до моихъ покровителей.

Лакей Петръ, встрѣтивъ меня въ такомъ видѣ, ахнулъ, почуявъ недоброе.

Я подтвердилъ въ нѣсколькихъ словахъ его основательную догадку. Онъ былъ озадаченъ, и все его кругленькое тѣльце, съ выпирающимъ подъ засаленной жилеткой брюшкомъ, неодобрительно заколыхалось.

— Да что же это ты!.. Да какъ же это ты!..

Онъ не рѣшился сразу доложить обо мнѣ господамъ и, продолжая ахать и охать, испуганно повелъ меня въ свою коморку.

Его жена испугалась не меньше и чуть не со слезами стала меня упрашивать повиниться передъ господами.

— Вѣдь что же, ты пропадомъ пропадешь безъ нихъ. Вѣдь ты совсѣмъ еще мальчушечка несмысленный. Конечно, ты не виноватъ, а все — поклониться — голова не отвалится.

Но я замѣтилъ, что, чѣмъ болѣе она говорила о покорности господамъ и о томъ, что такая уже у насъ судьба, чтобы терпѣливо сносить всѣ несправедливости и униженія отъ нихъ, тѣмъ болѣе Петръ склонялся на мою сторону и, наконецъ, яростно на нее набросился:

— Бабьи слова! Слушать тошно. И ты не слушай! Молодецъ, молодецъ. Отпѣлъ имъ и ладно. Такъ и надо. Такъ и напередъ дѣйствуй, братъ.

Изъ его маленькихъ круглыхъ глазъ вдругъ полились слезы, онъ обнялъ меня своими короткими руками, прижимая ко мнѣ и, какъ-то восторженно и радостно цѣлуя, всхлипывающимъ шопотомъ приговаривалъ:

— Пусть знаютъ. Пусть знаютъ, что и мы люди . . . Не пропадешь, вижу. Не изъ такихъ . . . Богъ твое сиротство не оставитъ.

Всхлипнула и Маша.

У меня тоже заколыхалось въ груди, но я сдерживался, пока Петръ не заговорилъ, торопливо и возбужденно обращаясь то къ женѣ, то ко мнѣ:

— А ты вотъ что, пока оправишься да станешь на ноги . . . Вѣдь у насъ съ тобой, Маша, дѣтей нѣтъ, кое-что мелочишки про черный день скопили . . . Такъ ты вотъ что, покуда тамъ что и какъ, возьми у насъ.

Онъ похлопывалъ меня по плечу, заглядывалъ въ глаза, и Маша также радостно кивала головой. Тутъ я не выдержалъ, и слезы полились у меня изъ глазъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, какъ я себѣ сказалъ, такъ и будетъ.

— Да вѣдь не чужіе, свои, — обидѣлся Петръ. — Это уже, братъ, не фасонъ такъ, передъ нами-то.

— Нѣтъ, все равно, здѣсь уступлю, послѣ могу не сдержаться. Лучше такъ сразу.

Это уже совсѣмъ сразило Петра. Окончательно взволнованный, онъ отвернулся на минуту, а потомъ повернулъ свою круглую головку къ женѣ, и въ его поблѣднѣвшемъ некрасивомъ лицѣ я увидѣлъ гордость за меня и высокое торжество.

— Пусть будетъ такъ, Маша; пусть будетъ такъ.

Засуетился, сталъ оправлять свой фракъ и дѣловито пошелъ къ барину докладывать. Вернулся красный, взволнованный.

Вѣроятно, уже онъ успѣлъ сообщить тамъ, что привело меня, потому что Аркадій Петровичъ встрѣтилъ меня съ улыбающимся лицомъ.

— Слушай, дорогой мой, какъ же это такъ? Въ чемъ дѣло? тебя обидѣли? Но ты прежде всего долженъ былъ придти ко мнѣ, выяснить... Какъ же это такъ, а? Ты долженъ намъ все разсказать. Я увѣренъ, что все это пустое, и мы уладимъ дѣло.

У меня кружилась голова, ноги слабѣли.

— Ну, садись и разскажи намъ.

Онъ обнялъ меня, усадилъ на диванъ рядомъ съ собой. И это было во-время, такъ какъ иначе я опустился бы прямо на полъ. Тѣмъ не менѣе, я разсказалъ бы ему все, со всѣми подробностями, потому что чувствовалъ благодарность, расположеніе и довѣріе къ этому человѣку. Но тутъ былъ Константинъ. Онъ смотрѣлъ на меня внимательно и даже какъ бы нѣсколько недовѣрчиво. Я увѣренъ, что все это ему представлялось одной комедіей съ моей стороны, и рѣшилъ ничего не разсказывать.

— Я пришелъ только поблагодарить васъ, — сказалъ я, стараясь подняться съ дивана, но онъ ласково положилъ мнѣ руку на плечо.

— Э, полно, стоитъ ли говорить объ этомъ. Нѣтъ, ты разскажи мнѣ, изъ-за чего все это произошло? Вѣдь все равно мы узнаемъ.

Онъ не долюбливалъ старухъ и ожидалъ невыгодныхъ для нихъ забавныхъ разоблаченій, надъ которыми ему пріятно было посмѣяться. Но я упорно отказался разсказывать.

— Это все равно, — отвѣтилъ я. — Я рѣшилъ жить самъ. Такъ лучше.

Аркадій Петровичъ разсмѣялся, поднялся съ дивана, сталъ передо мной, красиво выдѣляясь на матово-свѣтломъ фонѣ своей прекрасной барской фигурой и поглаживая золотистую бороду, замѣтилъ:

— Очень хорошо. Но вѣдь ты совсѣмъ дитя.

— Ничего. Я постараюсь добиться своего.

Тогда онъ повернулся къ Константину и тряхнулъ головой.

— Каковъ молодецъ. А? И все же... — обратился онъ ко мнѣ.

Но Константинъ перебилъ его.

— Успокойся, или этотъ молодецъ надѣлалъ такихъ дѣлъ у бабушки, что другого ему ничего не остается, или обезпечилъ себя новыми благодѣтелями.

Тогда я всталъ и, съ ненавистью глядя ему прямо въ глаза, сказалъ:

— Это неправда. Я ничего дурного не сдѣлалъ. Я потому хочу жить самъ, чтобы мнѣ никто больше не могъ сказать ничего подобнаго.

Я слышалъ, какъ дрожалъ мой голосъ, и боялся, что скажу или сдѣлаю что-нибудь лишнее, и сжалъ кулаки, и плотно стиснулъ зубы, чтобы затаить боль обиды и мучительные крики сердца. Но глазъ своихъ оторвать отъ его глазъ я не могъ и увидѣлъ, какъ онъ покраснѣлъ, отвелъ свои глаза и пробормоталъ:

— А-а, тѣмъ лучше.

— Нѣтъ, это совершенно невозможно! — воскликнулъ его отецъ и уже безъ улыбки, взволнованно подошелъ ко мнѣ. — Послушай, мальчикъ, все это прекрасно. Но это дѣтская затѣя, и я тебѣ положительно говорю, чтобы ты ее оставилъ. Ну, не ужился тамъ, я устрою тебя въ другомъ мѣстѣ. Такъ нельзя, мы взяли на себя обязательство. Жена также будетъ недовольна. Къ сожалѣнію, ея сейчасъ нѣтъ дома, а то она хорошенько пожурила бы тебя и убѣдила оставить эти... эти глупости, — не совсѣмъ рѣшительно докончилъ онъ.

Но, видя, что я упорно молчу, пожалъ плечами и взглянулъ на сына, какъ бы совѣтуясь съ нимъ.

Тотъ искоса слѣдилъ за мною.

— Наконецъ, — продолжалъ мой покровитель, снова обращаясь ко мнѣ, — я могу такъ выдавать тебѣ то, что платилъ имъ, а ты самъ распоряжайся этими деньгами. Я вижу, что на тебя можно положиться.

У меня не было силъ говорить, я только отрицательно закачалъ головой. Но, вѣроятно, это движеніе мое сильнѣе словъ убѣдило его въ безполезности всякихъ уговоровъ.

— Фу, чортъ, — не то съ досадой, не то съ восхищеніемъ вырвалось у него. — Нѣтъ, Константинъ, что ты на это скажешь?

Я боялся, что упаду, и поспѣшилъ протянуть руку къ спинкѣ кресла.

— Прощайте, — выдавилъ я изъ себя. — Я очень, очень васъ благодарю.

Онъ обернулся ко мнѣ и протянулъ обѣ руки и съ какой-то виноватой растерянностью и недоумѣніемъ проговорилъ:

— Ну, если такъ, если это непоколебимо. Ну, дай Богъ тебѣ удачи.

Онъ привлекъ меня къ себѣ и почти нѣжно поцѣловалъ. Вмѣ-

стѣ съ тонкимъ пріятнымъ запахомъ отъ его золотистой бороды и лица до меня донесся, какъ во снѣ, шопотъ его:

— А все-таки разсчитывай на меня.

Оторвавшись отъ него, я не зналъ, слѣдуетъ ли мнѣ проститься съ Константиномъ. Но вдругъ Константинъ поднялся самъ на своихъ тонкихъ длинныхъ ногахъ, рѣшительно подошелъ къ мнѣ и подалъ руку.

— Извините. Я жалѣю о своихъ словахъ, — твердо сказалъ онъ.

Я отвѣтилъ на его искренное и крѣпкое рукопожатіе. Эти слова больше всего дали мнѣ удовлетвореніе, больше даже, чѣмъ ласка его отца: они оживили меня и подняли во мнѣ силы настолько, что я почувствовалъ облегченіе отъ овладѣвавшей мной болѣзни.

Бодро я пошелъ къ Петру. Простился съ нимъ и съ женой и, забравъ свои вещи, вышелъ съ ясной спокойной душой въ переднюю. Тутъ лицомъ къ лицу я столкнулся съ старухой, которая, очевидно, хотѣла предупредить меня своей жалобой.

— Ага, ты уже успѣлъ, — прошипѣла она.

Но я спокойно прошелъ мимо нея.

IV.

Ночь какъ-то особенно молчаливо и значительно принимаетъ меня съ моимъ узломъ и ранцемъ. Что случилось? Она совсѣмъ не та, что была какой-нибудь часъ тому назадъ. И городъ, и фонари, и люди, все не то. Все это вмѣстѣ съ ночью какъ-то непонятно, неестественно ожило, несмотря на то, что движенія на улицахъ еще меньше, чѣмъ было раньше. Дома какъ будто дышатъ, и я даже вижу ясно дыханіе ихъ каменныхъ грудей. Фонари мигаютъ живыми зрачками и по временамъ какъ будто качаются, поднимаются и опускаются на моихъ глазахъ. И вотъ идетъ дождь.

Мнѣ хочется подставить подъ эти прохладныя брызги разгорѣвшееся лицо и глаза, и особенно открыть ротъ, чтобы онѣ падали туда на воспаленныя губы и сохнущій языкъ. Какъ я хочу пить! Боже, какъ я хочу пить!

Эту палящую жажду я чувствовалъ еще тамъ. Гдѣ?

На минуту я забываю о томъ, гдѣ я только что былъ, и это меня пугаетъ. Только на минуту, потому что тотчасъ же съ поразительной ясностью представляю себѣ не только людей, но и стѣны, и всѣ мелочи обстановки, и особенно ясно вижу этотъ портретъ, съ красивой женщиной въ бѣломъ, похожей на лебедя. И вотъ, какъ будто это дѣйствительно лебедь, и онъ плыветъ ко мнѣ и подни-

маетъ бѣлыя крылья, и охватываетъ меня ими, бѣлыми крыльями, холодными, какъ снѣгъ. И тѣло мое слабѣетъ, леденѣетъ и трепещетъ отъ слабости, холода и страха, мелкой, томительной дрожью.

Мнѣ хочется положить здѣсь, на мокромъ тротуарѣ узелъ и лечь на него, но я знаю, что этого нельзя. Еще разъ я стараюсь собрать силы гдѣ-то внутри себя, чтобы заставить ноги быстрѣе двигаться впередъ. Но силы ускользаютъ оттого, что я хочу пить. Если бы я могъ напиться! Собрать сразу весь этотъ прохладный осеннiй дождь и выпить его! Я поднимаю голову, разѣваю ротъ, высовываю языкъ, стараюсь вдохнуть въ себя эту влагу. То, что попадаетъ мнѣ, только еще больше распаляетъ жажду.

Я слышу, какъ впереди меня вода звенитъ по жестяной трубѣ. Вотъ радость! При слабомъ мерцанiи фонаря, затушеваннаго дождевою сѣткой, я вижу, какъ вода струей бѣжитъ на тротуаръ изъ водостока, и наклоняюсь къ ней, и вода хлещетъ мнѣ въ ротъ и бѣжитъ по щекѣ, на шею и дальше, и уже ползетъ по тѣлу ледяной змѣйкой.

Я вскрикиваю и бѣгу впередъ.

И навстрѣчу мнѣ бѣгутъ фонари, дома, и земля ускользаетъ изъ-подъ ногъ, какъ будто для того, чтобы помочь мнѣ поскорѣе добѣжать до цѣли.

Кажется, вотъ-вотъ я буду дома, но тутъ меня хватаетъ кто-то. Я вижу усатое лицо, мѣдную бляху, свѣтлыя пуговицы.

Ночью городовой меня принялъ за воришку. Я едва успѣваю сказать ему, кто я и куда иду. И больше уже ничего не помню.

Не помню, какъ я очутился дома, слышу только: знакомый тягучiй женскiй голосъ жалобно говоритъ:

— Ишь, какъ разгасился!

— Въ больницу надо, въ больницу, — доносился до меня, какъ будто издали другой голосъ, похожiй на скрипъ. Потомъ слышу запахъ вина, и мнѣ кажется, что это я опьянѣлъ и не могу двинуться Слабо открываю глаза...

Вижу курносое лицо, похожее на лицо Сократа, и опять слышу:

— Никакой больницы. И сами выходимъ.

Какъ все это удивительно и таинственно.

Гдѣ-то во мнѣ что-то произошло. Что-то выпало или порвалось, и обычная видимая жизнь исчезла.

Но вмѣсто нея началась новая жизнь. И открыты, или закрыты мои глаза, это все равно. Это новая жизнь идетъ неустанно и непрерывно, и нѣтъ для нея никакихъ преградъ, никакихъ измѣренiй.

То, что называется дѣйствительностью, куда-то пропало, хотя мое тѣло осталось то же, и тѣ пять моихъ чувствъ служатъ щупальцами моего существованія, можетъ быть, болѣе тонкими и чувствительными, чѣмъ тогда, когда я былъ здоровъ и находился въ сознаніи.

Объ этомъ я лишь догадываюсь въ короткія минуты просвѣтлѣнія, когда вижу бѣдныя стѣны, герань на окнахъ, тикающіе часы на стѣнѣ и людей, такихъ же бѣдныхъ и жалкихъ, какъ все, что меня окружаетъ.

Но гдѣ-то въ крови, или мозгу еще бродитъ и пламенѣетъ смутное воспоминаніе объ иной жизни, болѣе богатой, полной несвязныхъ, то пугающихъ, то радующихъ образовъ, красокъ, звуковъ, лучей, переходящихъ одно въ другое и нерѣдко сливающихся въ невѣдомую стихію жизни, проносящуюся надъ бездонной пропастью.

Я слышу ароматы, болѣе тонкіе и волнующіе, чѣмъ всегда, и кажется, что осязаю звуки сказочныхъ голосовъ, вдыхаю лучи, разсыпающіеся миріадами играющихъ радугами и танцующихъ искръ.

И все-таки, отрываясь отъ этой загадочной, невѣдомой жизни, я страшно радъ этимъ бѣднымъ сѣренькимъ буднямъ. Не потому ли, что хотя они и лишены такой фантастичной измѣнчивой игры, зато и нѣтъ въ нихъ тѣхъ уродливыхъ необъятныхъ ужасовъ, которые непонятнымъ волшебствомъ также возникаютъ Богъ вѣсть откуда. Во всякомъ случаѣ, если дѣйствительность и заключаетъ какіе-то намеки на нихъ, эти намеки только безъ сознанія расцвѣтаютъ то невиданными, смѣющимися цвѣтами, то чудовищными пугалами, которыя грозятъ испепелить, раздавить, поглотить...

Я всѣмъ существомъ своимъ тянусь ухватиться за эти, сначала такіе блѣдные и мгновенные просвѣты, хочу связать покрѣпче какія-то нити, чтобы вернуться къ настоящей жизни, но сначала онѣ обрываются, развязываются, и моя душа снова мятется въ безумной игрѣ. Я даже не успѣваю сказать мелькающимъ передо мною людямъ ничего такого, что бы свидѣтельствовало о моемъ возвращеніи. Но усиліе, которое я употребляю при этомъ, очевидно, не пропадаетъ, и безъ меня, безъ моей воли продолжаютъ они упорно борьбу и побѣждаютъ.

Слабый осенній солнечный лучъ протянулся черезъ комнату, и зеленые листики на окнѣ свѣтятся въ его дрожащей полосѣ. Боже, какъ мнѣ дороги этотъ лучъ, и эти листики, и тиканье часовъ, и стукъ молотка, который доносится изъ мастерской, и сдержанная пѣсня, которую поютъ мастеровые:

Среди лѣсовъ дремучихъ разбойнички идутъ
И на рукахъ могучихъ товарища несутъ.
Носилки не простыя, изъ ружьевъ сложены
И поперекъ стальные мечи положены.

Высокій пріятный теноръ срывается долгимъ кашлемъ и старается подавить его, чтобы продолжать пѣніе.

Я узнаю этотъ голосъ. Это поетъ чахоточный сапожникъ Константинъ. Я давно его знаю и люблю его. Робкій человѣкъ съ дѣтской душой. У него былъ теноръ такой необыкновенной красоты, что случайно слышавшіе его понимающіе люди уговаривали Константина учиться, даже предлагали ему на это средства, но онъ пугливо отмахивался:

— Гдѣ ужъ намъ! Куда ужъ намъ!

Однако эти похвалы съ толку его сбили: онъ началъ выпивать сначала для храбрости, но выпивка вмѣсто храбрости приносила ему только слезы. Онъ билъ себя въ грудь, плакалъ и пѣлъ простыя печальныя пѣсни и, слушая его, тоже нельзя было не плакать.

Особенно любила его пѣсни хозяйка и, кажется, не только пѣсни.

Худой, черный, похожій на цыгана, съ рябымъ некрасивымъ лицомъ, онъ какъ будто постоянно горѣлъ, напоминая ту «*Лучинушку*», которую пѣлъ съ такимъ надрывомъ и рыдающей тоской.

Я слушаю его кашель, и мнѣ сейчасъ очень его жаль.

Кто-то тихо подходитъ ко мнѣ. Я слегка поворачиваю голову и вижу внимательные глаза хозяйки. Мнѣ хочется сказать: «Вотъ и я». Точно я только что пришелъ сюда.

Вмѣсто этого я лишь слабо шевелю губами и улыбаюсь.

Она всплескиваетъ руками и радостно восклицаетъ:

— Господи, да никакъ очнулся.

Но тутъ же, испугавшись своего громкаго крика, вопросительно наклоняется ко мнѣ:

— Паша, очнулся, что ли?

— Да,—отвѣчаю я и слабымъ голосомъ, и глазами, и улыбкой.

Но это усиліе уже утомляетъ меня настолько, что вѣки тяжело и сонно опускаются на глаза.

Но и въ легкомъ полузабытьи я слышу, какъ она бѣжитъ куда-то и радостно зоветъ:

— Иванъ Парфенычъ! Слышь ты, а вѣдь Паша-то очнулся.

Обрывается пѣсня, но я уже засыпаю. Когда снова открываю глаза, вспоминаю, какъ очнулся, и мнѣ кажется, что я спалъ довольно долго. Но вижу около себя мужа и жену.

Онъ въ фартукѣ, испачканномъ варомъ, съ ремешкомъ на лбу, больше, очевидно, надѣтомъ по привычкѣ, такъ какъ волосъ мало на его плѣшивой головѣ.

— Чего ты выдумала! — недовольно говоритъ онъ.

— Да нѣтъ, говорю тебѣ, очнулся, — шепчетъ она возбужденно. — Онъ только, видно, заснулъ.

Но я открываю глаза и опять улыбаюсь и имъ и жизни, которая пришла ко мнѣ вмѣстѣ съ этимъ попрежнему сіяющимъ лучомъ.

— А вѣдь и вправду никакъ очнулся. Паша. А? — тревожно спрашиваетъ меня курносый человѣкъ.

И опять я отвѣчаю утвердительно. И вижу, какъ онъ крестится и говоритъ:

— Ну, слава тебѣ, Господи. Значитъ, теперь дѣло на ладъ пойдетъ. Докторъ такъ и сказалъ: «Ежели, говоритъ, очнется, все будетъ хорошо.

Да, да, я помню золотые очки, бородатое лицо, коверканныя на нѣмецкій ладъ слова... Значитъ, это было не въ бреду. Значитъ, это и былъ докторъ.

Мнѣ хочется разспросить, долго ли я былъ боленъ и что со мною было, и кто еще былъ у меня, такъ какъ мнѣ начинали слабо вспоминаться еще чьи-то черты, знакомыя, милыя...

Но я какъ будто отвыкъ говорить. Не знаю, какъ спросить, съ чего начать; а можетъ быть, это слабость моя не позволяетъ мнѣ пошевелить губами. Да и почему-то боюсь я, что это было не наяву и что, какъ только я въ этомъ увѣрюсь, опять впаду въ прежнее состояніе.

Но сапожникъ самъ не выдержалъ и съ радости началъ было разбалтываться.

— Ну, братъ, и обремизилъ ты насъ. Почитай, двѣ недѣли вотъ такъ-то проманежилъ. Да и насъ ли однихъ! Тутъ, братъ, о тебѣ такія фигуры справлялись, что мы не знали, какъ ихъ и принимать. На своихъ лошадяхъ которые пріѣзжали. Хотѣли было тебя къ себѣ забрать, да докторъ отстоялъ: нельзя, говоритъ, тревожить. Товарищи тоже. Одинъ такой смѣшной...

Но тутъ жена его прервала:

— Ну, ужъ ты пошелъ. Заговорить готовъ человѣка. Вотъ выздоровѣютъ они, тогда и поговорить можно.

Она лукаво мнѣ подмигнула.

— А теперь, — перешла она въ заботливый тонъ, — покушать вамъ надо. Бульончику куринаго или молочка.

Меня тронула эта заботливость и нѣсколько удивила.

Еще молоко — туда-сюда, а куриный бульонъ?..

Но разбираться въ этомъ я не могъ. Правда, я почувствовалъ что-то въ родѣ желанія проглотить что нибудь; скорѣе выпить, чѣмъ съѣсть.

— Испить бы.

— Такъ бульончику! Бульончикъ будетъ пользительнѣй.

Она съ такимъ аппетитомъ произносила это слово, что мнѣ показалось, что это должно быть особенно вкусно.

— Такъ я сейчасъ разогрѣю, тепленькаго, — она, уходя, выпроваживала и мужа. — Тебѣ здѣсь нечего. Покой надо дать.

Когда они ушли, меня охватила сладостная усталость, но сквозь нее, какъ первый цвѣтокъ изъ-подъ тлѣна старыхъ листьевъ и травы, пробивалось слабое и нѣжное ощущеніе освобождающагося сознанія. Но и это ощущеніе и первыя чувства и мысли были неопредѣленны и смутны, какъ бы подернуты весеннимъ паромъ.

Она вернулась съ тарелкой въ рукахъ: запахло мяснымъ, и сначала это показалось непріятнымъ. Пожалуй, лучше бы молока.

Но она уже придвинула къ моей кровати ногой стулъ и сѣла возлѣ.

Я зашевелился, желая подняться; она меня остановила:

— Нѣтъ, нѣтъ, ты лежи смирненько. Я ужъ сама.

И она ловко приблизила тарелку къ самому моему подбородку и стала кормить меня съ серебряной ложки.

И эта тарелка, и эта серебряная ложка также шевельнули уже смутно промелькнувшую ранѣе мысль.

— Вкусненько? — спросила она, вливая мнѣ первую ложку въ ротъ.

Я машинально проглотилъ бульонъ, не ощущая вкуса его, а только пріятную теплоту.

— Это вамъ господа англичане присылаютъ. Каждый день, каждый день обязательно. Ужъ такъ-то пекутся!

Я не сразу вспомнилъ.

— Какіе англичане?

— Да пріятели ваши. А только вы ужъ не разговаривайте, кушайте.

Я покорно глоталъ бульонъ, и сознаніе мое изъ слабо тлѣющаго начинало свѣтиться. Точно это была лампадка, въ которую прибавляли масла.

«Такъ, — подумалъ я съ огорченіемъ, — значитъ опять таки чужая помощь. Плохое начало для моей новой жизни. Но я же не виноватъ въ этомъ: я же не зналъ».

— Вотъ что, — сказалъ я, переставая ѣсть, — больше пищи для меня у нихъ не принимайте, я буду ѣсть то, что вы ѣдите, а вотъ это, — указалъ я глазами на ложку и тарелку, — отдайте обратно.

Эта рѣчь меня утомила, я закрылъ глаза.

— Ишь, какой вы гордый! — со смѣшкомъ произнесла она. —

Люди это все такіе замѣчательные и видно, что отъ сердца все. А мы что ѣдимъ? Мы вкуснаго ничего не ѣдимъ, и вамъ, больному, будетъ нехорошо это.

Но я уже не могъ отвѣчать и не хотѣлось открывать глаза. Однако, она, видимо, замѣтила слабое движеніе недовольства на моемъ лицѣ, торопливо и виновато заговорила:

— Хорошо, хорошо. Вотъ они сами пріѣдутъ, тогда и поговорите.

Послѣднія слова донеслись ко мнѣ какъ будто откуда-то издали. Я почувствовалъ, что засыпаю.

Былъ докторъ, сдѣлалъ свои распоряженія и сказалъ, чтобы дня три-четыре ко мнѣ никого не пускали и не безпокоили меня разговорами.

Было ясно, что я выздоравливаю: я спалъ, ѣлъ, засыпалъ, просыпался, и ни наяву, ни во снѣ меня не покидало это радостное сознаніе. По моему настоянію мнѣ уже давали ѣсть въ простой глиняной тарелкѣ и ложка была деревянная. Но самая ѣда заставляла меня подозрѣвать, что заботы обо мнѣ со стороны продолжаются.

Раза два я даже слышалъ, что приходили навѣстить меня, и очень хотѣлось мнѣ повидать постороннихъ людей и узнать отъ нихъ что-то. Я самъ не зналъ что, но мнѣ представлялось что-то важное для моей жизни.

Хозяева мои вели себя со мной до смѣшного осторожно: они буквально исполняли приказанія доктора и не только избѣгали говорить со мной, но и сообщать, кто меня посѣщалъ и что посѣщавшіе говорили.

Даже въ мастерской разговаривали шопотомъ и старались сдерживать неизбѣжный шумъ трудовой жизни. Только одна старуха относилась ко всему этому съ презрѣніемъ. Правда, она уже не такъ боялась за то, что меня придется имъ кормить даромъ, но нрава своего сдержать не хотѣла и докторское предписаніе казалось ей чепухой.

— Что онъ Богъ, что ли, докторъ-то! Да и этотъ птица не велика. Суждено помереть, такъ шуми, не шуми, все равно, помретъ.

Меня и самого безпокоило, что они должны такъ стѣсняться изъ-за меня. Я пробовалъ протестовать, но изъ-за этого выходили еще большія непріятности у хозяйки со старухой, и я слышалъ, какъ грызлись и шипѣли онѣ иногда по сосѣдству.

— Вы что же, маменька, опять половину бульона его слопали!

— Стану я такую дрянь потреблять!

— А куда же бульонъ подѣвался?

— Куда подѣвался! Упрѣлъ.

— Въ животъ вамъ, вѣрно, упрѣлъ. Видно черносливъ, что я ономнясь купила, тоже упрѣлъ. Какъ въ домѣ что сладкое, такъ около хоть бутошника ставь отъ васъ.

— Очень мнѣ надо вашего черносливу. Давитесь имъ сами.

Но это меня ничуть не раздражало, а напротивъ, заставляло улыбаться. Всякое проявленіе жизни становилось мнѣ интересно и дорого, и даже эта злобная старуха не вызывала во мнѣ прежней непріязни. Что же касается молодой, я даже чувствовалъ себя виноватымъ передъ нею за то, что дурно думалъ о ней раньше и вѣрилъ нехорошимъ о ней слухамъ.

Все меня трогало и умиляло. Стѣсняло и мучило только, что ей приходилось исполнять всѣ самыя непріятныя обязанности по уходу за больнымъ. Она попрежнему въ обращеніи со мной употребляла то вы, то ты. И когда говорила вы, я стѣснялся больше, замѣчая при этомъ съ ея стороны нѣкоторое жеманство.

Чтобы не безпокоить меня понапрасну, мужъ ея только иногда съ любопытствомъ заглядывалъ ко мнѣ изъ-за дверей, но едва я окликалъ его, онъ съ комической торопливостью отмахивался отъ меня руками и скрывался.

Меня это смѣшило, и я былъ радъ своему смѣху и благодаренъ этимъ людямъ. Даже мысль о приключившейся со мной бѣдѣ безпокоила меня только съ одной стороны: что уже началось ученье и надо будетъ догонять товарищей, а обѣщанные мнѣ уроки, можетъ быть, отданы другому, и я у этихъ людей за цѣлый мѣсяцъ въ долгу.

А все же хорошо, что болѣзнь мою провелъ я здѣсь, а не у тѣхъ старухъ. Даже въ домѣ Эди я не чувствовалъ бы себя лучше, чѣмъ тутъ, и не потому, что эти люди были ближе мнѣ, а потому, что у меня было сознаніе, что съ ними мнѣ легче расквитаться.

V.

Въ воскресенье былъ какъ разъ пятый день послѣ того, какъ я очнулся. Если бы я даже не зналъ, что воскресенье, не трудно было бы догадаться: въ мастерской не работали, и въ домѣ чувствовалась тишина и чистота. Наканунѣ вечеромъ долго пахло сырыми полами и деревяннымъ масломъ изъ зажженой лампадки съ подвѣшеннымъ къ ней сахарнымъ яичкомъ.

Сентябрьскій солнечный день былъ ясенъ и, судя по блеску небесной синевы сквозь маленькое, хорошо протертое оконце, прохладенъ и веселъ.

Доносился церковный звонъ, праздничный звонъ, который также шелъ къ этому дню. Я чувствовалъ бодрость и нѣкоторый приливъ силъ, и въ первый разъ мнѣ захотѣлось встать на ноги, подойти къ окну, раскрыть его и дышать этимъ солнечнымъ прохладнымъ воздухомъ, пахнущимъ рѣкой и арбузами; даже совсѣмъ выйти наружу.

Особенно захотѣлось этого, когда съ Волги какъ-то внезапно рванулся въ тишину двуголосый ревъ парохода, сразу покрывшій колокольный звонъ и спугнувшій голубей съ сосѣдней крыши. Голуби поднялись и бѣлыми хлопьями замелькали въ синевѣ.

Хорошо бы теперь сидѣть на берегу Волги, на бревнахъ плотовъ, выкаченныхъ съ воды и еще отдающихъ смолистымъ деревомъ, напоминающемъ объ осеннемъ лѣсѣ и грибахъ.

Я такъ ясно представлялъ себѣ этотъ запахъ, что даже закашлялся.

Маленькая ушастая мордочка, съ выстриженной лѣстницами головой, очутилась у моей постели.

— Вамъ надо, что ль, чего? — раздался пискливый голосъ. — Хозяевъ-то нѣтъ. Къ обѣднѣ пошли. И всѣ кто куда. А я нынче дневальный.

— Хорошо, такъ дай мнѣ умыться.

Онъ принесъ глиняную чашку и большую жестяную кружку, полную водой. Поливая мнѣ воду въ пригоршни, разсказывалъ, фыркая отъ смѣха:

— Вотъ потѣха-то сейчасъ была! Во дворѣ колугуры-голубятники подрались. Только что пришли изъ своей моленной-киновеи и вцѣпились другъ другу въ бороды. Другіе мужики изъ-за бабъ дерутся, а они все изъ-за голубей своихъ. Одинъ говоритъ: «Это ты моего наплекова подшибъ», а другой говоритъ: «Нѣтъ, это ты моему камышу ногу сломалъ».

Тутъ мальчишка такъ фыркнулъ отъ смѣха, что даже пролилъ воду.

— А того не знаютъ, что это я ихъ голубей камнями исподтишка подшибъ, — подмигивая мнѣ, похвастался онъ, съ наслажденіемъ растирая грязной босой ногой пролитую на полъ воду.

— Зачѣмъ же это ты сдѣлалъ?

— А чего же они не по-нашему молятся!

На окно набѣжала тѣнь отъ проходившихъ мимо. Мальчишка испуганно метнулся вонъ.

— Хозяева идутъ, а еще у меня самоваръ не скипѣлъ.

Первой пришла старуха. Я сейчасъ услышалъ ея непріятный бранчливый рѣзкій голосъ:

— Что же это, пащенокъ этакій, у тебя еще самоваръ не готовъ?

Вѣрно она сопровождала эти слова соотвѣтствующимъ дѣйствіемъ, потому что мальчишка взвизгнулъ.

Но опять затворилась и захлопнулась дверь, и раздался голосъ хозяйки, тягучій и мягкій.

— Вы хоть, маменька, по праздникамъ-то рукамъ воли не давайте.

— А поди ты къ шутовой матери!

— Ну, только грѣхъ связываться съ вами; если бъ не отъ обѣдни, я бы показала вамъ за такія выраженія.

Она вошла прямо ко мнѣ въ черномъ бурнусѣ со стеклярусомъ и въ пестрой съ желтыми цвѣтами шали, которая очень молодила ее посвѣжѣвшее на воздухѣ довольно красивое, пухлое съ черными бровями лицо. Въ рукѣ у нея въ бѣломъ платочкѣ была завязана просфора.

— А вы ужъ проснулись и умылись... Съ праздничкомъ васъ поздравляю.

За ней шелъ мужъ съ новымъ картузомъ въ рукѣ, которымъ дѣлалъ мнѣ привѣтливыя движенія, улыбаясь лоснившимся праздничной благодатью курносымъ лицомъ. Рабочій фартукъ куда больше шелъ къ нему, нежели этотъ плисовый жилетъ со стеклянными пуговицами и пиджакъ съ отстающимъ воротникомъ, въ которомъ онъ казался еще болѣе растеряннымъ, чѣмъ всегда.

Она искоса посмотрѣлась въ зеркальце и жеманно повела головой.

— Вотъ вамъ просвирочка. За ваше здоровье частицу вынула, — чинно произнесла она, подавая просфору съ написаннымъ на ней чернилами моимъ именемъ.

— Откушаете часть, вамъ и еще лучше будетъ.

— Вотъ если бы ему рюмочку горькой, — ласково сощуривая глаза, добавилъ мужъ, — сразу бы на ноги всталъ.

— Ужъ скажешь. Съ этимъ подождать нужно...

— Я никогда не стану пить водку.

— И вѣрно, — серьезно одобрилъ меня хозяинъ. — Это нашему брату, простому человѣку, безъ водки никакъ нельзя, а кто въ господа выходитъ, тому водка ни къ чему.

Трудно было понять, искренно или въ насмѣшку говорилъ онъ эти слова, такая ужъ у него манера была говорить. Но вспомнился мнѣ мой отецъ и все зло отъ водки. Я сказалъ:

— А по-моему, простому-то человѣку и не нужно пить. Во-

первыхъ, простому человѣку тяжелымъ трудомъ деньги достаются, а во-вторыхъ...

Но я постѣснялся кончить свои резонерскія разсужденія о томъ, что водка дѣлаетъ простого человѣка звѣремъ.

— Что деньги. Деньги дѣло нажитое, — весело вмѣшалась она, снимая бурнусъ.

— А главное дѣло, водка духъ поднимаетъ, — убѣжденно подхватилъ мужъ.

— Мы что, мы люди маленькіе: головы поднять не смѣемъ, слова не умѣемъ сказать, рабы, такъ рабы и есть. А выпьемъ, самъ себѣ господинъ. Вотъ, скажемъ, я — сапожникъ, дѣло мое сурьезное, безъ моего дѣла никакъ человѣку обойтиться нельзя. Потому, ежели ты настоящій человѣкъ, такъ обязательно долженъ въ сапогахъ ходить. А какое мнѣ отъ людей за это уваженіе? — никакого. И никто меня не боится. Меня вонъ Митька, паршивецъ, и тотъ не боится. Когда я тверезый, передъ бутошникомъ я, какъ сукинъ сынъ, хвостъ поджимаю. А что такое бутошникъ? Чего онъ имѣетъ? Самое что ни на есть безполезное естество. А когда я выпью — тогда мнѣ хоть и самъ околоточный, все одно.

Жена его такъ и залилась смѣхомъ.

Проворно накрывая на столъ и весело позванивая чашками, она подтвердила:

— Это вѣрно, онъ ужъ какъ есть такой. Зато и безъ зубовъ остался. Зато ему бутошникъ половину зубовъ-то и выставилъ.

— А что мнѣ зубы! Я не собака, мнѣ кусаться не надо. У меня душа, какъ клейстеръ, мягкая.

— Это вѣрно, — подтвердила она, опять таки смѣясь. — Какъ за обѣдней нынче священникъ свое слово повелъ, у него сразу глаза вспотѣли.

— Да вѣдь какое слово-то. Глаголь, а не слово: «Супостатъ, говоритъ, окаянный» и тому подобное... Я люблю такія слова.

Онъ снялъ свой пиджакъ, подулъ на него и бережно повѣсилъ на гвоздь. Движенія его какъ-то были забавно-солидны, почти торжественны. Видно, что онъ еще находился подъ вліяніемъ глаголовъ. Она же, наоборотъ, двигалась проворно и вертляво, и пестрая шаль ея такъ и мелькала передъ глазами.

Мальчишка, пыжаясь изо всѣхъ силъ, притащилъ ярко вычищенный натертымъ кирпичемъ самоваръ. Паръ валилъ изъ самовара прямо въ вытаращенные отъ натуги глаза его, а когда онъ поднялъ самоваръ, чтобы поставить его на столъ, капли кипятку брызнули ему на голыя ноги, и онъ, смѣшно подпрыгнувъ, побѣжалъ назадъ.

Она заварила чай изъ жестянки, съ намалеванными на ней китайцами подъ зонтиками, и поставила чайникъ на канфорку.

Толстыми руками съ шишковатыми пальцами сапожникъ сталъ нарѣзать мягкій пахучій калачъ, особенно ловко выгибая руку, точно онъ выкраивалъ дорогой товаръ.

На запахъ хлѣба пришла уже знакомая мнѣ кошка и, поцарапавъ половикъ, стала вытягиваться и томно поворачивать головой, щурясь навстрѣчу солнечному свѣту, который вдругъ упалъ въ окно и напомнилъ мнѣ первое пробужденіе моего сознанія во время болѣзни.

Только-что я отломилъ кусочекъ просфоры и положилъ его въ ротъ, какъ мальчишка вбѣжалъ съ испуганнымъ лицомъ:

— Тамъ какой-то господинъ.

— Давалецъ? — спросилъ, оставивъ хлѣбъ, хозяинъ.

— Нѣтъ, про него спрашиваютъ, — ткнулъ онъ въ мою сторону пальцемъ.

Хозяинъ, вытянувъ плѣшивую голову, заглянулъ въ мастерскую.

— Кокарда, — испуганно бросилъ онъ женѣ и быстро схватился за пиджакъ.

Она поправила шаль.

— Ну, что жъ, нынче можно, — и, взволновавшись, пошла навстрѣчу.

Я очень обрадовался появленію гостя, кто бы онъ ни былъ, и поспѣшно проглотилъ кусочекъ просфоры.

— Пожалуйте, пожалуйте, — какъ бы подпѣвала хозяйка глуховатому голосу, который доносился изъ мастерской.

Сапожникъ не успѣлъ еще одѣть пиджака, какъ вошелъ нашъ классный наставникъ Степанъ Петровичъ Колобовъ. Онъ же и учитель математики. Умный, злой и острый человѣкъ, о которомъ ходили слухи, какъ о картежномъ игрокѣ и пьяницѣ. Послѣднее не могло укрыться и отъ насъ учениковъ: отъ него нерѣдко пахло водкой, пивомъ и виномъ. Иногда онъ приходилъ въ классъ съ возбужденнымъ краснымъ лицомъ и безпорядочно разбросанной большой бородой. Будь въ такомъ видѣ кто-нибудь другой изъ учителей, ученики не преминули бы посмѣяться, поиздѣваться и выкинуть какую-нибудь обидную штуку, но Степана Петровича чтили и боялись, тѣмъ болѣе, что именно въ это время его маленькіе, воспаленные отъ безсонницы и выпивки глаза были особенно пронзительно зорки и насмѣшливы, и остроты какъ-то сами собой у него срывались съ языка.

Уже лѣвая рука моего хозяина была въ рукавѣ пиджака, когда Колобовъ протянулъ ему свою руку. Тотъ растерялся и вмѣсто того,

чтобы поздороваться, спѣшилъ и никакъ не могъ попасть въ другой рукавъ.

Жена, неодобрительно блеснувъ глазами въ сторону мужа, помогла ему продѣлать эту операцію и, передернувъ шаль, съ улыбкой выгибаясь, обратилась къ посѣтителю, указывая на мѣсто около стола:

— Прошу покорно садиться.

Но Колобовъ уже самъ взялъ стулъ отъ стѣны и, подставляя его къ моей постели на сундукѣ, поздоровался со мной дружескими кивками своей крупной головы.

— Ты что же это, Гарьковъ, сдрейфилъ? Учиться надо, а ты болѣть вздумалъ.

Мнѣ пріятно было, что онъ говорилъ мнѣ: ты. Я зналъ, что онъ говоритъ ты только тѣмъ, къ кому расположенъ. И это расположеніе вызывалось вовсе не успѣхами у него. Нерѣдко лучшимъ ученикамъ онъ говорилъ вы, но въ этомъ обращеніи нельзя было не чувствовать что-то холодное, безучастное, а иногда и насмѣшливое.

Хозяйка сдѣлала шагъ впередъ и, играя глазами, поспѣшила заявить:

— Теперь ужъ они скоро выздоровѣютъ. Часъ-отъ-часу они сильнѣютъ.

Колобовъ внимательно посмотрѣлъ на нее:

— А вы какъ ему приходитесь? Родные?

Иванъ Парфенычъ хотѣлъ двинуться къ нему, но изъ деликатности не сдѣлалъ шага, а только, наклонившись, весь вытянулся впередъ:

— Нѣтъ, мы въ родѣ какъ бы опекуны. Съ его отцомъ-то мы шабры. Пріятели были.

Хотѣлъ прибавить, что выпивали вмѣстѣ, но во-время остановился.

Жена съ испуганнымъ напряженіемъ слѣдила за нимъ и, когда онъ замолчалъ, выступила впередъ, заслоняя мужа.

— Они какъ задумали на свои ноги стать, вспомнили о насъ, а до тѣхъ поръ въ благородномъ домѣ жили, у родственниковъ производителя дворянства, — значительно закончила она.

Я увидѣлъ запутавщуюся въ большихъ усахъ улыбку Колобова и не могъ не улыбнуться самъ.

Она опять было хотѣла заговорить, но Колобовъ остановилъ ее:

— Такъ, такъ. Я знаю, знаю. Да отчего же вы не садитесь. Вѣдь вы чай собрались пить.

Изъ-за жениной спины послышался голосъ Иванъ Парфеныча:

— И повременить можемъ.

— Нѣтъ, ужъ вы, пожалуйста, садитесь. Я не хочу васъ стѣснять.

Хозяйка, пошевеливая плечами, подошла къ столу и предложила:

— Такъ ужъ не угодно ли и вамъ откушать стаканчикъ.

— Благодарю васъ. Да вы самое лучшее не обращайте на меня вниманіе и пейте, а я вотъ побесѣдую съ нимъ.

Она сняла начинавшій закипать чайникъ, изъ котораго пахло уже слегка перепрѣвшимъ чаемъ, неестественно присѣла на стулъ и глазами позвала къ столу мужа.

Тотъ съ комической важностью ободрилъ меня взглядомъ своихъ растерянныхъ глазъ и, какъ-то бокомъ приблизившись къ столу, сѣлъ на стулъ, плотно сомкнувъ ноги. Они сидѣли напряженно и неподвижно, все не рѣшаясь приступить къ чаю.

— Вотъ какое дѣло, Гарьковъ. Все это хорошо, только теперь вышелъ такой циркуляръ, чтобы ученики, которые живутъ не у родителей и не у родственниковъ, жили только въ квартирахъ, рекомендованныхъ начальствомъ. Новое изобрѣтеніе, — сощуривая глаза и иронически улыбаясь, добавилъ онъ какъ бы про себя. — Неусыпное попеченіе и заботы объ ученикахъ. Ну, да это можно уладить. А вотъ . . . — онъ нѣсколько затруднился. — Какъ тебѣ здѣсь?

— Да ужъ мы за нимъ, какъ за роднымъ.

— Не изъ корысти, — добавилъ мужъ.

— Я не въ томъ смыслѣ. А вотъ, какъ заниматься ему.

Я поспѣшилъ сказать, что заниматься мнѣ будетъ отлично.

— Ну, а касательно уроковъ, репетиторства, очень ты рано это затѣялъ, — но замѣтивъ мое движеніе, Колобовъ положилъ мнѣ руку на плечо. — Ладно, ладно, тамъ увидимъ. Тебѣ книги нужны будутъ новыя. Можно будетъ устроить . . . казенныя. Только поправляйся скорѣе да догоняй товарищей. Это будетъ не трудно. Вотъ, пожалуй, по моимъ предметамъ . . . Ну да забѣжишь ко мнѣ домой, я тебѣ тамъ покажу.

Меня тронули заботы и вниманіе этого человѣка, котораго мы считали суровымъ и неприступнымъ. Слезы стали проситься на глаза, но онъ холодно всталъ и, коснувшись своей рукой моей руки, перешелъ въ другой тонъ:

— Ну, до свиданья.

Поклонившись хозяевамъ, которые встали, онъ повернулся, чтобы уходить, и едва не наступилъ своей большой тяжелой ногой на кошку, которая вертѣлась около.

— Брысь, ты, проклятая! — топнула на нее ногой хозяйка.

Кошка бросилась въ дверь, отъ которой отскочила все время подслушивавшая старуха. У невѣстки злобно блеснули глаза, и она

довольно чувствительно подтолкнула мужа, чтобы онъ проводилъ гостя.

Тотъ угодливо засѣменилъ вслѣдъ, а она укоризненно закачала головой.

— Что маменька, что сынъ... Не будь меня и давальцевъ бы всѣхъ отвадили. Только я съ людьми и умѣю обращаться, потому что больше ихъ развитая.

VI.

День протекалъ, какъ голубая рѣка. Онъ вливался сквозь маленькія оконца въ эти тѣсныя бѣдныя стѣны и охватывалъ меня прощальной лаской и какъ будто даже проходилъ сквозь меня. Иногда мнѣ казалось, что въ его голубизнѣ отражаются мои собственныя мысли, мои настроенія, неопредѣленныя и расплывчатыя, подобныя облакамъ.

Старуха послѣ обѣда куда-то ушла, и потому въ домѣ было тихо. Хозяйка повозилась около печки, но послѣ этого ей рѣшительно нечего было дѣлать, и они съ мужемъ, повидимому, не знали куда себя дѣвать. Пошушукались, пошушукались въ сосѣдней комнатѣ: должно быть, онъ куда-то подбивалъ ее идти, а она не соглашалась. Я разслышалъ слова: «Нѣтъ ужъ повременимъ, Парфенычъ, когда встанетъ... Ежели бы не твой да не мой карахтеръ...»

Онъ упирался, разувѣрялъ ее въ чемъ-то, но въ концѣ концовъ долженъ былъ согласиться. И праздничный пиджакъ снова повисъ на гвоздикѣ у часовъ.

«Вѣрно это они не хотятъ оставить меня одного»,—подумалъ я и рѣшилъ высказать это хозяйкѣ, но она стала разувѣрять меня:

— Нѣтъ, нѣтъ. Некуда намъ вовсе идти, баловство одно. Вотъ даже Парфенычъ спать завалился. Такъ-то оно лучше, безъ грѣха. Да и ты бы уснулъ. Во снѣ-то здоровье и приходитъ.

Но мнѣ не хотѣлось спать. Я все ждалъ чего-то. Этотъ день не могъ пройти такъ, безслѣдно: смутно ожидалось что-то радостное.

«А я, вѣрно, очень измѣнился»,—пришло мнѣ въ голову и захотѣлось посмотрѣть на себя въ зеркало.

Изъ сосѣдней комнаты донеслось меланхолическое похрапываніе.

Она мигнула мнѣ въ сторону спящаго:

— Ишь, какъ скоро успокоился.

— И вы отдохните. Вѣдь вы рано встали.

— Али вамъ скучно со мной?

— Что вы. Я страшно вамъ благодаренъ за все!

— Чего тутъ благодарить. Для другого, можетъ быть, и не сдѣлала бы...

Она искоса зорко на меня поглядѣла и вздохнула.

— Я страсть какъ напуталась, когда васъ господинъ какой-то привезъ почти что безъ чувства.

— Какой господинъ?

— Неизвѣстно какой. Выпимши, а настоящій господинъ по обличью. Мы было сначала подумали, что и вы были выпимши.

Подошла ко мнѣ и, наклонившись надо мной, тихонько засмѣялась:

— Вотъ когда оправитесь окончательно, тогда я отъ васъ и благодарность спрошу.

— Какую же?

— Ужъ тогда узнаете.

— Вы теперь скажите.

— Теперь нельзя.

— Почему?

Она сощурила глаза, усмѣхнулась, и лукаво шевельнула головой.

— Да ужъ такъ, нельзя.

Мнѣ становилось неловко.

— Я, право, не знаю.

— Догадайтесь сами.

Я не знаю, что сказать. Она опять засмѣялась и покачала головой.

— Постойте-ка, я причешу васъ. Вишь, какъ у васъ за болѣзнь волосы-то отросли.

Она на цыпочкахъ прошла въ сосѣднюю комнату, гдѣ спалъ мужъ, вернулась съ гребешкомъ и зеркальцемъ въ рукахъ.

— Ишь, какъ расхрапѣлся. Ну и пусть себѣ.

Подала мнѣ маленькое зеркальце въ жестяной оправѣ, а сама вернулась и притворила за собой дверь.

Я съ любопытствомъ взглянулъ въ зеркало и увидѣлъ и свое и не свое лицо. И главное было не то, что я очень похудѣлъ и что ввалились и какъ будто увеличились мои глаза, а то, что въ лицѣ прибавилось новое. Я почему-то думалъ, что должны были обозначиться усы, и даже осязалъ что-то въ родѣ этого, когда потрагивалъ пальцемъ верхнюю губу, но усовъ не было, и въ чемъ произошло измѣненіе, я не могъ разобраться.

Но она замѣтила мой жестъ и улыбнулась.

— Усиковъ-то еще нѣтъ, но личность стала мужественнѣе.

Отъ ея игривой улыбки и не столько отъ словъ, сколько отъ голоса, которымъ она тоже какъ будто играла, понижая его до шопота, я почувствовалъ уже знакомое стѣсненіе, а когда она подсѣла

и стала расчесывать мои волосы, касаясь ихъ вслѣдъ за гребенкой легкими пальцами, мнѣ прямо становилось душно.

— Ишь, какіе мягкіе волосики и такіе послушные, сами назадъ просятся, по-благородному.

Мнѣ и хотѣлось, чтобы она оставила это причесываніе и что-то такое тянуло къ тому, чтобы она продолжала.

Видно было, что она понимаетъ мое настроеніе и потворствуетъ послѣднему. Я не выдержалъ и сказалъ:

— Ужъ довольно, я усталъ.

Она еще послѣ этого раза два провела гребенкой и рукой по головѣ, приговаривая:

— Ну, ладно, ладно, довольно.

Слегка вздохнула, отошла къ окну. Молча постояла, обернувшись ко мнѣ спиной, побарабанила по стеклу и, стало ли ей скучно со мной, или у нея было какое-нибудь дѣло, но она повернулась и, даже не взглянувъ на меня, вышла.

Я почувствовалъ облегченіе. Но мысли мои получили какой-то новый толчокъ, и я подумалъ: «Хорошо бы было, если бы она сдѣлала это, какъ мать, а не такъ».

Но отъ усталости и истомы мысль эта шевельнулась вяло. Похрапывалъ сапожникъ, стучали часы; въ домѣ была скучная, праздничная тишина, и такъ пріятно клонило ко сну.

Я хотѣлъ вспомнить мать, представить ея лицо, но вмѣсто этого, на приливавшей волнѣ сна выплыли другія черты. Олечка? Черты слились съ волною, и меня покрыло сномъ.

Проснулся я оттого, что услышалъ въ моей комнатѣ голосъ хозяйки:

— Вотъ вамъ и еще гость — товарищъ.

— Эди!

Я ужасно обрадовался. Мнѣ показалось, что его появленіе имѣло какую-то связь съ моей полусонной грезой. Я отъ всей души протянулъ ему руку.

Онъ пожалъ ее дружески, но съ нѣжной осторожностью.

— Ты, кажется, спалъ? — спросилъ онъ съ участіемъ, наклоняясь надо мной.

— Нѣтъ, ничего. Я такъ радъ. Какъ хорошо, что ты пришелъ.

Я не выпускалъ его нѣжной тонкой руки и смотрѣлъ въ это прекрасное, правильное лицо товарища съ непонятнымъ ожиданіемъ и лаской.

— О, я часто бывалъ у тебя, только ты этого не помнишь, вѣрно: ты былъ безъ сознанія. И сестры приходили со мной. Мы ужасно, какъ боялись за тебя. Ты вѣдь былъ очень опасно боленъ. Теперь

докторъ сказалъ, что ты скоро выздоровѣешь, но легкія надо беречь. И разговаривать тебѣ много нельзя. Онъ только на этомъ условіи и позволилъ навѣщать тебя. И потому, знаешь что: ты больше молчи, а я тебѣ буду разсказывать.

Онъ говорилъ все это съ той благородной свободой, которая была ему присуща. Я взволнованно слушалъ его голосъ, вглядывался въ его черты, и казалось, что я не видѣлъ его давно-давно, и что въ немъ также произошла какая-то перемѣна. Но сначала бросилось въ глаза только, что отъ прежняго его удивительно правильнаго пробора не осталось и слѣда. Прическа была нѣсколько запущена.

Замѣтивъ, что хозяйка стоитъ, поглядывая, то на меня, то на него, онъ поспѣшилъ подать ей стулъ, но та, нѣсколько смутившись, отказалась подъ предлогомъ, что ей надо идти по хозяйству; и мнѣ понравилась въ ней эта деликатность.

Когда она ушла, Эди, понизивъ голосъ сказалъ мнѣ:

— Знаешь, она очень хорошо ухаживала за тобой. Мама хотѣла приставить къ тебѣ сидѣлку, но она даже обидѣлась.

— Да, они хорошіе, добрые люди, — поспѣшилъ я закончить разговоръ объ этомъ.

Но Эди, повидимому, очень занимала обстановка моей новой жизни.

— Знаешь, когда я въ первый разъ сюда попалъ, мнѣ стало страшно за тебя. Вѣдь я въ первый разъ увидѣлъ это . . . какъ вотъ живутъ такіе бѣдные люди, — поспѣшилъ добавить онъ какъ бы въ видѣ оправданія. — А потомъ, знаешь, мнѣ это понравилось. И эти люди . . . они хоть простые, но славные и деликатные. Я бы даже радъ былъ такъ пожить самъ. Я разговаривалъ и съ хозяиномъ и съ мастеровыми и заказалъ себѣ у нихъ простые высокіе сапоги.

Я удивился.

— Зачѣмъ тебѣ такіе сапоги?

Эди солидно нахмурилъ брови и таинственно сказалъ:

— Видишь ли, пока ты былъ боленъ, у насъ произошло очень важное.

— У васъ въ домѣ?

— Нѣтъ, не въ домѣ, а въ гимназіи. Видишь ли, — еще таинственнѣе и совсѣмъ шопотомъ сообщилъ онъ мнѣ, — у насъ составился кружокъ.

— Изъ нѣкоторыхъ нашего пятаго и даже есть одинъ изъ шестого, седьмого. Онъ-то все это и составилъ. Кривошеинъ, знаешь? Умная голова.

Послѣднее выраженіе было не Эдино; очевидно, пришло оно изъ новаго кружка. Онъ съ воодушевленіемъ продолжалъ:

— Братъ его уже даже пострадалъ.

— Какъ пострадалъ?

— Сидѣлъ въ тюрьмѣ, и его самого чуть-чуть не посадили, — съ гордостью произнесъ онъ.

Меня это новое дѣло затронуло.

— Что же вы тамъ дѣлаете?

— Мы еще пока только приготовляемся. Надо было прежде всего найти безопасную квартиру. Каждому хотѣлось, чтобы было у него, но Кривошеинъ, который у всѣхъ членовъ побывалъ и все взвѣсилъ, рѣшилъ, что лучше всего собираться у Симакова. Онъ живетъ въ самомъ концѣ города, да и тетка, у которой онъ живетъ, глухая; значитъ, что мы будемъ говорить, она ничего слышать не будетъ.

Все это было чрезвычайно любопытно. Мнѣ стало обидно, что болѣзнь оставила меня въ сторонѣ отъ этого.

Эди угадалъ и поспѣшилъ меня успокоить:

— Мы и тебя записали въ члены.

— Скорѣе бы выздоровѣть! — вырвалось у меня.

— А ходить мы будемъ вмѣстѣ. Ты тоже заведешь себѣ большіе сапоги.

— А развѣ въ маленькихъ нельзя?

Эди пожалъ плечами.

— Пожалуй, можно. Особенно вначалѣ. Но все-таки въ высокихъ лучше. И Кривошеинъ такъ думаетъ.

Все это меня такъ взбудоражило, что я даже почувствовалъ холодокъ.

— Да, да, непремѣнно надо будетъ завести большіе сапоги.

— Мы ужъ и гектографъ завели, — ошеломилъ меня Эди послѣднимъ сообщеніемъ, которое, судя по его особенно таинственному шопоту, было самое важное доказательство серьезности ихъ намѣреній.

Я слышалъ о гектографѣ, но не зналъ, что это за штука, а спросить было совѣстно. Надо было какъ-нибудь, не роняя себя, дознаться объ этомъ. Я въ тонъ ему протянулъ:

— Вотъ какъ... Гектографъ?

— Да, да, Кривошеинъ самъ его и приготовилъ.

Я оторопѣлъ.

— Какъ же это?

— Ну, да, ужъ онъ знаетъ, — съ почтеніемъ къ авторитету Кривошеина заявилъ Эди. — А впрочемъ, ты и самъ можешь его сдѣлать.

Тутъ я совершенно растерялся и во всѣ глаза глядѣлъ на Эди, а онъ съ важностью сталъ сообщать мнѣ секретъ:

— Видишь ли, главное имѣть жестянку; можно даже, какъ отъ сардинокъ, но только большую. Ну, вотъ, какъ четвертушку бумаги. Потомъ въ отдѣльной посудѣ надо приготовить такой составъ . . . — онъ хотѣлъ припомнить этотъ составъ, но не могъ и нѣсколько сконфуженно разстегнулъ свою курточку, досталъ изъ бокового кармана красивую записную книжечку и прочелъ мнѣ: — одна часть желатина, двѣ части глицерина и одна часть воды. Вотъ и все. Потомъ все это смѣшать, и получается гектографъ.

— Ага.

— Но это опасная штука, — значительно добавилъ онъ, поднимая указательный палецъ.

Я не зналъ, что думать: ужъ не взрывчатое ли это вещество. Но послѣдующими словами Эди нѣсколько успокоилъ меня.

— Это очень преслѣдуется, потому что можно получить до ста копій.

А вотъ оно что. Вотъ это для чего.

— А ужъ вы пробовали его?

— Да, ужъ напечатали программу нашего кружка во многихъ экземплярахъ.

— А у тебя есть эта программа?

— Да, конечно.

Онъ опасливо оглянулся и досталъ четвертушку бумаги. Вмѣстѣ съ ней, повидимому, случайно вынулъ небольшой конвертикъ.

У меня вздрогнуло сердце.

— А это что?

Онъ нѣсколько смутился.

— Это . . . это . . . Я ужъ не знаю, можно ли это тебѣ передать теперь?

— А это мнѣ?

— Да, но я боюсь, какъ бы это не повредило твоему здоровью. Это письмо можетъ тебя взволновать, хотя теперь мы должны быть выше такихъ вещей.

Я нетерпѣливо протянулъ къ нему руку, взволнованный уже отъ одного этого вступленія.

— Нѣтъ, нѣтъ, дай.

У меня билось сердце, дрожала рука. Я не сомнѣвался, что письмо было отъ Олечки.

Захватило дыханіе, стѣснило грудь, я закашлялся.

Эди огорченно качалъ головой.

— Ахъ, зачѣмъ я нечаянно вынулъ это письмо! Если бы я зналъ, я лучше бы его не взялъ отъ нея. Тогда, нѣсколько лѣтъ назадъ, я былъ причиной твоего несчастья изъ-за нея и теперь . . .

— Нѣтъ, нѣтъ, ничего, ничего. Я страшно тебѣ благодаренъ.

— А мнѣ казалось, что ты уже забылъ ее. Вѣдь послѣ того, какъ ты ушелъ изъ ихъ дома и послѣ свиданія съ ней у насъ, она ничѣмъ не выказывала тебѣ своей любви... Напротивъ...

Я поспѣшилъ перебить его, въ то же самое время разрывая конвертъ.

— Да, да, и я самъ хотѣлъ ее забыть. Но... вѣдь она написала... Почему? Что она могла мнѣ написать?..

Эди небрежно и съ гримасой пожалъ плечами.

— Право, я не знаю. Я давно не интересуюсь дѣвчонками.

Онъ, повидимому, былъ нѣсколько обиженъ тѣмъ, что я первымъ дѣломъ схватился за это письмо, а не за отпечатанную ими программу. Нерѣшительно подержалъ листокъ въ рукахъ. Но такъ какъ въ комнату вошла хозяйка, онъ поспѣшилъ снова положить его въ карманъ.

— Извините, пожалуйста. Тутъ вотъ мужнинъ пиджакъ.

Обычная улыбка какъ-то косо застыла въ ея губахъ, когда она увидѣла въ моихъ рукахъ письмо. Темные глаза блеснули острымъ любопытствомъ, но, снявъ пиджакъ съ вѣшалки, она тотчасъ же удалилась.

Письмо было не длинное. Олечка писала мнѣ:

«Когда вы пришли къ намъ въ послѣдній разъ, я была дома и я все знаю, все. Бабушка при мнѣ разсказывала про васъ папѣ и Костѣ, но ей никто не повѣрилъ, а я такъ просто ее возненавидѣла въ эту минуту, и когда она меня хотѣла поцѣловать, я не позволила и убѣжала. Вы поступили, какъ герой, и мнѣ очень стыдно, что я согласилась разлюбить васъ изъ-за насмѣшекъ другихъ. Теперь Эди мнѣ сказалъ, что вы можете умереть: такъ опасно больны, и я прошу меня простить. Я бы хотѣла придти къ вамъ, но я не могу придти къ вамъ, меня не пустятъ. Я плакала нынче ночью и молилась, чтобы вы не умерли. Простите... простите... простите меня.

О.»

VII.

Пока я читалъ письмо, Эди деликатно стоялъ у окна. Я украдкой поцѣловалъ букву *О* и сунулъ письмо подъ подушку. Меня переполняло такое волненіе, что хотѣлось непремѣнно подѣлиться имъ съ товарищемъ, но послѣ его заявленія боялся показаться смѣшнымъ и унизить себя въ его глазахъ.

— Эди! — окликнулъ я его.

Онъ обернулся, но посмотрѣлъ какъ-то мимо моихъ глазъ.

— А, ужъ ты прочелъ!

Я старался не выказывать своихъ чувствъ.

— Письмо совсѣмъ простое, не про то, что ты думаешь. Дай мнѣ вашу программу.

Въ отвѣтъ на мое притворство Эди также притворился, что повѣрилъ мнѣ, но онъ не умѣлъ скрывать своихъ настроенiй и, продолжая избѣгать встрѣчи съ моимъ взглядомъ, подалъ мнѣ бумажку. На ней довольно неряшливо было отпечатано въ самомъ началѣ, послѣ слова «Программа», въ видѣ эпиграфа:

„И знамя черезъ снѣгъ и ледъ
Съ девизомъ страннымъ онъ несетъ:
Эксцельсiоръ".

Опять новое слово, которое я не зналъ, но тутъ ужъ я прямо спросилъ.

Эди оживился и даже нѣсколько покраснѣлъ:

— Видишь ли, это моя идея, чтобы такъ называлось наше общество. Тамъ, въ программѣ указано, что мы будемъ издавать журналъ. Конечно, тайный, а не такой дѣтскiй, какъ мы пробовали издавать раньше, и журналъ будетъ называться «Эксцельсiоръ». Видишь ли, у нашего поэта Лонгфелло есть чудесное стихотворенiе, которое такъ называется. Ахъ, какъ жаль, что ты не знаешь по-англiйски, я бы тебѣ прочелъ его. Въ переводѣ это совсѣмъ не такъ хорошо. Но содержанiе его въ томъ, что юноша стремится въ высь; его предупреждаютъ объ опасности на его пути, его хочетъ остановить любимая дѣвушка, — съ ударенiемъ произноситъ это Эди, глядя на меня загорѣвшимися глазами, — но онъ и ее отталкиваетъ. И въ концѣ концовъ, конечно, достигаетъ своей цѣли и на вершинѣ ея умираетъ со знаменемъ, на которомъ написанъ этотъ девизъ.

Онъ съ такимъ увлеченiемъ передалъ мнѣ все это, что я почувствовалъ дрожь восторга.

Эди съ его гордо поднятой головой и своимъ прекраснымъ поблѣднѣвшимъ лицомъ былъ самъ похожъ на этого юношу, и я почувствовалъ себя полнымъ ничтожествомъ передъ нимъ и даже забылъ о письмѣ подъ подушкой.

Эди не могъ не замѣтить моего настроенiя и возбужденно сказалъ:

— Но ты читай, читай дальше.

Я прочелъ программу, но все дальнѣйшее уже не такъ восхитило меня. Въ нѣсколькихъ пунктахъ дѣловито перечислялись задачи общества, касающiяся, главнымъ образомъ, самообразованiя; намѣчалось изданiе каталога, въ который должны были входить сочиненiя только тѣхъ авторовъ, которые всегда боролись за свободу и за угнетенный народъ. Однимъ изъ пунктовъ опредѣлялась борьба со школь-

ной рутиной, въ другомъ выражалась желательность борьбы съ проституціей. Послѣдніе два пункта были не особенно ясны мнѣ, но, конечно, тѣ, кто включилъ ихъ въ программу, знали, какъ тутъ дѣйствовать.

— Ну, что? — спросилъ Эди.

— Очень хорошо.

— О, это еще не все! Еще программа, навѣрное, будетъ пополняться. Вотъ когда ты станешь еще здоровѣе, я приду къ тебѣ съ Кривошеинымъ. Я уже говорилъ ему, что у тебя есть талантъ, и онъ хочетъ съ тобой познакомиться, чтобы вліять на тебя. Нельзя терять времени; чѣмъ скорѣе это будетъ, тѣмъ лучше.

— Мнѣ кажется, что я бы ужъ и теперь могъ, — нетерпѣливо заявилъ я.

— Ну, это тамъ будетъ видно. А сейчасъ я пойду, мнѣ надо спѣшить. Нынче у меня собраніе, на которомъ, между прочимъ, будетъ обсуждаться вопросъ, допускать ли въ нашъ кружокъ женщинъ. Я противъ этого, — категорически заявилъ Эди. — Хотя мои сестры очень желаютъ присоединиться.

— Но почему же ты противъ? — нерѣшительно спросилъ я.

— Во-первыхъ, потому, что большинство дѣвчонокъ болтушки, а наше дѣло требуетъ соблюденія тайны.

— Но можно заставить ихъ поклясться.

— Галиматья! — опять вырвалось у Эди явно чужое и неидущее къ нему рѣзкое слово.—А, во-вторыхъ, тамъ гдѣ дѣвчонки вмѣшаются, всегда между товарищами происходятъ ссоры. По-моему, пускай онѣ составляютъ свой кружокъ. Если ты согласенъ на этотъ счетъ со мной, то также подай свой голосъ за это.

— А какъ же я это могу сдѣлать?

— Очень просто: напиши на бумажкѣ: «согласенъ» и подпишись, а я передамъ.

— Хорошо.

— Такъ вотъ, — Эди досталъ изъ кармана записную книжечку, вырвалъ листокъ и подалъ его мнѣ вмѣстѣ съ карандашемъ.

Я старательно написалъ на немъ еще слабой рукой:

«Согласенъ. Павелъ Гарьковъ».

Эди взялъ листочекъ и солидно кивнулъ головой.

— Вотъ и отлично, еще однимъ голосомъ больше. А теперь до свиданья. На-дняхъ, а можетъ быть и завтра, я приду къ тебѣ и сообщу результаты, — и крѣпко пожавъ мнѣ руку, Эди вышелъ отъ меня.

Въ мастерской онъ задержался. Я слышалъ, какъ онъ нѣкоторое время о чемъ-то уговаривалъ хозяевъ, а они, видимо, упирались.

Вѣроятно что-нибудь, касающееся денежныхъ расчетовъ за меня. Но на этотъ разъ это меня почему-то не покоробило и даже, когда вошли хозяева, я не спросилъ ихъ объ этомъ.

— Какой славный вьюношь, и видно, что очень любитъ васъ. И какой красавчикъ, — смотря въ окно, мимо котораго проходилъ Эди, сказала хозяйка.

Мужъ ея покачивалъ головой, и лысина его поблескивала при заходящемъ солнцѣ.

— Чудной только. Говоритъ, что хотѣлъ бы научиться шить сапоги. Что же, говорю, поступайте къ намъ въ подмастерья. А онъ говоритъ: съ удовольствіемъ поступилъ бы. А зачѣмъ, говорю, вамъ это? А чтобы, говоритъ, не заставлять другихъ на себя работать, а самому все дѣлать. А что же, говорю, намъ, сапожникамъ, съ голоду тогда помирать? Очень это ихъ сконфузило.

— Вотъ бы побольше намъ такихъ подмастерьевъ, — игриво заявила жена.

— У голодной кумы, все сыръ на умѣ, — подмигнулъ онъ мнѣ въ ея сторону.

Я былъ утомленъ, а главное, мнѣ хотѣлось остаться одному, и я ничего не отвѣтилъ на ихъ болтовню.

Онъ вѣрно это замѣтилъ и дернулъ ее за рукавъ.

— Да ладно, ужъ пойдемъ, — согласилась жена.

Онъ вышелъ первый, а она наклонилась ко мнѣ и шепнула:

— А вы, не бойсь, будете письмецо читать да перечитывать?— и ужъ громко прибавила, уходя: — Коли что будетъ нужно, Митьку позовите, аль маменьку, она уже вернулась.

Едва хозяева ушли изъ дома, какъ Митька прибѣжалъ ко мнѣ и, фыркая отъ смѣха, затараторилъ:

— Вотъ уморушка-то! Паничъ совалъ, совалъ деньги хозяевамъ, а они все кобенились: старая-то пошла за нимъ дверь запирать, деньги-то и взяла себѣ. Ишь, старая кочерга, перехитрила ихъ. Теперь они на свои кровныя напьются, а она чужія размѣняетъ. Сейчасъ только за хозяевами дверь затворилась, ужъ побѣжала въ кабакъ. А вы водку не пьете?

— Нѣтъ, не пью.

— Не любите, что ли?

— Не люблю.

— А мнѣ нравится.

Его плутоватая мордочка приняла нечистое выраженіе, блеснули мелкіе ощеренные зубы, и большія заостренныя уши даже шевельнулись отъ удовольствія.

Я съ недовѣріемъ спросилъ его:

— А ты развѣ пилъ?

— О, еще какъ! Батька самъ давалъ и въ кабакъ съ собой водилъ. А мамка какъ насъ за это лупила, ай-ай-ай! — съ гордымъ упоеніемъ вспоминалъ онъ.

Я хотѣлъ доказать ему, что это не хорошо, но отложилъ. Сейчасъ мнѣ было не до того.

Мальчишка опять юркнулъ въ мастерскую.

Послѣдніе отблески заката замерли, и стали на тихой стражѣ подъ окнами грустныя и ясныя сумерки.

Рука моя потянулась за письмомъ подъ подушку. Вотъ оно въ моихъ рукахъ, и я, перечитывая, стараюсь найти многое, чего нѣтъ въ словахъ его. Здѣсь сказано не все. Этимъ письмомъ не можетъ все кончиться. Ахъ, если бы я могъ написать ей! Но какъ и куда?

Неровныя, загибающіяся книзу строчки письма чернѣютъ и сливаются передъ моими глазами. Сумерки какъ будто посыпаютъ ихъ сѣрой пылью, вотъ уже слова трудно разобрать.

Я кладу письмо на грудь, и ни одинъ цвѣтокъ въ мірѣ не можетъ сравниться съ лаской его прикосновенія; его чувствуетъ все мое тѣло, вся моя кровь, и мнѣ кажется, что эта кровь свѣтящимися струями переливается по всему тѣлу и проникаетъ въ мозгъ, и я ощущаю, слышу таинственную музыку этого сладостнаго движенія крови.

Пока еще нѣтъ словъ, но уже все яснѣе слышится ритмъ, и мнѣ хочется передать его звуками моего голоса, тѣми неуловимыми образами, въ которые непонятно преобразовываются звуки.

Сколько разъ слабое подобіе того, что сейчасъ трепещетъ во мнѣ, испытывалъ я и раньше, но не рѣшался выразить это словами. Все мое поэтическое творчество ограничивалось тѣмъ, что я писалъ юмористическія стихотворенія объ учителяхъ и товарищахъ.

И вотъ теперь слова приходили сами собой; ихъ какъ будто выплескивали тѣ ритмическія волны, которыя переливались во мнѣ:

Въ убогой лачугѣ больной я лежалъ,
И кто-то мнѣ смертію злой угрожалъ.
Но вотъ съ высоты
Какъ будто упали цвѣты:
Это было письмо твое,
И тотъ, кто мнѣ смертью грозилъ, улетѣлъ,
Я радостно пѣть и смѣяться хотѣлъ.
Ожило сердце мое. Ожило сердце мое.

Я безъ конца повторяю эти слова, но они все же лишь тѣнь того, что мнѣ хочется выразить. Я пытаюсь еще прибавить что-то къ этимъ короткимъ строчкамъ:

И милыя строки хотѣлось мнѣ пѣть...

Увы, тутъ вдохновеніе покидаетъ меня, слова напрашиваются совсѣмъ не тѣ, какія нужны, или такія, какихъ не существуетъ ни на одномъ языкѣ. Совсѣмъ темно въ комнатѣ, а я все не могу подвинуться впередъ и, наконецъ, чувствую такое утомленіе, точно я взошелъ на высокую гору. Задремываю. И вотъ уже будто дѣйствительно на высокой горѣ и будто встрѣчаю Эди. Онъ съ укоромъ глядитъ на меня и хмуритъ брови, тонкія, какъ бы легкими движеніями кисти нарисованныя брови, между которыми выразительнымъ пятнышкомъ темнѣетъ надъ самой переносицей нѣжный пушокъ волосъ.

Эди говоритъ мнѣ это странное и загадочное слово «Эксцельсіоръ» и этимъ словомъ точно уличаетъ меня въ измѣнѣ. Я стараюсь оправдаться передъ нимъ и, вмѣсто словъ оправданія, продолжаю стихи.

Ахъ, вотъ они, вотъ настоящіе стихи, вотъ то, что пѣло во мнѣ, чего я не могъ выразить; но слова ли это?

Какъ будто вьются бабочки съ необыкновенными разноцвѣтными крыльями, и крылья блещутъ, и съ нихъ осыпается радужная пыль . . . Но это стихи.

Птицы звенятъ, необыкновенныя птицы, а, можетъ быть, это и не птицы, а цвѣты; онѣ прилетаютъ маленькими вереницами, точно черныя буквы новыхъ неслыханныхъ словъ.

Но это стихи. Мнѣ кажется, что и самъ я летаю вмѣстѣ съ этими рѣющими образами и слышу ихъ музыку . . . И смутно начинаю сознавать въ то же время, что все это во снѣ. Но страстно, мучительно хочу ихъ запомнить. Запомнить ихъ нельзя, не поймавъ руками. И я силюсь сдѣлать движеніе, чтобы поймать ихъ, эти новыя радостныя строки, которыя самъ Богъ прибавилъ къ моимъ жалкимъ бѣднымъ словамъ.

Но руки не повинуются мнѣ, и меня охватываетъ отчаяніе. Надо сказать какое-то слово, чтобы разбить оцѣпенѣніе. Я неожиданно произношу это слово: «Эксцельсіоръ». И зову Эди на помощь.

Но Эди сердито отмахивается и что-то кричитъ не своимъ, грубымъ голосомъ, и кто-то темный прибѣгаетъ на этотъ крикъ и также кричитъ и бросается на меня.

Я въ страхѣ просыпаюсь, но и наяву слышу эти крики страшныхъ голосовъ. И наяву это еще нелѣпѣе и страшнѣе сна.

— Я тебѣ, тварь, покажу! — кричитъ свирѣпый голосъ, и я съ удивленіемъ узнаю голосъ моего кроткаго хозяина. — Я изъ тебя всѣ кишки вымотаю.

— Давно пора! Ништо ей! — взвизгиваетъ пьяный голосъ старухи.

— Дьяволы! Черти! — шипитъ въ отвѣтъ также распущенный голосъ моей хозяйки. — Нишкните, а то я домъ сожгу!

— Пусти!

— Не пущу! Хоть убей, не пущу!

Я слышу возню, пыхтѣнье, взвизгиванье, дикія ругательства, и меня начинаетъ охватывать дрожь.

— А, стерва, мало тебѣ было мастеровъ моихъ, до мальчишки подбираешься до этого!

— Сладенькаго захотѣлось, — визжитъ старуха. — Весь домъ опоганила, сука!

— Будешь ты у меня!...

— Буду! Буду!

Что-то грохается на полъ, не то человѣкъ, не то какой-то тяжелый предметъ. Мнѣ самому хочется закричать, вскочить . . . Но тѣло какъ будто оцѣпенѣло все. Въ комнатѣ страшно, темно, и только сѣрымъ пятномъ выдѣляется маленькое окошечко.

Вдругъ кто-то вбѣгаетъ. Сначала я думаю, что это кошка, но тутъ же слышу возбужденный шопотъ Митьки надъ самымъ моимъ ухомъ.

— Опять дерутся, ерники! Каждый разъ, какъ надрызгаются, такъ мордуютъ другъ друга. Во какъ завтра засвѣтаютъ своими фонарями.

Онъ фыркнулъ въ горсть. Юркнулъ на минуту назадъ и опять вернулся, давясь отъ смѣха:

— Свѣчка свалилась, погасла. Вотъ уморушка! Хозяинъ замѣсто хозяйки старуху впотьмахъ колошматитъ. Ишь, какъ визжитъ вѣдьма. Да и хозяйка въ ея волосы вцѣпилась. Такъ клубкомъ всѣ въ сѣни и выкатились.

— Они поубиваютъ другъ друга! — съ ужасомъ вырвалось у меня.

— Ништо имъ. Не впервой такъ-то. Хозяйка-то до страсти любитъ это.

— Что?

— А чтобы ее мордовали. Завтра съ похмелья будетъ цѣлый день валяться въ постели, а онъ ее ублажать станетъ: «Милушка моя, цыпурушка моя . . .

— Потаскушка! Стерва! — донесся уже хриплый голосъ хозяина. — Митька! Шпандырь давай!

— Кулаки, значитъ, отдѣлалъ, — прошепталъ Митька и весело отозвался: — Сичасъ!

— Бей! Бей! — ужъ съ какимъ-то сладострастіемъ вопила женщина.

Начинавшая было утихать возня снова донеслась до меня съ глухими и зловѣщими стуками и голосами.

Но я уже не могъ болѣе оставаться на моей постели. Весь дрожа и задыхаясь отъ волненія, опустилъ я на полъ ноги, глаза уже привыкли къ темнотѣ. Набросивъ на плечи одѣяло, я двинулся къ двери.

Голова кружилась, ноги дрожали. Я на минуту остановился у притолки и опять пошелъ въ темнотѣ туда, гдѣ раздавалось яростное хрипѣніе, уханье и стоны.

Въ мастерской уже горѣла свѣчка, и въ углу, надъ лоханкой, растрепанная и ободранная, стояла старуха, согнувъ свою костлявую спину, и лила изъ рукомойника воду на сѣдые патлы волосъ. Черныя, худыя, какъ у скелета, ноги торчали изъ-подъ ея грязнаго тряпья; она охала и отфыркивалась.

Митька стоялъ въ дверяхъ, открытыхъ въ сѣни, и присѣдалъ и машинально дѣлалъ какія-то движенія головой, руками и всѣмъ тѣломъ, и его большія оттопыренныя уши шевелились, какъ у возбужденнаго звѣрька.

Увидѣвъ меня, онъ привскочилъ отъ неожиданности и закричалъ:

— Глядико-сь, всталъ!

На этотъ крикъ въ сѣняхъ поднялась фигура. Другая валялась на полу и стонала.

Хозяинъ, очевидно, не сразу узналъ меня. Разставивъ ноги, онъ, ошеломленный моимъ появленіемъ, тупо смотрѣлъ на меня, потомъ, тяжело сопя и хмельно качая головой, двинулся прямо по направленію ко мнѣ, не выпуская изъ рукъ толстаго шпандыря.

У думалъ, что онъ вотъ такъ подойдетъ и, молча, ударитъ меня этимъ крѣпкимъ ремнемъ и посторонился машинально, чувствуя полную безпомощность и безсиліе передъ этимъ крѣпкимъ, коренастымъ, пьянымъ звѣремъ.

Но онъ прошелъ мимо меня, какъ-то по-бычьи опустивъ голову, добрался до своей кровати, и я слышалъ, какъ тяжело онъ бухнулся въ нее.

Митька схватилъ меня за руку и потянулъ назадъ.

Огонь свѣчи прыгалъ въ моихъ глазахъ, тѣло ослабѣло и опустѣло, какъ мѣшокъ.

Я не помнилъ, какъ очутился въ постели. Все кружилось и плыло подо мною и со мною. Но мало-по-малу силы опять стали возвращаться ко мнѣ.

Я слышалъ, какъ тяжело храпѣлъ хозяинъ, и все происшедшее представлялось мнѣ мрачнымъ кошмаромъ.

«Что съ хозяйкой? А вдругъ онъ ее убилъ?» — метнулась мрачная мысль.

Митька уже подавалъ мнѣ воду въ жестяной кружкѣ:

— Испей, легче будетъ. Ахти, Господи, чего же ты вставалъ!

— Какъ хозяйка? — спросилъ я.

— Эва, да и она ужъ дрыхнетъ.

— Гдѣ?

— Гдѣ ей дрыхнуть! Знамо, на кровати съ хозяиномъ.

Отъ всего этого мнѣ стало отвратительно, почти тошно. Припомнилось то, что происходило дома, когда отецъ напивался пьяный, и захотѣлось поскорѣй уйти отсюда.

— Часто это бываетъ? — спросилъ я мальчишку.

— Не, не больно часто. Какъ напьются, такъ и бываетъ.

Мальчишка громко и протяжно зѣвнулъ и закрутилъ головой.

— Иди спать, — сказалъ я ему.

— И то, а то завтра мастеръ шпандыремъ подыметъ, небойсь тоже съ понедѣльничьимъ похмѣльемъ придетъ.

Ушелъ мальчишка, и я остался одинъ въ темнотѣ и тишинѣ, наполненной храпомъ пьяныхъ хозяевъ. Мнѣ долго не спалось: тяжелыя и печальныя мысли одолѣвали меня.

VIII.

Проснулся я утромъ довольно поздно. Сразу все вспомнилъ и испугался того, что произошло вчера.

Но въ домѣ было тихо, хотя дверь ко мнѣ открыта. Тамъ изрѣдка слышалось только слабое шушуканье, бульканье.

«Опохмѣляются, — подумалъ я. — Какъ теперь быть? Пусть, какъ будетъ, такъ будетъ».

— Если бы я могъ встать! Прислушался къ себѣ: ничего. Вчерашнее не повредило мнѣ. Но по вчерашнему чувствовалъ, что вставать мнѣ еще рано.

Тамъ, вѣрно, услышали, что я завозился, и въ дверяхъ показался хозяинъ, одѣтый уже по будничному: въ фартукѣ, съ неизмѣннымъ ремешкомъ вокругъ лысой головы. Лицо его опухло, и глаза были влажны и красны.

На цыпочкахъ подошелъ онъ къ моей кровати и, убѣдившись, что я не сплю, заискивающе-виновато кивнулъ мнѣ головой и украдкой заглянулъ въ глаза.

Помнилъ онъ, или не помнилъ о моемъ появленіи во время ихъ

драки? Я не показалъ виду, и онъ какъ-то сразу ободрился. Значитъ, не помнилъ.

— Ну, какъ? — заботливо спросилъ онъ меня, — полегче?

— Да, какъ будто полегче.

— И спалъ ничего?

— Ничего.

— Ну, вотъ и ладно, — совсѣмъ ободрился онъ. — А у меня хозяйка что-то того, занедужила немножко. Бабье дѣло, жила слаба. Да къ вечеру отойдетъ. Сейчасъ тебѣ Митька умыться подастъ, а я чайкомъ распоряжусь.

Митька, подавая мнѣ умываться, съ потѣшной миной подмигивалъ на хозяйскую половину, потомъ наклонился ко мнѣ и шепнулъ:

— Слышь?

— Что?

Онъ съ гордостью вытаращилъ на меня плутоватые глаза и дыхнулъ.

Изъ его маленькаго рта, съ мелкими испорченными зубами на меня пахнуло водкой.

— Ты тоже пилъ?

— А то! Какъ за похмельемъ для нихъ бѣгалъ, во какъ хлебнулъ изъ штофа!

Хозяинъ принесъ мнѣ чаю съ калачемъ. Приходилъ и уходилъ на цыпочкахъ и ласково на ходу перешептывался съ хозяйкой.

— Нонче день-то теплый, красный, такъ ужъ я, чтобы тебя не безпокоить, велѣлъ въ сѣняхъ работать.

Постукиванье молотковъ еле доносилось ко мнѣ оттуда, но обычныхъ пѣсенъ слышно не было. Вѣрно, съ похмелья было не дотого. Только чахоточный кашель взрывался чаще и глуше, чѣмъ всегда.

Притихла и старуха. Все шло такъ, какъ будто ничего этой ночью зазорнаго не происходило.

Послѣ обѣда былъ докторъ, послушалъ меня и нашелъ, что все идетъ хорошо, но что вставать еще надо подождать дня три-четыре.

Пока былъ день и свѣтило солнце, радуя и ободряя меня сквозь маленькія окошечки, я лежалъ терпѣливо. Но къ вечеру стало скучно, и я радъ былъ, когда по окончаніи работъ хозяинъ надѣлъ перевязанные ниточками очки и, доставъ со шкафа старую книгу въ кожаномъ переплетѣ, кротко сказалъ мнѣ:

— Евангелью почитать хочется.

Ремешокъ и фартукъ были сняты, и еще не вполнѣ отошедшее отъ вчерашняго лицо приняло важное и значительное выраженіе.

Онъ дунулъ на выцвѣтшую и залощенную кожу переплета.

— Я дверь-то прикрою, чтобы тебя не тревожить.

— А вы вслухъ будете читать?

— Вслухъ. Иначе-то я не умѣю.

— Не закрывайте дверь, я самъ съ удовольствіемъ послушаю.

Онъ съ застѣнчивой робостью улыбнулся. И такъ странно было видѣть эту добродушную улыбку на томъ же самомъ лицѣ, которое вчера испугало меня своей звѣрской тупостью.

— Какіе мы грамотеи, съ падожкомъ по буквамъ ковыляемъ.

— Все равно. Нѣтъ, ужъ пожалуйста.

— Ну, ладно, что ль.

Онъ ушелъ, повозился съ лампой, и засвѣтился огонекъ, слабый свѣтъ котораго еле проникалъ и ко мнѣ, но наплывающія сумерки заливали его своими фіолетово-сѣренькими тонами.

Слышно было, какъ онъ устраивался поближе къ огню, откашливался, очевидно, приготовляясь къ этому непривычному для него дѣлу, и, наконецъ, тяжело вздохнувъ, началъ чтеніе, повидимому, не сообразуясь съ выборомъ, а наугадъ, гдѣ открылась книга.

Съ трудомъ разбиралъ онъ славянскія письмена, растягивая слова монотонно, но внушительно.

Однако, судя по тому, какъ онъ переводилъ дыханіе, останавливаясь по временамъ не то, дабы собраться съ силами и преодолѣть трудности какого-нибудь славянскаго слова, не то просто по наитію, думалось, что врядъ ли онъ понимаетъ читаемое:

«Зане безуміе Божіе, премудрѣе человѣкъ есть: и немощное Божіе, крѣпчае человѣкъ есть».

«Видите бо званіе наше, братіе: яко не мнози премудри по плоти, не мнози сильни, не мнози благородни».

«Но безумная міра избралъ Богъ, да премудрыя посрамитъ: и немощная міра избралъ Богъ, да посрамитъ крѣпкая».

«И худородная міра и уничиженная избра Богъ, и не сущая, да сущая упразднитъ».

«Яко да не похвалится всяка плоть предъ Богомъ».

Въ тишинѣ сѣрыхъ осеннихъ сумерекъ медлительное, важное чтеніе прежде всего будило мои далекія дѣтскія воспоминанія. Какъ это странно! такъ же вотъ и отецъ мой въ субботу, по вечерамъ читалъ эту единственную у насъ въ домѣ книгу, гдѣ расцвѣтали невиданными цвѣтами, сіяли небесными радугами, звучали сладостной музыкой, слова: «Назаретъ, Виѳлеемъ, Геѳсиманія . . .»

Еще раньше, чѣмъ съ этими словами воистину сочеталась божественная исторія жизни Христа Спасителя, красота и смыслъ ихъ

таинственнымъ путемъ очаровали дѣтскую душу. И я всегда слушалъ ихъ съ затаеннымъ внутреннимъ трепетомъ.

Но со времени смерти отца, я не бралъ въ руки Евангелія, а если случалось слышать его въ церкви, не знаю почему, оно уже не производило на меня прежняго впечатлѣнія. Не потому ли, что для этихъ простыхъ, великихъ словъ нужны были не торжественныя стѣны, не сіяющіе огни, не пышныя ризы, а вотъ такъ, убогая комната и, можетъ быть, эти несчастные, темные люди.

Волнующій холодокъ пробѣжалъ по моему тѣлу и коснулся волосъ. Я не знаю, слышалъ ли я когда-нибудь эти слова, которыя доходили до меня сейчасъ? Почему въ то время, какъ я читалъ все, что попадалось подъ руку и старался доставать тѣ книги, которыя расхваливали мои товарищи, рука моя никогда не потянулась къ Евангелію, которое достать было легче всего?

Такъ надо. Такъ надо. Надо было самому перестрадать, переболѣть, быть униженнымъ и уязвленнымъ, и снова соприкоснуться съ человѣческой темнотой и паденіемъ, чтобы воспринять, какъ должно, то, что я слышалъ въ этой грустной тишинѣ осеннихъ сумерекъ, изъ этихъ жалкихъ устъ, которыя какъ бы омывали святыми словами всю осквернявшую ихъ пьяную нечистоту минувшей ночи.

Евангельское свидѣтельство о томъ, что незнатное міра и уничиженное и ничего незначущее избралъ Богъ, дабы разрушить значущее и безумное міра, дабы посрамить мудрыхъ, и немощное, дабы посрамить сильныхъ, — все это представилось мнѣ такимъ яснымъ, простымъ и непреложнымъ, что я поднялся на своей постели и сѣлъ, сжимая руки на груди.

— Ахъ, какъ хорошо! Ахъ, какъ хорошо! — умиленно шепталъ я. И становилось стыдно за оскорбительное для этихъ простыхъ людей отвращеніе, которое я испытывалъ къ нимъ утромъ при одномъ воспоминаніи о происшедшемъ.

«Ни за что не уйду я отъ нихъ, — говорилъ я себѣ. Буду съ ними жить, и если возможно, удерживать ихъ отъ этихъ ужасовъ».

IX.

Въ субботу, какъ разъ наканунѣ моего выхода, за часъ до прихода Эди съ двумя новыми товарищами, ко мнѣ забѣжали сестры его: Элла и Мея.

Мнѣ въ первый разъ здѣсь бросилось въ глаза, до чего обѣ онѣ измѣнились со времени нашего знакомства.

Тогда, въ противоположность Эди, онѣ произвели на меня впечатлѣніе дѣвочекъ нескладныхъ, рѣзкихъ и даже грубоватыхъ въ

своихъ движеніяхъ. Происходило это, вѣроятно, отъ гимнастики, которой онѣ такъ усердно занимались; теперь это были двѣ барышни-подростки; обѣ очень милыя и совсѣмъ непохожія одна на другую.

Элла — блондинка, съ свѣтлымъ лицомъ, съ свѣтлыми глазами и красивыми волосами, переливавшимися такимъ молодымъ блескомъ, какъ будто гдѣ-то подъ ними скрытъ былъ источникъ свѣта, озарявшій всю ея высокую, обѣщавшую въ будущемъ полноту фигуру.

Мея была, наоборотъ, тонка, худощава, съ темными острыми глазами и курчавыми темными волосами, подстриженными, какъ у мальчика. И въ движеніяхъ ея была нѣсколько мальчишеская живость.

Въ рукахъ у Эллы нѣсколько астръ, которыя она неловко и застѣнчиво протянула мнѣ.

Мея засмѣялась и встряхнула своими кудрями.

— За цвѣты мы платили вмѣстѣ, а только завладѣла ими Элла.

Сестра покраснѣла и съ укоромъ на нее взглянула.

— Но вѣдь ты же сама настояла на этомъ.

Я былъ такъ обласканъ этими цвѣтами, что не нашелся ничего сказать, и это было тѣмъ досаднѣе, что Мея видѣла мое смущеніе и, какъ мнѣ казалось, втайнѣ надо мной подсмѣивалась.

Оглядывая меня своими острыми глазами, она легко и насмѣшливо бросала слова:

— Вы очень выросли за вашу болѣзнь и. . . какъ ты находишь, Элла, вѣдь теперь и видъ гораздо лучше?

— Да, видъ лучше, — застѣнчиво согласилась Элла.

— Мы два раза были у васъ во время вашей болѣзни. Но вы не можете этого помнить.

— Вы были безъ сознанія, — съ состраданіемъ добавила Элла.

— Да, вы имѣли довольно грустный видъ, и такъ перепугали Элли, что она перестала учить уроки.

— Мея!

— Да, да. Я даже не ручаюсь, что она не плакала.

Элла съ негодованіемъ смотрѣла на сестру. Ея нѣжное лицо, съ тонкой кожей, прозрачной, какъ фарфоръ, такъ и залилось все тѣмъ же пламенемъ, которое сіяло во всемъ ея существѣ.

— Это неправда. Я вовсе не перестала учить уроковъ и вовсе не плакала. Но, конечно . . . ну, да, мнѣ было жаль . . . Но вѣдь и ты поблѣднѣла, когда докторъ сказалъ, что болѣзнь опасна, и даже Эди замѣтилъ, какъ ты поблѣднѣла.

Мея сдѣлала неподвижные изумленные глаза.

— Я! Мнѣ вѣрно просто стало нехорошо отъ этого запаха кожи, къ которому я не привыкла. Да, да, вотъ отъ этого. Я даже должна были выскочить на воздухъ.

Мнѣ бы слѣдовало поблагодарить ихъ и за эти посѣщенія, и за эти цвѣты, но пока я собирался сдѣлать это, Мея заявила:

— Намъ нельзя оставаться: мы безъ спросу, да и сейчасъ придутъ къ вамъ товарищи. Эди пошелъ за ними.

Элла взглянула на часики. Нерѣшительно сказала:

— Мы можемъ еще пробыть минутъ пять.

Мея вздернула свои узенькія, худыя плечи.

— Пять минутъ . . . пожалуй.

И она, какъ будто чѣмъ-то недовольная, отвернулась къ окну.

Мы съ Эллой стояли другъ противъ друга и молчали.

Элла опустила глаза, справедливо ожидая, что я, наконецъ, заговорю, но именно сейчасъ я чувствовалъ, что рѣшительно всѣ слова оставили меня, и стоялъ съ цвѣтами въ рукахъ дуракъ дуракомъ.

Мея вдругъ повернулась къ намъ и, остановивъ сначала вопросительный взглядъ на мнѣ, потомъ на сестрѣ, неожиданно закатилась звонкимъ смѣхомъ, отъ котораго мы растерялись.

Мальчишескимъ движеніемъ подтолкнувъ сестру, она сказала:

— Ну, идемъ.

Быстро, уже на ходу, сунула мнѣ руку и потянула за рукавъ сестру такъ, что та едва успѣла проститься со мной.

Я былъ настолько ошеломленъ, что даже не успѣлъ проводить ихъ. Но едва онѣ исчезли, новое радостное чувство охватило меня всего съ головы до ногъ.

Вскорѣ послѣ нихъ пришелъ Эди съ двумя товарищами.

Одинъ довольно высокій, худой, нескладный, со скуластымъ лицомъ, тронутымъ около широкаго носа рябинами, съ неряшливо расчесанными косымъ проборомъ волосами. Другой, приличненько одѣтый, тонкій блондинъ, съ женственнымъ лицомъ и голубыми глазами. Но, присмотрѣвшись къ этимъ глазамъ, нельзя было въ нихъ не замѣтить холодной и сухой блескъ, который рѣзко не вязался ни съ этими женственными чертами, ни съ высокимъ слабымъ голосомъ.

Первый былъ Кривошеинъ; я его видѣлъ въ училищѣ и вспомнилъ его, второй назвался Лисуновымъ; онъ перевелся изъ Сибири, откуда отецъ его былъ назначенъ въ нашъ городъ начальникомъ почты. Лисуновъ былъ классомъ моложе Кривошеина, но старше меня и Эди.

Пришли они вечеромъ, и на Кривошеинѣ былъ надѣтъ резиновый плащъ. Я предположилъ, что идетъ дождь, и готовъ былъ по-

жалѣть, что прекрасная погода кончилась, и, можетъ быть, мнѣ завтра не придется поэтому выйти.

Но Лисуновъ съ острой насмѣшливой улыбочкой, щуря свои голубые глаза въ сторону товарища, замѣтилъ:

— Нѣтъ, погода прекрасная, а плащъ это, чтобы сразу было видно, съ кѣмъ имѣемъ дѣло.

Онъ едва коснулся моей руки своими тонкими пальцами, а Кривошеинъ встряхнулъ и пожалъ мою руку съ энергіей.

— Галиматья! Я завелъ плащъ потому, что это удобно. Да и дешево: онъ мнѣ достался по случаю.

Вслѣдъ за Кривошеинымъ Эди встряхнулъ мнѣ руку такъ же, какъ и онъ.

Странно было видѣть, какъ этотъ всегда спокойный мальчикъ робѣлъ въ ихъ присутствіи.

— Отлично, сэръ, что вы уже на ногахъ, — привѣтствовалъ меня Кривошеинъ. — Значитъ, на-дняхъ ужъ за дѣло.

— Да, сразу придется поналечь, чтобы догнать товарищей.

— Ну, я, положимъ, не объ этомъ. Есть посущественнѣе. Вы, конечно, въ курсѣ дѣла?

— Я ему все хорошо разсказалъ, — поспѣшилъ за меня отвѣтить Эди.

Лисуновъ двумя пальцами поправилъ около уха свои прямыя бѣлесыя пряди волосъ, гладко ложившихся назадъ съ высокаго, но нѣсколько узкаго лба, и опять тихонько замѣтилъ:

— А я бы все-таки совѣтовалъ вамъ заняться сначала этимъ несущественнымъ, чтобы не чувствовать себя въ классѣ дуракомъ.

Онъ какъ-то вскользь, не глядя ни на кого, обронилъ эти слова и, заглянувъ въ сосѣднюю комнату, гдѣ свѣтилась лампадка, прибавилъ:

— А у васъ, сэръ, должно быть, религіозные хозяева? И, вѣрно, теперь у всенощной?

Въ его тонѣ слышалась все та же насмѣшливость, и мнѣ стало какъ-то безотчетно боязно за тѣ дорогія чувства, которыя я недавно пережилъ, слушая чтеніе евангелія.

— Да, кажется.

Кривошеинъ неодобрительно тряхнулъ головой:

— Вотъ это обстоятельство больше всего тормозитъ дѣло.

— Какое обстоятельство? — продолжая присматриваться и тихо притрогиваться ко всѣмъ предметамъ, спросилъ Лисуновъ.

— Религіозность.

— Ну, религіозность, религіозности рознь. И нѣкоторые рас-

кольники религіозны. И это обстоятельство не только не служитъ тормазомъ въ томъ, о чемъ ты говоришь, а наоборотъ.

— Я говорю о религіозности, которая больше похожа на суевѣріе, о религіозности, которая служитъ уздой для того, чтобы ихъ же держать въ покорности и благоговѣніи къ разнымъ фетишамъ.

— А, Феербахъ!

Кривошеинъ вспыхнулъ.

— Ну, Феербахъ тамъ, или не Феербахъ, все равно. А если хочешь знать, то и раскольники твои немногаго стоятъ. Потому что все-то христіанство, съ его загробными благами, создалось для утѣшенія рабовъ и для всякихъ убогонькихъ: терпите молъ, выносите, молъ, все, а васъ за это на томъ свѣтѣ по головкѣ погладятъ.

Боязнь моя оправдывалась: какъ разъ то, что такъ трогало меня и привлекало, рѣзко осуждалось и осмѣивалось. Мнѣ хотѣлось, чтобы Лисуновъ также рѣзко опровергъ его, доказалъ всю жестокую несправедливость его, но вмѣсто этого, онъ лишь небрежно процѣдилъ сквозь свои бѣлые ровные зубы:

— Ахъ, какъ удивительно быстро раздѣлался съ христіанствомъ. Разъ-два-три, алле-пассе и готово. Экій ты мастеръ закусывать удила.

— А ты возражай, если можешь, а не отдѣлывайся насмѣшечками.

Онъ энергично закинулъ ногу на ногу, и его высокіе черные сапоги, вмѣстѣ съ резиновымъ плащемъ, пахли такъ, какъ пахло въ сапожной мастерской.

Во время этого спора Эди внимательными и удивленными глазами смотрѣлъ то на одного, то на другого, и лишь изрѣдка взглядывалъ на меня, какъ будто желая сказать: «Ну, что видишь, какіе это необыкновенные люди».

Лисуновъ, продолжая тихо расхаживать по комнатѣ, отвѣтилъ:

— Ну, мы не затѣмъ пришли сюда, чтобы заниматься такими диспутами. Вотъ что, сэръ, — обратился онъ ко мнѣ уже серьезно: — Онъ, — Лисуновъ кивнулъ головой въ сторону Эди, — передавалъ намъ, что у васъ есть склонность и ну, тамъ, талантъ, что ли, къ литературѣ. Интересно было бы познакомиться съ вашими произведеніями, сэръ.

Я почувствовалъ, что покраснѣлъ. Мнѣ не особенно нравилось это «сэръ» но, очевидно, такое обращеніе теперь привилось въ училищѣ и замѣнило когда-то бывшее въ ходу «блѣднолицый братъ мой».

— У меня и произведеній никакихъ нѣтъ. — Вспомнилъ о сочиненномъ мною стихотвореніи, но ужъ, конечно, я ни за что не прочелъ бы его имъ.

— А какъ же, сэръ, Райтъ намъ говорилъ...

— Эди, вѣроятно, говорилъ о разныхъ дѣтскихъ моихъ выдумкахъ, но я ихъ не записывалъ.

Эди поспѣшилъ заявить столько же для моего прославленія, сколько и для своего оправданія:

— Но, однакоже, всѣ взрослые тогда говорили, что у тебя несомнѣнный талантъ. И даже Никодимъ Петровичъ...

— А, и Никодимъ Петровичъ... — съ уваженіемъ повторилъ Кривошеинъ.

— Да, онъ прямо сказалъ, что у Гарькова талантъ и царь въ головѣ.

Мнѣ непріятно было, что Эди назвалъ меня по фамиліи, а не Павликъ, какъ всегда, но поддержка его была мнѣ пріятна.

— Тѣмъ лучше, — кивнулъ головой Кривошеинъ. — Но вы, собственно, что же сочиняли: прозу или стихи?

— Это не важно, — заявилъ Лисуновъ. — Важно знать, какого вы, собственно, направленія, сэръ, придерживаетесь.

— Да, да, какому, такъ сказать...—Онъ свернулъ толстую папиросу, замуслилъ ее языкомъ и сунулъ въ ротъ. — Богу служите?

Я смутился. Никогда подобный вопросъ не приходилъ еще мнѣ въ голову.

— То есть какъ? — нерѣшительно спросилъ я.

Лисуновъ слегка скосилъ тонкія губы, непріятно красныя при женственной бѣлизнѣ его лица.

— То есть, намъ важно знать: народникъ вы, или наоборотъ... онъ видимо для эффекта сдѣлалъ паузу, но Кривошеинъ воспользовался ею и презрительно закончилъ:

— Служитель искусства для искусства?

Я окончательно сталъ втупикъ. По лицу Эди я видѣлъ, что онъ радъ былъ бы выручить меня изъ тяжелаго затрудненія, но очевидно самъ не знаетъ, какъ это сдѣлать.

Старшіе товарищи значительно переглянулись, видя мою полную безпомощность.

— Да вы, сэръ, читали ли хоть Писарева? — испытующе глядя прямо въ глаза, озадачилъ меня Кривошеинъ.

Я долженъ былъ сознаться, что не читалъ. Хотѣлъ для своего оправданія пояснить, что мнѣ и некогда было читать постороннія серьезныя книги, потому что и для уроковъ приходилось вырывать время отъ тѣхъ унизительныхъ обязанностей, которыя долженъ былъ нести у старухъ, замѣняя имъ прислугу. А на желѣзнодорожной станціи, гдѣ я лѣтомъ гостилъ у буфетчика, пріятеля моего покойнаго отца, случалось мнѣ доставать у телеграфистовъ лишь уголовные

романы. Но почему-то убоялся этимъ объясненіемъ уронить себя и промолчалъ объ этомъ.

Они опять переглянулись, точно два врача, которые совѣтовались насчетъ больного.

— Надо ему дать Писарева, — какъ бы прописывая лѣкарство, заявилъ Кривошеинъ.

— Я бы прибавилъ Каблица: «Основы народничества».

— Можно и Каблица, — согласился Кривошеинъ. — Надо, чтобы онъ познакомился и съ народничествомъ.

— Изъ беллетристики можно Златовратскаго: «Устои».

— Пожалуй, Успенскаго.

Пока они важно совѣщались, смотря въ упоръ другъ на друга, мы съ Эди чувствовали себя жалкими невѣждами.

Эди, повидимому, больше чтилъ авторитетъ Кривошеина, и съ необыкновеннымъ почтеніемъ глядѣлъ прямо въ ротъ ему, а тотъ все еще продолжалъ держать незакуренную папироску во рту; она такъ ловко прилипла къ его губѣ, что не только не мѣшала ему разговаривать, а, наоборотъ, покачиваясь при каждомъ движеніи губы, какъ будто подтверждала вѣскость каждаго его слова.

Но въ то самое время, какъ Кривошеинъ, брякнувъ рукой сначала по правому, потомъ по лѣвому карману своихъ брюкъ, нашелъ спички и хотѣлъ закурить, Лисуновъ остановилъ его, уже дѣйствительно съ авторитетомъ врача:

— Въ комнатѣ легочнаго больного не слѣдовало бы курить, сэръ.

— Вотъ еще нѣжности какія,—пробормоталъ Кривошеинъ, однако, отложилъ папироску. Вообще, несмотря на весь свой положительный видъ и внушительный тонъ и на то, что Лисуновъ и классомъ и, видимо, годами былъ моложе его, онъ иногда явно спадалъ съ тона передъ холодной насмѣшливой улыбкой Лисунова и, раздражаясь и громко противорѣча, въ то же время вопросительно косился въ сторону язвительнаго и тихаго товарища. Но ему не хотѣлось уступать первенство, и онъ спѣшилъ опередить Лисунова вопросами и наставленіями.

— Вотъ что, — внушительно обратился онъ ко мнѣ, слегка оттопыривая губу и пощипывая пробивающіеся кустиками рыжеватые волоски усовъ, — такъ какъ вы, насколько мнѣ извѣстно, изъ народа, — несомнѣнно, вы обязаны и посвятить себя народу. Значитъ, въ этомъ смыслѣ и надо развиваться. Я готовъ руководить вами въ выборѣ книгъ, ну и всего прочаго...

— Ну, положимъ, на это у насъ будетъ каталогъ, — замѣтилъ Лисуновъ.

— Да, но система.

— Въ каталогѣ должна быть указана и система.

— Однако, онъ можетъ нечаянно отклониться отъ намѣченнаго пути въ сторону Пушкиніанства, Фетовщины и тому подобной галиматьи. Для ихняго брата очень соблазнительны всѣ эти: «Шопотъ, робкое дыханье», «Для звуковъ сладкихъ и молитвъ», и тому подобное бряданье.

— Однако, я нынче тебя какъ разъ засталъ именно за чтеніемъ Пушкина.

Кривошеинъ опѣшилъ, покраснѣлъ и заморгалъ маленькими глазами, съ неровно растущими жидкими рѣсницами.

— Что жъ изъ того! Нельзя же не познакомиться съ тѣмъ, противъ кого борешься.

Но Лисуновъ продолжалъ немилосердно уличать его:

— Однако, ты знакомился съ такимъ увлеченіемъ, что даже не замѣтилъ, какъ я вошелъ и минутъ пять слѣдилъ за тобою.

— Ну ужъ и пять, — совсѣмъ ужъ смущенный отвѣтилъ Кривошеинъ и безпокойно заерзалъ на мѣстѣ, раскидывая свои длинныя руки направо и налѣво. Случайно попалась скрученная имъ папироса. Онъ обрадовался ей, какъ выходу изъ своего затруднительнаго положенія.

— Ахъ, вотъ она! Смерть, какъ курить хочется. Такъ ужъ и быть покурю на дворѣ. Намъ пора идти. Да, кстати, — спохватился онъ, — вы не болтайте никому объ этомъ.

— Да мнѣ и некому.

— Развѣ у васъ никто не бываетъ?

Я вспомнилъ о посѣщеніи классснаго наставника.

— Вотъ еще манеру завели, — какъ-то по-старчески проворчалъ Кривошеинъ, набрасывая на плечи свой плащъ и низко надвигая на лобъ форменную фуражку, которыми недавно были замѣнены наши солдатскаго образца кепи. — Это по новому циркуляру шпіонство за учениками.

— Ну, Колобовъ ничего, порядочный малый, а вотъ нашъ Ключиковъ, форменный шпіонъ.

Лисуновъ надѣлъ свою фуражку, украдкой посмотрѣвшись въ зеркало.

— А вы что же, сэръ, не съ нами? — обратился онъ къ Эди, который, видимо, не собирался уходить.

— Нѣтъ, я еще немножко побуду у Гарькова.

Кривошеинъ опять тряхнулъ мою руку.

— Ну, такъ поправляйтесь скорѣй.

Лисуновъ также чуть коснулся своей рукой моей руки, почти

не сжимая ее и, когда Кривошеинъ былъ уже въ дверяхъ, онъ вполголоса сказалъ Эди, прощаясь съ нимъ:

— Поклонитесь сестрамъ.

Кривошеинъ обернулся и насмѣшливо скосилъ на него глаза. А когда Лисуновъ поравнялся съ нимъ, сказалъ ему:

— Вотъ ты меня Пушкинымъ коришь, а у самого слабость позазорнѣй.

— Что за вздоръ.

— Ну да ужъ молчи, знаемъ мы, что знаемъ.

Лишь только они ушли, Эди вслухъ обратился ко мнѣ съ тѣмъ, что я все время читалъ въ его лицѣ:

— Я тебѣ говорилъ. Удивительные парни! — и, не дождавшись моего подтвержденія, спросилъ: — Ну, а кто тебѣ больше понравился?

— Не знаю. Кривошеинъ очень славный, а Лисуновъ, кажется, умнѣе.

— О, Лисуновъ замѣчательная голова. Онъ французскую революцію, какъ свои пять пальцевъ знаетъ. Положимъ, и Кривошеинъ тоже, навѣрное, знаетъ не хуже.

— Лисуновъ хитрый.

— Да, онъ хитрый. Не даромъ его фамилія Лисуновъ. И потомъ, онъ немножко . . . я не знаю, какъ это сказать по-русски . . . у него есть претензія франтить, но онъ это не умѣетъ. А вотъ Кривошеинъ, хоть онъ и завелъ себѣ плащъ, а къ нему это идетъ. Это такой славный человѣкъ, такой славный товарищъ, ну вотъ увидишь. Онъ ужасно, ужасно бѣдный, а помогаетъ своимъ уроками. У него братъ, сестра . . .

Я вспомнилъ также о своемъ братѣ и сестрѣ. Я бы тоже хотѣлъ помогать имъ.

— И дома у насъ Кривошеина больше любятъ, чѣмъ Лисунова. Лисуновъ, — понизилъ голосъ Эди и даже оглянулся назадъ: — Онъ, кажется, влюбился въ мою сестру.

Лисуновъ сразу сталъ непріятенъ мнѣ.

— Да, Кривошеинъ много симпатичнѣе, и даже еще неизвѣстно, кто умнѣе. Мнѣ такъ показалось, потому что онъ все время насмѣшничаетъ. А, можетъ быть, это вовсе не потому, что онъ больше знаетъ и больше понимаетъ, чѣмъ Кривошеинъ.

Эди обрадовался.

— О, навѣрное, не потому!

— И относительно вкуса тоже правда.

— Да, да. Значитъ, мы и тутъ съ тобой сходимся.

Избѣгая глядѣть въ глаза Эди, я равнодушнымъ голосомъ спросилъ:

— А какъ къ нему относится Элла?

— О, меня это совсѣмъ не интересуетъ. Дѣвченки, онѣ дѣвченки и есть,—пренебрежительно обобщилъ онъ.—Имъ пріятно, когда за ними ухаживаютъ. Но я очень радъ, что мое предложеніе было принято, хотя противъ него высказался даже Лисуновъ, — закончилъ Эди, протягивая мнѣ на прощанье руку.

Когда онъ ушелъ, я не зналъ, что о себѣ думать. Что же это значитъ? Вѣдь я такъ недавно сочинялъ стихи Олечкѣ, а теперь — Элла. И зачѣмъ это, когда мнѣ хочется думать совсѣмъ о другомъ, о томъ важномъ и святомъ, съ чѣмъ сейчасъ ко мнѣ приходили товарищи.

«Однако, одинъ изъ нихъ», — вспомнилъ я о Лисуновѣ. Но менѣе всего хотѣлъ бы я быть похожимъ на Лисунова, особенно теперь, когда я еще не зналъ, какъ къ нему относится Элла.

Но, Боже мой, неужели я пустой, неискренній человѣкъ, лицемѣръ и полное ничтожество.

X.

Бабье лѣто кончилось. Съ самого того дня, какъ я пришелъ въ сознаніе, стояли дни солнечные, прозрачные, и это очень подвинуло мое выздоровленіе.

Но въ день выхода небо затянулось сѣренькими ровными облаками, сквозь которыя слабо просѣивался солнечный свѣтъ. Все задумалось: и деревья, съ почти облетѣвшими листьями, и вся земля, и Волга, и даже городская жизнь.

Все притихло, и хотя движеніе на Волгѣ не только не уменьшилось послѣ лѣта, а какъ будто развернулось на исходѣ, но суеты и обычнаго шума уже не было, и все существо мое ощущало радость жизни и въ себѣ и вокругъ.

Съ завтрашняго дня начнутся трудовые будни, а нынче еще праздникъ, нынче я не хотѣлъ бы думать ни о чемъ печальномъ. Но сколько я ни старался объ этомъ не думать, а заботы настойчиво подступали ко мнѣ.

Я уже заявилъ хозяевамъ, что съ завтрашняго дня буду обѣдать вмѣстѣ со всѣми въ мастерской. Но надо было расплатиться за все это время, что я проболѣлъ, шутка ли, цѣлый мѣсяцъ! Когда я спросилъ сколько за этотъ мѣсяцъ приходится, хозяева уклончиво отвѣтили: «Послѣ сосчитаемся».

Однако, сейчасъ у меня не было ни гроша. Можно бы занять,

Легче всего для меня было бы обратиться къ Петру, но начинать съ этого, послѣ тѣхъ клятвъ, которыя я себѣ давалъ, не хотѣлось.

Какой-то пьяный попался мнѣ навстрѣчу, разговаривая самъ съ собой. Поровнявшись со мною, онъ покачнулся, поднялъ голову, и мнѣ бросилось въ глаза запущенное лицо, однако, совсѣмъ не похожее на лицо простого пропойцы или галаха, какъ у насъ называли такихъ. Показалось, что я уже видѣлъ это лицо, но какъ будто во снѣ.

— Молодому поколѣнію привѣтъ, — проговорилъ онъ, поднимая измятую шляпу съ головы, густо заросшей спутанными волосами.

Я узналъ его: это былъ извѣстный всему городу князь Курепинъ. Потомокъ знаменитой фамиліи, когда-то богачъ и меценатъ. Теперь нищій, питавшійся подачками родственниковъ, потерявшихъ всякую надежду спасти его отъ этого паденія.

Остановившись передо мной въ нѣсколько театральной позѣ, онъ, глядя въ лицо мое тусклыми, почти безсмысленными глазами, проговорилъ, плохо произнося букву Р.

— Грядущее въ рукахъ молодежи. Мы — прошлое, которое потеряло себя въ рабствѣ. А, впрочемъ, какъ говорилъ царь Соломонъ: «Все суета суетъ». Это я вамъ говорю. Я, князь Курепинъ. Все прахъ. Вздоръ.

Эта буква Р, которая, какъ нарочно, часто повторялась въ его словахъ, своимъ трескомъ производила на меня впечатлѣніе непріятнаго карканья.

Мнѣ стало немножко жутко отъ этой рѣчи, отъ этого страшнаго паденія человѣка, который имѣлъ все для счастья и покоя, и вотъ, еще далекій отъ старости, разорвалъ всякую связь съ творцами настоящей жизни и, какъ отломанная вѣтка, плыветъ въ грязномъ потокѣ въ темную яму.

Мое приподнятое настроеніе снизилось. Я почувствовалъ усталость и сѣлъ на скамеечку. Холодокъ отъ мысли перешелъ къ тѣлу. Я зябко съежился и засунулъ руки въ карманъ.

— Вы нездоровы? — наклоняясь ко мнѣ, спросилъ князь.

Какая-то бумажка попалась мнѣ подъ пальцы въ правомъ карманѣ, но я не обратилъ на нее никакого вниманія и, машинально комкая ее, отвѣтилъ ему:

— Нѣтъ, я теперь уже здоровъ.

— Но, можетъ быть, вы? . . — онъ испытующе посмотрѣлъ мнѣ въ глаза и шопотомъ докончилъ: — голодны?

— Нѣтъ, нѣтъ, что вы! — поспѣшилъ я отвѣтить ему.

— А я такъ голоденъ.

Я посмотрѣлъ на него. Лицо было мутно блѣдное, тусклые, но прекрасные глаза, глубоко запали въ темные круги.

— Пьянъ, но голоденъ. Представьте себѣ. Когда я пью, я не ѣмъ, а когда ѣмъ — не пью. Представьте себѣ, и всегда такъ бываетъ: когда я перестаю пить, у меня уже нѣтъ денегъ для того, чтобы ѣсть. И вотъ сейчасъ именно такой роковой для меня моментъ.

Стало жаль его и обидно, что не могу помочь этому внушавшему мнѣ симпатію человѣку. Я сказалъ:

— Какъ досадно, что и у меня нѣтъ ни гроша.

Онъ расхохотался сиплымъ, но пріятнымъ смѣхомъ и положилъ мнѣ руку на плечо.

— Значитъ, товарищи по несчастью. Это бываетъ, представьте себѣ. Но всѣ несчастья поправимы, кромѣ смерти. Есть у васъ клочекъ бумаги и карандашъ?

Я сталъ торопливо рыться въ карманахъ. Карандаша не было, не было и бумаги, кромѣ того измятаго клочка, который попался мнѣ подъ пальцы.

— Представьте себѣ, нѣтъ, — машинально повторяя его фразу, отвѣтилъ я. — Вотъ только...

И я вытащилъ бумажку, скорѣе съ намѣреніемъ бросить ее, чѣмъ предложить ему. Но взглянувъ на нее, я ахнулъ отъ неожиданности. Это была измятая двадцатипятирублевая бумажка. Я не вѣрилъ своимъ глазамъ.

Онъ съ изумленіемъ взглянулъ на эту бумажку, потомъ на меня.

Я почувствовалъ, что покраснѣлъ, и забормоталъ, растерянный:

— Клянусь вамъ, я самъ не зналъ. Ей Богу, клянусь вамъ, не знаю, откуда. Я такъ давно не одѣвалъ эту шинель... я былъ боленъ. Можетъ быть, вы...

Опять раздался сиплый пріятный смѣхъ.

— Я?.. Нѣтъ, милый мальчикъ, къ сожалѣнію не я. Это бывало въ моей жизни и можетъ быть, но на этотъ разъ, представьте себѣ, не я.

Прежде всего обрадованный и, не разбираясь, откуда могли ко мнѣ попасть эти деньги, я отъ всего сердца сталъ предлагать ему взять, сколько нужно.

Онъ весело меня поблагодарилъ и, поднявъ наравнѣ съ красивымъ барскимъ носомъ указательный палецъ, произнесъ:

— Одинъ рубль.

Я сталъ его убѣждать взять пять...

Но онъ продолжалъ символически держать указательный палецъ и рѣшительно заявилъ:

— Ни больше, ни меньше.

Оставалось размѣнять деньги. Вблизи ничего подходящаго для этого не было.

— Въ слѣдующемъ кварталѣ, за угломъ, есть трактиръ. Если вамъ необходимо отдохнуть, я размѣняю самъ.

Я съ радостью протянулъ ему деньги.

Онъ какъ будто отрезвѣлъ на моихъ глазахъ и пошелъ уже болѣе твердой поспѣшной походкой.

А когда скрылся за угломъ, я почувствовалъ нѣчто въ родѣ тревоги. Правда, онъ князь, но все же пропойца и сейчасъ не трезвъ . . .

Мнѣ было немного стыдно за это подозрѣніе, но сумма была такъ велика и въ ней представлялось мнѣ чуть ли не мое спасеніе. Правда, попала она въ карманъ ко мнѣ какимъ-то чудомъ. Кто могъ положить ее?

Я сталъ перебирать всѣхъ, кто способенъ былъ оказать мнѣ такую деликатную помощь. Эди? Петръ? Константинъ? Отецъ его? Классный наставникъ?

Если бы я даже хотѣлъ допытаться, врядъ ли мнѣ удастся это. Кто бы это ни былъ, я сейчасъ не чувствовалъ униженія отъ этой подачки и тутъ же торжественно далъ себѣ слово при первой возможности эту сумму такимъ же путемъ отдать тому, кто будетъ нуждаться такъ же, какъ и я.

Князь не шелъ, и разъѣдающая тревога стала не на шутку отравлять меня. Приходилось бороться съ собой, чтобы не встать и не пойти вслѣдъ за нимъ. Я вздрагивалъ при каждой фигурѣ, которая появлялась изъ-за угла, но когда появился онъ, опустилъ голову и сдѣлалъ самое равнодушное лицо, втайнѣ выругавъ себя скотиной за недовѣріе.

Князь нѣсколько запыхался и, подавая мнѣ деньги, извинился:

— Въ ближайшемъ трактирѣ отказались размѣнять въ сухую, и я уже потратилъ часть моего долга: съѣлъ пару бутербродовъ съ икрой.

Онъ подалъ мнѣ все, кромѣ сдачи съ рубля.

— Но у васъ мало остается, чтобы хорошо пообѣдать.

— Хорошо пообѣдать? — повторилъ князь, поднимая брови, разсмѣялся и сказалъ какую-то французскую фразу, которую я не понялъ, но, судя по его снисходительному взгляду, догадался, что это была иронія надъ моимъ капиталомъ.

— Прощайте, дорогой другъ.

Онъ протянулъ руку и, пожимая мою, хотѣлъ что-то прибавить, но лишь горько поджалъ свои губы, горделиво вскинулъ голову и пошелъ. Однако, сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, вернулся:

— Вашъ адресъ?

Я сообщилъ.

— А а... — протянулъ онъ многозначительно. — Знаю и даже очень хорошо знаю.

Онъ хотѣлъ какъ будто спросить меня о чемъ-то, но лишь махнулъ рукой, и мы разстались.

Эта встрѣча, произведшая сначала на меня такое мрачное впечатлѣніе, закончилась такъ необыкновенно. И меня охватило дѣтски радостное чувство, отъ котораго хотѣлось смѣяться и прыгать. И было это не только потому, что мнѣ такъ неожиданно свалились эти деньги, а еще и потому, что я при этихъ первыхъ самостоятельныхъ шагахъ моихъ нечаянно помогъ другому. Главное же, это тайно оказанное мнѣ благодѣяніе не только тѣхъ людей, которыхъ я любилъ и зналъ, но и всѣхъ, кого не зналъ, кто вотъ сейчасъ наполнялъ этотъ городъ, и вотъ этого жалкаго пропойцу, озарило особенно яснымъ привлекательнымъ свѣтомъ.

Я подумалъ: «Если не всѣ люди, то огромное большинство хорошіе, добрые». Я повѣрилъ въ это, и съ этой вѣрой жизнь впереди представлялась мнѣ не такой мрачной и трудной, какъ раньше.

XI.

Послѣ долгихъ лѣтнихъ вакацій всегда необыкновенно интересно входить въ классъ впервые. Помимо любопытства и готовности работать, есть какое-то возвышающее сознаніе подъема. Точно взошелъ на новую ступеньку, приближающую тебя къ цѣли.

Новыя впечатлѣнія, новые предметы, самыя названія которыхъ звучатъ чрезвычайно внушительно: тригонометрія, физика, химія...

Мое появленіе въ классѣ привѣтствовалось частью радостными, частью дурачливыми криками товарищей.

Большинство товарищей перешли изъ одного со мною класса, но были и второгодники, и новички, перешедшіе къ намъ изъ другихъ училищъ.

Запоздалое нѣсколько вступленіе мое въ товарищескій кругъ омрачилось лишь однимъ: слухомъ, который нынче прошелъ по всему училищу: новый директоръ свирѣпствовалъ.

Нѣкоторые новые циркуляры, какъ, напримѣръ, о слѣжкѣ за учениками внѣ школы, непріятно волновали учениковъ, и у наиболѣе смѣлыхъ и задорныхъ вызывали протестъ.

Мнѣ стараго директора было особенно жаль, такъ какъ, только благодаря его участію, я остался въ училищѣ. И я былъ не одинъ.

— Отвратительно, что не только новые ставленники директора,

но и нѣкоторые изъ прежнихъ учителей повели себя гнусно, — сказалъ Эди. — Ну да это мы еще посмотримъ, — съ угрозой прошепталъ онъ.

— Какъ посмотримъ?

— А такъ. Тамъ видно будетъ... На-дняхъ мы должны будемъ собраться... Ахъ, да, я долженъ тебя предупредить: ты и вида не подавай, что хорошо знакомъ съ Кривошеинымъ и Лисуновымъ. Этого требуетъ конспирація.

— Конспирація? — переспросилъ я незнакомое слово.

— Конспирація, — съ удовольствіемъ повторилъ Эди.

Я почувствовалъ, что не только въ урокахъ, но и тутъ Эди далеко обогналъ меня.

Было еще у меня непріятное пятнышко въ училищѣ: Миша Ростовцевъ. Въ то время, какъ братъ его Константинъ, пренебрежительно и враждебно относившійся ко мнѣ, въ послѣднюю нашу встрѣчу проявилъ тронувшее меня благородство, Миша, который вначалѣ былъ такъ ласковъ со мною, измѣнился ко мнѣ уже съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ я перешелъ къ его родственницамъ.

Теперь при встрѣчѣ со мной онъ сдѣлалъ видъ, что даже не замѣтилъ меня. Но потомъ, въ кучкѣ своихъ товарищей, я видѣлъ, какъ онъ, съ презрѣніемъ взглянувъ въ мою сторону въ то время, какъ я разговаривалъ съ Эди, сообщилъ имъ что-то такое, отъ чего они стали пожимать плечами, пересмѣиваться и покачивать головами.

Во мнѣ закипѣла боль и обида. Миша, навѣрно, повторялъ имъ ту гадкую клевету, которая заставила меня съ такимъ скандаломъ убѣжать отъ старухъ.

Одинъ изъ тѣхъ, съ кѣмъ онъ говорилъ, былъ сынъ мѣстнаго полицеймейстера, Звончаевъ, гибкій, тонкій, съ ужиной головкой, прозванный — хлыстикъ: другой, маленькій неряшливый, съ больными глазами — Келеповскій, бѣднякъ, сынъ мелкаго консисторскаго чиновника; онъ былъ отличный математикъ и вообще первый ученикъ, но подхалима и попрошайка. Еще въ младшихъ классахъ онъ всегда приставалъ во время перемѣны то къ тому, то къ другому изъ завтракавшихъ и просилъ:

— Дай откусить...

Его кормили, а за то онъ угодливо помогалъ рѣшать задачки. Небрезгливость его доходила до того, что, когда тѣ, что были постарше, курили, онъ выпрашивалъ окурки и курилъ до тошноты, не потому, что ему хотѣлось курить, а скорѣе изъ жадности. Онъ вѣчно что-нибудь вымѣнивалъ, продавалъ. Сперва онъ игралъ въ перышки, а потомъ сталъ носить въ училище карты. Его уважали за способ-

ности, презирали за низость, но боялись потому, что онъ обо всѣхъ все зналъ и умѣлъ подмѣтить слабость каждаго...

Съ нимъ избѣгали сидѣть на одной скамейкѣ. Такъ какъ я явился поздно, мнѣ волей-неволей пришлось занять мѣсто рядомъ, а позади какъ разъ сидѣли Звончаевъ съ Мишей.

Едва мы усѣлись, онъ, впиваясь въ меня мокрыми своими глазками, спросилъ:

— А почемъ у насъ теперь малина?

Сзади захохотали.

Это былъ намекъ все на ту же гадость, что я будто бы утаилъ у родственницъ Миши пятачекъ при покупкѣ малины.

Я ничего не отвѣтилъ, но подъ скамейкой такъ наступилъ ему на ногу каблукомъ, что онъ вскрикнулъ и пнулъ меня въ свою очередь.

Феокритовъ вскинулъ съ каѳедры черезъ пенснэ свои злые безпокойные глазки. Отъ него никогда ничего не могло укрыться въ въ классѣ.

— Келеповскій, что тамъ такое?

— Я... я... — забормоталъ Келеповскій. — Я, Федотъ Васильичъ, укололся перомъ.

Хотя онъ не посмѣлъ донести, но, говоря это, такъ въ мою сторону взглянулъ, что тотъ вытянулъ голову и перевелъ глаза на меня...

Феокритовъ, котораго я самъ терпѣть не могъ за его злость и тупость, благоволилъ ко мнѣ за то, что ему нравились мои сочиненія. Онъ не ограничивался тѣмъ, что ставилъ мнѣ за нихъ пятерки, а и читалъ ихъ вслухъ передъ классомъ.

— Гарьковъ! — отрывисто выкрикнулъ онъ своимъ тонкимъ, пронзительнымъ голосомъ, — пересядьте сюда ближе, намѣсто Тыркова. А вы, Тырковъ, пересядьте къ Келеповскому.

Тырковъ—второгодникъ, съ грубоватымъ лицомъ и упрямыми татарскими глазами, плаксиво запротестовалъ:

— Федотъ Васильичъ, насъ такъ разсадили раньше.

— А я васъ такъ пересаживаю позже, — рѣзко оборвалъ его учитель.

— Но нашъ инспекторъ... — затянулъ опять Тырковъ.

Феокритовъ поднялся на своихъ тонкихъ всегда нервно дрыгающихъ ногахъ и, сбросивъ пенснэ, повелительно взвизгнулъ:

— Молчать! Довольно! Извольте повиноваться.

Это ужъ было слишкомъ. Раньше никогда Феокритовъ не позволилъ бы себѣ отмѣнять распоряженіе инспектора. Значитъ, Эди былъ правъ.

А покуда я былъ доволенъ исторіей, освободившей меня отъ непріятнаго сосѣдства. Теперь моимъ сосѣдомъ былъ горбатый мальчикъ Муратовъ. Милое и кроткое существо съ сѣрыми печальными глазами.

Онъ отлично рисовалъ. Двумя-тремя чертами, еще робкими и слабыми, онъ передавалъ сходство и движеніе, но особенно восхищались мы его акварельками, въ которыхъ и деревья, и облака, и даже вода всегда были своеобразно похожи и печальны, точно въ нихъ свѣтилось выраженіе его глазъ. Учился онъ слабо, особенно не давалась ему математика, но всѣ его любили и охотно ему помогали, подсказывали, передавали шпаргалки, которыми онъ пользовался съ забавнымъ лукавствомъ.

Муратовъ, повидимому, тоже былъ доволенъ этой замѣной: крупный и грубоватый второгодникъ долженъ былъ подавлять его.

Послѣ этой маленькой сцены съ учителемъ, въ классѣ произошло нѣкоторое волненіе: зашептались, задвигались...

— Тише! — прошипѣлъ Феокритовъ и ударилъ журналомъ о столъ. — Пора положить предѣлъ вашей распущенности, и онъ будетъ положенъ... А теперь извольте слушать меня.

Онъ заглянулъ въ журналъ и, нервно подергивая бородку и морща тонкія извилистыя губы, что придавало старушечье выраженіе его еще молодому лицу, вызвалъ того же самаго Тыркова.

Тотъ тяжело и неохотно поднялся.

— Отчего вы не подали вашего сочиненія на заданную мною тему?

Тырковъ оглянулъ классъ, какъ будто приглашая всѣхъ въ свидѣтели задуманнаго имъ представленія, и отвѣтилъ невозмутимо и убѣжденно:

— Оттого, что я пессимистъ.

Въ классѣ этотъ неожиданный отвѣтъ вызвалъ смѣхъ.

— Тише!—уже съ какимъ-то свистомъ прошипѣлъ послѣдній слогъ Феокритовъ и, обернувшись къ Тыркову, изумленно поднялъ голову. — Что? Что вы сказали?

Тотъ, не моргнувъ глазомъ, снова забасилъ:

— Я пессимистъ. Вы задали тему: «Радости жизни лѣтомъ», а я никакихъ радостей ни лѣтомъ, ни зимой въ жизни не вижу.

Классъ, какъ ни старался сдержаться, фыркнулъ громкимъ смѣхомъ.

Учитель взбѣсился.

— Вы что же, шута изволите изображать здѣсь?—съ искаженнымъ лицомъ бросился онъ къ ученику.

Но тотъ былъ не изъ робкихъ.

— Чѣмъ же я виноватъ, если я такъ думаю? Лѣтомъ жарко, люди потѣютъ, и солнечные удары даже съ лошадьми бываютъ.

Классъ уже окончательно разразился смѣхомъ.

Это было явное издѣвательство. Учитель не выдержалъ и, взвизгнувъ:

— Вонъ! — повелительнымъ жестомъ указалъ на дверь.

Смѣхъ сразу прекратился и, повидимому, самъ забавникъ не ожидалъ подобнаго конца. Онъ вопросительно, растерянно оглянулъ классъ и увидѣлъ почти общее сочувствіе себѣ.

Съ четвертаго класса уже ученики считали себя на болѣе солидномъ положеніи, обезпечивающемъ, если не уваженіе, то осторожность въ обращеніи со стороны учителей.

— Я буду жаловаться инспектору, — поблѣднѣвъ, отвѣтилъ изгоняемый.

Но учитель уже какъ будто выстрѣлилъ весь свой гнѣвъ. Язвительно хихикнулъ, онъ гримасой всего лица сбросилъ пенснэ:

— Да-съ. Вы меня очень напугали. Извольте немедленно уходить къ господину инспектору и жа-ло-вать-ся. Что касается меня, я буду жаловаться директору. Уходите-съ.

Тыркову ничего не оставалось, какъ выйти изъ класса.

— И пойду, — бросилъ онъ въ дверяхъ.

Надъ классомъ повисла тяжелая холодная тишина.

Феокритовъ быстрыми нервными шажками побѣжалъ къ каѳедрѣ, остановился на ней, и я видѣлъ сбоку, какъ безпрерывно и мелко дрожала его нога.

Затѣмъ, какъ будто ничего не произошло, онъ снова надѣлъ пенснэ и обратился къ классу дребезжащимъ голосомъ:

— Я, господа, не доволенъ вашими сочиненіями. Съ пятаго класса я бы могъ уже требовать болѣе яснаго и сознательнаго отношенія къ темѣ. Я не говорю философскаго, до этого вы еще не доросли, но, такъ сказать, нагляднаго. Надо было освѣтить эту тему тѣмъ радостнымъ настроеніемъ, которое въ каждомъ изъ насъ рождаетъ лѣтомъ природа.

Онъ откинулъ назадъ голову и, полузакрывъ глаза, какъ бы для приданія своему лицу вдохновеннаго выраженія, слащавымъ тономъ, такъ же не вязавшимся съ его отмѣченными злостью чертами, затянулъ:

— Взгляните на золотящуюся ниву, когда пахарь въ тяжелые снопы вяжетъ плоды трудовъ своихъ. Развѣ не величайшая радость, съ одной стороны, наслаждаться этимъ, такъ сказать, эстетически, съ другой, такъ сказать, этически. Или взгляните на голубую рѣку, въ прохладныя струи которой вы погружаете обласканное зноемъ тѣло.

Развѣ это не радость жизни? Развѣ вы не наслаждаетесь здѣсь опять-таки эстетически и, такъ сказать, физически? Или припомните стихотвореніе одного изъ нашихъ прекрасныхъ поэтовъ о прячущейся въ саду малиновой сливѣ подъ сѣнью сладостной зеленаго листка, или . . . — заливался онъ. Но въ это время раздался звонокъ къ перемѣнѣ.

Елейное вдохновеніе моментально схлынуло, лицо Феокритова стало желчнымъ, какъ всегда, и, кивнувъ на тетрадки, онъ распорядился:

— Дежурный, раздайте тетрадки. Къ слѣдующему уроку приготовьте устное развитіе этой темы и выпишите всѣ ошибки.

Едва онъ ушелъ, какъ въ классѣ поднялся невообразимый гвалтъ: одни были возмущены поведеніемъ учителя, другіе его защищали и, наоборотъ, обвиняли ученика; среди послѣднихъ была и партія Миши. Но и тѣ и другіе нетерпѣливо ждали Тыркова.

Тырковъ пришелъ красный, вспотѣвшій.

— Ну, что? Какъ?

— Чортъ знаетъ что: инспекторъ накричалъ на меня, даже толкомъ не выслушавъ. Тогда я сказалъ, что пойду жаловаться къ директору.

— Ну, ну, вотъ это главное, что директоръ?

— Директоръ сказалъ, чтобы я явился послѣ уроковъ къ нему въ учительскую. Звѣремъ смотрѣлъ на меня.

— А-а . . .

— Вотъ оно что!

— Дѣло дрянь, сэры.

Откликнулись со всѣхъ сторонъ.

— Да неужели инспекторъ окажется свиньей?

— Интересно, какъ отнесется директоръ.

— Навѣрное, гнусно, — Феокритовъ вѣдь его прихвостень.

Первая маленькая перемѣна кончилась. Слѣдующій урокъ былъ Законъ Божій, на которомъ ученики, по выраженію самого законоучителя, вели себя, кто въ лѣсъ, кто по дрова.

Священникъ, человѣкъ совершенно безличный, слабый и робкій, сердился только тогда, когда ему задавали, какъ онъ выражался, соблазнительные вопросы.

Выступилъ и на этотъ разъ Тырковъ, который, очевидно, и тутъ хотѣлъ выказать себя героемъ.

— Батюшка, вѣдь въ священномъ писаніи сказано, что, если человѣкъ имѣетъ вѣру съ горчичное зерно, такъ, если онъ скажетъ горѣ, чтобы она сдвинулась съ мѣста и подошла къ нему, такъ оно и будетъ.

— Сказано.

— Такъ вы, батюшка, тоже можете Соколовой горѣ сказать, чтобы она перемѣнилась мѣстомъ съ Лысой горой?

Въ классѣ хихикнули.

— Стой, дуракъ, безъ мѣста.

На священника не обижались за такую отповѣдь, тѣмъ болѣе что виновнику достаточно было послѣ этого попросить прощенія, какъ онъ немедленно получалъ его.

На урокѣ заняты были всѣмъ, кромѣ Закона Божія. Но это не мѣшало вызваннымъ получать пятерки, и достигалось это очень простымъ способомъ: на классной доскѣ дѣлался какой-то невѣроятный чертежъ, и во всѣхъ концахъ этого чертежа ставились буквы въ такомъ порядкѣ, что по нимъ можно было свободно прочесть весь заданный урокъ, будь то тексты катехизиса или богослуженія. Когда буквъ не хватало въ чертежахъ, писались формулы, все съ тою же цѣлью.

Когда священникъ однажды обратилъ вниманіе на исчерченную такимъ образомъ доску, классъ запротестовалъ противъ того, чтобы стереть написанное.

— Помилуйте, батюшка, геометрія такая трудная штука. Мы всегда пользуемся перемѣнами, чтобы рѣшать теоремы.

На слѣдующей перемѣнѣ я встрѣтился съ Кривошеинымъ. Одѣтый по формѣ, онъ уже не производилъ того внушительнаго впечатлѣнія, что у меня, и еще разъ подтвердилъ, что если нужна будетъ какая-нибудь помощь по занятію, чтобы обратиться къ нему.

— Ахъ, да! — торопливо сообщилъ онъ, — для васъ наклюнулся урочишко. Модисточка одна жаждетъ просвѣщенія. Дѣло мизерное, рублей на семь-восемь, но и заниматься не больше часа въ день. Вотъ вамъ адресъ, подите вечеркомъ, остальное все сами узнаете.

Онъ сунулъ мнѣ въ руку бумажку съ адресомъ.

Я хотѣлъ было узнать его мнѣніе относительно надвигающейся школьной катастрофы, но въ глубинѣ коридора показался надзиратель Ергомышкинъ, по прозвищу шкаликъ. Прозвище это шло за нимъ давно, какъ мы ни старались дознаться, почему онъ шкаликъ, происхожденіе этого прозвища терялось въ далекомъ прошломъ.

Кривошеинъ быстро отошелъ отъ меня, шепнувъ на прощаніе:

— Скоро увидимся.

Я вспомнилъ предупрежденіе Эди о конспираціи и нисколько не удивился не только этому, но и тому, что Лисуновъ при встрѣчѣ со мною прошелъ мимо меня, какъ незнакомый.

Третій урокъ былъ по алгебрѣ, Колобова. Онъ, какъ всегда, стремительно вошелъ въ классъ и началъ занятія при полной тишинѣ и вниманіи. Отмѣтки ставилъ скупо и, по обыкновенію, острилъ, но уже, не съ такой легкостью и мѣткостью, какъ тогда, когда былъ выпивши.

Урока по книжкѣ не задавалъ, а какъ всегда, вызвалъ ученика и заставилъ рѣшать слѣдующую теорему. Отмѣтки за это не ставилось.

У доски оказался Эди. Онъ сбивался, путался, и въ особенно затруднительныхъ случаяхъ на помощь вызывался кто-нибудь другой, тоже изъ слабыхъ, такимъ образомъ, у доски очутилось человѣкъ пять учениковъ. Въ концѣ концовъ, теорема этимъ коллективнымъ путемъ была доказана.

И сама собой запоминалась всѣми.

— Но и тѣмъ способомъ, которымъ я хотѣлъ ее рѣшить, можно было бы также прійти къ тому же результату, — сказалъ Эди.

— Совершенно вѣрно, — отвѣтилъ Колобовъ, блеснувъ маленькими умными глазами. — Но зачѣмъ намъ за ухомъ чесать ногой. Когда проще это сдѣлать рукой.

Подобныя шуточки всегда вызывали улыбку въ классѣ и освѣжали учениковъ во время напряженной умственной работы.

По окончаніи урока, Колобовъ подозвалъ меня:

— Ты пройди въ канцелярію, получишь тамъ всѣ нужныя книги. Здоровье какъ?

— Совсѣмъ поправился, —отвѣтилъ я, улыбаясь и чувствуя къ нему благодарность за эту заботу и симпатію, которая заставляла меня думать, не онъ ли положилъ въ карманъ мнѣ тѣ деньги.

— Ну, ладно. Такъ помни, что я тебѣ сказалъ.

Я получилъ книги и за время большой перемѣны успѣлъ отмѣтить все, что было пройдено. Пройдено было немного, и догнать было не трудно.

А. Өедоровъ.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

ВѢРА.

Мы потеряли Бога —
Другого не найти.
Темна, длинна дорога;
Въ душѣ растетъ тревога,
И страшно въ даль идти...

Идемъ, уйдя отъ вѣры,
И вѣру ищемъ вновь.
Для слезъ не знаемъ мѣры,
А дни до боли сѣры, —
Ихъ краситъ только кровь.

Но сердце вѣритъ свято,
Что дрогнетъ старый мракъ,
Что каждая утрата
За близкій праздникъ плата,
Къ желанной цѣли шагъ...

П. Бунаковъ

ПРАВОСУДІЕ ВЪ АНГЛІИ
ВЪ ЭПОХУ РЕВОЛЮЦІИ ПОЛОВИНЫ XVII ВѢКА.

Въ развитіи революціонныхъ движеній имѣется своя закономѣрность, опредѣляемая законами массовой психологіи и соціальнымъ дѣйствіемъ революціоннаго прилива и отлива. Картины континентальныхъ революцій, начиная съ великой французской революціи, очень часто почти повторяютъ другъ друга въ основныхъ чертахъ. Но болѣе интереснымъ является прослѣдить тѣ же начала и во времена болѣе отдаленныя. Въ этомъ отношеніи характерный примѣръ даетъ намъ англійская революція 1649 г., почти на полтора вѣка опередившая революціонное движеніе въ континентальной Европѣ и отразившая въ себѣ тѣ же черты, которыя неизмѣнно наблюдались въ послѣдующее время. Для самой Англіи эта революція явилась поворотнымъ пунктомъ конституціоннаго развитія, закрѣпивъ на все будущее время прочный парламентскій режимъ и разрушивъ послѣднія претензіи абсолютизма.

Изъ всѣхъ сторонъ этой революціи въ настоящей статьѣ мы сосредоточимъ наше вниманіе на вопросѣ о характерѣ и состояніи правосудія въ революціонную эпоху. Историки-спеціалисты большею частью обращаютъ сравнительно мало вниманія на эту сторону. Ихъ интересуютъ, по преимуществу, быстро смѣняющіяся яркія событія обще-политической борьбы, въ которыхъ проявляются прежде всего двигающія революціей силы. Болѣе глубокое отраженіе революціонныхъ вліяній, къ которому относится и отраженіе ихъ въ области правосудія, освѣщается большею частью лишь въ самыхъ общихъ чертахъ. Работа историка-юриста здѣсь можетъ оказаться далеко небезполезной. Яснѣе представляя себѣ картину существующаго въ данную эпоху права, онъ съ большей чуткостью сможетъ уловить характерныя измѣненія и дать имъ оцѣнку.

Правосудіе, по самому существу своему, внѣреволюціонно. Оно не можетъ отождествить себя съ тѣмъ или инымъ политическимъ теченіемъ, такъ какъ иначе былъ бы нарушенъ основной принципъ правосудія — безпристрастный судъ и равная для всѣхъ гражданъ охрана ихъ законныхъ правъ. Правосудіе опирается на дѣйствующіе въ странѣ законы, не считаясь съ тѣмъ, кѣмъ и ради какихъ политическихъ цѣлей они были изданы. Оно судитъ преступниковъ на основаніи этихъ законовъ, не считаясь съ тѣмъ, заинтересовано ли стоящее нынѣ у власти правительство въ ихъ оправданіи или осужденіи. Рѣшенія суда — лишь выводъ изъ представленныхъ доказательствъ и правилъ закона, продиктованный логикой и совѣстью судей. И потому въ потокѣ мѣняющихся революціонныхъ и политическихъ вліяній голосъ правосудія неизмѣнно представляетъ собою особый постоянный авторитетъ, съ которымъ должна считаться политика, но который самъ отнюдь не долженъ считаться съ политикой. И въ этомъ авторитетномъ постоянствѣ правосудія лежитъ весьма цѣнное его качество. Подъ защиту правосудія поставлены основныя блага всякаго общежитія — жизнь и безопасность каждаго, неприкосновенность его личности и собственности, и каково бы ни было содержаніе политическихъ стремленій момента, эти блага, какъ постоянные устои общественной жизни, должны находить себѣ неизмѣнную защиту.

Къ сожалѣнію, въ революціонныя эпохи правосудіе рѣдко остается на этомъ уровнѣ. Волны революціонныхъ движеній легко перекатываются чрезъ тѣ барьеры, которые созданы противъ вторженія политическихъ оцѣнокъ въ область правосудія, и тогда картина безстрастнаго правосудія рѣзко мѣняется. Политическая физіономія эпохи накладываетъ свой отпечатокъ и на дѣятельность судовъ, которые, связавъ себя съ текущими интересами политики, начинаютъ испытывать тѣ же толчки и удары, какъ и руководящія политическія силы, и понемногу теряютъ свой особый авторитетъ, превращаясь лишь въ простую служебную часть того или иного политическаго аппарата. Неизбѣжнымъ послѣдствіемъ этого является крайнее усиленіе эксцессовъ политической борьбы, приводящее къ частымъ кризисамъ, и, въ концѣ концовъ, паденіе соотвѣтственнаго революціоннаго режима. Въ каждомъ среднемъ человѣкѣ живетъ неизбывная потребность въ надежной охранѣ его основныхъ личныхъ правъ, и какъ только въ политической борьбѣ рушится послѣдній оплотъ

этихъ правъ — стойкое и независимое правосудіе, онъ начинаетъ терять вѣру въ благодѣтельность и прочность соотвѣтственнаго режима. Когда такое убѣжденіе широко проникнетъ въ массы, почва для ликвидаціи революціоннаго движенія станетъ подготовленной, и отъ стеченія историческихъ обстоятельствъ будетъ зависѣть конкретный путь возстановленія. Вотъ почему состояніе правосудія въ опредѣленную эпоху можетъ служить показателемъ общаго настроенія народа, и болѣзни правосудія неизбѣжно становятся общими болѣзнями политическаго строя, приводящими часто къ его гибели. Примѣръ англійской революціи 1649 г. является лишь однимъ изъ многихъ, иллюстрирующихъ эту историческую закономѣрность.

Весной 1640 г. Карлъ I, послѣ попытки въ теченіе 12 лѣтъ управлять страною безъ помощи парламента, довелъ государственную казну до полнаго истощенія. Займы, добровольныя даянія, корабельные налоги были исчерпаны. Единственнымъ выходомъ изъ затруднительнаго положенія было полученіе субсидіи отъ парламента, и поэтому 13 апрѣля 1640 г. былъ созванъ новый парламентъ, которому было предписано, „отложивъ всѣ другіе дебаты, провести билль о субсидіяхъ и ускорить уплату ихъ какъ только то возможно". Но, вмѣсто даннаго ему порученія, парламентъ занялся обсужденіемъ всяческихъ притѣсненій, испытываемыхъ подданными короля. Ни король, ни лорды, разсчитывая, въ концѣ концовъ, получить субсидіи, не могли отклонять петицій общинъ. Но когда требованія послѣднихъ начали становиться болѣе рѣшительными, король предпочелъ 5 мая распустить парламентъ и назначить новые выборы. Нужда въ деньгахъ усиливалась, такъ какъ потребовались новые расходы для подавленія вспыхнувшаго въ Шотландіи возстанія, угрожавшаго королю. 3 ноября 1640 г. снова собрались вѣрные лорды и докучныя общины. Въ своей тронной рѣчи король просилъ вѣрить его искренности и готовности удовлетворить сѣтованія населенія, но считалъ необходимымъ указать парламенту на настоятельность усмиренія бунтовщиковъ въ Шотландіи. Такъ начался Долгій Парламентъ, засѣдавшій въ теченіе 12 лѣтъ. Большинство депутатовъ этого парламента получило отъ своихъ избирателей строгіе наказы объ энергичной борьбѣ противъ угнетавшихъ страну злоупотребленій. И дѣйствительно, пар-

ламентъ началъ свою дѣятельность съ привлеченія къ парламентскому суду ряда ближайшихъ совѣтниковъ короля, во главѣ съ графомъ Страфордомъ, и недобросовѣстно дѣйствовавшихъ судей. Была упразднена Звѣздная Палата и Судъ Высокаго Порученія, ставшія орудіемъ произвольныхъ преслѣдованій при Карлѣ I. Путемъ особаго акта парламентъ обезпечилъ себя отъ роспуска и потому смогъ рѣшительнѣе осуществлять оппозицію по отношенію къ королю. Отношенія обострились, и въ 1642 г. между королемъ и парламентомъ началась гражданская война. Часть лордовъ и общинъ выступила изъ парламента и стала на сторону короля. Первая битва произошла, безъ опредѣленнаго результата, у Эджхилля. За ней послѣдовалъ рядъ другихъ, въ которыхъ побѣда оставалась то на сторонѣ кавалеровъ, какъ назывались войска короля, то на сторонѣ круглоголовыхъ или сторонниковъ парламента. Въ 1643 г. появилась надежда, послѣ стычки при Оксфордѣ, на соглашеніе съ королемъ. Но этому помѣшала королева. Она собрала въ Голландіи деньги и амуницію и, высадившись на сѣверѣ, отправилась на помощь королю. Палаты отвѣтили на это возбужденіемъ предъ парламентомъ обвиненія королевы въ государственной измѣнѣ. Это подлило масла въ огонь, и надежда на соглашеніе исчезла. Король издалъ декларацію, признававшую засѣдавшій въ Вестминстерѣ парламентъ самозваннымъ сборищемъ, а парламентъ установилъ новую большую государственную печать, вмѣсто захваченной королемъ, и сталъ законодательствовать помимо короля. Послѣ уговора съ шотландцами было подписано парламентомъ въ лицѣ оставшихся въ его средѣ 228 членовъ палаты общинъ и 20—30 лордовъ соглашеніе (Covenant), направленное противъ англиканской церкви, и противъ ряда духовныхъ лицъ было возбуждено преслѣдованіе. Жертвой мести парламента сталъ архіепископъ Лодъ (Laud). Соглашеніе съ шотландцами, пославшими на подкрѣпленіе парламенту 21.000 войска въ 1644 г., сразу подняло успѣхъ парламентскихъ войскъ. Произошелъ рядъ новыхъ схватокъ, въ которыхъ выдвинулся Кромвель, и въ январѣ 1645 г. въ Уксбриджѣ была сдѣлана новая попытка заключить соглашеніе съ королемъ. Она также не привела къ цѣли. Руководители парламентской арміи Фэрфаксъ и Кромвель сумѣли провести серьезныя реформы въ арміи и поднять дисциплину, безраздѣльно обезпечить себѣ вмѣстѣ съ тѣмъ ея преданность. Битва при Нэсби сдѣлала ихъ хозяевами не только надъ ко-

ролемъ, но и надъ парламентомъ и страною. Король бѣжалъ въ Шотландію, откуда пытался вступить въ новые переговоры съ парламентомъ, но безуспѣшно. Парламенту стала извѣстной его тайная переписка, вскрывшая всю его неискренность. Въ 1647 г. шотландцы за большое вознагражденіе передали короля въ руки парламентскихъ войскъ, и онъ былъ объявленъ плѣнникомъ и заключенъ въ Нортгэмптонѣ. Сопротивленіе короля было сломлено, и парламентъ провозгласилъ на три года въ странѣ пресвитеріанство и началъ переговоры съ королемъ. Кромвель на этотъ разъ, однако, разошелся съ парламентомъ. Воспользовавшись недовольствомъ части войскъ, распущенныхъ по домамъ безъ уплаты имъ жалованья, онъ направился на Лондонъ. Солдаты и офицеры потребовали отъ парламента проведенія ряда демократическихъ реформъ, удаленія изъ парламента ряда членовъ, являвшихся защитниками пресвитеріанства, перераспредѣленія избирательныхъ округовъ, производства выборовъ въ парламентъ каждые два года и т. д. Эти требованія они изложили въ особой деклараціи, въ качествѣ дополнительныхъ пунктовъ къ требованію объ уплатѣ жалованія. Король попалъ въ руки офицеровъ арміи и былъ переведенъ въ одинъ изъ расположенныхъ близъ Лондона дворцовъ Hampton Court. Парламентъ, испуганный требованіями арміи, рѣшилъ уступить и исключилъ 11 своихъ членовъ. Всякія сношенія съ королемъ были объявлены государственной измѣной. Но Карлу I удалось бѣжать на о. Уйатъ. Губернаторъ острова, опасаясь отвѣтственности, донесъ о томъ парламенту, и король былъ вновь схваченъ и заточенъ въ Карисбрукской крѣпости. Контроль надъ всѣми событіями перешелъ въ руки арміи, выставлявшей все новыя и новыя требованія. Въ концѣ 1848 г. главари арміи представили въ парламентъ документъ — Remonstration of army, въ которомъ указывалось, что Карлъ явился виновникомъ второго междоусобія и что парламентъ разъ навсегда долженъ порвать съ нимъ всякіе переговоры, такъ какъ онъ не исполняетъ слова; армія требовала преданія короля суду. Меньшинство арміи не рѣшалось идти такъ далеко и рѣшило предложить королю отъ имени совѣта офицеровъ во главѣ съ Фэрфаксомъ соглашеніе подъ извѣстными условіями, какъ избраніе парламента лишь на два года, врученіе управленія и власти надъ арміей особому совѣту, назначаемому парламентомъ, предоставленіе парламенту права назначать высшихъ чинов-

никовъ страны[1]). Задачей меньшинства было сдержать политическія стремленія арміи и создать господство парламента. Карлъ I отвергъ эти предложенія, и тогда (20 ноября 1648 г.) ремонстрація арміи уже единогласно была представлена въ парламентъ. Парламентъ, недовольный вмѣшательствомъ арміи въ этотъ вопросъ, отложилъ обсужденіе ремонстраціи на недѣлю и попытался было самъ вступить въ переговоры съ королемъ. Раздраженные офицеры арміи рѣшили или распустить парламентъ или очистить его отъ нежелательныхъ членовъ. 1 декабря 1648 г. Карлъ былъ увезенъ въ мрачный Hurst Castle, а 2 декабря армія вступила въ Лондонъ. Одинъ изъ начальниковъ арміи Артонъ командировалъ немедленно полковника Прайдъ въ парламентъ съ требованіемъ немедленно исключить строптивыхъ членовъ пресвитеріанцевъ. И 6 декабря подъ давленіемъ вооруженной силы было исключено 143 члена. Оставшіеся члены, получившіе кличку Rump Parliament, стали уже слѣпымъ орудіемъ въ рукахъ революціонной арміи[2]). Кромвель, державшійся до сихъ поръ въ сторонѣ, въ тотъ же вечеръ пріѣхалъ въ Лондонъ и сталъ руководить дѣйствіями крайней партіи. Прибытіе Кромвеля усилило энергію руководителей, и мы видимъ рядъ мѣръ, энергично проведенныхъ чрезъ послушный парламентъ. 7 декабря парламентъ отмѣняетъ свои резолюціи, признававшія допустимымъ соглашеніе съ королемъ и открытіе съ нимъ переговоровъ. Присланный въ парламентъ отвѣтъ короля былъ признанъ позорнымъ и разрушительнымъ.

Первымъ актомъ революціоннаго правосудія былъ судъ надъ королемъ. По требованію арміи, парламентъ 23 декабря 1648 г. назначилъ комиссію для разсмотрѣнія вопроса о томъ,

---

[1]) По утвержденію Ph. A. Gibbons (Ideas of political representation in Parliament 1651—1832, Oxford 1914 p. 12), идеи эти, по крайней мѣрѣ, на столѣтіе опередили наиболѣе демократическіе планы англійскихъ конституціоналистовъ.

[2]) „Rump", по замѣчанію М. М. Ковалевскаго (Исторія Великобританіи. Изъ Энц. Слов. Гранатъ, стр. 688) „означаетъ ту часть человѣческаго тѣла, безъ которой ни о какихъ засѣданіяхъ не можетъ быть и рѣчи". По его подсчету, послѣ этой операціи, палата общинъ, значительно ослабленная и до того, состояла всего изъ 60 членовъ. Въ палатѣ лордовъ ко времени ея упраздненія засѣдало всего 10—12 лордовъ. Когда въ 1653 г. Кромвель рѣшилъ покончить съ „Ремпомъ", онъ послалъ туда нѣсколькихъ вооруженныхъ людей, которые простымъ своимъ появленіемъ заставили разбѣжаться нѣсколько засѣдавшихъ тамъ членовъ.

какъ предать отвѣтственности короля и другихъ преступниковъ противъ государства. Черезъ пять дней палата общинъ постановила о назначеніи суда. 1 января 1649 г. общины сообщили лордамъ, что они считаютъ необходимымъ для лучшаго обоснованія и подкрѣпленія предстоящаго процесса провести особый законъ (Act of Attainder), въ которомъ должно быть указано „что по коренному праву Англіи является измѣной, когда король объявляетъ войну парламенту и королевству". Текстъ этого закона долженъ былъ быть разосланъ во всѣ графства. Но лорды отвергли это предложеніе [1]). 4 января Гарландомъ былъ представленъ проектъ указа относительно организаціи Высшаго Суда противъ короля. Этотъ проектъ былъ принятъ во всѣхъ трехъ чтеніяхъ въ теченіе одного дня. Вмѣстѣ съ тѣмъ тогда же было постановлено, что „народъ является источникомъ всей власти. Общины, будучи избранниками народа и представителями его, обладаютъ верховной властью. Поэтому все, что будетъ провозглашено общинами, будетъ имѣть силу закона, хотя и не послѣдуетъ согласія короля и лордовъ, ибо общины дѣйствуютъ въ согласіи съ народомъ". Къ 8 января образовался для суда надъ королемъ Высшій Судъ. Онъ состоялъ изъ 135 человѣкъ, избранныхъ общинами. Въ составъ его входили различные элементы. 5 членовъ были отъ лордовъ; 45 — отъ общинъ, 17 — отъ арміи, 6 — отъ Лондонскаго сити, трое судей и по два представителя отъ каждаго графства. Этотъ судъ долженъ былъ представлять собою народъ, которому, какъ стали утверждать писатели-памфлетисты того времени, принадлежитъ суверенитетъ [2]). Наиболѣе извѣстными членами этого суда были Фэрфаксъ, Кромвель, Г. Мартенъ, Артонъ, Гаррисонъ, лордъ Греви и Гэтчинсонъ. Предсѣдателемъ былъ избранъ юристъ Джонъ Брэдше.

---

[1]) См. A declaration of the Lords aud Commons assembled in Parliament concerning the trial of the bill of Attainder and charge against him. London 1648.

[2]) Доктрина эта нашла свое, вѣроятно, офиціозное изложеніе въ брошюрѣ J o h n C a n n. The golden rule or justice advanced, wherein is showed that the representatiyes of kingdom or Commons assembled in Parliament have a lawful power to arraign and adjudge to death the Ktng for tyranny, treason and murder. London 1648. Положеніе это доказывается здѣсь ссылками на Библію, древнихъ грековъ, на цитаты изъ Бодена, Коваррувіасъ и средневѣковыхъ іезуитовъ. Та же мысль проводится и въ другой тогдашней брошюрѣ: „The people informed oi their oppressions and oppressors with a Remedy against both. London 1648.

Актъ общинъ, которымъ назначался судъ надъ королемъ, гласилъ: „Такъ какъ извѣстно, что Карлъ Стюартъ, нынѣшній король Англіи, не довольствуясь тѣми притѣсненіями, которыя его предшественники примѣняли по отношенію къ правамъ и вольностямъ англійскаго народа, возымѣлъ злой умыселъ извратить старинные и основные законы и вольности націи и ввести вмѣсто нхъ произвольное и тиранническое правленіе и пошелъ огнемъ и мечомъ противъ парламента и королевства, вслѣдствіе чего страна была разорена, государственное казначейство опустѣло, промышленность упала, тысячи людей убиты, и причинено великое множество иныхъ бѣдствій, — то за всѣ эти тяжкія и измѣнническія дѣянія Карлъ Стюартъ могъ бы быть уже давно по справедливости подвергнутъ примѣрному и заслуженному наказанію. Но парламентъ надѣялся, что содержаніе подъ стражей этого человѣка (послѣ того какъ Богу угодно предать его въ руки парламента) можетъ успокоить безпорядки въ странѣ, и потому нѣкоторое время воздерживался отъ преданія его суду. Но убѣдившись, что такое послабленіе послужило только къ ободренію его и его сообщниковъ къ продолженію ихъ злого дѣла и къ возбужденію новыхъ безпорядковъ, заговоровъ и нападеній, общины, для предупрежденія еще болѣе опасныхъ послѣдствій и для устраненія на будущее время у какихъ бы то ни было должностныхъ лицъ убѣжденія въ безнаказанности измѣнническихъ замысловъ противъ благополучія англійскаго народа и страны, повелѣваютъ и предписываютъ предать Карла Стюарта суду“ [1]).

Самый судъ начался 20 января 1649 г. въ Вестминстерѣ. Нѣкоторые изъ членовъ суда уклонились отъ участія въ немъ, и засѣданія суда происходили рѣдко болѣе чѣмъ въ половинномъ составѣ. Приговоръ былъ подписанъ всего 59 судьями. Генеральнымъ атторнеемъ Джономъ Кукомъ было прочитано составленное имъ обвиненіе, которое можетъ быть сведено къ слѣдующимъ пунктамъ: 1) тираннія и произволъ власти, 2) вооруженная борьба съ парламентомъ и народомъ. Особенно подробно обвиненіе останавливалось на сраженіяхъ 1646 и 1648 гг., въ которыхъ было убито много народа. Въ заключеніе указывалось, что и Карлъ I является врагомъ

[1]) Актъ этотъ, почему-то пропущенный въ State Trials, приведенъ въ брошюрѣ „Englané's Black Tribunal, set in the Triall of King Charles I. London 1660.

народа и измѣнникомъ, давно заслужившимъ преданія суду [1]).

Согласно стариннымъ правиламъ англійскаго судопроизводства, каждый обвиняемый обязанъ плѣдировать по предъявленному ему обвиненію. Онъ долженъ признать его или отвергнуть, и лишь тогда онъ можетъ быть допущенъ къ дальнѣйшей защитѣ. Король отказался плѣдировать, потребовавъ указанія, какая законная власть привлекла его къ суду. Предсѣдатель суда Брэдше объяснилъ, что судъ дѣйствуетъ отъ имени англійскаго народа. „Но я не вижу здѣсь лордовъ, которые также образуютъ парламентъ", — замѣтилъ король. Судъ, повидимому, не былъ подготовленъ къ болѣе обстоятельному отвѣту, и потому прервалъ засѣданіе. Черезъ два дня, по возобновленіи засѣданія, король снова повторилъ свой вопросъ. Предсѣдатель на этотъ разъ сослался на „власть общинъ, собравшихся въ парламентѣ". Король указалъ, что общины никогда не представляли собою судебнаго мѣста. Предсѣдатель велѣлъ ему замолчать. Пришлось опять прервать засѣданіе. На третій день Карлъ опять выставилъ свой доводъ, указывая уже, что онъ оспариваетъ законность суда не ради своихъ привилегій, но для защиты свободы и вольностей всего англійскаго народа. „Весь міръ знаетъ какимъ другомъ свободы и законности для своего народа вы были, сэръ", — отвѣтилъ ему предсѣдатель. По предложенію генеральнаго солиситора Кука, судъ постановилъ признать отказъ короля плѣдировать за сознаніе. Засѣданіе опять было прервано для постановленія приговора. На слѣдующій день предъ оглашеніемъ приговора король обратился къ суду съ просьбой, чтобы ему позволили лично обратиться къ лордамъ и общинамъ, но въ этомъ ему было отказано. Безъ допроса свидѣтелей и безъ защиты, судъ приступилъ къ вынесенію приговора. Предъ объявленіемъ его, Брэдше произнесъ большую рѣчь, посвященную обоснованію права общинъ привлечь къ отвѣтственности короля. „Цѣль, для которой установлена королевская и всякая иная правительственная власть, — говорилъ онъ, — состоитъ въ обезпеченіи справедливости. Если король или иной правитель будетъ поступать противъ этой цѣли, онъ будетъ поступать противъ своей власти. Онъ долженъ понимать, что онъ является лишь до-

[1]) The charge of the Commons of England against Charles Stuart of high Treason and other high crimes, exhibited to the High Court by John Cook, sollicitor general. London 1648.

вѣреннымъ должностнымъ лицомъ, которое должно поступать согласно довѣренности и помнить, что за нарушеніе ея оно подлежитъ отвѣтственности и наказанію". Карлъ велъ борьбу съ парламентомъ, но въ лицѣ парламента онъ боролся противъ всего народа. „Мы читали о великомъ римскомъ тиранѣ Калигулѣ, который хотѣлъ, чтобы римскій народъ имѣлъ одну шею такъ, чтобы онъ сразу могъ отсѣчь ему голову. Въ вашихъ дѣйствіяхъ мы наблюдали нѣчто подобное: все народное тѣло было представлено въ парламентѣ, и вы, однимъ ударомъ противъ парламента, хотѣли перерубить шею всей Англіи". Проведя различіе между законнымъ королемъ и тираномъ, Брэдше указываетъ, что дѣйствія Карла были тиранническими, и цитируетъ рядъ положеній изъ средневѣковой литературы о допустимости сопротивленія тираннамъ. Онъ ссылается на прецеденты англійской исторіи, когда тиранническіе короли были низлагаемы и судимы народомъ, и, въ заключеніе, ссылается на слова Писанія о томъ, „что оправдать виновнаго столь же противно, какъ и осудить невиннаго". Вынесенный приговоръ гласитъ: „Такъ какъ общины Англіи въ парламентѣ назначили насъ членами Высшаго Суда для разсмотрѣнія дѣла о Карлѣ Стюартѣ, королѣ Англіи, предъ каковымъ судомъ онъ былъ трижды опрошенъ и каждый разъ послѣ прочтенія ему обвиненія въ государственной измѣнѣ и въ другихъ тяжкихъ преступленіяхъ онъ, отказался отвѣчать на предъявленныя ему обвиненія, то за всѣ эти измѣны и преступленія судъ опредѣляетъ, чтобы означенный Карлъ Стюартъ, какъ тираннъ, измѣнникъ, убійца и врагъ народа, былъ казненъ посредствомъ отсѣченія головы отъ тѣла" [1]).

27 января былъ вынесенъ приговоръ, а 30 января король былъ казненъ у Бѣлой Залы (Whitehall) въ Вестминстерѣ, при большомъ стеченіи народа [2]). Во время суда и казни король держался съ большимъ достоинствомъ. Не разъ дѣйствія суда вызывали клики и негодованіе толпы, такъ что требовалось вмѣшательство вооруженной силы. Послѣдній

[1]) Отчетъ о судѣ надъ королемъ напечатанъ въ книгѣ: „A perfect Narrative of the whole procceeding in the High Court of Justice in the tryal of the king at WestminsterHall. January 20—27 A.D. 1649. Отчетъ этотъ составленъ въ благопріятномъ для короля духѣ. Онъ вмѣстѣ съ другими документами объ этомъ процессѣ перепечатанъ въ State Trials, v. 4. p. 990—1159.

[2]) До сихъ поръ въ Whitehall, у самаго зданія парламента можно видѣть табличку, указывающую мѣсто казни Карла I.

день суда происходилъ уже въ присутствіи сторонниковъ общинъ, кричавшихъ при появленіи подсудимаго: „Казнь!, Правосудіе!“. Казнь короля произвела глубокое впечатлѣніе на народъ [1]). Вмѣстѣ съ нимъ сложили на плахахъ свои головы и три лорда: Hamilton, Holland и Chapel, которымъ общины приписывали главную роль въ возбужденіи междуусобій 1648 г. Они были судимы тѣмъ же судомъ, какъ и Карлъ въ февралѣ 1649 г., при чемъ всѣ ихъ указанія на то, что борьба за своего законнаго короля и по его приказанію не можетъ быть признаваема измѣною, были отвергнуты судомъ [2]).

Въ день, когда былъ казненъ Карлъ, общины провели биллъ, по которому было признано за государственную измѣну противъ республики провозглашеніе королемъ его сына или какого-либо другого лица. 17 марта они провели другой законъ, по которому „королевская должность на будущее время не должна осуществляться какимъ-либо однимъ лицомъ, а поручается коммиссіи“. Верховная власть отнынѣ будетъ принадлежать „послѣдовательнымъ представителямъ народа и только имъ“. Всякая попытка оживить старую форму власти должна разсматриваться, какъ измѣна противъ парламента и англійскаго народа. Черезъ два дня общины провели новую резолюцію о томъ, „что Богъ предоставилъ всю первоначальную и справедливую власть народу“ и „что палата лордовъ является безполезной и опасной, и потому должна быть упразднена“. Англія была провозглашена „свободнымъ государствомъ и республикой“ (free state and Common wealth). Власть управленія была передана небольшому совѣту, который получилъ названіе „Хранителей свободы Англіи и государственнаго совѣта“. Общины присвоили себѣ и высшую судебную власть въ странѣ [3]).

---

1) Много интереснаго о политической обстановкѣ процесса и казни надъ королемъ содержится въ книгѣ одного изъ судей надъ Карломъ, E. Ludlow, впервые напечатанной въ 1751 г. подъ заглавіемъ: „The imprisonment and death of the king Charles I related by one of his judges. London 1751.

2) Процессы ихъ помѣщены въ State Trials, v. 4, p. 1155—1250.

3) Еще въ 1647 г. по соглашенію съ лордами, которымъ угрожали открытымъ насиліемъ, были приняты слѣдующія статьи: „Чтобы судебная власть и власть кончнаго рѣшенія принадлежала лордамъ и общинамъ; чтобы была признана власть ихъ примѣнять законъ безъ всякой апелляціи; чтобы ни одинъ чиновникъ государства не былъ защищаемъ или милуемъ королемъ безъ ихъ совѣта или согласія: чтобы права и вольности общинъ Англіи были выяснены и защищены какъ въ отношеніи привилегіи ихъ быть изъятыми отъ всякаго суда и преслѣдованія въ палатѣ лордовъ безъ участія общинъ, такъ и отъ всякаго приговора, не постановленнаго ихъ равными по законамъ страны“.

Такимъ образомъ, палата общинъ, ослабленная въ своемъ законномъ представительствѣ рядомъ предшествовавшихъ насильственныхъ изъятій ея членовъ, стала единымъ и суверенным органомъ новой республики.

Правосудіе въ Англіи искони отправлялось королевскими судьями, являющимися делегатами короля и выносившими приговоры отъ его имени. Съ упраздненіемъ королевской власти возникъ вопросъ объ измѣненіи текста грамотъ, раньше дававшихся судьямъ каждый разъ при отправленіи ихъ въ объѣздъ. Палата общинъ, въ засѣданіи 8 февраля остановилась на этомъ вопросѣ и постановила отнынѣ вручить имъ судебную власть не отъ имени короля, а отъ имени народа. Изъ 12 королевскихъ судей шестеро отказались принять эту грамоту и тѣмъ самымъ подали въ отставку. Шестеро другихъ согласились, но при этомъ поставили условіемъ, „чтобы актами общинъ не были отмѣнены основные законы“. Наступилъ срокъ объѣздовъ, но судьи, согласившіеся на продолженіе должности, медлили. Они требовали, чтобы были измѣнены текстъ грамоты, текстъ судейской присяги, и чтобы была издана декларація о неизмѣнности основныхъ законовъ. Палата медлила, но, наконецъ, видя вредъ, который можетъ произойти отъ замедленія правосудія, уступила и предложила самимъ судьямъ написать текстъ деклараціи, который былъ тогда же одобренъ палатою и снабженъ печатями. Черезъ три дня состоялись нѣкоторыя новыя назначенія судей и были окончательно выработаны грамоты для объѣздовъ. Судъ королевской скамьи былъ переименованъ въ судъ Верхней скамьи. Судьи отправились въ объѣздъ [1]).

До насъ дошла рѣчь одного изъ судей, сержанта Торпа, произнесенная имъ предъ большимъ жюри Іорка 12 марта 1649 г. [2]). Положеніе судьи было, повидимому, довольно труднымъ, такъ какъ жители Іорка еще недавно оказывали финансовую поддержку королю противъ парламента. Судья началъ свое поученіе съ отрицанія божественнаго происхожденія королевской власти. Основой всякаго правительства является воля народа. Прослѣдивъ кратко исторію королевской власти со времени норманнскаго завоеванія, Торпъ подчеркиваетъ, что народу всегда приходилось бороться противъ ко-

[1]) State Trials, vol. 5.

[2]) Serjeant Thorpe, judge of assize for the northern circuit. His charge it was given to the Grand Jury of York Assizes, March 12-th 1648. London 1649.

роля и лордовъ, отстаивая свою свободу. Большое жюри должно помнить, что оно должно подчиняться законодательной власти, единственнымъ носителемъ которой нынѣ является парламентъ. Въ настоящее время парламентъ справедливо призналъ необходимымъ отмѣнить должность короля, какъ безполезную. Короли отвѣтственны передъ народомъ, а англійскіе короли овладѣли престоломъ путемъ завоеванія, и потому основаніе ихъ власти съ самаго начала являлось незаконнымъ. Обосновавъ, такимъ образомъ, право народа и парламента свергать королей, Торпъ переходитъ къ обязанностямъ большого жюри. Здѣсь ему приходится преодолѣть нѣкоторыя затрудненія. Дѣло въ томъ, что каждое преступленіе по англійскому праву считается учиненнымъ „противъ мира короля", и, сохраняя этотъ терминъ, судья объясняетъ, что необходимо различать политическія и публичныя функціи короля. Несмотря на упраздненіе первыхъ, вторыя продолжаютъ сохраняться. Рѣчь судьи заканчивается приглашеніемъ оказать поддержку правосудію.

Въ другомъ поученіи, произнесенномъ однимъ изъ мировыхъ судей, скрывшимся за иниціатами Т. С., на четвертныхъ сессіяхъ въ Суффолькѣ, въ 1649 г. 5 сентября [1]), также развивается теорія демократическаго правительства. Судья этотъ начинаетъ съ изслѣдованія исторіи демократическаго управленія Рима. Отраженіемъ древняго демократическаго строя является народное представительство. Такъ какъ правительство вообще необходимо, то нужно остановиться на какой-либо его формѣ. Наиболѣе удачной формой правленія является парламентъ. Королевская власть слишкомъ опасна для свободы гражданъ. Англійскіе короли, начиная съ Вильгельма Завоевателя, царствовали лишь въ силу завоеванія, а не исконнаго права, и потому населеніе могло ихъ свергнуть. Въ заключеніе мировой судья перечисляетъ обязанности большого жюри, призываетъ его къ энергичной борьбѣ противъ папы и іезуитовъ. Онъ называетъ большое жюри врачемъ, который долженъ разсмотрѣть болѣзни общественнаго тѣла и представить о нихъ суду, чтобы судъ могъ принять мѣры исцѣленія.

Достаточно бѣглаго обзора этихъ поученій, чтобы видѣть

---

[1]) Two charges as they were delivered by T. E. Esq. justice of the peace for the County of Suffolk. One at Easter Quarter sessions in Ipswich april 6, 1649, another in Woodbridge in the Liberty of St. Ethelred sept. 5 1649. London 1650.

однородность положенныхъ въ ихъ основаніе началъ о народномъ суверенитетѣ, о незаконности титула англійскихъ королей, объ опасности королевской власти для свободы и пр. Содержаніе ихъ не оставляетъ сомнѣнія въ томъ, что новое правительство придавало большое значеніе политическимъ функціямъ большого жюри и старалось склонить ихъ на свою сторону.

Къ 1 іюня вакантныя должности высшихъ судей были замѣщены, и изъ всѣхъ судебныхъ документовъ было устранено упоминаніе о королевской власти. Жалованіе судей въ эту эпоху равнялось 1.000 ф. ст., и много видныхъ адвокатовъ согласились принять назначеніе. Среди нихъ мы встрѣчаемъ многія имена, пользовавшіяся большимъ авторитетомъ въ юридическомъ мірѣ [1]). Въ качествѣ одного изъ аргументовъ въ пользу того, что судейское сословіе сохранило при республикѣ и позднѣе при протекторатѣ Кромвеля свой авторитетъ, историки приводятъ тотъ фактъ, что однимъ изъ главныхъ судей суда общихъ тяжбъ (Court of Common Pleas) Кромвель назначилъ Mathew Hale, пользовавшагося репутаціей великаго и безпристрастнаго судьи, честность котораго стояла внѣ сомнѣній... „Hale, — пишетъ его біографъ, — пользовался въ то время столь великимъ и всеобщимъ уваженіемъ, что Кромвель пожелалъ сдѣлать его однимъ изъ своихъ судей. Но это предложеніе имъ было отвергнуто. Когда Кромвель настаивалъ и просилъ его изложить основанія отказа, то Хэль просто отвѣтилъ, что онъ не вполнѣ удовлетворенъ законностью теперешней власти и потому не рѣшается принять отъ нея полномочія. На это Кромвель отвѣтилъ, что взявъ въ свои руки управленіе страною, онъ долженъ правильно вести его; онъ желаетъ управлять страной въ согласіи съ законами и потому онъ остановился на немъ, какъ на человѣкѣ, болѣе всего пригодномъ для отправленія правосудія. Ибо если ему не позволятъ управлять страной при помощи красныхъ мантій (форма судей), ему придется управлять при помощи красныхъ мундировъ (форма солдатъ). Подъ вліяніемъ этого, а также ради поддержанія правосудія, потребность въ которомъ существуетъ всегда, Хэль рѣшился принять должность судьи въ судѣ общихъ тяжбъ, которую онъ отправлялъ съ большимъ безпристра-

---

[1]) См. предисловіе, написанное Solom. Emlyn къ книгѣ Hale, History of the pleas of the Crown, vol. I, London 1778, p. 2.

стіемъ, постоянно избѣгая прямого вмѣшательства въ государственныя дѣла. Въ теченіе первыхъ двухъ или трехъ объѣздовъ онъ рѣшалъ какъ уголовныя, такъ и гражданскія дѣла, но затѣмъ онъ окончательно отказался засѣдать по уголовнымъ дѣламъ, признавъ такой отказъ болѣе благоразумнымъ при столь сомнительномъ положеніи вещей“ [1].

Положеніе судей, впрочемъ, не было особенно прочнымъ въ эпоху республики и позднѣе протектората. Такъ, двое судей, извѣстный уже намъ Торпъ и Ньюдигэтъ, были удалены со своихъ должностей за неисполненіе требованій Кромвеля. Хранители большой печати Уайтлокъ и Уидингтенъ были смѣщены за нежеланіе рѣшать дѣла по новому учрежденію, касавшемуся суда канцлера. Во всѣхъ случаяхъ увольненіе съ формальной стороны происходило въ видѣ сложенія съ себя полномочій.

Казнь короля и трехъ главныхъ его приверженцевъ была актомъ революціоннаго возмездія. Въ отношеніи остальныхъ приверженцевъ стараго режима были приняты болѣе мягкія мѣры, служившія одновременно и цѣлямъ наказанія и цѣли обогащенія оскудѣвшей казны. Еще до казни короля палата общинъ установила слѣдующій способъ борьбы съ „делинквентами“, какъ стали называться роялисты. По приказу общинъ, подозрѣваемый въ приверженности къ роялизму арестовывался, и палата выражала намѣреніе заняться его дѣломъ. Въ назначенный день онъ долженъ былъ явиться въ судъ палаты и, стоя на колѣняхъ, выслушать предъявленное ему обвиненіе. Затѣмъ онъ представлялъ свой отвѣтъ и удалялся на время совѣщанія палаты. По окончаніи совѣщанія обвиняемаго вновь вводили въ палату и здѣсь колѣнопреклоненно онъ выслушивалъ отъ спикера приговоръ, присуждавшій его къ позорному столбу, тюрьмѣ, штрафу и т. п. На этотъ приговоръ не было апелляціи, а возможно было лишь представленіе петиціи о милости и снисхожденіи. Па-

[1] Hallam (Constitutional History v. II p. 254) замѣчаетъ, что едва ли этотъ фактъ можно считать хорошимъ доказательствомъ безпристрастія уголовнаго правосудія въ эту эпоху. Кромвелю было извѣстно, что Хэль не былъ сторонникомъ Карла I, а стоялъ на сторонѣ парламента. Кромѣ того, онъ указываетъ, что участіе Хэля въ рѣшеніи уголовныхъ дѣлъ во время объѣздовъ прекратилось именно потому, что Кромвелю не нравились ни безпристрастность Хэля, ни неуклонное примѣненіе имъ началъ общаго права. Гаррисъ разсказываетъ, что въ одномъ случаѣ Хэль распустилъ присяжныхъ, которые были явно подтасованы по распоряженію Кромвеля (State Trials, vol. V p. 938—939).

лата нашла, что наказанія для нея менѣе выгодны, чѣмъ имущественныя взысканія, и оживила старую практику замѣны конфискаціей всего имущества или части его.

Начало этой практикѣ было положено еще постановленіемъ 14 октября 1642 г., согласно которому „всѣ штрафы, ренты, прибыли архіепископовъ, декановъ, епископовъ и капеллановъ, а также тѣхъ извѣстныхъ делинквентовъ, которые подняли оружіе противъ парламента, должны быть конфискованы въ пользу и въ распоряженіе страны“. Средства эти шли на содержаніе арміи, поддерживавшей парламентъ. Постановленіемъ 1 апрѣля 1643 г. на мѣстахъ были образованы провинціальные комитеты, на которые было возложено исполненіе постановленій палаты о штрафахъ и конфискаціяхъ. Въ 1645 г. былъ образованъ особый комитетъ соглашенія (Committee of Compounding), задачей котораго было принятіе отъ добровольно подчинившихся Парламенту роялистовъ извѣстной суммы въ качествѣ выкупа. Комитетъ назначалъ опредѣленную сумму, съ уплатой которой виновному обезпечивалась милость Парламента. Первый такой актъ былъ изданъ 23 февраля 1646 г. приблизительно въ слѣдующей формѣ: „Такъ какъ А изъ В въ графствѣ С допущенъ палатами къ уплатѣ пени въ такомъ-то размѣрѣ за то, что онъ поднялъ оружіе противъ Парламента, то лорды и общины уполномочиваютъ комитетъ предоставить А помилованіе въ обычной формѣ съ сохраненіемъ за нимъ его остальныхъ имуществъ“. Въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ комитетъ соглашенія и его мѣстные органы проявили столь большую ревность въ преслѣдованіи делинквентовъ, что вызвали крупныя сѣтованія населенія. Лорды предложили упразднить ихъ, но общины упорствовали на ихъ сохраненіи и, напротивъ того, поощряли дѣятельность комитетовъ.

Съ установленіемъ республики эта практика получила еще большее развитіе. Въ апрѣлѣ 1649 г. Парламентъ издалъ инструкцію мѣстнымъ комитетамъ, въ которой опредѣлялись условія, размѣръ выкуповъ, сроки взносовъ и пр. Слабость денежныхъ поступленій отъ комитетовъ въ первые мѣсяцы республики побуждаетъ палату общинъ учредить въ 1650 г. рядъ новыхъ комитетовъ, и поступленія возрастаютъ. Эта практика продолжалась до самаго разгона Долгаго Парламента Кромвелемъ 20 апрѣля 1653 г. [1]).

[1]) Вотъ типическій примѣръ „соглашеній“ одного изъ мѣстныхъ комитетовъ: „1649 г. Джонъ Баттери изъ Несбитъ въ графствѣ Дургэмъ, примыкавшій къ врагамъ въ теченіе послѣдней войны, желаетъ предста

Съ введеніемъ протектората измѣнилась и самая система расправъ съ роялистами. Вмѣсто упраздненныхъ комитетовъ соглашенія былъ созданъ комитетъ секвестрацій (Committee of Sequestrations), состоящій изъ 6 лицъ и имѣвшій въ каждомъ графствѣ по два уполномоченныхъ. Этотъ комитетъ, однако, продолжалъ ту же самую практику выкуповъ, пока не были исчерпаны всѣ доступныя обвиненія [1]). 1 декабря 1655 г. были изданы совѣтомъ Кромвеля инструкціи для обезпеченія мира республики [2]). Согласно имъ, всякій, уличенный въ какихъ-либо замыслахъ противъ лорда-протектора и законовъ, изданныхъ имъ, начиная съ 16 ноября 1653 г., подвергается тюремному заключенію или изгнанію, а его имущества конфискуются на жалованіе войску и на другіе публичные расходы, при чемъ дѣтямъ и женѣ не можетъ быть оставляемо болѣе $^1/_3$ части имущества. За возвращеніе въ страну послѣ высылки грозитъ полная конфискація имущества. Проведеніе этихъ мѣръ возлагается на трехъ уполномоченныхъ (Commissioners), которымъ гарантируется неприкосновенность и амнистія въ случаѣ допущенныхъ превышеній власти. Въ каждомъ графствѣ для производства разслѣдованій и арестовъ учреждаются агенты, дѣйствующіе подъ руководствомъ уполномоченныхъ. Эта практика просуществовала до самаго паденія протектората.

Если произвольныя преслѣдованія роялистовъ находили свое основаніе въ ненависти къ старому режиму, то этого нельзя сказать относительно новыхъ видовъ политической пропаганды, возникшей послѣ провозглашенія республики [3]). Новое правительство обязалось предъ судьями сохранить основные законы страны и къ числу этихъ законовъ при-

---

вить выкупъ. Его имущество состоитъ изъ арендуемыхъ въ Несбитъ земель; 90 фунтовъ изъ своего дохода онъ платитъ въ качествѣ оброка, сестрамъ ежегодно выплачиваетъ 200 фунтовъ; мать имѣетъ $^1/_6$ часть ренты пожизненно. Постановленіе: взыскать пеню въ $^1/_6$ часть дохода, т. е. въ 165 фунтовъ". Имущества лицъ, добровольно не подчинявшихся вырабатываемымъ комитетами условіямъ, продавались съ публичнаго торга.

[1]) Исторія комитетовъ соглашенія въ эпоху Долгаго Парламента изложена въ предисловіи къ изданному Surtees Society (vol. III. 1905) „Records of the Committees for compounding with delinquent royalists in Durham and Northumberland during the civil war 1648—1666".

[2]) Эти инструкціи приведены въ брошюрѣ „The complaint of liberty and property against arbitrary government. London. 1681, p. 4.

[3]) См. объ общественныхъ теченіяхъ въ этотъ періодъ у М. М. Ковалевскаго. Исторія Великобританіи, энц. сл. А. Граната т. IX.

падлежали тѣ, которыми признавался судъ присяжныхъ, какъ главнѣйшая гарантія правъ и вольностей гражданина. Съ установленіемъ республики агитація противъ парламента въ очень рѣзкой формѣ возникла изъ рядовъ представителей крайнихъ общественныхъ теченій, называвшихся левеллерами или уравнителями. Левеллеры требовали ряда коренныхъ реформъ, какъ равнаго представительства народа въ парламентѣ, созываемомъ чрезъ краткіе промежутки времени, широкой реформы обычнаго права, уничтоженія десятиннаго налога, полной религіозной терпимости, уравненія богатствъ и возстановленія общинныхъ правъ на землю. Въ нѣкоторыхъ частяхъ страны произошли безпорядки, вызванные агитаціей левеллеровъ и нѣкоторыхъ другихъ соціальныхъ реформаторовъ, какъ диггеры, анабалтисты, люди пятой монархіи и др. Руководителями левеллеровъ были Джонъ Лильбурнъ и Вильдманъ. Лильбурнъ велъ широкую пропаганду путемъ печати, почувствовавшей себя болѣе свободной съ паденіемъ монархіи, и чтобы положить конецъ этому, правительство рѣшило привлечь его къ отвѣтственности, вмѣнивъ ему въ вину напечатаніе ряда мятежныхъ сочиненій.

Судьба Джона Лильбурна, имя котораго тѣсно связано съ рядомъ выдающихся судебныхъ процессовъ, весьма интересна. Онъ былъ скромнымъ лондонскимъ переплетчикомъ. При Карлѣ I ему удалось добыть нѣсколько брошюръ, направленныхъ противъ политическаго деспотизма и господствующей церкви, и онъ занялся ихъ распространеніемъ. За это онъ былъ привлеченъ къ суду Звѣздной Палаты, по приговору котораго онъ подвергся тяжкому тѣлесному истязанію и тюремному заключенію. Его процессъ въ Звѣздной Палатѣ, привлекшій къ себѣ живое общественное вниманіе, явился однимъ изъ ударовъ, рѣшившихъ судьбу этого трибунала, вскорѣ затѣмъ упраздненнаго. Во время заключенія онъ проникся политическими ученіями того времени, и въ немъ зажглось горячее желаніе мученичества ради осуществленія новыхъ идей. Немедленно послѣ освобожденія онъ вступаетъ въ ряды парламентской арміи и здѣсь выслуживается до чина полковника. Послѣ битвы при Эджхилъ онъ попадаетъ въ руки короля и предается суду за государственную измѣну. Путемъ цѣлаго ряда отводовъ ему удается прервать на два дня засѣданія суда. Тѣмъ временемъ онъ чрезъ жену даетъ знать парламенту о своемъ процессѣ. Парламентъ грозитъ сторонникамъ короля, захваченнымъ въ плѣнъ парламентской

арміей такой же расправой, и король, опасаясь ихъ казни, прекращаетъ дѣло о Лильбурнѣ. Ему удается подкупить смотрителя тюрьмы, и онъ снова въ рядахъ парламентской арміи въ числѣ ближайшихъ помощниковъ Кромвеля. Крайнія требованія Лильбурна, съ установленіемъ республики, вызвали его отставку, и онъ поселился въ Лондонѣ, почти ежедневно выпуская памфлеты, посвященные парламенту и религіознымъ вопросамъ. Нѣкоторые изъ этихъ памфлетовъ и послужили основаніемъ для его обвиненія. Въ нихъ онъ доказывалъ, что теперешній парламентъ является орудіемъ новой тиранніи, грозящимъ законности, свободѣ и собственности; облагающимъ населеніе незаконными налогами; обращающимъ казенные доходы и монополіи на пользу кучки людей; искусственно сохраняющимъ постоянную армію, чтобы держать народъ въ порабощеніи, что новый государственный совѣтъ есть слѣпое орудіе арміи, а Высшій Судъ — грубое и беззаконное угнетеніе правосудія. Онъ призывалъ населеніе воздержаться отъ подачи петицій въ парламентъ, а настойчиво готовиться къ непосредственной борьбѣ съ узурпаторами. Свои сочиненія онъ распространялъ преимущественно среди низшихъ классовъ лондонскаго населенія.

Въ виду поддержки въ широкихъ массахъ населенія взглядовъ Лильбурна, было рѣшено передать его дѣло въ судъ присяжныхъ, но принять извѣстныя мѣры предосторожности. Для слушанія его дѣла въ октябрѣ 1649 г. была назначена особая сессія въ Гильдхоллѣ, зданіи лондонской думы. Коренная коллегія состояла изъ шести судей, изъ ряда городскихъ совѣтниковъ и совѣтниковъ правительства. Имѣются подозрѣнія, что и скамья присяжныхъ была подтасована. Въ засѣданіе суда публика сначала вовсе не была допущена [1]).

Дѣло началось слушаніемъ 24 октября. Послѣ прочтенія обвинительнаго акта Лильбурнъ заявилъ, что онъ отказывается отъ плѣдированія, пока разбирательство, согласно основнымъ законамъ Англіи, не будетъ сдѣлано гласнымъ. Когда это требованіе было исполнено, онъ выставилъ новое возраженіе. Со времени Генриха IV запрещаются спеціальныя комиссіи судей съ присяжными, между тѣмъ составъ суда спеціально образованъ для слушанія его дѣла. Это возраженіе было отвергнуто судомъ, указавшимъ, что присутствіе

---

[1]) См. отчетъ объ его дѣлѣ въ State Trials. v. 4. p. 1270—1470.

образовано и для слушанія другихъ дѣлъ въ общемъ порядкѣ. Тогда Лильбурнъ настойчиво сталъ домогаться предоставленія ему копіи обвинительнаго акта и назначенія ему защитника, съ которымъ онъ могъ бы посовѣщаться передъ пледированіемъ. Возгорѣлся живой споръ между подсудимымъ и судомъ по этому поводу, длившійся около двухъ засѣданій. Благодаря прежнимъ преслѣдованіямъ, Лильбурнъ былъ хорошо знакомъ съ основаніями тогдашняго судопроизводства и могъ основательно аргументировать свои точки зрѣнія. Будучи неправъ исторически, такъ какъ до тѣхъ поръ обвиняемые по дѣламъ объ измѣнѣ не пользовались такими процессуальными правами, онъ имѣлъ на своей сторонѣ естественную справедливость, доводами которой онъ аргументировалъ весьма краснорѣчиво. Судьи отказали ему, и тогда, послѣ долгаго сопротивленія, онъ, наконецъ, пледировалъ свою невиновность.

Изслѣдованіе дѣлъ о преступленіяхъ печати предъ присяжными до конца XVIII вѣка ограничивалось только фактической стороной дѣла. Присяжные компетентны были только рѣшить фактъ, появилось ли въ печати извѣстное произведеніе и явился ли обвиняемый его составителемъ, издателемъ или распространителемъ. Вопросъ о наличности состава преступленія въ опубликованномъ сочиненіи рѣшался исключительно коронными судьями. Лильбурнъ былъ однимъ изъ первыхъ, поднявшихъ борьбу противъ этого положенія. На судѣ онъ дерзко заявилъ, что подлинными своими судьями онъ считаетъ только присяжныхъ, которые вправѣ рѣшать, какъ вопросы факта, такъ и вопросы права, профессіональные же судьи — это норманнскіе хищники, они только цифры или клерки, говорящіе „аминь“ послѣ вердикта присяжныхъ. Народъ, присутствовавшій на судѣ, живо поддержалъ это заявленіе Лильбурна. Ему, повидимому, поддались и присяжные, вынесшіе подсудимому оправдательный вердиктъ, несмотря на обиліе представленныхъ доказательствъ.

Оправданіе Люльбурна произвело большое впечатлѣніе. Оваціи по его адресу въ залѣ суда длились безпрерывно въ теченіе получаса. Парламентъ счелъ опаснымъ оставить его на свободѣ. Послѣ оправданія онъ былъ направленъ въ Тоуэръ, гдѣ содержался двѣ недѣли. Затѣмъ актомъ Парламента онъ былъ изгнанъ изъ страны, при чемъ самовольное возвращеніе въ Англію его было объявлено преступленіемъ, караемымъ смертью. Тѣмъ не менѣе въ 1653 г., съ установле-

ніемъ протектората, онъ рискнулъ вернуться и снова началъ свою дѣятельность. Вторично былъ организованъ надъ нимъ судъ присяжныхъ, и опять онъ сумѣлъ изъ своего процесса сдѣлать мощное орудіе агитаціи. Присяжные и на этотъ разъ его оправдали. Правительство сочло невозможнымъ равнодушно отнестись къ такому попранію присяжными его авторитета. Всѣ присяжные были вызваны въ Государственный Совѣтъ, гдѣ подверглись тщательному допросу объ основаніяхъ ихъ оправдательнаго вердикта. Многіе изъ нихъ отказались отвѣчать, заявивъ лишь, что дѣйствовали по совѣсти, другіе говорили, что считали себя судьями и факта и права. Продержавъ присяжныхъ нѣкоторое время въ заключеніи, правительство освободило ихъ, не предпринявъ дальнѣйшихъ шаговъ къ ихъ преслѣдованію.

Дѣло Лильбурна показало, что судъ присяжныхъ не является достаточной опорой для политическаго режима, не пользующагося единодушной поддержкой населенія или основаннаго на простомъ захватѣ власти небольшой частью населенія. Пришлось вернуться къ идеѣ чрезвычайнаго суда, аналогичнаго тому, который былъ созданъ для разсмотрѣнія дѣла о королѣ 26 марта 1650 г. парламентомъ былъ изданъ актъ, организовавшій постоянный „Высшій Судъ Правосудія“ (High Court of Justice). Этому суду была ввѣрена власть „судить, осуждать — и казнить свободныхъ гражданъ Англіи рѣшеніемъ большинства голосовъ“. Судъ этотъ состоялъ изъ 12 членовъ, назначаемыхъ парламентомъ, при чемъ число 12 составляло какъ бы поддѣлку суда присяжныхъ. Обвиненія въ этомъ судѣ возбуждались не по представленію большого жюри, а путемъ информаціи, т. е. путемъ простого доноса или правительственнаго представленія, при чемъ каждый могъ выступить информаторомъ. За свою десятилѣтнюю дѣятельность Высшій Судъ Правосудія сумѣлъ пріобрѣсти печальную репутацію. Современники сравнивали его съ „бойней“, считали хуже недавно упраздненной Звѣздной Палаты, отъ которой онъ, дѣйствительно, заимствовалъ рядъ чертъ своего устройства и принциповъ дѣятельности. Съ точки зрѣнія процессуальныхъ гарантій, къ которымъ англичане успѣли уже привыкнуть, многое шокировало въ этомъ судѣ. Здѣсь не былъ допустимъ отводъ судей; рѣшеніе постановлялось по большинству голосовъ, а не единогласно, какъ въ судѣ присяжныхъ; широко допускалось заочное производство; обвиняемый лишенъ былъ права передопроса свидѣтелей.

„Беззаконіе Высшаго Суда, — пишетъ одинъ изъ современниковъ, — постановлявшаго приговоры о жизни и свободѣ безъ обвинительнаго акта, признаннаго большимъ жюри и безъ разбирательства предъ 12-ю сосѣдями — присяжными, являлось грубымъ актомъ тиранніи и несправедливости, еще болѣе грубымъ, чѣмъ тотъ, за который были казнены Эмпсонъ и Дэдли“ [1]). Именно въ такія эпохи господства исключительнаго суда судъ присяжныхъ, раньше не игравшій большой политической роли въ Англіи, начинаетъ разсматриваться какъ лучшій оплотъ гражданской свободы, и такая репутація все болѣе и болѣе за нимъ укрѣпляется.

Компетенція Высшаго Суда Правосудія не была опредѣлена. Но на практикѣ ему передавались дѣла о сторонникахъ Стюартовъ, а также о всякаго рода заговорахъ противъ Кромвеля, гдѣ трудно было разсчитывать на присяжныхъ. Передача дѣла въ этотъ судъ уже какъ бы предрѣшала его исходъ. По свидѣтельству писателей того времени, этотъ судъ никогда никого не оправдывалъ. Сохранившіеся въ собраніи англійскихъ государственныхъ судебныхъ процессовъ отчеты о дѣлахъ, разсматривавшихся въ этомъ судѣ, даютъ весьма безотрадную для постановки дѣла правосудія въ этомъ судѣ картину.

Серія процессовъ въ Высшемъ Судѣ начинается съ дѣла полковника Ensebus Andrews, привлеченнаго за государственную измѣну, состоявшую въ перепискѣ съ сыномъ и наслѣдникомъ казненнаго короля Карломъ II. Процессъ этотъ замѣчателенъ той энергичной защитой исконныхъ гражданскихъ правъ, которая была проявлена подсудимымъ. Онъ выставилъ цѣлый рядъ возраженій противъ допустимости чрезвычайнаго суда. Когда онъ заявилъ, что, какъ свободный гражданинъ, онъ требуетъ суда присяжныхъ, предсѣдатель суда кратко отвѣтилъ: „Они теперь вышли изъ употребленія“ (They are out of date now). Андрюсъ указывалъ, что этотъ судъ не имѣетъ законнаго авторитета, что онъ лишаетъ подсудимаго ряда гарантій, дѣятельность его противорѣчитъ Великой Хартіи и деклараціи о сохраненіи основныхъ законовъ, изданной самимъ парламентомъ. Но несмотря на энергичную

[1]) См The High Court of Justice or Cromwell's new Slaughter House in England London 1651. Въ этой книгѣ подробно обрисовывается дѣятельность этого суда „за два года государственной свободы и народнаго рабства“. Авторъ обвиняетъ этотъ судъ въ подкупности, пристрастіи, вымогательствахъ сознанія и въ обходѣ законовъ.

защиту, онъ былъ осужденъ и казненъ, а вскорѣ послѣ него той же участи подверглись нѣсколько другихъ роялистовъ [1]).

Другой выдающейся жертвой этого суда палъ весьма популярный епископъ Christopher Love. Онъ считался главой пресвитеріанскаго заговора, направленнаго на возстановленіе короля и епископата. Этотъ заговоръ въ 1651 г. былъ обнаруженъ правительствомъ, и Ловъ, вмѣстѣ съ другими пресвитеріанскими священниками (Дженкинсомъ, Дракъ и др.) былъ привлеченъ къ суду. Онъ упорно отказывался плэдировать и отрицалъ авторитетъ суда. Несмотря на свои заслуги передъ Парламентомъ въ прошломъ, онъ и его соучастники были приговорены къ позорной казни. Приговоръ этотъ былъ постановленъ подъ прямымъ давленіемъ Кромвеля, который заявилъ, что онъ не выступитъ съ войсками въ Шотландію до тѣхъ поръ, пока Ловъ не будетъ убранъ.

Въ томъ же 1651 г. были осуждены этимъ судомъ Поттеръ и Гиббонсъ, обвинявшіеся въ подстрекательствѣ шотландцевъ къ возмущенію противъ республики.

Когда съ роспускомъ остатковъ Долгаго Парламента въ 1653 г. Кромвель провозгласилъ себя протекторомъ, онъ сталъ разсматривать какъ государственныя преступленія всякаго рода заговоры противъ своей власти, а въ 1656 г. издалъ актъ, по которому всякій злой умыселъ или посягательство на жизнь протектора признается актомъ государственной измѣны.

Въ 1654 г. былъ обаруженъ новый заговоръ противъ республики, и Высшій Судъ вновь былъ собранъ для засѣданій. Была захвачена переписка Карла II съ нѣкоторыми пресвитеріанцами, изъ которой явствовало, что послѣдніе подготовляли планъ захвата въ свои руки Тоуэра, убійства Кромвеля и возстановленія короля на престолѣ. Изъ среды заговорщиковъ были арестованы John Gerhard, Peter Vowell и Somerset Fox. Всѣ они были привлечены къ отвѣтственности передъ Высшимъ Судомъ. Всѣ трое были довольно случайно выхвачены изъ массы людей, недовольныхъ режимомъ Кромвеля и подъ шумокъ говорившихъ о реставраціи. Джонъ Гергардъ былъ юношей 19 лѣтъ, Воуэль былъ учителемъ. Ясныхъ доказательствъ не было; указывалось лишь, что Гергардъ, будучи въ Парижѣ, „о чемъ-то бесѣдовалъ съ коро-

[1]) Этотъ процессъ, какъ и всѣ приводимые ниже, напечатаны въ 5 томѣ англійскихъ „State Trials".

лемъ"; Воуэль и Фоксъ присутствовали въ тавернѣ, гдѣ велся разговоръ о томъ, какъ низвергнуть Кромвеля. Повидимому, осужденіе это нужно было, чтобы произвести впечатлѣніе на недовольныхъ. Судъ послушно подчинился этой цѣли и приговорилъ всѣхъ трехъ къ казни.

Наконецъ, въ послѣдній годъ жизни Кромвеля, въ 1658 г., Высшему Суду пришлось опять судить трехъ участниковъ роялистскаго движенія — Henry Slingsby, John Hewet и John Mordaunt. Дѣянія ихъ не представляли особой государственной опасности. Мордаунтъ, молодой человѣкъ знатнаго происхожденія, былъ уличенъ въ томъ, что предложилъ свои услуги для военной службы королю. Джонъ Хюитъ обвинялся въ томъ, что собиралъ и пересылалъ деньги королю, а Слингсби былъ уличенъ въ томъ, что неоднократно заявлялъ о своей лойяльности по отношенію къ Карлу II. Первымъ шелъ процессъ Мордаунта, и судъ, принявъ во вниманіе юность подсудимаго и отсутствіе явно выраженнаго измѣнническаго умысла, оправдалъ его. Это вызвало рѣзкіе упреки со стороны Кромвеля, и судъ, чтобы загладить свою мягкость, поспѣшилъ приговорить къ казни двухъ остальныхъ подсудимыхъ. Эта кровавая расправа окончательно закрѣпила репутацію жестокаго и беззаконнаго суда за этимъ трибуналомъ.

Нѣкоторыя дѣла о государственной измѣнѣ и при существованіи Высшаго Суда слушались въ судѣ присяжныхъ. Наиболѣе извѣстными изъ нихъ являются процессы майора Richard Faulconer, обвинявшагося въ 1653 г. въ томъ, что онъ назвалъ членовъ англійскаго Парламента „варварскими и безчеловѣчными мятежниками". Такъ какъ въ дѣлѣ имѣлся только одинъ свидѣтель, между тѣмъ какъ по англійскому обычному праву никто не можетъ быть осужденъ за измѣну иначе, какъ по показаніямъ двухъ достовѣрныхъ свидѣтелей, то дѣянія Фольконера были квалифицированы, какъ нарушеніе присяги, и онъ былъ приговоренъ къ тюрьмѣ. Другой процессъ John Penrudock въ 1655 г. интересенъ тѣмъ отношеніемъ, которое господствовало среди населенія къ правосудію Кромвеля. Джонъ Пенрэддокъ, дворянинъ изъ Вильтшира, съ нѣсколькими своими сторонниками, ворвался въ залу Салисбери, гдѣ засѣдали ассизные судьи, захватилъ судью и шерифа и объявилъ, что онъ лишаетъ ихъ свободы, какъ ставленниковъ незаконнаго правительства. Любопытно, что это насиліе со стороны нѣсколькихъ человѣкъ не встрѣ-

тило никакого противодѣйствія со стороны находившейся въ судѣ многочисленной публики. Кромвель немедленно распорядился предать виновныхъ строжайшей отвѣтственности. Предсѣдателемъ суда былъ приглашенъ Матью Хэль, но онъ категорически отказался отъ этого. Большія затрудненія возникли и съ образованіемъ состава присяжныхъ. Наконецъ, было образовано судебное присутствіе въ Эксонѣ. Суду было предано 29 человѣкъ, изъ которыхъ трое были оправданы, а 26 приговорены къ казни за возстаніе противъ лорда-протектора, выразившемся въ нападеніи на судъ.

Въ 1657 г. суду былъ преданъ Miles Sindercome, составившій заговоръ лишить жизни Кромвеля. Доказательства виновности были довольно ясными, но суду пришлось рѣшить юридическій вопросъ о томъ, является ли измѣной посягательство на жизнь высшаго должностного лица. Англійское обычное право и статуты относили измѣну только къ умыслу противъ короля и нѣкоторыхъ его уполномоченныхъ. Но судъ далъ распространительное толкованіе этимъ правиламъ. Любопытенъ приговоръ, вынесенный подсудимому:

„Судъ опредѣляетъ, чтобы означенный Синдеркомъ, прозывающійся также Фишъ, былъ возвращенъ въ тюрьму Тоуэра, откуда его привели, и затѣмъ былъ выволоченъ оттуда на рогожѣ по улицамъ Лондона къ Тибурну; тамъ слѣдуетъ его повѣсить на висѣлицѣ и держать до полусмерти, послѣ чего еще при жизни распороть ему животъ и вынуть внутренности и сжечь ихъ на глазахъ у него, а затѣмъ разсѣчь его тѣло на четыре части и поступить съ ними согласно указанію его высочества лорда-протектора“.

Но Синдеркомъ не дождался исполненія этого приговора. За нѣсколько часовъ до казни онъ отравился въ тюрьмѣ. Было наряжено слѣдствіе чрезъ особое жюри, которое подтвердило фактъ самоубійства. Тогда трупъ его, привязанный къ хвосту лошади, былъ приволоченъ въ Тибурнъ, и здѣсь подъ висѣлицей была вырыта яма. Обнаженный трупъ былъ насквозь пронзенъ палкою со стальнымъ наконечникомъ и закопанъ въ землѣ такъ, что часть палки осталась торчащей снаружи. Исполненіе происходило по особо установленному ритуалу.

Въ этихъ и въ нѣкоторыхъ другихъ дѣлахъ, слушавшихся съ присяжными, имѣются указанія, что скамья присяжныхъ была подтасована. Это тогда не представляло большихъ затрудненій, такъ какъ составленіе списковъ и соста-

вленіе скамьи находились почти цѣликомъ въ рукахъ шерифовъ. Такъ, въ только что изложенномъ дѣлѣ Синдеркома малое жюри почти цѣликомъ состояло „изъ благонадежныхъ мировыхъ судей". Въ другомъ дѣлѣ, когда подсудимымъ былъ заявленъ отводъ противъ одного изъ присяжныхъ, судья, какъ бы не слышавъ протеста, поспѣшно привелъ его къ присягѣ и заявилъ, что послѣ присяги отводъ не допускается. Историкъ эпохи Кромвеля, Гаррисъ, пишетъ: „Кромвель порою подтасовывалъ присяжныхъ и смѣщалъ судей, не подчинявшихся его указаніямъ. Вотъ мои доказательства. Когда судья Хэль совершалъ свой судебный объѣздъ, онъ освѣдомился, что по одному дѣлу, въ которомъ Кромвель былъ болѣе заинтересованъ, жюри было составлено по прямому указанію Кромвеля. Хэль спросилъ по этому поводу шерифа, который заявилъ, что самъ онъ ничего не знаетъ, такъ какъ все дѣло было поручено его помощнику. Помощникъ шерифа заявилъ, что дѣйствительно онъ получилъ по этому поводу указанія отъ Кромвеля. Тогда Хэль распустилъ присяжныхъ и не сталъ судить этого дѣла. Протекторъ былъ въ высшей степени разгнѣванъ этимъ и по возвращеніи Хэля съ гнѣвомъ сказалъ ему, что онъ не способенъ быть судьею, на что Хэль отвѣтилъ: „Это совершенно вѣрно". Если мы вспомнимъ допросъ присяжныхъ, оправдавшихъ въ 1653 г. Лильбурна, въ государственномъ совѣтѣ, то можно будетъ съ извѣстной исторической достовѣрностью утверждать, что при Кромвелѣ судъ присяжныхъ не пользовался достаточной независимостью и что правительство всячески старалось влiять на его вердикты [1]).

Послѣ смерти Кромвеля въ 1658 г. паденіе протектората было неминуемо. Число недовольныхъ рѣзко возростало. Жертвы, осужденныя Высшимъ Судомъ, были лишь случайными объектами политическихъ репрессій. Населеніе открыто проявляло свои симпатіи къ Карлу II. Вожаки реставраціи развивали энергичную агитацію и тайно вели переговоры съ Карломъ. Эти переговоры закончились выработкой деклараціи въ Бреда, по которой населенію даровалась общая амнистія, за исключеніемъ тѣхъ, кто будетъ изъятъ изъ дѣйствія ея парламентомъ [2]). Послѣ двѣнадцатилѣтнихъ

---

[1]) Впослѣдствіи изъ дѣйствія амнистіи были изъяты всѣ лица, причастныя къ казни Карла I, и нѣкоторые руководители революціоннаго движенія.

[2]) См. также статью составителей State Trials: „Administration of justice during the usurpation of Government", vol. V, 935—948.

скитаній король вернулся въ Англію, привѣтствуемый населеніемъ. Исключенные въ 1648 г. члены Парламента были возвращены, и король вмѣстѣ съ ними занялся возстановленіемъ королевскихъ прерогативъ и судомъ надъ дѣятелями революціи. Относительно способа суда надъ „цареубійцами" (regicides), какъ стали называть членовъ Высшаго Суда 1649 г., было въ маѣ 1660 г. созвано совѣщаніе королевскихъ судей, которое рекомендовало слушать эти дѣла въ общемъ порядкѣ въ лондонскомъ судѣ Старый Бэйли съ участіемъ присяжныхъ. На этомъ совѣщаніи были рѣшены и нѣкоторые юридическіе вопросы относительно формулировки обвиненія, чтобы облегчить дѣйствія обвинителей [1]). Было постановлено посвятить рѣчь предъ большимъ жюри исключительно этому дѣлу, допустить адвоката короны въ комнату совѣщанія большого жюри для руководства допросомъ свидѣтелей. Судьи значительно стѣснили право отвода присяжныхъ со стороны подсудимыхъ, указавъ, что присяжный, вынесшій вердиктъ о виновности одного изъ цареубійцъ не можетъ быть отводимъ послѣдующими подсудимыми на основаніи якобы своей предубѣжденности, что отводъ присяжнаго однимъ изъ подсудимыхъ не препятствуетъ ему принимать участіе въ судѣ надъ остальными, что нѣтъ необходимости, чтобы два свидѣтеля, требуемые по дѣламъ объ измѣнѣ, свидѣтельствовали объ одномъ и томъ же и т. д.

Самые судебные процессы противъ цареубійцъ начались 9 октября 1660 г. [2]). Въ качествѣ коронныхъ судей засѣдали лорды, судьи, сержанты (всего 38 человѣкъ), а большое жюри состояло изъ наиболѣе знатныхъ гражданъ (5 бароновъ, 3 рыцаря, 9 эсквайровъ, 2 джентельмена и 2 безъ обозначенія званій). Поученіе большому жюри было произнесено лордомъ главнымъ барономъ Орландо Бриджманъ и касалось по преимуществу юридической стороны дѣла. Напомнивъ присяжнымъ объ изданной амнистіи, судья указалъ, что Парламентъ призналъ необходимымъ исключить изъ нея обвиняемыхъ. Затѣмъ онъ развилъ теорію безотвѣтственности короля, указалъ на беззаконность поведенія общинъ въ этомъ

---

[1]) См. Resolution of judges upon the case of regicides, St. Trials, vol. V, p. 971.

[2]) См. подробный отчетъ въ книгѣ „An exact and most impartial account of the indictments, trial and judgment (according the law) of 29 regicides, the mudherers of His late sacred Majesty, at Hicks-Hale and condinuel at old Bayiey". London, 1660 u. Stale Trails, vol. V, p. 947—1363.

дѣлѣ, самовольно исключившихъ значительную часть своихъ членовъ и устранившихъ лордовъ, и, наконецъ, апеллировалъ къ клятвѣ большого жюри и лежащей на нихъ отвѣтственности. По всѣмъ предложеннымъ большому жюри 49 обвинительнымъ актамъ оно высказалось утвердительно [1]). Обвинительные акты ставили въ вину подсудимымъ, что „они, забывъ страхъ Божій и подстрекаемые дьяволомъ, измѣннически и преступно, вопреки своему долгу и клятвѣ, засѣдали въ Высшемъ Судѣ, который осудилъ нашего господина и короля вѣчной памяти Карла I, а затѣмъ подписали и припечатали указъ о его казни". Каждый изъ подсудимыхъ судился отдѣльно. Нѣкоторые признали свою вину, другіе защищались, но безъ помощи защитниковъ. Обвинитель ограничился доказываніемъ только двухъ вопросовъ: 1) что данный подсудимый принималъ участіе въ судѣ и голосовалъ за казнь короля и 2) что Высшій Судъ не былъ образованъ законнымъ актомъ Парламента. Малое жюри, не выходя изъ залы, признало виновность каждаго. Противъ осужденныхъ судомъ былъ вынесенъ слѣдующій приговоръ: „Вы будете отведены назадъ въ мѣсто, откуда вы пришли, и отуда вы будете привезены на позорной телѣгѣ на мѣсто казни и тамъ вы будете повѣшены за шею, и еще живымъ вы будете сняты съ веревки, ваши внутренности будутъ вынуты изъ тѣла и, еще при вашей жизни, сожжены на вашихъ глазахъ; затѣмъ ваша голова будетъ отсѣчена отъ тѣла, а тѣло разсѣчено на четыре части. Съ вашей головой и частями тѣла поступятъ по усмотрѣнію его величества, и да смилуется Господь надъ вашей душой". По приказу короля, головы казненныхъ были выставлены на шестахъ въ Вестминстерѣ и въ другихъ людныхъ мѣстахъ города. Только нѣкоторымъ „по великой милости короля" было разрѣшено похоронить тѣла.

Самые процессы, если не считать первой рѣчи предсѣдательствовавшаго судьи Бриджмана, были совершенно лишены политическаго элемента и ограничивались разсмотрѣніемъ чисто фактическихъ вопросовъ или споровъ объ юридическихъ деталяхъ. Такъ, напримѣръ, подсудимый Джонъ Кукъ, выступавшій обвинителемъ въ судѣ надъ Карломъ I, ограничилъ свою защиту тѣмъ, что обвинительный актъ

[1]) Любопытно, что, благодаря особой конструкціи англійскаго права объ измѣнѣ королю, подсудимымъ вмѣнялось лишь „умышленіе на жизнь короля", а самая казнь короля разсматривалась лишь, какъ обнаруженіе (overt act) этого умысла.

просто говоритъ о Джонѣ Кукѣ и не доказано, что подъ этимъ разумѣется именно онъ Джонъ Кукъ, бывшій генеральный соллиситоръ [1]).

Противъ умершихъ Кромвеля, Артона и Брэдшо Парламентомъ были изданы акты объ осужденіи (Acts of Attainder). До того не было прецедентовъ такого осужденія умершихъ. Но мстительность короля и его совѣтниковъ предъ этимъ не остановилась. Трупы этихъ лицъ были вырыты изъ могилъ, повѣшены на висѣлицу въ Тибурнѣ и затѣмъ зарыты подъ висѣлицей. Вмѣстѣ съ тѣмъ подверглись всяческимъ преслѣдованіямъ и нѣкоторые другіе дѣятели республики и протектората. Земли и имущества обвиняемыхъ, скрывшихся за границу, по акту Парламента были конфискованы.

Періодъ республики и протектората не оставилъ послѣ себя свѣтлой памяти въ области англійскаго правосудія. Созданные въ эту эпоху прецеденты постановленіемъ Парламента были аннулированы и на нихъ запрещено было ссылаться. Идея чрезвычайныхъ судовъ была окончательно дискредитирована, и съ этого времени судъ присяжныхъ сталъ единственнымъ судилищемъ для политическихъ преступленій, съ которымъ порою конкурировалъ только Парламентъ. Но промелькнувшій въ процессѣ Лильбурна взглядъ на присяжныхъ, какъ на судей не только факта, но и права нашелъ себѣ затѣмъ дальнѣйшее развитіе. Дефекты тогдашняго уголовнаго правосудія, столь рѣзко выступившіе въ процессахъ революціонной эпохи, въ ближайшіе годы были исправлены. Среди нихъ слѣдуетъ особенно отмѣтить отсутствіе организованной защиты и принудительное плѣдированіе.

Положеніе обвиняемаго въ то время въ дѣлахъ объ измѣнѣ и тяжкихъ преступленіяхъ было весьма плачевнымъ. Онъ не имѣлъ права до суда получить копію съ обвинительнаго акта, а знакомится съ нимъ впервые на судѣ, когда

---

[1]) Общественное мнѣніе было настроено противъ судей Карла. Это явствуетъ, между прочимъ, изъ появившейся въ 1660 г. памфлетной литературы, требовавшей ихъ казни. Изъ имѣвшейся у насъ подъ руками назовемъ: „A hue and cry after the High Court of Injustice. London, 1660“ England's Black Tribunal, set forth in the tryall of king Charles I. 1660“. „Beheaded Dr. John Hewet Ghost, crying for exemplar justice against the arbitrary, unexempled injustice of his judges and executioners. London, 1660“.

онъ долженъ былъ дать свой отвѣтъ о признаніи или отрицаніи виновности. Тотъ или иной отвѣтъ ставилъ подсудимаго въ тяжелое положеніе. Признаніе виновности открывало ему возможность спорить противъ юридической правильности обвиненія, но лишало его возможности, въ случаѣ, если судьи отвергли его возраженія, воспользоваться вердиктомъ присяжныхъ. Признаніе вины механически влекло за собою обвинительный приговоръ суда. Отрицаніе вины открывало ему возможность разсмотрѣнія его дѣла присяжными, но вмѣстѣ съ тѣмъ лишало его права приводить юридическіе доводы противъ правильности формулировки обвиненія. Старинное право непремѣнно требовало, чтобы онъ избралъ одну изъ этихъ двухъ формъ плѣдированія, при отказѣ же онъ могъ быть подвергнутъ особой пыткѣ. Въ процессѣ надъ Карломъ I судъ призналъ отказъ отъ плѣдированія за признаніе своей виновности, очевидно не желая прибѣгать къ этой тяжелой мѣрѣ [1].

Подсудимый по дѣламъ объ измѣнѣ не могъ пользоваться помощью защитника. Только въ томъ случаѣ, если на судѣ возникалъ какой-либо юридически-сложный вопросъ, отъ усмотрѣнія суда зависѣло въ видѣ снисхожденія предоставить подсудимому посовѣщаться съ адвокатомъ. Адвокатъ во всякомъ случаѣ не могъ участвовать ни въ первоначальномъ опросѣ обвиняемаго, ни въ допросѣ свидѣтелей, не могъ произносить рѣчи въ защиту обвиняемаго. При такихъ условіяхъ подсудимый былъ предоставленъ почти всецѣло власти суда. Правда, считалось, что „судья является лучшимъ защитникомъ обвиняемаго", но въ рукахъ пристрастныхъ судей это правило обращалось въ пустой звукъ. Изъ нѣсколькихъ десятковъ процессовъ, относящихся къ періоду республики и протектората, отчеты о которыхъ помѣщены въ собраніи State

---

[1]) Пытка, примѣнявшаяся къ лицамъ, не желавшимъ плѣдировать предъ судомъ присяжныхъ, состояла въ мучительной голодной смерти посредствомъ придавливанія человѣка тяжестями (см. мои „Очерки уголовнаго суда и наказанія въ Англіи", 1911 г.). Въ 1658 г. одинъ изъ подсудимыхъ майоръ Strangeways былъ подвергнутъ этой пыткѣ, называвшейся peine forte et dure, и умеръ въ мученіяхъ, не желая плѣдировать, чтобы по вердикту присяжныхъ не лишить своихъ наслѣдниковъ имущества, которое въ случаѣ его осужденія должно было бы быть конфисковано. Дѣло Стрэнджвея было послѣднимъ случаемъ примѣненія этой жестокой пытки. Вскорѣ затѣмъ было судьями признано, что молчаніе на вопросъ о виновности означаетъ отрицаніе своей вины. См. Pike. History of crime, v. II, p. 194—195.

Trials, мы буквально не находимъ ни одного, гдѣ между обвиняемымъ и судомъ не происходило бы долгихъ и мучительныхъ пререканій о защитѣ. „Долженъ ли я потерять свою жизнь, — говорилъ Лильбурнъ на своемъ процессѣ въ 1649 г., — вслѣдствіе своего незнанія юридическихъ формъ? Дайте мнѣ защитника, или въ противномъ случаѣ ударьте меня сразу по головѣ, убейте меня на этомъ мѣстѣ, и это будетъ болѣе справедливымъ и соотвѣтствующимъ правосудію“. Весь процессъ часто превращался въ мучительное издѣвательство надъ подсудимымъ, тщетно ищущимъ выхода изъ сложной сѣти техническихъ правилъ процесса, сковывавшихъ его по рукамъ и ногамъ. Съ такимъ невыносимымъ положеніемъ, ярко сказавшимся въ эту эпоху, нельзя было долѣе мириться, и въ 1694 г. былъ изданъ актъ Парламента, по которому обвиняемому въ государственной измѣнѣ судомъ должна быть назначена защита по первому его требованію. Тогда же состоялся и законъ объ обязательномъ врученіи ему копіи съ обвинительнаго акта.

Примѣромъ малой обезпеченности правъ личности служитъ также дѣло капитана Джона Стритера, который въ 1653 г. былъ арестованъ Парламентомъ за опубликованіе противоправительственнаго сочиненія. Онъ былъ отведенъ въ Тоуэръ и здѣсь томился нѣсколько мѣсяцевъ безъ сообщенія ему причинъ ареста. Стритеръ потребовалъ привода своего въ судъ Верхней Скамьи по акту Habeas Corpus. Судьи долгое время не рѣшались освободить его, боясь мести Парламента, но въ 1653 г., когда остатки Долгаго Парламента были распущены, приказъ объ освобожденіи Стритера былъ изданъ судомъ, указавшимъ, что съ роспускомъ Парламента теряютъ силу и данные имъ приказы о взятіи кого-либо подъ стражу.

Въ области, прямо не относящейся къ политическимъ преслѣдованіямъ, правосудіе въ эпоху республики и протектората, по отзывамъ историковъ, отправлялось нормально. Характерны лишь суровыя гоненія, начатыя пуританами, ставшими у власти, противъ народной распущенности и противъ увеселенія всякаго рода. Актомъ Парламента прелюбодѣяніе и непотребство были объявлены тяжкими преступленіями За нарушеніе цѣломудрія мужчину или дѣвушку карали тюрьмою. Судьи въ ассизахъ и малыхъ сессіяхъ ревностно принялись за преслѣдованіе этихъ преступленій, раньше вѣдавшихся церковными судами. Были закрыты не только всѣ увеселенія, но артисты и артистки, игравшіе въ лондонскихъ

театрахъ, были объявлены бродягами и заключены въ тюрьму. Мѣста въ театрахъ были уничтожены, и было объявлено, что каждый, который выступитъ въ качествѣ актера гдѣ-либо, подвергнется публичному тѣлесному наказанію, а зрители подвергнутся штрафу въ пять шиллинговъ за присутствованіе на театральномъ зрѣлищѣ. Запрещены были даже такія народныя игры, какъ футболъ, боксъ, пѣтушиные бои. Пьянство, брань и ссоры были объявлены серьезными преступленіями. Словомъ, начался настоящій крестовый походъ противъ всякой распущенности, и десятки такихъ дѣлъ разрѣшались въ каждую судебную сессію. Исторически установлено, что каждая революція способствуетъ обыкновенно паденію морали. Великая французская революція конца XVIII вѣка и наша революція 1905 г. служатъ достаточно яркими показателями этого. Съ этимъ явленіемъ пришлось, несомнѣнно, встрѣтиться и англійской революціи половины XVII вѣка. Но тѣ своеобразныя мѣры уголовной репрессіи, которыя мы здѣсь встрѣчаемъ, являются единственными въ своемъ родѣ. Трудно безъ улыбки читать обвинительный актъ о нѣкоемъ Джонѣ Бишопѣ, аптекарѣ по профессіи, который „умышленно, насильственнымъ и шумнымъ образомъ бѣгалъ по улицѣ, толкая ногой впередъ и назадъ нѣкій кожаный мячъ, называемый въ народѣ футболомъ, къ великому безпокойству и затрудненію добраго населенія республики, проходящаго и проѣзжавшаго по означенной улицѣ“ [1]). Но интересно отмѣтить, что и послѣдовавшая реставрація изъ всѣхъ нововведеній революціонной эпохи удержала эти законы противъ распущенности, и судьи Карла II съ неменьшей энергіей преслѣдовали виновныхъ въ нарушеніи цѣломудрія, въ пьянствѣ, увеселеніяхъ и т. п., чѣмъ судьи эпохи протектората.

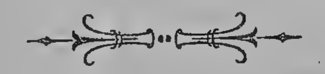
Двѣнадцатилѣтняя практика англійскаго революціоннаго правосудія не оставила прочныхъ слѣдовъ въ исторіи англійскаго права. Обще-политическое значеніе англійской революціи, окончательно изгнавшей слѣды самодержавія въ Англіи и укрѣпившей на будущее время политическую роль палаты общинъ, а въ религіозной области окончательно устранившей опасность возврата къ католицизму и развившей вѣротерпи-

---

[1]) Подробнѣе см. у Pike. History of the crime in England. 1876, v. II, p. 182—190

мость, заслонило собою ея вліяніе въ области суда[1]). Но несомнѣнно все же, что тѣ гарантіи, осуществленіе которыхъ въ области суда и процесса мы видимъ въ концѣ XVII вѣка, въ значительной степени были подготовлены экспериментами этого періода. Несмѣняемость судей, упраздненіе всякихъ чрезвычайныхъ судовъ, укрѣпленіе роли и значенія Habeas Corpus act, расширеніе процессуальныхъ правъ обвиняемаго, усиленіе роли суда присяжныхъ, какъ лучшей гарантіи гражданской свободы, словомъ, большинство тѣхъ правовыхъ оплотовъ, которыми славится нынѣ англійскій судъ, пріобрѣли свою цѣнность въ этотъ періодъ тревожной политической жизни, когда значеніе ихъ было особенно ясно для каждаго англичанина. И позднѣйшее закрѣпленіе ихъ въ законодательствѣ и конституціи явилось естественнымъ результатомъ такой оцѣнки.

П. И. Люблинскій.

[1]) См. общую оцѣнку политическаго значенія этой революціи въ работахъ E. Jenks. Constitutional experiments of the commonwealth и History of the Rump Parliament.

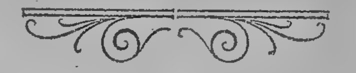
ТОСКА БУДНЕЙ.

Какъ старый хмурый волъ, съ поклажей, по дорогѣ,
Бредетъ въ палящій зной, лѣниво, не спѣша,
Такъ медленной стопой, суровый въ скорби строгой,
Плетется день за днемъ, усталостью дыша. . .

Когда-то праздникъ былъ... Теперь глухіе будни,
Безъ радостныхъ огней, безъ жути острыхъ драмъ.
Міръ пестрой суеты сталъ тише и безлюднѣй,
И заросла тропа въ пустынный бѣлый храмъ.

... И я, погонщикъ злой, суровыми словами
Гоню свой день впередъ — къ предѣльнымъ берегамъ.
. . . .
А ночью вновь молюсь въ забытомъ старомъ храмѣ
И жертвы снова жгу заброшеннымъ богамъ. . .

Левъ Круповецкій.

„ИСЧЕЗЪ ЧЕЛОВѢКЪ“...
(ИЗЪ НАСТРОЕНІЙ ВЪ НАЧАЛѢ ВОЙНЫ.)

I.

Это было на кавказскомъ побережьѣ, поздней осенью, 1914 года.

Позднимъ вечеромъ по лѣсу я пробирался къ взморью.

Узкая, чуть замѣтная тропа, виднѣвшаяся на опушкѣ, мгновенно исчезла, какъ только я проникъ въ гущу лѣсного царства.

Пришлось идти наугадъ, руководствуясь долетавшими ревомъ и трескучимъ шипѣніемъ Чернаго моря.

Ускоряя шаги, я, что есть силы, спѣшилъ выбраться изъ безпросвѣтной тьмы съ жуткимъ завываніемъ вѣтра, трепетомъ встревоженнаго лѣса и таинственными шорохами, вызывавшими то образъ дикаго звѣря, то лихого человѣка. Колючіе кустарники рвали мою одежду, впиваясь въ тѣло, вѣтви деревъ били въ лицо, а невидимые пни и упавшіе стволы деревъ валили меня на землю.

Мой слухъ напряженно ловилъ все усиливавшійся морской гулъ, а зрѣніе выискивало просвѣта въ непроницаемомъ mракѣ, какъ вдругъ я полетѣлъ въ какую-то пропасть. Ужасъ охватилъ все мое существо. Гдѣ я?.. Какъ выбраться отсюда?.. Куда идти?.. Но вотъ блеснула молнія, и я понялъ, что сорвался съ мягкаго обрывистаго берега на гальку взморья. Слѣдующая молнія освѣтила тяжелыя свинцовыя тучи, заволочившія небо, и громадные, съ бѣлыми гребнями, бѣшеные валы, стремившіеся, казалось, наброситься на меня, сгрести и увлечь въ пучину моря.

Какъ ужаленный вскочилъ я и, цѣпляясь за мокрую, ползучую глину, прижимаясь къ самому берегу, сталъ выжидать свѣта молній, чтобы какъ-нибудь оріентироваться въ страшномъ мракѣ.

Между тѣмъ послышались первые раскатистые удары грома; вверху еще сильнѣе зашумѣли деревья; молніи освѣщали зловѣщія волны, громадною стѣною все болѣе и болѣе надвигавшіяся на взморьѣ и, загребая гальку, съ необыкновеннымъ грохотомъ и адскимъ шипѣніемъ катившія ее въ море.

Гроза вотъ-вотъ должна была разразиться ливнемъ.

Съ замираніемъ сердца я ждалъ этого момента.

И онъ пошелъ очень скоро. Вслѣдъ за одной изъ яркихъ, змѣей извивавшихся на небѣ молній, сопровождавшейся сухимъ, краткимъ, но ужаснымъ трескомъ грома, какъ изъ ведра полилъ дождь. Спустя немного, съ высотъ берега хлынули громадные потоки; размочивъ глину, они превратили ее въ ползучую, холодную жидкость и прямо сбивали меня въ пасть свирѣпыхъ волнъ, занявшихъ уже всю линію прибоя и клокотавшихъ у самыхъ моихъ ногъ. Чтобы спастись отъ ярости стихіи, я руками и ногами впился въ грязь береговъ и, напрягая всѣ силы, среди тьмы, грома, треска и шипѣнія чуть-чуть подвигался по направленію къ далеко-далеко мерцавшему маяку.

Чѣмъ дальше, тѣмъ больше и больше силы оставляли меня; въ душу начало закрадываться отчаяніе, нервная система ослабѣла, и наступилъ моментъ безразличія, индеферентизмъ къ жизни.

Не знаю, что было бы со мною, если бы въ одномъ мѣстѣ я не ощутилъ какой-то твердости подъ ногами. — „Не тропа ли?“ — блеснула у меня мысль. Я задержался, ожидая молніи. Она не заставила себя долго ждать и, дѣйствительно, на мигъ освѣтила тропку, шедшую куда-то вверхъ. Надежда на спасеніе, какъ электричествомъ, зарядила весь мой организмъ; откуда ни взялись силы, и я, выждавъ еще одну молнію, полѣзъ обратно на берегъ. Цѣпляясь за кусты, деревья, камни, вообще за все, что попадалось подъ руки, я, ощущая подъ ногами твердую, хотя и донельзя скользкую почву, освѣщаемую время отъ времени молніями, ползъ въ невѣдомую высь. Сравнительно съ тѣмъ, что я испыталъ, подъемъ казался мнѣ легкимъ, а куда ведетъ тропа — для меня было безразлично.

Сколько времени я карабкался, не знаю. Если бы прекратился ливень, я, казалось мнѣ, прилегъ бы на любомъ мѣстѣ и уснулъ сномъ мертвеца. Однако, сдѣлать это было чрезвычайно трудно — вода, хотя и съ меньшею, благодаря

деревьямъ, силою, все же шла потокомъ, и, лишь держась за какіе-либо предметы, являлось возможнымъ устоять отъ ея силы и подвигаться впередъ.

„Но что это?.. Галлюцинація слуха?..“ — До меня донесся какъ будто собачій лай... Задерживаюсь и, напрягая свой слухъ, ловлю звуки въ шумѣ вѣтра и воды... „Да, вотъ опять лай!..“ — Силы мои возрастаютъ. Несомнѣнно, я вблизи какого-то жилья... Кто въ немъ обитаетъ, мнѣ все равно, — лишь бы былъ живой человѣкъ или какая-нибудь кровля.

Подъемъ между тѣмъ дѣлался все круче и круче; лай собаченки слышнѣе и слышнѣе; она, повидимому, зачуяла меня и спускалась навстрѣчу. Вотъ, наконецъ, маленькое животное вертится уже вокругъ меня и лаетъ съ необыкновенною энергіею.

— Кто тамъ?! — раздается въ этотъ моментъ окликъ.

— Свой, свой! — сколько хватаетъ силы, кричу я въ отвѣтъ.

— Жучка, прочь!.. Иди сюда!.. Прямо, прямо!.. Вонъ, Жучка!..

Собаченка стихла и куда-то исчезла; въ глаза блеснулъ огонь; иду на него и теряю сознаніе; чувствую сначала, какъ будто я въ водѣ, быть можетъ, на днѣ моря; потомъ кажется, что меня бросили въ раскаленную печь...

II.

Открываю глаза, и въ поле моего зрѣнія тотчасъ попадаетъ сказочной красоты нѣжный серебристый блескъ. Онъ гдѣ-то далеко-далеко, тамъ, гдѣ необъятный темно-голубой небосклонъ кажется соприкасающимся съ землею. Не могу оторваться отъ феерической картины, вливающей какую-то отраду въ мою душу, вызывающей жажду жизни, и думаю,— „Что же это такое? Сонъ или дѣйствительность?“ — Долго и пристально всматриваюсь въ чудное сіяніе и убѣждаюсь, наконецъ, что это — море, озаренное свѣтомъ невидимой луны. Она, должно быть, скрыта навѣсомъ, подъ которымъ я лежу. „Какъ я очутился здѣсь?..“ — Ломаю голову, и мнѣ начинаетъ мерещиться нѣчто, напоминающее бредъ... Но вотъ до слуха моего донесся лай собаченки. И этотъ лай, какъ ключемъ, отворилъ дверь моей памяти. Мало-по-малу изъ ея тайниковъ начали выплывать запечатлѣвшіяся тамъ

мои приключенія. Они обрывались лаемъ „Жучки“. Въ моихъ ушахъ отчетливо звучало это названіе, словно только что кто-то произнесъ его. Но гдѣ онъ, этотъ „кто-то“? При всемъ усиліи, я никакъ не могъ вызвать ни образа человѣка, меня пріютившаго, ни опредѣлить время, когда это случилось. Между тѣмъ „кто-то“ догола раздѣлъ меня, уложилъ на соломѣ подъ навѣсомъ и укрылъ такъ тепло, что тѣло мое покрылось обильнымъ потомъ. „Гдѣ же этотъ человѣкъ или люди?..“ Направляю взоръ въ сторону, противоположную морю, и, къ своему изумленію, открываю то, что искалъ. Чрезъ настежь открытую дверь избушки, прилѣпленной къ навѣсу, увидѣлъ я лежащаго на скамейкѣ, — на спинѣ, какъ покойникъ, — человѣка въ ситцевой рубахѣ, короткихъ штанахъ и въ туфляхъ на ногахъ. Лицо его закрывалось стоявшимъ у изголовья столомъ, на которомъ виднѣлись: жестяная лампа съ тусклымъ стекломъ, грязный, громадныхъ размѣровъ жестяной самоваръ съ чайникомъ на немъ и стаканъ съ чернымъ, какъ деготь, чаемъ. Судя и по позѣ лежавшаго, и по тому, что лампа не была погашена, а стаканъ наполненъ чаемъ, можно было предположить, что онъ не спитъ. Но я считалъ неловкимъ давать о себѣ знать, покуда не обнаружатся явственные признаки бодрствованія незнакомца. Ждать пришлось недолго. Скоро онъ зашевелился и легъ на бокъ, затѣмъ повернулся на другой бокъ, прикрывъ голову подушкой; но сонъ, видимо, бѣжалъ отъ его глазъ и, спустя немного, незнакомецъ, словно чѣмъ-то испуганный, быстро поднялся со скамейки, залпомъ выпилъ стаканъ чаю и, закуривъ надъ лампою папиросу, нервно забѣгалъ изъ угла въ уголъ своего крохотнаго помѣщенія. Изъ темнаго пространства я, будто въ синематографѣ, созерцалъ картину человѣческаго волненія, и жалко мнѣ стало незнакомца. Ужъ очень рѣзко и наглядно бросался въ глаза диссонансъ: влѣво отъ меня разстилался безграничный просторъ великаго Божьяго міра, сверкало море, горѣли звѣзды въ небесной выси, вправо же, въ жалкой конурѣ метался, напоминая бѣлку въ колесѣ, несчастный „царь природы“. Что лишаетъ его сна? Что не даетъ ему покоя? Какія страсти или болѣзни его волнуютъ? Я кашлянулъ. Незнакомецъ вздрогнулъ, остановился, прислушался, бросилъ взглядъ въ мою сторону, приблизился къ двери и тихо спросилъ:

— Вы проснулись?

— Да, — отвѣтилъ я.

— Слава Богу!..

— Скажите, пожалуйста, гдѣ я нахожусь?

— На табачной и кукурузной плантаціяхъ.

— Мг...

— Вы ничего не помните? Въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго, потому что, добравшись сюда, вы лишились сознанія и спали цѣлыя сутки.

— Сутки?!

— Да, да — цѣлыя сутки! Я вамъ сообщу все, что съ вами здѣсь произошло, но предварительно вы мнѣ скажите, какъ и почему вы къ намъ попали?

— По глупости... Съ небольшою компаніею я сдѣлалъ перевалъ съ Сѣвернаго Кавказа къ морю. Увидѣвъ его, нѣсколько человѣкъ, и я въ томъ числѣ, побѣжали къ морю,— которое казалось совсѣмъ близко. Цѣлый день насъ палилъ зной, хотѣлось поскорѣе выкупаться и берегомъ добраться до мѣста назначенія. Вечеръ былъ дивный, ничто не предсказывало непогоды. Но вышло иначе: я попалъ въ густой лѣсъ, заблудился, сорвался съ берега и, застигнутый ливнемъ, чуть было не погибъ, если бы случайно не нащупалъ тропу къ вамъ...

— Слушайте теперь, что дальше произошло. Вотъ эта избушка принадлежитъ горцу Измаилу, который охраняетъ прилегающія табачныя и кукурузныя плантаціи. Когда залаяла его собаченка и направилась внизъ, Измаилъ, рѣшивъ, что лѣзетъ медвѣдь, чтобы полакомиться кукурузой, взялъ ружье и сталъ поджидать звѣря. „Ну, а что, если это человѣкъ взбирается?“ — спросилъ я его. На это горецъ категорически возразилъ, что въ такую погоду человѣка быть не можетъ. Я хотя и соглашался съ его аргументомъ, но меня охватила какая-то жуть что-ли, когда лай собаченки послышался совсѣмъ близко, а Измаилъ взвелъ курокъ. Я окликнулъ, а у васъ хватило силы громко отвѣтить мнѣ, чѣмъ и была предупреждена, быть можетъ, кровавая трагедія...

— Чортъ знаетъ что!..

— Да-а!.. Измаилъ съ ужасомъ взглянулъ на меня и, какъ говорится, остолбенѣлъ отъ волненія... Но этимъ драма не кончилась. Вы, весь мокрый, облѣпленный грязью, въ совершенно изорванной одеждѣ, показались Измаилу настолько подозрительнымъ, что онъ на всякій случай хотѣлъ связать ваши ноги, опасаясь, что, когда очнетесь...

— Ограблю?

— А можетъ и убьете...

— Да неужели?

— Вѣрьте моему слову. Васъ спасъ паспортъ, вываливпійся изъ бокового кармана, когда мы васъ раздѣвали. Хотя документъ этотъ почти размокъ, но все же я кое-какъ разобралъ вашу фамилію и успокоилъ моего горца. Къ слову, я не ошибся, что вы писатель?

— Нѣтъ, не ошиблись...

— Очень радъ и позвольте отрекомендоваться: Илья Петровичъ Шкворневъ.

Мы протянули другъ другу руки.

— Ну, а какъ вы себя чувствуете? — спросилъ вслѣдъ за этимъ Шкворневъ.

— Кажется, ничего...

— По правдѣ сказать, я опасался за вашу жизнь, — таковъ былъ вашъ видъ; а Измаилъ волновался по другому поводу: онъ боялся отвѣтственности и, особенно, волокиты, если вы „сдохнете", какъ онъ выразился.

— Сколько я переполоху надѣлалъ!

— Все хорошо, что хорошо кончается... А вы вотъ что скажите: чувствуете вы аппетитъ?

— Ѣсть не хочется, а вотъ чаю выпилъ бы съ удовольствіемъ.

— Ну вотъ и прекрасно. Одежды ваши гдѣ-то сушатся, а я вамъ принесу свое бѣлье: вы его натяните подъ прикрытіемъ, чтобы не простудиться, набросьте бурку, и будемъ въ избѣ чаевать.

Такъ и сдѣлали.

III.

— Который теперь часъ? — началъ я разговоръ, занявъ мѣсто на табуреткѣ за чайнымъ столомъ.

— Далеко за полночь, — отвѣтилъ Илья Петровичъ, наливъ мнѣ чай.

— Почему же вы не спите?

— Не спится... Галлюцинаціи, кошмаръ...

Я взглянулъ на Шкворнева.

Черты мертвенно блѣднаго лица, глубокія морщины на лбу, просѣдь въ густой шевелюрѣ волосъ ясно говорили о тяжестяхъ жизни, выпавшихъ на долю этого человѣка, по общему облику котораго нельзя было дать болѣе 30—35 лѣтъ.

— Галлюцинаціи?... Среди такой-то природы?! — сказалъ я.

— Когда-то Кавказъ лѣчилъ и тѣло мое, и душу, а теперь что-то не помогаетъ, — съ грустью отвѣтилъ Илья Петровичъ.

— Еще поможетъ!

— Кто знаетъ...

Шкворневъ сѣлъ на кровать, облокотился на столъ и задумался, устремивъ лихорадочно блестѣвшіе глаза въ одну точку. Время отъ времени лицо его подергивалось спазмами, и онъ какъ будто что-то шепталъ.

Мнѣ сдѣлалось жутко, и я хотѣлъ заговорить о чемъ-нибудь съ Ильей Петровичемъ, но онъ вдругъ вскочилъ, забѣгалъ, какъ это было уже, по избѣ и заговорилъ, словно про себя:

— Жизнь теряетъ смыслъ, если исчезъ человѣкъ... Зачѣмъ она?.. Если высочайшая культура ведетъ къ тому, что человѣкъ дѣлается самымъ опаснымъ звѣремъ, если творчествомъ своего генія онъ пользуется исключительно для самоистребленія, то какой же интересъ существованія?..

„Безумецъ!" — мелькнула у меня тревожная мысль.

Шкворневъ замѣтилъ мой взволнованный взглядъ и, остановившись противъ меня, нервно спросилъ:

— Чего вы на меня такъ странно смотрите?

— Но я васъ не понимаю...

— Не понимаете?

Илья Петровичъ сдѣлалъ движеніе назадъ, оглянулъ меня съ ногъ до головы, будто впервые видитъ неожиданно появившагося страннаго незнакомца и, отчеканивая каждое слово, протяжно и глухо произнесъ:

— Такъ вы ничего не знаете?! Гдѣ же вы были?!

— Съ девятаго іюля и по настоящій моментъ въ горахъ Кавказа, какъ я вамъ уже говорилъ...

— И значитъ ни о чемъ не слыхали?..

— Простите, но, повторяю, я васъ совершенно не понимаю...

— Какъ же все-таки?.. А газетъ вы не читали?

— Не видѣли мы даже печатной буквы и, кромѣ дикихъ горцевъ, никого не встрѣчали.

— Ну, извините меня!!.. Какой же вы счастливый человѣкъ!.. Самое лучшее, если бы вы обратно отправились въ эти горы и тамъ бы остались на всю жизнь...

— Да что же произошло?!

— Война, въ которой принимаютъ участіе: Германія, Франція, Англія, Австро-Венгрія, Бельгія, Сербія, Японія...

Широко раскрытыми глазами я молча смотрѣлъ на Илью Петровича, не довѣряя его словамъ и объясняя ихъ фантазіею душевно-больного человѣка.

— Вы мнѣ не вѣрите?

Я молчалъ.

— Такъ вотъ...

Шкворневъ выдвинулъ ящикъ изъ стола и положилъ передо мною груду измятыхъ клочковъ бумаги, а самъ вышелъ изъ избы.

IV.

Съ жадностью набросился я на вырѣзки изъ газетъ, которыхъ давнымъ-давно не видѣлъ. Беру безъ разбора одинъ за другимъ клочки печатной бумаги и читаю:

„Копенгагенъ. Бросаемыя съ цеппелиновъ бомбы смазываются какимъ-то ядовитымъ веществомъ. Вслѣдствіе этого даже самыя незначительныя пораненія осколками такихъ бомбъ вызываютъ зараженіе крови“.

„Варшава. Въ Радомѣ президентъ города издалъ объявленіе: „Получивъ достовѣрныя извѣстія, что нѣмцы приготовляютъ въ Берлинѣ препараты, заключающіе холерныя бациллы для зараженія воды въ колодцахъ, считаю обязанностью увѣдомить жителей города, съ цѣлью установленія строгаго надзора за колодцами“.

„Въ Бельгіи. Отъ множества цвѣтущихъ городовъ и деревень не осталось и слѣда: все сожжено и разграблено одичавшими солдатами. Не принимавшіе участія въ войнѣ старики, женщины, дѣти, священники были схвачены и убиты. Женщинъ насиловали. У одной матери, кормившей ребенка, отрѣзали грудь“.

„Римъ. Громадное впечатлѣніе производитъ статья нѣмецкаго журналиста Максимиліана Гардена, описывающая разрушеніе Лувена. Статья кончается такими словами: „Крѣпко усвойте себѣ мысль, что въ нѣмецкой землѣ живутъ воюющіе варвары, которымъ сейчасъ некогда заниматься разговорами“.

„Копенгагенъ. Въ „Mogning Post“ очевидцы даютъ потрясающее описаніе кровавой бани, устроенной нѣмцами въ Лувенѣ. По сигналу нѣмецкіе солдаты начали избіеніе мирнаго населенія. Убійство продолжалось всю ночь. Многіе священники были убиты у алтарей въ церквахъ. Оставшіеся въ живыхъ граждане были приговорены къ смерти военнымъ судомъ“.

„Цеппелины надъ Антверпеномъ. Корреспондентъ „Daily Chronicle“ сообщаетъ: „Я пережилъ самую трагическую ночь въ эту войну. Впервые въ исторіи многочисленное цивилизованное общество подверглось бомбардировкѣ съ неба подъ прикрытіемъ тьмы ночной. Цеппелину есть чѣмъ гордиться: онъ умертвилъ и искалѣчилъ беззащитныхъ мужчинъ, женщинъ, дѣтей и бросалъ бомбы въ больницы, полныя раненыхъ“.

„Идолъ изъ крови и желѣза, предъ которымъ преклоняется Германія, долженъ быть свергнутъ со своего пьедестала чего бы это ни стоило.

Онъ исказилъ, извратилъ всѣ удивительныя способности нѣмецкой націи. Онъ сѣетъ по морямъ разрушительные механизмы, не безпокоясь о невинныхъ, которые будутъ ими поражены. Онъ бросаетъ бомбы съ высотъ неба въ спящіе города, на женщинъ и дѣтей. Онъ сжигаетъ деревни и города, убиваетъ слабыхъ и старцевъ не изъ гнѣва, а во имя извѣстнаго желѣзнаго закона. Онъ не склоняется даже на мольбы своего собственнаго народа. Онъ кидаетъ въ объятія смерти дѣтей этого народа тѣсно сомкнутыми колоннами: лучше потерять цѣлый армейскій корпусъ, чѣмъ измѣнить что бы то ни было въ заранѣе составленномъ планѣ. Сила, сила и сила, жестокая и варварская. Она игнорируетъ всѣ моральныя соображенія, она не знаетъ справедливости и состраданія. Желѣзный идолъ, — онъ возвышается на кровавомъ основаніи. Европа должна его свергнуть, чего бы это ни стоило“.

V.

Я не могъ больше читать. Въ головѣ у меня шумѣло, въ вискахъ стучало, по всему тѣлу бѣжала дрожь; помимо своей воли, я, какъ недавно Шкворневъ, смотрѣлъ въ одну точку, потому что предъ умственнымъ взоромъ моимъ возникали одна за другою кровавыя картины, а мысли терзались нахлынувшими мучительными вопросами. Я понялъ теперь и настроеніе Ильи Петровича, и брошенную имъ фразу: „человѣкъ исчезъ“. Я чувствовалъ себя такъ, какъ если бы мнѣ сообщили, что какой-нибудь самый близкій мнѣ человѣкъ, котораго я знаю, какъ самого себя, пойманъ на мѣстѣ звѣрскаго преступленія. Нѣмцы!.. Боже мой!.. Вѣдь это народъ, давшій Лессинга и Гете, Канта и Шиллера, Гейне и Берне, Шпильгагена и Эберса, Фихте и Шеллинга, Гегеля и Фейер-

баха, Шлоссера и Гервинуса, Лассаля и Маркса, Бебеля и Либкнехта... Это вѣдь мои и моего поколѣнія учителя, воспитатели, духовные отцы!.. А музыка!.. Бахъ, Гайднъ, Шуманъ, Мендельсонъ-Бартольди, Вагнеръ, Листъ, Брамсъ и божественный, никѣмъ непревзойденный, геніальный Бетховенъ!.. О, сколько этотъ царь звуковъ влилъ отрады въ мою душу, какъ часто будилъ лучшія чувства, возбуждалъ творчество!.. Какъ же примириться, освоиться съ тѣмъ, что культурнѣйшій народъ въ XX вѣкѣ превзошелъ по звѣрству и дикости гунновъ и монголовъ! А если примириться, то совершенно логически выплываютъ тѣ вопросы, которые мучатъ Шкворнева: стоитъ ли жить, если культура превращаетъ человѣка въ опаснѣйшаго звѣря? стоитъ ли жить, если всѣ величайшія открытія человѣческаго генія идутъ исключительно на истребленіе человѣчества? можно ли торжествовать завоеваніе человѣкомъ воздуха, если онъ съ небесныхъ высотъ шлетъ смерть? можно ли гордиться молніеносными автомобилями, если они молніеносно же истребляютъ несмѣтное количество жизней?..

Умъ мой мутился, сжималось сердце, и охватила меня неимовѣрная тоска, какой я никогда не испытывалъ.

Я поспѣшилъ выйти изъ избы. Ея стѣны давили меня. Миновавъ навѣсъ, подъ которымъ замѣтилъ спящаго, повидимому, Шкворнева, я присѣлъ на большое бревно, лежавшее близъ навѣса. Ночь приходила къ концу. Въ восточной сторонѣ на фонѣ голубого чуть-чуть подернутаго золотомъ неба вырисовывались дивной бѣлизны снѣжныя вершины. Ниже ихъ темнѣла грядка мощныхъ скалъ съ прихотливыми зубцами, напоминавшими и готическіе храмы, и замки, и дворцы древнихъ рыцарей. Грозно выглядывали они изъ-за лѣсовъ, сплошнымъ чернымъ пологомъ спускавшихся внизъ, къ тихому сонному морю; надъ нимъ мерцали еще звѣзды, а блѣдный дискъ луны на далекомъ горизонтѣ совсѣмъ склонился къ глади водъ, собираясь погрузиться въ ихъ пучины. Вотъ съ моря пробѣжалъ свѣжій вѣтерокъ. Это былъ вѣстникъ утра. Еще мигъ, и изъ-за горъ брызнули лучи солнца. Природа встрепенулась и засіяла красотой. Пурпуромъ зардѣлись сѣрыя скалы; лѣса сверкнули яркими разноцвѣтными одеждами осени; проснулось море и, улыбающееся, отсвѣчивало лазурью и блестками. Къ жизни и радости взывала природа. Она стряхнула кровавые ужасы, прогнала ночные кошмары, нагнанные газетами. Я весь проникся ея созерцаніемъ, какъ вдругъ послышался громкій крикъ:

— Звѣри!.. Остановитесь!.. Не терзайте!..

Я схватился и быстро направился къ навѣсу, откуда шелъ крикъ.

Смертельно блѣдный Шкворневъ разбросался и что-то шепталъ, Несомнѣнно, онъ боролся съ кошмаромъ. Вѣроятно, приходъ мой разбудилъ его. По крайней мѣрѣ, онъ быстро открылъ глаза и испуганно произнесъ:

— А?.. Что?.. Гдѣ?..

— Успокойтесь, Илья Петровичъ, — отвѣтилъ я.

— Ахъ, это вы?.. Ну что? Какъ?.. Прочли вырѣзки?.. Онѣ всѣ изъ серьезной и вполнѣ корректной и объективной прессы...

— Не напоминайте...

— А если бы вы, какъ я, лично испытали?

— Какъ, — вы были на этой войнѣ?!

— Предъ вами прапорщикъ запаса, раненый и контуженный: пулю вынули, и рана зажила, а контузія отразится, вѣроятно, на всей моей жизни: потрясены внутренніе органы, включая и легкія...

— Теперь только я понялъ все!

— Сомнѣваюсь... Чтобы понять мое психическое настроеніе, надо участвовать въ войнѣ... Даже самое талантливое описаніе стороннихъ лицъ не дастъ о ней надлежащаго представленія... Такой войны не было еще на свѣтѣ; она дастъ никѣмъ и никогда неиспытанныя ощущенія, а сторонніе лица невольно изображаютъ ихъ по впечатлѣніямъ отъ прежнихъ войнъ, о которыхъ они читали или слышали.. Начать съ того, что многія тысячи людей погибли, въ глаза не видя непріятеля. Они, какъ кроты, сидѣли въ грязныхъ окопахъ, иногда прямо въ водѣ, а невидимыя пушки, поставленныя за нѣсколько верстъ, нащупавъ окопы, могли истребить всѣхъ тамъ сидящихъ, Я былъ счастливъ, если это можно назвать счастьемъ, — я былъ раненъ и контуженъ внѣ окоповъ... Подъ прикрытіемъ артиллеріи, мы, перебѣгая и окапываясь, постепенно пододвигались къ врагу, онъ къ намъ, — къ мрачной дождливой ночи мы сблизились настолько, что могли, какъ звѣри, броситься другъ на друга; произошелъ бой при свѣтѣ прожекторовъ... Могу васъ увѣрить, что, сравнительно съ этой кровавой бойней, Адъ Данте— идиллія. Отъ рева пушекъ, какихъ не видѣлъ міръ, разваливалась, казалось, голова, лѣзли изъ орбитъ глаза, лопались ушныя перепонки... Жужжали и свистѣли милліоны

ружейныхъ пуль; время отъ времени слышался сухой, холодящій трескъ пулеметовъ изъ блиндированныхъ автомобилей, какъ страшныя привидѣнія, внезапно появлявшихся изъ тьмы и, мгновенно скосивъ людей, исчезавшихъ; въ воздухѣ рѣяли аэропланы и метали бомбы; люди и лошади валились, какъ трава подъ косой; рѣчку, пересѣкавшую долину, можно было перейти по трупамъ, заполнившимъ русло отъ берега до берега; то съ поднятыми къ небу окоченѣвшими руками, то съ оскаленными отъ предсмертныхъ мукъ зубами, то съ раскрытыми, полными ужаса глазами, видъ этихъ труповъ при электрическихъ снопахъ свѣта потрясалъ весь организмъ; вода въ рѣкѣ превратилась въ густую кровь... Я шелъ въ этотъ бой почти молодымъ человѣкомъ, а подняли меня посѣдѣвшимъ...

— Довольно, Илья Петровичъ! — сказалъ я, замѣтивъ, что лицо его начинаетъ подергиваться спазмами, а блуждающій взглядъ, скользя по мнѣ, шелъ куда-то въ пространство.

Шкворневъ умолкъ, повернулся ко мнѣ спиной и спряталъ лицо въ подушку.

Я чувствовалъ, что спазмы душатъ и мое горло.

VI.

А утро сіяло во всей своей прелести. Природа напоминала дивной красоты юную дѣвушку. Она только что пробудилась, и радостной улыбкой освѣтилось ея лицо. Въ дымчатой голубой дали залитыя горячими лучами солнца улыбались бѣлоснѣжныя горы, улыбались розовыя скалы, улыбался разноцвѣтный лѣсъ, улыбалось синее море. Меня тянуло въ эту золотисто-голубую даль. Если бы не чувство неловкости передъ Шкворневымъ и найди я гдѣ-то сохнувшія мои одежды, я, кажется, спустился бы къ морю, выкупался въ прозрачныхъ водахъ его и берегомъ отправился разыскивать свою компанію. За невозможностью сдѣлать это, я безцѣльно зашагалъ по тропинкѣ. Начинаясь у навѣса, она шла среди густыхъ сочныхъ и пахучихъ горныхъ травъ, сверкавшихъ блестками крупной росы. Надъ этими травами суетно сновали прозрачныя стрекозы, жужжали шмели и пчелы, порхали мотыльки, рѣзали воздухъ быстрокрылыя ласточки. Далѣе тропинка проходила среди плантаціи табаковъ, а затѣмъ — среди высокой, густой, какъ лѣсъ, кукурузы. Здѣсь неожиданно выскочила откуда-то черная соба-

ченка и съ визгливымъ, знакомымъ лаемъ бросилась мнѣ подъ ноги. „Тсс! ша, ша!“ — раздался въ то же время энергичный возгласъ. На нѣкоторомъ разстояніи отъ меня словно изъ-подъ земли появились два всадника. Впереди на гнѣдомъ иноходцѣ, какъ изваяніе, сидѣлъ молодой классической красоты смуглый горецъ въ бѣлоснѣжной пушистой папахѣ и такого же цвѣта длиннополомъ армякѣ съ серебристыми патронами на груди и съ кинжалами у пояса, стягивавшаго его стройную талію. Сзади на сѣромъ иноходцѣ тюлюпался высокій, сильно загорѣвшій сутуловатый студентъ въ форменной фуражкѣ, бѣломъ кителѣ и синихъ порыжѣвшихъ брюкахъ. Приблизившись ко мнѣ, горецъ осклабился, блеснувъ бѣлыми, какъ слоновая кость, зубами, и весело воскликнулъ:

— Живой!

По этому восклицанію я догадался, что встрѣтился съ Измаиломъ и что черная собаченка, теперь мирно лежавшая въ тѣни кукурузы, была Жучка.

Студентъ неловко спрыгнулъ съ сѣдла, передалъ лошадь своему спутнику и сказалъ:

— Поѣзжай, Измаилъ, впередъ, скажи офицеру, что я сейчасъ буду, — иду вслѣдъ за тобою пѣшкомъ.

— Ну, ну, — кротко отвѣтилъ послѣдній.

Пришпоривъ иноходца, онъ предшествуемый Жучкой стрѣлой помчался по тропинкѣ.

Студентъ же, приподнявъ фуражку, протянулъ мнѣ руку и отрекомендовался:

— Семенъ Борисовичъ Вѣхинъ.

Я, въ свою очередь, назвалъ себя.

— Измаилъ уже сообщилъ мнѣ кое-что о васъ, — улыбаясь, сказалъ студентъ.

Мы завели бесѣду и начали знакомиться другъ съ другомъ.

Скоро я уже зналъ, что Семенъ Борисовичъ, медикъ 5-го курса, каждый годъ жилъ на побережьѣ Кавказа, чтобы „чинить подлыя легкія“. Въ текущемъ году его на Кавказѣ застала война, и онъ рѣшилъ остаться, въ качествѣ помощника врача, въ небольшомъ лазаретѣ, устроенномъ по частному почину, для такихъ раненыхъ и больныхъ воиновъ, которымъ нуженъ теплый южный климатъ. Въ концѣ концовъ Вѣхинъ сообщилъ мнѣ совершенно неожиданную пріятную вѣсть. Оказалось, что въ той гостиницѣ, въ которой проживаетъ студентъ, остановилась и моя компанія, съ которою

онъ уже и познакомился. Когда Измаилъ сообщилъ Семену Борисовичу обо мнѣ, назвавъ фамилію, всѣ этому обрадовались и просили Вѣхина доставить поскорѣе меня.

— Но я не понимаю, при чемъ тутъ Измаилъ и вообще, какъ произошло такое необыкновенное совпаденіе? — спросилъ я.

— Виновникомъ всего, — отвѣтилъ студентъ, — является Шкворневъ.

— Шкворневъ?!

— Да, да. Раненый и контуженный, съ поврежденными легкими онъ былъ присланъ къ намъ. Покуда мы ему дѣлали сложныя операціи и перевязки, Шкворневъ проявилъ поразительное терпѣніе, не дозволивъ ни разу хлороформировать себя и даже примѣнить анестезію, но, какъ только сталъ поправляться, превратился, казалось иногда намъ, въ помѣшаннаго, возненавидѣвшаго, въ связи съ войною, все культурное человѣчество. „Нѣтъ больше людей! — кричалъ онъ, — исчезъ человѣкъ!“ Что мы ни дѣлали, ничто не помогало. Онъ требовалъ, чтобы его выпустили изъ больницы и разрѣшили жить въ горахъ. Думали мы, думали и рѣшили, наконецъ, удовлетворить его требованіе, опасаясь, что иначе психика Ильи Петровича совсѣмъ пошатнется. А нужно вамъ сказать, что врачъ, завѣдующій лазаретомъ, Андрей Федоровичъ Тычининъ, большой охотникъ и ревностный альпинистъ. Эти двѣ страсти сблизили его съ Измаиломъ, великолѣпнымъ стрѣлкомъ и рѣдкимъ ходокомъ. Вотъ у него-то мы и пристроили Шкворнева.

— Ну, теперь все понимаю!

— Разъ въ недѣлю его осматриваетъ самъ докторъ, а три раза ѣзжу я.

— Долженъ, однако, сказать вамъ, что Шкворневъ не избавился отъ своей idée fixe.

— О-о, теперь и сравнить нельзя съ тѣмъ, что раньше было! Теперь у него только по ночамъ проявляются, вѣроятно, галлюцинаціи, а днемъ — это прекрасный собесѣдникъ, умный и чрезвычайно интересный человѣкъ. Теперь мы уже поняли его настроеніе. Это, собственно, не болѣзнь, а великая трагедія души, какъ слѣдствіе гибели идеаловъ, разрушеніе вѣры въ человѣка. Убѣжденный пацифистъ, онъ въ то же время съ фанатическою вѣрою относился къ прогрессу человѣчества. У него были даже графики, какъ съ повышеніемъ культуры понижались и, такъ сказать,

облагораживались войны. Послѣднее проявленіе такого рыцарства онъ видѣлъ у японцевъ и дѣлалъ выводъ, что это — слѣдствіе культуры, перенесенной съ запада. А далѣе слѣдовало такое логическое построеніе, что, молъ, ежели Азія, зараженная бациллами европейской цивилизаціи, ступила на путь гуманизма, то, значитъ, въ Европѣ не можетъ быть даже самихъ войнъ, а всѣ дѣла будутъ рѣшаться судебнымъ, если можно такъ выразиться, порядкомъ: собирается третейскій судъ, все выясняетъ и дѣлаетъ для васъ обязательный приговоръ,—тѣмъ дѣло и кончится. Правда, Европа вообще, а Германія въ особенности вооружаются невозможно. Но въ этомъ именно и заключается непоколебимость основъ для мира всѣ видятъ, что при современной техникѣ, при этихъ ужасающихъ пушкахъ, дредноутахъ, аэропланахъ — воевать невозможно. Илья Петровичъ доказывалъ, что вотъ-вотъ милитаризмъ достигнетъ своего апогея и закончится разоруженіемъ. Въ послѣднее время смутило его немного итальянское нападеніе на турецкія владѣнія безъ соблюденія какихъ бы то ни было принциповъ этики, и еще болѣе огорчила „гнусная и подлая“, — какъ онъ выражается, война балканскихъ народовъ, сначала объединившихся противъ Турціи, а затѣмъ начавшихъ крошить другъ друга. Но и тутъ онъ нашелъ объясненіе: балканскіе народы, долго томившіеся подъ турецкимъ игомъ, еще не вышли изъ стадіи азіатской культуры. И вдругъ — всеевропейская война! Да какая война! По дикости и варварству она напоминаетъ времена гунновъ, монголовъ, звѣрства Филиппа II и тому подобное. И кто же проявилъ эту дикость? Наиболѣе выхвалявшаяся Ильей Петровичемъ страна — Германія! Предъ нѣмецкой культурой онъ преклонялся, нѣмецкихъ историковъ ставилъ на недосягаемую высоту, ѣздилъ въ Германію, какъ въ священный храмъ и благоговѣлъ передъ нею. Послѣ всего сказаннаго нетрудно представить себѣ психологію Шкворнева. Вѣдь разрушенъ весь его духовный міръ, вырваны всѣ основы его внутренняго существа, разбита вѣра, потеряна надежда. Онъ не можетъ, конечно, очнуться отъ жестокаго удара, и я ничего не вижу удивительнаго, что онъ обратилъ свой взоръ на періодъ доисторическаго состоянія нашихъ отдаленныхъ предковъ.

— Ну, а вы какъ къ этому относитесь? Въ вашихъ словахъ слышится какъ будто порицаніе Шкворневу...

— О, нѣтъ! далеко нѣтъ! Но моя душа, если можно

такъ сказать, раздвояется. Безусловно правъ Илья Петровичъ, но... А вотъ и онъ...

Навстрѣчу къ намъ шелъ Шкворневъ. Мы ускорили шаги.

— Ну, какъ вы себя чувствуете? — спросилъ Вѣхинъ Илью Петровича, когда мы сблизились.

— Если бы вы съ докторомъ вынули изъ моей головы мозги, вытянули нервы и изъяли бы то, что называется душою, то я чувствовалъ бы себя весьма удовлетворительно. А то вотъ солнце, свѣтъ, воздухъ, эта природа вливаютъ въ меня элексиръ жизни, но мысли, какъ черви, кишащія въ мозгу, все губятъ... Научите меня не думать, я бы вамъ большое спасибо сказалъ... Есть прекрасная татарская поговорка: „что мнѣ до того, что міръ великъ, когда у меня тѣсны сапоги“. То же и я могу сказать...

— И все-таки я обязанъ васъ осмотрѣть...

— Сдѣлайте одолженіе... А вы, — обратился ко мнѣ Шкворневъ, — идите пить чай и ѣсть шашлыкъ, — вѣдь вы должно быть страшно голодны.

— Хоть и не „страшно“, но, дѣйствительно, аппетитъ чувствую.

— Ну вотъ вы и отправляйтесь, а мы скоро придемъ.

— Развѣ мнѣ не вмѣстѣ съ вами идти?

— Нѣтъ, у насъ въ хорошую погоду есть особая столовая: идите сюда, — пояснилъ Илья Петровичъ, указывая пальцами влѣво на тропинку среди кукурузы, — никуда не сворачивайте и достигнете цѣли.

И мы разстались.

VII.

Тропинка, спустившись за кукурузою подъ гору, привела меня черезъ густую чащу кустарниковъ къ рѣдкому по красотѣ ущелью.

Съ невидимой вершины горы, обрамленной яркою зеленью, летѣлъ и искрился мощный водопадъ; внизу, разбиваясь о камни, онъ во всѣ стороны разбрасывалъ милліарды брызгъ и затѣмъ превращался въ свѣтлую, какъ слеза, шумную горную рѣчку. На берегу ея я увидалъ Измаила. Онъ сидѣлъ на корточкахъ спиною ко мнѣ, гдѣ тлѣлъ костеръ, отъ котораго поднимались голубыя струи дыма; надъ костромъ висѣлъ укрѣпленный на козлахъ большой, заржавленный жестяной чайникъ, изъ котораго съ шумомъ вылеталъ

паръ; поблизости, подъ развѣсистымъ каштаномъ была разостлана на зеленой муравѣ дерюга; на ней виднѣлись: небольшой эмалированный чайникъ, четыре жестяныя кружки и двѣ жестяныя коробочки: одна съ сахаромъ, другая съ солью.

Услышавъ мои шаги, горецъ обернулся и, улыбаясь, привѣтствовалъ меня самымъ удивительнымъ русскимъ языкомъ:

— Здарастуй!.. Иды, пожалуй, до мынэ!..

— Спасибо, — отвѣтилъ я, подойдя къ Измаилу.

— Шашликъ дэлаю, — пояснилъ онъ, — знаешь шашликъ?

— Знаю.

— Короша шашликъ?.. Ѣсть будэшь?.,

— А нѣтъ ли у васъ полотенца?

При этомъ я руками провелъ по лицу, чтобы показать, что мнѣ надо.

— Нэтъ, нэтъ! — мотнувъ головою, отвѣтилъ горецъ и прибавилъ, — морда сама сохнетъ, — мывайся!

Ничего не оставалось дѣлать, какъ послѣдовать совѣту Измаила. Я подставилъ свою голову подъ боковую холодную, какъ ледъ, струю водопада, усѣлся на дерюгу съ мокрой „мордой“ и сталъ слѣдить за священнодѣйствіями горца. Въ рукѣ онъ держалъ длинный желѣзный прутъ, на который насажены были куски бараньяго мяса, и вертѣлъ его надъ костромъ. Когда они изжарились, Измаилъ грязными, засаленными пальцами снималъ баранину съ прута и клалъ на разостланные на дерюгѣ листья волошскаго орѣха; потомъ онъ началъ брать свѣжіе куски мяса, лежавшіе у костра прямо на травѣ, и насаживалъ ихъ на прутъ. Совершивъ это, Измаилъ положилъ прутъ съ мясомъ на траву, пересѣлъ на дерюгу, вынулъ изъ одного кармана завернутый въ тряпочку молотый барбарисъ и соль, изъ другого — куски кукурузной лепешки и пучекъ зеленаго лука, посыпалъ барбарисомъ и солью готовый шашлыкъ и, давъ затѣмъ мнѣ половину пучка лука, сказалъ:

— Кушай!

И самъ тотчасъ же приступилъ къ дѣлу, проявивъ рѣдкій аппетитъ. Я послѣдовалъ его примѣру, стараясь не думать ни о способѣ, знакомомъ, впрочемъ, мнѣ приготовленія шашлыка, ни о тѣхъ, несомнѣнно, грязныхъ карманахъ въ бѣлоснѣжномъ армякѣ, откуда Измаилъ досталъ приправу.

Послѣ перваго съѣденнаго мною куска я почувствовалъ, что дѣйствительно „страшно голоденъ“, и, опасаясь энергіи

хозяина, спѣшно посылалъ въ ротъ сочное, горячее баранье мясо, показавшееся мнѣ невѣроятно вкуснымъ.

Мы не проронили ни единаго слова, пока на листьяхъ не осталось никакихъ слѣдовъ шашлыка. Молча же Измаилъ приступилъ къ приготовленію второй порціи, при чемъ я съ удовольствіемъ замѣтилъ, что на травѣ остался еще порядочный запасъ мяса.

Шкворневъ, переодѣвшійся въ лѣтнюю офицерскую форму, и Вѣхинъ появились лишь тогда, когда мы уничтожили почти три четверти второй порціи.

— Ище будытъ! — утѣшилъ онъ ихъ, показывая пальцемъ на запасъ,— цѣлій барашка рѣзалъ!

— Не спѣшите, не спѣшите,— сказалъ Илья Петровичъ, — мы подождемъ.

Третью и четвертую порцію мы ѣли уже вчетверомъ, при чемъ, — грѣшный человѣкъ, — я принималъ и въ нихъ довольно дѣятельное участіе.

Послѣ шашлыка началось чаепитіе. Чай этотъ былъ особаго приготовленія. Измаилъ кипятилъ его въ одномъ чайникѣ съ водою и кипятилъ настолько усердно, что напитокъ получилъ цвѣтъ дегтя и запахъ баннаго листа. Но, долженъ признаться, я съ удовольствіемъ глоталъ горячую жижицу съ налетомъ бараньяго сала, проникшаго въ кружки или въ чайникъ, нужно думать, съ рукъ нашего повара.

— Пайдемъ охота! — весело воскликнулъ насытившійся Измаилъ.

— Нельзя, — отвѣтилъ Семенъ Борисовичъ, — офицеръ къ доктору пойдетъ.

— Зачѣмъ докторъ?... Тьфу докторъ!... Охота люче!...

— Значитъ, Илья Петровичъ съ нами пойдетъ? — спросилъ я.

— Да вотъ требуетъ этого мой мучитель, — кривя ротъ въ улыбку, сказалъ Шкворневъ, кивнувъ головою въ сторону Вѣхина.

— Для Ильи Петровича нуженъ моціонъ.

— Конечно, конечно, — поддержалъ я Семена Борисовича, — мы сдѣлаемъ чудную прогулку.... Мнѣ бы раздобыть мои одежды.

— Ахъ, да, — спохватился Шкворневъ и, обращаясь къ горцу, сказалъ: — Измаилъ, гдѣ вы дѣли платье нашего гостя?

— Виситъ, сохнетъ, — отвѣтилъ послѣдній, — сичасъ принесу.

Горецъ отправился за моимъ платьемъ. Настала пауза. Мы молча любовались восхитительною картиною, открывавшеюся передъ нашими глазами.

Первымъ и самымъ страннымъ образомъ нарушилъ молчаніе Шкворневъ.

— Зачѣмъ? — произнесъ онъ, не обращаясь ни къ кому изъ насъ.

Вѣхинъ и я переглянулись.

— Вы помните, господа, стихотвореніе Лермонтова: „Валерикъ“?

И, не ожидая нашего отвѣта, Илья Петровичъ продолжалъ:

— Вотъ это мѣсто...

Затѣмъ онъ, какъ бы про себя, сталъ съ большимъ чувствомъ декламировать.

Уже затихло все; тѣла
Стащили въ кучу. Кровь текла
Струею дымной по камнямъ, —
Ея тяжелымъ испареньемъ
Былъ полонъ воздухъ. Генералъ
Сидѣлъ въ тѣни на барабанѣ
И донесенья принималъ.
Окрестный лѣсъ, какъ въ туманѣ,
Синѣлъ въ дыму пороховомъ,
А тамъ вдали, — грядой нестройной,
Но вѣчно гордой и спокойной,
Въ своемъ нарядѣ снѣговомъ
Тянулись горы, — и Казбекъ
Сверкалъ главой остроконечной.
Я думалъ: „Жалкій человѣкъ...
Чего онъ хочетъ?.. Небо ясно,
Подъ небомъ мѣста много всѣмъ, —
Но безпрестанно и напрасно
Одинъ враждуетъ онъ... Зачѣмъ?“

Теперь только я понялъ ранѣе сдѣланный Шкворневымъ вопросъ: „зачѣмъ“? Сейчасъ онъ произнесъ это слово, обращаясь уже къ намъ, но и въ этомъ случаѣ, не дожидаясь отвѣта, заговорилъ самъ, бросая взглядъ то на меня, то на Вѣхина:

— И вотъ что страшно, — говорилъ онъ, — Лермонтовъ нарисовалъ идиллію, можно сказать, войны; сравнивая его войну съ современною, не находишь рѣшительно ничего общаго. Между тѣмъ Лермонтовъ написалъ „Валерика“ въ 1840 г., т. е. 74 года тому назадъ, когда уровень европейской

культуры былъ, конечно, несравненно ниже теперешняго, а о русской и особенно кавказской — говорить нечего. Получается ужасающій выводъ: чѣмъ ниже культура человѣка, чѣмъ менѣе въ его распоряженіи орудій этой культуры, тѣмъ болѣе онъ похожъ на человѣка...

Въ это время появился Измаилъ съ моимъ платьемъ. Оно было сухо, но совершенно грязно и донельзя смято. Однако ничего не оставалось, какъ только, приведя въ нѣкоторый порядокъ, облачиться въ него. Съ этою цѣлью я зашелъ за громадный камень, въ незапамятныя времена оторвавшійся отъ скалы и скатившійся внизъ къ ручью, и сталъ тамъ дѣлать свой туалетъ. Больше всего пришлось мнѣ провозиться съ присохшею грязью. Пришлось руками растирать ее, а затѣмъ уже вытрушивать платье, ударяя его о скалу. Не мало времени прошло, покуда я, наконецъ, переодѣлся въ свой костюмъ. Въ немъ я былъ такъ хорошъ, что улыбнулся даже Шкворневъ, а Вѣхинъ не могъ удержаться отъ гомерическаго смѣха. Брюки и рукава пиджака до того сбѣжались отъ страшнаго ливня, что первыя были мнѣ почти по колѣна, а вторые — по локоть. Оставалось одно утѣшеніе, что по дорогѣ къ курорту насъ никто не встрѣтитъ, а на курортѣ, въ гостиницѣ, можно будетъ принять нѣкоторыя мѣры для приданія мнѣ болѣе элегантнаго вида.

Было далеко за полдень, когда мы, наконецъ, отправились въ путь, условившись съ Ильей Петровичемъ, что не будемъ спѣшить, дабы превратить 10-верстное разстояніе въ прогулку.

Мы гуськомъ пошли хорошею, хотя и узкою, горною тропою, среди густой растительности бывшихъ черкесскихъ садовъ. Тропа то поднималась въ гору, то спускалась въ долину, пересѣкая свѣтлые горные ручьи, которые мы переходили въ бродъ, снимая обувь, то шла надъ пропастями съ гремѣвшими внизу бурными рѣчками, то выходила на просторъ, откуда открывались восхитительные виды и на синее море, и на снѣжныя вершины, не покрывавшіяся въ этотъ день облаками.

Въ такихъ мѣстахъ мы дѣлали длинные привалы, причемъ я и Семенъ Борисовичъ курили папиросы и перебрасывались отрывочными фразами, относившимися больше къ природѣ, а Шкворневъ все время упорно молчалъ. Только однажды, когда уже свечерѣло, онъ вдругъ остановился въ одномъ мѣстѣ и, указывая пальцемъ на западъ, восторженно воскликнулъ:

— Смотрите, смотрите!

На горизонтѣ необъятнаго, тихаго, какъ озеро, моря плавно и торжественно закатывалось солнце; нижній край громаднаго мѣдно-краснаго диска уже соприкасался съ морскою гладью, и она отсвѣчивала то изумрудомъ, то топазомъ, густою синью и пурпуромъ; рядъ узкихъ, длинныхъ прозрачныхъ облачковъ надъ солнцемъ озарился всѣми цвѣтами радуги и, казалось, очарованныя облачка не хотѣли двигаться съ мѣста; прямо вдали, на высокомъ берегу, среди темной зелени сверкали бѣлизною расположенныя террасами зданія курорта, и огнемъ горѣлъ въ небѣ золотой крестъ на церкви; на рейдѣ, отражаясь въ зеркальной водѣ, виднѣлись стройныя суда съ высокими рѣзко выдѣлявшимися въ прозрачномъ воздухѣ мачтами; въ разныхъ мѣстахъ ярко бѣлѣли паруса рыбачьихъ лодокъ; а влѣво отъ моря, въ необъятной небесной выси зарумянились отъ поцѣлуевъ прощальныхъ лучей холодные снѣга кавказскихъ великановъ.

— Сколько, подумаешь, надо черствости, безчеловѣчности, дикости, чтобы вотъ на этомъ морѣ, при такой захватывающей душу картинѣ бахнуть изъ дьявольской пушки, потопить суда, убить людей и затѣмъ на весь міръ разсылать чудовищно-восторженныя телеграммы: „Нашъ крейсеръ“ или, положимъ, „дредноутъ мѣткимъ выстрѣломъ потопилъ судно со всѣмъ экипажемъ“, или „мѣткимъ выстрѣломъ изъ крейсера разрушенъ“, ну вотъ этотъ что ли „курортъ“, а „высадившійся десантъ „изрубилъ“ какой-нибудь „эскадронъ“?.. А вѣдь это, быть можетъ, сейчасъ продѣлывается гдѣ-нибудь на Адріатическомъ, Средиземномъ или Балтійскомъ моряхъ, или въ океанахъ Атлантическомъ или Великомъ... Такъ же вотъ закатывается тамъ солнце, горитъ западъ, сверкаютъ всѣми цвѣтами облака и тутъ же — „ббахъ! ббахъ“, и люди, послѣдній разъ бросая мертвенные взгляды на красоту, идутъ ко дну, многіе не сознавая, быть можетъ, за что и почему...

Шкворневъ, обойдя Вѣхина, быстро зашагалъ впередъ. Очевидно война захватила все его существо. Она гвоздёмъ впилась въ его мозгъ, въ его душу и не давала ему покоя. Вопросъ о человѣкѣ всецѣло поглотилъ его и при всякомъ случаѣ не могъ удержаться, чтобы не высказать мучившей его мысли.

Подавленный его психикой, я молча слѣдовалъ за Ильей Петровичемъ. Мнѣ казалось, что то же ощущаетъ и Вѣхинъ.

VIII.

Докторъ жилъ въ той же гостиницѣ, гдѣ и Вѣхинъ и гдѣ остановилась моя компанія. Поэтому мы втроемъ направились туда же. Швейцаръ сообщилъ, что „всѣ господа и докторъ находятся въ столовой". Войдя въ послѣднюю, мы застали тамъ нѣчто въ родѣ банкета. Въ центрѣ стола стоялъ и говорилъ ораторъ изъ числа моихъ спутниковъ, — приватъ-доцентъ Константинъ Яковлевичъ Ораловъ, а остальные присутствовавшіе внимательно его слушали. Нашъ приходъ внесъ нѣкоторую заминку. Мои спутники, включая и оратора, встрѣтили меня молчаливымъ наклоненіемъ головы и привѣтливыми улыбками. Какой-то господинъ въ очкахъ удивленно взглянулъ на Шкворнева и сдѣлалъ знакъ Вѣхину. — „Докторъ сердится", — шепнулъ онъ, подошелъ на пальцахъ къ господину въ очкахъ и сталъ тихо съ нимъ бесѣдовать. Я съ Ильей Петровичемъ заняли мѣста въ самомъ концѣ стола, гдѣ сидѣла любимица нашей компаніи, Леночка Свирѣлева, съ большими карими глазами, массивными косами и нѣжнымъ, точно фарфоровымъ, красивымъ личикомъ. Юная, только что окончившая гимназію дѣвушка эта проявила рѣдкія альпинистскія качества, выносливость и всѣхъ заражавшую веселость. Поэтому я былъ крайне удивленъ, что лицо Леночки выражало печаль, а на глазахъ ея блестѣли слезинки. Грустенъ былъ и сидѣвшій рядомъ съ нею ея юный поклонникъ, голубоглазый съ чуть-чуть пробивающимися усиками студентъ перваго курса, Володя Труховъ. Послѣ рукопожатія я хотѣлъ было спросить о причинѣ ихъ невеселаго настроенія, но въ это время заговорилъ ораторъ. Онъ, видимо, продолжалъ прерванную нашимъ приходомъ свою рѣчь.

„Можетъ, я ошибаюсь, господа, но, мнѣ думается, я привелъ достаточное количество данныхъ для доказательства основного моего положенія, что между Германіею до 60-хъ, приблизительно, годовъ и Германіею съ 60-хъ годовъ и до настоящаго времени — мало общаго; съ 70-хъ же годовъ, послѣ побѣды, одержанной надъ Франціей, Германія сдѣлалась неузнаваемой, и тѣ, которые судятъ о ней по Гёте, Шиллеру, Бетховену, совершенно ошибаются. Съ 70-хъ годовъ Германія дѣлается воплощеніемъ милитаризма, и ее поражаетъ психозъ самомнѣнія, если можно такъ выразиться. Сорокъ три года она только вооружалась, вооружалась и вооружалась

сорокъ три года она мечтала о міровомъ господствѣ, пылая презрѣніемъ къ человѣчеству. Я вамъ привелъ уже не мало нѣмецкихъ идеологовъ, ставящихъ свою націю превыше всѣхъ народовъ, закончу прусскимъ исторіографомъ, фанатическимъ поклонникомъ Бисмарка—Генрихомъ фонъ Трейчке. Этотъ шовинистъ выставляетъ войну, какъ идеалъ человѣческихъ стремленій. Нѣмцевъ ставитъ онъ на недосягаемый пьедесталъ, считая ихъ солью земли. Они, какъ наилучшіе воители, должны, предводимые Гогенцоллернами, преобразовать обветшавшій презрѣнный міръ. Такимъ образомъ, необходимость воевать съ нѣмцами до послѣдней капли крови, необходимость единенія для этого всей націи диктуется крайнею необходимостью.

Громъ рукоплесканій, раздавшійся послѣ этихъ словъ, показывалъ, что аудиторія раздѣляетъ взглядъ оратора.

Я былъ пораженъ этимъ единодушіемъ. Дѣло въ томъ, что моя компанія состояла изъ лицъ разныхъ возрастовъ, половъ, взглядовъ и положеній. Насъ объединяло лишь путешествіе, во время котораго намъ рѣдко приходилось затрагивать принципіальные вопросы. Но когда это случалось, споръ принималъ довольно рѣзкій характеръ. И вдругъ — полное согласіе!

Не аплодировали только Шкворневъ и Леночка. Володя началъ было аплодировать, но, замѣтивъ, что Леночка этого не дѣлаетъ, конфузливо опустилъ руки.

Когда аплодисменты смолкли, Ораловъ продолжалъ:

— Отъ души радуюсь, что мой взглядъ нашелъ сочувствіе почти у всѣхъ присутствующихъ. Говорю „почти", потому что мнѣ доставлена, вотъ, записочка нашей дорогой соучастницы — Елены Алексѣевны, которая пишетъ слѣдующее: „Я не понимаю вашей кровожадности, Антонъ Гавриловичъ, развѣ въ Германіи нѣтъ матерей, женъ, сестеръ, дѣтей, которыя также страдаютъ за своихъ сыновей, мужей, братьевъ, отцовъ, какъ и у другихъ народовъ, что вы съ такимъ холоднымъ безсердечіемъ рекомендуете истреблять нѣмцевъ". — Есть и страдаютъ, — отвѣчу я, — и спрашиваю моего уважаемаго оппонента, — а что же дѣлать? Ну, хорошо, согласимся съ вами, — не будемъ воевать. Такъ что же? Нѣмцы умилятся вашимъ добрымъ сердцемъ? Они положатъ оружіе? Они не займутъ нашу страну? Не обезличатъ насъ? Не погубятъ нашу культуру? Я жду отвѣта...

Наступило гробовое молчаніе. Всѣ обернулись въ сторону смущенной, почти плачущей Леночки.

— Прошу слова, — поднявшись, вдругъ сказалъ Шкворневъ.

Докторъ и Вѣхинъ заволновались и устремили взоры на своего паціента. А онъ, блѣдный, какъ полотно, съ горящими глазами, съ подергиваніемъ въ лицѣ и дрожью въ голосѣ заговорилъ:

— Я попытаюсь отвѣтить оратору на его вопросъ... Я совершенно согласенъ съ нимъ, что мы должны сражаться съ нѣмцами до послѣдней капли крови... Чтобы не было сомнѣній въ дальнѣйшихъ моихъ словахъ, считаю нужнымъ сейчасъ же заявить, что лично я, какъ только разрѣшитъ мнѣ докторъ, почту за свой долгъ немедленно вторично отправиться на театръ военныхъ дѣйствій... И все же я, кажется, понимаю вопросъ, письменно сдѣланный оратору... Авторъ этого вопроса хотѣлъ, мнѣ думается, напомнить слушателямъ, что побѣдою надъ нѣмцами не рѣшается вопросъ о человѣкѣ, какъ подобіи Божіемъ...

По залу пронесся шопотъ недоумѣнія, а Шкворневъ продолжалъ:

— Вѣдь современная война, — и особенно въ лицѣ нѣмцевъ, — показала, что исчезъ человѣкъ: нѣтъ человѣка, какъ образа и подобія Божія, а есть одаренный великимъ разумомъ звѣрь, опасность котораго совершенно пропорціональна ему умственному развитію. Нельзя же, господа, закрывать глаза на то потрясающее явленіе, что человѣкъ двадцатаго вѣка всю силу знанія, всѣ величайшія изобрѣтенія ума, всю науку и все искусство употребилъ на самоистребленіе. Невольно приходишь къ заключенію, что не такъ ужъ неправъ Зевсъ, приковавшій къ скалѣ Прометея, который похитилъ у него огонь и передалъ людямъ...

Этотъ огонь, являющійся символомъ человѣческой мудрости, знанія, въ концѣ концовъ употребленъ на... гибель людей! И какой же выводъ можно сдѣлать изъ современной войны? Да тотъ, что, чѣмъ выше ступень, на каковую поднялось человѣчество, тѣмъ человѣкъ ужаснѣе. Если сейчасъ всѣ завоеванія его ума, всѣ эти пароходы, паровозы, автомобили и аэропланы идутъ на истребленіе человѣческаго рода, то, значитъ, дальнѣйшія изобрѣтенія будутъ способствовать еще большему губительству? И тотъ народъ, который превзойдетъ всѣхъ въ умѣ и познаніяхъ, можетъ истребить всѣхъ или обезличить ихъ? О какомъ же правѣ при такихъ условіяхъ можетъ быть рѣчь? Развѣ нѣмцы не плюнули на

всѣ права? Но, съ другой стороны, какая гарантія, что, разбивъ и смиривъ нѣмцевъ, среди человѣчества не выдѣлится другой народъ, еще болѣе умный, еще болѣе хитрый и изобрѣвшій втайнѣ еще болѣе ужасныя орудія смертоубійства? Что вы съ нимъ сдѣлаете? Опять надо вооружаться всему человѣчеству? Опять и опять польются рѣки крови? Опять муки, опять страданія? Необходимо, слѣдовательно, чтобы на развалинахъ современнаго милитаризма возродился новый человѣкъ, человѣкъ, какъ я сказалъ, по образу и подобію Божію... Я не знаю, что для этого надо дѣлать, но это необходимо, безъ этого нельзя жить...

Илья Петровичъ безсильно опустился на свое мѣсто. Леночка, воодушевленная и сіяющая, схватила руку изумленнаго Шкворнева и горячо пожала ее. Собравшіеся недоумѣнно молчали и смотрѣли на Оралова. Онъ понялъ, что отъ него ждутъ отвѣта и послѣ небольшой паузы опять поднялся.

— Я, господа, — началъ онъ среди гробовой тишины, — поставленъ въ затруднительное положеніе. Ораторъ, котораго вы только что слышали, не является, въ сущности говоря, моимъ оппонентомъ, — онъ соглашается съ моимъ основнымъ положеніемъ о необходимости войны до послѣдней капли крови, — но въ то же время онъ выдвинулъ совершенно новый громадной важности вопросъ, который требуетъ особаго обсужденія.

— Пароходъ вышелъ, господа! — громко заявилъ появившійся въ дверяхъ швейцаръ.

— Развѣ сегодня собираются уѣзжать? — спросилъ я студента.

— Да. Говорятъ, что это послѣдній пароходъ.

Всѣ двинулись изъ зала въ коридоръ.

Когда докторъ подошелъ къ двери, Леночка остановила его, загородивъ мнѣ путь, и тихо спросила:

— Докторъ, этотъ офицеръ, что сегодня говорилъ, у васъ лѣчится?

— Да.

— Какъ вы находите его здоровье?

— А это васъ интересуетъ?

— Очень...

— Почему?

— Ну... онъ мой... родственникъ...

— Это для меня сюрпризъ...

— Но прошу васъ!... Мнѣ нужно знать сейчасъ...

— Если хорошо за нимъ ухаживать, онъ будетъ исполнять медицинскіе совѣты, можетъ оправиться, въ противномъ случаѣ ни за что не ручаюсь... Какъ же онъ вамъ приходится?..

— Родственникъ: такой же человѣкъ, какъ и я...

— Пон-имаю!

Врачъ улыбнулся и вошелъ въ дверь; за нимъ послѣдовала Леночка и я.

— Зачѣмъ вы мистифицируете врача?

— Скоро узнаете, — таинственно отвѣтила она.

Всѣ разошлись по номерамъ, чтобы собираться въ дорогу.

IX.

Слухъ, что идетъ послѣдній пароходъ, собралъ на пристани массу пассажировъ. Нервно настроенные, они, казалось, съ ненавистью смотрѣли другъ на друга, такъ какъ каждый видѣлъ въ каждомъ конкурента на какое-то мѣсто на пароходѣ. Не трудно было сообразить, что на всѣхъ пристаняхъ, начиная съ Батума, была такая же толчея и, слѣдовательно, все, что можно было занять, уже занято. Да не скрывалъ этого и кассиръ, не выдавшій никому права на койку. Разбившись на группы, отъѣзжавшіе шушукались на тему, — почему это вдругъ всѣ разомъ снялись съ мѣстъ, — при чемъ каждая группа считала себя исключеніемъ и находила оправданіе для своего отъѣзда въ данный моментъ.

Моя компанія, еще не успѣвшая разстроить окрѣпшіе въ путешествіи нервы, еще не пропитанная ужасами войны, еще не знавшая объ участи своихъ близкихъ, быть можетъ, погибшихъ уже на кровавыхъ поляхъ, вела себя спокойнѣе всѣхъ. Мы рѣшили не спѣшить, отправиться на послѣдней фелюгѣ и расположиться на пароходѣ, гдѣ только окажется возможнымъ, хотя бы въ трюмѣ. Волновался лишь Володя. Онъ то исчезалъ куда-то, то опять появлялся и зорко всматривался въ толпу.

— Чего вы суетитесь? — шутливо спросилъ я его.

И юноша выдалъ себя.

— Вы не видѣли офицера? — спросилъ онъ.

— Какого?

— Да, вотъ, что говорилъ...

— А-а, Шкворнева? Нѣтъ, не видѣлъ. А что?

— Да такъ себѣ... Хотѣлъ проститься...

Тутъ я вдругъ вспомнилъ бесѣду Леночки съ докторомъ, таинственную фразу, брошенную ею мнѣ, и понялъ волненіе бѣднаго мальчика: дѣвушки не было среди насъ и безошибочный инстинктъ любви подсказывалъ ему, что дѣло не ладно. Но я не видѣлъ въ этомъ ничего особеннаго и постарался утѣшить студента, не касаясь, однако, главнаго предмета:

— Онъ, вѣроятно, гдѣ-нибудь поблизости...

— Я тоже такъ полагаю.

Володя опять юркнулъ въ толпу пассажировъ, сплошною стѣною придвинувшихся къ самому краю берега, гдѣ съ суетливымъ крикомъ турки подготовляли къ отплытію свои фелюги.

Скоро началась посадка, и тутъ поднялось вавилонское столпотвореніе.

Чтобы захватить мѣсто, всѣ старались попасть въ первую фелюгу. Но такъ какъ это было совершенно невозможно то получилось нѣчто неописуемое. Не только одѣтые по послѣдней модѣ джентльмены, но даже нѣжныя и воздушныя по виду дамы и дѣвицы толкались, какъ извозчики, и не стѣснялись въ словахъ по отношенію къ стремившимся слѣдовать ихъ примѣру.

Когда же первая фелюга набита была людьми и вещами до послѣднихъ предѣловъ, тамъ начались крики, взвизгиванія и ругань по адресу ни въ чемъ неповинныхъ оборванныхъ и съ оголенными ногами турокъ, стоя, за неимѣніемъ мѣста, управлявшихъ рулемъ и гребшихъ веслами. То же повторилось при нагрузкѣ второй, третьей фелюгъ. Мы усѣлись въ четвертую, тоже биткомъ набитую фелюгу, потому что пронесся слухъ, будто больше посадки не будетъ.

— А гдѣ же Елена Алексѣевна? — послышался знакомый голосъ Володи, какъ только фелюга отчалила отъ мостика.

Онъ всталъ со своего мѣста и тревожно всматривался въ пассажировъ.

— Елена Алексѣевна, отзовитесь! — громко окликнулъ приватъ-доцентъ.

Но отвѣта не послѣдовало.

Тутъ мы убѣдились, что среди насъ нѣтъ нашей любимицы.

— Успокойтесь, Володя, — сказала молоденькая медичка, Анна Даниловна Воротынская, — она, вѣроятно, на первыхъ фелюгахъ умчалась.

— Да я не безпокоюсь, — сконфузился юноша, — а просто желаю узнать, вся ли наша компанія ѣдетъ.

— Ну, ладно! — улыбаясь, замѣтила медичка.

Между тѣмъ фелюга наша приблизилась къ пароходу, у котораго былъ, какъ говорится, Содомъ и Гоморра. Пассажиры высаживались еще съ большей „энергіей“, чѣмъ при посадкѣ. Въ виду близости цѣли, конкуренція выражалась здѣсь еще болѣе ярко, тѣмъ болѣе, что при самомъ входѣ на пароходъ происходила закупорка, вслѣдствіе требованія билетовъ.

Съ невѣроятнымъ трудомъ компанія наша протискалась къ кормѣ и кое-какъ размѣстилась на полу, прижавшись къ самому барьеру.

Володя тотчасъ исчезъ. Мы понимали, что онъ пошелъ разыскивать Леночку, отсутствіе которой начало тревожить и всю компанію.

— Господа, — сказала Анна Даниловна, — одинъ нашъ юноша, можетъ не разыскать Свирѣлеву, надо ему помочь.

— Совершенно вѣрно, — поддержала медичку другая наша спутница, учительница Клавдія Андреевна Лабазина, — народу масса.

Всѣ согласились съ этимъ и рѣшили отправить на розыски еще нѣсколько человѣкъ.

Въ первую очередь ушли Воротынская, Лабазина и Ораловъ.

Оставшіеся въ ожиданіи товарищи занялись созерцаніемъ природы.

За суетою и толчеею мы и не замѣчали, какъ наступалъ поздній вечеръ.

Между тѣмъ изъ-за далекихъ горъ, окутанныхъ темнымъ покрываломъ, выплыла полная луна. Серебристою каймою отразились лучи ея на горизонтѣ моря. Чѣмъ выше подпималось ночное свѣтило, тѣмъ ярче и шире дѣлалась эта кайма, покуда не превратилась въ сказочное блестящее озеро. Еще немного, и на тихихъ, какъ озеро, зеркально-гладкихъ водахъ образовался громадный серебристый конусъ, узкимъ концомъ своимъ подходившій къ самому пароходу. Забѣлѣли курортныя зданія среди темныхъ пятенъ растительности, и отчетливо вырисовывались силуэты мелкихъ судовъ на рейдѣ, скрытыхъ ранѣе тѣнью береговъ.

Наше мечтательное настроеніе, вызванное красотой природы, было нарушено приходомъ Володи.

— Не пришла Елена Алексѣевна? — тревожно спросилъ онъ.

— Нѣтъ, — разомъ отвѣтили нѣсколько человѣкъ.

Студентъ хотѣлъ опять идти на розыски, но мы сообщили ему, что дѣвушку пошли разыскивать и другіе товарищи, и предложили подождать ихъ возвращенія.

Въ это время раздался третій зычный гудокъ парохода, и скоро онъ двинулся въ путь. При поворотѣ корма парохода приблизилась къ мостику, и на краю его мы, къ нашему изумленію, увидѣли облитую яркимъ луннымъ свѣтомъ нашу любимицу.

— Леночка!.. Елена Алексѣевна! — послышались возгласы.

А Володя протянулъ даже руки.

— До свиданія! — отвѣчала она, маша носовымъ платкомъ, — счастливой дороги!.. Не поминайте лихомъ!

— Вы запоздали?! — со слезами въ голосѣ кричалъ Володя.

— Нѣтъ, осталась по своей волѣ!..

— Леночка!..

Но пароходъ отошелъ настолько, что до нея, вѣроятно, не донесся уже этотъ послѣдній отчаянный возгласъ бѣднаго юноши.

Скоро возвратились и другіе искатели Леночки. Они также видѣли ее на мостикѣ. Всѣмъ намъ сдѣлалось грустно. За время путешествія мы такъ сжились, такъ привыкли къ милой дѣвушкѣ, что ея отсутствіе было для насъ весьма ощутительно.

— Зачѣмъ она оставила насъ? — задумчиво и тихо произнесла учительница.

Никто не отозвался на этотъ вопросъ.

Разбираясь въ своихъ мысляхъ, взволнованные впечатлѣніями дня, мы молча сидѣли на кормѣ. Луна, достигнувъ зенита, еще ярче освѣтила необъятныя воды. Пароходъ, бороздя море, велъ за собою бѣлый, пѣнистый, сверкающій хвостъ Когда пассажиры уснули, очарованіе тишины среди простора моря и неба нарушалось лишь плавнымъ движеніемъ судна.

Усталые, мы уснули только къ разсвѣту и проснулись когда пароходъ подошелъ къ пристани, откуда надо было ѣхать по желѣзной дорогѣ.

— Прощай, милое море! — сказала учительница.

— Прощай, прощай! — повторила курсистка.

Мужчины, улыбаясь, сняли шапки и, глядя на выплывавшее изъ воды солнце, также поклонились морю.

X.

Въ мѣстѣ постояннаго моего жительства время полетѣло, по обыкновенію, съ головокружительною быстротою. Незамѣтно прошелъ остатокъ осени и наступила грязная южная зима. Вѣроятно, и она промелькнула бы, не оставивъ никакого слѣда, если бы не произошло совершенно неожиданное событіе. Въ одну изъ зимнихъ ночей я былъ разбуженъ громкимъ и длительнымъ звонкомъ телефона. Взглянувъ на часы и увидѣвъ, что стрѣлка показываетъ $2^1/_2$ ночи, я рѣшилъ, что это сонъ съ галлюцинаціею слуха. Но лишь только я, загасивъ лампу, собрался уснуть, какъ опять послышался еще болѣе громкій и настойчивый вызовъ. Встревоженный, я, не зажигая огня, вскочилъ съ кровати и спѣшно впотьмахъ направился къ привычному мѣсту, гдѣ, нащупавъ трубку, предложилъ стереотипный вопросъ: „Кто говоритъ?“ Каково же было мое изумленіе, когда въ отвѣтъ послышалось: „Леночка“. — „Кто?“ — не довѣряя своимъ ушамъ, переспросилъ я. — „Леночка Свирѣлева“. — „Какими судьбами?“ — „Сопровождаю тѣло Ильи Петровича“. — „Что?! — воскликнулъ я, чуть не выпустивъ трубки изъ рукъ. — Что вы говорите?!. Тѣло?..“ — „Да, да... Простите, я не могу больше говорить... Умоляю васъ пріѣхать на вокзалъ“. — „Но застану ли я васъ?.. Я ничего не понимаю!.. Съ какимъ поѣздомъ?..“ — „Не безпокойтесь, застанете... Я васъ жду въ залѣ второго и перваго класса... Умоляю!“

Нѣсколько секундъ я стоялъ, какъ припаянный къ трубкѣ, ничего не соображая. Затѣмъ, очнувшись, я, дрожа отъ нервнаго возбужденія, спѣшно возвратился въ кабинетъ, чтобы одѣться скорѣе и ѣхать на вокзалъ. Но, ища спички, задѣлъ лампу, и она съ гулкимъ звономъ разлетѣлась вдребезги, заполнивъ комнату запахомъ керосина. Лишенный надежды на свѣтъ, я сталъ искать платье и обувь. И вдругъ почудился мнѣ въ жуткой тьмѣ бѣлѣющій гробъ, а въ немъ мертвецъ съ открытыми глазами. Къ счастью, я скоро наткнулся на одежду, кое-какъ одѣлся, набросилъ въ прихожей шубу и спѣшно оставилъ квартиру.

На улицѣ царила могильная тишина, и не было видно на ней ни единой живой души. Сквозь густой, ѣдкій туманъ еле-еле пробивался свѣтъ электрическихъ лампочекъ, отражавшихся въ лоснящейся слякоти, густо покрывавшей мостовую. Окликъ мой извозчика эхомъ отдался во влажномъ

воздухѣ и пугливо замеръ безъ отвѣта. Пришлось идти пѣшкомъ до встрѣчи съ какимъ-нибудь ночнымъ возницей. Не мало времени прошло, покуда я наткнулся на клячу, понурившую голову и уныло дремавшую подъ фонаремъ, и спавшаго на козлахъ дрожекъ старика.

— Куда? — зѣвая и почесываясь спросилъ онъ, когда я разбудилъ его.

— На вокзалъ.

— Къ какому же это поѣзду?

— Да вамъ-то что? Везите на вокзалъ...

Извозчикъ захлесталъ кнутомъ, зачмокалъ и, когда кляча его двинулась впередъ, вступилъ со мною въ бесѣду.

— Я къ тому, что, новый я, значитъ, звозчикъ...

— Новый?!.

— Тебѣ вдивительно, что я, то есть, старъ, а „новый" называюсь?

— Да.

— Что подѣлаешь!.. Мнѣ бы, конечно, на печи лежать, анъ, вотъ, на старости лѣтъ пришлось...

И старикъ, повернувшись ко мнѣ всѣмъ корпусомъ, сталъ излагать мотивы своего рѣшенія.

— Двухъ моихъ сыновьевъ, вишь, на войну забрали, и лошадь тожъ продать было приказано... Ну, вотъ... А они извозомъ занимались... Старуха моя да невѣстки и сказываютъ, поѣзжай, говорятъ, — въ городъ на мѣсто, то есть, сыновьевъ... Ну, вотъ, и пріѣхалъ я со своей старой кобылой... А она, вишь, деревенская, машинъ всякихъ боится... На ней можно только ночью ѣздить, когда вотъ энти, — какъ ихъ?..

— Трамвай?

— Во-во! когда они не ходятъ...

— А автомобилей развѣ не боится?

— У-у!.. Не дай Богъ! Да они поздно ночью тоже рѣдко ходятъ... Ну а ежели идетъ, такъ сейчасъ спрыгивай съ козелъ и закрывай ей глаза, иначе ничего нельзя!

— Вы все-таки ее немного погоняйте, — перебилъ я извозчика, потому что кляча, воспользовавшись нашею бесѣдою, пошла шагомъ.

— Нн-о! — воскликнулъ старикъ, подхлестывая кобылу кнутомъ, и спокойно пояснилъ, — стара она и къ тому же, дѣйствительно, съ лѣнцой.

Затѣмъ онъ сразу перемѣнилъ разговоръ:

— А что, господинъ, ежели, примѣрно, убьютъ сыновьевъ, звѣстно это будетъ?!.

— Списки убитыхъ и раненыхъ и сейчасъ въ газетахъ печатаютъ...

— У насъ ничего этого не звѣстно... Дурныя бабы мои каженный, поди, день выйдутъ подъ вечеръ на дорогу и воютъ... Старуха-то выглядываетъ, значитъ, сыновьевъ, невѣстки — мужей... Все ожидаютъ... Звѣстно, бабы...

Старикъ умолкъ. Словно обухомъ по головѣ ударилъ онъ меня своимъ разговоромъ. Какъ будто впервые услышалъ я и о деревнѣ, и о войнѣ. Забившись въ темный уголъ дребезжавшаго экипажа съ поднятымъ верхомъ, я впервые за конецъ осени и зиму очнулся отъ омута жизни большого шумнаго города въ глубокомъ тылу.

Она, эта жизнь, властно охватывая меня тисками злобъ каждаго даннаго дня, незамѣтно отстраняла и затягивала флеромъ забвенія все далекое и минувшее. Постепенно блѣднѣли и мои лѣтнія впечатлѣнія, тускнѣли яркія картины пышной природы Кавказа, вытравливались изъ памяти и участники экскурсіи и связанныя съ нею событія, а война какъ-то еще и обезличивалась и обезчеловѣчивалась, словно бы она происходила внѣ людей и страны на страницахъ только газетъ. Мои анализы пошли бы и дальше, если бы старикъ не остановилъ свою лошадь у подъѣзда вокзала.

XI.

Леночка встрѣтила меня у дверей зала. Я, пожалуй, не узналъ бы ее въ толпѣ, до такой степени она измѣнилась. Мертвенно-блѣдное съ обостренными чертами лицо, впавшія щеки, лихорадочно блестѣвшіе глаза ясно показывали мучительныя переживанія. Подъ ихъ тяжестью дѣвушка, казалось, понизилась въ ростѣ, съежилась. Горячо пожавъ мою руку, она тихо сказала:

— Здѣсь старуха-мать Ильи Петровича, Марья Васильевна. Я сейчасъ познакомлю васъ съ нею, но при ней, ради Бога, ничего не говорите о сынѣ... Посидѣвъ немного съ нею, мы выйдемъ на платформу, и тамъ я вамъ все разскажу...

Такъ и сдѣлали.

Ветхая, худенькая старушка съ привѣтливымъ лицомъ и воспаленными глазами радушно поздоровалась со мною и тотчасъ же, къ моему смущенію, сама заговорила отрывочно о сынѣ

— Вы познакомились съ нимъ на Кавказѣ?.. Не знаю, зачѣмъ онъ вторично ушелъ на войну... Всю жизнь думалъ профессоромъ сдѣлаться, а вотъ убитъ, какъ офицеръ... И какъ убитъ!.. Самъ онъ такъ бережно относился къ людямъ, а его звѣрски убили... Зачѣмъ это?.. Кому это нужно?.. Кому онъ причинилъ зло?..

Слезы выступили на глазахъ несчастной матери, и Леночка, замѣтивъ это, перебила ее:

— Теперь, дорогая Марья Васильевна, вы можете спокойно уснуть, — я не одна.

Обратившись затѣмъ ко мнѣ, дѣвушка пояснила:

— Въ вашемъ городѣ вагонъ съ трупомъ Ильи Петровича отцѣпили, чтобы прицѣпить къ одному изъ поѣздовъ, идущихъ на сѣверъ, куда и мы ѣдемъ. Такъ вотъ Марья Васильевна боится, какъ бы не перепутали, не прицѣпили вагонъ къ другому поѣзду, и мы время отъ времени выходимъ посмотрѣть, цѣлъ ли вагонъ, но одну меня она не пускаетъ.

Я поддержалъ дѣвушку, давъ слово, что мы съ нею охранимъ вагонъ и не допустимъ никакой оплошности.

Марья Васильевна долго не соглашалась, увѣряя, что вовсе не устала и не желаетъ спать, но въ концѣ концовъ уступила настойчивымъ просьбамъ Леночки и въ сопровожденіи ея ушла въ дамскую комнату.

Какъ только дѣвушка возвратилась, мы немедленно вышли на пустынную платформу.

— Во-о-нъ!

Леночка указала на товарный, чуть освѣщенный фонаремъ вагонъ, одиноко стоявшій на далекомъ запасномъ пути и пояснила:

— Тамъ трупъ Ильи Петровича.

Затѣмъ она вынула изъ ридикюля какую-то книжечку и, отдавъ мнѣ, сказала:

— Чтобы не забыть, возьмите сейчасъ... Это записная книжка его, найденная возлѣ трупа на полѣ битвы...

Послѣ нѣкоторой паузы дѣвушка нервно, спѣшно и отрывочно стала сообщать мнѣ свѣдѣнія о погибшемъ.

— Ну, вы помните, какъ я осталась... Кстати сказать, если бы на послѣднемъ привалѣ передъ Чернымъ моремъ мы не записали адреса другъ друга, такъ бы и не нашла васъ... Вмѣстѣ съ Вѣхинымъ мы ухаживали за Ильей Петровичемъ. Онъ, видимо, началъ поправляться тѣлесно, но духовно не

совсѣмъ... Онъ ужасно нервничалъ, когда читалъ газеты и писалъ вотъ въ этой книжкѣ... Докторъ хотѣлъ даже запретить ему и чтеніе, и письмо, но ничего нельзя было подѣлать. Недѣли черезъ три послѣ вашего отъѣзда его потребовали въ комиссію. Докторъ хотѣлъ выдать ему свидѣтельство о его болѣзни, но онъ этого не пожелалъ. Больше онъ и къ Измаилу не возвратился, а я обо всемъ, что вамъ говорю, узнала изъ писемъ, присланныхъ мнѣ. Письма дышали такою искренностью, теплотою, что я плакала, читая ихъ... Онъ мнѣ писалъ, между прочимъ, что пришелъ къ убѣжденію въ необходимости ѣхать на войну. Я послѣ этого уѣхала на курсы сестеръ милосердія, чтобы отправиться туда же. Но еще до окончанія курсовъ получила коротенькую записку отъ Ильи Петровича, въ которой онъ умолялъ, чтобы я поѣхала въ деревню къ его матери, адресъ которой сообщилъ. Я тотчасъ же исполнила его желаніе, понявъ его просьбу. Марья Васильевна, безумно любящая своего сына, неимовѣрно страдала. По ночамъ, зажегши лампаду передъ иконой, она не вставала съ колѣнъ, находя, повидимому, большое удовлетвореніе въ молитвѣ, а днемъ мучилась одиночествомъ... Я сразу поняла, что нужна старухѣ, и радовалась, что могу оказать услугу Ильѣ Петровичу. Но, увы, это было ненадолго. Уже въ январѣ я отъ него получила вторую коротенькую записочку „изъ окоповъ". Онъ писалъ, что въ ночь того дня, когда онъ пишетъ это, долженъ состояться большой бой, послѣдствія котораго нельзя предсказать. Илья Петровичъ просилъ подготовить мать, чтобы, если ему суждено пасть въ этомъ бою, для нея не было бы это неожиданностью... Я не знала, что мнѣ дѣлать, не спала по ночамъ, обдумывая, какъ поступить, а въ это время готовился ударъ оттуда, откуда я не ожидала. Знакомый Марьи Васильевны офицеръ, раненый въ томъ же бою, въ которомъ участвовалъ и Илья Петровичъ, написалъ матери, что сынъ ея убитъ. Но, удивительно, Марья Васильевна отнеслась къ этому событію съ поразительнымъ спокойствіемъ. То ли она уже окрѣпла въ своихъ страданіяхъ, то ли, что называется, окаменѣла въ нихъ, но старуха, войдя въ мою комнату, сказала только: „Ильюша убитъ, я ѣду разыскивать его трупъ"... Это мужество поразило меня. Я бросилась ей на шею и сказала, что не брошу ее. Она горячо обняла меня, поцѣловала, и тогда только слезы показались на ея глазахъ. Скоро мы уѣхали. Послѣ долгихъ мытарствъ мы узнали, что сна-

чала Илья Петровичъ былъ только раненъ, но затѣмъ ему разсѣкли пополамъ голову, когда непріятель, подбирая трупы, замѣтилъ, что онъ еще живъ. Свидѣтелемъ былъ его денщикъ, который, имѣя желаніе унести раненаго, подкрадывался къ нему среди труповъ, но былъ замѣченъ и успѣлъ схватить только книжку, которую я вамъ передала; книжка эта вывалилась изъ кармана и лежала возлѣ Ильи Петровича. Денщикъ былъ самъ при этомъ раненъ, но потомъ какими-то судьбами успѣлъ улепетнуть отъ непріятеля и попасть въ лазаретъ. Вотъ черезъ денщика-то, передавшаго намъ книжечку, мы и узнали объ ужасной смерти Ильи Петровича, но онъ не могъ ничего сообщить, гдѣ онъ похороненъ. Марья Васильевна поставила цѣлью своей жизни разыскать дорогой для нея трупъ. Долго и тщетно мы ѣздили, опрашивая всѣхъ, кто имѣлъ какое-нибудь отношеніе или что-либо зналъ о собираніи и погребеніи убитыхъ. И, представьте, свершилось чудо. Какъ-то заночевали мы въ полуразрушенной усадьбѣ священника. Самъ онъ былъ убитъ, а въ одной изъ уцѣлѣвшихъ комнатъ жила его безутѣшная вдова. Она съ рѣдкимъ сочувствіемъ приняла насъ и, при разговорѣ, между прочимъ, сообщила, что слышала, будто на погостѣ церкви сосѣдняго села похороненъ какой-то солдатъ или офицеръ съ разсѣченной головой, при чемъ одна половина головы уцѣлѣла. Этого было достаточно, чтобы на зарѣ слѣдующаго дня мы отправились въ указанное мѣсто. Священникъ, охотно согласившійся помочь намъ, сказалъ, однако, что не мало попадается труповъ съ разсѣченными или прямо отрубленными головами, и даже въ одной могилѣ можетъ оказаться не одинъ такой трупъ, а два или болѣе, что всѣ трупы голые, обобранные, безъ одежды, которая могла бы дать какія-либо указанія. Но Марья Васильевна не остановилась передъ трудностью и упросила раскопать могилы, которыя могли относиться къ тому бою, въ которомъ участвовалъ ея сынъ. Просьба ея была уважена. И вотъ въ одной изъ могилъ найдено было цѣлыхъ три голыхъ, ужасныхъ трупа съ разсѣченными головами, при чемъ у одного изъ нихъ сохранилась на рукѣ перчатка, и, когда, по моей просьбѣ, сорвали эту перчатку, то подъ ней на одномъ изъ пальцевъ оказалось подаренное мною Ильѣ Петровичу кольцо!

Леночка умолкла. Видимо, ее душили слезы. Но черезъ самое короткое время она овладѣла собою и продолжала:

— А произошло это такъ... Когда Илья Петровичъ

ѣхалъ въ комиссію, то сказалъ: „Давайте обмѣняемся какими-нибудь такими подарками, которые сохранятся на долгое время и могутъ всегда находиться при каждомъ изъ насъ". А я въ шутку и отвѣтила. „Что можетъ быть лучше колецъ". Ильѣ Петровичу очень понравилась эта мысль, и мы купили другъ другу по кольцу, заказали сдѣлать иниціалы на нихъ и дали слово носить... Я даже отшатнулась, увидавъ свой подарокъ... А его кольцо вотъ, на моей рукѣ.

Дѣвушка показала мнѣ палецъ съ кольцомъ. Она хотѣла еще что-то сказать, но въ это время на платформу вышла Марья Васильевна.

— Не спится мнѣ, — сказала она, — пойду посмотрѣть на вагонъ.

— Да вѣдь онъ же отсюда виденъ, — сказала Леночка.

— Нѣтъ, я пойду все таки...

— Ну и мы съ вами...

Но только что мы сошли съ платформы, какъ послышался окликъ:

— Господа, нельзя по рельсамъ ходить!

Пришлось отказаться отъ нашего намѣренія

XII.

Лишь къ шести часамъ утра удалось уладить дѣло относительно прицѣпки вагона къ ближайшему пассажирскому поѣзду, съ которымъ уѣхали Шкворнева и Леночка.

Впечатлѣнія, полученныя мною въ теченіе $2^1/_2$ часовъ, настолько меня потрясли, что нечего было и думать о снѣ. Поэтому, возвратившись домой, я попросилъ прислугу поставить самоваръ, а самъ съ лихорадочной дрожью развернулъ записную книжечку съ признаками запекшейся крови и впился въ строки, написанныя нынѣ уже несуществующимъ авторомъ, но тѣмъ болѣе таинственныя и значительныя.

Первою же строкою вскрывалась мысль, терзавшая Шкворнева. Предъ моимъ умственнымъ взоромъ ярко вырисовывалась картина той ночи, когда я, лежа подъ навѣсомъ, впервые увидѣлъ метавшагося изъ угла въ уголъ Илью Петровича.

„25 ноября. Вотъ стоимость войны, — такими словами начиналась записная книжка.

Ежедневно выбываетъ изъ строя арміи (убитые, раненые, заболѣвшіе, безъ вѣсти пропавшіе) до 50.000 человѣкъ. Зна-

чить, въ теченіе года такъ или иначе погибнетъ самой лучшей части населенія воюющихъ странъ 18.250.000 человѣкъ. Чтобы представить себѣ, какъ громадно это количество, достаточно вспомнить, что „великая армія“ Наполеона I, вторгнувшаяся въ 1812 году въ Россію, состояла всего изъ 600.000 человѣкъ. Выходитъ, что современная война въ одинъ годъ губитъ болѣе 30-ти такихъ „великихъ армій“!..

30 ноября. Имѣются еще жертвы войны, не поддающіяся никакому учету и такія колоссальныя, что ихъ трудно обнять уму человѣческому. Это сплошное разореніе странъ.

Исчезла цивилизація. Милліоны людей подкарауливаютъ другъ друга, чтобы заколоть штыкомъ, застрѣлить или взорвать на воздухъ...

Пусть кто-нибудь учтетъ разореніе страны и приложитъ къ головокружительнымъ суммамъ деньгами и людьми...

Въ это время прислуга принесла самоваръ. Чтобы заварить кофе, я прервалъ на время чтеніе. Это дало мнѣ возможность вдуматься въ прочитанное. Я охваченъ былъ ужасомъ картины, нарисованной моимъ воображеніемъ, возбужденнымъ сконцентрированными фактами...

Я переживалъ то настроеніе, какое пережилъ четыре слишнимъ мѣсяца тому назадъ, когда Шкворневъ на Кавказѣ далъ мнѣ газетныя вырѣзки о войнѣ. Боже, что сдѣлала она за полгода! Если взять цифры, откуда-то почерпнутыя Ильей Петровичемъ, то выходитъ, что теперь уже выбыли изъ строя армій воюющихъ державъ болѣе 9.000.000 человѣкъ и разоренъ рядъ странъ! „Но почему же я былъ спокоенъ?— задавался я вопросомъ.—Оттого ли, что отрывочныя свѣдѣнія, по нѣсколько разъ въ день приносимыя газетами, не давали возможности обобщеній, или я...... свыкся съ войной, свыкся со всѣми ея ужасами, не чувствую ихъ больше?.. Неужели?!“ И дальнѣйшія замѣтки Шкворнева, какъ бы предвидя мой вопросъ, отвѣчали на него положительно. Вотъ что прочелъ я далѣе въ его записной книжкѣ.

„5-го декабря. Время идетъ и дѣлаетъ свою безстрастную, неизмѣнную, вѣковѣчную работу. Сглаживая страданія и радости, ненависть и любовь, пороки и добродѣтели, оно притупило и впечатлѣніе къ кровавымъ ужасамъ войны. Послѣдняя, — это ясно чувствуется, — потеряла свою остроту. Горячія и искреннія стремленія, понижаясь въ своей интенсивности,

пріобрѣли характеръ дѣлового механизма. Съ внѣшней стороны все идетъ какъ будто попрежнему, — общественная работа даже ширится, — но въ то же время съ каждымъ днемъ она глубже и глубже пронизывается холодомъ. Безслѣдно прошли безсонныя ночи, спокойнѣе и спокойнѣе относятся къ извѣстіямъ съ кровавыхъ полей, какъ и къ больнымъ и раненымъ воинамъ. Все менѣе и менѣе встрѣчаются лица со слѣдами слезъ на глазахъ, а негодованіе къ звѣрствамъ войны перешло въ хладнокровное констатированіе фактовъ. Постепенно заполняются ранѣе пустовавшіе кинематографы и театры. Видимо, люди стали сживаться съ тѣмъ, что еще недавно считали дикимъ, жестокимъ, безчеловѣчнымъ. На глазахъ убываетъ широкій разливъ благороднаго возмущенія, съ каждымъ днемъ все больше и больше обнаруживается острововъ усталости, апатіи, привычки, и все говоритъ за то, что вотъ-вотъ жизнь войдетъ въ старое русло. Выводъ очевиденъ: внутри человѣка не заложено органическаго отвращенія къ звѣрству, и если онъ такъ скоро свыкся съ тѣмъ, что три-четыре мѣсяца назадъ считалъ звѣрствомъ, то сживется съ будущими ужасами, которые, по логикѣ, должны превзойти нынѣшніе, потому что „цивилизація", прогрессируя, дастъ въ руки человѣка еще болѣе усовершенствованныя орудія смерти... Цѣна жизни сейчасъ опустилась до нуля... Если телеграммы приносятъ извѣстіе о гибели сотенъ и даже тысячъ, то объ этомъ говорятъ, какъ о „пустякахъ"... Нѣкоторое волненіе начинается теперь съ десятковъ тысячъ, а болѣе или менѣе сильное возбужденіе могутъ производить только сотни тысячъ... Итакъ, „окрѣпли нервы" за какіе-нибудь пять мѣсяцевъ, дальше они „окрѣпнутъ", несомнѣнно, до милліоновъ. Что касается одиночныхъ смертей въ тылу, то онѣ уже не производятъ ровно никакого впечатлѣнія.

18-го декабря. Еще одно подтвержденіе не только примиренія съ войною, но и... надеждъ на нее! По удивительному стеченію обстоятельствъ, это общественное настроеніе выразилъ тотъ же господинъ Ораловъ, которому я возражалъ на курортѣ. Онъ пріѣхалъ въ городъ читать лекцію: „Право и сила". Въ кровавой бойнѣ лекторъ видитъ только борьбу права противъ силы. По его словамъ выходитъ такъ, что если бы Германія не нарушила, напримѣръ, нейтралитета Бельгіи, то война велась бы, не вызвавъ, пожалуй, никакого протеста. Но такъ какъ Германія нарушила нейтралитетъ, то остальные народы

желаютъ только возстановить право. Чистая идиллія! Лекторъ не задался даже вопросомъ, почему же человѣчество, проживъ XX вѣковъ со времени рожденія Христа, рѣшаетъ правовые вопросы всемірной рѣзней? Какъ разъ сегодня я прочелъ такую замѣчательную выдержку изъ англійской газеты „Daily News“: „Никогда еще въ исторіи христіанства благая вѣсть о Рождествѣ Христовомъ, о „мирѣ на землѣ и въ человѣцѣхъ благоволеніи“ не казалась столь далекой отъ насъ и до такой степени не соотвѣтствующей дѣйствительности“. „Никогда“!

Вотъ ужасное слово, совершенно вѣрно характеризующее переживаемый моментъ! Англійская газета не закрываетъ глазъ на войну, какъ на показателя величайшаго озвѣрѣнія, такого, какого не было за всѣ двадцать вѣковъ! „Никогда“!.. Вотъ какъ прогрессируетъ человѣчество духовно! Внѣшне, въ техническомъ смыслѣ оно достигло величайшихъ ступеней и настолько же внутренне отдалилось отъ человѣка, отъ того человѣка, идеалъ котораго былъ изображенъ Христомъ! Между тѣмъ, г. Ораловъ увѣрялъ, что послѣ всемірной войны человѣчество обновится!

Лекторъ вѣритъ въ нѣчто логически невѣроятное. Въ ужасающей войнѣ погибаетъ весь цвѣтъ человѣчества, всѣ молодыя силы, а оставшіеся въ живыхъ дѣти да старцы будутъ разорены, — какимъ же образомъ „обновится“ и „помолодѣетъ“ человѣчество?!

Въ этомъ приспособленіи къ войнѣ, переходящемъ даже въ вѣру въ нее, какъ постепенную эволюцію, и кроется оправданіе звѣрствъ...

19-го декабря. Сегодня заявилъ комиссіи, что чувствую себя вполнѣ здоровымъ и желаю отправиться на театръ военныхъ дѣйствій. Послѣзавтра уѣзжаю. Съ болью въ сердцѣ пришелъ къ убѣжденію, что, быть можетъ, очнется міръ послѣ того, какъ будетъ залитъ кровью и разоренъ; быть можетъ, будущія поколѣнія, ознакомившись съ тѣмъ, что сдѣлала эта война, содрогнутся и иначе устроятъ свою жизнь... Быть можетъ, но, быть можетъ, и нѣтъ...

Въ исторіи человѣчества, кажется, были прецеденты, когда оно останавливалось передъ пропастью, имъ самимъ вырытою, останавливалось предъ нею и начинало каяться... Возьмемъ хотя бы легенду о Ноѣ. Она гласитъ, что это былъ десятый и послѣдній изъ допотопныхъ патріарховъ, вмѣщавшихъ въ своей жизни цѣлыя эпохи жизни первобытнаго

человѣчества. Внукъ Маѳусаила и сынъ Лемеха, Ной жилъ въ то время, когда человѣчество подверглось всеобщему развращенію, и заслуженный имъ гнѣвъ Божій выразился въ рѣшеніи погубить весь родъ человѣческій потопомъ... Среди всеобщаго развращенія Ной сохранилъ свою праведность, вслѣдствіе чего и сдѣлался родоначальникомъ послѣ-потопнаго человѣчества... Вообще, я не знаю, что дѣлать... Чувствую только, что такъ жить нельзя, нужна другая жизнь.

23 декабря. Если бы Ораловъ проѣхалъ по тѣмъ мѣстамъ, по которымъ проѣхалъ я, ища свой полкъ, онъ бы увидѣлъ, какъ „обновляетъ" человѣчество война... То, что пишутъ газеты, — идиллія сравнительно съ дѣйствительностью... При видѣ разоренныхъ селъ и деревень холодѣетъ кровь... Несчастные жители, не имѣвшіе и не имѣющіе возможности оставить свое пепелище, совершенно отупѣли и одичали отъ ужаса, голода и холода... Это — живые мертвецы... То, что я видѣлъ въ началѣ войны, не имѣетъ ничего общаго съ нынѣшнимъ видомъ тѣхъ самыхъ мѣстностей... По нимъ нѣсколько разъ проходили наши и непріятельскія войска, и мѣстности переходили изъ рукъ въ руки, превращаясь въ пустыни, видомъ своимъ производящія щемящую боль... А гдѣ не убраны трупы людей и лошадей, тамъ къ этой щемящей боли присоединяется еще трепетъ, ужасъ, негодованіе и чувство полнаго безсилія"...

Дальше краткія отрывочныя записи были сдѣланы карандашомъ.

24 декабря. Въ окопахъ... Морозъ... Коченѣютъ члены... Въ бинокль ясно видно расположеніе непріятеля... Его окопы заслонены высокими брустверами изъ окоченѣвшихъ труповъ!.. Должно быть, десятки тысячъ этихъ труповъ!.. О, какъ отчетливо они видны!.. И столько же матерей, женъ, сестеръ, дѣтей стынутъ отъ тоски, ужаса, горя, нищеты...

И они не только не увидятъ, но и знать не будутъ, когда и гдѣ погибли ихъ отцы, мужья, братья, изъ которыхъ сдѣлали брустверы!.. А за ними сидятъ еще живые братья, отцы, сыновья тѣхъ, изъ кого состоятъ эти брустверы!.. Поле между окопами заполнено окоченѣвшими, еще не убранными трупами людей и лошадей... Какъ рельефно они выдѣляются на снѣгу!.. Какое ужасное впечатлѣніе производятъ эти стаи вороновъ, воронъ и галокъ!.. Они то садятся на трупы и

клюютъ ихъ, то, испуганные, съ крикомъ поднимаются, чтобы опять сѣсть на трупы... Особенно почему-то тяжело смотрѣть, когда жадныя птицы выклевываютъ глаза... Къ вечеру птицы куда-то исчезли, а вмѣсто нихъ стали подкрадываться волки... Хочется прогнать хищниковъ... Почему-то жутко при видѣ ихъ, рвущихъ трупы?.. Не все ли равно?.. Морозная ночь... Ясное небо... Какъ красивъ этотъ яркій сводъ!.. Природа-мать, зачѣмъ ты такимъ несчастнымъ сдѣлала человѣка?.. Зачѣмъ, наградивъ его разумомъ, сознаніемъ, словомъ, не вырвала у него звѣринаго начала?.. Зачѣмъ?.. Изъ за этого исчезъ человѣкъ, нѣтъ его!.. Сегодня сочельникъ... Сколько въ немъ соединено воспоминаній!.. Что дѣлается теперь въ Россіи, у меня дома?.. Какъ мать, Леночка?.. Леночка!.. Почему-то мнѣ вспомнился Кавказъ... Жаркое солнце, синее небо, синее море, бѣлыя горы, ширь, просторъ, красота...

Я думалъ: „жалкій человѣкъ...
Чего онъ хочетъ?.. Небо ясно,
Подъ небомъ мѣста много всѣмъ, —
Но безпрестанно и напрасно
Одинъ враждуетъ онъ... Зачѣмъ?.."

Прибѣжалъ дозорный и сообщилъ, что непріятель наступаетъ... Сейчасъ начнется ужасающій штыковой бой... Въ чемъ смыслъ жизни?..

Исчезъ человѣкъ"...

Остальныя страницы книжки такъ были запачканы кровью и грязью, что нельзя было узнать, что тамъ написано.

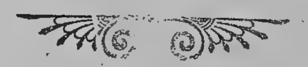
Сѣрое утро тускло пробивалось сквозь стекла, по которымъ, какъ слезы, струились крупныя капли воды... Непроглядною тоскою несло отъ мокрыхъ домовъ непроснувшагося еще города... Но вотъ могильная тишина огласилась гудкомъ автомобиля съ ранеными... За первымъ промчался второй, за вторымъ третій, четвертый, пятый... Блѣдныя, страдальческія лица... Бѣлыя повязки... „Въ чемъ смыслъ жизни?"... „Исчезъ человѣкъ"...

И отчетливо выступила предо мною та картина Кавказа, которую я увидѣлъ раннею зарею предъ встрѣчею съ Измаиломъ и Вѣхинымъ... Теперь голубая даль съ бѣло-розовыми снѣжными вершинами еще болѣе тянула меня... До боли хотѣлось вырваться изъ суровыхъ тисковъ сѣрой, жестокой

жизни и бѣжать туда, въ дикія горы, въ гущу лѣсовъ, къ звонкимъ искрометнымъ водопадамъ, къ синему морю, къ шири и простору...

„Но и тамъ вѣдь льется кровь!“ — охладила меня дѣйствительность... И вспомнилось снова изъ записной книжки: „Исчезъ человѣкъ“... „Въ чемъ же смыслъ жизни?“...

И. П. Бѣлоконскій.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

СЛѢПЕЦЪ.

Мнѣ путь мой невѣдомъ,
Темна его цѣль.
Мой кровъ — своды неба,
Земля мнѣ постель

Слабы мои ноги,
Въ очахъ моихъ — мракъ,
Но сбиться съ дороги
Не дастъ мой вожакъ.

Ему всѣ знакомы
Земные пути,
Онъ знаетъ, куда мнѣ
И долго ль идти.

ГОРБУНЪ.

На груди моей и за плечами,
Въ видѣ двухъ меня давящихъ торбъ,
Съ малыхъ лѣтъ пристроился товарищъ
И растетъ со мною вмѣстѣ горбъ.

Какъ двѣ жерди, жизнь дала мнѣ ноги.
Кисти рукъ касаются колѣнъ.
Я спасаюсь отъ камней мальчишекъ
Во дворахъ и за углами стѣнъ.

День и ночь насмѣшки слышу, хохотъ,
И кускомъ мнѣ попрекаетъ братъ,
Только взоры маленькой невѣстки
Мнѣ тепло душевное дарятъ.

Братъ вчера домой вернулся пьяный,
Катю билъ, и плакала она.
Видѣлъ я, не спалъ и тоже плакалъ...
Какъ худа бѣдняжка и блѣдна!

Поутру сегодня я замѣтилъ
Кровь на бѣломъ Катиномъ платкѣ.
Коль умретъ она, — меня заройте
Отъ ея креста невдалекѣ.

Н. Б. Хвостовъ.

АРИСТОТЕЛЬ КАКЪ ЭКОНОМИСТЪ [1]).

Рѣдко кто изъ современныхъ экономистовъ не цитируетъ Аристотеля. И каждый, вспоминая мысли философа, отдаетъ дань почтительнаго удивленія его теоретической проницательности. Но именно теоретическое значеніе его идей остается до сихъ поръ все еще недостаточно оцѣненнымъ. Отдѣльныя счастливыя мысли по экономическимъ вопросамъ высказывались не разъ какъ до него, такъ и послѣ. Аристотель сдѣлалъ нѣчто большее: онъ намѣтилъ цѣлостную систему экономическихъ идей, набросалъ, правда, бѣгло, но чрезвычайно отчетливо главные контуры теоретической экономіи. Онъ не былъ первымъ въ этой работѣ. Какъ и въ другихъ отрасляхъ вѣдѣнія, онъ шелъ здѣсь по пути, проложенному его предшественниками и больше всего Платономъ, но ему удалось подвести итоги движенію философской мысли въ этомъ направленіи и создать вполнѣ законченное, согласованное во всѣхъ частяхъ, теоретическое построеніе. Это была совершенно своеобразная политическая экономія, настолько непохожая на привычную людямъ девятнадцатаго вѣка политическую экономію Ад. Смита, Рикардо, Дж. Ст. Милля, что новѣйшимъ ученымъ комментаторамъ Аристотеля не разъ приходилось останавливаться въ недоумѣніи передъ тѣмъ или инымъ изъ ея частныхъ положеній. И только выступившая сравнительно недавно школа предѣльной полезности дала, наконецъ, ключъ къ теоретической системѣ Аристотеля. Историки экономической мысли не спѣшили, однако, воспользоваться этимъ ключемъ, а критики Аристотеля предпочитаютъ попрежнему оцѣнивать его экономическія идеи въ отдѣльности, не пытаясь возсоздать изъ нихъ то логически объединенное цѣлое, которое было

---

1) Настоящая статья резюмируетъ главныя положенія недавно вышедшей въ свѣтъ книги автора: „Экономическое міровоззрѣніе древнихъ грековъ“ (Исторія экономической мысли, изд. Моск. Научн. Института, т. I, вып. 1).

передъ глазами философа, когда онъ формулировалъ какое-либо частное положенie.

Трудность раскрытiя теоретической системы Аристотеля проистекаетъ изъ двухъ главныхъ причинъ: во-первыхъ, его мысли по экономическимъ вопросамъ не сведены въ одномъ спецiальномъ трактатѣ, а вкраплены въ сочиненiя, главной задачей которыхъ было выясненie не-экономическихъ понятiй, и потому часто переплетаются съ иными (обще-философскими и моральными) соображенiями; во-вторыхъ, формулируя экономическiя понятiя, Аристотель исходилъ по большей части не изъ непосредственнаго наблюденiя окружавшей его хозяйственной дѣйствительности, а производилъ отборъ лишь нѣкоторыхъ ея чертъ, имѣющихъ значенie съ избранной имъ точки зрѣнiя. Методъ теоретическаго изслѣдованiя хозяйственныхъ явленiй опредѣлялся для него (какъ раньше и для Платона) сложившимся въ его представленiи идеаломъ лучшаго общественнаго строя. Было бы безплодно искать въ экономическихъ идеяхъ Платона и Аристотеля непосредственнаго отраженiя хозяйственнаго быта Эллады ихъ времени. Именно потому, что экономическiя теорiи и идеалы лучшаго устроенiя хозяйственной жизни органически вростаютъ въ общее философское мiровоззрѣнie древнихъ, они опираются на хозяйственную дѣйствительность, своеобразно воспринятую и переработанную въ ихъ собственномъ представленiи. Картина экономическаго быта, отъ которой отправляются въ своихъ разсужденiяхъ Платонъ или Аристотель, образуетъ, употребляя терминъ Макса Вебера [1]), „идеально-логическiй типъ“ хозяйственной организацiи, въ дѣйствительности никогда не существовавшей въ такомъ чистомъ видѣ, но построенной воображенiемъ изъ нѣкоторыхъ чертъ дѣйствительной жизни, усиленныхъ и логически закругленныхъ. Это излюбленный древними способъ изслѣдованiя общества, послѣдовательно примѣненный и къ изученiю хозяйственныхъ отношенiй.

Бытовой фундаментъ экономическихъ идей Аристотеля довольно сложенъ. Но въ немъ явственно выдѣляются двѣ главныя черты: традицiонная аристократическая организацiя государства-города и новыя явленiя мѣнового оборота. Аристотель, какъ и Платонъ, не случайно видѣлъ въ учрежденiяхъ Спарты и Крита образецъ (хотя и недоразвитой до

---

[1]) См. его извѣстный этюдъ въ Archiv für Socialwiss., XIX.

полнаго совершенства) нормальнаго государственнаго строя. Аристократизмъ былъ основной чертой общественнаго быта древнихъ грековъ, органически сросшейся со всѣми его формами, отъ патріархальныхъ временъ гомеровскаго эпоса до эпохи расцвѣта V и IV вв. Какъ ни усложнялись политическія и хозяйственныя формы эллинской жизни, она оставалась проникнутой вплоть до наиболѣе передовыхъ демократій позднягo времени аристократическимъ духомъ, правда, весьма своеобразнымъ, но выраженнымъ вполнѣ опредѣленно и сохранившимъ поразительную устойчивость. Терминъ „дворянская демократія" (Adelsdemokratie)[1], которымъ Бузольтъ мѣтко характеризуетъ спартанское государственное устройство, одинаково примѣнимъ и къ античнымъ демократіямъ, которыя ревниво отгораживали гражданъ отъ неполноправныхъ элементовъ населенія, въ особенности же отъ рабовъ. Эти „дворянскія демократіи", въ силу исторически сложившейся группировки гражданъ по городамъ-государствамъ, отличались необыкновенно сильно развитымъ сознаніемъ общегосударственнаго интереса въ предѣлахъ замкнутаго круга гражданской общины. Древніе греки ежедневнымъ наблюденіемъ окружающей ихъ общественной жизни привыкали видѣть въ государствѣ нѣкоторое „содружество", сплоченную группу лицъ, объединенныхъ для всѣхъ явнымъ общимъ интересомъ. Каждый городъ рѣзко отмежевывался отъ сосѣдей и старался обезпечить себѣ возможное „самодовлѣніе". Надъ всѣми отдѣльными побужденіями, какъ бы эгоистичны и своекорыстны они ни были, государство постоянно протягивало широкую защитную сѣть общаго государственнаго интереса, всѣмъ видимаго и понятнаго (напр. мѣропріятія по снабженію населенія предметами продовольствія). Въ эпохи грозной внѣшней опасности государство призывало гражданъ къ оборонѣ цѣлости и независимости родного города. Отсюда — неумирающая вѣра въ то, что государство можетъ сохранить „единую душу", можетъ и обязано спаять своихъ членовъ общимъ содружествомъ въ стремленіи къ единой для всѣхъ высокой цѣли. Въ кругу, очерченномъ государствомъ-городомъ для такого содружества, часто не все обстояло благополучно, граждане дѣлились на рѣзко-противоположныя группы по имущественному положенію, враждебныя другъ другу, порою всту-

[1] G. Busolt. Griechische Geschichte. I Bd., 2-e Aufl., Gotha 1893, стр 557—558.

павшія въ жестокую борьбу между собою, но въ этой борьбѣ мы напрасно стали бы искать чертъ современной „классовой борьбы“. Общественные классы въ древности складывались иначе, чѣмъ въ наше время, уже въ силу одного дѣленія жителей на гражданъ и не-гражданъ и существованія института рабства. Какія бы различія ни существовали между отдѣльными группами гражданъ, всѣ они, съ нашей современной точки зрѣнія, должны быть признаны однимъ классомъ, подобно тому, какъ въ крѣпостную эпоху въ Россіи мы вправѣ разсматривать дворянство какъ замкнутый въ себѣ общественный классъ, несмотря на крупныя различія въ его отдѣльныхъ группахъ по занятіямъ, имущественному положенію, общественному вліянію и т. п.

Въ рамкахъ такой государственной организаціи хозяйственная жизнь складывалась въ видѣ системы землевладѣльческихъ „ойкосовъ“ съ присоединенными къ ней довольно немногочисленными, но достаточно обособленными другъ отъ друга ремесленными и торговыми занятіями. Всѣмъ знакомы яркія картины ойкоснаго хозяйства въ гомеровскихъ поэмахъ. Важно отмѣтить, однако, что ойкосъ, какъ замкнутая хозяйственная организація, основанная частью на рабскомъ, частью на наемномъ трудѣ, „довлѣющая себѣ“ въ главной части удовлетворенія потребностей ея членовъ и восполняемая — не столько для поддержанія, сколько для увеличенія благосостоянія владѣльца — захватомъ военной добычи, выгоднымъ сбытомъ нѣкоторыхъ продуктовъ и иными способами обращенія къ внѣшнему міру, представляется типичной формой хозяйства греческаго гражданина не въ одну эпоху гомеровскаго эпоса, а и во время расцвѣта эллинской жизни, въ частности и въ то время, когда писалъ Аристотель. Но было и многое иное. Греческая хозяйственная жизнь IV в. до Р. Х. вмѣщала въ себѣ настолько сложныя отношенія, что современные историки ищутъ въ ней аналогій съ хозяйственнымъ бытомъ Европы XVIII и XIX столѣтія. Въ особенности въ послѣднее время стало моднымъ говорить о древнегреческомъ капитализмѣ. Въ этомъ мнѣніи много преувеличеннаго. Древняя Греція, дѣйствительно, знала капитализмъ, но далеко не такой, какой мы привыкли наблюдать въ наше время. Онъ развивался тамъ, какъ и всюду, прежде всего въ связи съ новыми формами мѣнового оборота. Могущественнѣйшимъ толчкомъ къ преобразованію мѣновыхъ отношеній было изобрѣтеніе раціональнаго орудія обращенія — чеканенной мо-

неты (уже въ VII в. до Р. Х.). Быть можетъ, Грецiя классическаго перiода прiобрѣла бы даже черты, аналогичныя современному западно-европейскому капитализму, если бы захотѣла и сумѣла своевременно перешагнуть роковую грань, отдѣлявшую гражданъ отъ не-гражданъ и въ особенности свободныхъ отъ рабовъ. Она не сдѣлала этого, и капиталистическiя формы хозяйства не проникли въ ея индустрiю, продолжая преобразовывать торговлю и кредитъ и производя отсюда новыя соцiальныя перегруппировки. Въ рукахъ отдѣльныхъ лицъ могли сосредоточиваться значительныя богатства, благодаря удачнымъ капиталистическимъ операцiямъ, независимо отъ ихъ положенiя въ общественной iерархiи и участiя въ военныхъ экспедицiяхъ. Понятно, что и въ сознанiи современниковъ зачатки капиталистическаго развитiя могли отражаться вовсе не въ формѣ представленiй о несуществовавшемъ въ дѣйствительности индустрiальномъ капитализмѣ, а лишь о нахлынувшей въ старинныя условiя быта новой „власти денегъ“, жажды быстраго, не знающаго предѣла обогащенiя кредитными и торговыми операцiями. Эти черты капитализма ясно сознавались греческими мыслителями и ощущались какъ нѣчто противорѣчащее искони сложившемуся укладу хозяйственной жизни и традицiоннымъ взглядамъ на задачи государства, а потому естественно вызывали съ ихъ стороны протестъ и попытки созданiя такого государственнаго строя, гдѣ эти нарушающiя принятый порядокъ полиса новыя безпокойныя явленiя были бы устранены или обезврежены.

Напротивъ, рабство по существу не вызывало ни возраженiй, ни протеста. Даже въ новыхъ формахъ, принесенныхъ позднѣйшимъ развитiемъ эллинской жизни, оно не нарушало само по себѣ стараго хозяйственнаго уклада. Какъ справедливо отмѣчаетъ Эд. Мейеръ, въ древней Грецiи рабство расширилось и укрѣпилось именно съ развитiемъ политической демократiи. „Какъ разъ то преобразованiе государства, отъ котораго менѣе всего можно было бы ожидать этой роли, открыло широкiй путь рабству: возникновенiе правового государства, устраненiе всякаго рода сословныхъ различiй и политическихъ привилегiй, полное осуществленiе политической свободы и юридическаго равенства для всѣхъ подданныхъ государства, созданiе общаго гражданскаго права, разсматривающаго всѣхъ гражданъ какъ равныхъ и равноправныхъ“ [1]).

---

[1]) Рабство въ древнемъ мiрѣ, стр. 33.

Рабство тормозило развитіе капитализма и индустріи, но необходимо отмѣтить, что и въ самомъ мѣновомъ оборотѣ греческій капитализмъ двигался впередъ очень туго. Такъ, несмотря на довольно широкое примѣненіе кредита въ раціонализированныхъ (до извѣстной степени) формахъ, въ видѣ ссудъ на веденіе торговыхъ и промышленныхъ предпріятій, встрѣчалась нерѣдко въ самое позднее время „дружеская", „сосѣдская" ссуда, ἔρανος, когда группа людей собирала по подпискѣ извѣстную сумму для передачи лицу, оказавшемуся въ затруднительномъ положеніи. По такой ссудѣ не взималось никакихъ процентовъ, и возвращенію подлежалъ только ссуженный капиталъ, при чемъ устанавливались и возможно льготные способы уплаты. Тонъ жизни все еще давало землевладѣніе, составлявшее даже у аѳинянъ и во время расцвѣта аѳинской демократіи главную основу ихъ хозяйства. И при томъ землевладѣніе довольно скромнаго размѣра, ибо даже у самыхъ знатныхъ людей имѣнія считались какими-нибудь десятками гектаровъ. Отсюда и живучесть такого обычая, какъ ἔρανος, въ которомъ особенно ярко сказывалось исконное отвращеніе землевладѣльца къ процентной ссудѣ. Античный капитализмъ былъ не столько началомъ, преобразующимъ хозяйственную жизнь, сколько параллельнымъ теченіемъ, развивавшимся рядомъ съ жизнеспособными еще формами и отношеніями стараго быта, и не могъ — въ положительномъ смыслѣ — глубоко отразиться въ національномъ сознаніи.

Таковы наиболѣе характерныя черты эллинскаго государственнаго строя и хозяйственнаго быта, отъ которыхъ отправлялся и Аристотель въ своихъ разсужденіяхъ о хозяйствѣ и хозяйственныхъ отношеніяхъ. Онъ имѣлъ при этомъ передъ собой блестящій образецъ методики соціальнаго изслѣдованія, данный въ „Политіи" и „Законахъ" Платона. Платонъ сравнительно мало интересовался экономическими вопросами, но поскольку ему приходилось затрагивать ихъ, онъ ставилъ ихъ въ живую связь съ своей философской системой. Тѣмъ же путемъ шелъ и Аристотель, и всѣ его экономическія ученія находятся въ неразрывной связи съ его общимъ міровоззрѣніемъ. Основное понятіе политической экономіи — о хозяйственномъ благѣ — устанавливается Аристотелемъ въ связи съ общимъ понятіемъ блага, образующимъ центральный пунктъ всей его нравственной философіи. Мѣсто не позволяетъ намъ остановиться здѣсь на основныхъ

философскихъ предпосылкахъ Аристотеля. Напомнимъ лишь, что по его ученію каждая вещь имѣетъ предуказанную ей цѣль, въ стремленіи къ которой и заключается смыслъ ея существованія. Цѣль, осуществленная въ вещи, является ея высшей формой, образующей въ одно и то же время и ея наиболѣе чистое логическое понятіе, и наивысшій ея идеалъ. Такимъ образомъ всюду то, что составляетъ предметъ стремленій, является вмѣстѣ съ тѣмъ и благомъ. И человѣческая дѣятельность также имѣетъ цѣлью какое-нибудь благо. Наиболѣе общимъ опредѣленіемъ блага Аристотель считаетъ принятое уже въ его время: благо есть то, къ чему все стремится [1]). Въ обширной системѣ благъ, которыхъ домогаются люди, одни имѣютъ бо̀льшее, другія — меньшее значеніе. Высшимъ верховнымъ благомъ представляется нравственное дѣланіе жизни, которое Аристотель, какъ истинный эллинъ, считалъ возможнымъ только въ государствѣ и въ связи съ высшей цѣлью самого государства. Высшее благо человѣка, или его назначеніе, его жизненное дѣло (*ἔργον*) заключается въ душевной энергіи и разумной дѣятельности, и при томъ въ хорошемъ и прекрасномъ выполненіи этой дѣятельности. Каждое же дѣло выполняется хорошо тогда, когда оно сообразуется съ спеціальной добродѣтелью. Значитъ, благо человѣка заключается въ душевной дѣятельности, согласной съ добродѣтелью, а такъ какъ добродѣтелей нѣсколько, то съ лучшею и совершеннѣйшею изъ нихъ. Въ такой дѣятельности человѣкъ находитъ блаженство (*εὐδαιμονία*), при чемъ важно имѣть въ виду, что блаженная жизнь есть жизнь, какую создаетъ себѣ совершенный человѣкъ, ибо только въ немъ раскрывается истинная сущность человѣка.

Главное дѣло человѣка есть его нравственное совершенство; чтобы достигнуть его, надо развить въ себѣ соотвѣтственное качество. Такимъ качествомъ является добродѣтель (*ἀρετή*), въ понятіе которой Аристотель вкладываетъ, вполнѣ въ духѣ національно-эллинскихъ представленій, оттѣнокъ техническаго умѣнья. По его ученію, добродѣтель есть именно умѣнье найтись въ сложныхъ условіяхъ жизни, умѣнье сдѣлать правильный выборъ, въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ жизни предпо-

---

[1]) Никомахова Этика въ изд. Алекс. Гранта, vol. I, London 1885, I, гл. 1, 1—2.

честь добро злу, „попасть въ точку". Это и есть знаменитое ученіе Аристотеля о срединѣ. Оно выдвигалось еще Платономъ и вообще характерно для эллинскаго міровоззрѣнія, въ которомъ нераздѣльно сливались этическій и эстетическій идеалы. Выше всего въ жизни греки цѣнили чувство мѣры, дающее ей гармонію и красоту. Во всемъ нужно умѣть найти надлежащій пунктъ, который необходимо будетъ лежать гдѣ-то посрединѣ между уклоненіями отъ нормы, искажающими подлинную, присущую данному явленію или дѣйствію красоту. Такой пунктъ опредѣлить не легко и только человѣкъ, искусный въ добродѣтели, сумѣетъ найти его.

Совершенный человѣкъ отличается, отъ другихъ людей именно искусствомъ правильнаго выбора цѣли дѣятельности, искусствомъ оцѣнки разнаго рода жизненныхъ благъ. Блага располагаются, по ученію Аристотеля, послѣдовательнымъ рядомъ, соотвѣтственно разумнымъ человѣческимъ цѣлямъ.

Въ эту сложную систему благъ, вѣнчаемую созерцаніемъ, доставляющимъ человѣку высшее, доступное ему, блаженство, входитъ, какъ необходимый членъ, и хозяйственное благо. Еще Платонъ, при всемъ своемъ аскетическомъ отношеніи къ суетнымъ земнымъ благамъ, считалъ хозяйство необходимымъ элементомъ общественной и индивидуальной жизни. Аристотель, съ его трезвой разсудочностью, еще болѣе былъ склоненъ цѣнить матеріальную сторону жизни. Онъ отводитъ ей, такъ же какъ и Платонъ, подчиненное и очень скромное мѣсто въ лѣстницѣ отдѣльныхъ жизненныхъ благъ, но вполнѣ нормальное и законное. Даже высшее состояніе блаженства, достигаемое философомъ въ созерцательной дѣятельности, требуетъ по несовершенству человѣческой природы, неполному „самодовлѣнію" ея для созерцанія, ряда вспомогательныхъ благъ низшаго порядка — тѣлеснаго здоровья, пищи, жизненныхъ удобствъ.

Постановка вопроса о хозяйствѣ и хозяйственномъ благѣ въ такомъ соподчиненномъ ряду жизненныхъ цѣлей облегчала для Аристотеля, какъ и для его предшественниковъ, изслѣдованіе собственно экономическихъ проблемъ. Съ одной стороны, она предопредѣляла для него (какъ раньше для Платона) рѣшеніе труднаго вопроса о мѣстѣ, занимаемомъ хозяйствомъ и хозяйственной дѣятельностью въ общемъ строѣ человѣческой жизни, человѣческихъ дѣлъ и заботъ, — съ другой стороны, она указывала ему объясненіе способа, ка-

кимъ производится и спеціальная оцѣнка хозяйственныхъ благъ, какъ таковыхъ.

Аристотель обычно опредѣляетъ хозяйственное благо въ связи съ опредѣленіемъ богатства, какъ его элементъ. Въ первой книгѣ „Политики", главное содержаніе которой заключается въ выясненіи основныхъ экономическихъ понятій, Аристотель опредѣляетъ богатство какъ „совокупность хозяйственныхъ благъ, необходимыхъ для жизни и полезныхъ для государственнаго и домашняго общенія", при чемъ „истинное, самодовлѣющее для благой жизни (т. е. отвѣчающее своей цѣли) имущество не безпредѣльно", ибо для правильной хозяйственной дѣятельности, какъ для всякаго искусства, есть предѣлъ въ той цѣли, которой оно служитъ орудіемъ, „богатство же есть совокупность орудій для государственной и домашней жизни"[1]). Эти признаки богатства и хозяйственнаго блага, какъ его элемента — полезность и служебный, подчиненный характеръ — повторяются и въ другихъ произведеніяхъ Аристотеля. „Богатство полезно и служитъ инымъ цѣлямъ", говоритъ Аристотель въ Ником. этикѣ, оно сходно съ флейтой, какъ инструментомъ для игры, и вообще со всякими орудіями, избираемыми нами въ качествѣ средствъ для какой-либо цѣли"[2]). Въ Риторикѣ Аристотель помѣщаетъ богатство среди полезныхъ благъ, говоря о немъ, что оно составляетъ „добродѣтель имущества" и „производитъ многое". Онъ хочетъ сказать этимъ, что богатство служитъ источникомъ удовлетворенія, средствомъ для нормальной жизни. Вообще быть богатымъ, говоритъ здѣсь Аристотель, значитъ больше пользоваться, чѣмъ владѣть, ибо богатство есть пользованіе всѣмъ (составляющимъ имущество), дѣйствительное осуществленіе владѣнія. Какъ средство для болѣе высокихъ жизненныхъ цѣлей, богатство цѣнится въ зависимости отъ нихъ, такъ что эти цѣли служатъ для него мѣриломъ[3]). Аристотель не видитъ надобности въ отреченіи отъ матеріальныхъ благъ; его идеалъ очень близокъ къ традиціонному эллинскому сознанію и допускаетъ не только умѣренное довольство, но даже нѣкоторое „великолѣпіе" жизненной обстановки для людей, выдающихся своимъ происхожденіемъ, заслугами, общественнымъ положеніемъ.

---

[1]) Aristotelis Politica, изд. Иммиша, кн. I, гл. 3.
[2]) Ник. Этика, I, 7, 3.
[3]) Ars Rhetorica, изд. Рёмера, кн. I, гл. 5 и 6.

Важно лишь, чтобы отношеніе человѣка къ матеріальнымъ благамъ не извращалось въ скупость или безпредѣльное стяжаніе. Совершенный человѣкъ находитъ правильный средній пунктъ въ распоряженіи своимъ имуществомъ въ благородной щедрости. Ему не слѣдуетъ быть и расточительнымъ, но хуже всего стать скупцомъ или стяжателемъ [1]).

Моральная оцѣнка хозяйственныхъ благъ опредѣляется съ полной ясностью въ системѣ Аристотеля, да въ этомъ и не было большой заслуги послѣ Платона. Гораздо труднѣе было рѣшить вопросъ объ основаніяхъ спеціально-хозяйственной оцѣнки, и хотя Платонъ также затрагивалъ и этотъ вопросъ, но чрезвычайно бѣгло, будучи по преимуществу поглощенъ моральной проблемой. У Аристотеля же, рядомъ съ моральной точкой зрѣнія, мы находимъ уже попытку объяснить экономическія явленія какъ таковыя.

Уже въ самомъ началѣ „Политики“ Аристотель предупреждаетъ читателей, что государство, будучи высшей формой общенія людей, не покрываетъ собою всѣхъ видовъ соціальныхъ отношеній. Онъ рѣзко возражаетъ здѣсь противъ смѣшенія понятій „государственный дѣятель“, „царь“, „хозяинъ“ и „господинъ“, доказывая, что разница въ этихъ видахъ власти кроется не въ одномъ количествѣ подвластныхъ, а въ самомъ характерѣ складывающихся отношеній. Государственная организація только вѣнчаетъ собой систему соціальныхъ отношеній, имѣющихъ въ отдѣльныхъ видахъ ихъ свои особые пути развитія и особыя, присущія имъ, цѣли. Въ „Этикѣ“, характеризуя дружбу какъ особую добродѣтель, Аристотель замѣчаетъ, что у людей, образующихъ общеніе, общее всегда есть именно то, ради чего они объединились. Государство объединяетъ людей ради ихъ общей пользы; разнаго рода частныя общенія имѣютъ въ виду также нѣкоторую пользу участниковъ. Плывущіе вмѣстѣ на кораблѣ имѣютъ цѣлью денежную или какую-либо подобную выгоду, воюющіе вмѣстѣ — или денежную выгоду, или побѣду, или завладѣніе городомъ. Экономическія отношенія разсматриваются тоже какъ особыя формы общенія, подлежащія и особому изслѣдованію. Аристотель разграничиваетъ въ нихъ съ особенной отчетливостью три вида: хозяйственныя отношенія въ предѣлахъ замкнутой семьи (ойкоса), общеніе въ имуществѣ, въ смыслѣ общаго

[1]) Ник. этика, IV, 1.

предпріятія, и общеніе между участниками въ обмѣнѣ хозяйственныхъ благъ (*κοινωνία ἀλλακτική*).

Особенностью хозяйственныхъ отношеній Аристотель считаетъ опредѣляющіе ихъ мотивы дѣлового расчета. Напр., разсуждая объ истинной дружбѣ, Аристотель противополагаетъ ей, какъ болѣе высокой формѣ общенія, основывающейся не на соображеніяхъ выгоды, — общеніе въ имуществѣ, въ которомъ дѣловые расчеты вполнѣ умѣстны. Равнымъ образомъ, необходимо отграничивать и государственное общеніе отъ хозяйственнаго. Если бы люди, составляющіе государство, объединились въ немъ ради имущественныхъ выгодъ, то для нихъ умѣстно было бы участіе въ государственной дѣятельности въ мѣрѣ ихъ владѣнія имуществомъ. Но вѣдь государство имѣетъ иную, болѣе высокую цѣль. Оно существуетъ не ради простого (матеріальнаго) существованія, а ради благой жизни[1]).

Экономическія отношенія, будучи подчиненнымъ членомъ общей системы человѣческихъ отношеній въ государственномъ союзѣ, имѣютъ свою особую закономѣрность. Но эта закономѣрность имѣетъ двоякій характеръ. Можно представить себѣ такое состояніе общественной жизни, въ которомъ нѣтъ разлада между экономической дѣятельностью и моральными требованіями, гдѣ хозяйство нашло бы себѣ мѣсто, отвѣчающее его природѣ и природѣ всего общественнаго цѣлаго. Такое состояніе было бы идеальнымъ, совершеннымъ, осуществимымъ лишь въ идеальномъ государствѣ, но, какъ было уже указано выше, Аристотель и для изслѣдованія сущаго беретъ такія гипотетическія условія, пользуется для вывода соціальной закономѣрности идеально-логическимъ типомъ человѣческаго общежитія, совпадающимъ съ желательнымъ его идеаломъ. Съ другой стороны, можно открыть извѣстную правильность и въ отношеніяхъ, рѣзко противорѣчащихъ идеальному строю общества, образующихъ отрицательный, или, какъ предпочитаетъ выражаться Аристотель, „противоестественный" идеально-логическій типъ экономическихъ отношеній.

Правильная хозяйственная дѣятельность имѣетъ цѣлью удовлетвореніе разумныхъ потребностей основной ячейки общественной организаціи — семьи или дома, ойкоса, доставляя ей все необходимое для благой жизни. Аристотель называетъ ее поэтому „частью экономіи", или „экономикой"

---

[1]) Политика, I, 1 и III, 5. Ник. Этика, XIII, 9.

(*οἰκονομική*). Это—хозяйственная дѣятельность, „согласная съ природой“ (*κτητική κατά φύσιν*), отъ которой рѣзко отличается пріобрѣтеніе, руководящееся не высшими цѣлями человѣческаго существованія, а стремленіемъ къ безграничной наживѣ, образующее цѣль въ самомъ себѣ, — дѣятельность, предпринимаемая просто ради самихъ хозяйственныхъ благъ (*χρήματα*), которую Аристотель и называетъ поэтому хрематистикой (*χρηματιστική*).

Общее же понятіе пріобрѣтенія хозяйственныхъ благъ Аристотель обозначаетъ терминомъ завладѣніе (*κτητική*), ярко характеризующимъ взглядъ философа на созданіе хозяйственныхъ цѣнностей. Хозяйственныя блага суть результатъ завладѣнія, захвата; они берутся человѣкомъ у природы или отнимаются отъ другихъ людей, при чемъ въ составъ хозяйственныхъ благъ, заготовленныхъ природой для человѣка, входятъ и люди низшей породы, отъ рожденія предназначенные къ рабству. Не производство, какъ планомѣрный процессъ, слагающійся изъ человѣческихъ усилій и пожертвованій, направленныхъ на созданіе хозяйственныхъ цѣнностей, а захватъ готовыхъ благъ (предметовъ непосредственнаго потребленія и источниковъ новыхъ хозяйственныхъ благъ), которыя природа должна доставлять человѣку, чтобы онъ могъ выполнить свое высшее назначеніе въ этомъ мірѣ, — вотъ что прежде всего интересуетъ Аристотеля въ томъ отдѣлѣ экономической науки, который въ наше время именуется производствомъ. Вся же хозяйственная дѣятельность въ нормальномъ ея теченіи распадается у Аристотеля на двѣ части: пріобрѣтеніе и пользованіе. Въ качествѣ вспомогательныхъ дѣйствій въ нее входитъ отчасти, при сложномъ строѣ хозяйства, обмѣнъ, мѣновыя же отношенія капиталистическаго типа образуютъ особую, „противоестественную“ хозяйственную организацію.

Для пониманія Аристотелевой „экономики“ необходимо имѣть въ виду, что нормальное человѣческое общежитіе (идеальный типъ государства) рисовалось ему какъ общеніе свободныхъ людей (*κοινωνία τῶν ἐλευθέρων*), гражданъ, т. е. лицъ, участвующихъ въ судѣ и управленіи. Именно совокупность такихъ лицъ, гражданъ въ истинномъ смыслѣ слова, способную къ „самодовлѣющему“ существованію, Аристотель называетъ государствомъ [1]). „Совершенное государство

---

[1]) Политика, III, 1.

блаженно и развиваетъ прекрасную дѣятельность". Его организація такова, что и каждый отдѣльный гражданинъ можетъ достигать въ немъ высшаго, доступнаго человѣку совершенства и блаженной жизни. А такъ какъ блаженства нельзя имѣть внѣ соотвѣтствующей добродѣтели, то граждане не должны вести жизнь ремесленниковъ или торговцевъ, ибо такая жизнь неблагородна и противорѣчитъ добродѣтели; не должны они заниматься и земледѣльческими работами, ибо имъ необходимъ досугъ для развитія добродѣтели и выполненія государственныхъ дѣлъ. Гражданину приличествуютъ только военная служба, участіе въ совѣтѣ о полезномъ и въ судѣ о справедливомъ. Всѣ же собственно хозяйственныя функціи возлагаются на рабовъ и неполноправныхъ жителей. Эти функціи необходимы, но нѣтъ надобности, чтобы онѣ выполнялись гражданами. Подобно другимъ сложнымъ соединеніямъ, и государство нуждается еще въ нѣкоторыхъ элементахъ, кромѣ собственно членовъ его, — элементахъ, не характерныхъ для его сущности, но безъ которыхъ обойтись нельзя. Инструментъ нуженъ мастеру, но онъ не имѣетъ ничего общаго съ его сущностью, служа ему только средствомъ для его работы. Равнымъ образомъ „государству нужно владѣніе матеріальными благами, но имущество не есть часть государства. Между тѣмъ въ составѣ имущества имѣется много одушевленныхъ существъ". Эти существа не будутъ элементами государства, отвѣчающими его сущности, „ибо государство есть общеніе равныхъ, ради возможно-наилучшей жизни" [1]).

Военно-политическія и хозяйственныя функціи въ государствѣ распредѣляются такимъ образомъ между рѣзко-отличными группами его жителей. Необходимо имѣть въ виду при этомъ, что, по ученію Аристотеля, граждане, не занимаясь хозяйственнымъ трудомъ, должны, однако, владѣть имуществомъ, а такъ какъ въ составѣ имущества значительную долю должны составлять рабы, то Аристотель удѣляетъ вопросу о рабствѣ весьма замѣтное мѣсто въ своихъ разсужденіяхъ о нормальномъ экономическомъ строѣ. Рабы образуютъ неотъемлемую принадлежность лучшаго, идеальнаго государства. Именно благодаря рабамъ граждане могутъ, освобождаясь отъ тягости хозяйственнаго труда, посвящать всѣ свои силы упражненію въ добродѣтели, стать мастерами, „деміургами добродѣтели".

---

[1]) Политика, VII, 7.

Въ пользованіи рабскимъ трудомъ Аристотель усматриваетъ осуществленіе разумной цѣли, коренящейся въ природѣ вещей. Міръ устроенъ такъ, что люди, способные стать совершенными, могутъ достигать совершенства, лишь освобождая себя отъ борьбы за матеріальное существованіе. Было бы хорошо, если бы люди располагали вполнѣ автоматическими машинами для изготовленія всего необходимаго, но такихъ машинъ нѣтъ. Зато существуютъ люди особой породы, по виду такіе же, какъ прочіе люди, но по существу отличные отъ настоящихъ людей, и ими-то и слѣдуетъ пользоваться настоящимъ людямъ, чтобы исполнить свое назначеніе въ этомъ мірѣ, стать добродѣтельными, совершенными гражданами благоустроеннаго государства. По ученію Аристотеля, рабство не только необходимо, но оно имѣетъ и высокую нравственную цѣнность, какъ средство достиженія свободными людьми своего высокаго жизненнаго назначенія. Поэтому именно совершенный домъ включаетъ въ себя рабовъ, какъ необходимый элементъ. Безъ имущества вообще нельзя жить, а тѣмъ болѣе нельзя достигать благой жизни. Рабъ, какъ наиболѣе важная часть имущества, служитъ не только орудіемъ удовлетворенія необходимыхъ потребностей семьи, но и орудіемъ ея жизни вообще. Обыкновенныя хозяйственныя орудія, напр., ткацкій челнокъ или руль корабля, „суть орудія какой-либо технической дѣятельности. Имущество же — орудіе для жизненной дѣятельности вообще. А такъ какъ техническая дѣятельность отличается по существу отъ общей дѣятельности жизни и обѣ онѣ нуждаются въ орудіяхъ, то по необходимости и орудія ихъ будутъ тѣмъ же отличаться другъ отъ друга. Жизнь есть вообще дѣятельность, а не опредѣленное техническое дѣло (*ὁ δὲ βίος πρᾶξις, οὐ ποίησίς ἐστιν*). Отсюда и рабъ служитъ въ томъ, что имѣетъ отношеніе къ общей жизненной дѣятельности“ [1]). Рабъ есть часть имущества, всецѣло принадлежащая господину, какъ всякое имущество. Не всякій по справедливости можетъ играть такую подчиненную, служебную роль въ общемъ строѣ жизни, а лишь кто предназначенъ къ этому по своей природѣ (Аристотель, подобно Платону, считалъ естественными рабами по душевнымъ качествамъ только варваровъ). Но зато кто по природѣ способенъ принадлежать другому, а не себѣ самому, будучи человѣкомъ, тотъ и есть дѣйствительно

---

[1]) Политика, I, 2.

рабъ, рабъ по природѣ. По мысли Аристотеля рабъ не можетъ имѣть самостоятельное существованіе. Внѣ жизни господина его собственная жизнь лишена смысла; присоединенная же къ жизни господина, какъ условіе нормальнаго существованія послѣдняго, она пріобрѣтаетъ крупное нравственное значеніе. Рабъ есть необходимое орудіе благой жизни свободнаго человѣка, а такъ какъ подобная жизнь возможна только въ государственномъ союзѣ, то безъ рабовъ нельзя хорошо устроить и государство. Отсюда — парадоксъ эллинскаго общественнаго идеала. О рабствѣ мечтаетъ не реакціонеръ, а соціальный реформаторъ, желающій устроить государство для высшаго блага всѣхъ его гражданъ, но только гражданъ. Рабамъ остается лишь образовать необходимый фундаментъ для общей благой государственной и индивидуальной жизни. Совершенное государство Аристотеля слагается только изъ одного класса — истинныхъ гражданъ, остальные же элементы его, не исключая и допускаемыхъ въ видѣ компромисса свободныхъ ремесленниковъ и торговцевъ, имѣютъ лишь вспомогательное значеніе для правильной жизни гражданъ. Сами граждане нивеллируются по ихъ имущественному достатку, чтобы избѣжать обычныхъ золъ дѣйствительной общественной жизни — богатства и нищеты. Государство должно стремиться болѣе всего къ тому, чтобы оно слагалось изъ людей одинаковыхъ и равныхъ (*ἐξ ἴσσων ... καὶ ὁμοίων*), а таковыми и являются „средніе“ граждане. Аристотелю рисуется типичный для эллинскаго представленія идеалъ „дворянской демократіи“, общенія людей, равныхъ другъ другу по благородству и приличной внѣшней обстановкѣ жизни, владѣющихъ землей и рабами въ количествѣ, достаточномъ для жизни человѣка, знающаго себѣ цѣну, воспитаннаго и культурнаго, пользующагося вѣсомъ и вліяніемъ въ общественной жизни. Это вовсе не „средній классъ“ въ современномъ значеніи слова, а именно верхній слой общества, возвышающійся надъ его фундаментомъ, составленнымъ изъ рабовъ и безправныхъ чужеземцевъ. Совершенное государство Аристотеля также аристократично, какъ и проекты Платона, и очень близко къ спартанскому строю. Аристотель весьма озабоченъ тѣмъ, чтобы люди верхняго слоя не перемѣшались съ низшими, чтобы они не запятнали себя неподходящей ихъ высокому призванію черной будничной работой изъ-за хлѣба насущнаго. Тамъ, гдѣ граждане унижаются до ремесленнаго труда, общественный порядокъ

устроенъ ненормально, ибо онъ низводитъ свободныхъ людей на положеніе рабовъ. Исполненіе хозяйственныхъ работъ налагаетъ одинаковую печать на трудящихся, и разница между рабами и свободными работниками лишь въ томъ, что „рабы работаютъ на одного, а ремесленники и наемные рабочіе — на все общество... Невозможно выполнять дѣла добродѣтели человѣку, живущему жизнью ремесленника или наемнаго работника“ [1]).

Двучленное дѣленіе государства чрезвычайно характерно для всего соціальнаго ученія Аристотеля. Правда, въ этихъ рамкахъ и онъ, подобно Платону, намѣчаетъ нѣкоторую систему общественнаго раздѣленія труда, но вопросъ о различныхъ профессіяхъ, необходимыхъ для правильной жизни государства, занимаетъ его сравнительно мало, отступая на второй планъ передъ отмѣченнымъ главнымъ дѣленіемъ жителей на гражданъ и не-гражданъ. Это дѣленіе имѣетъ существенное значеніе и для экономическаго ученія Аристотеля, ибо, опираясь на него, онъ могъ при анализѣ отношеній между самостоятельными хозяйственными единицами принять весьма упрощенную схему, совершенно отвлекаясь отъ труда, какъ особеннаго элемента производства.

Если вспомнить, что у Аристотеля идеально-желательный и идеально-логическій типы государства сливаются воедино, то легко понять и его теоретико-экономическую концепцію. Рабы и рабскій трудъ не суть элементы государственной жизни; граждане обезпечиваютъ ими свое существованіе, получая съ ихъ помощью полезныя матеріальныя блага, но они совершенно не интересуются трудовыми процессами, какими эти блага создаются. Поэтому при оцѣнкѣ хозяйственныхъ благъ они отвлекаются отъ условія ихъ трудового происхожденія и цѣнятъ ихъ только по ихъ назначенію, т. е. по ихъ полезности. Аристотель дѣлаетъ здѣсь смѣлый теоретическій шагъ, сходный съ позднѣйшей попыткой Рикардо упростить при изслѣдованіи цѣнности условій производства, сводя капиталъ къ труду. Аристотель сводитъ условія оцѣнки хозяйственныхъ благъ къ одной полезности, усматривая въ трудѣ раба лишь нѣсколько замедленный процессъ появленія полезной вещи въ рукахъ его господина. Исторія экономической мысли даетъ здѣсь любопытный случай вліянія односторонняго нравственнаго и соціальнаго міровоззрѣнія на

---

[1]) Политика, III, 3.

успѣхъ постановки теоретическаго изслѣдованія. Для анализа природы хозяйственной цѣнности было чрезвычайно важно упростить задачу, взять на первый разъ одну характерную сторону. Когда много вѣковъ спустя вопросъ о полезности, какъ факторѣ хозяйственной цѣнности, былъ снова выдвинутъ на первый планъ съ неменьшей остротою и односторонностью австрійской школой, изслѣдователю цѣнности приходилось насильственно отрывать изученіе отъ разсмотрѣнія условій трудового происхожденія хозяйственныхъ благъ, дѣлать рядъ оговорокъ, условныхъ допущеній, порой прямыхъ натяжекъ, чтобы спасти чистоту и логическую послѣдовательность основного разсужденія. Положеніе Аристотеля было гораздо счастливѣе. Оцѣнка хозяйственныхъ благъ по ихъ назначенію, а не происхожденію, по ихъ полезности, подсказывалась ему естественнымъ ходомъ его размышленій о природѣ человѣческаго хозяйства, гармонически сливаясь со всѣмъ его міровоззрѣніемъ. Оцѣнка хозяйственныхъ благъ представлялась ему лишь отдѣльнымъ звеномъ въ послѣдовательно развертывающейся цѣпи человѣческихъ оцѣнокъ. Поэтому вопросъ о субъективномъ характерѣ хозяйственной оцѣнки не вызывалъ у него, какъ раньше у Платона и Ксенофонта, никакихъ сомнѣній. Въ системѣ Аристотеля хозяйственныя блага поставлены въ рядъ, образуемый всякаго рода благами по нисходящимъ ступенямъ отъ высшаго блага. Естественно было считать и способъ оцѣнки хозяйственныхъ благъ сходнымъ съ оцѣнками благъ иного порядка. И здѣсь, по ученію Аристотеля, оцѣнка коренится въ психической способности производить отборъ желаемаго, предпочитать одно другому. Аристотель настолько увѣренъ въ незыблемости этого положенія, что не находитъ надобности подробно развивать его. Онъ не чувствуетъ даже особой необходимости въ проведеніи строгаго разграниченія между моральной и хозяйственной оцѣнкой, разницу между которыми онъ, видимо, сознавалъ, какъ это явствуетъ изъ нѣкоторыхъ его замѣчаній. Такъ, напр., онъ горячо протестуетъ противъ перевода отношеній высшаго порядка на матеріальные счеты. Дружеская услуга, отеческая забота, помощь въ философскихъ размышленіяхъ „не мѣряются ни на какія хозяйственныя блага, ихъ цѣнности нѣтъ равной цѣны". Цѣль, для которой хозяйственное благо служитъ средствомъ, не подлежитъ хозяйственной оцѣнкѣ. „Не одна и та же цѣнность имущества и дѣла (выполняемаго съ его помощью): имуще-

ство оцѣнивается какъ самое дорогое по его большой хозяйственной цѣнности, напр., золото, дѣло же — по его величію и красотѣ". Другое дѣло — сравненіе самихъ хозяйственныхъ благъ. Здѣсь имѣется очень простая мѣра — деньги. „Хозяйственными благами мы называемъ все, цѣнность чего измѣряется деньгами" [1]).

Всякая оцѣнка есть правильный выборъ, предпочтеніе большаго блага меньшему. При оцѣнкѣ хозяйственныхъ благъ основаніемъ для предпочтенія представляется полезность предмета, ибо хозяйственныхъ благъ люди желаютъ какъ средствъ ради какой-либо цѣли и цѣнятъ ихъ въ мѣрѣ ихъ пригодности служить ея осуществленію. Эта оцѣнка, какъ всякій выборъ, имѣетъ субъективный характеръ, а потому и хозяйственная цѣнность зиждется всегда на субъективной основѣ. Обычно Аристотель указываетъ только на общую полезность хозяйственныхъ благъ какъ основу ихъ цѣнности, но мы встрѣчаемъ у него иногда заявленія, свидѣтельствующія о желаніи глубже вглядѣться въ вопросъ. Такъ, въ „Риторикѣ", говоря о сравнительной цѣнности благъ вообще, Аристотель отмѣчаетъ, что болѣе рѣдкое, имѣющееся въ сравнительно ограниченномъ количествѣ благо цѣнится выше имѣющагося въ изобиліи, напр., золото дороже желѣза, хотя оно и менѣе полезно (въ смыслѣ общей полезности) [2]). Тѣмъ не менѣе Аристотель не формулируетъ опредѣленно этой мысли о необходимости различенія между общей полезностью вещи и полезностью конкретнаго ея количества, и въ этой части его теорія цѣнности осталась незаконченною.

Итакъ, субъективная оцѣнка хозяйственнаго блага основывается на его полезности. Какъ же устанавливается мѣновая цѣнность? Любопытно, что отграниченіе субъективной цѣнности отъ мѣновой Аристотель проводитъ всего ярче при характеристикѣ двухъ противоположныхъ укладовъ хозяйства — экономики и хрематистики. Въ самомъ дѣлѣ, что болѣе всего характерно для благъ, служащихъ предметомъ дѣятельности, основная цѣль которой безграничное накопленіе богатства? Конечно, ихъ мѣновая, а не субъективная цѣнность, не значеніе ихъ для непосредственнаго удовлетворенія потребностей ихъ владѣльца. И Аристотель съ удивительною проницательностью начинаетъ свою характеристику отрица-

---

[1]) Ник. Этика, IX, 1, 7, IV, 2, 10 и IV. 1, 2.

[2]) Риторика, I, 7.

тельнаго типа хозяйственной дѣятельности разграниченіемъ понятій субъективной и мѣновой цѣнности. „Пользованіе каждымъ предметомъ владѣнія или хозяйственнымъ благомъ бываетъ двоякое: въ обоихъ случаяхъ имъ пользуются какъ таковымъ, но не одинаково. Одно пользованіе отвѣчаетъ его назначенію, другое — нѣтъ. Напр. обувью пользуются и для того, чтобы носить ее, и для обмѣна на что-нибудь другое. И то, и другое суть формы пользованія обувью: ибо и тотъ, кто промѣниваетъ обувь нуждающемуся въ ней на деньги или за пищу, пользуется обувью, какъ обувью, но не въ ея прямомъ, присущемъ ей назначеніи, ибо она сдѣлана не ради обмѣна. То же самое бываетъ и съ другими хозяйственными благами. Всѣмъ имъ свойственно быть предметами обмѣна, который первоначально зачинался вполнѣ согласно природѣ, такъ какъ люди обладаютъ необходимыми для нихъ вещами одними въ большемъ, другими — въ меньшемъ количествѣ“ [1]).

Какъ же устанавливается оцѣнка при встрѣчѣ двухъ лицъ въ мѣновомъ оборотѣ хозяйственныхъ благъ? Человѣкъ хочетъ имѣть то, въ чемъ онъ нуждается, и ради него отдаетъ свое. Но кто устанавливаетъ цѣнность предмета, спрашиваетъ Аристотель: дающій или получающій? Повидимому, отвѣчаетъ онъ, дающій предоставляетъ это получателю, какъ говорятъ, дѣлалъ Протагоръ; онъ предоставлялъ своему ученику опредѣлить, во сколько тотъ цѣнитъ его трудъ. Такъ же надо поступать и при возвращеніи эквивалента за полученную вещь. Аристотель исходитъ здѣсь изъ соображенія, что получающій (испытывающій потребность въ предметѣ) естественно оцѣниваетъ его по этой потребности, т. е. по дѣйствительной полезности предмета, тогда какъ дающій его опредѣлялъ бы его цѣну произвольно, не испытывая въ данный моментъ потребности въ немъ.

Нельзя, однако, предоставить опредѣленіе цѣнности одному доброму желанію получающаго. Въ обмѣнѣ хозяйственныхъ благъ долженъ проявляться опредѣленный принципъ, и такъ какъ вообще принципомъ воздаянія служитъ справедливость, то и въ мѣновыхъ актахъ, поскольку они совершаются правильно, должна проявиться справедливость. Это не значитъ, что Аристотель усматриваетъ закономѣрность мѣновыхъ отношеній только въ установленіи справедливой цѣны,

[1]) Политика, I, 3.

но онъ считаетъ наиболѣе яркимъ случаемъ такой законо-мѣрности именно „воздаяніе равнымъ за равное“, т. е. мѣновые акты, совершаемые безъ какого бы то ни было давленія одной стороны на другую. Справедливый обмѣнъ совпадаетъ для него со свободой рыночныхъ отношеній и равенствомъ силъ обмѣнивающихся, гдѣ регуляторомъ обмѣна должно быть нѣчто, одинаково чувствуемое обѣими сторонами.

Выравниваніе въ обмѣнѣ, какъ видъ справедливости, Аристотель дѣлитъ на два подвида: выравниваніе въ добровольныхъ и недобровольныхъ дѣйствіяхъ, при чемъ къ добровольнымъ дѣйствіямъ онъ относитъ хозяйственныя отношенія: куплю-продажу, ссуду, поручительство, вкладъ, наемную плату, ко вторымъ — разнаго рода преступленія, влекущія за собой наказанія, какъ соотвѣтственный эквивалентъ. Здѣсь важно отмѣтить отграниченіе мѣновыхъ отношеній отъ соціальныхъ формъ распредѣленія, или противопоставленіе соціальной и экономической теоріи распредѣленія. Поскольку блага распредѣляются между людьми внѣ рыночнаго оборота, принципомъ распредѣленія берутся моменты, посторонніе хозяйству, напр. заслуги лица, его общественное положеніе. Переходъ же продуктовъ изъ однихъ рукъ въ другія при рыночномъ обмѣнѣ регулируется чисто-экономическими основаніями. Здѣсь долженъ быть обмѣнъ равныхъ хозяйственныхъ цѣнностей. Это равенство слѣдуетъ понимать не въ смыслѣ тожества, воздаянія тѣмъ же самымъ, какъ утверждали пиѳагорейцы, а въ смыслѣ пропорціональности. Государство спаивается воедино именно пропорціональнымъ воздаяніемъ. То же начало должно регулировать и рыночный обмѣнъ; потому-то, говоритъ Аристотель, храмы Харитъ и ставятъ на рынкахъ, чтобы была взаимность въ обмѣнахъ. Чтобы сдѣлать правильнымъ обмѣнъ предметовъ, имѣющихся у домостроителя и сапожника, необходимо приравнять эти предметы другъ къ другу, установивъ извѣстное отношеніе каждаго предмета къ владѣльцу другого предмета. Это уравниваніе предметовъ отношеніемъ къ лицамъ совершается сравненіемъ потребностей въ обмѣниваемыхъ предметахъ. „Если не будетъ установлено такого уравненія, то не утвердится и взаимная связь между обмѣнивающимися лицами, ибо ничто не мѣшаетъ работѣ одного быть цѣннѣе работы другого. Также и всѣ другія ремесла или искусства нельзя было бы связать другъ съ другомъ, если бы производящій не произ-

водилъ чего-либо опредѣленнаго по количеству и качеству и получающій не принималъ этого какъ именно въ такомъ количествѣ и такого качества. Ибо изъ двухъ врачей не выйдетъ взаимнаго общенія, но изъ врача и земледѣльца и вообще изъ людей разныхъ и неравныхъ. Ихъ надо, однако, приравнять. Поэтому все, что поступаетъ въ обмѣнъ, должно быть какимъ-то образомъ сравнимо. Ради этого и вошла въ оборотъ монета, которая и становится какъ бы посредникомъ: ибо она измѣряетъ все, и гдѣ избытокъ, и гдѣ недостатокъ, сколько, напр., надо дать какой-нибудь обуви за домъ или пищу. И должно быть такое же отношеніе между домостроителемъ и сапожникомъ, сколько обуви дано за домъ или пищу". Аристотель возвращается здѣсь къ своей основной мысли пропорціональнаго дѣленія: необходимо установить опредѣленное отношеніе предметовъ къ лицамъ, вымѣнивающимъ ихъ. Если такое отношеніе не установится, между ними не произойдетъ обмѣна и не будетъ общенія. А это отношеніе окажется невозможнымъ, „если у нихъ не будетъ чего-либо какимъ-нибудь образомъ равнаго. Итакъ, все должно измѣряться чѣмъ-нибудь однимъ... Этимъ поистинѣ является потребность (ἡ χρεία), которая все связываетъ воедино: если бы люди ни въ чемъ не нуждались, или неодинаково, то не было бы обмѣна, или онъ былъ бы неравный. Монета и явилась какъ бы представительницей потребности по соглашенію". При помощи такого посредника и наступаетъ уравненіе потребностей лицъ, обмѣнивающихся своими продуктами. „Какъ земледѣлецъ будетъ относиться къ сапожнику (слѣдуетъ подразумѣвать: въ смыслѣ ихъ потребностей), такъ и работа сапожника къ работѣ земледѣльца" [1]).

Мысль, что мѣновая цѣнность регулируется потребностью, т. е. полезностью вещей, Аристотель развиваетъ и дальше: „Что потребность связываетъ какъ бы въ единое цѣлое, ясно изъ того, что если бы двое не нуждались одинъ въ другомъ, ни оба вмѣстѣ, ни кто-либо одинъ изъ нихъ, то они и не совершали бы обмѣна, который бываетъ, когда кто-либо нуждается въ томъ, что другой имѣетъ, напр. когда, чтобы получить вино, вывозятъ въ обмѣнъ на него хлѣбъ. А это надо уравнять". Уравнителемъ и является нужда, потребность, совершенно явственно проступающая при непосредственной мѣнѣ одного блага на другое. Но она же служитъ

1) Ник. Этика, V, 5.

регуляторомъ и при денежномъ обмѣнѣ, какъ при немедленной покупкѣ чужого товара за деньги, вырученныя за свой товаръ, такъ и при отсрочкѣ пріобрѣтенія необходимаго чужого товара. Деньги, которыя продавецъ выручилъ за свой товаръ, будутъ у него какъ бы ручательствомъ полученія въ будущемъ необходимаго ему блага. Конечно, за этотъ срокъ можетъ наступить измѣненіе цѣнности и самихъ денегъ. „Они не могутъ всегда сохранять одинаковую цѣнность, но все же цѣнность ихъ имѣетъ тенденцію держаться тверже. Поэтому-то ими и должно все оцѣнивать, и такимъ образомъ обмѣнъ всегда останется возможнымъ. А если будетъ обмѣнъ, будетъ и общеніе. Итакъ, деньги, какъ мѣра, дѣлающая (хозяйственныя блага) соизмѣримыми, уравниваетъ ихъ. И какъ общеніе невозможно безъ обмѣна, а обмѣнъ безъ уравненія, такъ и уравненіе невозможно безъ соизмѣренія. Поистинѣ невозможно, говоритъ Аристотель, чтобы столь различные предметы стали вполнѣ соизмѣримыми, но по отношенію къ потребности это достаточно достижимо. Для этого должно быть взято нѣчто какъ единая мѣра, по условному признанію, почему оно и называется *νόμισμα*[1]) (монета). Ибо деньги дѣлаютъ все соизмѣримымъ и все мѣняется деньгами. Обозначимъ домъ черезъ *А*, десять минъ черезъ *В*, ложе — черезъ *Г*. Пусть *А* будетъ равно половинѣ *В*, если домъ стоитъ пяти минъ, т. е. такова равная цѣнности дома сумма денегъ, а ложе *Г* — одной десятой *В* (т. е. одной мины). Ясно, однако, сколькимъ ложамъ равняется домъ, — именно пяти. Ясно, что такимъ же образомъ обмѣнъ происходилъ и раньше денегъ, ибо безразлично, дать ли прямо пять ложъ вмѣсто дома, или деньгами столько, сколько стоятъ пять ложъ“ [2]).

Читатель замѣтилъ уже, что Аристотель включаетъ въ свою теорію мѣновой цѣнности, какъ органическій членъ ея, теорію цѣнности денегъ. Деньги выполняютъ въ мѣновыхъ отношеніяхъ функцію общепризнаннаго „представителя полезности“ и потому могутъ служить мѣриломъ цѣнности всѣхъ остальныхъ хозяйственныхъ благъ. Въ „Этикѣ“ Аристотель особенно подчеркиваетъ эту сторону денегъ, и хотя по всей видимости онъ подразумѣваетъ подъ *νόμισμα* монетъ, изготовленную изъ цѣннаго матеріала, онъ выдви-

---

[1]) Производное отъ *νόος*, законъ, человѣческое установленіе.

[2]) Ник. Этика, V, 5.

гаетъ въ ней на первый планъ значеніе денежнаго знака, безотносительно къ ея, такъ назыв., „внутренней“ цѣнности. Здѣсь онъ идетъ по слѣдамъ Платона, видѣвшаго въ деньгахъ также по преимуществу мѣновой знакъ. Аристотель настойчиво твердитъ читателю объ этомъ свойствѣ монеты: она — представительница потребности „по соглашенію“ (*κατὰ συνθήκην*) или по „закону“ (*νόμῳ*), а никакъ не по „природѣ“ (*φύσει*), и отъ насъ зависитъ сдѣлать ее безполезной. Связывается ли съ законнымъ и обычнымъ признаніемъ монеты какъ мѣнового знака и ея цѣнность, или она въ свою очередь находится въ зависимости отъ сообщенныхъ ей денежныхъ функцій, въ мѣрѣ ихъ выполненія, этого Аристотель не выясняетъ, и едва ли эти проблема ясно обрисовывалась ему. Онъ признавалъ, однако, за деньгами уже и въ „Этикѣ“ самостоятельную цѣнность, повидимому, въ связи съ цѣнностью матеріала, изъ котораго онѣ изготовлены. На это указываетъ его разсужденіе о возможномъ, съ теченіемъ времени, измѣненіи въ цѣнности монеты, безъ измѣненія ея прежняго характера и наименованія.

Вопросъ о самостоятельной цѣнности денегъ, независимо отъ ихъ денежныхъ функцій, а въ связи съ хозяйственнымъ значеніемъ матеріала, изъ котораго онѣ изготовлены, гораздо опредѣленнѣе выясняется Аристотелемъ въ „Политикѣ“. Еще Платонъ совершенно отчетливо сознавалъ, что, оставаясь мѣновымъ знакомъ, платежнымъ средствомъ и орудіемъ обращеній, деньги могутъ имѣть различный характеръ, смотря по тому, будутъ ли онѣ созданы изъ цѣннаго матеріала, или нѣтъ. Для первыхъ онъ отводилъ болѣе широкій кругъ примѣненія („международныя деньги“), вторыя считалъ способными функціонировать только въ замкнутомъ кругу выпустившаго ихъ государства. Аристотель, который обычно подхватываетъ и анализируетъ дальше мысли, высказанныя Платономъ, на этотъ разъ не даетъ достаточной разработки вопроса о различныхъ видахъ денегъ, оставляя недостаточно выясненнымъ и тѣсно связанный съ нимъ общій вопросъ о природѣ, функціяхъ и цѣнности денегъ. Въ знаменитомъ очеркѣ происхожденія денегъ Аристотель самымъ ходомъ изложенія вынужденъ былъ признать отборъ денегъ изъ употреблявшихся уже хозяйственныхъ благъ, обычныхъ предметовъ оборота. Указавъ, что вначалѣ люди обмѣнивали непосредственно имѣющіеся у нихъ товары, напр. вино на хлѣбъ, Аристотель отмѣчаетъ, что изъ такой мѣны ло-

гически естественно развился и денежный обмѣнъ. Потребность въ деньгахъ возникла потому, что изъ предметовъ, необходимыхъ по природѣ, не каждый удобопереносимъ. Поэтому согласились для облегченія обмѣна давать и принимать другъ отъ друга нѣчто такое, что, будучи само по себѣ полезнымъ предметомъ, имѣло бы общедоступную (широко чувствуемую) полезность для жизни, какъ, напр., желѣзо, серебро и т. п. Сначала просто (въ каждомъ случаѣ) опредѣляли ихъ размѣръ и вѣсъ, и наконецъ на нихъ стали налагать знакъ (штемпель), чтобы освободиться отъ (постояннаго) взвѣшиванія ихъ, ибо этотъ знакъ указывалъ уже ихъ количество". Деньги у Аристотеля и здѣсь попрежнему — орудіе обращенія, созданное сознательно, соглашеніемъ людей, ради устраненія неудобствъ непосредственной мѣны. Но указывая, какіе же именно предметы избирались въ качествѣ матеріала для денегъ, Аристотель опредѣленно заявляетъ, что это каждый разъ было нѣчто само по себѣ полезное (*ὅ τῶν χρησίμων αὐτὸ ὄν*) и даже не просто полезное, а особенно требуемое въ жизни, особенно ходкіе предметы, какъ напр. металлы. Такіе предметы должны были имѣть свою собственную, „внутреннюю" цѣнность, которую оставалось лишь опредѣлить взвѣшиваніемъ. И даже тогда, когда на нихъ сталъ налагаться штемпель, этотъ знакъ не произвольно намѣчалъ ихъ цѣнность, а указывалъ на дѣйствительное содержаніе металла (*τοῦ ποσοῦ σημεῖον*), которое и опредѣляло цѣнность такой монеты какъ орудія обращенія. Тѣмъ не менѣе и здѣсь, только что отмѣтивъ цѣнность денегъ внѣ ихъ функціи орудія обращенія, Аристотель спѣшитъ напомнить читателю свою любимую мысль, что въ сущности деньги „звукъ пустой". Характеризуя развитіе торговли и возникающаго съ нею стремленія къ безпредѣльной наживѣ, быть можетъ, для того, чтобы рѣзче оттѣнить не только безнравственность, но и неразумность, нецѣлесообразность такого стремленія, Аристотель говоритъ: „иногда, наоборотъ, деньги кажутся пустымъ звукомъ (имѣющими силу) всецѣло по закону, а не по природѣ, ибо если пользующіеся ими замѣнятъ ихъ (другимъ видомъ денегъ), то онѣ потеряютъ всякую цѣнность, станутъ совершенно безполезны для полученія (въ обмѣнъ на нихъ) чего-либо необходимаго, и человѣкъ, богатый деньгами, часто не добудетъ себѣ необходимаго пропитанія". Такое богатство было бы совершенно безсмысленнымъ, и обладающій имъ могъ бы погибнуть отъ го-

лода, подобно Мидасу, у котораго отъ жадности къ обогащенію всѣ предлагаемыя ему кушанья превращались въ золото". Аристотель не ставитъ вопроса, почему никто не сталъ бы брать золота, послѣ того какъ оно было лишено денежныхъ функцій. Онъ, видимо, не вдумался въ эту сторону дѣла и, желая подчеркнуть, что излишняя погоня за золотомъ безцѣльна съ точки зрѣнія правильнаго жизненнаго строительства, что деньги не могутъ замѣнить собой всего необходимаго, вымѣниваемаго на нихъ, формулировалъ эту вѣрную мысль съ чрезмѣрной односторонностью, умѣстной только по отношенію къ деньгамъ, какъ знаку, какъ условному, признанному и оберегаемому закономъ орудію обращенія, не имѣющему иной основы цѣнности, а никакъ не къ золотымъ деньгамъ, т. е. деньгамъ, изготовленнымъ изъ цѣннаго матеріала. Подойдя къ разграниченію цѣнности денегъ, вытекающей изъ ихъ функціи орудія обращенія и цѣнности ихъ, обусловленной пригодностью ихъ матеріала для иныхъ потребностей, онъ не провелъ этого разграниченія до конца и не связалъ съ ними соотвѣтствующихъ видовъ самихъ денегъ (деньги изъ цѣннаго матеріала и деньги только какъ знакъ, случаи примѣненія которыхъ были, однако, у него передъ глазами и съ проектомъ которыхъ въ Платоновыхъ „Законахъ" онъ не могъ не быть знакомъ). Взявъ для примѣра золотыя деньги (миѳъ о Мидасѣ), онъ впалъ въ противорѣчіе съ основной мыслью всего разсужденія въ цитированномъ выше мѣстѣ „Политики".

Каковы бы ни были, однако, недостатки денежной теоріи Аристотеля, нельзя не признать поразительной не только его глубокую и мастерскую характеристику процесса происхожденія денегъ (въ которой, кстати сказать, слѣдуетъ видѣть не изображеніе дѣйствительнаго историческаго процесса, а лишь его „идеальную" схему), но и постановку проблемы цѣнности денегъ, параллель которой не легко найти даже у новѣйшихъ экономистовъ-теоретиковъ. Пожалуй болѣе всего похожа на нее постановка этой проблемы у Маркса, при чемъ любопытно, что рѣшеніе ея дается Марксомъ въ противоположномъ смыслѣ, и что Марксъ совершенно не видитъ рѣшенія, предлагаемаго Аристотелемъ, хотя и разбираетъ довольно подробно его денежную теорію [1]). Что каса-

[1]) См. К. Марксъ. Критика нѣкоторыхъ положеній политической экономіи, М. 1896, стр. 17, 42, 91, 112, и Капиталъ, т. I, Спб. 1898, стр. 24—25.

ется проскальзывающаго въ разсужденіи Аристотеля взгляда на деньги какъ на измѣритель цѣны, опредѣляющій точно, передъ совершеніемъ мѣновой сдѣлки, сравнительныя количества цѣнностной субстанціи, заключенной въ обмѣниваемыхъ товарахъ, то справедливость требуетъ признать, что этотъ взглядъ выраженъ у Аристотеля далеко не съ такой прямолинейностью, какъ у Маркса, и допускаетъ и иное, болѣе широкое толкованіе. Вѣдь Аристотель говоритъ о равенствѣ въ обмѣнѣ не въ смыслѣ равенства цѣнностной субстанціи вещей, а въ смыслѣ соглашенія контрагентовъ, производимаго добровольно, безъ всякаго давленія ни съ той, ни съ другой стороны, потому что каждая сторона находитъ въ данномъ соотношеніи количествъ обмѣниваемыхъ предметовъ одинаковое удовлетвореніе ея потребности. Это далеко не то, что уравненіе по количеству овеществленнаго въ обмѣниваемыхъ товарахъ абстрактнаго человѣческаго труда, содержащагося, по предположенію, въ равной мѣрѣ и въ суммѣ денегъ, служащей посредникомъ при обмѣнѣ [1]). Мысль Аристотеля гораздо сложнѣе. Но недоговоренность его теоріи денегъ оставляетъ неясной позицію, которую онъ занялъ бы въ этомъ вопросѣ, если бы онъ отчетливо сталъ передъ нимъ.

Ученіемъ о деньгахъ Аристотель замыкаетъ кругъ теоретической экономіи, относящейся къ положительному типу хозяйства, *κτητικὴ κατὰ φύσιν*, гдѣ отношенія между главами хозяйствъ основываются на принципѣ справедливости, замѣнявшемъ Аристотелю методологически гипотезу свободной конкуренціи позднѣйшихъ экономистовъ. Однако, теорія обмѣна непосредственно приводитъ и къ анализу хозяйственныхъ отношеній отрицательнаго типа — „хрематистики“, гдѣ все съ начала и до конца строится на обмѣнѣ.

Если экономика имѣетъ въ виду прежде всего удовлетвореніе потребностей, образуя дѣятельность, согласную съ истиннымъ назначеніемъ человѣка и окружающаго его міра (ибо по ученію Аристотеля въ природѣ все цѣлесообразно, и растенія и животныя, а также люди, предназначенные къ рабству, существуютъ не сами по себѣ, а ради настоящихъ людей), то хрематистика, наоборотъ, ставитъ себѣ единственную и вполнѣ „противоестественную“ цѣль: накопленіе денегъ ради денегъ, вообще стяжаніе матеріальныхъ благъ,

---

1) Ср. статью Менгера „Geld“ въ Handw. d. Staatswiss., IV, стр. 582—583.

безотносительно къ тому, нужны ли они для удовлетворенія разумныхъ потребностей, или нѣтъ. Не имѣя ограничивающей ее болѣе высокой цѣли, хрематистика по существу безпредѣльна и какъ таковая образуетъ совершенно особый видъ пріобрѣтенія хозяйственныхъ благъ. Она развилась незамѣтными переходами изъ отвѣчающаго нормальнымъ потребностямъ людей мѣнового оборота. Именно, послѣ того какъ деньги возникли ради потребности въ необходимомъ обмѣнѣ, развилась торговая дѣятельность (*τὸ καπηλικόν*), какъ спеціальное занятіе, которое велось сначала примитивно, затѣмъ было технически усовершенствовано при помощи нѣкоторой опытности, указывавшей, откуда и какимъ образомъ, посредствомъ какихъ изворотовъ можно получить наибольшій барышъ. Сущность хрематистики — „дѣлать деньги“ (*ποιητική γὰϱ τοῦ πλούτου κνί χϱημάτψγ*). Это противоестественно, ибо всякая дѣятельность, согласная съ природой, имѣетъ свой предѣлъ въ ея конечной, разумной цѣли. Цѣль можетъ быть безпредѣльна, а средства достиженія ея должны имѣть предѣлъ. Въ врачеваніи напр. безпредѣльно доставляемое имъ благо — здоровье человѣка. Средства же, употребляемыя для достиженія этой цѣли, имѣютъ въ ней свой предѣлъ. Въ хрематистикѣ цѣль и средства слиты въ одно, и потому тамъ богатство, которое, какъ средство для человѣческой жизни вообще, должно было бы находить себѣ предѣлъ въ высшихъ цѣляхъ этой жизни, оказывается, наоборотъ, само безпредѣльнымъ, ибо оно признается уже не средствомъ, а цѣлью. Причина заблужденія людей, вступающихъ на путь такого безпредѣльнаго стяжанія, указываетъ Аристотель, заключается въ томъ, что они хлопочутъ только о жизни, но не о благой жизни. Но вѣдь жажда жизни безпредѣльна, и люди, охваченные ею, не знаютъ границъ въ творчествѣ средствъ для нея. Даже люди, стремящіеся къ благой жизни, могутъ увлечься соблазномъ физическихъ наслажденій, и тогда и они невольно начинаютъ гоняться за матеріальными выгодами, ибо погоня за наслажденіями заслоняетъ для нихъ истинную цѣль жизни, становится на мѣсто ея, какъ единственная цѣль, ради которой всѣ средства оказываются нужными и дозволенными. При нормальномъ веденіи хозяйства человѣкъ занятъ тѣмъ, что добываетъ себѣ средства къ жизни изъ окружающей его естественной среды — растительнаго и животнаго царства (включая сюда и войну, какъ охоту на людей, предназначенныхъ къ рабской долѣ), ибо

природа должна доставлять человѣку средства существованія. При хрематистикѣ же цѣлью хозяйства становится пріобрѣтеніе денегъ посредствомъ мѣновыхъ операцій, наживы за счетъ другихъ людей. Всего болѣе извращается истинная цѣль хозяйства, когда источникомъ пріобрѣтенія денегъ являются деньги т. е. при ростовщичествѣ, ибо дающій ссуду используетъ деньги вовсе не ради тѣхъ цѣлей, для которыхъ онѣ назначены по ихъ природѣ. „Ибо деньги созданы для того, чтобы быть орудіемъ обмѣна, взиманіе же процентовъ увеличиваетъ количество самыхъ денегъ.. Отсюда и его названіе (*τόκος*, что буквально значитъ порожденіе): какъ порожденія похожи на родившихъ ихъ, такъ и проценты родятся — деньги изъ денегъ. Этотъ видъ хрематистики, заключаетъ Аристотель, болѣе всего противенъ природѣ [1]).

Такой взглядъ на кредитныя отношенія смущалъ многихъ комментаторовъ Аристотеля. Но принимая въ соображеніе его общую точку зрѣнія на задачи человѣческаго хозяйства, не трудно понять, что по-своему онъ былъ правъ. Можно пожалѣть, что Аристотель не пожелалъ глубже вдуматься въ вопросъ о роли кредита въ извѣстныхъ условіяхъ хозяйственной жизни, но нельзя не признать, что въ рамкахъ своей общей экономической теоріи Аристотель не могъ дать иного отвѣта. Кредитная монополія, движимая стремленіемъ къ безпредѣльной наживѣ, правильно представлялась ему злоупотребленіемъ денежными функціями, направленіемъ работы денегъ на ложный путь, не отвѣчающій ихъ прямому назначенію быть честнымъ посредникомъ въ обмѣнѣ полезностями. Любопытно, что къ монополіямъ другого рода Аристотель относится съ меньшимъ осужденіемъ, усматривая въ дѣятельности ловкихъ спекулянтовъ особый даръ прозорливости, напр. въ извѣстномъ разсказѣ о Θалесѣ Милетскомъ, который нажилъ большія деньги предвидѣніемъ, по астрономическимъ даннымъ, урожая оливокъ. Для насъ разсужденія Аристотеля о хрематистикѣ представляютъ интересъ, главнымъ образомъ, какъ свидѣтельство о ясномъ пониманіи основъ стараго и нарождавшагося новаго хозяйственнаго строя. Аристотель сумѣлъ понять сущность развивавшихся отношеній мѣнового хозяйства; онъ постигъ духъ капитализма въ его непрестанной погонѣ за прибылью ради прибыли, и нѣтъ ничего удивительнаго,

[1]) Политика, I, 3.

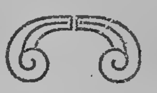
что онъ сурово осудилъ его съ высоты своего нравственнаго идеала.

Такова теоретическая экономія Аристотеля. Главную часть ея, какъ было показано, образуетъ изслѣдованіе положительнаго типа хозяйственной организаціи, сливающееся съ моральнымъ ученіемъ. Противъ такого сліянія было высказано много возраженій, но именно при методологическихъ допущеніяхъ Аристотеля оно представляется вполнѣ умѣстнымъ. Вѣдь если мы возьмемъ для теоретическаго изученія идеально-логическій типъ общества, составленнаго изъ людей, руководящихся во всѣхъ формахъ своей дѣятельности принятымъ ими и обязывающимъ ихъ нравственнымъ идеаломъ, то при такомъ допущеніи намъ придется ставить ихъ хозяйственные мотивы и хозяйственныя дѣйствія въ прямую зависимость отъ ихъ моральныхъ оцѣнокъ. Методъ Аристотеля пригодился бы и для современныхъ теоретическихъ построеній, и мы постоянно встрѣчаемъ у экономистовъ самыхъ различныхъ направленій стремленіе (не всегда, впрочемъ, ясно сознаваемое) разрабатывать проблемы теоретической экономіи именно въ этомъ направленіи.

Вообще болѣе внимательное отношеніе къ экономическимъ идеямъ древнихъ, въ особенности же къ ученію Аристотеля, можетъ дать благотворные результаты какъ въ разработкѣ теоретическихъ проблемъ, такъ и въ пониманіи историческаго движенія экономической мысли. Важно понять, что греки оставили намъ не отдѣльныя, болѣе или менѣе счастливыя мысли по нѣкоторымъ экономическимъ вопросамъ, а глубоко продуманную и логически цѣльную теоретическую систему. Греки создали достаточно законченную теоретическую экономію, вполнѣ послѣдовательно (съ ихъ точки зрѣнія) оріентирующуюся по потребленію, съ идеей полезности какъ основнымъ, руководящимъ принципомъ. Не любопытно ли, что на зарѣ систематическаго раздумья подъ экономическими проблемами былъ уже съ полной ясностью сознанъ субъективный характеръ хозяйственной оцѣнки, при чемъ основаніемъ ея выдвигались полезность и ограниченность запаса хозяйственныхъ благъ? Тѣ крупныя проблемы теоретической экономіи, которыя такъ недавно были выдвинуты въ противовѣсъ идеямъ англійской школы политической экономіи Смита и Рикардо, оріентированной по производству, — оказываются осознанными и отчасти рѣшенными уже научной работой греческой философ-

ской мысли. Историку экономическихъ ученій открывается при такомъ пониманіи много новаго и неожиданнаго въ научной работѣ отдаленныхъ эпохъ, и онъ будетъ искать слѣдовъ вліянія столь стройной экономической системы на послѣдующія теоріи (эпохи ренессанса идей древнихъ!), а съ другой стороны, быть можетъ, ему удастся найти ключъ къ инымъ экономическимъ ученіямъ, входящимъ въ составъ иныхъ философскихъ міровоззрѣній. Вотъ почему именно при пересмотрѣ самой проблемы исторіи экономической мысли, въ постановкѣ новыхъ задачъ научному изслѣдованію въ этой — пока мало еще разработанной области особенно важно внимательно приглядѣться къ ученіямъ древнихъ и, конечно, болѣе всего къ самому разработанному и цѣльному изъ нихъ — ученію Аристотеля.

В. Желѣзновъ.

* * *

Не умолкай! Пусть въ сумракѣ глубокомъ,
Какъ колоколъ, призывно льется рѣчь.
Пусть рвется вдаль стремительнымъ потокомъ,
Чтобъ въ новый міръ меня увлечь.

Какъ въ чудномъ снѣ, сквозь пламенные звуки
Твоихъ рѣчей мечта моя плыветъ.
И ночь свѣтла, и позабылись муки,
И смолкнулъ времени полетъ.

Не умолкай. Еще одно усилье, —
И я пойму, зачѣмъ мнѣ жизнь дана,
Зачѣмъ въ душѣ, покрытой жизни пылью,
Святая искра зажжена.

Не наноси удара сновидѣнью!
Дай просвѣтлѣть огнемъ живой мечты,
Сказавъ, какъ Фаустъ, бѣгущему мгновенью:
„Остановись, прекрасно ты!“

Зинаида Тулубъ.

* * *

Небо и солнце. Солнце и небо.
Синій, безбрежный просторъ.
Снова на югъ мой измѣнчивый жребій
Кинулъ меня среди горъ.

Горы печальны, угрюмы и сѣры...
Степи грустятъ о веснѣ
Солнца и неба безъ края, безъ мѣры
Въ этой пустынной странѣ.

Грѣюсь на солнцѣ безъ воли, безъ мысли,
Рада я солнцу, какъ звѣрь,
Мимо проходятъ дни, мѣсяцы, числа,
Въ вѣчность раскрылася дверь.

Все утопаетъ въ безбрежности синей
Можетъ быть, времени нѣтъ,
Есть только солнце. Безмолвье пустыни.
Есть только небо и свѣтъ.

Екатерина Бунге.

БАРСКІЙ ОБРЫВЪ.

Давно уже мы ѣдемъ... Хотя и не очень рано выѣхали, все-таки еще кое-гдѣ надъ оврагами и на низкихъ мѣстахъ стоялъ туманъ, солнышко еще въ росѣ купалось — только что изъ села скотъ на пастбище выгнали...

А теперь уже и до полудня недалеко... Устали кони, да какъ-то и мы устали, распарились. Дорога все одна и та же — степь и степь; нѣтъ ни рѣчки, ни порядочной балки. Хлѣба уже убраны, кое-гдѣ только видишь еще возъ: пара воловъ сопятъ и тянутъ Божье добро домой; человѣкъ впереди воза за волами идетъ, трубку смокчетъ... Поздороваешься, скажешь ему: „Богъ на помощь!" — и снова та же самая прямая дорога, снова степь, пахатное поле, борозда кое-гдѣ зачернѣетъ, выгонъ и чертополохъ на немъ.

Степь да солнце... горячее, ясное — глаза закрываются, слипаются, весь ты точно вываренный, начинаешь дремать... Проснешься, раскроешь глаза, — снова степь и солнце!

И возницу нашего распарило. Сидитъ на козлахъ и спитъ. Сначала все покрикивалъ на лошадей, а теперь голова его поникла, руки свѣсились, армякъ на немъ и тотъ обвисъ, будто на крючокъ повѣшенный, а кнутъ за колесомъ тянется, точно змѣиный хвостъ, когда ёжъ ее за голову схватитъ и „къ дѣтямъ волочитъ".

А вотъ кони и совсѣмъ стали... Спитъ нашъ возница, стоятъ кони, понурившп головы, звенитъ что-то на скошенномъ полѣ, жаворонокъ поетъ, солнце сіяетъ... Тихо въ степи, тихо на душѣ...

Разбудили мы нашего возницу, едва пришелъ въ сознаніе человѣкъ, крикнулъ на коней, поглядѣлъ на солнце, почесалъ затылокъ, снялъ армякъ, подмостилъ подъ себя.

И снова заснулъ... снова потихоньку едва тянутъ кони по дорогѣ, снова пыль изъ-подъ колесъ подымается, будто нехотя за бричкой и такъ и стоитъ вся въ красномъ золотѣ.. Солнце все сіяетъ, глаза слѣпитъ, все грѣетъ и печетъ такъ

что не знаешь, какимъ бокомъ къ нему повернуться... Хоть бы вѣтерокъ подулъ!..

— Ну ужъ и „Барскій обрывъ“, чтобъ ему! почесался мой товарищъ, — говорятъ, что къ нему двадцать верстъ, а тутъ и всѣ сорокъ будутъ...

— Гм! — отзываюсь я, такъ какъ мнѣ и разговаривать уже трудно. — Лечь бы спать, если бы было можно какъ-нибудь...

— И отчего онъ называется „Барскимъ“ этотъ обрывъ? — допытывается товарищъ, — никакихъ баръ тамъ нѣтъ, а барскій. Развѣ, можетъ быть, оттого, что бары, какъ ѣдутъ туда, такъ очень бранятся, что далеко?

Усмѣхнулся нашъ возница, обернулся къ намъ.

— Извините! Бары вы или люди, — не разберу, какъ васъ величать... Если хотите, я разскажу вамъ, отчего онъ „Барскимъ“ этотъ обрывъ называется. Тогда я еще маленькимъ мальчикомъ былъ, когда это случилось, — еще во время крѣпостного права было это...

А мы съ товарищемъ и рады, просимъ, чтобъ разсказалъ.

— Жилъ здѣсь, видите ли, баринъ, — да еще и большой баринъ... Вся земля, сколько вы тутъ видите, вся его была. И называлось это село какъ-то иначе, не „Барскій обрывъ“... забылъ я какъ... Приближалась уже воля... Баринъ одинъ себѣ жилъ съ дочерью. Вдовый былъ. А дочь его только годъ назадъ тому къ нему пріѣхала, а то гдѣ-то училась. Хорошенькая такая, бѣленькая, ловконькая, проворная... Баринъ былъ уже порядочно старый, да еще и болѣлъ, а дочь, какъ огонь. Цѣлый день скачетъ то въ саду, то въ домѣ, то на лугу, на рѣчкѣ, въ лѣсу, — куда ни пойдешь, ужъ гдѣ-нибудь да слышишь ее — или поетъ или съ деревенскими дѣвушками забавляется, болтаетъ, смѣется. Молода...

А баринъ мрачный да сердитый. Боялись его люди, какъ смерти, потому что очень ужъ онъ ихъ билъ. Раньше билъ за какую-нибудь провинность, а то такъ стало, что хоть не попадайся къ нему на глаза, онъ найдетъ уже за что „на конюшню“ послать. Никакъ нельзя было угодить ему... Да правду сказать и люди таки были злы на него: уже слышно, что скоро и воля будетъ, всѣхъ крѣпостныхъ у господъ отберутъ, а онъ все больше и больше издѣвается... Были такіе, что на зло ему дѣлали мерзости, чтобы понималъ, что не очень уже мы его боимся, недолго ему уже издѣваться надъ нами... Ну, конечно, онъ еще сильнѣе бѣсился... Стало такъ, что какъ начнется день, то и барскій крикъ и ругань начи-

нается, а розги, чуть не возами „на ригу“ везятъ, чуть не всю лозу повырѣзали...

„На ригу“ потому, что уже „на конюшню“ не было воли старику: узнала наша барышня, что творится, разспросила дѣвушекъ, когда увидѣла, какъ онѣ за отцами плачутъ — и до старика:

„Папочка“ да „родненькій“, не знаю уже, какъ она тамъ говорила, а таки утихомирила отца... День-два не было слышно крику „на конюшнѣ“, а тамъ снова пошло... только старикъ надумался — и уже не „на конюшню“, а „на ригу“ посылаетъ... Ну, а дѣвушки тотчасъ къ барышнѣ. Она опять къ отцу, — и такъ пошло, что какъ старикъ кого „на ригу“ пошлетъ, то и прячется, отъ дочери убѣгаетъ, потому что она вымолитъ, выпроситъ, руки цѣлуя, слезами обливаясь...

Вотъ разъ побѣжала она „на ригу“ бросилась на шею къ отцу, обнимаетъ, цѣлуетъ его, проситъ, чтобъ освободилъ человѣка. И вырвались у нея такія слова:

— Папочка, они же такіе люди, какъ и мы съ вами, они же вольными будутъ!..

Какъ только сказала это, точно раскаленнымъ желѣзомъ обожгла стараго. Вскрикнувъ, какъ безумный:

— Что? Какъ ты сказала? Они, какъ мы? Вольными будутъ?

Посинѣлъ, глаза кровью налились, кулаки поднялъ на дочь наступаетъ:

— Что ты сказала? Вольные? Эй, — крикнулъ сразу со всѣхъ силъ, — а принесите-ка сюда нагайку — пусть эта дѣвица сама увидитъ, какіе вы вольные!..

Дочь опять къ отцу, за руки хватаетъ, — онъ такъ ее оттолкнулъ, что она упала. Поднялась и за ноги отца схватила, ноги цѣлуетъ:

— Отецъ мой, голубчикъ мой, — не губи своей души, — самъ же будешь раскаиваться, что людей ни за что мучишь.., Папочка, развѣ ты палачъ какой-нибудь? Ты же, папа, мой милый, прошу тебя, папочка!..

Не слышитъ, не видитъ старый, — реветъ, какъ безумный, чтобы скорѣе нагайку несли... Принесли...

Увидѣла ее барышня, какъ кошка прыгнула, выхватила ее, а отецъ за нею, схватилъ за шею, нагайку вырываетъ. Обомлѣла дѣвушка...

Утихъ тогда старикъ, кинулъ нагайку мальчику такъ, въ лицо, что зубъ выбилъ, — и понесъ дочку въ домъ.

Давно это было — я маленькимъ мальчикомъ тогда былъ за ригой тоже стоялъ, такъ какъ это моего отца собирались бить. А и до сихъ поръ, какъ приснится это, то такъ плачу, что всѣхъ поразбужу...

Онъ обернулся къ намъ. Глаза — полные слезъ, а въ нихъ отражаются давнія, злыя времена, которыя точно туманомъ застлали очи, нагнули голову; печалью и тоской, какъ горькой полынью легли на сердце.

Минулось... а все еще опущена голова, до сихъ поръ согнута спина, — несетъ кару крѣпостническихъ слезъ, исковерканной доли...

— О чемъ это я говорилъ?.. Да, вотъ видите, и забылъ!..

Онъ потянулъ руку къ затылку, по дорогѣ почему-то задержалъ рукавъ возлѣ глазъ, снялъ шапку и снова почесался, точно оно тамъ въ затылкѣ и сидѣло то, что онъ забылъ.

— Да-а! Вотъ она и есть „Барская пропасть". Смотрите, виднѣется вдали:

Мы посмотрѣли, куда онъ показывалъ кнутомъ. Дѣйствительно, на горизонтѣ что-то едва виднѣлось, точно небольшая тучка синѣла.

— Вѣрно, далеко еще? — спрашиваемъ.

— Да еще далеко. Верстъ, можетъ, семь, если не больше...

— Такъ вотъ о „Барскомъ обрывѣ"... Вотъ видите, какой у насъ баринъ былъ и что день — все больше свирѣпѣлъ, все страшнѣй становился... Уже, бывало, барышня ничего съ нимъ не подѣлаетъ. Плачетъ, бѣдняжка, — старый будто только этого и боялся... Какъ она заплачетъ, то онъ или дверь такъ захлопнетъ, что она съ петель сорвется, или столъ какой перевернетъ, а уже чѣмъ ни на есть, да потѣшитъ себя. Хоть за вихри мальчика схватитъ, хоть въ затылокъ кому дастъ... Совсѣмъ ошалѣлъ...

Только слышимъ заболѣлъ онъ, ослабѣлъ. По правдѣ сказать, обрадовались всѣ. Авось умретъ... Сестра его жены, Царствіе ей небесное, не далеко здѣсь замужемъ была, верстъ тридцать отъ „Обрыва" жила себѣ. Вотъ она и пріѣхала, когда баринъ заболѣлъ, ухаживала за нимъ съ барышней, а когда онъ немного оправился, такъ и къ себѣ повезла. Немного погодя, слышимъ — баринъ куда-то въ чужіе края уѣхалъ, говорили, лѣчиться. Барышня у тетки осталась. Въ „Барскомъ обрывѣ" не было никого, кромѣ прислуги. Тогда было хорошо... А тутъ и воля наближаться стала — каждый день

о ней слышимъ, всѣ говорятъ, что вотъ-вотъ освободятъ всѣхъ крѣпостныхъ... Если бы баринъ въ это время въ „Барскомъ обрывѣ“ былъ, то кто знаетъ, чтобы это было... Но было уже не до его битья...

Вотъ и освободили насъ. Пріѣхалъ и посредникъ, барчукъ сосѣдній, такой привѣтливый — всѣмъ „вы“ говоритъ, какъ барамъ...

— Нужно, — говоритъ — стараго барина дожидаться, тогда обсудимъ за землю...

Каждый день, какъ вечеръ, собираемся мы и разсуждаемъ, какъ-то оно будетъ... Парни наши — да и я съ ними — туда же — чуть было не сожгли ригу и конюшню, спасибо отцы наши о нашей барышнѣ напомнили, за что ея добру погибать?..

Какъ-то такъ вечеркомъ, сидимъ мы возлѣ мельницы, слышимъ по дорогѣ кто-то ѣдетъ, колокольчикъ звенитъ, колеса стучатъ. А это баринъ съ барышней. Вернулся — поправился таки... Ѣдетъ, на насъ не смотритъ, а барышня сердечная, едва изъ брички не падаетъ, кланяется, веселая да радостная.

День-другой, недѣлю — сидитъ баринъ въ комнатахъ, никого къ нему не пускаютъ и самъ никуда не выходитъ. А намъ уже невтерпежъ — какъ-то оно все обойдется!..

Посылали дѣвушекъ къ барышнѣ спросить, что будетъ съ нашимъ дѣломъ?

— Ничего, — говоритъ, — не знаю — отецъ и слушать о волѣ не хочетъ.

— Вотъ какъ! Какъ же быть?

— Не знаю, — говоритъ... — Развѣ обождите! Напишу я господину посреднику, быть можетъ, онъ съ отцомъ поговоритъ...

Посредникъ въ томъ же селѣ жилъ, что и тетка ея, каждый день у нея бывалъ, и барышня хорошо уже знала, что добрый и умный человѣкъ онъ былъ.

Помчался верховой къ теткѣ, къ посреднику. А тутъ слышимъ и такое: какъ-то послѣ обѣда осмѣлилась барышня и спрашиваетъ отца о волѣ.

Какъ закричитъ отецъ на нее:

— Нагайками, — говоритъ — дамъ я имъ волю. И они мои, и земля моя. Пусть приходятъ они сами ко мнѣ за волею. Развѣ у насъ уже розокъ нѣтъ?.. Ружьемъ, говоритъ, покажу имъ, что такое воля!..

Дѣвушки поперепугались, поразбѣжались, не слышали что ему отвѣтила барышня и что тамъ было За ужиномъ, говорятъ, былъ весь синій, дрожалъ.

Возвратился парень отъ тетки, привезъ письмо барышнѣ. Пишутъ, говоритъ, что на этой недѣлѣ посредникъ пріѣдетъ.

Вотъ и пріѣхалъ. Чуть не все село потянулось, чтобы лечь подъ окнами, въ сѣняхъ, забраться въ дѣвичью, чтобы поскорѣе услышать, какъ баринъ будетъ съ посредникомъ о волѣ говорить...

Посредника угощаютъ. Обѣдаютъ, потомъ въ садъ на крыльцо вынесли имъ вина, чаю, всякихъ лакомствъ. Разговариваютъ о сосѣдяхъ, о музыкѣ, о чужихъ краяхъ разсказываютъ. А подъ крыльцомъ чуть не двадцать душъ лежитъ, дохнуть боятся...

Вотъ слышатъ люди, господа на крыльцѣ какъ-то замолкли... Тогда посредникъ и говоритъ:

— А я, — говоритъ, — еще и дѣло имѣю къ вамъ...

— Какое дѣло? — спрашиваетъ старый такимъ голосомъ, точно подавился.

— Да вотъ нужно намъ съ вами уставную грамоту писать — всѣ сосѣди уже кончили...

— Какую это такую уставную грамоту? — спрашиваетъ старый, да такъ тихо, едва слышно.

Тихо стало на крыльцѣ, такъ тихо, что чуть не слышно, какъ дышатъ тѣ, что подъ нимъ лежатъ...

— Слушайте, молодой человѣкъ, — поднялся старый съ мѣста, — зачѣмъ намъ съ вами въ прятки играть: ничего изъ этого дѣла не будетъ. Если хотите ко мнѣ, какъ добрый сосѣдъ заѣзжать, милости просимъ, если же будете не въ свое дѣло путаться, то не взыщите: чтобы я васъ здѣсь больше не видѣлъ...

Всталъ и посредникъ.

— Здѣсь, — говоритъ, — моего дѣла нѣтъ. Я по закону по царскому указу исполняю то, на что далъ присягу. Вашихъ людей царь освободилъ, нужно ихъ землею надѣлить, нужно уставную грамоту написать, опредѣлить, что они должны...

— А, а! Быть можетъ, по-вашему я имъ долженъ?! Вонъ! — сразу, сорвался старый, — вонъ изъ моего дома! Ей, люди! Стой, держи его... Розокъ сюда!

Прибѣжали его казачки, его ученики, его лютыя собаки, которыя были злѣе настоящихъ, схватили посредника...

Прибѣжала на этотъ крикъ и барышня; какъ увидѣла ла къ отцу.

— Папа, родной мой, что же вы это дѣлаете?.. Пустите его, это же мой женихъ, я люблю его...

Пустили казачки посредника. Стоятъ всѣ трое, бѣлые какъ мѣлъ.

— Уѣзжайте домой теперь, — говоритъ барышня, — мы съ папой тутъ обсудимъ.

Ушелъ посредникъ, а старый все стоитъ, какъ дерево. Только когда услыхалъ, что колеса застучали, пришелъ въ себя, выбѣжалъ снова, кричитъ:

— Держи его!

Но было поздно: рванули лошади, только пыль осталась.

Вернулся старый къ дочкѣ. Она все на крыльцѣ стоитъ, точно прикованная.

— Вотъ такъ, спасибо, дочка! Такъ это вы съ вашимъ милымъ такое противъ меня задумали? Безъ меня за меня рѣшили. Нѣтъ, господа я еще не умеръ...

Молчитъ дочь, на отца только смотритъ.

— Такъ вотъ какъ вы за моей спиной дѣйствуете?! Чтобы меня со свѣту согнать, живымъ закопать? Отчего молчишь, негодная?..

— Папа, опомнитесь. Что вы говорите?!

— Молчать, не дыши. Я самъ тебя со свѣту сгоню, въ могилу закопаю, чтобы ты меня не закопала!

И снова посинѣлъ старый, снова задрожалъ.

— Я тебя задушу, чтобы не видѣть, какія дѣла ты устраиваешь съ этимъ щенкомъ...

— Папа, послушайте, дорогой, опомнитесь — тяжко мнѣ.., папа... я лучше пойду къ себѣ, чтобы не слышать, что вы говорите...

— А такъ ты такъ, — ты уже отца слушать не хочешь... Вотъ же тебѣ!..

И ударилъ ее разъ... и другой... и еще...

Упала дѣвушка...

Убѣжалъ тогда старый въ свою комнату, горничныя унесли дочь въ ея спальню.

И наступила въ домѣ мертвая тишина... Точно покойникъ лежитъ: никого не слышно, всѣ ходятъ тихо, осторожно, говорятъ шопотомъ...

Всю ночь не спалъ никто. Старикъ, какъ безумный, бѣгалъ по своей комнатѣ; дочь едва ночью пришла въ себя, плачетъ...

Послѣ полуночи вышелъ старый изъ своей комнаты, пошелъ къ дочери. Дверь заперта, онъ постучалъ. Отворили.

Вошелъ, видитъ — лежитъ дочка на кровати, возлѣ нея прислуга съ водой, со льдомъ.... Повернулся и пошелъ опять къ себѣ.

Начало свѣтать, онъ опять пошелъ къ дочери, отворилъ дверь и говоритъ:

— Иди на минутку ко мнѣ, мнѣ нужно поговорить съ тобою...

Поднялась барышня и снова упала на подушки — не можетъ, бѣдняжка, встать...

Снова вернулся старый въ свою комнату.

Уже совсѣмъ развѣло, какъ онъ въ третій разъ пришелъ. Дочь только что успокоилась. Выслалъ всѣхъ изъ комнаты, сѣлъ возлѣ нея.

Лежитъ дѣвушка; какъ стѣна бѣлая, точно не дышитъ, расплетенные волосы по подушкѣ разбросаны, на землю спадаютъ. И видятъ горничныя въ дырочку сквозь двери, какъ поднялся отецъ, слушаетъ, дышитъ ли дочь, какъ наклонился къ свисшей съ кровати рукѣ... припалъ къ ней губами...

Тутъ вдругъ какъ схватится больная, да какъ крикнетъ не своимъ голосомъ, испугалась, видимо, неожиданно увидавши отца.

И опять убѣжалъ старый къ себѣ, а дочь и плачетъ, и смѣется, и кричитъ.

Стихла немного дочь, какъ слышимъ, будто кто-то смѣется у барина въ комнатѣ, точно бугай реветъ...

Кинулись къ старику, а навстрѣчу изъ ружья — бахъ, бахъ!..

Это такъ старый плакалъ, а какъ услыхалъ, что къ нему бѣгутъ, то для того, чтобъ никто не видѣлъ, какъ онъ плачетъ, какъ только взялись за ручку двери, онъ схватилъ ружье и выстрѣлилъ... Хорошо, что не попалъ ни въ кого!..

Вотъ какая ночь была...

Когда пришло время завтракать, опять пришелъ старый къ дочкѣ, выгналъ всѣхъ изъ комнаты и остался съ ней одинъ.

Говорили они долго, намъ изъ людской ничего не было слышно. Старая няня только у двери стояла, слушала и все плакала и крестилась. Не сумѣю сказать вамъ, какъ тамъ оно у нихъ вышло... только отецъ все просилъ, чтобы дочь не выходила замужъ за посредника, а дочь все свое говорила: „Отпустите, говоритъ, папа, людей на волю"... Ста-

рый объ этомъ и слушать не хочетъ, а дочь о женихѣ молчитъ, о людяхъ проситъ...

Только слышимъ, барышня громко такъ сказала:

— Такъ это вѣрно, папа? Папочка, родной пусть же такъ и будетъ.... за васъ всѣ будутъ Богу молиться...

Скоро потомъ изъ комнаты вышли. Дѣвушка сіяетъ, старый, какъ туча, мрачный.

— Емельянъ, — говоритъ мнѣ барышня, — сѣдлай коня, поѣдемъ къ посреднику!

Да я и на неосѣдланной, я бы задомъ напередъ поѣхалъ бы...

Написалъ старый письмо, взялъ я его да на коня, выѣхалъ со двора, да какъ пришпорилъ, какъ пришпорилъ — еле на конѣ держусь; одно помню — сердце стучитъ, чуть не выскочитъ, какъ подумаю, старый можетъ одуматься, велитъ меня назадъ вернуть. Лечу да письмо нащупываю тутъ ли оно: это же наша воля...

Да! наша воля и дѣвичья судьба!

На другой день пріѣхалъ посредникъ: я таки и самъ осмѣлился просить его: пріѣзжайте, ваше благородіе, потому что, кто знаетъ, что у старика на мысли.

Пріѣхалъ. Встрѣтилъ его старый, начали о дѣлѣ говорить, планты смотрѣли, міръ собирали, съ людьми посредникъ говорилъ.

Наши отцы всѣмъ были довольны, лишь бы поскорѣе....

Обѣдалъ посредникъ съ бариномъ, а барышня не вышла, въ своей комнатѣ сидѣла.

Совсѣмъ уже подъ вечеръ собрался посредникъ уѣзжать, а когда садился въ свою бричку, вынесла ему старая няня письмо:

— Отъ барышни, — говоритъ.

Взялъ и уѣхалъ,

Поужинали. Какъ вдругъ слышно по дорогѣ конь скачетъ, точно бѣшеный: посредникъ на немъ — ни живъ ни мертвъ. Спрыгнулъ съ коня, спрашиваетъ барина.

Но тутъ сама барышня вышла.

Стоятъ одинъ противъ другого, молчатъ...

Наконецъ, барышня заговорила:

— Пожалѣйте людей... Отецъ не уступаетъ... А я.... вы... я... ничьей не буду... Если вы меня.... если вы... добры ко мнѣ.... если и правду людей любите.... откажитесь отъ меня....

Зашатался барчукъ, на ногахъ не держится, припалъ къ ея рукѣ, цѣлуетъ...

— Прощайте, любимый мой, — говоритъ, за тѣмъ быстро, закрывши глаза, убѣжала...

Едва дотащился барчукъ до коня... помогли ему сѣсть...

Такъ-то досталась намъ воля!

Еще нѣсколько разъ пріѣзжалъ къ намъ посредникъ — только уже барина не видѣлъ: тотъ на все довѣренность управляющему далъ, — и барышня къ нему не выходила. Посматриваетъ было на окна, но и въ окнахъ никого не видно...

Такъ мы и получили волю. Отецъ мой, царствіе ему небесное, дворовый былъ. Дали намъ дворъ, но мы остались гдѣ и до того были — отецъ возлѣ лошадей, а я такъ — возлѣ него да въ домѣ.

И прежде не очень весело было на господскомъ дворѣ, а теперь такъ и совсѣмъ тишь стала. И наши никуда и къ нашимъ господамъ никто не ѣдетъ... Прежде бывало хоть тетка къ барышнѣ иной разъ пріѣдетъ, а теперь ужъ и она перестала ѣздить. Говорили, что она барину такое письмо написала, что онъ вернулъ ей его назадъ...

Барышня наша когда-то веселая была; съ дѣвушками, бывало, забавляется, поетъ, а теперь замолкла, запечалилась, затосковала... Не слышно ея, не видно... Какъ-то спросила меня — умѣю ли я читать?

— Нѣтъ, — говорю.

Она будто обрадовалась.

— Ну, — говоритъ, — приходи ко мнѣ каждый день утромъ и сестру меньшую приводи (ей было лѣтъ девять) — буду учить васъ...

Хорошо учила! Если чего не поймемъ, до тѣхъ поръ, бывало, объясняетъ, пока не разберешь.

Вотъ мы уже и по складамъ, и читать начали; какъ тутъ въ дѣвичью, гдѣ мы учились, невзначай, старый баринъ! Мы такъ и окаменѣли!..

— Что это, — говоритъ, — за школа такая? Моя дочка уже къ хамамъ въ учительницы пошла? Прочь!

Его „прочь" было такое, что мы всѣ и не опомнились, какъ на улицѣ очутились... А школѣ конецъ...

Еще печальнѣе сдѣлалась барышня. Цѣлехонькій день, бывало, или ходитъ по своей комнатѣ, или лежитъ, какъ больная.

Спросятъ бывало ее нянька или дѣвушки:

— Не болитъ ли что?

— Нѣтъ, — скажетъ, — ничего не болитъ... Это я такъ...

Такъ, то и такъ... Сами мы знаемъ, что это за „такъ", а помочь не можемъ.

Наконецъ старая няня надумалась:

— Надо, — говоритъ, — извѣстить хоть тетку, можетъ быть, она что-нибудь сдѣлаетъ.

Того же дня, смотримъ, идетъ барыня тетка. Пріѣхала, ужасается, глядя на племянницу, набросилась на стараго...

— Зачѣмъ вы изводите вашу дочку? Въ гробъ хотите загнать, какъ сестру мою загнали? Довольно, говоритъ, вамъ надъ нею издѣваться — къ царю пойду, а у васъ ее отберу. А ну-ка, — обратилась она къ племянницѣ, — собирайся, поѣдемъ ко мнѣ!..

А старый будто и не сердится, отвѣчаетъ ей съ усмѣшкой:

— Я, — говоритъ, — сударыня, — еще въ своемъ домѣ хозяинъ.. Вотъ я людей кликну и такое вамъ сдѣлаю... Узнаете, какъ давать совѣты тамъ, гдѣ васъ объ этомъ не просятъ... Эй, ребята!..

Точно разсудка лишилъ барыню... И кричитъ, и смѣется, а сама и на двери, и на окна посматриваетъ, къ выходу подвигается...

— Что за шутки, — говоритъ. — Какія глупости. Я осенью поѣду, буду царя видѣть... все разскажу. Вы не посмѣете — я сама генеральша... Вотъ еще!..

А сама до дверей, да за двери.

Припала къ ней племянница:

— Уѣзжайте, тетичка, домой. Бросьте, меня, безталанную!

Такъ и уѣхала барыня тетка.

А вечеромъ, когда сидѣла барышня надъ обрывомъ, гдѣ она очень любила сидѣть, посредникъ осторожно пріѣхалъ къ саду, перескочилъ черезъ заборъ и къ обрыву...

Дѣвушки говорили — застонала только барышня, какъ онъ сталъ передъ ней...

Хотѣлъ онъ увезти ее къ себѣ, — просилъ, молилъ, на колѣняхъ стоялъ, ножки ей цѣловалъ, — не поѣхала...

— Я, — говоритъ — такъ отцу обѣщала, не измѣню своему слову...

Встала, дѣвушекъ позвала и пошла къ дому.

Ушла, но навѣрно всю ночь не спала, потому что, какъ сѣла у окна, то такъ и до утра просидѣла...

Утречкомъ нянька проснулась, видитъ окно раскрыто, двери растворены, барышни нѣтъ, постель, какъ съ вечера приготовлена была, такъ и осталась...

Пошла няня въ дѣвичью, разбудила дѣвокъ, спрашиваетъ, не знаютъ ли онѣ, куда барышня ушла. Никто не знаетъ. Отправились искать... въ саду нѣтъ, возлѣ рѣки нѣтъ...

Разспрашиваютъ, не проѣзжалъ ли кто, не видѣли ли — не проѣзжалъ ли барчукъ, — никто ничего не видѣлъ, не слышалъ...

Пошли къ обрыву... Нашли гребень, который былъ у барышни въ волосахъ... возлѣ самаго краю... Когда же она его потеряла?..

Стоятъ всѣ надъ обрывомъ, глянуть другъ на друга боятся...

Перекрестился старый дѣдъ Охримъ, пасѣчникъ, вытянулъ изъ плетня длинный прутъ, спустился къ рѣчкѣ, сѣлъ въ лодку, доѣхалъ до обрыва, прутомъ на днѣ щупаетъ... Стоимъ мы всѣ у обрыва, не дышимъ.

— Вотъ она... — говоритъ Охримъ.

Немного дальше обрыва по теченію стояла старая верба, корни въ воду опустила. Между корнями подъ водою и нащупалъ Охримъ что-то мягкое...

Это же она, наша барышня бѣдная, и была...

Скоро вытянули ее, взнесли на обрывъ... Волосы длинные, распущенные, глаза закрыты, сама — какъ мѣлъ и такая же красивая, какъ только на иконахъ рисуютъ...

Лежитъ она, мертвая, стоимъ мы всѣ вокругъ, молча плачемъ...

Тутъ пришелъ Охримъ:

— Дитя ты наше милое,— говоритъ,— солнце наше, звѣздочка наша!.. Неужели Царствія Божьего душѣ твой чистой не будетъ? Неужели безъ попа, безъ креста тебя похоронимъ?..

Смотримъ, поклонился Охримъ до земли, сталъ на колѣни возлѣ мертвой, перекрестилъ ее, снялъ съ себя крестъ, положилъ ей на грудь.

— Матерь Божья выпроситъ тебѣ помилованье у Спасителя, за всѣхъ убогихъ, которыхъ ты освободила, а сама погибла... Спи спокойно, сердце наше, до Страшнаго Суда Божьяго, —

мы всѣ тогда просить будемъ — засуди, Господи, насъ всѣхъ на вѣчныя муки, помилуй, Господи, душу рабы Твоей.

Какъ одинъ, стали мы всѣ на колѣни, всѣ молились.

— Осуди, Господи, насъ на вѣчныя муки, прости, Господи, рабу Твою.

— А теперь,—говоритъ Охримъ,—бѣгите къ попу и зовите нашего барина.

Къ барину побѣжалъ я.

— Идите, говорю, — баринъ, къ обрыву — тамъ барышня утонула!

Вскочилъ старый, да ко мнѣ — вѣрно увидѣлъ, что я весь въ слезахъ, — задрожалъ, и ноги его подкосились...

Разступились всѣ, когда баринъ пришелъ къ дочкѣ, — а шелъ, какъ всегда, точно на парадѣ. Увидѣлъ людей, говоритъ:

— Прочь!

Только что мы повернулись, чтобъ уходить, баринъ что-то изъ кармана вынулъ, руку къ головѣ поднялъ и... бахъ... бахъ... упалъ возлѣ дочки...

Мы къ нему, а онъ уже мертвый, голову насквозь пробило...

Похоронили барышню и стараго барина наверху обрыва, надъ Псломъ — оттого этотъ обрывъ и Барскимъ называется...

— А что же посредникъ? Живъ еще?

— Посредника мы не скоро увидѣли. Онъ послѣ этого захворалъ, сильно захворалъ... А къ намъ пріѣхалъ какой-то новый баринъ, племянникъ стараго барина. Но здѣсь онъ не остался, продалъ все. Купилъ барчукъ посредникъ. Переѣхалъ сюда и тутъ жилъ себѣ. Все въ домѣ, какъ было при старомъ баринѣ, такъ и оставилъ. Самъ въ одной комнатѣ жилъ, въ залѣ. Комнаты барышни заперъ и ключъ, всегда съ собою носилъ. Бывало, запрется тамъ и долго-долго сидитъ... Похудѣлъ какъ-то, скоро и служить оставилъ, все дома сидѣлъ — или на обрывѣ, или въ комнатѣ барышни. А вечеромъ каждый день, бывало, когда садится пить чай, зоветъ старую няню, разспрашиваетъ о барышнѣ. И та ему все про свою „голубку“ разсказываетъ: какая она была маленькою, какая потѣшная, какія у нея были ручки, ножки маленькія, какъ ее, старую, любила, какъ училась. Обо всемъ разсказывала, а барчукъ сидитъ, слушаетъ, чай уже холодный и самоваръ застылъ, а онъ все слушаетъ — слезы сами текутъ, на усы капаютъ...

Долго онъ здѣсь жилъ. Самъ не хозяйничалъ — всю землю намъ нанималъ. Такъ себѣ, только и того названія, что, молъ, „ренда", — даромъ онъ отдавалъ.

А тутъ какъ-то слухъ прошелъ, что въ Турціи что-то недоброе дѣлается, что ужъ очень изувѣры надъ нашими издѣваются. Чѣмъ дальше все больше; слышимъ, что тамъ уже воюютъ. Снялся тогда нашъ барчукъ, поѣхалъ съ туркомъ драться... Тамъ его и убили...

Прошло нѣкоторое время, пріѣхали изъ города господа, собрали сходъ — говорятъ, что намъ всему обществу, барчукъ отписалъ: и землю и луга, и лѣса, — все.

Теперь на барскомъ дворѣ у насъ волость и школа. Во флигелѣ; старую волость дьяку отдали. Да вотъ скоро сами увидите.

И правда — мы уже доѣхали до села. Пошли хорошенькія хатки съ двумя комнатами, — высоконькія, большія — видно, что лѣсъ не купленный. Вездѣ садики, огороды — хорошо люди живутъ. А вотъ и церковь — новая каменная съ высокой колокольней. Противъ церкви большой дворъ съ домомъ, за нимъ садъ.

— Вотъ вамъ и барскій дворъ — это волость! Тпру!

Мой товарищъ взошелъ въ волость, а мнѣ какъ-то не хотѣлось идти въ домъ, гдѣ когда-то жила бѣдная дѣвушка.

— Нельзя ли, — спрашиваю, — въ садъ пройти къ обрыву?

— А почему же? — отвѣчаютъ. — Можно!

Пошелъ я въ садъ. Деревья молодыя подчищены, подмазаны. Дальше питомникъ: еще болѣе молодыя деревца подрѣзаны, къ палкамъ попривязаны. Это ужъ видно — сами люди хозяйничаютъ — новый садъ разводятъ.

Иду дальше къ рѣчкѣ, вижу старыя деревья. Пошелъ я туда. Чаща... здѣсь видно, все такъ осталось, какъ при господахъ было: кусты, клены, ясени старые, тополи растутъ на горѣ; нѣкоторые ясени усохли, межъ ними молодые подымаются...

Оглядываюсь кругомъ: гдѣ же то мѣсто, на которомъ бѣдное дитя въ послѣдній разъ сидѣла и гдѣ, не справившись со своей страшной тоской, свой вѣкъ молодой загубила?..

Межъ кустовъ калины и глоду блеснулъ предо мной бѣлый крестъ. Я подошелъ къ кустамъ и нашелъ узенькую старую тропинку.

Кусты распустились и на небольшой прогалинкѣ я очу-

тился возлѣ двухъ могилъ. Бѣлый крестъ стоялъ надъ меньшей, которая была поближе къ обрыву. На другой лежалъ черный камень.

Я подошелъ къ кресту. На мѣдной дощечкѣ едва виднѣлось написанное: „со святыми… рабу твою…“

Тихо… Травой заросла могила, сквозь нее, какъ дѣтскіе глаза изъ-подъ волосъ, выглядывали цвѣты барвинка. Павиликой обвитъ крестъ. Кусты наклонились, обступили, старые тополи молча стоятъ вокругъ. Подъ обрывомъ, надъ водою — черной, непроглядной, тихонько шепчутся яворы, вербы. Кружевомъ отбиваются на синемъ небѣ тонкія вѣтки, и громко и радостно гдѣ-то высоко поетъ жаворонокъ…

— Помилуй, Господи, душу твою, бѣдное дитя, — проговорилъ я, и мнѣ казалось, будто не одинъ я тутъ молюсь: точно свѣчи вокругъ гроба стояли тополи; какъ занавѣсъ въ церкви казалось кружево вѣтокъ на небѣ; какъ тихая молитва шелъ къ Богу шопотъ яворовъ, возносился чистый голосъ жаворонка — и молились мы всѣ за тяжкій, до сихъ поръ еще не отмоленный, грѣхъ нашихъ отцовъ, за молодую самоотверженную душу, которая первая тутъ молилась за него, — за него отдала и свой радостный дѣвичій вѣкъ…

Съ украин. пер. Л. Д.

* * *

Ты говоришь, что лучи догорятъ,
Но мнѣ не страшенъ послѣдній закатъ!

Пусть угасаютъ и ночи и дни, —
Памятью счастья хранимы они.

Все, отъ чего мнѣ свѣтло и тепло,
Все, что на сердце мнѣ пѣсней легло

И что глубокою думой звучитъ
И, какъ ребенокъ, съ душой говоритъ, —

Бережно я до могилы снесу —
Синяго неба лучи и росу,

Юность и первыя травы полей,
Первыя слезы о жизни моей.

Ты говоришь, что лучи догорятъ,
Но мнѣ не страшенъ послѣдній закатъ.

Если и солнце погаснетъ за днемъ —
Вѣчное солнце въ сердцѣ моемъ!

Ф. Коганъ.

ЦАФАРАНЕТТА[1]).

Разсказъ Луиджи Парандело.

Сиріо Бруцци прибѣжалъ, весь сіяя восторгомъ, въ комнату матери. Онъ махалъ только что полученнымъ письмомъ отъ двоюроднаго брата, помѣченнымъ «Банана», на устьѣ Конго.

— Онъ ее привезетъ, мама! Ахъ, «миммо мамина» моя, какъ я счастливъ! Моя Титти! «Джіонго» уже въ дорогѣ, ѣдетъ на пароходѣ. Бѣдный мой Джіонго! Дорогой мой, милый Джіондичелло! Дней черезъ сорокъ онъ будетъ въ Месанія; быть можетъ теперь онъ уже тамъ; оттуда поѣдетъ въ Мокала; возьметъ мою Титти, и онъ, онъ также возвращается домой навсегда! Иди, иди, мама, сообщи объ этомъ тетушкѣ Нена! До чего она обрадуется! А я бѣгу къ Норѣ. На возвратномъ пути отъ тетушки зайди за мной къ Норѣ, я буду тамъ ждать тебя.

Сиріо наклонился, чтобы поцѣловать мать, и съ письмомъ въ рукахъ убѣжалъ изъ дому.

Бѣдная синьора Бруцци нѣсколько минутъ не могла придти въ себя, какъ обыкновенно и бывало послѣ каждаго новаго порыва этого ея милаго сынка. Но веселая улыбка, вызванная его восторженной радостью, мало-по-малу угасла на ея губахъ и превратилась въ печальную улыбку.

Она подумала о томъ, что невѣста ея сына, Норина, къ которой онъ бѣжалъ читать письмо, не могла, конечно, испытывать такую же радость, какъ онъ, по поводу сообщеннаго въ письмѣ извѣстія. Наоборотъ, извѣстіе это не могло не вызвать въ ней тѣмъ больше огорченія, чѣмъ болѣе шумную радость и восторгъ высказывалъ Сиріо. Развѣ эта радость не имѣла основаніемъ ея самопожертвованія? Да, Норина рѣшилась исполнить желаніе Сиріо, а ему все же не слѣдовало бы теперь являть ей зрѣлище своей восторженной радости и сверхъ того еще ждать, чтобы она раздѣляла этотъ его восторгъ. Ахъ, сынъ ея совсѣмъ не былъ разсудителенъ!..

---

[1]) Zafaranetta — шафранная.

Но когда же, говоря по правдѣ, былъ разсудительнымъ ея Сиріо?

Отъ отца, умершаго рано и трагически — на дуэли, — Сиріо наслѣдовалъ страсть бросаться въ самыя рискованныя приключенія. Казалось, у него въ груди вмѣсто души бушуетъ ураганъ: на все онъ набрасывался, все ниспровергалъ. Если что другое не представлялось ему, онъ искажалъ имена, вертѣлъ отрывистыя фразы, какія-то неопредѣленныя слова, переворачивалъ согласныя и гласныя: Нора, Ніано, Рорина, Элинано...

Сеньора Бруцци сама не знала, какимъ образомъ смогла довести его здравымъ и невредимымъ отъ дѣтства до юности. Въ первый разъ его вернули домой, когда мальчикомъ онъ скрылся изъ дому, чтобы присоединиться въ Греціи къ экспедиціи Гарибальди; потомъ во второй разъ, его вернули, когда онъ уже ѣхалъ въ Африку, чтобы защищать буровъ... Наконецъ, когда онъ отправился въ Конго, ей пришлось закрыть глаза и покорно склонить голову.

Онъ былъ тогда уже совершеннолѣтній.

Кончивъ съ Лелли, своимъ двоюроднымъ братомъ, шесть добавочныхъ мѣсяцевъ ученія на офицерскихъ курсахъ, оба они отправились въ Бельгію на колоніальные курсы и поступили въ милицію свободнаго государства Конго. Шесть лѣтъ спустя Сиріо вернулся домой въ отпускъ. Онъ былъ неузнаваемъ: боленъ дезинтеріей и весь въ ранахъ. Но какъ только Сиріо поправился, тотчасъ же онъ собрался вернуться въ Конго. И вернулся бы: слезы, мольбы, мысль о матери, уже старой, съ болѣзнью сердца, отъ которой она могла скоро умереть, — эта мысль не удержала бы его. Но къ счастью, въ Ночерѣ, куда мать повезла его для лѣченія на воды, оказала помощь добрая Норина Руа, благодаря своей привлекательности, изяществу и музыкѣ.

Едва мать замѣтила, что сеньоринѣ Руа удалось пробить брешь въ сердцѣ ея сына, она изо всѣхъ силъ старалась раздуть въ немъ пламя зарождающейся страсти.

Когда приблизился срокъ отпуска, Сиріо почувствовалъ, что связанъ любовью, началъ безумствовать, впадать въ глубокую грусть, пока, наконецъ, однажды не пришелъ къ матери съ отчаяніемъ въ сердцѣ. Онъ сталъ плакать, и плакалъ какъ ребенокъ. Да, онъ влюбленъ и терзается раскаяніемъ, оттого что смутилъ сердце этой дѣвушки, такъ какъ вѣдь онъ долженъ, долженъ уѣхать.

— Но почему же?

— Почему?.. У него тамъ, въ участкѣ «Мокала», гдѣ онъ главенствовалъ, пятилѣтняя дочка, родившаяся отъ молодой негритянки, которая однажды явилась къ нему, убѣжавъ изъ дальняго се-

ленія. Съ нимъ она прожила около двухъ лѣтъ и потомъ, во время одной изъ его экскурсій въ лѣсу, исчезла, бросивъ своего ребенка. Такъ вотъ въ чемъ дѣло: онъ любитъ больше себя самого, это маленькое созданьице, этотъ дикій цвѣтокъ его жизни, полной приключеній. Никакая другая любовь не могла бы побѣдить эту его любовь...

И, продолжая плакать, онъ разсказывалъ матери о всѣхъ заботахъ, о всѣхъ стараніяхъ своихъ, чтобы вырастить покинутую малютку, которая въ теченіе пяти лѣтъ наполняла одна жестокое его одиночество въ Конго. Онъ не могъ больше быть съ нею въ разлукѣ... онъ долженъ уѣхать, вернуться туда...

Съ однимъ лишь условіемъ могъ бы онъ остаться, чтобы его двоюродный братъ Лелли, который черезъ нѣсколько мѣсяцевъ долженъ вернуться въ Италію, тоже получивъ отпускъ, привезъ бы ему его Титти, а синьорина Руа... Но развѣ можно надѣяться, чтобы она согласилась выйти замужъ за него съ этимъ ребенкомъ?..

Но синьорина Руа согласилась. Мать Сиріо ходила къ ней умолять объ этомъ, и Норина согласилась, несмотря на то, что ея тетя, единственная родственница, которая у нея была, весьма многими и очень разумными разсужденіями пыталась заставить еще подумать, прежде чѣмъ согласиться, насколько серьезно и чревато послѣдствіями подобное ея самопожертвованіе.

... Да, конечно, со стороны Сиріо эта любовь его къ дѣвочкѣ — доказательство его доброты и постоянства, говоря откровенно, единственное доказательство, которое могло бы возбудить къ нему довѣріе; потому что этотъ молодой человѣкъ, хотя и честный, но такой бурный, порывистый, необузданный...

Ахъ, какъ бы охотно синьорина Бруцци впустила бы всѣ ногти рукъ въ пергаментное лицо этой старой муміи въ очкахъ... Тѣмъ охотнѣе она бы это сдѣлала потому, что внутренно сама признавала дѣйствительно разумными эти ея совѣты и соображенія...

Но Норина, къ счастью, была искренно влюблена...

Увѣренный теперь, что дѣвочка скоро пріѣдетъ съ двоюроднымъ его братомъ, Сиріо настаивалъ на ускореніи свадьбы. Бурное нетерпѣніе назвать своей Норину, насилу сдерживаемое до тѣхъ поръ страхомъ возможныхъ затрудненій и тѣмъ, что двоюродный братъ вдругъ не пріѣдетъ, — прорвалось у Сиріо по обыкновенію съ такимъ неистовствомъ, что Норина, хотя и счастливая тѣмъ, что ее уноситъ словно вихремъ, почти испугалась. Закрывъ глаза, она отдалась теченію вещей.

Теперь Сиріо рѣшилъ сдѣлать своей профессіей хлѣбопашество. Подобно Менотти Гарибальди, онъ рѣшилъ взять въ аренду

хозяйство въ окрестностяхъ Рима и заняться улучшеніемъ земли. Въ своемъ участкѣ, въ Мевало, онъ хорошо научился колоніальному хозяйству негровъ; тутъ, вмѣсто негровъ, сумѣетъ же онъ справиться съ населеніемъ въ Сабина, быть можетъ, не менѣе дикимъ, чѣмъ негры, такъ отлично умѣвшіе выращивать каучукъ.

Сиріо ждалъ, чтобы немножко охладился пламень первыхъ порывовъ его любви къ Норѣ, и еще другое онъ ждалъ съ такимъ безпокойствомъ, которое мать желала бы, чтобъ онъ, по крайней мѣрѣ, нѣсколько скрылъ отъ жены...

— Когда пріѣдетъ?.. Когда пріѣдетъ?.. Когда?..

И онъ, волнуясь, жестикулировалъ всѣми десятью пальцами въ воздухѣ, или барабанилъ ими себя быстро по лбу, носу, подбородку, даже царапалъ себя ими; и бѣжалъ или сорвать очки съ носу тетушки, или, крѣпко-крѣпко обнимая мать, чуть не душилъ ее, или же хваталъ въ объятія женушку, крѣпче прижимая ее къ себѣ и поднимая съ полу, неистово кричалъ:

— Ніано, Ніано, Ніано... Носъ изъ перламутра, гребенки изъ черепахи, виноградная моя вѣточка съ листьями...

— Оставь меня... ой... Злой!.. Посмотри, какіе синяки, — стонала Норина.

— Это ничего... увидишь, — кричалъ онъ тогда: — ты будешь пахать, я буду пахать... Населеніе Сабины, слушайте приказъ: «Сиріо Бруцци, «бунджу» изъ Конго, улучшающій хозяйство въ окрестностяхъ Рима... Король мирной страны, безпредѣльной степи, хочетъ даровать жизнь плодовитому народу...» Ты будешь пѣть на своей лютнѣ, а я буду спать мирнымъ сномъ...

И онъ бросался на диванъ и засыпалъ...

Норина уже мѣсяцъ была беременна, когда, наконецъ, двоюродный братъ Лелли, «Джіонго», какъ звалъ его Сиріо по прозвищу, данному тому неграми въ Конго, пріѣхалъ съ Титти.

Норина уже замѣтила, что Сиріо шутилъ надъ всѣмъ и всѣми, извращалъ всѣ имена, исключая имени своей дочки, относительно которой никогда не шутилъ: Титти онъ всегда называлъ Титти; и каждый разъ, когда ее называлъ, глаза его блестѣли отъ удовольствія. Норина могла вывести такое же заключеніе и изъ свѣдѣній, сообщенныхъ имъ ей о языкѣ дѣвочки. Титти понимала по-итальянски и даже говорила на этомъ языкѣ; но лучше говорила она на языкѣ Конго, языкѣ малютокъ, какъ объяснялъ Сиріо «Моленіе ти бунджу» — значитъ «сынъ бѣлыхъ», «н'гу» — значитъ вода и т. д.

Норина поняла и увидѣла все громадное безуміе своей снисходительности съ той первой минуты, когда Сиріо, отправившись на станцію, встрѣтилъ малютку, вошелъ въ комнату съ руками и но-

гами маленькаго уродца, прижатыми къ его шеѣ и груди. Норина сначала увидѣла лишь только эти ноги, руки, худенькія, цвѣта шафрана, и густые, довольно длинные мягкіе волосы, съ почти металлическимъ блескомъ. Когда же, наконецъ, Сиріо удалось поговорить съ ребенкомъ на томъ странномъ, дѣтскомъ нарѣчіи, усадивъ ее на стулъ, и Норина увидѣла лицо дѣвочки, тоже шафрановаго цвѣта, съ этой шапкой густыхъ черныхъ волосъ, съ овальнымъ лбомъ, выступающимъ впередъ, съ глазами глубокими, бѣгающими, жестокими, смущенными, съ тоненькимъ носикомъ, не приплюснутымъ, нѣтъ, но малюсенькимъ и губами большими, не распухшими, но немного блѣдными, — морозъ прошелъ у нея по спинѣ. Инстинктивно лицо ея выразило сожалѣніе и отвращеніе...

— Милая... бѣдняжка... — она не могла сказать ничего другого и прижала руки свои къ груди, какъ бы изъ опасенія, что онъ поднесетъ ей ребенка и заставитъ цѣловать его.

— Вотъ она... вотъ она — моя Титти... — восклицалъ Сиріо со слезами на глазахъ. — Тебѣ она кажется некрасивой, неправда ли?.. И тебѣ тоже, мама?.. Но она вовсе не некрасива, моя Титти... Потомъ вы увидите, привыкнете къ ней. Посмотри этотъ носикъ: онъ совсѣмъ не некрасивъ... эти губы тоже съ этими ея зубками, развѣ онѣ некрасивы?.. Ну да, ну да, потому, что «баба» былъ «бунджу», Титти моя, если мама и была негритянка... Титти моя, Титти моя!.. Ну, пусть услышатъ твой голосокъ, дорогуша... Скажи, кто я, скажи, кто?.. отвѣть...

Малютка въ комнатѣ, столь безконечно разнившейся отъ всего, что раньше ее окружало, словно странная, восковая, разрисованная кукла, отвѣтила, какъ бы машинально, голосомъ, который казался чужимъ, не ея голосомъ:

— Ты — мой...

Отецъ, услыхавъ ея отвѣтъ, бросился къ ней и, неистово прижавъ ее къ своей груди, съ устами на ея устахъ, внѣ себя отъ любви, послѣ столькихъ мѣсяцевъ ожиданія...

— Нѣтъ, нѣтъ!.. — сказалъ онъ затѣмъ, — скажи, какъ ты умѣешь говорить, дорогушечка, какъ говоришь ты «мой»... Отвѣть, скажи, кто я такой?..

Тогда дѣвочка, своимъ голосомъ, необычайно нѣжнымъ, съ неизъяснимой улыбкой, отвѣтила:

— Ti m'bi...

Онъ схватилъ ее неистово и убѣжалъ съ нею въ другую комнату, сопровождаемый двоюроднымъ братомъ Лелли.

Его мать, Нора, тетка ея нѣкоторое время остались сидѣть молчаливые, угнетенные изумленіемъ. Затѣмъ Нора закрыла себѣ лицо

руками и задрожала... Ахъ, то выраженіе, съ какимъ эта малютка на своемъ странномъ языкѣ сказала «мой», абсолютно исключало возможность, что онъ могъ быть чьимъ-нибудь другимъ, по крайней мѣрѣ, въ той же мѣрѣ.

Мать Сиріо встала, подошла къ невѣсткѣ и наклонилась къ ней, чтобы поцѣловать ея волосы, не говоря ни слова. Тетушка съ глазами за очками, устремленными въ пространство, проговорила:

— Развѣ я этого не говорила?

Нѣтъ, то была не ревность. Другое чувство, жестокое, неизъяснимо терзавшее, переворачивало Норинѣ сердце въ груди: холодное бѣшенство, зависть, презрѣніе, отвращеніе и одновременно жалость къ этому отцу тутъ, передъ ея глазами, который долженъ былъ бы всецѣло отдаться ей и заниматься ею почти еще въ ихъ медовомъ мѣсяцѣ. А вотъ онъ передъ ней, отецъ этого экзотическаго уродца, этой обезьянки... И ни одной мысли не отдаетъ онъ тому, другому своему ребенку, уже начинавшему жить въ ея чревѣ: для него онъ другой ребенокъ, а для нея — нѣтъ, для нея онъ — единственный, онъ настоящій ихъ ребенокъ...

Вотъ этого, этого не могла вынести Норина, что завтра ея ребенокъ долженъ быть для него другимъ, рядомъ съ этой разрисованной куклой. И что помимо ея, его жены, изъ дали въ тысячитысячи верстъ, изъ другой части свѣта, которую она не могла даже себѣ представить, но которая, повидимому, была полна величественности и пламеннаго очарованія, перешло къ нему живое, замкнутое въ эту дикую оболочку чувство отеческой любви, зрѣлище которой онъ ей теперь давалъ.

Кромѣ того, въ ней вызывало и стыдъ все то, что было страннаго, грубаго въ этой смѣси расъ, въ этой его отцовской любви...

Казалось, что онъ будто не замѣчаетъ этого, а быть можетъ, и въ самомъ дѣлѣ онъ и не замѣчалъ, потому что вокругъ своей дѣвочки онъ видѣлъ еще весь тамошній міръ, который еще жилъ въ немъ и олицетворялся въ ней. Поэтому онъ не могъ замѣтить и странности всего, очевиднаго, однако, для всѣхъ остальныхъ... И вотъ онъ наряжалъ Титти и носилъ ее на прогулки, сіяющій...

Всѣ прохожіе навѣрное оборачивались, и уличные мальчишки бѣгали за нимъ, а въ кафе друзья, быть можетъ, его спрашивали:

— А какъ же жена твоя относится ко всему этому?..

И вѣроятно, онъ долженъ былъ сказать имъ, что ему безразлично, какъ бы она ни относилась.

Но дѣвочка, казалось, и сама, бѣдняжка, страдала, замѣчая, какъ она не подходитъ ко всему, окружающему ее. Въ ея глазенкахъ,

уже не дикихъ теперь, но скорѣе глубоко-грустныхъ, и почти что затуманенныхъ, виднѣлось скорбное изумленіе. Она крѣпко сжимала губы, складывала ручки и вся вздрагивала при малѣйшемъ шумѣ, при каждомъ своемъ ощущеніи. Должно быть, эта дикая маленькая душа была охвачена ужасомъ...

Норина смотрѣла на нее безмолвно, когда не было Сиріо и, глядя на нее, видѣла, что «Цафферанетта» (шафранная), такъ прозвали ее тетушка и горничная, не была всвсе такой некрасивой: только цвѣтъ ея кожи вызывалъ отвращеніе.

И Цафферанетта, неподвижная, сидя на бамбуковомъ стулѣ, давала на себя глядѣть, лишь изрѣдка мигая вѣками.

Синьора Бруцци предложилаНоринѣ уговорить Сиріо, чтобы онъ отдалъ ребенка къ ней въ домъ. Но Норина не захотѣла. Она была увѣрена, что тогда Сиріо проводилъ бы всѣ дни у матери.

Онъ замѣтилъ, что малютка стала чахнуть, все больше и больше, со дня на день, и не отрывался отъ нея уже ни на одну минуту. Сиріо уже больше не вспоминалъ о запросахъ, посланныхъ имъ относительно аренды, и почти весь день запирался съ дѣвочкой и съ двоюроднымъ братомъ Лелли у себя въ кабинетѣ, среди странныхъ вещей, привезенныхъ имъ изъ Конго, и тамъ онъ говорилъ, говорилъ безъ конца.

А лишь только входила Норина, разговоръ прерывался, и изъ тѣхъ взглядовъ, которые онъ бросалъ на жену, Норина понимала, что ея присутствіе не только не вызываетъ въ немъ удовольствія, но даже оскорбляетъ его. Часто она видѣла его сидящимъ на полу съ дочкой, которая спала у него на колѣняхъ, и съ глазами, красными отъ слезъ.

— Что съ нею?.. Она больна?.. — спрашивала Норина не у Сиріо, а у двоюроднаго брата Лелли, который поднималъ на нее глаза, словно извиняясь.

— Она больна, больна, больна... — отвѣчалъ Сиріо гнѣвно, какъ бы съ упрекомъ, и затѣмъ, мѣняя голосъ, наклоняясь надъ дѣвочкой и тихонько встряхивая ее, онъ спрашивалъ:

— Какъ ты чувствуешь себя, моя Титти?.. Скажи «бабѣ», скажи ему, какъ ты себя чувствуешь?...

Дѣвочка едва открывала глаза и отвѣчала:

— Кубела...

— Больна, — переводилъ тихонько Лелли Норѣ.

— Кубела ти ніе?.. — спрашивалъ Сиріо малютку.

И она, закрывая глаза и едва поднимая ручку, на которую упала крупная слеза отца, вздыхала:

— М'би ингано пепе...

— Что она говоритъ?.. — спросила Нора.

— Она говоритъ, — отвѣчалъ Лелли, — что не знаетъ, чѣмъ она больна...

Но онъ зналъ, Сиріо зналъ, чѣмъ больна была его малютка: той же болѣзнью, которой болѣлъ и онъ, болѣлъ жизнью, недостававшей ему тутъ, — лѣсомъ, рѣкой, безконечнымъ уединеніемъ, африканскимъ солнцемъ, всѣмъ этимъ, недостающимъ ему здѣсь, болѣлъ онъ... Ахъ, туда, туда, туда!..

— Слушай... — явился онъ однажды страшно взволнованный, весь дрожащій, почти безумный къ Норѣ, — съ однимъ условіемъ, чтобы ты поѣхала со мной туда, чтобы ты послѣдовала за мной. Если нѣтъ, я оставляю тебя... Я не могу, не могу видѣть, какъ она здѣсь умираетъ... Умираетъ моя Титти, умираетъ... Ради Христа, Нора моя, ради Христа...

— Но ты сошелъ съ ума... Чтобы я ѣхала туда съ тобой? — крикнула ему Нора.

— Да, я сошелъ съ ума... Да, сошелъ съ ума, какъ хочешь,— отвѣтилъ онъ, — я былъ сумасшедшій... буду сумасшедшимъ и прошу у тебя прощенія... Но...

— Изъ-за этой вотъ?.. Изъ-за нея?.. — загремѣла Норина, пламенѣя гнѣвомъ и негодованіемъ, — ты хочешь пожертвовать мной, моимъ ребенкомъ изъ-за нея вотъ?

— Нѣтъ, нѣтъ, — прервалъ онъ ее, — ты права, но мнѣ... что мнѣ дѣлать?.. Ты понимаешь, что я не могу видѣть, чтобы она такъ умирала у меня?.. Понимаешь, что и я не могу оставаться здѣсь?.. Съ нею умру также и я... Умоляю, отпусти меня уѣхать... Когда я буду далеко, быть можетъ, я вернусь, навѣрное, вернусь, потому что тогда самой сильной будешь ты... Но теперь позволь мнѣ ѣхать съ моей Титти, чтобы она не умерла, не умерла здѣсь... Она умретъ въ пути,—я въ этомъ увѣренъ... Но, по крайней мѣрѣ, мнѣ поможетъ служить утѣшеніемъ мысль, что я хотѣлъ оказать ей помощь и изъ-за нея я дошелъ даже до того, что рѣшился оставить здѣсь тебя въ такомъ положеніи... Позволь мнѣ уѣхать, Нора... Скажи мнѣ да... скажи: да?..

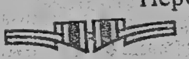
Норина поняла, что теперь для ея сердца было бы безполезно сказать «нѣтъ», даже если бы онъ и остался...

— Поѣзжай... — выговорила она.

И два дня спустя Сиріо Бруцци уѣхалъ въ Конго съ маленькой больной и со своимъ двоюроднымъ братомъ Лелли.

Онъ больше не вернулся.

Перев. съ ит. **М. Ватсонъ.**

ГОРОДЪ И ГОРЫ.

Романъ **Хозе Марія Эса де-Квейрозъ.**

Переводъ З. Журавской.

Предисловіе.

Авторъ романа «Городъ и горы» первымъ же своимъ большимъ романомъ «*Преступленіе патера Амаруса*» выдвинулся и занялъ мѣсто въ ряду самыхъ значительныхъ португальскихъ писателей. Критики отнесли его къ школѣ Бальзака и Флобера, но его несомнѣнная оригинальность, блестящій стиль, острая наблюдательность и своеобразная передача наблюдаемаго свидѣтельствуютъ о самобытной индивидуальности. Умѣнье разсказывать занятно и легко, сочетать краски и тона, тонкая, искрящаяся иронія быстро создали ему популярность.

Романъ «*Патеръ Амарусъ*», напечатанный въ лиссабонскомъ «*Ревиста Оксиденталь*» («Западномъ Обозрѣніи»), былъ первымъ въ португальской литературѣ натуралистическимъ романомъ. Какъ и второй его романъ «*Примо Базиліо*», онъ посвященъ главнымъ образомъ выясненію того моральнаго и соціальнаго вреда, который несетъ съ собой воспитаніе женщинъ въ Португаліи, гдѣ, вырастая въ наивномъ невѣдѣніи естественнаго, незнакомыя съ соціальнымъ и политическимъ укладомъ жизни, онѣ невѣжественны, слабы, податливы на красивыя слова и всецѣло отданы во власть духовника, которому подчиняются безъ критики и безъ протеста, чему бы онъ ихъ ни училъ. Безцеремонный, часто даже грубый реализмъ изображенія темныхъ сторонъ португальскаго быта въ этихъ двухъ романахъ заслужилъ Квейрозу прозвище «португальскаго Зола». Вліяніе французскаго учителя, несомнѣнно, сказалось въ этихъ первыхъ опытахъ, но Квейрозъ не такой глубокій психологъ, какъ Зола, онъ больше моралистъ и юмористъ, и тотъ его романъ, который мы здѣсь предлагаемъ вниманію читателя, далекъ отъ психологіи. Это — аллегорія, символическое воплощеніе въ двухъ разныхъ типахъ двухъ противоположныхъ міровоззрѣній. Въ Хасинто, несомнѣнно, есть автобіографическія черты. Какъ въ диптихонѣ авторъ противопоставилъ культурной жизни города, съ ея искусственной взвинченностью и хитрой механикой изысканнѣйшаго комфорта, разслабляющаго, притупляющаго и парализующаго волю — простую, тихую, но здоровую жизнь на лонѣ при-

роды, которая дастъ исцѣленіе больнымъ нервамъ, покой перераздраженному мозгу, глубину мысли и здоровую энергію усыпленной волѣ.

Хозэ Марія Эса де Квейрозъ родился въ Дуро и кончилъ курсъ въ Коимбрскомъ университетѣ, гдѣ онъ уже 21 года отъ роду, въ 1876 году, надѣлъ на себя докторскую шляпу. Но первый его романъ появился только въ 1875 году, въ бытность его португальскимъ консуломъ въ Гаваннѣ, гдѣ онъ, вмѣстѣ съ Рамаліо Ортигаономъ издавалъ «критико-сатиристическую газету» «Фарпасъ», вышучивая остроумно и подчасъ очень зло тогдашнюю общественную жизнь. Вмѣстѣ два друга написали задорный и забавный романъ *«Тайна большой дороги въ Цинтру»*, съ путаницей всевозможныхъ и самыхъ невозможныхъ приключеній, въ которомъ, несмотря на свой натурализмъ и прогрессивность, отдали дань романтикѣ.

Путешествіе на Востокъ дало Квейрозу матеріалъ для слѣдующаго его романа *«Реликвія»*, въ которомъ проявились всѣ характерныя особенности его таланта. Въ *«Мандаринѣ»* передъ глазами читателя проходитъ панорама Небесной Имперіи, такая живая и яркая, что даже не вѣрится, что авторъ самъ не былъ въ Китаѣ. Въ *«Адамѣ и Евѣ въ раю»* и *«Господинѣ Чортѣ»* онъ забавляетъ насъ неудержимымъ полетомъ своей фантазіи.

Всѣ большіе романы Квейроза написаны вдали отъ родины, въ Гаваннѣ, Парижѣ и Нейльи (гдѣ онъ въ августѣ 1900 года и умеръ, отъ туберкулеза). Полжизни онъ провелъ за границей и по своему универсальному образованію, по своимъ соціальнымъ взглядамъ былъ космополитъ, что не мѣшало ему горячо любить свою родину. Безстрашно показывая своимъ соотечественникамъ зеркало правды и вышучивая ихъ слабости, онъ въ то же время восторженно мечталъ о томъ времени, когда его благодатная страна, такъ щедро надѣленная природой, достигнетъ надлежащей степени культурнаго развитія. И отовсюду рвался въ свой любимый Лиссабонъ, а умеръ на чужбинѣ.

Въ Лиссабонѣ ему поставленъ чудесный памятникъ работы Тейксейра Лопецъ: фигура Истины подъ легкимъ покрываломъ, простирающая объятія поэту, а внизу цитата изъ Гете:

«Sobre a nuder forte da verdade o manto diaphano da fantasia».

(«Надъ мощной наготою Истины прозрачный покровъ фантазіи»).

Для русской публики, въ большинствѣ совершенно незнакомой съ португальской литературой, романъ Квейроза, хоть и давнымъ давно написанный, но привлекательный своей самобытностью стиля, свѣжестью красокъ въ описаніяхъ природы и наивностью разсказа, несомнѣнно, представляетъ извѣстный интересъ, хотя бы какъ отголосокъ жизни дружественнаго, но мало намъ знакомаго народа.

З. Ж.

I.

Мой другъ Хасинто родился на свѣтъ въ дворцѣ, имѣя отъ рожденія годового дохода 109 контосъ[1]) отъ пахотныхъ земель, виноградниковъ, пробковыхъ лѣсовъ и оливковыхъ рощъ.

Въ Алемтехо, по всей Эстремадурѣ, и наискось черезъ обѣ провинціи Бейра тянулись густыя, черезъ горы и долы вьющіяся изгороди и высокія ограды изъ крѣпкаго камня, бѣжали рѣки, ручьи и межи, отгораживавшія отъ сосѣдей владѣнія этого древняго помѣщичьяго рода, уже во времена короля Диница[2]), сидѣвшаго на землѣ, выращивая виноградъ и пшеницу. Ихъ лучшее помѣстье съ господскою усадьбой Тормесъ, въ нижнемъ Дуро тянулось вдоль цѣлаго горнаго хребта. Отъ Туа до Тенгелы, на протяженіи добрыхъ пять миль все населеніе платило ему арендныя деньги за землю, а принадлежащіе ему сосновые лѣса покрывали тѣнью всю мѣстность отъ Арги и до Анкорской бухты. Однакоже, дворецъ, въ которомъ увидалъ свѣтъ Хасинто и въ которомъ онъ провелъ свое дѣтство и юность, находился въ Парижѣ, въ Елисейскихъ Поляхъ, подъ № 202.

Дѣдъ моего пріятеля, славившійся своею толщиною и богатствомъ, Хасинто, прозванный въ Лиссабонѣ дономъ Гальяономъ[3]), проходя однажды по Травесса де Трабукета, вдоль садовой стѣны, обвитой дикимъ виноградомъ, поскользнулся объ апельсинную корку и растянулся во всю длину на тротуарѣ. Изъ садовой калитки вышелъ въ эту минуту смуглый, гладко выбритый мужчина въ камзолѣ грубаго зеленаго сукна и высокихъ ботфортахъ; онъ безъ труда, шутя, поднялъ нашего толстяка и даже подалъ ему палку съ золотымъ набалдашникомъ, которую тотъ уронилъ въ грязь. И тогда лишь остановилъ на немъ взоръ черныхъ, осѣненныхъ густыми рѣсницами глазъ:

— Э! Да это Хасинто Гальяонъ. Ты что это разгуливаешь въ такой необычный часъ?

Пораженный Хасинто узналъ инфанта дона Мигуэля[4]).

---

1) Конто рейсовъ — 2.250 рублей.

2) Создатель величія Португаліи, правилъ съ 1279—1325 годъ.

3) Гальонъ — большой корабль, галіонъ.

4) Португальскій узурпаторъ, третій сынъ Іоанна VI. Въ 1821 году поставленный своею матерью, испанской инфантой, во главѣ абсолютистко-теократической партіи, пытался произвести государственный переворотъ, отмѣнить конституцію и свергнуть своего отца, но, потерпѣвъ неудачу, былъ изгнанъ изъ предѣловъ страны. Послѣ смерти Іоанна VI португальская корона перешла къ Маріи да-Глорія, племянницѣ донъ Мигуэля, дочери его старшаго брата, донъ Педро. Мигуэль обручился съ нею и сталъ править страной вмѣсто нея, но вскорѣ распустилъ конституціонные кортесы и созвалъ старый парламентъ,

Съ этого дня Гальяонъ предался сердцемъ доброму инфанту и сталъ обожать его паче Господа Бога и даже паче своего желудка. Въ парадномъ залѣ его дома въ Пампулѣ, на персидскомъ коврѣ висѣлъ портретъ его «спасителя», словно алтарь, украшенный пальмовыми вѣтвями, и у подножія портрета палка, поднятая изъ грязи свѣтлѣйшими руками его высочества. Пока инфантъ прозябалъ въ изгнаніи въ Вѣнѣ, толстобрюхій донъ Гальяонъ горестно вздыхалъ о своемъ «ангелочкѣ» и агитировалъ за его возвращеніе. Во время войны «съ тѣмъ, другимъ, съ франкмасономъ», онъ съ нарочными послалъ королю окорока вареной ветчины, маринады, варенья, таррасальское вино въ бутылкахъ и шелковые кошельки, туго набитые золотыми монетами, которыя Гальяонъ собственноручно намыливалъ, чтобъ онѣ хорошо блестѣли. Когда же онъ узналъ, что его возлюбленный донъ Мигуэль съ двумя старыми чемоданами, привязанными къ спинѣ мула, отправился, теперь ужъ въ вѣчное изгнаніе, въ Синэсъ, Хасинто Гальяонъ прибѣжалъ домой, въ знакъ траура заперъ всѣ окна и въ бѣшенствѣ воскликнулъ:

— Я не останусь здѣсь! И я тоже уѣду.

Нѣтъ, не останется онъ жить въ безсовѣстной странѣ, изгнавшей изъ своихъ предѣловъ ограбленнаго короля, такого добраго, такого ласковаго къ своимъ подданнымъ, что онъ собственноручно поднимаетъ ихъ, когда они случайно упадутъ на улицѣ. И онъ отплылъ во Францію, вмѣстѣ съ своей супругой, сеньорой доньей Анхелиной Фафесъ, изъ достославнаго рода авельянскихъ Фафесовъ, а также сыномъ своимъ, Цинтиньо, изжелта блѣднымъ болѣзненнымъ ребенкомъ, нянькою его и негритенкомъ слугой.

У кантабрійскаго берега ихъ пакетботъ перенесъ такую жестокую бурю, что измученная донья Анхелина въ каютѣ на колѣняхъ возлѣ своей койки молилась чудотворному образу страстотерпца Іисуса Алькантарскаго, «защитника отъ морскихъ бурь», обѣщая принести ему въ даръ золотой терновый вѣнецъ съ каплями крови изъ рубиновъ. Въ Байоннѣ, гдѣ они высадились, Цинтиньо схватилъ желтую лихорадку. По дорогѣ въ Орлеанъ въ ненастную ночь сломалась ось у дорожной кареты, въ которой ѣхали наши добровольные

который и провозгласилъ его королемъ. Побѣдивъ силой оружья брата, который пошелъ на него войной, узурпаторъ самыми жестокими мѣрами подавилъ всякія проявленія недовольства враждебной ему партіи. Однакоже, въ 1832 году донъ Педро отвоевалъ Опорто (день этотъ, 9-го іюля и понынѣ остается національнымъ праздникомъ), а въ 1833 взялъ Лиссабонъ и посадилъ на королевскій тронъ Марію II, Мигуэль вынужденъ былъ въ 1834 г. подписать капитуляцію въ Эворѣ, отречься отъ престола и выѣхать изъ предѣловъ страны. Онъ умеръ въ 1866 г. въ Германіи.

эмигранты, и толстякъ Гальяонъ, задыхавшійся отъ ходьбы, и его нѣжно воспитанная супруга изъ рода Авельяновъ, вмѣстѣ съ ихъ хилымъ отпрыскомъ, словно подлинные изгнанники, въ грязи и подъ дождемъ шагали три часа до ближайшей деревни, какъ нищіе, напрасно стучась въ двери и прося пріюта, и, наконецъ, заночевали на голыхъ деревянныхъ скамьяхъ въ придорожномъ кабакѣ. Въ «Отелѣ святыхъ Отцовъ» въ Парижѣ, гдѣ они остановились, ночью вспыхнулъ пожаръ въ конюшнѣ, какъ разъ подъ комнатой донъ Гальяона, и достойный фидальго, въ одной сорочкѣ, босой, спустился съ лѣстницы во дворъ и поранилъ себѣ ногу осколкомъ стекла. Полный гнѣва и горечи онъ воздѣлъ къ небу темныя волосатыя руки и возопилъ:

— Господи, доколѣ же?.. Будь проклятъ этотъ міръ!

На той же недѣлѣ Хасинто Гальяонъ, не выбирая долго, купилъ у польскаго князя, который послѣ взятія Варшавы поступилъ въ монастырь картезіанцевъ, тотъ самый дворецъ въ Елисейскихъ Поляхъ, о которомъ мы давеча упоминали, № 202. И подъ расписными плафонами, на бархатныхъ коврахъ отдохнулъ, наконецъ, отъ всѣхъ дорожныхъ треволненій. Здѣсь онъ велъ жизнь спокойную, привольную, сытно и вкусно ѣлъ и кормилъ товарищей по изгнанію (совѣтника Верховнаго Суда Нино Бельо, графа Рабацена и др.), пока, въ одинъ прекрасный день, не скончался отъ несваренія желудка. Друзья его думали, что послѣ его смерти донья Анхелина вернется въ Португалію, но добрая женщина до смерти боялась путешествій, моря и каретъ, у которыхъ ломаются по дорогѣ оси. Притомъ же ей не хотѣлось разставаться ни со своимъ духовникомъ, ни съ своимъ докторомъ, которые умѣли такъ искусно — одинъ разрѣшать ея душевныя сомнѣнія, другой — облегчать ея астму.

— Я остаюсь здѣсь, въ № 202, — объявила она, — хоть мнѣ и очень не хватаетъ цѣлебныхъ арколенскихъ водъ... Когда Цинтиньо подрастетъ, тогда пусть онъ рѣшаетъ самъ, гдѣ намъ жить дальше.

Цинтиньо росъ такимъ же, какъ и въ дѣтствѣ, тоненькимъ и блѣднымъ, словно восковая свѣчка, съ длинными прямыми волосами и огромнымъ носомъ. Одѣвался онъ всегда въ черное, и одежда висѣла на немъ, какъ на вѣшалкѣ; по ночамъ кашлялъ и задыхался отъ приступовъ удушья и, чтобы какъ-нибудь прогнать безсонницу, съ фонарикомъ бродилъ въ длинной ночной сорочкѣ по всѣмъ комнатамъ № 202, такъ что слуги прозвали его тѣнью. Неразговорчивый и нерѣшительный, по истеченіи срока траура по отцѣ, онъ вдругъ объявилъ, что хочетъ учиться токарному дѣлу и завелъ себѣ станокъ; на двадцатомъ году его весны въ сердцѣ его расцвѣло новое

чувство — восхищенія и любви къ дочери совѣтника Верховнаго Суда, Белье, дѣвушкѣ кругленькой и кроткой, какъ лѣсная голубка, воспитывавшейся въ одномъ изъ парижскихъ монастырей. Осенью 1851 года, когда въ Елисейскихъ Поляхъ съ каштановъ ужъ опали листья, Цинтиньо началъ кашлять кровью. Докторъ насупился, погладилъ себѣ бороду и посовѣтовалъ юношѣ съѣздить въ Сицилію, или же погрѣться на солнышкѣ въ горячихъ пескахъ Аркашона.

Но Цинтиньо не хотѣлось уѣзжать отъ Терезины Белье, за которой онъ ходилъ тѣнью по всему Парижу. Онъ повѣнчался съ ней, выточилъ еще нѣсколько вещичекъ на своемъ станкѣ, выплюнулъ съ кровью остатки своихъ легкихъ и неслышно, какъ тѣнь, ушелъ изъ этого міра.

Три мѣсяца и три дня спустя послѣ его похоронъ родился на свѣтъ мой Хасинто.

Отъ колыбели, которую бабушка его окуривала ладаномъ и амброй, отъ «дурного глаза и всяческихъ напастей», Хасинто росъ здоровымъ, крѣпкимъ мальчикомъ, стройнымъ, какъ молодая елочка, увѣреннымъ въ себѣ и смѣлымъ.

Ни кори, ни глистовъ у него не было. Ученье далось ему безъ труда; грамота, счетъ и латынь проникли въ его мозгъ такъ же легко, какъ солнце сквозь стекло. Въ играхъ со школьными товарищами онъ всегда былъ ихъ предводителемъ, лихо размахивалъ жестяной саблей, командовалъ, словно заправскій командиръ, и всегда побѣждалъ, пожиная лавры и похвалы. Возрастъ, когда зачитываются Бальзакомъ и Мюссе, онъ пережилъ безъ всякихъ мукъ чувствительности; въ лѣтнія сумерки не сидѣлъ одиноко у окна, мечтая и тоскуя о недостижимомъ. Всѣ его друзья (насъ было трое, считая и стараго слугу негра Грильо) были ему вѣрными и безкорыстными друзьями, не завидовавшими его богатству и не пугавшимися его откровеннаго эгоизма. Не склонный по натурѣ къ бурнопламеннымъ чувствамъ и очень довольный этой освобождающей холодностью натуры, онъ изъ любви высасывалъ лишь медъ, который любовь бережетъ для тѣхъ, кто, какъ пчела, сбираетъ его весело, перелетая съ цвѣтка на цвѣтокъ и радостно жужжа. Здоровый, молодой, богатый, равнодушный къ славѣ, онъ не зналъ иного честолюбія, какъ выработать себѣ общее міровоззрѣніе, и въ веселые годы студенчества и споровъ, научныхъ и принципіальныхъ, умъ его скользилъ въ дебряхъ философіи такъ же блестяще и легко, какъ угорь въ голубой водѣ пруда. Его любили и цѣнили, въ полную мѣру; каждое мнѣніе, высказанное имъ, каждая шутка встрѣчались сочувственно и превозносились до небесъ. Даже съ «вещами» ему удивительно везло: не помню случая, чтобъ у него оторвалась

пуговица отъ рубашки, чтобъ нужное письмо коварно исчезло изъ его стола, или чтобы ящикъ комода, захлопнувшись, злобно прищемилъ ему палецъ. Когда однажды онъ, недовѣрчиво посмѣиваясь надъ Фортуной и ея колесомъ счастья, купилъ у одного испанца десятую часть лотерейнаго билета, Фортуна легкими стопами съ ясной улыбкой поспѣшила преподнести ему выигрышъ въ четыреста тысячъ пезетъ. Если въ пасмурный день, сулящій дождь, Хасинто случалось выйти безъ зонтика, тучи почтительно удерживали готовую пролиться воду, пока онъ не дойдетъ до мѣста... Амбра и ладанъ доньи Анхелины разъ навсегда застраховали его отъ «напастей». И жизнь моего друга текла, какъ мирная рѣка, тихая, свѣтлая, на ложѣ бѣлаго и гладкаго песка, среди душистой зелени и мирныхъ деревень, пріятно и удобно, словно катанье въ лодкѣ кедроваго дерева, на мягкихъ подушкахъ, подъ балдахиномъ, защищающимъ отъ солнца, съ приготовленными для прохлажденія фруктами и замороженнымъ шампанскимъ, съ ангеломъ на кормѣ и парой другихъ ангеловъ, тянущихъ лодку бечевой.

И всѣ звали Хасинто «*принчипе да Гранъ-Вентура*» или принцемъ Счастливчикомъ.

Хасинто и я, Хозэ Фернандесъ, познакомились и подружились въ Парижѣ, въ школахъ Латинскаго Квартала, куда меня послалъ мой добрый дядя, Аффонзо Фернандесъ Лорена де Норонья да Санддэ.

Въ то время Хасинто уже владѣла плѣнившая его идея, что по-настоящему счастливъ можетъ быть только человѣкъ утонченно культурный. А подъ культурнымъ человѣкомъ другъ мой разумѣлъ того, кто питаетъ свой умъ всѣми сокровищами мысли, подаренными человѣчеству мыслителями и философами, начиная съ Аристотеля, а физическія способности органовъ своего тѣла умножаетъ всѣми механическими приспособленіями, придуманными техниками, со временъ Терамена, изобрѣтателя колеса, превращая себя такимъ образомъ въ нѣкоего чудеснаго Адама, который почти всемогущъ, почти всезнающъ и однакоже, способенъ извлекать новыя выгоды и наслажденія изъ новыхъ завоеваній и достиженій прогресса... Такъ, по крайней мѣрѣ, формулировалъ Хасинто свою идею, когда между нами, за бакаломъ пива, лѣтомъ въ какой-нибудь тавернѣ на бульварѣ Сенъ-Мишель заходила рѣчь о цѣли жизни и назначеніи человѣка.

Эта идея Хасинто очень привилась, и вокругъ насъ образовался цѣлый кружокъ единомышленниковъ; молодежь, начавшая жить умственной жизнью между 1866 и 1875 годомъ, т. е. между битвой при Садовой и битвой подъ Седаномъ, все время слышала отъ фило-

софовъ и техниковъ, что при Садовой побѣдило ружье съ новымъ автоматическимъ запаломъ, а подъ Седаномъ — школьный учитель, и убѣждались, что счастье индивидуума, равно какъ и счастье народовъ, достигается лишь неограниченнымъ развитіемъ механики и процвѣтаніемъ наукъ.

Но для Хасинто эта идея отнюдь не была лишь метафизической; наоборотъ, у него она превратилась въ принципъ, основанный на практической пользѣ и регулирующій все его жизненное поведеніе. Уже въ то время, слѣдуя своей идеѣ, онъ обзавелся «Маленькой энциклопедіей общихъ знаній» въ 75 томахъ и поставилъ на крышѣ № 202 въ стеклянной будкѣ телескопъ. И при помощи этого телескопа въ одинъ прелестный теплый августовскій вечеръ наглядно объяснилъ мнѣ руководящую идею своей жизни. На горизонтѣ сверкали зарницы. По авеню Елисейскихъ Полей медленно и лѣниво ползли фіакры, везя въ лѣсъ ищущихъ прохлады парижанъ; за раскрытыми окнами каретъ виднѣлись свѣтлыя платья женщинъ.

— Теперь ты убѣдился, Зэ [1]) Фернандесъ, — говорилъ Хасинто, облокотившись на окно своей обсерваторіи, — что моя теорія подтверждается на практикѣ. Тѣлесными очами, дарованными намъ матерью-природой, какъ бы ни были они ясны и зорки, мы видимъ только вотъ это освѣщенное окно—витрину магазина въ концѣ авеню. Ничего больше. А въ бинокль, при помощи двухъ простыхъ стеколъ, приложенныхъ къ моимъ глазамъ, я вижу, что это окно колбасной, вижу за окномъ ветчину, сыръ, телячьи ножки, баночки съ вареньемъ и ящики съ сушенымъ черносливомъ. Слѣдовательно, я имѣю несомнѣнное преимущество надъ тобой, который простымъ глазомъ видитъ одно лишь освѣщенное окно. А въ этотъ телескопъ, устроенный по всѣмъ правиламъ современной науки, я могъ бы увидать даже моря на Марсѣ, снѣговыя горы, каналы и заливы, словомъ, всю географію планеты, отстоящей отъ насъ на тысячи и тысячи миль. Ты видишь, примитивное орудіе — глазъ — цивилизаціей доведенъ до высшей способности видѣнія. И, слѣдовательно, я, цивилизованный человѣкъ, счастливѣй нецивилизованнаго, ибо моимъ взорамъ доступно то, что ему и во снѣ не снилось. А разумъ нашъ? А умственныя наслажденія? Кто счастливѣй: Ренанъ или Грильо? Ясно, какъ день, что мы должны окружить себя всѣми завоеваніями культуры въ высшемъ масштабѣ, тогда мы въ высшей мѣрѣ будемъ наслаждаться жизнью. Ты согласенъ со мною, Зэ Фернандесъ?

Мнѣ вовсе не казалось такимъ ужъ несомнѣннымъ, что Ренанъ долженъ быть счастливѣе Грильо; и не очень я понималъ, какая мнѣ

---

[1]) Хозэ.

можетъ быть выгода отъ того, что я увижу гдѣ-то въ пространствѣ пятна на планетѣ, или телячьи ножки за окномъ колбасной. Но все-таки я соглашался, потому что отъ природы я человѣкъ добрый и не люблю разувѣрять людей въ томъ, что имъ доставляетъ утѣшеніе и радость. Я застегнулъ жилетъ, указалъ рукой внизъ, на освѣщенныя окна кафэ и предложилъ:

— А потому идемъ пить «въ высшей мѣрѣ» коньякъ съ содовой и со льдомъ.

Культура воплощалась для моего друга во образѣ огромнѣйшаго города со множествомъ органовъ, безупречно функціонирующихъ. И онъ не понималъ, какъ можетъ человѣкъ въ девятнадцатомъ вѣкѣ полностью наслаждаться жизнью вдали отъ магазиновъ, обслуживаемыхъ тысячами продавщицъ, отъ рынковъ, куда тридцать провинцій везутъ лучшіе свои плоды и овощи, отъ банковъ, гдѣ звенитъ правящее міромъ золото, отъ дымныхъ фабрикъ, отъ библіотекъ, биткомъ набитыхъ бумажнымъ хламомъ всѣхъ вѣковъ, отъ безконечныхъ улицъ, надъ которыми и подъ которыми тянутся провода, телеграфные и телефонные, трубы газопроводныя и сточныя, отъ дребезжащихъ омнибусовъ, телѣгъ, велосипедовъ, колясокъ и каретъ, отъ двухъ милліоновъ людей, бьющихся изъ-за куска хлѣба, или же тѣшащихъ себя иллюзіей, будто они наслаждаются жизнью и культурой.

Развивая мнѣ свои мысли на верандѣ дома № 202, подъ цвѣтущимъ кустомъ сирени, Хасинто словно выросталъ у меня на глазахъ.

— Какой шедевръ творчества городъ! Только въ немъ, Зэ Фернандесъ, человѣкъ можетъ гордо выявить себя, утвердить свою духовную личность.

— Хасинто, а религія? Не она ли прибѣжище и утвержденіе души?

Онъ пожималъ плечами.

— Религія! Религія развилась изъ самаго элементарнаго инстинкта, присущаго всѣмъ самымъ грубымъ и неразвитымъ существамъ — изъ страха. Собака, лижущая руку господина, которая кормитъ ее и бьетъ — вотъ окарикатуренный образъ молящагося, разсчетливо, сознательно, преклоняющаго колѣни передъ Богомъ, который можетъ наградить его райскимъ блаженствомъ или адскими муками... То ли дѣло телефонъ. То ли дѣло фонографъ... Фонографъ, другъ мой, Зэ Фернандесъ, даетъ мнѣ чувствовать мое превосходство надъ существами, не способными мыслить, разницу между мною и животнымъ. Повѣрь мнѣ, Зэ Фернандесъ, выше и лучше города нѣтъ ничего.

— И, наконецъ, городъ даетъ намъ ощущеніе, такое же не-

обходимое для жизни, какъ тепло — ощущеніе солидарности между людьми. Глядя изъ оконъ своего отеля на это множество домовъ, въ которыхъ живутъ и дышатъ два милліона людей, я чувствую такое же успокоеніе, какъ пилигримъ, который, во время странствованія по пустынѣ, приподымаясь на спинѣ своего дромадера, озираетъ свой караванъ и видитъ впереди и позади себя длинный рядъ верблюдовъ, нагруженныхъ спичками или оружіемъ.

Зато природа, настоящая, не городская, равнодушная и безсознательная, повергала Хасинто въ страхъ и трепетъ. На лонѣ ея онъ чувствовалъ себя заброшеннымъ и одинокимъ, какъ будто преданнымъ и проданнымъ въ міръ, гдѣ все и всѣ были ему враждебны. Терновникъ не втягивалъ внутрь своихъ иглъ, чтобы дать ему безпрепятственно пройти. Когда ему хотѣлось ѣсть, ни одно дерево, отягощенное плодами, не наклоняло сострадательно своей вершины, чтобы онъ могъ сорвать съ вѣтки спѣлый плодъ. Наконецъ, на лонѣ природы у него неожиданно являлось непріятное и унизительное сознаніе ненужности всѣхъ его высоко культурныхъ дарованій. Интеллектуальность на лонѣ природы ни къ чему — тамъ можно жить только животной жизнью. Въ царствѣ животныхъ и растеній процвѣтаютъ только двѣ функціи: питаніе и размноженіе. Между жующихъ жвачку мордъ и корней, непрерывно впитывающихъ въ себя соки земли, онъ чувствовалъ себя чужимъ, ненужнымъ; его бѣдная душа съеживалась и увядала подъ горячимъ дыханіемъ общаго оплодотворенія, превращалась въ искорку, едва мерцающую на кускѣ матеріи, покорной только двумъ всесильнымъ инстинктамъ: поглощенія и производства. Онъ увѣрялъ, что, если бъ онъ провелъ недѣлю на лонѣ природы, отъ него, со всей его утонченностью, остался бы только желудокъ и Phallus. А душу задавилъ бы звѣрь... А потому, скорѣе въ городъ, окунуться въ сверкающій потокъ цивилизаціи, смыть съ себя въ немъ налипшую кору растительнаго прозябанія и снова вынырнуть человѣкомъ, духовной личностью...

За всѣми этими затѣйливыми метафорами моего друга крылось искреннее чувство. Я убѣдился въ томъ на опытѣ, единственный разъ, когда мы съ Хасинто предприняли прогулку «на лоно природы», въ милый лѣсъ Монморанси. Вотъ-то была потѣха! Хасинто совершено не умѣлъ ходить, иначе какъ по мостовой или по тротуару. Онъ боялся пройти по лугу, даже и выжженному солнцемъ, увѣряя, что онъ промочитъ ноги, схватитъ смертельную простуду, или же увязнетъ въ болотѣ. Подъ каждымъ камнемъ мерещились ему гадюки, скорпіоны, что-то липкое, скользкое, ползучее. Безмолвіе лѣса навѣвало на него жуть, ему казалось, что міръ отжилъ и вымеръ. Довѣрчивая ласка вѣтвей, касавшихся его лица и платья, приводила

его въ негодованіе. Онъ считалъ унизительнымъ для себя лазить черезъ плетни, какъ обезьяна. Всякій цвѣтокъ, котораго онъ раньше не видалъ въ садахъ и который вѣками не служилъ для украшенія столовъ, казался ему ядовитымъ. И забавно было видѣть, въ какое уныніе его повергали нѣкоторыя формы и особенности неодушевленной природы: стремительность ручьевъ, обнаженность утесовъ, искривленность, или узловатость деревьевъ и торжественный усыпляющій шелестъ ихъ листвы.

Послѣ часа, проведеннаго въ этомъ лѣсу, привѣтливомъ и миломъ, мой бѣдный другъ задыхался отъ страха и увѣрялъ, что душа его уже сморщивается и вянетъ, что онъ ужъ начинаетъ превращаться въ обыкновенное животное. И ожилъ онъ только тогда, когда мы снова очутились на парижской мостовой, освѣщенной газовыми фонарями, въ коляскѣ, ежеминутно рискующей быть раздавленной громыхающимъ омнибусомъ. Онъ велѣлъ кучеру остановиться на бульварахъ, тамъ, гдѣ было всего люднѣе, и потребовалъ, чтобъ я пошелъ съ нимъ въ Варьетэ, чтобы куплетами «La femme à Papà» выбить у него изъ памяти веселую пѣсенку дрозда на высокомъ платанѣ.

Тогда моему милому Хасинтю было всего только двадцать три года; это былъ статный юноша, въ которомъ расцвѣла сила стариннаго помѣщичьяго рода, издревле сидѣвшаго на землѣ. Лишь тонкій носъ съ прозрачными подвижными ноздрями, словно все время что-то нюхавшими, говорилъ объ утонченности сына девятнадцатаго вѣка. Волосы его курчавились безъ парикмахерскихъ щипцовъ; усы, густые, шелковистые, падали книзу, какъ у кельтовъ, и ему приходилось зачесывать ихъ вверхъ и завивать. Свои костюмы, темные атласные галстухи, скрѣпленные жемчужиной, бѣлыя перчатки буйволовой кожи, лакъ для сапогъ — все онъ выписывалъ изъ Лондона. Въ петлицѣ онъ всегда носилъ цвѣтокъ, но не обыкновенный, а искусно составленный его цвѣточницей изъ лепестковъ разныхъ цвѣтовъ, гвоздикъ, азалій, орхидей или тюльпановъ, соединенныхъ на одномъ стеблѣ.

Въ февралѣ 1880 года, въ сѣрый, неласковый, дождливый день я получилъ отъ дяди моего Аффонзо Фернандеса, письмо, въ которомъ, послѣ обычныхъ жалобъ на старость, геморрой и трудность управленія имѣніями, требующаго «болѣе молодыхъ ногъ и головы», мнѣ настоятельно предлагалось вернуться въ наше родовое имѣніе, Гвіаэнсъ, въ Дуро. Прислонясь къ треснувшей мраморной доскѣ камина, на которой вчера вечеромъ моя Нини оставила снятый ею кор-

сетъ, завернутый въ «Журналъ де Деба», я перечитывалъ письмо, строго осуждая поведеніе дяди, который такимъ образомъ подсѣкалъ въ корнѣ мои еще не успѣвшіе расцвѣсть успѣхи въ юридическихъ наукахъ. Въ постскриптумѣ онъ прибавлялъ: «Погода здѣсь чудесная, розы цвѣтутъ; тетушка твоя шлетъ тебѣ привѣтъ — она занята въ кухнѣ; сегодня тридцатишестилѣтняя годовщина нашей свадьбы, будутъ гости, и ей, понятно, не хочется ударить лицомъ въ грязь».

Подбрасывая дровъ въ огонь, я думалъ о томъ, какой вкусный супъ, навѣрное, сварила въ этотъ день тетушка Висенція. Ужъ много лѣтъ не пробовалъ я ея суповъ, такъ же, какъ и жаренаго поросенка и подрумяненнаго въ духовкѣ риса — спеціальность нашего дома. Разъ погода стоитъ чудесная, значитъ мимозы во дворѣ у насъ, навѣрно, уже гнутся подъ тяжестью желтыхъ цвѣтовъ. Въ окно смотрѣлъ кусочекъ голубого неба — такое ли небо въ Гвіаэнсѣ! — но и этого было довольно, чтобы окутать меня чарами: и вмѣсто стараго протертаго ковра я увидалъ передъ собой зеленые луга, ручьи, полевые цвѣты и клеверъ, по которымъ я давно стосковался; а сквозь саржевыя занавѣски на меня вдругъ пахнуло душистымъ, пряным горнымъ воздухомъ... Насвистывая грустную пѣсенку, нашъ родной фадо, я вытащилъ изъ-подъ кровати чемоданъ и межъ носками и кальсонами тщательно уложилъ учебникъ гражданскаго права, съ тѣмъ, чтобы среди сельской тишины, въ тѣни деревьевъ изучить, наконецъ, законы, управляющіе жизнью народовъ. Въ тотъ же день я сообщилъ Хасинто, что я уѣзжаю въ Гвіаэнсъ. У друга моего вырвался глухой стонъ ужаса и сожалѣнія:

— Въ Гвіаэнсъ? О, Зэ Фернандесъ, какой ужасъ!

И цѣлую недѣлю онъ одолѣвалъ меня напоминаніями, что мнѣ необходимо взять съ собой, чтобы вдали отъ міра, въ деревенской глуши, хоть немного сохранить въ себѣ душу живую.

— Захвати складной стулъ. Не забудь взять всеобщую энциклопедію. Не позабудь захватить хоть двѣ банки консервовъ спаржи...

Въ глазахъ Хасинто я былъ, какъ вырванное съ корнемъ дерево, которому ужъ не расти. На вокзалъ онъ меня провожалъ съ такимъ убитымъ видомъ, словно присутствовалъ на моихъ похоронахъ. И, когда захлопнулъ за мной дверцу вагона, торжественно и мрачно, какъ закрываютъ двери склепа, я, признаться, даже всплакнулъ, такъ мнѣ вдругъ стало жалко самого себя.

Въ Гвіаэнсѣ мимозы на дворѣ нашемъ еще не отцвѣли. Я съ наслажденіемъ уписывалъ за обѣ щеки супы тетки Висенціи; и, обувшись въ деревянныя сандаліи, надзиралъ за жатвой маиса. А послѣ жатвы вскорѣ снова началась пахота; послѣ обмолачиванія зерна на

тему пошла охота на куропатокъ на росистыхъ жнивьяхъ; церковные праздники, ярмарки; я разбивалъ арбузы, плясалъ подъ каштанами, просиживалъ долгіе зимніе вечера при лампѣ въ кругу своей семьи, въ канунъ Иванова дня прыгалъ черезъ костры, на Рождество строилъ ясли и вертепы. И такъ, незамѣтно, прошло семь лѣтъ, въ теченіе которыхъ я былъ такъ все время занятъ, что не успѣлъ ни разу раскрыть учебникъ гражданскаго права, — прошли такъ ровно и однообразно, что единственное «событіе», запомнившееся мнѣ за эти годы, было паденіе съ лошади пастора въ Николинъ день, передъ дверью Браза досъ Кортэсъ. Хасинто присылалъ иногда письма, коротенькія, въ десять строкъ, наскоро нацарапанныхъ среди сутолоки цивилизованной столичной жизни.

Кончилось тѣмъ, что въ сентябрѣ—день былъ ужасно жаркій—во время сбора винограда, которымъ онъ всегда лично руководилъ, мой дядюшка Аффонзо Фернандесъ уснулъ и не проснулся — отошелъ въ иной міръ, милостью Божьей, такъ же незамѣтно, какъ незамѣтно засыпаетъ птичка, за день налетавшись и напѣвшись до устали. Я дожилъ у себя въ имѣніи до конца траура. А затѣмъ крестница моя Джоаннина вышла замужъ; я остался одинъ; въ домѣ чинили крышу . . . И я рѣшилъ ѣхать въ Парижъ.

II.

Снова въ февральскій день, пасмурный и холодный, я подходилъ къ дому № 202. Впереди меня шелъ господинъ, нѣсколько сгорбленный, въ которомъ все, отъ блестящихъ, какъ зеркало, сапогъ, до идеальной бѣлизны воротничка, подъ курчавившимися на затылкѣ волосами, говорило объ исключительной утонченности и изяществѣ. Въ рукахъ, заложенныхъ за спину и обтянутыхъ бѣлыми замшевыми перчатками, онъ несъ толстую трость съ хрустальнымъ набалдашникомъ. Но только, когда онъ остановился у подъѣзда № 202, я узналъ тонкій носъ и шелковистые усы моего друга.

— Алло, Хасинто!

— Да это ты, Зе Фернандесъ!

Мы обнялись такъ бурно, что моя шляпа полетѣла въ грязь, оба растроганно бормоча:

— Цѣлыхъ семь лѣтъ мы не видались . . .

— Семь лѣтъ! Только подумать . . .

Однако, за семь лѣтъ въ саду № 202 ничего не перемѣнилось. Попрежнему межъ двухъ аллеекъ, посыпанныхъ свѣжимъ гравіемъ, круглилась лужайка, гладкая, какъ коверъ. Коринѳская ваза посерединѣ ждала только апрѣля, чтобъ расцвѣсти тюльпанами, и іюня, чтобы наполниться черезъ край маргаритками.

По обѣ стороны подъѣзда, крытаго стекляннымъ навѣсомъ, двѣ тощихъ каменныхъ богини, еще эпохи дона Гальяона, держали въ рукахъ старомодныя лампы съ матовыми шлифованными колпаками, въ которыхъ уже шипѣлъ газъ.

Однако, ужъ въ передней мнѣ бросилось въ глаза нововведеніе—подъемная машина, которую Хасинто счелъ нужнымъ устроить, хотя домъ № 202 имѣлъ всего два этажа и такую удобную лѣстницу, что даже страдавшая астмой донья Анхелина не находила труднымъ подниматься по ней. Кабинка лифта была просторная, вся выложенная коврами, со множествомъ удобствъ, съ диваномъ, съ медвѣжьей шкурой на полу, съ планомъ Парижа на стѣнѣ и двумя полками, для книгъ и для сигаръ. А подъемъ занималъ не болѣе семи секундъ.

Въ верхней пріемной, куда привезъ насъ лифтъ, температура была мягкая и теплая, какъ майскій день въ Гвіаэнсѣ. Слуга, приставленный регулировать топку, не сводилъ глазъ съ термометра и все время поворачивалъ вправо и влѣво золоченый кранъ. Распылители, стоявшіе подъ пальмами, словно гдѣ-нибудь на террасѣ въ Бенаресѣ, распространяли легкій паръ, дѣлавшій воздухъ влажнымъ и душистымъ.

Я невольно пробормоталъ:

— Вотъ оно что значитъ культура!

Хасинто отворилъ дверь, и мы очутились въ величественной, полутемной залѣ, въ которой, споткнувшись о груду новыхъ книгъ, я призналъ библіотеку. Мой другъ слегка провелъ пальцемъ по стѣнѣ, и подъ рѣзнымъ дубовымъ потолкомъ вспыхнула электрическая люстра, озаривъ монументальные полки чернаго дерева, на которыхъ помѣщалось болѣе 30.000 томовъ, въ бѣлыхъ, черныхъ и красныхъ переплетахъ съ золотымъ тисненіемъ, строгихъ и важныхъ, какъ доктора на консультаціи.

Я не могъ скрыть своего изумленія.

— О, Хасинто, сколько у тебя книгъ!

— Да, есть что почитать, — съ блѣдной улыбкой молвилъ онъ.

Только теперь замѣтилъ я, что мой пріятель очень похудѣлъ, и по обѣ стороны носа у него залегли глубокія морщины, какъ бываетъ у пожилыхъ актеровъ. И кудрявые волосы его спереди сильно порѣдѣли, и лобъ утратилъ прежнюю чистоту полированнаго мрамора. Усовъ онъ, очевидно, ужъ не завивалъ, и концы ихъ, не опаленные щипцами, задумчиво свисали внизъ. Замѣтилъ я и то, что Хасинто немного горбится.

Онъ отдернулъ портьеру, и мы вошли въ его рабочій кабинетъ. У меня даже духъ захватило. Темныхъ цвѣтовъ ковры были такъ мягки и пушисты, что звукъ шаговъ становился совсѣмъ неслышнымъ.

Стѣны, диваны, полки на стѣнахъ — все было обито зеленымъ бархатомъ, темно-зеленымъ, какъ зелень лавра. Зеленые шелковые абажуры смягчали свѣтъ электрическихъ лампъ, такихъ низкихъ, что онѣ напоминали собою звѣздочки, упавшія и догорающія на столахъ. Одна только свѣтила ярко, не затѣненная абажуромъ, словно одинокій маякъ, надъ четырехстороннимъ, открытымъ книжнымъ шкафомъ, висѣвшимъ тоже одиноко, какъ бышня на равнинѣ. Зеленый лакированный экранъ, цвѣтомъ напоминающій изумрудную зелень весенняго луга, прикрывалъ собою каминъ изъ темно-зеленаго мрамора, въ которомъ лѣниво тлѣли два полѣна душистаго кипарисоваго дерева. И среди всей этой зелени блестѣло на цоколяхъ и пьедесталахъ множество механическихъ приборовъ: какія-то пластинки, аппараты, колесики, трубочки, стержни — все острое, холодное, стальное.

Хасинто хлопнулъ рукой по сидѣнью дивана, на которое онъ самъ устало опустился; для меня было новостью видѣть его усталымъ.

— Сюда, Зэ Фернандесъ! Сюда! Присаживайся. Надо же связать порванныя нити. Давай разсказывать другъ другу, какъ мы прожили эти семь лѣтъ. Семь лѣтъ въ Гвіаэнсѣ. Что ты, собственно, дѣлалъ тамъ все это время?

— А ты, Хасинто, что тутъ дѣлалъ?

Онъ устало пожалъ плечами.

— Что дѣлалъ? Жилъ. Знакомился со всѣми новыми изобрѣтеніями, совершенствующими, какъ матеріальную, такъ и духовную жизнь человѣка.

— И накопилъ же ты здѣсь сокровищъ культуры! Богъ ты мой... У тебя тутъ цѣлый музей...

Онъ обвелъ комнату тоже усталымъ взоромъ.

— Да, разныя удобства... Но еще многаго не достаетъ. Человѣчество такъ скудно вооружено для жизни, Зэ Фернандесъ... А жизнь ставитъ столько препятствій...

Неожиданно гдѣ-то въ углу затрещалъ телефонъ. И пока другъ мой, наклонившись надъ аппаратомъ, нетерпѣливо допытывался: «Кто говоритъ?» я съ любопытствомъ разглядывалъ на его письменномъ столѣ коллекцію какихъ-то загадочныхъ маленькихъ инструментовъ изъ никкеля, стали, желѣза, мѣди, съ шарнирами, кольцами, зубчиками, щипцами и крючками, всѣ очень импозантные и совершенно непонятнаго для меня назначенія. Я взялъ одинъ, попробовалъ раскрыть его — моментально предательское остріе впилось мнѣ въ палецъ. Въ то же мгновеніе въ другомъ углу послышалось какое-то жуткое: «Тикъ-тикъ-тикъ-тикъ». Хасинто поднялъ голову надъ телефономъ.

— Подойди, пожалуйста, къ телефону... Тамъ около дивана. Изъ него надо вынуть бумажную полоску, она свѣшивается.

Дѣйствительно, изъ стекляннаго сосуда, поставленнаго на колонку и заключавшаго въ себѣ интересный хитро устроенный приборъ, выбѣгала длинная и узкая бумажная полоска съ печатными буквами, червякомъ извиваясь по ковру. Я, отвыкшій въ горахъ отъ такой прикладной цивилизаціи, съ недоумѣніемъ и восторгомъ поднялъ ее. Синія печатныя строки извѣщали моего друга Хасинто, что русскій фрегатъ «Азовъ», потерпѣвъ аварію, вошелъ въ марсельскій портъ.

Хасинто уже кончилъ разговоръ по телефону. Я съ тревогой спросилъ его, не грозитъ ли ему лично убытками аварія «Азова».

«Азова»... Аварія... Мнѣ?.. Да нѣтъ же. Просто, это сообщеніе.

Онъ поглядѣлъ на монументальные часы, въ глубинѣ библіотеки показывавшіе нормальное время всѣхъ міровыхъ столицъ и движенье планетъ.

— Мнѣ надо написать письмо, всего въ шесть строкъ... Ты подождешь немножко, Зэ Фернандесъ? Вотъ тебѣ парижскія вечернія газеты и лондонскія утреннія. А вонъ тамъ, на столѣ, иллюстрированные журналы въ кожаной папкѣ.

Но я предпочелъ еще разъ обойти комнату и пріобщиться ко всѣмъ новымъ для меня тонкостямъ культуры. По обѣ стороны кресла Хасинто висѣло двѣ толстыхъ трубки домашняго телефона съ рупорами, при помощи которыхъ онъ, не сходя съ мѣста, отдавалъ приказанія по всему дому. Отъ каждой ножки стола толстымъ бѣлымъ жгутомъ, словно вытянувшаяся змѣя, бѣжали въ темные углы шнуры. На особой подставкѣ, лакированной и отражавшей въ себѣ свою ношу, стояла пишущая машинка; а подальше огромнѣйшая счетная машина, съ рядомъ отверстій, изъ которыхъ выглядывали недвижныя стальныя цифры. Я остановился передъ шкафомъ-этажеркой посрединѣ, очень заинтриговавшей меня своимъ сходствомъ съ одинокою башней на равнинѣ. Одна его сторона была сплошь уставлена словарями; другая всевозможными учебниками; третья атласами; четвертая, наконецъ, справочниками и руководителями. Я раскрылъ наудачу одинъ изъ нихъ — на планѣ Самарканда. Какія солидныя свѣдѣнія вмѣщала въ себѣ эта башня!

На полкахъ вдоль стѣнъ помѣщались также непостижимые для меня аппараты: одинъ весь изъ прозрачныхъ желатиновыхъ пластинокъ, на которыхъ выцвѣтали полурасплывшіяся строки письма — быть можетъ, любовнаго посланія; другой грозно заносилъ ножъ надъ бѣднымъ томикомъ безъ переплета, словно собираясь гильотинировать

его; третій раскрывалъ пасть трубы, воспринимавшей голоса невѣдомаго. Здѣсь, перепрыгивая черезъ пороги двери, тамъ обнимая карнизы, всюду блестѣли проволоки, черезъ потолокъ уходившія въ пространство. Всѣ онѣ воплощали въ себѣ силы природы и передачу этихъ словъ. Всѣ силы подъяремной, покоренной природы послушно служили здѣсь моему другу.

До меня донесся нетерпѣливый возгласъ Хасинто:

— Ахъ, эти электрическія перья!.. Чортъ бы ихъ побралъ!

Онъ гнѣвно скомкалъ начатое письмо и швырнулъ его въ корзину. Я незамѣтно выскользнулъ въ библіотеку. Какая это была величавая сокровищница человѣческой мысли и фантазіи! Здѣсь покоилось на полкахъ болѣе 30 тысячъ томовъ, и всѣ о человѣческой культурѣ. У самаго входа на зеленомъ корешкѣ золотыми буквами вытиснено было имя Адама Смита. Эта полка посвящена была политической экономіи. Дальше, на протяженіи восьми метровъ тянулись сочиненія по народному хозяйству. Цѣлую стѣну занимали философы и комментаторы ихъ, отъ до-Сократовскихъ временъ до новѣйшихъ пессимистовъ. Здѣсь мирно уживалось рядомъ до двухъ тысячъ системъ, противорѣчащихъ одна другой. Уже по переплетамъ можно было судить о доктринѣ: Гоббсъ, совсѣмъ внизу, былъ переплетенъ въ тяжелую черную кожу; Платонъ, на верхней полкѣ блисталъ бѣлизною своихъ одеждъ. Еще дальше шли сочиненія по всемірной исторіи, а на полу у этажерки высилась груда новыхъ, еще не переплетенныхъ книгъ, пахнувшихъ типографской краской и новыми идеями.

Обойдя эту груду, я очутился въ отдѣленіи естественныхъ наукъ, съ возрастающимъ изумленіемъ переходя отъ орографіи къ палеонтологіи, отъ морфологіи къ кристаллографіи. Рядомъ было окно, выходившее на Елисейскія Поля. Я отдернулъ бархатную портьеру и увидалъ за нею новые ряды книгъ, все по исторіи религій и богоисканія, громоздившіяся до самой верхней оконницы, преграждая доступъ свѣту и воздуху.

Дальше, въ свѣтлыхъ сафьянныхъ переплетахъ собралась милая компанія поэтовъ. Словно для отдыха отъ скучной мудрости позитивистовъ, Хасинто приготовилъ здѣсь мѣстечко, съ диваномъ и столомъ изъ лимоннаго дерева, уставленнымъ ящиками съ сигарами и папиросами.

На гладкомъ деревянномъ столбикѣ стояла забытая тарелка съ сушеными яванскими абрикосами. Я не устоялъ противъ искушенія, усѣлся на диванъ, сталъ жевать абрикосъ, раскрылъ одну изъ книгъ— и съ недоумѣніемъ услыхалъ около себя музыкальное жужжанье, словно какого-то невѣдомаго насѣкомаго. И улыбнулся при мысли,

что это, можетъ быть, гудятъ пчелы, сбирающія медъ въ этомъ душистомъ лѣсу поэзіи. Но тотчасъ же замѣтилъ, что усыпительное жужжанье исходитъ изъ невиннаго на видъ столбика краснаго дерева. Я отложилъ въ сторону мѣшавшую мнѣ «Французскую газету», и взялъ въ руки маленькую слоновой кости трубочку, свѣсившуюся на шнуркѣ изъ дырочки въ столбикѣ, ранѣе мною незамѣченной, и приложилъ ее къ своему уху, привыкшему внимать лишь эху горъ. И услыхалъ тихій, но рѣшительный голосъ, коварно и настойчиво шептавшій мнѣ:

— Итакъ, при помощи заколдованныхъ корешковъ, я получаю возможность изслѣдовать сверхъ-магическія пространства...

Я невольно подпрыгнулъ и вскричалъ:

— Хасинто, тутъ спрятанъ человѣкъ, онъ говоритъ...

Мой привычный ко всякимъ чудесамъ пріятель ничуть не взволновался.

— Нѣтъ, это просто конференцофонъ... То же самое, что театрофонъ, съ той разницей, что онъ примѣняется въ школахъ и для публичныхъ лекцій... Очень удобно... Что же онъ говоритъ, Зэ Фернандесъ?

— Почемъ я знаю... Что-то о заколдованныхъ корешкахъ, страшный вздоръ!

Мой другъ въ сосѣдней комнатѣ смѣялся нѣсколько надменно.

— Ахъ, это, должно быть, полковникъ Дорша... Лекціи о позитивной метафизикѣ четвертаго измѣренія... Произвольныя измышленія, докучный вздоръ... Послушай, ты вѣдь сегодня у меня обѣдаешь? Будутъ еще нѣсколько друзей.

— Нѣтъ, Хасинто; мнѣ вѣдь надо еще сначала обмундироваться. У меня всѣ костюмы отъ деревенскаго портного.

Я вошелъ въ кабинетъ и показалъ моему другу свой пиджакъ изъ толстой фланели и галстухъ, сѣрый съ красными горошинками, мой воскресный костюмъ, въ которомъ я въ Гвіаэнсѣ ходилъ къ обѣднѣ. Но Хасинто увѣрялъ, будто простота моей одежды горца можетъ лишь заинтересовать его друзей, что это два художника... Кто именно? Авторъ *«Тройного сердца»*, удивительно тонкій знатокъ женской души, опытнѣйшій судья въ вопросахъ чувства; другой Ворканъ, художникъ, иллюстраторъ миѳовъ, въ прошломъ году такъ эѳирно воплотившій рапсодическую символику осады Трои въ своей знаменитой композиціи *«Елена Опустошительница»*.

Я почесалъ себѣ затылокъ.

— Нѣтъ, знаешь ли, Хасинто: я только что изъ горъ, изъ Гвіаэнса; мнѣ надо постепенно привыкать къ вашей культурѣ, не то я лопну отъ избытка впечатлѣній. Въ одинъ и тотъ же вечеръ

электричество, конференцофонъ, сверхъ-магическія пространства, женская психологія, эѳирная символика — это, братъ, уже черезчуръ. Я лучше приду завтра.

Хасинто медленно сложилъ свое письмо, не стѣсняясь меня, какъ и приличествовало нашей старой дружбѣ, вложилъ въ него двѣ бѣлыхъ фіалки изъ своего букетика въ петличкѣ и объявилъ рѣшительно:

— Завтра, Зэ Фернандесъ, ты съ утра переѣзжаешь ко мнѣ, перевозишь всѣ свои вещи и устраиваешься здѣсь, какъ дома. Здѣсь у тебя подъ рукой все: телефонъ, театрофонъ, книги, справочники...

Я согласился безъ долгихъ разговоровъ. Хасинто взялъ одинъ изъ рупоровъ и шепнулъ:

— Грильо!

Бархатная стѣна раздвинулась безшумно, и изъ нея вынырнулъ старый слуга (тотъ самый негритенокъ, котораго привезъ съ собой донъ Гальяонъ). Къ радости моей, онъ былъ такой же статный, только еще чернѣе, блестящѣй и почтеннѣе въ тугомъ накрахмаленномъ бѣломъ галстухѣ и бѣломъ жилетѣ съ золотыми пуговицами. Онъ искренно обрадовался, увидавъ «Сіо Фернандесъ». А когда узналъ, что я буду жить въ комнатѣ дѣдушки Хасинто, радостная усмѣшка расплылась по всему его черному лицу; онъ былъ очень доволенъ, что его господинъ, наконецъ, будетъ не одинъ.

— Грильо, — сказалъ Хасинто, — это письмо г-жѣ д'Оріоль. Слушай, скажи по телефону Трэву, что спириты свободны только въ воскресенье вечеромъ. Погоди. Передъ обѣдомъ я возьму ванну съ душемъ, чуть теплую, 17 градусовъ. Растиранье.

И лѣниво зѣвнувъ, онъ снова тяжело опустился на диванъ.

— Итакъ, мой добрый Зэ Фернандесъ, послѣ семилѣтней разлуки мы снова вмѣстѣ въ миломъ старомъ Парижѣ.

Но я не отходилъ отъ стола: мнѣ хотѣлось, не откладывая, удостоиться посвященія въ цивилизацію.

— Хасинто, на что тебѣ всѣ эти маленькіе инструментики? Одинъ, подлецъ, ужъ укололъ меня. И всѣ они на видъ коварные. На что они тебѣ?

Хасинто утомленно повелъ рукой.

— Очень удобно, милый. Ужасно упрощаютъ всякую работу. Смотри, вотъ этотъ вынимаетъ изъ вставочки испорченныя перья; другой необычайно быстро нумеруетъ страницы рукописи; третій наклеиваетъ марки, четвертый ставитъ числа на письмѣ; тотъ расплавляетъ сургучъ, перевязываетъ документы. — Но, въ сущности, они несносные... И съ ними надо осторожно: тутъ столько всякихъ зубчиковъ и щипчиковъ... Мнѣ ужъ не разъ случалось бросать на-

чатое письмо, потому что уколотый палецъ оставлялъ на немъ кровавый слѣдъ. Прескучный хламъ.

Мой другъ снова поглядѣлъ на часы, и я не счелъ себя вправѣ дольше лишать его ванны и душа съ растираньемъ.

— Ну, Хасинто, теперь мы повидались, и я ужасно радъ... Итакъ, до завтра. Завтра я явлюсь съ вещами.

— Чортъ побери, да погоди же, Зэ Фернандесъ!.. Пойдемъ въ столовую. Можетъ быть, ты все-таки соблазнишься.

Мы перешли изъ библіотеки въ столовую, восхитившую меня своей не бьющей въ глаза аристократической роскошью. Стѣны, бѣлыя лакированныя, глаже и блестящѣй атласа, съ медальонами изъ бархата цвѣта фрэзъ. Такіе же лакированные столы съ рѣзьбой и инкрустаціей изъ стеклянныхъ коралловъ. Широкіе бѣлые стулья, обитые тѣмъ же бархатомъ фрэзъ, какъ бы нарочно сдѣланные для того, чтобы удобнѣй наслаждаться кулинарнымъ и интеллектуальнымъ угощеніемъ, которое здѣсь преподносится...

— Да здравствуетъ мой принцъ Счастливчикъ!.. Въ этакой столовой лестно и покушать.

— Такъ оставайся же обѣдать, глупый.

Но я уже встревожился, замѣтивъ, что у каждаго прибора лежало по шести паръ вилокъ и ножей, также весьма коварной внѣшности. И еще больше взволновался, когда Хасинто объяснилъ мнѣ, что одна вилочка для устрицъ, другая для рыбы, третья для мяса, четвертая для овощей, пятая для плодовъ и шестая для сыра.

На ряду съ этимъ меня поразила воздержанность, достойная похвалы Соломона: передъ каждымъ приборомъ стояло только два стакана — для двухъ сортовъ винъ: бордо въ хрустальныхъ графинахъ и шампанскаго въ серебряныхъ ведеркахъ, наполненныхъ льдомъ. Зато буфетъ гнулся подъ тяжестью почти пугающаго изобилія водъ: минеральныхъ, углекислыхъ, фосфорнокислыхъ, стерилизованныхъ, соленыхъ и еще какихъ-то неизвѣстныхъ мнѣ, въ толстопузыхъ флаконахъ съ аптекарскими этикетами.

— Господи, помилуй, Хасинто! Неужто ты сталъ такимъ водопивцемъ?

Онъ уныло обвелъ взглядомъ всю эту батарею.

— Нѣтъ... Водопроводъ у насъ плохой... Городская вода кишитъ микробами... Однакожъ, до сихъ поръ я еще не нашелъ воды, которая была бы мнѣ по вкусу. И часто не знаю, чѣмъ утолить свою жажду.

Мнѣ захотѣлось поглядѣть, что ѣдятъ за обѣдомъ психологи и символисты. Возлѣ каждаго прибора лежало меню, написанное красными чернилами на таблеткахъ слоновой кости. Обѣдъ начинался

классическими устрицами. Затѣмъ шелъ супъ изъ артишоковъ съ карпичьей икрой . . .

— Что жъ, это вкусно?

Хасинто равнодушно пожалъ плечами.

— Да, говорятъ . . . Я давно ужъ не ѣлъ ничего «вкуснаго», мнѣ все не вкусно, у меня совсѣмъ нѣтъ аппетита . . . Давно уже . . .

Слѣдующее блюдо называлось какъ-то очень мудрено; я понялъ только, что въ составъ его входили цыплята, фаршированные трюфелями. Далѣе шло оленье филе, тушеное въ хересѣ, съ орѣховымъ желе. И простенькій дессертъ — апельсины, замороженные въ эѳирѣ.

— Почему въ эѳирѣ, Хасинто?

Мой другъ слегка замялся; потомъ изобразилъ пальцами въ воздухѣ волнообразное движеніе испаряющагося аромата.

— Новый способъ приготовленія. Увѣряютъ, будто эѳиръ способствуетъ выявленію души плодовъ.

Я уныло понурилъ голову и пробормоталъ:

— Вотъ оно что значитъ, культура!

Возвращаясь домой Елисейскими Полями и кутаясь въ пальто отъ холода, я все думалъ объ этомъ символическомъ дессертѣ и о томъ, какъ грубы и отсталы люди въ моемъ родномъ Гвіаэнсѣ, гдѣ всѣ деревни тонутъ въ апельсинныхъ рощахъ, а населеніе въ теченіе столькихъ вѣковъ не научилось распознавать и «выявлять» душу плодовъ, довольствуясь сочной и сладкой мякотью. Слава Богу, отнынѣ я, живя съ такимъ великимъ посвященнымъ, какъ Хасинто, и самъ пріобщусь тонкостямъ культуры.

И что было для меня еще умилительнѣе, при моей нѣжности къ Хасинто, буду имѣть рѣдкое счастье наблюдать человѣка, который, выработавъ себѣ міровоззрѣніе, сумѣлъ сообразно ему построить свою жизнь и найти въ ней полное счастье.

Поистинѣ, Хасинто родился въ сорочкѣ.

III.

Каждое утро, въ девять часовъ напившись шоколаду, я, еще въ туфляхъ, шелъ къ Хасинто. И находилъ своего друга уже выкупавшимся, выбритымъ, вымассированнымъ и сидящимъ въ бѣломъ шлафрокѣ на бѣломъ ангорской кошки мѣху передъ туалетнымъ столомъ, который—изъ боязни микробовъ—былъ цѣликомъ хрустальный, а всѣ вещицы на немъ сдѣланы изъ черепахи, слоновой кости, серебра, перламутра и стали. Здѣсь было все, что въ девятнадцатомъ вѣкѣ было необходимо человѣку, чтобъ не отстать отъ прогресса культуры и въ то же время сохранить въ ней свой индивидуальный типъ. Въ

особенности щетки ежедневно вызывали мое восхищеніе, здѣсь были широкія, какъ колесо; и узкія, кривыя, словно турецкая сабля; и выгнутыя, какъ деревенскіе кирпичи; остроконечныя, иныя съ волосомъ жестче свиной щетины, другія мягкія, какъ пухъ лѣсной голубки. И всѣми ими мой Хасинто добросовѣстно пользовался, какъ добрый хозяинъ, умѣющій найти работу для каждаго слуги. Минутъ пятнадцать сидѣлъ мой принцъ передъ овальнымъ зеркаломъ въ серебряной оправѣ, расчесывая свои волосы всѣми этими щетками.

Тѣмъ временемъ Грильо и еще другой слуга за шелковыми японскими ширмами изъ Кіото готовили все нужное для умыванья, — умывальный столикъ Хасинто, помѣщавшійся въ его спальнѣ, представлялъ собою миніатюрную копію съ монументальныхъ приборовъ въ ванной, представлявшей собою чудо изъ чудесъ въ чудесномъ № 202. Этотъ упрощенный умывальный приборъ выпускалъ только двѣ струи воды, но съ температурой, которую можно было градуировать, по желанію, отъ одного градуса до ста; съ нимъ соединены были два душа, слабый и сильный, для головы; еще кранъ давалъ стерилизованную воду для зубовъ; кромѣ того имѣлся здѣсь еще особый душъ, для бороды, и еще потайныя кнопки, нажимая которыя можно было получить тоненькія струйки, цѣлый каскадъ, или же капельки тепловатой росы.

Изъ уголка за ширмами, гдѣ къ услугамъ Хасинто было обилье водъ, кипящихъ, пѣнящихся, шумящихъ и поющихъ, онъ вышелъ, наконецъ, вытирая руки кустарнымъ русскимъ полотенцемъ, потомъ другимъ, салфеточнаго холста, потомъ третьимъ, мохнатымъ, для возстановленія циркуляцій крови и, въ заключеніе, разгладилъ кожу мягкимъ шелковымъ платкомъ. Выполнивъ этотъ послѣдній ритуалъ, вызывавшій у него то зѣвоту, то вздохъ, Хасинто растянулся на диванѣ и сталъ перелистывать записную книжку, гдѣ были вписаны визиты и занятія, назначенныя на текущій день. Нерѣдко ихъ бывало столько, что они занимали двѣ страницы.

Всѣ они такъ или иначе находились въ связи съ сложной цивилизованностью моего пріятеля, и многообразными интересами, которые онъ себѣ создалъ за эти семь лѣтъ. Такъ, напримѣръ, Хасинто былъ предсѣдателемъ клуба: «Мечъ и Ножны», сотрудникомъ газеты: «Boulevard», директоромъ «Константинопольской Телефонной Компаніи»,—членомъ «Базара спиритуалистовъ», членомъ совѣта «Комитета посвященія въ эзотерическія религіи». Однакоже, повидимому, ни одно изъ этихъ обществъ не было по сердцу моему другу, ибо, несмотря на ровность и мягкость своего характера, онъ не разъ швырялъ записную книжку на коверъ, какъ свободный человѣкъ, протестуя противъ навязанныхъ ему занятій. Въ одно прекрасное

утро, — положимъ, не совсѣмъ прекрасное, такъ какъ былъ снѣгъ и вѣтеръ, — я поднялъ съ ковра эту тиранническую книжечку, переплетенную въ блекло-розовую кожу, и увидалъ, что Хасинто послѣ завтрака предстояло ѣхать въ улицу Университета, оттуда въ Паркъ Монсо, затѣмъ, на край города, въ Ля Мюэттъ; въ качествѣ члена клуба, участвовать въ голосованіи, сопровождать г-жу д'Оріоль на выставку вѣеровъ, выбрать свадебный подарокъ для дочери де Трэва, быть третейскимъ судьей въ разборѣ дѣла о нечестной игрѣ въ экартэ и пр. и пр. А кромѣ того, на поляхъ были еще отмѣтки, рукою самого Хасинто: «Кучеръ — Файвъ о'клокъ у Эфраима, — малютка изъ Варьетэ, — дать замѣтку въ газету . . .» Я взглянулъ на моего принца. Устало вытянувшись на диванѣ, закрывъ глаза, онъ молчалъ и зѣвалъ неудержимо . . . Всѣ эти перспективы нимало не плѣняли его.

Дѣловой день Хасинто начинался вообще очень рано, сейчасъ же послѣ ванны. Съ восьми часовъ начинались звонки по телефону, нетерпѣливые, почти сердитые, торопившіе моего принца, словно лѣниваго раба. И едва успѣвъ вытереться полотенцемъ, послѣ умыванья, въ своемъ мѣховомъ шлафрокѣ, онъ то и дѣло выбѣгалъ въ коридоръ, пошептаться съ людьми, которые такъ торопились, что разговаривали съ нимъ, не выпуская изъ рукъ зонтика, съ котораго ручьями текла вода. Одинъ изъ этихъ господъ (навѣрно, изъ «Константинопольской Телефонной Компаніи») былъ въ особенности ужасенъ: поджарый, словно вывѣтрившійся, съ сквернѣйшими зубами, съ огромнымъ засалѣннымъ портфелемъ подъ мышкой и глазами хищнаго звѣря, выглядывавшими будто изъ берлоги, изъ поднятаго высоко воротника плохонькой шубки. Поминутно появлялся неутолимый, какъ судьба, лакей съ серебрянымъ подносомъ, полнымъ визитныхъ карточекъ и писемъ. Затѣмъ, начинали являться поставщики предметовъ роскоши, искусства и промышленности: лошадиные барышники, развязные, въ бѣлыхъ пальто; изобрѣтатели съ большими свертками бумаги; книгоноши, навязывавшіе «единственное» и совершенно неправдоподобное изданіе Ульриха Целля или Лапидануса. Хасинто, озабоченный, бѣгалъ по всему дому, наскоро дѣлалъ записи въ своей записной книжкѣ, звонилъ по телефону, лихорадочно развязывалъ пакеты, по пути «сплавлялъ» человѣка, дожидавшагося его въ передней, пуская въ ходъ, въ качествѣ метательнаго снаряда, все ту же записную книжку, или попавшійся подъ руку каталогъ.

Въ полдень тамъ-тамъ меланхолически призывалъ къ завтраку. Съ развернутымъ поверхъ тарелки «Фигаро» или «Новидадесъ», я каждый день ждалъ съ полчаса моего друга, который, наконецъ, влеталъ, словно несомый бурнымъ вѣтромъ и съ вѣчной жалобою на устахъ:

— Прямо несчастье! И это послѣ убійственной, кошмарной ночи. Меня мучили такіе ужасные сны, что я принималъ сонный порошокъ и будилъ Грильо, чтобъ онъ растеръ меня скипидаромъ... Бѣда мнѣ. Не даютъ вздохнуть.

Пресыщенный взоръ его скользилъ по столу. Ни одно кушанье, какъ бы аппетитно оно ни выглядѣло, не соблазняло его, и, такъ какъ за утро онъ до сухости въ горлѣ накурился папиросъ, онъ начиналъ обыкновенно съ огромнаго стакана соляно-кислой, или углекислой воды, или же лимонада, смѣшаннаго съ драгоцѣннѣйшимъ старымъ коньякомъ и подслащеннаго до приторности сиракузскимъ мускателло, прескверно дѣйствовавшимъ на желудокъ. Не имѣя и тѣни аппетита, онъ бралъ на вилку ломтикъ ветчины или кусочекъ омара и нетерпѣливо требовалъ скорѣе кофе, настоящаго мокка, который ему ежемѣсячно присылали изъ Деджи, варили съ гущей, по-турецки, и который онъ, размѣшивалъ палочкой корицы.

— А ты, Фернандесъ, что предполагаешь сегодня дѣлать?

— Я?

Откинувшись на спинку стула, заложивъ пальцы въ вырѣзы жилета, я благодушно отвѣчалъ:

— Пойду бродить, куда глаза глядятъ, какъ песъ, потерявшій хозяина.

Размѣшивая кофе, мой другъ обыкновенно начиналъ мнѣ рекомендовать болѣе культурныя развлеченія, какую-нибудь выставку, осмотръ историческихъ памятниковъ, лекцію или научную экскурсію, но, не докончивъ, уныло пожималъ плечами:

— А впрочемъ, стоитъ ли... Все это такой скучный хламъ, такая ерунда...

Онъ закуривалъ еще одну изъ русскихъ сигаретокъ, обвитыхъ каждая особой бандеролью, на которой золотыми буквами напечатано было его имя. Но тотчасъ нервно дергалъ себя за усы, заслушавъ у дверей библіотеки шаги своего управляющаго, величественнаго Лапорта, который шелъ къ нему съ докладомъ... А черезъ десять минутъ мой принцъ Счастливчикъ, въ сопровожденіи лакея, который несъ за нимъ огромную пачку газетъ, садился ужъ въ карету, чтобы ѣхать въ городъ.

Въ тѣ дни, когда Хасинто удавалось урвать часокъ отъ исполненія своихъ общественныхъ обязанностей, а мартовское небо особенно ласково улыбалось намъ полоскою блѣдной лазури, мы послѣ завтрака отправлялись побродить по Парижу, — какъ въ былые, студенческіе годы. Тогда Хасинто любилъ эти прогулки, такъ какъ во

время ихъ онъ всего лучше и чрезвычайно детальнѣе могъ насладиться «городомъ». Теперь же, несмотря на то, что онъ ихъ совершалъ вмѣстѣ со мной, онѣ лишь утомляли и раздражали его, и видъ у него былъ безнадежно унылый. Съ грустью (такъ какъ отъ природы я добръ и всегда огорчаюсь, когда меня разочаровываютъ) я сдѣлалъ открытіе, что уличная жизнь этого огромнаго человѣческаго муравейника, зовущагося Парижемъ, сутолока на тротуарахъ и ѣзда своимъ несноснымъ шумомъ, своей грубой, эгоистическою торопливостью, совсѣмъ не радуетъ моего друга, — напротивъ, повергаетъ его въ какой-то нервный трепетъ. Опираясь на мою руку, словно ища защиты у меня, этотъ новый Хасинто жаловался, что Парижъ все еще такъ некультуренъ, что улицы не обтянуты каучукомъ, который бы заглушалъ звуки, ослаблялъ толчки. О чудо! Хасинто мечталъ о каучукѣ, который бы изолировалъ его отъ городской жизни. Теперь онъ уже не позволялъ мнѣ останавливаться передъ зеркальными витринами, которыя онъ прежде называлъ «драгоцѣнными музеями девятнадцатаго столѣтія».

— Не стоитъ, Зэ Фернандесъ. Такая скудость выдумки, такое однообразіе выполненія. Все тотъ же плюшъ, затканный тѣми же цвѣтами . . . Право, не стоитъ.

Я таращилъ глаза отъ изумленія. Особенно поражали меня его страхъ и отвращеніе передъ толпой, «бороздившей», какъ онъ выражался, его душу.

— Неужели ты не замѣчаешь этого, Зэ Фернандесъ? Впрочемъ, ты еще такъ недавно пріѣхалъ изъ горъ . . . Какъ это отравляетъ жизнь. Ну, напримѣръ, проходитъ мимо женщина, надушенная крѣпкими, противными духами, безумно дѣйствующими на нервы, запахъ этихъ духовъ засядетъ у тебя въ ноздряхъ и весь день не даетъ тебѣ дышать. Проходя мимо кучки людей, услышишь слово — квинтъ-эссанцію глупости, пошлости или педантства, — и слово это прилипнетъ у тебя въ душѣ, какъ грязное пятно . . . словно тебя обрызгали грязью изъ лужи. Или увидишь какого-нибудь претенціознаго франта, скверно и крикливо одѣтаго, наглеца, оборванца или грубіяна и потомъ не можешь отогнать отъ себя его образъ. Все это оставляетъ борозды въ душѣ, Зэ Фернандесъ . . . А впрочемъ, чортъ возьми, — вѣдь это все мелкіе недочеты нашей изумительной культуры.

Все это, пожалуй, отдавало ребячествомъ, но для такого пламеннаго обожателя города это было весьма симптоматично и говорило объ охлажденіи его вѣры. Если не ошибаюсь, въ тотъ же день попали мы въ центръ города. На цѣлыя мили тянулись длинныя улицы и вдоль нихъ ряды сѣрыхъ домовъ съ торчащими къ небу дымовыми трубами

черной жести, съ всегда наглухо запертыми окнами, со спущенными занавѣсями, прячущими отъ взора жизнь въ душныхъ комнатахъ за ними. Всюду только камень, желѣзо, известь, штукатурка; прямыя линіи, правильные углы; все жесткое, сухое... И всюду, отъ тротуарныхъ плитъ и до карнизовъ крышъ, сплошь по всему фасаду, свѣшиваясь съ балконовъ, покрывая стѣны, вывѣски, вывѣски...

Ахъ, этотъ твой Парижъ, Хасинто. Какой колоссальный и крикливый базаръ...

И я, не столько искренно, сколько вторя моему принцу, заговорилъ объ унылости и безобразіи этихъ сѣрыхъ громадъ, биткомъ набитыхъ людьми и товарами. И люди всѣ здѣсь такъ же безцеремонно распредѣлены по категоріямъ и отмѣчены этикетами, какъ товары. Наиболѣе шикарные, бросающіеся въ глаза, — на нижнихъ, лакированныхъ гладкихъ полкахъ. Тѣ, что попроще, будничные, рабочіе—на верхнихъ, подъ лѣстницей, на голыхъ доскахъ, подъ слоемъ пыли и личинокъ моли...

Хасинто, нахмурившись, пробормоталъ:

— Да, безобразно! страшно безобразно...

Но тотчасъ же спохватился, повелъ кругомъ рукой, обтянутою замшевой перчаткой, и сказалъ:

— Но зато, какая удивительная организованность. Какъ все прочно, устойчиво, сколько ума во всемъ...

Всего страннѣй казалось мнѣ, что Хасинто отрѣшился отъ своего почти религіознаго преклоненія передъ Булонскимъ лѣсомъ, гдѣ, какъ онъ прежде фанатически твердилъ, черпаетъ силы и здоровье весь Парижъ, гдѣ каждый день онъ производитъ смотръ своей аристократіи, герцогинямъ и куртизанкамъ, политикамъ и финансистамъ, генераламъ и академикамъ, клубменамъ и художникамъ, туристамъ и евреямъ и убѣждается, что всѣ на мѣстѣ, что всѣ факторы общественной жизни функціонируютъ добросовѣстно. Прогулка въ лѣсу казалась моему принцу обязательной. И, возвращаясь, онъ съ гордостью констатировалъ, что всѣ городскія свѣтила въ сборѣ и свѣтятъ исправно.

Теперь, наоборотъ, онъ равнодушно шелъ за мною въ лѣсъ, куда ужъ я тащилъ его, чтобъ хоть немного обмануть свою тоску по настоящей природѣ и лѣсамъ. Пока мы ѣхали бульварами и Елисейскими Полями, Хасинто, какъ всегда, былъ милымъ спутникомъ, пріятнымъ разговорщикомъ, съ которымъ хорошо пофилософствовать немного, затягиваясь папироской. Но какъ только, оставивъ за собою золоченыя ворота, мы въѣзжали въ Аллею Акацій и занимали мѣсто въ ряду экипажей, гдѣ публика сидѣла чинно и безмолвіе нарушалось только скрипомъ колесъ и звяканьемъ уздечекъ, принцъ

мой вдругъ умолкалъ, откидывался на подушки, и молчаніе его прерывалось только досадливой зѣвотой. И лишь по старой привычкѣ констатировалъ присутствіе «свѣтилъ», указывая лѣнивымъ жестомъ на какое-нибудь купэ или викторію и называя имя. Благодаря этому, я научился узнавать длинную курчавую бороду банкира Эфраима, длинный патриціанскій носъ г-жи де Трэвъ, какъ крыша, прикрывавшій вѣчную улыбку и увядшія щеки неоплатоника поэта Дорнана, уныло сопѣвшаго носомъ въ глубинѣ коляски, и длинный прерафаэлитскій гладкій проборъ черноволосой г-жи Верганъ, и дымчатый монокль директора «Бульвара», и побѣдоносные усики герцога Маризака и еще много стереотипныхъ улыбокъ, рѣдкихъ бородокъ а ля Ренессансъ, настороженныхъ глазъ и напудренныхъ лицъ, — все знаменитостей, хорошо знакомыхъ моему принцу.

Изъ Аллеи Акацій мы медленно спускались внизъ по скрипучему гравію; потомъ, все такъ же медленно вновь поднимались и встрѣчали тѣ же коляски и викторіи, тѣ же монокли, шляпки и восточныя бороды, тѣ же недвижныя восковыя фигуры въ экипажахъ, и такъ каждый день, въ одинъ и тотъ же часъ, въ теченіе несчетныхъ лѣтъ. Хасинто, въ концѣ концовъ, не выдержалъ и кричалъ кучеру:

— Домой! Скорѣе.

И какъ ни протестовали лошади, оторванныя отъ привычнаго шага и привычнаго круга своихъ знакомыхъ, какъ ни кусали удила, мы мчались во весь опоръ и по Авеню дю Буа, и по Champs Elysées.

Чтобы позондировать почву, я говорилъ о томъ, что лѣсъ ужъ отжилъ свое время, что въ немъ не такъ занятно, какъ бывало.

— О нѣтъ, — нерѣшительно возражалъ Хасинто, — Лѣсъ очень хорошъ; это въ Парижѣ самое пріятное мѣсто, но...

И онъ ссылался на то, что день холодный и что у него спѣшныя дѣла. И вправду, какъ только мы возвратились домой, мой принцъ, одѣвшись въ свой мѣховой шлафрокъ, усаживался передъ туалетнымъ столикомъ, на которомъ, въ электрическомъ свѣтѣ, сверкали легіоны щеточекъ, и начиналъ готовиться къ своей вечерней службѣ.

Въ одинъ изъ такихъ вечеровъ (въ субботу) мы въ этой высоко культурной, укрытой отъ всякихъ невзгодъ квартиркѣ пережили такой испугъ и такія волненія, какія несетъ съ собой только дикость стихій. Часъ былъ уже не ранній; мы обѣщали обѣдать съ маркизомъ въ клубѣ и затѣмъ вмѣстѣ ѣхать смотрѣть «Лоэнгрина», и Хасинто торопливо завязывалъ свой бѣлый галстухъ, когда въ ванной внезапно испортился водопроводъ, оттого ли, что лопнула труба или что отвинтился кранъ, и изъ этого крана, выбрасывая клубы пара, забила струя кипятку. Отъ густыхъ облаковъ горячаго пара потускнѣли огни электрическихъ лампочекъ, и, блуждая въ этомъ туманѣ, мы услы-

хали крики Грильо и помощника камердинера. Въ комнатѣ словно шелъ горячій дождь, обрызгивая насъ. Коверъ подъ нашими ногами превратился въ потокъ горячей грязи. И словно всѣ силы природы, вынужденныя служить Хасинто, ободрившись такимъ примѣромъ, вдругъ забастовали, внутри стѣнъ неожиданно раздался какой-то глухой шумъ, и на электрическихъ проводахъ засверкали угрожающе вспышки молній.

Я опрометью кинулся въ коридоръ, гдѣ туманъ стоялъ сплошной стѣной. Въ домѣ царила невообразимая сумятица. У подъѣзда уже собралась полиція и толпа любопытныхъ. Паръ прошелъ наружу черезъ окна, и всѣ рѣшили, что въ домѣ пожаръ. На лѣстницѣ я столкнулся съ репортеромъ, въ цилиндрѣ, съѣхавшемъ на затылокъ и съ записною книжкою въ рукахъ, онъ взволнованно крикнулъ мнѣ:

— Неужто нѣтъ человѣческихъ жертвъ? Такъ таки ни одной?

Когда, наконецъ, водная стихія была укрощена и туманъ разсѣялся, я нашелъ Хасинто посерединѣ комнаты, въ однихъ кальсонахъ.

— О, Зэ Фернандесъ, какое убожество!.. Какъ безсильна еще наша промышленная техника! Вѣдь это уже второй разъ у меня такая исторія. А между тѣмъ, всѣ аппараты лучшаго образца, совсѣмъ новой конструкціи.

Вокругъ еще дымились вышитые шелковые занавѣсы; парчевая обивка креселъ Луи XIII была вся въ пятнахъ. Мой принцъ, весь блѣдный отъ испуга, вытиралъ фотографію г-жи де Оріоль, обнаженныя плечи которой отъ ожога покрылись пузырями. А я съ горечью думалъ о томъ, что у насъ дома, въ Гвіаэнсѣ воду кипятятъ въ надежныхъ закрытыхъ кувшинахъ надежныя руки нашей служанки Катерины. Въ тотъ вечеръ мы такъ и не обѣдали въ клубѣ съ герцогомъ Маризакомъ. И въ оперѣ я не могъ какъ слѣдуетъ насладиться Лоэнгриномъ, его бѣлой душой и бѣлымъ лебедемъ, такъ жалъ мнѣ подъ мышками фракъ, одолженный мнѣ Хасинто, и такъ дурманяще отъ него пахло духами.

А рано утромъ въ воскресенье Грильо съ перевязанными руками, — наканунѣ онъ здорово обжегъ ихъ, — пришелъ меня будить, отдернулъ занавѣси у окна, сталъ у моей кровати и объявилъ съ радостною усмѣшкой, расплывшейся по всему его черному лицу.

— Мы ужъ попали въ «Фигаро».

И съ торжествомъ развернулъ газету. Подъ рубрикою «Отголоски» мы нашли двѣнадцать строкъ, въ которыхъ наше наводненіе было описано такъ ярко, шумно и сенсаціонно, что и я не могъ удержать восхищенной усмѣшки.

— А телефонъ съ утра звонилъ, не умолкая, — продолжалъ,

сіяя, Грильо. — Всѣ знакомые справляются лично... Вы дома? Вы не обожглись? Весь Парижъ сокрушается о насъ, Сьо Фернандесъ.

Телефонъ, дѣйствительно, весь день звонилъ, не умолкая, а, когда я спустился внизъ, въ столовую, столъ оказался заваленнымъ телеграммами, которыя мой принцъ вскрывалъ ножемъ, морщась и ворча: «Несносный хламъ». Только при чтеніи одной изъ голубыхъ бумажекъ лицо его разгладилось, и онъ усмѣхнулся, той же довольною усмѣшкой, какъ давеча мы съ Грильо.

— Отъ его свѣтлости эрцгерцога Казиміра... Какой милый чудакъ! Ужасно милый...

И въ придачу къ моему завтраку, онъ мнѣ доставилъ удовольствіе прочесть депешу отъ его высочества: «Что я слышу? Наводненіе у моего друга Хасинто? Въ Елисейскихъ Поляхъ? Очень шикарно! Непремѣнно явлюсь въ № 202 со спасательнымъ поясомъ. Сочувствую и обнимаю. Казиміръ...» И я пробормоталъ почтительно. — «Нѣтъ, правда, какой милый!...» И, роясь въ грудѣ телеграммъ, закрывшихъ даже мой стаканъ, кстати спросилъ:

— Скажи: кто, собственно, эта Діана, которая все время пишетъ тебѣ, телеграфируетъ, телефонируетъ?..

— Діана!.. Діана де Лоржъ. Кокотка. Высшаго полета.

— Твоя?..

— Моя! Моя! Не очень-то моя. Я только пайщикъ.

И такъ какъ я выразилъ удивленіе, что такой богачъ и гордецъ, какъ мой принцъ, вмѣсто того, чтобъ пить изъ своего стакана, дѣлится съ другими, словно изъ экономіи, Хасинто нѣсколько обиженно пожалъ плечами:

— Сразу видно, что ты провинціалъ... Въ такомъ городѣ, какъ Парижъ, мой добрый Зэ Фернандесъ, куртизанка должна окружать себя роскошью и блескомъ. И для того, чтобы въ Парижѣ, гдѣ жизнь стоитъ бѣшеныхъ денегъ, содержать кокотку, оплачивать ея туалеты, брильянты, лошадей, лакеевъ, пиршества, ея дворцы, ложи въ театрахъ и весь ея train жизни, — для этого, мой другъ нужно нѣсколько крупныхъ состояній. И вотъ, образуется синдикатъ. Насъ семеро. Я плачу свою часть... Но только изъ снобизма, чтобъ пускать пыль въ глаза такою содержанкой. Самъ я къ ней равнодушенъ. Бѣдная Діана!.. Я даже не знаю, какого цвѣта у нея кожа ниже плечъ, бѣлая, или смуглая.

— Ниже плечъ?.. А выше?

— Выше развѣ увидишь... Тамъ вѣдь пудра... И, вообще, она мнѣ надоѣла. Вѣчные билеты въ театръ, телеграммы, звонки по телефону. И три тысячи франковъ въ мѣсяцъ, не считая цвѣтовъ... Ужасно!

И двѣ складочки, залегшія по бокамъ носа моего изящнаго друга, превратились въ два глубокихъ ущелья, наполненныхъ тѣнями ночи.

Мы кончали завтракъ, когда лакей шопотомъ доложилъ о пріѣздѣ г-жи д'Оріоль. Хасинто спокойно отложилъ въ сторону сигару; я подавился глоткомъ кофе. Въ рамкѣ атласныхъ портьеръ цвѣта фрэзъ появилась она, вся въ черномъ, въ простомъ и гладкомъ платьѣ строгаго покроя, ласково махнула намъ съ порога муфтой и тотчасъ же защебетала:

— Я только на минутку. Прошу васъ, не вставайте. Я шла мимо, въ церковь, и не могла удержаться, чтобъ не зайти сюда, взглянуть на все это опустошеніе... Наводненіе въ Парижѣ, въ Елисейскхъ Поляхъ, подумайте! Такія вещи случаются только съ Хасинто. Я прочитала въ «Фигаро». Нѣтъ, до чего я испугалась!... Подумать только! Кипящая вода, какъ будто изъ Везувія... Мебель, конечно, вся испорчена, и ковры тоже?.. Я сгораю нетерпѣніемъ увидѣть мѣсто катастрофы.

Хасинто, не выразивъ ни умиленія, ни благодарности за все это участіе, съ улыбкой снова взялъ сигару:

— Все уже высохло, дорогой другъ, все уже сухо. Вчера это было чудеснѣйшее зрѣлище. Ужасно жаль, что хоть одна стѣна не обвалилась...

Но она требовала, чтобы онъ показалъ ей «развалины»... Вся ея фигурка, отъ перьевъ, кудрявившихся на шляпѣ, до блестящихъ кончиковъ лакированныхъ ботинокъ, вибрировала, калъ тоненькая вѣточка, подъ тяжестью сѣвшей на нее птички. Только улыбка сіяла неизмѣнно изъ-подъ густой вуали. И въ воздухѣ распространялся сладкій ароматъ духовъ.

Хасинто сдался, наконецъ, на ея просьбы и повелъ ее по коридору въ свою спальню. Я слышалъ, какъ она по дорогѣ говорила о замѣткѣ въ «Фигаро» и разсказывала, какъ она «вся задрожала отъ испуга»... Я вернулся къ своему кофе, мысленно поздравляя принца съ тѣмъ, что ему благоухаетъ такой прелестнѣйшій цвѣтокъ, совершеннѣйшее созданіе культуры. Все въ этой женщинѣ и около нея дышало дивною гармоніей. Я бросился въ переднюю, чтобы тамъ, передъ зеркаломъ, поправить волосы и красивѣе перевязать галстухъ. А затѣмъ вернулся въ столовую и въ элегантной, насколько это было мнѣ доступно, позѣ, усѣлся у окна, перелистывая «Иллюстрацію». Скоро вернулись и они; г-жа д'Оріоль, съ милой улыбкой, огорчалась, что никакихъ слѣдовъ наводненія она уже не видала. Хасинто выбиралъ для нея мандарины изъ корзины, стоявшей на столѣ, угощалъ ее замороженными каштанами, бисквитами, смоченными токайскимъ,

Она отказалась, прятала руки въ муфту, ни за что не хотѣла кушать...

Она была маленькая и худенькая, но каждая складка ея одежды ложилась гармонически, и все въ ней было совершенство. Подъ спущенной вуалью я видѣлъ только бѣлизну напудреннаго личика и темные огромные глаза. А между чернымъ бархатомъ шляпы и темнымъ мѣхомъ горжетки на шеѣ круто свитый жгутъ золотистыхъ волосъ. Все это вмѣстѣ давало впечатлѣніе выдержанной простоты и изящества.

Я не отводилъ глазъ отъ этого цвѣтка цивилизаціи, думая о томъ, сколько вѣковъ труда, обдуманныхъ усилій и заботъ было положено на то, чтобъ вырастить этотъ благоухающій цвѣтокъ, такой нѣжный, такой хрупкій, какъ всѣ оранжерейные цвѣты, таящій въ себѣ преждевременное увяданіе...

Тѣмъ временемъ она безъ умолку болтала, обращаясь то къ Хасинто, то ко мнѣ, ужасаясь изобиліемъ телеграммъ.

— И все это получено сегодня, изъ-за наводненія?.. Ахъ, Хасинто сейчасъ самый модный человѣкъ въ Парижѣ. Много депешъ отъ дамъ?

Мой принцъ съ аристократической небрежностью придвинулъ къ своей пріятельницѣ соболѣзнующую телеграмму отъ эрцгерцога. У г-жи д'Оріоль вырвалось сдержанное, глубоко прочувствованное: «Ахъ!» Она благоговѣйно перечла нѣсколько разъ телеграмму его высочества, почтительно и робко провела по ней пальчиками, какъ бы лаская. И, наконецъ, торжественно заявила:

— Великолѣпно!

О да, конечно. Весь этотъ инцидентъ прошелъ великолѣпно, чисто по-парижски. Прелестное созданіе вдругъ заторопилось, ссылаясь на то, что въ церкви Магдалины оставлено для нея мѣсто... Она непремѣнно хочетъ послушать проповѣдь.

— Проповѣдь? Развѣ ужъ наступилъ сезонъ проповѣдей?

Г-жа д'Оріоль сдѣлала очаровательный жестъ негодованія и возмущенія. Какъ? Неужели онъ не знаетъ, что теперь Великій постъ? Впрочемъ, это ея не удивляетъ, Хасинто настоящій турокъ... И она разсыпалась въ похвалахъ моднымъ проповѣдникамъ, монаху доминиканцу, отцу Гранону. Столько краснорѣчія, столько искренняго жара! Его послѣдняя проповѣдь была о любви, о бренности земной любви... У него есть такія вдохновенныя слова... порой такія грубыя... А жесты! этотъ изумительный жестъ, когда онъ грозно замахивается рукой — рукавъ откидывается, и видна рука, чудесная рука, бѣлая, мощная...

Черные глаза подъ вуалью еще потемнѣли, улыбка засіяла ярче . . . Хасинто засмѣялся:

— Хорошая рука для исповѣдника. Чтобы пригибать къ землѣ непокорныхъ . . .

— Ахъ, нѣтъ. Что вы. Отецъ Гранонъ не исповѣдуетъ . . .

Она вдругъ передумала, взяла сухарикъ и попросила рюмочку токайскаго. Надо все-таки подкрѣпиться — проповѣди отца Гранона такъ волнуютъ . . .

Мы оба бросились услуживать ей: одинъ спѣшилъ налить вина; другой подносилъ тарелку съ печеньемъ. И такъ какъ при этомъ Хасинто замѣтилъ, что на гостьѣ новая шляпа, и наклонился разглядѣть ее поближе, улыбка г-жи д'Оріоль исчезла, и она серьезно, какъ полагается говорить о серьезныхъ вещахъ, замѣтила:

— Изящная, не правда ли? . . Послѣдній шедевръ м-мъ Віаль. Очень мило, какъ разъ то, что необходимо для поста.

Взглядомъ она пригласила и меня выразить свое восхищеніе. Шляпка, въ самомъ дѣлѣ, была изумительная. На бархатѣ, въ тѣни завитыхъ перьевъ, на ложѣ изъ кружевъ былъ приколотъ булавкой терновой вѣнецъ изъ стекляруса.

Мы оба разсыпались въ восторгахъ. Г-жа д'Оріоль ушла, подаривъ насъ на прощанье улыбкой, разливавшей вокругъ сіяніе и ароматъ, и пошла молиться въ церковь св. Магдалины.

Мой принцъ задумчиво прошелся нѣсколько разъ взадъ и впередъ и вдругъ принялъ неожиданное, чудовищное рѣшеніе:

— Зэ Фернандесъ, давай проведемъ это воскресенье какъ-нибудь попроще, ближе къ природѣ.

— То-есть?

Хасинто нерѣшительно обвелъ глазами комнату, словно ища въ ней чего-нибудь простого и естественнаго. Потомъ остановилъ на мнѣ унылый, безнадежный взглядъ.

— Пойдемъ въ Зоологическій садъ, смотрѣть жирафовъ.

IV.

На той же, богатой событіями недѣлѣ, возвращаясь однажды ночью изъ театра, Хасинто, зѣвая, сообщилъ мнѣ, что онъ затѣваетъ праздникъ въ честь эрцгерцога, который обѣщалъ прислать ему огромную и рѣдкостную рыбу, полученную изъ Далматіи. Онъ лично предпочелъ бы завтракать, но эрцгерцогъ настаиваетъ на ужинѣ.

Варваръ XVIII столѣтія! Онъ еще вѣритъ въ ужины въ Парижѣ. Ну, словомъ, въ воскресенье у меня будутъ три-четыре дамы и съ деся-

токъ мужчинъ, все оригинальные типы. Пользуйся случаемъ изучить Парижъ въ миніатюрѣ... Но только это ужасно скучная исторія...

Хасинто такъ безучастно относился къ своему званому ужину, что не давалъ себѣ труда особенно стараться о томъ, чтобы онъ вышелъ блестящимъ. Онъ только пригласилъ цыганскій оркестръ (красные доломаны и шумно-унылые чардаши въ то время еще производили сенсацію въ Парижѣ) и соединилъ театрофонъ въ библіотекѣ съ Оперой, съ Французскою комедіей, съ Альказаромъ и Буффомъ, чтобы угодить на всѣ вкусы. Вечеромъ въ воскресенье мы оба, до пріѣзда гостей, обвели критическимъ взоромъ столъ, сервированный серебромъ и хрусталемъ. Затканная шелками скатерть тончайшаго камчатнаго холста была обвита кругомъ орхидеями; рѣзной хрусталь и золотой филигранъ переливались тысячью огней... Все было съ такимъ вкусомъ, такъ роскошно, что у меня невольно вырвалось: «Каррамба! Хорошо жить богатымъ...» Впервые я обратилъ вниманіе на устройство столовой моего пріятеля и на два маленькихъ лифта, подымавшихъ блюда горячими прямо изъ кухни: одинъ для рыбы и для мяса, съ проведенной въ стѣнахъ по трубамъ горячею водой, сохранявшей ихъ въ тепломъ видѣ; другой — для салатовъ и мороженаго, съ маленькимъ ледникомъ. О, этотъ удивительный № 202!

Однакоже, въ девять часовъ, когда я пришелъ въ кабинетъ Хасинто, чтобы написать письмо доброй тетушкѣ Висенціи, въ то время, какъ Хасинто маникюрша полировала ногти, въ этомъ прекрасномъ, убранномъ цвѣтами дворцѣ чудесъ мы снова пережили самый будничный, тривіальный и непріятнѣйшій сюрпризъ. Электричество вдругъ погасло. Я, вообще недовѣрчиво относящійся къ силамъ природы, бросился къ двери, въ темнотѣ споткнулся и заоралъ: «На помощь!» такъ громко, что, навѣрно, слышно было и въ Гвіаэнсѣ. Внизу не хуже моего оралъ Хасинто; а маникюрша цѣплялась за его японскій вышитый халатикъ. Затѣмъ всѣ лампочки вдругъ тускло замигали, лѣниво разгораясь, словно рабыни, разбуженныя зовомъ господина.

Мой принцъ, испуганный и обозленный, вызвалъ по телефону инженера изъ главной конторы и послалъ лакея въ сосѣднюю лавочку купить дюжины двѣ пачекъ свѣчей. Грильо принялся извлекать изъ шкафовъ и ларцевъ старинные подсвѣчники и канделябры, вѣрно служившіе еще донъ Гальяону, и выстроилъ ихъ въ рядъ, какъ старыхъ ветерановъ, составившихъ резервъ, на случай, если «силы природы» снова устроятъ намъ каверзу за ужиномъ. Примчавшійся сломя голову электротехникъ увѣрялъ, что электричество больше капризничать не будетъ, но я, какъ человѣкъ запасливый, все же сунулъ въ карманъ коробку спичекъ.

И, въ самомъ дѣлѣ, электричество вело себя примѣрно. Когда я

вышелъ, наконецъ, изъ своей комнаты, изрядно запоздавъ, такъ какъ мой бальный жилетъ куда-то исчезъ и только послѣ долгихъ поисковъ, сопровождавшихся отборной руганью, я нашелъ его за кроватью, — весь домъ уже сверкалъ огнями, а цыгане въ передней, тряся косичками, играли такой пламенный и томный вальсъ, что даже такія почтенныя фигуры на гобеленахъ, какъ Пріамъ и Несторъ, и хитроумный Одиссей, распрямляли свои дряхлые члены и дрыгали ногами.

Застѣнчиво, безшумно, подтягивая манжеты, я вошелъ въ кабинетъ Хасинто, и тотчасъ же мнѣ милостиво улыбнулась графиня де Трэвъ, которая, вмѣстѣ съ прославленнымъ историкомъ Данжономъ (академикъ) разглядывала хитрую механику, украшавшую письменный столъ моего сверхцивилизованнаго друга. Никогда еще она не казалась мнѣ такой величественной, какъ сегодня, въ этомъ шелковомъ шафрановаго цвѣта платьѣ съ кружевами, перекрещивавшимися груди а ля Мари-Антуанеттъ, съ шиньономъ красновато-рыжихъ волосъ надъ гордымъ лбомъ и аристократическимъ орлинымъ носомъ, прикрывавшимъ, какъ навѣсъ, слишкомъ умильную, слишкомъ готовую улыбку, какъ арка моста закрываетъ игривый бѣгъ ручья.

Прямая какъ стрѣла, сидя словно на тронѣ, приставивъ къ сѣрогслубымъ глазамъ черепаховый лорнетъ съ длиннѣйшей ручкой, графиня, томно улыбаясь, слушала, будто музыку сферъ, всѣ поясненія моего друга: о графофонѣ, о микрофонѣ, обо всѣхъ его затѣйливыхъ машинахъ. И восхищалась каждымъ колесикомъ, каждой пружинкой, такъ льстиво, какъ будто все это было изобрѣтено самимъ Хасинто. «Ахъ, это, чтобъ нумеровать страницы? А этотъ — наклеиваетъ марки на письма? Какъ удивительно!..» И она ласково гладила сухими пальцами металлы. И благоговѣйно просила записать ей адреса фабрикантовъ, изготовляющихъ такіе изумительные приборы. Но, разумѣется, надо имѣть талантъ Хасинто, чтобъ умѣть выбрать, чтобъ «создать». Графиня вообще, умѣла говорить пріятное. Лаская взглядомъ телеграфъ, она дала случай историку выказать всю свою ученость. Даже мнѣ, котораго она имени не знала, возлѣ фонографа она преподнесла льстивую фразку, сладкую, какъ конфетка, объ «удовольствіи сохранить голоса милыхъ друзей, которые насъ утѣшаютъ въ одиночествѣ...» Какъ добрая насѣдка, кормящая цыплятъ, она умѣла бросить тщеславію каждаго лакомый кусочекъ. Разлакомившись, я пошелъ вслѣдъ за ея шуршащимъ шафрановымъ шлейфомъ. Возлѣ счетной машины, о которой Хасинто уже сдѣлалъ ей подробный докладъ, она остановилась, любовно погладила пальцами черныя дырочки и съ чарующей улыбкой шепнула: «Какая удивительная вещь, этотъ электрическій печатный станокъ!..»

— Да нѣтъ же, — возразилъ Хасинто, — это...

Она улыбнулась и прошла дальше... Графиня не подарила ни единой минуты вниманія ученой диссертаціи моего друга. Ей нужно было только одно — нравиться, всѣмъ говорить пріятное. Вся она была воплощеніемъ блестящей лжи. Я не скрылъ своего удивленія передъ Данжономъ. Краснорѣчивый академикъ закатилъ глаза:

— О, что за женщина! Восторгъ! Очаровательница! .. И какой у нея отличный поваръ! .. Что за кофе! .. Это выдающаяся женщина, достоуважаемый. Поистинѣ, это выдающаяся женщина.

Я тихонько прошелъ въ библіотеку. У вратъ этого кладезя учености, у полки съ твореніями святыхъ отцовъ, я остановился, чтобы поздороваться съ редакторомъ «Бульвара» и съ авторомъ «Тройного сердца», знатокомъ женской психологіи — наканунѣ мы подружились съ нимъ за завтракомъ у Хасинто. Онъ отечески ласково кивнулъ мнѣ головой и крѣпко стиснулъ своей тонкой, сплошь унизанной перстнями рукой мою грубую лапу горца, словно страшно обрадовался встрѣчѣ со мной. Вокругъ него кучка мужчинъ единодушно восхищалась его романомъ «Кираси», на-дняхъ только вышедшемъ въ свѣтъ. Одинъ изъ нихъ, съ густыми вьющимися волосами а ля Ванъ-Дейкъ, — должно быть въ парикѣ, — увѣрялъ, будто «никогда еще зондъ экспиментальной психологіи не погружался такъ глубоко въ человѣческую душу». Всѣ соглашались, поздравляли новаго «мэтра», осыпали его похвалами. Я, не видавшій даже и желтенькой обложки «Кирасы», но видѣвшій голодные, жадные до лести глаза автора, также поддержалъ шопотомъ: «Прелестно!»

И психологъ, въ высоченныхъ тугихъ воротничкахъ, стянутыхъ галстухомъ 1830 года, сіяя влажными губами, признавался съ благородной скромностью, что всѣ типы «Кирасы» старательно вычерчены имъ по человѣческимъ документамъ, писаны «кровью человѣческаго сердца». Маризакъ, съ своей язвительной улыбкой, рѣзавшей человѣка безъ ножа, не вынимая рукъ изъ кармана, вставилъ слово:

— Однакожъ, достоуважаемый, какъ ни старались вы надъ вашей книгой, все же вы допустили странную, и очень даже странную ошибку.

Психологъ живо вскинулся.

— Ошибку?

— Да. Вдвойнѣ странную у такого опытнаго мастера... У васъ аристократка, герцогиня, женщина съ утонченнымъ вкусомъ, снимаетъ на свиданіи корсетъ изъ чернаго атласа. Такой тонкій анализъ, столько страсти — и вдругъ, корсетъ черный, атласный! Ну, господа, скажите сами: мыслимо ли, чтобы женщина, герцогиня, эстетка, пре-

рафаэлитка, заказывающая платья у Дусэ и у Пакэна, носила черные атласные корсеты?

Психологъ онѣмѣлъ, разбитый, уничтоженный. Маризакъ слылъ непререкаемымъ авторитетомъ по части интимнаго туалета герцогинь, навѣщающихъ между завтракомъ и обѣдомъ молодыхъ людей съ идеалистическими запросами и неудовлетворенною тоскою раненой души... Редакторъ «Бульвара» тотчасъ же поддержалъ герцога, завѣривъ, что такой корсетъ возможенъ развѣ только у какой-нибудь лавочницы, воображающей, что въ немъ ея жирное тѣло будетъ казаться худощавѣе. И я, чтобы не выказать себя отсталымъ и несвѣдущимъ по части герцогскихъ любвей и роскоши, съ живостью согласился, ероша себѣ волосы:

— Конечно, черный — это невозможно... Развѣ, если бъ она была въ трауръ по отцѣ, что ли...

Бѣдный авторъ «Кирасы» былъ совсѣмъ разстроенъ. Его слава знатока женской элегантности была подорвана; Парижъ теперь, чего добраго, заподозритъ, что никогда въ его альковѣ психолога не снимала корсета герцогиня. Сконфуженно онъ провелъ платкомъ по пересохшимъ вдругъ губамъ и счелъ за лучшее признать ошибку.

— Да, это фальшивая нотка сорвалась, безусловно, фальшивая... Дѣйствительно. Что за нелѣпость! — черный корсетъ... Уже ради гармоніи съ душевнымъ состояніемъ герцогини, корсетъ ея долженъ былъ быть лиловымъ, — или, можетъ быть, нѣжно резедовымъ, съ старинными кружевами малинъ. Я самъ не знаю, какъ это могло со мной случиться. Тѣмъ болѣе, что я особенно забочусь о гармоніи деталей...

И онъ умолялъ Маризака разсказать въ клубѣ объ его покаянномъ признаніи — промахъ художника, лихорадочно работающаго, разсѣкая ножемъ анализа больныя души, и заблудившагося въ черной глубинѣ... И редактора «Бульвара» молилъ дать ему возможность исправить этотъ промахъ, прислать къ нему сотрудника для интервью завтра, въ десять часовъ. Надо опредѣлить точнѣе цвѣтъ. Конечно, корсетъ долженъ быть лиловый — это ясно, какъ день...

— Непремѣнно, пришлите ко мнѣ завтра же кого-нибудь изъ вашихъ сотрудниковъ, мой дорогой. Это дастъ мнѣ случай, кстати, засвидѣтельствовать передъ всѣми, какія цѣнныя услуги оказалъ «Бульваръ» психологическимъ и феминистическимъ наукамъ.

Я отошелъ отъ нихъ, замѣтивъ въ глубинѣ библіотеки Хасинто, котораго разрывали на части два гостя.

Оба были неизмѣнные спутники г-жи де Трэвъ: одинъ — мужъ, графъ де Трэвъ, потомокъ королей; другой — любовникъ, грозный для

многихъ еврейскій банкиръ, Давидъ Эфраимъ. Оба были такъ увлечены споромъ, что даже не узнали меня и небрежно пожали мнѣ руку, называя меня «милымъ графомъ». Рѣчь шла объ «Акціонерной Компаніи Бирманскихъ Изумрудовъ», жуткой затѣѣ, уже поглотившей милліоны; оба уже цѣлый годъ силились втянуть въ нее моего друга, чтобы воспользоваться его именемъ, богатствомъ и вліяніемъ. Сытый по горло спекуляціями и не очень-то довѣряя этимъ изумрудамъ, запрятаннымъ гдѣ-то далеко, въ Индіи, Хасинто до сихъ поръ успѣшно имъ противился. Но теперь графъ де Трэвъ, высокій тощій человѣкъ, съ изъѣденнымъ оспой лицомъ и корявою рѣденькой бородкой подъ подбородкомъ, круглымъ и желтымъ, словно дыня, твердилъ ему, что предпріятіе сулитъ не то, что золотыя — брилліантовыя горы. Имъ нужны только люди, культурные, передовые, такъ какъ и само предпріятіе полно высокаго культурнаго значенія. Надо, чтобы идеи Запада потокомъ хлынули въ Бирму, наводнили ее и перевоспитали. Онъ самъ, патріотизма ради, принялъ постъ предсѣдателя.

— Поймите же, тутъ все — драгоцѣнности, искусство, прогрессъ... Такое дѣло надо дѣлать культурными руками, въ высшемъ кругу...

Эфраимъ, съ своей стороны, гарантировалъ финансовый успѣхъ предпріятія...

— Помилуйте, такіе пайщики! — Нагайе, Бользанъ, Саккаръ... — и пухлою рукой съ короткими пальцами гладилъ красивую ассирійскую бороду.

Хасинто утомленно морщилъ носъ.

— Но, вѣдь, надо же предварительно изучить дѣло на мѣстѣ. Сдѣлано ли это? Вправду ли тамъ есть изумруды?

Эта наивность вывела изъ себя Эфраима.

— Изумруды? Конечно, изумруды есть... Изумруды всегда найдутся — были бы акціонеры...

Пока я вдумывался въ эту аксіому и дивился ея мудрости, къ намъ, задыхаясь, подлетѣлъ одинъ изъ друзей дома, раздушенный, галантный Антуанъ де Тодель, молодой человѣкъ съ лысымъ черепомъ, многосторонне даровитый, руководитель котильоновъ, подражатель шансонеткамъ, мастеръ готовить тонкіе салаты, знавшій всю подноготную Парижа.

— Ну что, пріѣхалъ онъ?.. Эрцгерцогъ уже здѣсь?

— Нѣтъ, его высочество еще не пріѣхалъ. А г-жа де Тодель?

— Она больна, лежитъ... Ушибла себѣ ногу.

— О!

— Нѣтъ, пустяки... Упала съ велосипеда.

Хасинто тотчасъ заинтересовался.

— Ахъ, г-жа де Тодель любитъ этотъ спортъ?

— Учится. У нея еще нѣтъ велосипеда... Теперь, постомъ, она, пока что, ѣздитъ на велосипедѣ отца Эрнеста, изъ церкви св. Іосифа. Но вчера, въ лѣсу... свалилась. И ушибла ногу. Здѣсь.

Онъ показалъ гдѣ, подъ колѣномъ. Эфраимъ грубо искренно пробормоталъ:

— Жалко. У нея красивыя икры.

Но Тодель не разслышалъ. Онъ отвелъ въ сторону редактора «Бульвара» и, вставивъ въ глазъ черный монокль, походившій на кусокъ наклееннаго пластыря, таинственно о чемъ-то зашептался съ нимъ.

Мы съ Хасинто, обрадовавшись перерыву, ушли въ бильярдную, обитую старинной кордуанской кожей. Въ бильярдной разрѣшалось курить. На диванѣ въ углу сидѣлъ неоплатоникъ, мистическій поэтъ Дорнанъ, великій мастеръ на всякіе фокусные размѣры, уйдя въ подушки, какъ индійскій божокъ, поджавъ подъ себя упитанныя ноги, разстегнувъ двѣ пуговицы на жилетѣ, перевѣсивъ жирный двойной подбородокъ надъ вырѣзомъ воротничка, и посасывалъ толстую сигару. Возлѣ него старикъ, котораго я ни разу еще не видалъ у Хасинто, тонкій, съ сѣдыми локонами, зачесанными за уши, съ напудреннымъ лицомъ и черными, какъ смоль, закрученными кверху усками, разсказывалъ, повидимому, весьма пикантный анекдотъ, ибо Жобанъ, извѣстный театральный критикъ, стоя передъ диваномъ, хохоталъ до того, что лысина его побагровѣла; а рыжій юноша съ птичьимъ лицомъ, потомокъ Колиньи, взмахивалъ коротенькими ручками, какъ крыльями и кудахталъ: «Прелестно! Восхитительно!» Одинъ только поэтъ идеалистъ въ своемъ мрачномъ величьи былъ невозмутимъ и не удостаивалъ даже улыбнуться. Когда мы подошли, этотъ мастеръ совершеннаго ритма, выпустилъ изо рта облако дыма и, поздоровавшись со мной движеніемъ рѣсницъ, звучнымъ, металлическимъ голосомъ объявилъ:

— Это что! Бываетъ лучше. Всѣ вы знаете г-жу Норедаль. Г-жа Норедаль обладаетъ колоссальнѣйшими... боками...

Къ несчастью ему не дали сказать. Въ бильярдную влетѣлъ Тодель, громко зовя Хасинто. Гдѣ Патти?.. Дамы хотятъ слушать Патти... Въ фонографѣ — знаменитую арію...

Хасинто недовольно пожалъ плечами.

— Арію Патти? Гдѣ я имъ возьму? Тамъ всѣ пластинки перемѣшаны. Да и фонографъ мой испорченъ. У меня ихъ три, а функціонируетъ одинъ хуже другого.

— Отлично. Тогда я самъ спою «Бѣдняжку»... Это какъ разъ кстати передъ ужиномъ.

Онъ взялъ меня подъ руку и увлекъ въ блѣднорозовую гостиную, гдѣ въ избранномъ кругу, какъ на Олимпѣ, возсѣдали богини: г-жа д'Оріоль, г-жа Верганъ, княгиня де Карменъ, незнакомая мнѣ блондинка съ большими брилліантами въ волосахъ и такимъ низкимъ вырѣзомъ платья, что это платье, бѣлое, вышитое матовымъ золотомъ, казалось падающей съ плечъ рубашкой. Пораженный, я отвелъ въ сторону Тоделя и шопотомъ спросилъ: «Кто эта дама?» Но онъ уже вертѣлся возлѣ г-жи д'Оріоль, за которой, помимо него, увивались еще двое: герцогъ де Маризакъ и юноша съ соломенной бородкой, легкой, какъ пухъ, покачивавшійся на ногахъ, словно стебель пшеницы на вѣтру. Меня притиснули къ роялю, и я растерянно потиралъ руки, не зная, какъ начать разговоръ съ г-жей де Верганъ. Но та вдругъ поднялась съ дивана, гдѣ ее занималъ пожилой господинъ съ Андреевскимъ крестомъ на шеѣ, и пошла, волоча за собой по ковру черно-зеленый шлейфъ тяжелаго бархатнаго платья. Она была маленькая и пухленькая, съ такою тонкой таліей, надъ пышными колышущимися бедрами, что я боялся: вдругъ она переломится посерединѣ. Ея красивые черные волосы были начесаны на уши и стянуты золотымъ обручемъ съ брилліантовой звѣздой посерединѣ, какъ у ангеловъ Боттичели.

Безъ сомнѣнія, зная, что я свой человѣкъ въ № 202, она, проходя мимо, улыбнулась мнѣ томными влажными глазами и шепнула:

— А эрцгерцогъ, навѣрное, пріѣдетъ?

— О, да, конечно, къ рыбѣ.

— Къ рыбѣ?

Въ эту минуту оркестръ загремѣлъ маршъ Ракоци. Наконецъ, онъ! Нашъ мажордомъ распахнулъ двери и торжественно провозгласилъ:

— Его высочество, эрцгерцогъ Казиміръ.

Эрцгерцогъ былъ плечистый, съ уже сѣдѣющей бородкой клиномъ, немного лысоватъ. Съ минуту онъ постоялъ въ нерѣшимости, слегка покачиваясь на невысокихъ маленькихъ ногахъ, почти исчезавшихъ подъ широкими брюками. Потомъ, грузно ступая и улыбаясь, пошелъ здороваться съ дамами. Онѣ привѣтствовали его низкимъ реверансомъ. Затѣмъ эрцгерцогъ ласково потрепалъ по плечу Хасинто:

— Ну что? Какъ рыба? Приготовлена по-моему рецепту, который я послалъ вамъ? Да? Вотъ и отлично. А я какъ разъ сегодня не обѣдалъ. У Жозефа ѣсть невозможно. И почему, собственно, ходятъ обѣдать къ Жозефу? Всякій разъ, какъ я пріѣзжаю въ Па-

рижъ, спрашиваю: «Ну, гдѣ у васъ теперь обѣдаютъ?» И всякій разъ говорятъ: «У Жозефа». Нелѣпость!.. Если бъ вы видѣли, что онъ намъ подалъ. Въ ротъ взять нельзя...

Его сѣроватые глазки сердито засверкали.

— Парижъ совершенно утратилъ свой престижъ. Нигдѣ нельзя поѣсть прилично.

Публика вокругъ почтительно внимала ему. Графъ де Трэвъ сталъ было защищать Виньона, наслѣдника благородныхъ традицій. Редакторъ «Бульвара», увивавшійся возлѣ эрцгерцога, приписывалъ упадокъ французской кухни республикѣ, демократически низменнымъ вкусамъ.

— Однакожъ, у Пальяра... — возразилъ Эфраимъ.

— У Пальяра?! — возмутился эрцгерцогъ. — Но его бургундское — гадость. Положительно, гадость. Пить нельзя.

Онъ развелъ руками, повѣсилъ носъ, и весь уныло сгорбился. Затѣмъ своей медлительной, колышущейся поступью стараго лоцмана, слегка откидывая назадъ фалды, подошелъ къ г-жѣ д'Оріоль, сіявшей и улыбками и брилліантами... Но едва это восхитительное созданіе защебетало трепеща, словно крылышками вѣеромъ, какъ его высочество заинтересовался театрофономъ, красовавшимся на столѣ среди цвѣтовъ.

— Вы говорите: съ Альказаромъ соединенъ?... Это шикарно. Я такъ жалѣлъ, что не могъ послушать Иветту Гильберъ въ новой шансонеткѣ. Половина двѣнадцатаго. Самое время... Она поетъ въ послѣднемъ актѣ «Электрическаго Обозрѣнія»... — онъ прижалъ къ ушамъ обѣ трубки театрофона и, наморщивъ суровый лобъ, замеръ въ недвижимости. Но вдругъ закричалъ словно на смотру:

— Она! Ей-Богу. Слушайте... Она! Идите всѣ сюда! Княгиня Керманъ, сюда! Всѣ! Всѣ! Это она... Иветта.

Такъ какъ у Хасинто была дюжина проводовъ у театрофона, всѣ дамы и мужчины столпились около эрцгерцога. Лишь я, единственный, стоялъ поодаль праздно, держа руки въ карманахъ.

На монументальныхъ часахъ, показывавшихъ время всѣхъ большихъ городовъ и движеніе планетъ, кованая стрѣлка стояла неподвижно. На недвижную бѣлизну оголенныхъ плечей и шей электрическій свѣтъ падалъ уныло, словно замороженный солнечный. И изъ каждаго настороженнаго уха, точно кишка, вывисала черная проволока. Дорнанъ, навалившись на столъ, жмурилъ глаза, какъ замечтавшійся монахъ. Историкъ герцога Анжуйскаго, придерживавшій слуховую трубку тонкими кончиками пальцевъ, поднявъ кверху заостренный, унылый носъ, словно исполнялъ долгъ придворнаго. Госпожа д'Оріоль блаженно улыбалась, какъ будто трубка нашепты-

вала ей слова любви. Чтобы размять онѣмѣвшія ноги, я робко сдѣлалъ нѣсколько шаговъ. Герцогъ тотчасъ же строго зашикалъ на меня, и я спрятался за портьеру. Авторъ «Кирасы» искусалъ себѣ губы въ кровь, такъ старательно онъ прислушивался. Его высочество, видимо, наслаждался, раскинувшись на мягкихъ подушкахъ. Возлѣ него вздымалась бѣлой пѣной пышная грудь м-мъ Ворганъ. А бѣдный мой Хасинто съ такимъ печальнымъ видомъ склонялся надъ театрофономъ, словно это была разверзтая могила.

Я глядѣлъ на всѣхъ этихъ высоко культурныхъ людей въ благоговѣйномъ безмолвіи слушавшихъ грязные куплеты, которые хриплымъ голосомъ распѣвала знаменитая Иветта, и мнѣ представилась моя родная деревушка, дремлющая въ лунномъ свѣтѣ. Лунный серпъ съ маленькой звѣздочкой спутницей, плывшій надъ крышами и дымовыми трубами Елисейскихъ Полей, тамъ свѣтилъ и ярче, и ласковѣй на чистомъ небѣ. Въ Пего да Донья квакали лягушки. На вершинѣ горы бѣлѣлъ монастырь св. Іоахима...

Одна изъ дамъ шептала:

— Но вѣдь это же не Гильберъ.

Одинъ изъ мужчинъ:

— Это какъ будто корнетъ-а-пистонъ.

— А теперь аплодируютъ...

— Позвольте, да это Поленъ...

Эрцгерцогъ снова сердито шикалъ... Во дворѣ нашего дома залаяла собака; ей откликнулись по ту сторону ручья собаки Джоана Саранды. Но какъ я очутился вдругъ въ лѣсномъ ущельѣ, подъ густымъ навѣсомъ листвы, съ моимъ альпенштокомъ подъ мышкой?.. Сквозь шелкъ занавѣсей на меня повѣяло воздухомъ горъ, смолистымъ запахомъ еловыхъ вѣтокъ, трещавшихъ на кострѣ, тепломъ овечьяго загона за высокой изгородью. За мельницей журчалъ ручей...

Мои грезы спугнули звуки совсѣмъ иного рода. Эрцгерцогъ поднялся, сердито поводя плечами:

— Ничего не слыхать... Только хрипитъ что-то. И все время здѣсь разговаривали. Какая досада... Не часто услышишь такую прелесть, какъ эта шансонетка:

Oh, les casquettes
Oh, les casque-e-et-tes!..

Всѣ грустно опустили трубки и единогласно объявили, что Иветта восхитительна. Къ счастью, въ эту минуту мажордомъ распахнулъ двери и провозгласилъ:

— Monseigneur est servi!

За столомъ эрцгерцогъ шумно хвалилъ его убранство. Меня по-

садили между эѳирнымъ поэтомъ Дорнаномъ и бѣлокурымъ юношей съ пушкомъ вмѣсто усовъ и бороды. Поэтъ методически развернулъ салфетку, разложилъ ее на колѣняхъ и отцѣпилъ отъ цѣпочки своихъ часовъ огромное пенснэ, чтобъ изучить меню, которое онъ и одобрилъ. И затѣмъ наклонилъ ко мнѣ свой апостольскій ликъ.

— Этотъ портвейнъ 1834 г. у Хасинто, пожалуй, настоящій... а?...

Я завѣрилъ короля ритма, что портвейнъ этотъ старился въ прославленныхъ погребахъ дѣдушки Хасинто. Все такъ же методически Дорнанъ, какъ бы готовясь къ воспріятію столь дивнаго напитка, отвелъ кверху густые длинные усы, обнаживъ чувственныя губы. Подали холодный бульонъ съ трюфелями.

Соломеннаго цвѣта юноша, скользившій кроткимъ взоромъ по лицамъ гостей, шепнулъ съ улыбкою, но грустно:

— Какая жалость!.. Недостаетъ только еще епископа и генерала.

И вправду, трюфелямъ Хасинто въ эту минуту отдавали честь представители всѣхъ господствующихъ классовъ... Напротивъ заливалась серебристымъ смѣхомъ, болѣе пѣвучимъ, чѣмъ щебетанье птички, г-жа д'Оріоль. Эрцгерцогъ выискалъ на вѣткѣ орхидей, обвивавшей его приборъ, цвѣтокъ, походившій на зеленаго скорпіона, съ крыльями, словно раздутыми ядомъ, и преподнесъ это чудовище своей сосѣдкѣ, которая торжественно приколола его къ своей груди. На гладкой, бѣлой, словно сливки, кожѣ зеленый скорпіонъ съ трепещущими крылышками казался еще зеленѣе. Всѣ воспламененные взоры устремлены были на этотъ фонъ, которому уродливый цвѣтокъ цвѣта мѣднаго купороса придавалъ еще больше прелести. Молодая женщина явно наслаждалась своимъ успѣхомъ. Хасинто, хмурясь, наклонялся надъ своей пустой тарелкой.

А соломенный юноша все жаловался, что не хватаетъ генерала и епископа.

— Да зачѣмъ они вамъ?

Онъ сдѣлалъ мягкое движеніе рукой.

— Такъ, хорошо бы бросить сюда бомбу, начиненную динамитомъ... Здѣсь такой пышный букетъ цивилизаціи, съ эрцгерцогомъ посерединѣ... Вы только вообразите себѣ, что кто-нибудь, ну, вонъ въ ту дверь, бросаетъ сюда бомбу... Какой прекрасный конецъ ужина на рубежѣ XX столѣтія!

И такъ какъ я растерянно уставился на него, онъ, прихлебывая шато д'икемъ, пояснилъ мнѣ, что единственное ощущеніе, которое еще способно щекотать его истрепанные нервы, это — уничтоженіе цивилизаціи. Ни наука, ни искусство, ни деньги, ни любовь

уже не могутъ дать полнаго наслажденія его пресыщенной душѣ. Вся чаша наслажденій, которыя можетъ дать творчество, выпита имъ до дна. Остается только одно, божественное наслажденіе — разрушать.

Онъ продолжалъ ошеломлять меня этою чушью, весело улыбаясь ясными глазами, но я уже не слушалъ его. Я былъ озабоченъ другимъ. Въ подачѣ блюдъ произошла заминка, и какъ разъ на рыбѣ, — на знаменитой рыбѣ изъ Далмаціи, подаренной эрцгерцогомъ, той самой рыбѣ, ради которой заданъ былъ весь этотъ ужинъ. Хасинто нервно мялъ цвѣтокъ въ рукѣ. Всѣ лакеи вдругъ куда-то провалились . . . Или они уснули, какъ въ сказкѣ о Спящей Красавицѣ?

Къ счастью, эрцгерцогъ въ это время разсказывалъ о какомъ-то своемъ охотничьемъ приключеніи, во время котораго дама, жена банкира, неожиданно поблѣднѣвъ, соскочила съ лошади, чтобы . . . Но намъ такъ и не суждено было узнать, почему она соскочила съ лошади. Появился главный буфетчикъ, блѣдный, обливаясь потомъ и о чемъ-то шопотомъ доложилъ Хасинто. Тотъ сердито закусилъ губы. Эрцгерцогъ замолчалъ. Всѣ весело ждали, что будетъ дальше. Мой принцъ героически выдавилъ блѣдную улыбку на блѣдномъ лицѣ.

— Уважаемые друзья, произошло несчастіе . . .

Дорнанъ привскочилъ на стулѣ.

— Пожаръ?

— Нѣтъ, не пожаръ. Лифтъ, на которомъ должны были поднять рыбу, вдругъ забастовалъ, и рыба застряла на полдорогѣ.

Эрцгерцогъ отшвырнулъ салфетку. Вся полированность вдругъ соскочила съ него, словно плохо наложенная стеклянная глазурь.

— Ну, знаете! . . Рыба, которая мнѣ стоила столько хлопотъ! Какого же чорта мы пришли сюда ужинать? Что за нелѣпость! Точно нельзя было принести ее просто на рукахъ. Застряла? Ну, это мы посмотримъ. Гдѣ этотъ вашъ лифтъ?

И онъ свирѣпо бросился въ буфетную, предшествуемый мажордомомъ, у котораго отъ страха передъ гнѣвомъ его высочества голова ушла въ плечи. Хасинто, тѣнью, на буксирѣ шелъ за ними. Я тоже не могъ удержаться, чтобы не пойти. Поэтъ хлопалъ себя по ляжкамъ и требовалъ, чтобы ужинъ продолжался безъ рыбы.

Его высочество нагнулся надъ темнымъ проваломъ, въ который онъ сунулъ зажженную свѣчу. Отъ этой позы и досады его и безъ того раскраснѣвшееся лицо стало еще краснѣе. Я робко заглянулъ внутрь, поверхъ августѣйшаго плеча. Хасинто, бѣлѣе своего галстуха, съ отчаяніемъ нажималъ пружину, силясь привести въ дѣйствіе сложный механизмъ лифта. Эрцгерцогъ самъ сердито дернулъ за винтъ, поднимавшій площадку съ блюдомъ. На немъ, еще дымясь,

между ломтиками лимоновъ, лежала вкусно пахнувшая рыба. Но тщетно. Машина была скована словно недвижностью вѣчныхъ льдовъ.

Въ дверяхъ шуршали шелковыя платья. Г-жа д'Оріоль и вслѣдъ за нею г-жа Ворганъ съ блестящими отъ любопытства глазками пришли посмотрѣть, что такъ взволновало эрцгерцога. Появился и другъ нашъ, Маризакъ, и, смѣясь, предложилъ спуститься въ эту шахту по веревочной лѣстницѣ. Психологъ разводилъ нелѣпѣйшую психологію, приписывая рыбѣ всякое коварство. И всѣмъ эрцгерцогъ, весь багровый, трагически указывалъ пальцемъ внизъ. Тодель такъ волновался, что едва не свалился самъ. Потомокъ Колиньи съ попугаичьимъ лицомъ трепыхался, билъ крыльями и выкрикивалъ, словно попугай:

— О, какой ароматъ! О, что за дивный запахъ!...

Буфетная была теперь биткомъ набита. Обнаженныя плечи дамъ касались разолоченныхъ ливрей лакеевъ. Напудренный старикъ попалъ ногой въ ведро со льдомъ и вскрикнулъ, словно его посадили на колъ. И надъ всѣми царилъ унылый крючковатый носъ лѣтописца дѣяній герцоговъ Анжуйскихъ.

Неожиданно Тодель предложилъ:

— Но вѣдь, это же очень просто, господа. Мы должны выудить эту рыбу.

Эрцгерцогъ одобрительно хлопнулъ его по колѣну. Ну разумѣется. Надо выудить эту рыбу. И въ предвкушеніи новаго и занятнаго времяпрепровожденія онъ моментально пересталъ сердиться и вновь сдѣлался милымъ и обаятельнымъ высочествомъ, плѣнявшимъ сердца дамъ, которыхъ онъ пригласилъ занять мѣста, чтобы смотрѣть на ловлю рыбы. Удить будетъ онъ самъ. Для этого нужна только обыкновенная тросточка, веревка и крючекъ. Г-жа д'Оріоль предложила сдѣлать крючекъ изъ ея шпильки. Всѣ обступили ее тѣсною толпой, вдыхая съ жадностью запахъ ея духовъ, теплоту ея кожи, восхваляя ея готовность жертвовать собой для общества. Психологъ утверждалъ, что сами боги не удили болѣе божественными удочками.

Пока двое одурѣлыхъ лакеевъ раздобывали шнурокъ и трость, эрцгерцогъ, весь сіяя, согнулъ шпильку въ крючокъ. Хасинто, блѣдный и тихій, какъ покойникъ, поднялъ лампу надъ шахтой лифта. И даже болѣе серьезные люди: историкъ, редакторъ «Бульвара», графъ де Трэвъ, человѣкъ съ половой Ванъ-Дейка, стоя у двери, сочувственно и одобрительно улыбались фантазіи августѣйшаго гостя. Г-жа де Трэвъ тѣмъ временемъ производила детальную рекогносцировку буфетной, изслѣдуя ея устройство. Одинъ только Дорнанъ упорно сидѣлъ за столомъ, положивъ стиснутые кулаки на скатерть, втянувъ

въ себя жирную шею, сдерживая кипѣвшую въ немъ злобу звѣря, у котораго вытянули изъ-подъ носа его порцію мяса.

Тѣмъ временемъ его высочество все удилъ и удилъ. И безуспѣшно. Тупой крючокъ безъ приманки болтался на концѣ шнурка и не втыкался въ рыбу.

— Хасинто, да поднимите же выше лампу! — кричалъ онъ, обливаясь потомъ. — Еще выше . . . Вотъ! Вотъ . . . Сейчасъ я подведу крючокъ подъ жабры. Ее можно поддѣть только подъ жабры. Готово! . . . Ахъ, чортъ! Сорвалось. Чортъ побери! Нѣтъ, не подцѣпишь.

Онъ вынулъ глову изъ шахты и гнѣвно высморкался.

— Ничего не выходитъ. Хоть плотника зови разбирать лифтъ.

Всѣ стали убѣждать его, что можно поужинать и безъ рыбы.

Его высочество развелъ руками и, смѣясь, согласился, что въ конечномъ счетѣ, занятнѣе было ловить ее, чѣмъ ѣсть. И вся нарядная толпа гостей хлынула обратно въ столовую, подъ звуки томнаго Штраусовскаго вальса, который пѣли скрипки цыганъ въ передней. Одна только м-мъ де Трэвъ замедлила въ буфетной и задержала моего бѣднаго Хасинто, завѣряя его, что ей ужасно нравится его буфетная . . . Это шедевръ. Какое тонкое пониманіе жизни! Сколько вкуса, умѣнья комфортабельно устраиваться . . .

Его высочество, разгоряченный уженіемъ рыбы, хватилъ одинъ за другимъ сразу два стаканчика шато-лангранжъ. Тѣмъ временемъ подали «Барона де Польяка», откормленнаго на морскихъ дюнахъ барашка, который, будучи приготовленъ по всѣмъ правиламъ священнаго ритуала, принимаетъ это звучное имя, какъ бы вступая тѣмъ въ ряды французскаго дворянства.

Я ѣлъ съ аппетитомъ гомеровскихъ героевъ. Въ моемъ стаканѣ и въ стаканѣ моего сосѣда Дорнана шампанское пѣнилось непрерывно, какъ вода горнаго ручья въ періодъ таянья снѣговъ. Когда подали жареныхъ перепеловъ въ желе, которое положительно таяло во рту, поэтъ, въ качествѣ лакомой приправы, прочелъ мнѣ на ушко свой сонетъ «Святой Кларѣ». Съ другой стороны соломеннаго цвѣта юноша описывалъ мнѣ восторгъ разрушенія. Я благодушно поддакивалъ и ему. И оба мы, глотая замороженное, колючее шампанское, проклинали цивилизацію и гордыя завоеванія науки.

Праздникъ окончился. Смутно помню, какъ въ три часа ночи, Хасинто и я въ передней помогали эрцгерцогу, совсѣмъ багровому, еле державшемуся на ногахъ, надѣвать шубу, а онъ все никакъ не могъ попасть въ рукава. И съ нѣжною настойчивостью умолялъ Хасинто пріѣхать къ нему поохотиться въ Далмацію.

— Я въ долгу у моего милаго Хасинто за прелестное уженье рыбы, мнѣ хотѣлось бы отплатить ему такой же дивною охотой.

Мы вели его подъ руки внизъ по лѣстницѣ, мимо почтительно выстроившихся въ двѣ шпалеры слугъ; впереди шелъ буфетчикъ, высоко держа трисвѣчникъ, а его высочество твердилъ настойчиво и нѣжно:

— Такъ непремѣнно пріѣзжайте охотиться... И Фернандесъ тоже. Милый Фернандесъ, Зэ Фернандесъ! Чудесный ужинъ, мой Хасинто! «Баронъ де Польякъ» былъ божественный... Я готовъ произвести его въ герцоги... Г. герцогъ де Польякъ. Ха-ха-ха... Нѣтъ, нѣтъ, не провожайте меня. Вы простудитесь...

Уже изъ кареты онъ намъ крикнулъ, проѣзжая мимо:

— А рыбу вы все-таки выудите. Она хороша и холодная, на завтракъ, съ соусомъ изъ петрушки.

Усталые и сонные, мы съ трудомъ поднимались по лѣстницѣ. У меня отъ шампанскаго и усталости сами собой слипались глаза. Однакоже, я все-таки счелъ долгомъ заявить Хасинто:

— Очень веселый вечеръ. Великолѣпная женщина этаВорганъ. Жалко только, что лифтъ...

У Хасинто вырвалось не то зѣвотой, не то стономъ:

— Несносный вечеръ! Скука нестерпимая! И во всемъ неудача.

Три дня спустя послѣ этого праздника мой принцъ получилъ важныя извѣстія изъ Португаліи. Надъ его имѣніемъ и усадьбой Тормесъ, такъ же, какъ и надо всею Сьеррой, пронесся опустошительный ураганъ съ ливнемъ и градомъ. Вслѣдствіе сильныхъ дождей, или же по другимъ причинамъ, которыя предстоитъ выяснить экспертамъ, какъ писалъ въ своемъ горестномъ письмѣ его управляющій Сильверіо, отломился большой кусокъ скалы, террасою нависшій надъ Валле да Карриса, и, падая, увлекъ за собой церковь — старинную деревенскую церковку XVI вѣка, гдѣ еще со временъ короля Эммануэля хоронили предковъ Хасинто. И почтенныя кости ихъ теперь покоились подъ безформенной грудой камня и земли. Сильверіо уже нанялъ рабочихъ, чтобъ откопать «драгоцѣнные останки». И теперь ждалъ нетерпѣливо приказаній его милости...

Хасинто поблѣднѣлъ и взволновался. Скала, стоявшая еще при готахъ, казавшаяся такой незыблемой, обвалилась. Гробницы, гдѣ мирно покоились его предки, съ трескомъ рухнули куда-то въ черный мракъ, и кости, съ каждой изъ которыхъ было связано имя, дата и исторія жизни, перемѣшались въ грудѣ мусора.

— Странно! Странно!

Всю ночь онъ не давалъ мнѣ спать, разспрашивая меня о Сьеррѣ и о Тормесѣ, который съ дѣтства былъ мнѣ хорошо знакомъ, такъ какъ старинная господская усадьба съ чудной аллеею столѣтнихъ буковъ стояла всего въ какихъ-нибудь двухъ миляхъ отъ нашего дома,

на старой дорогѣ изъ Гвіаэнса къ станціи желѣзной дороги и къ рѣкѣ. Управляющій Тормесомъ, добрѣйшій Мельхіоръ, былъ зятемъ нашего управляющаго Рокверины, и не разъ съ тѣхъ поръ, какъ я подружился съ Хасинто, я заходилъ въ просторный каменный домъ, оцѣнивалъ зерно, ссыпанное въ огромныхъ, гулкихъ залахъ, и въ колоссальныхъ погребахъ пробовалъ вина послѣдняго сбора.

— А церковь, Зэ Фернандесъ? Былъ ты въ церкви? . .

— Ни разу . . . Но она была живописная, съ четырехугольной башенкой, ужъ совсѣмъ почернѣвшей, и на башенкѣ было гнѣздо аистовъ. Ужъ сколько лѣтъ они прилетали туда . . . Для аистовъ это будетъ большое огорченіе.

— Странно! — еще разъ повторилъ Хасинто. Катастрофа казалась ему дурнымъ предзнаменованіемъ.

И онъ телеграфировалъ Сильверіо, что долину нужно очистить отъ обломковъ, кости предковъ собрать и церковку отстроить снова. А денегъ на постройку пусть онъ не жалѣетъ — денегъ онъ можетъ тратить сколько угодно.

Хасинто, обиженный всѣми невзгодами, которыя ему за послѣднее время пришлось перенести: портящимся водопроводомъ, подъемными площадками, которыя упрямо не хотѣли подыматься, электричествомъ, которое гасло не во-время, — мужественно рѣшилъ преодолѣть сопротивленіе матеріи и замѣнить всѣ механизмы въ своемъ домѣ новыми болѣе прочными и болѣе усовершенствованными. И въ апрѣлѣ, когда въ Гвіаэнсѣ набухали почками розы, нашъ домъ, обычно такой тихій и благоустроенный, наполнился шумомъ и стукомъ молотковъ, тучами известковой пыли. Въ безмолвныхъ коридорахъ, гдѣ я привыкъ прохаживаться передъ завтракомъ задумчиво куря сигару, теперь съ разсвѣта сновали рабочіе въ бѣлыхъ холщевыхъ блузахъ, насвистывая и путая меня своимъ внезапнымъ появленіемъ, когда я, въ шлафрокѣ и туфляхъ, направлялся въ ванную или иной укромный уголокъ уединеннаго раздумья. Только бывало я переберусь, лавируя искусно, черезъ какіе-то подставки и лѣса, забаррикадировавшіе дверь, какъ подъ ноги сунется куча досокъ, корзина съ инструментами, или ведро съ известкой. Мѣстами доски пола были сорваны, и въ щеляхъ, какъ внутри вскрытаго трупа, можно было видѣть скелетъ № 202, чувствительные нервы — провода, черныя желѣзныя трубы — внутренности.

Ежедневно къ воротамъ подъѣзжалъ тяжело нагруженный фургонъ, изъ котораго слуги, безъ куртокъ и съ засученными рукавами, вынимали большіе деревянные ящики и зашитые въ парусину тюки,

которые они сносили въ вымощенный асфальтомъ большой павильонъ въ саду и тамъ ужъ распаковывали. И всякій день мой принцъ тащилъ меня внизъ полюбоваться какою-нибудь новою машиной, которая должна была облегчить жизнь и упрочить наше господство надъ матеріей. Въ жаркіе дни, наступившіе послѣ Вознесенія, мы одинъ за другимъ безуспѣшно перепробовали три ледника, спеціально для охлажденія минеральныхъ и содовыхъ водъ и легкаго медока, и послѣдовательно всѣ три новинки должны были признать негодными. Съ появленіемъ первой земляники появился на сценѣ и новый маленькій колючій инструментъ, осторожненько вынимавшій стержни изъ ягодъ. Затѣмъ намъ доставили и другой, очень затѣйливый, изъ хрусталя и серебра, спеціально для быстраго размѣшиванія салатовъ; но въ первый же разъ, какъ я взялся за него, весь уксусъ брызнулъ прямо въ глаза моему принцу, который взвылъ отъ боли.

Но подобные пустяки не могли запугать его... Онъ такъ преклонялся передъ динамикой, что даже пуговицы на кальсонахъ застегивалъ теперь при помощи машинки.

При всемъ томъ, согласно ли своей идеѣ, или же подъ деспотическимъ давленіемъ привычки, онъ не переставалъ громоздить на механику ученость. Господи, сколько намъ ежедневно присылали книгъ! По одиночкѣ, по двѣ, въ пачкахъ, въ ящикахъ, толстыя и тоненькія, набитыя всякой премудростью, въ плебейскихъ желтенькихъ обложкахъ и въ сафьянныхъ съ золотомъ переплетахъ, онѣ непрерывнымъ потокомъ вливались въ раскрытыя двери библіотеки и тамъ ложились на коверъ, раскидывались на мягкихъ креслахъ, нагромождались на огромные столы, жадно карабкались на окна, словно имъ самимъ было душно, словно онѣ искали воздуха и свѣта, оставляя только верхнія стекла незакрытыми. Въ этой обители учености даже въ солнечные іюньскіе дни царилъ октябрьскій полумракъ. Библіотека наводнила цѣлый домъ. Нельзя было открыть шкафа, или отдернуть занавѣску безъ того, чтобы подъ ноги вамъ не свалилась куча книгъ. Однакоже, безмѣрно было мое справедливое негодованіе, однажды утромъ, когда я, съ необычной поспѣшностью, не успѣвъ даже надѣть подтяжекъ и придерживая руками панталоны, побѣжалъ въ... кабинетъ уединенія — и вдругъ, нашелъ дверь заложенной огромною коллекціей «Соціальныхъ этюдовъ».

Однако, еще съ большимъ озлобленіемъ я вспоминаю историческую ночь, когда я, вернувшись съ прогулки на велосипедѣ по Версалю, запыленный, измученный, падающій отъ усталости, прежде, чѣмъ лечь въ постель, долженъ былъ сбросить со своей кровати колоссальныхъ размѣровъ техническій словарь въ тридцати пяти томахъ. Въ этотъ вечеръ я положительно возненавидѣлъ книги. Сбра-

сывая томы словаря на полъ и взбивая измятыя подушки, я проклиналъ книгопечатаніе, проклиналъ многоглаголаніе... Наконецъ, постель была освобождена; я съ наслажденіемъ растянулся на ней и уже было засыпалъ, какъ вдругъ — это едва не стоило мнѣ воспаленія колѣнной чашки — я внезапно пребольно ударился колѣномъ объ ребро послѣдняго тридцать шестого тома, коварно спрятавшагося между стѣною и матрацомъ. Съ проклятьемъ я свирѣпо швырнулъ далеко прочь отъ тебя нахала... при чемъ опрокинулся кувшинъ съ водой и залилъ драгоцѣнный дагестанскій коверъ. Я даже не могу сообразить, удалось ли мнѣ въ эту ночь заснуть или это былъ у меня кошмаръ, но только мнѣ казалось, что я все время иду, не слыша собственныхъ шаговъ, — иду и спотыкаюсь о книги, сперва по темнымъ коридорамъ, потомъ по дорожкамъ, по гравію, бѣлѣющему при лунѣ, потомъ по Елисейскимъ Полямъ, залитымъ шумною толпою, какъ на ярмаркѣ. И — о, чудо! — вижу: всѣ дома построены изъ книгъ. На вѣтвяхъ каштановъ, вмѣсто листьевъ, развѣваются страницы книгъ. Всѣ мужчины и дамы одѣты въ платья изъ печатной бумаги, при чемъ заглавія книгъ приходятся на спинѣ, и вмѣсто лицъ у нихъ тоже развернутыя книги, въ которыхъ вѣтеръ тихонько перелистываетъ страницы. На площади Согласія высилась цѣлая гора книгъ, а я, кряхтя и задыхаясь, карабкался на нее, то увязая въ мягкомъ болотѣ нѣжной лирики, то натыкаясь на твердые, какъ камень, корешки философскихъ и критическихъ сочиненій. Но упорно лѣзъ все выше, пока, наконецъ, не забрался на облака и не очутился среди созвѣздій. Огромныя, нѣмыя и спокойныя, они свершали свой обычный путь, покрытыя толстой корою книгъ, сквозь которыя, въ трещины между двумя неплотно уложенными томами, пробивался маленькій лучикъ тускленькаго свѣта. И такъ добрался, наконецъ до рая. Навѣрное, это былъ рай, ибо я своими земными глазами, рожденными въ пыли, явственно различалъ Предвѣчнаго. Свѣтъ, исходившій отъ Него, былъ ярче всякаго земного свѣта, и возсѣдалъ Онъ межъ двухъ огромныхъ золоченыхъ книжныхъ шкафовъ, биткомъ набитыхъ юридическими книгами, на древнихъ фоліантахъ, разложивъ нескончаемую бороду на грудѣ летучихъ листковъ, газетъ, брошюръ и каталоговъ, и — читалъ. Сверхбожественное чело, родившее идею міра, покоилось на сверхмощной рукѣ, создавшей этотъ міръ, а Создатель его читалъ и улыбался. Съ благоговѣйнымъ трепетомъ я отважился заглянуть черезъ Его осіянное плечо. Въ рукѣ Всевышняго было дешевое изданіе Вольтера, трехфранковый желтенькій томикъ. Вѣчный читалъ и улыбался.

Скрипнула дверь, какъ будто кто-то вошелъ въ рай. Я подумалъ, что это какой-нибудь новый святой упокоился на землѣ.

Но это былъ только Хасинто, съ сигарою въ зубахъ, букетикомъ гвоздикъ въ петлицѣ и съ тремя желтенькими томиками, данными ему для прочтенія княгиней де Керманъ.

Неожиданно мое вниманіе было отвлечено отъ интереснаго Хасинто. Я продолжалъ считаться его гостемъ; мои вещи стояли у него, и, вѣрный знамени моего принца, изрѣдка я питался отъ его роскошнаго стола. Но душа моя, моя звѣриная душа, и мое тѣло, оживотненное тѣло, обитали въ то время въ улицѣ Эльдеръ, № 16, четвертый этажъ, дверь налѣво.

Однажды, въ самомъ мирномъ и веселомъ настроеніи идя по бульвару Мадлэнъ, я возлѣ станціи омнибусовъ увидалъ женщину, худенькую, смуглую, со впалыми печальными глазами и цѣлымъ лѣсомъ вьющихся непокорныхъ желтыхъ кудрей подъ старой, съ черными перьями шляпкой. Медленно, крадучись, какъ кошка, шла она по асфальту. Я остановился, какъ будто кто меня толкнулъ. Женщина прошла мимо, выгибая худое тѣло, словно кошка, которая январской ночью крадется вдоль кровельнаго жолоба. Два глубокихъ колодца при лунѣ не могутъ сверкать угрюмѣй и мрачнѣе, чѣмъ ея мрачные глубокіе глаза. Не помню ужъ, какъ я коснулся ея поношеннаго и лоснящагося шелковаго платья, какъ заговорилъ съ ней, стуча зубами отъ волненія, какъ мы оба молча и медленно, словно двое приговоренныхъ къ смерти, поднялись, какъ на эшафотъ въ отдѣльный кабинетъ кафэ Дюранъ, гдѣ было грязновато и прохладно. Передъ зеркаломъ она медленно, словно совершая похоронный обрядъ, сняла шляпку и вышитую стеклярусомъ пелерину. Запыленный шелкъ ея платья совсѣмъ протерся на локтяхъ. Но волосы были роскошные, густые, словно грива звѣря, и двухъ тоновъ: одинъ болѣе золотистый, другой — болѣе красноватый, какъ корочка горячаго, только что вынутаго изъ духовки торта.

Нервно усмѣхаясь, я сжалъ ея длинные холодные пальцы.

— Какъ ваше имя, милочка?

Серьезно, почти грустно, она отвѣтила:

— Мадамъ Коломбъ, 16, улица Эльдеръ, четвертый этажъ, дверь налѣво.

И злополучный Зэ Фернандесъ тоже былъ глубоко взволнованъ и настроенъ торжественно, словно въ этомъ отдѣльномъ кабинетѣ кафэ Дюранъ намъ предстояло совершить великое таинство. Дверь тихонько пріотворилась; показалась лоснящаяся рожа лакея. Я заказалъ омаровъ, жареную утку и бургундское. И утка была уже съѣдена, когда я, наконецъ, вышелъ изъ-за стола и, судорожно

комкая салфетку, дрожа всѣмъ тѣломъ, поцѣловалъ мою даму, поцѣлуемъ робкимъ и пламеннымъ, въ которомъ я оставилъ часть моей души... Затѣмъ мы въ открытой коляскѣ ѣхали по Champs Elysées. И когда проѣзжали мимо № 202, я, чтобы ослѣпить ее своимъ богатствомъ, небрежно бросилъ ей: «Здѣсь я живу»... Она нагнулась, чтобы лучше разглядѣть мой дворецъ, поразившій ее своимъ великолѣпіемъ; ея краснозолотая грива коснулась моей бороды... и я, что было силы, крикнулъ кучеру: «Гони во всю, № 16, улица Эльдеръ, четвертый этажъ, дверь налѣво. Живо!..»

Я любилъ эту тварь. Любилъ ее всѣми видами и разновидностями любви — небесною любовью и земною, человѣческой и животной: какъ святой Антоній любилъ Св. Дѣву, какъ Ромео любилъ свою Джульетту, какъ песъ любитъ свою самку. Она была глупа, всегда уныла. Я съ наслажденіемъ гасилъ свою солнечную веселость въ пеплѣ ея меланхоліи; съ невыразимой радостью топилъ свой разумъ въ густомъ туманѣ ея тупости. На цѣлыхъ семь недѣль я утратилъ сознаніе своего «я», забылъ кто я — Зэ Фернандесъ де Норонья э Сандэ, изъ Гвіаэнса. Порою мнѣ казалось, что я — кусочекъ воска, который, замирая отъ страха и блаженства, таетъ въ пылающей печи; порой — что я куча сухого хвороста, костеръ, жадно пожирающій самъ себя... Отъ солиднаго, приличнаго, аккуратнаго и разсудительнаго Зэ Фернандеса остался только остовъ съ трясущимися колѣнками, бродившій наяву, словно во снѣ...

Затѣмъ наступилъ день, когда я съ обычнымъ нетерпѣніемъ взбѣжалъ по лѣстницѣ въ четвертый этажъ дома № 16 и нашелъ дверь запертой, и даже карточка на двери «Мадамъ Коломбъ», на которую я всякій разъ взиралъ съ благоговѣніемъ, была сорвана... Я весь дрожалъ, словно подо мною тряслась земля. То была дверь, ведущая въ мой міръ, куда отнынѣ мнѣ не было доступа. Я съ трескомъ, кубаремъ скатился внизъ, къ ложѣ привратника, который съ своею супругой преспокойно игралъ въ 66, словно ничего ужаснаго не случилось.

— Госпожа Коломбъ?..

— Выѣхала... Сегодня утромъ, куда-то на другой конецъ Парижа, еще съ какою-то бабенкой.

На другой конецъ города! Съ какою-то бабенкой!.. Опустошенный, безъ чувствъ, безъ мыслей и безъ желаній, я плелся, какъ пустая бочка, по бульвару, наталкиваясь на прохожихъ, пока, наконецъ, не плюхнулся на скамью на площади Магдалины. Закрылъ лицо руками — онѣ пылали, но я не чувствовалъ этого, какъ не чувствовалъ слезъ, катившихся по моимъ щекамъ. Совсѣмъ ужъ подъ вечеръ, когда спускали желѣзныя завѣсы на витринахъ, изъ глу-

бины руинъ моей души поднялось единственное, что во мнѣ пережило катастрофу — потребность въ пищѣ. И деревяннымъ шагомъ воскресшаго изъ гроба, я пошелъ къ Дюрану. И во имя воспоминаній, жегшихъ мнѣ душу, заказалъ омаровъ, жареную утку и бургундское. Но такъ какъ былъ іюль и было жарко и мой воротничекъ совсѣмъ размокъ, а пыль набилась въ носъ и въ горло, я кивкомъ головы подозвалъ лакея:

— Передъ бургундскимъ дайте шампанскаго — бутылку и пожалуйста побольше льду.

Должно быть, это шампанское разливалось въ бутылки на небесахъ, которыя хранятъ для насъ неизсякаемый источникъ утѣшенія, и въ благодатную бутылку, доставшуюся мнѣ, щедро влилась струя этого достохвальнаго источника. Святой Непомукъ! что за божественный напитокъ! пѣнистый, ледяной, колючій, золотистый! И послѣ него бутылка бургундскаго. А потомъ коньякъ и замороженный абсентъ... Меня вдругъ охватила злобная потребность исколотить своею тростью, привезенной изъ Гвіаэнса, «бабешку», которая удрала отъ меня «съ другой бабешкой»... Въ закрытой каретѣ, которая везла меня въ № 202, эта потребность не только не улеглась, но еще обострилась: я бѣшено колотилъ кулаками по подушкамъ, на которыхъ явственно видѣлъ — *видѣлъ*, говорю вамъ — гриву желтыхъ волосъ, въ которыхъ случайно запуталась моя душа, навѣки загрязнивъ себя ихъ прикосновеніемъ. Карета остановилась, а я продолжалъ неистовствовать, пока, наконецъ, на крикъ кучера, не прибѣжало двое нашихъ слугъ, удержавшихъ меня въ то время, какъ остатки моего слабѣющаго гнѣва падали на ихъ покорныя спины.

Взойдя наверхъ, я грубо оттолкнулъ огорченнаго Грильо, осмѣлившагося сдѣлать мнѣ, Зэ Фернандесу — Зэ Фернандесу изъ Гвіаэнса — постыдное предложеніе напоить меня ромашкой. Бросившись на кровать донъ Гальяона, въ цилиндрѣ, съѣхавшемъ мнѣ на носъ, и сапогами на подушки, я язвительно хохоталъ надъ этимъ подлымъ сумасшедшимъ міромъ, населеннымъ Хасинто и Коломбами. Внезапно меня охватилъ смертельный ужасъ. *Она*... м-мъ Коломбъ, шипя, вышла изъ пламени свѣчи, прыгнула ко мнѣ на кровать, разорвала жилетъ, сломала мнѣ ребро, впилась губами въ сердце и начала пить мою кровь... Чуя вѣрную смерть, я звалъ тетку Висенцію, взывалъ къ вѣчной справедливости, перегибался черезъ край кровати, чтобы скорѣй спрыгнуть въ уже готовую могилу... Громкій стонъ сверхчеловѣческаго напряженія — и душа моя и тѣло вдругъ освободились... Я снова упалъ на кровать донъ Гальяона, надвинулъ цилиндръ на глаза, чтобъ солнце не мѣшало мнѣ... Новое солнце —

солнце разума взошло надъ моей жизнью... И я уснулъ спокойнымъ сномъ ребенка, убаюканнаго своимъ ангеломъ-хранителемъ.

Утромъ я омылъ свое тѣло въ ваннѣ, пропитанной всѣми ароматами дома № 202, отъ листочковъ индійскаго лимона, до французской жасминовой эссенціи, и очистилъ свою грѣшную душу чтеніемъ милаго письма тетки Висенціи, которая разсказывала мнѣ о Родинѣ (съ прописной буквы) о томъ, что виноградъ уродился роскошно, о компотѣ изъ вишенъ, который ей особенно удался о томъ, какъ весело горѣли костры у насъ на дворѣ въ Иванову ночь и о крохотной, пухленькой дѣвчоночкѣ съ пушкомъ на головѣ вмѣсто волосъ, которую Богъ послалъ моей крестницѣ Джоаннинѣ.

Потомъ я сидѣлъ у окна, въ бѣлой шелковой тужуркѣ, пилъ душистый китайскій чай, вдыхалъ ароматъ розъ въ саду, ожившихъ послѣ утренняго дождика, и самъ себѣ дивился весело — какъ могъ я цѣлыхъ семь недѣль грязнить свою душу и тѣло въ улицѣ Эльдеръ... И рѣшилъ, что я болѣлъ, что это былъ недугъ воображенія и плоти, который я схватилъ, коснувшись одной изъ парижскихъ лужъ, которыми покрытъ весь этотъ городъ мертвыхъ, стоячихъ водъ, полныхъ плѣсени, грязи и червей разлагающейся цивилизаціи.

И моя просвѣтленная душа, какъ магнитная стрѣлка поворачивается къ сѣверу, вся повернулась къ моему милому принцу, котораго въ послѣднія недѣли я видѣлъ всегда только на диванѣ, или уныло зѣвающимъ въ своей библіотекѣ. Все это время я такъ былъ поглощенъ собой и такъ спѣшилъ, что только спрашивалъ его разсѣянно: «Да что съ тобой?» А онъ коротко и уныло отвѣчалъ мнѣ: «Жарко...»

Въ то утро моего освобожденія я вошелъ послѣ завтрака въ его уборную и нашелъ его утопающимъ въ подушкахъ на диванѣ, съ раскрытымъ «Фигаро» на животѣ; памятная книжка валялась на полу, а ноги моего пріятеля были уныло предоставлены въ распоряженіе педикюра, который полировалъ на нихъ ногти. Мой вновь веселый и спокойный взоръ, бѣлизна моего фланелеваго утренняго туалета, гармонировавшая съ вновь обрѣтеннымъ душевнымъ спокойствіемъ, видимо, не укрылись отъ вниманія моего принца, въ которомъ меланхолія никогда не могла притупить врожденной острой наблюдательности. Онъ лѣниво приподнялся на локтѣ.

— Ну, твой капризъ?..

— Прошелъ, — побѣдоносно улыбнулся я. — Умеръ и похороненъ навсегда.

Хасинто зѣвнулъ и пробормоталъ:

— Ахъ, этотъ Зэ Фернандесъ де Норонья э Сандэ

Этотъ зѣвокъ, мое имя, произнесенное съ такою нескрываемой ироніей, — вотъ все, чѣмъ проявился интересъ моего принца къ зловредной грязи, въ которой чуть было не затонуло мое сердце. Но его эгоизмъ не оскорблялъ меня... Я видѣлъ ясно, что Хасинто окутало облако скуки такимъ густымъ покровомъ, что сквозь него и горести товарища кажутся ему чужими и далекими. Бѣдный мой принцъ Счастливчикъ, изнемогшій въ усильяхъ покорить матерію съ помощью механики и динамики. Онъ такъ пресытился всѣмъ, что уже не скрывалъ этого отъ своего стараго Зэ Фернандеса...

Наша совмѣстная жизнь и обмѣнъ мыслей возобновились... Были и признанія, конечно, не словесныя. Элегантный и сдержанный Хасинто не ломалъ рукъ и не стоналъ: «О, проклятая жизнь!..» Случайный жестъ, сердитый и отталкивающій, когда ему что-нибудь предлагали, нежеланіе подняться съ дивана, на который онъ укладывался, словно на вѣчный покой, зѣвота, скучающій видъ — вотъ чѣмъ выражался его протестъ; особенно зѣвота, которою онъ сопровождалъ каждый шагъ, сдѣланный имъ въ угоду кому-либо, или по обязанности, и постоянныя, шопотомъ брошенныя вскользь: «Къ чему?». «Не стоитъ». «У, какая скука!..»

Однажды вечеромъ, снимая сапоги, я спросилъ Грильо.

— Хасинто такой вялый, ходитъ согнувшись... Что съ нимъ, Грильо?

Вѣрный слуга, не задумываясь, отвѣтилъ:

— Его милость пресытились, скучаютъ, иной болѣзни у нихъ нѣтъ.

Пресытился Парижемъ! Въ городѣ своихъ грезъ, въ символическомъ «городѣ, гдѣ человѣкъ въ девятнадцатомъ вѣкѣ только и можетъ извѣдать «блаженство жить» (какъ онъ говорилъ прежде), онъ не находитъ, чѣмъ заинтересоваться: ни умственной, ни общественной жизни. Усталъ, пресытился. Бѣдный Хасинто! Пустыннику, въ семидесятый разъ перечитывающему въ своей кельѣ старую газету измятую и съ выцвѣтшими строчками, отъ перечня событій дня до объявленій и предсказаній погоды, не такъ наскучило читать ее, какъ моему бѣдному другу наскучила столица.

Когда мнѣ этимъ лѣтомъ, насильно или хитростью, удавалось затащить Хасинто въ кафэ-концертъ, или еще куда-нибудь, бѣдняга сидѣлъ, какъ прикованный, на своемъ стулѣ, съ орхидеею въ петличкѣ, опираясь тонкими руками на набалдашникъ трости, и такъ мучительно весь вечеръ тосковалъ, что я, сжалившись, спѣшилъ увести его и радовался той поспѣшности, съ которой онъ спѣшилъ за мной, какъ выпущенная изъ клѣтки птица... Даже и въ своемъ клубѣ онъ теперь бывалъ рѣдко. И даже не справлялся объ участи своего акціо-

нернаго общества «Константинопольскихъ телефоновъ», ни объ «Эзотерическихъ религіяхъ», ни о «Спиритуалистическомъ Базарѣ». Письма валялись на столѣ не распечатанными, покамѣстъ Грилью не выбрасывалъ ихъ, какъ мусоръ до конца изжитой жизни.

Постепенно кругъ нашихъ знакомыхъ рѣдѣлъ. И страницы памятной книжки въ блекло-розовомъ переплетѣ оставались бѣлыми и пустыми. Когда же Хасинто случалось принять приглашеніе участвовать въ какой-нибудь прогулкѣ, или съѣздить куда-нибудь на дачу, онъ натягивалъ на себя легкое пальто съ такимъ безмѣрнымъ напряженіемъ, что мнѣ онъ напоминалъ человѣка, который, наѣвшись до отвалу, изъ вѣжливости, или не смѣя отказаться, силится съѣсть еще кусочекъ торта, которымъ потчуютъ его любезные хозяева.

Бѣдный Хасинто съ радостью заперся бы у себя дома, приказавъ никого не принимать, если бъ и самый домъ не душилъ его изощренностью своей культуры. Стоялъ знойный іюль, и всѣ эти тяжелыя бархатныя и атласныя портьеры, всѣ эти занавѣси и мягкія кресла, вся эта сталь и серебро, и книги давили его такимъ гнетомъ, что онъ раскрывалъ настежь окна, чтобъ впустить воздухъ и прохладу. Но тутъ врывалась въ окна пыль, грязная, щиплющая горло, цѣлыя облака горячей пыли, и это приводило его въ ярость.

— О, эта проклятая городская пыль!

— Но, милый другъ, почему намъ не съѣздить въ Фонтенебло, или въ Монморанси, или же...

— Въ деревню? Какъ! Въ деревню?

И его лицо выражало такую обиженность, что я, понуривъ голову, смолкалъ, уже раскаиваясь, что такъ огорчилъ моего принца. Несчастный принцъ Счастливчикъ! Куря сигару Яка, съ золоченымъ кончикомъ, онъ устало и медленно бродилъ по заламъ, какъ путникъ, безучастно и безцѣльно блуждающій въ чужой странѣ. Но это безцѣльное блужданіе неизмѣнно приводило его въ зеленую съ эбеновою мебелью библіотеку, гдѣ онъ копилъ «въ самомъ большомъ масштабѣ» сокровища цивилизаціи, чтобъ въ наибольшемъ масштабѣ наслаждаться жизнью. О, какимъ пресыщеннымъ взоромъ онъ обводилъ всѣ эти шкафы съ книгами! Ни тѣни интереса или любопытства не являлось у него, и руки, вяло погруженныя въ карманы, не поднимались, чтобъ взять съ полки книгу... Одна лишь безнадежная усталость изображалась на его лицѣ.

И я не знаю болѣе плачевнаго и поучительнаго зрѣлища, чѣмъ этотъ утонченно-культурный представитель девятнадцатаго вѣка, среди всѣхъ этихъ хитрыхъ аппаратовъ, проводовъ, винтиковъ и кнопокъ, подчинявшихъ ему силы природы, среди тридцати тысячъ книгъ, заключавшихъ въ себѣ мудрость вѣковъ, стоящій, засунувъ руки въ

карманы, не зная, что ему съ собою дѣлать и какъ разогнать скуку жизни.

V.

Каждый день около четырехъ часовъ, вѣрный милой старой привычкѣ, которая одна лишь не надоѣдала, Хасинто съ благоговѣйной регулярностью навѣщалъ г-жу д'Оріоль, ибо этотъ цвѣтокъ парижской жизни, даже и послѣ скачекъ, оставался въ Парижѣ, рискуя завянуть отъ жары и копоти. Однако, разъ случилось, что справившись по телефону, Хасинто узналъ, что его пріятельница обѣдаетъ въ Энгьенѣ, у де Трэвовъ, проводившихъ лѣто на берегу озера, въ чудесномъ бѣломъ домикѣ, обвитомъ бѣлыми же розами, принадлежавшемъ Эфраиму.

Воскресный день былъ тихій, пасмурный, не очень жаркій, благопріятствовавшій грустнымъ размышленіямъ. Заботясь о спасеніи своей души, я убѣдилъ Хасинто пойти посмотрѣть базилику св. Сердца, строившуюся тогда на Монмартрѣ.

— Такая скука, Зэ Фернандесъ!..

— Послушай, я же никогда не видалъ этой базилики...

— Да ладно ужъ. Пойдемъ смотрѣть твою базилику, несчастный человѣкъ.

И когда мы пошли по узкимъ улочкамъ, на которыхъ царила деревенская тишина, гдѣ за низкими, осыпающимися стѣнами ютились крохотные огородики, гдѣ растрепанныя женщины сидѣли съ шитьемъ на порогахъ домовъ, гдѣ у дверей трактировъ стояли распряженныя повозки, по мостовой расхаживали куры и цыплята, а на заборахъ сушились пеленки, мой скучающій спутникъ въ концѣ концовъ сталъ улыбаться всей этой простотѣ и непринужденности.

Нашъ экипажъ отановился передъ широкою каменной лѣстницей, ведущей къ площади, на которой, закрытая лѣсами, высилась колоссальная базилика. На каждомъ поворотѣ лѣстницы были устроены лавочки, задрапированныя краснымъ ситцемъ, гдѣ продавались изображенія святыхъ, нарамники, крестики, Іисусовы сердца, красиво вышитыя шелкомъ и разныхъ цвѣтовъ четки. Въ углахъ сидѣли на корточкахъ старики и старухи, шептавшіе Ave Maria. Двое патеровъ, спускаясь съ лѣстницы, съ блаженною усмѣшкой нюхали табакъ. Въ мягкомъ предвечернемъ туманѣ несся протяжный колокольный звонъ. И Хасинто, пріятно пораженный, бормоталъ:

— Здѣсь очень мило... очень мило...

Сама базилика не заинтересовала насъ, — вся задавленная лѣсами, бѣлая, и холодная, еще бездушная. Подъ вліяніемъ чисто хасинтовскаго импульса, мой другъ сталъ на выступѣ лѣстницы и за-

глядѣлся на Парижъ. Подъ сѣрымъ небомъ, на сѣрой равнинѣ, раскинулся городъ, весь сѣрый, безконечнымъ, толстымъ пластомъ извести и кирпича, безмолвнымъ и недвижимымъ. И только легкое кудрявое облачко дыма говорило о его кипучей шумной жизни.

Я подтрунивалъ надъ моимъ принцемъ. Вотъ что значитъ подняться высоко. Вотъ онъ подъ нами, этотъ городъ, шедевръ людского творчества — сѣрый слой камня и извести, едва замѣтный на сѣрой же земной корѣ. А вѣдь мгновеніе тому назадъ, мы сами видѣли — онъ кипѣлъ жизнью, двигалъ науку, создавалъ богатства, мощно функціонировалъ всѣми своими органами, побѣдоносный, какъ царь міра, въ гордомъ сознаніи своей мощи. Но стоило намъ подняться на извѣстную высоту, и отъ всего этого шума и блеска не долетаетъ къ намъ ни искорки, ни звука. А № 202, чудесный № 202 въ Елисейскихъ Поляхъ, со всѣми его проводами, аппаратами, со всей его хитрой механикой и библіотекой въ 30.000 томовъ исчезъ, растворился въ сѣрой массѣ крышъ и въ угольной пыли. Хасинто, гдѣ же твой Луврь съ тремя тысячами продавцовъ и продавщицъ? Гдѣ банки, въ которыхъ звенитъ золото, стекающееся со всѣхъ концовъ вселенной? Гдѣ библіотеки, столѣтіями хранящія сокровища науки? Все слилось въ сѣрое безобразное пятно, загрязнившее ликъ земли. Такъ стоитъ ли трудиться въ потѣ лица, сдирая кожу съ рукъ, ради такого бреннаго созданія рукъ человѣческихъ, когда въ немъ уже съ высоты какихъ-нибудь ста метровъ и разглядѣть-то толкомъ ничего нельзя? Если уже Зэ Фернандесу, взобравшемуся на первый попавшійся холмикъ съ сигарою въ зубахъ, этотъ дивный вѣковой городъ кажется только грязнымъ пятномъ, одного цвѣта съ земной пылью— какимъ же онъ представляется взору Божію?

— Да, — задумчиво шепталъ мой принцъ, — быть можетъ, все — только самообманъ. И городъ — величайшій изъ самообмановъ...

Возгордившись такой легкой побѣдой, я удвоилъ свое краснорѣчіе.

— Ну, разумѣется, самообманъ, мой принцъ. И еще какой горькій, когда убѣдишься, что городъ для тебя — источникъ всякихъ бѣдъ. Развѣ не въ городѣ люди теряютъ силу и гармоническую красоту тѣла и превращаются въ сухую жердь, или въ мѣшокъ, набитый жиромъ и костями, съ нервами, дрожащими, какъ натянутыя проволоки, въ пенснэ, въ шиньонахъ, съ фарфоровыми зубами, но обезкровленныхъ, изсохшихъ, сгорбленныхъ, искалѣченныхъ существъ, на которыя Богъ взираетъ съ ужасомъ, не узнавая въ нихъ свое созданіе, своего сильнаго и благороднаго Адама. Въ городѣ человѣкъ лишенъ свободы, по крайней мѣрѣ, морально лишенъ. Что день,

то у него новое обязательство, необходимость, создающая зависимость. Если онъ бѣденъ и зависимъ, жизнь его непрерывная цѣпь унизительныхъ просьбъ, подлаживанья, раболѣпства, пресмыканія и попиранія его ногами; если богатъ и независимъ, какъ Хасинто, общество спѣшитъ опутать его цѣпью условностей, приличій, правилъ, церемоній, формъ и ритуаловъ, болѣе суровыхъ и незыблемыхъ въ своихъ требованіяхъ, чѣмъ даже дисциплина тюрьмы или казармы... Гдѣ же его покой, Хасинто, и что остается отъ его независимости? Все поглотила жадная погоня за хлѣбомъ, славой, властью или наслажденіемъ, за плывущимъ сквозь пальцы золотомъ. Какъ могутъ обрѣсти въ городѣ радость милліоны существъ, которыя, въ безумной жаждѣ обладанія, тянутся ко всѣмъ радостямъ жизни — и находятъ одно лишь разочарованіе, однѣ лишь пораженія и безнадежность, ибо жажда ихъ неутолима. Самыя искреннія чувства человѣческія увядаютъ и гаснутъ въ городѣ, какъ свѣчи, которыя не могутъ горѣть на вѣтру, а лишь неестественно яркимъ свѣтомъ вспыхиваютъ и внезапно гаснутъ. Дружба не идетъ дальше отношеній, созданныхъ общимъ интересомъ, и разрывается, какъ только уязвлена гордость, или явилось соперничество. Любовь? Да развѣ можетъ расцвѣсти любовь здѣсь, въ городѣ, гдѣ на каждомъ шагу въ зеркальныхъ стеклахъ отражается женское живое тѣло, которое продается по таксѣ, какъ телятина. Вмѣсто пылающаго факела любви, богъ брака, Гименей, держитъ въ рукѣ туго набитый кошелекъ. Ты приглядись къ этой толпѣ, бѣгущей солнечныхъ полянъ, гдѣ фавны любятъ нимфъ, слѣдуя доброму старому естественному закону, и крадучись, проскальзываютъ въ темныя, смрадныя пещеры Лесбоса или Содома. Но всего больше вырождается въ городѣ разумъ: онъ или опошляется, служа будничной пользѣ, или же его толкаютъ на всякіе выверты. Въ этой опасной духовной атмосферѣ города, насыщенной идеями и формулами, человѣкъ думаетъ только чужими мыслями, говоритъ лишь готовыми словами; или же, чтобъ стряхнуть съ себя эту сѣрую подражательность, придумываетъ что-нибудь дикое, чудовищное, приковывающее вниманіе толпы, какъ ярмарочные уроды. Въ области интеллекта большинство въ городѣ — бараны, которые всѣ съ одинаковымъ блеяньемъ идутъ всѣ по протоптанной дорожкѣ, гуськомъ, ступая по слѣдамъ другихъ; меньшинство — обезьяны, кувыркающіяся на высокихъ шестахъ. Нѣтъ, Хасинто, городъ — это что-то противоестественное: въ немъ человѣкъ ходитъ не по землѣ, а по дереву, войлоку и смолѣ; въ немъ люди живутъ, распредѣленные по этапамъ, какъ товары на полкахъ въ мануфактурномъ магазинѣ; въ немъ свѣтъ идетъ по трубамъ, а ложь передается шопотомъ по проволокамъ; и даже человѣкъ въ немъ становится античеловѣческимъ,

безъ красоты, безъ силы, безъ свободы, разучивается смѣяться, чувствовать, дѣлается пассивнымъ, какъ невольникъ, или же наглымъ, какъ уличный скоморохъ . . . Вотъ что такое, Хасинто, твой возлюбленный городъ.

И вмѣсто того, чтобы пожать плечами въ отвѣтъ на эти шаблонныя порицанія города, которыя мы, ужъ сколько сотенъ лѣтъ, еще со временъ Гезіода, находимъ неизмѣнно у всѣхъ буколическихъ моралистовъ, мой принцъ покорно склонилъ голову, какъ передъ высшимъ откровеніемъ.

— Конечно, городъ, онъ . . . Можетъ быть, онъ и вправду одинъ обманъ . . .

Это меня весьма и весьма подбодрило и, подтянувъ манжеты, я снова началъ философствовать.

— Если бы еще городъ давалъ счастливую жизнь своимъ обитателямъ. Но нѣтъ: и спеціально городскими развлеченіями пользуется лишь ограниченный кругъ людей; остальные же, огромная, темная масса, только страдаютъ въ немъ. И страданія они терпятъ особенныя, чисто городскія. Ты видишь эту мрачную кучу домовъ, гдѣ люди гнутся подъ извѣчнымъ ярмомъ подневольнаго труда, отъ котораго не могутъ ихъ освободить ни религія, ни философія, ни новыя теоріи морали, ни собственная ихъ грубая сила? Столѣтія проходятъ, а люди все трудятся, женщины все плачутъ. И изъ этихъ слезъ, изъ этого тяжкаго труда бѣдняковъ создается избытокъ для немногихъ, привилегированныхъ. Они строятъ роскошные дома, гдѣ нѣтъ для нихъ пріюта; ткутъ дивныя матеріи, а сами одѣваются въ лохмотья; запаковываютъ съѣстное въ ящики, а сами не имѣютъ чѣмъ утолить свой голодъ. Мы вотъ съ тобою любимъ снѣгъ и холодъ, потому что зимою можно кататься на конькахъ, или на саночкахъ, въ тысячныхъ шубахъ, по Булонскому лѣсу. А у бездомныхъ бѣдняковъ зимою дѣти замерзаютъ на улицѣ, и полиція точно не видитъ этого. Да что тутъ говорить, Хасинто. Твоя цивилизація развиваетъ такіе аппетиты, которые можно утолить только при этой соціальной дисгармоніи, позволяющей капиталу за трудъ платить заплеснѣвшею коркой. И потому плебсъ долженъ мучиться и изнывать въ работѣ; его нищета основное условіе веселой роскоши и блеска города. Если бъ каждый рабчоій имѣлъ полностью причитающуюся ему порцію горячаго супа, нельзя было бы подавать на серебряныхъ рашпорахъ паштеты изъ фуа-гра съ трюфелями, составляющіе гордость цивилизаціи. *Должны* быть рваныя и штопаныя платья для того, чтобы красавицы, въ родѣ г-жи д'Оріоль, въ шелкахъ и въ кружевахъ могли мирно покачиваться на мягкихъ подушкахъ экипажей и блистать въ ложахъ Оперы. *Должны* быть руки, окоченѣвшія отъ холода и по-

синѣлыя уста, благодарящія за одно су, для того, чтобы банкиры Эфраимы могли имѣть на текущемъ счету во Французскомъ банкѣ по десяти милліоновъ и дарить своимъ наложницамъ, внучкамъ герцоговъ Аѳинскихъ, сапфировыя ожерелья. Народъ *долженъ* ревѣть отъ голода и, скрѣпя сердце, видѣть слезы своихъ голодныхъ ребятишекъ, для того, чтобы Хасинто въ январѣ могъ, зѣвая, вынуть изъ фарфоровой прозрачной вазы замороженную въ шампанскомъ съ капелькой эѳира крупную ягодку земляники. И я тоже ѣлъ эту землянику вмѣстѣ съ тобой, Хасинто... Жалкіе мы людишки — вотъ что мы такое!

— Какой ужасъ: мы ѣли эту землянику!.. А, можетъ быть, и это былъ только обманъ чувствъ.

Онъ задумчиво отошелъ отъ края террасы, словно внизу передъ нимъ было неприличное зрѣлище. И мы пошли бродить, не торопясь, въ мягкомъ сѣромъ предвечернемъ свѣтѣ, философствуя о томъ, что не во власти человѣка устранить эту вопіющую несправедливость.

Мы только было хотѣли войти въ базилику, какъ толстый привратникъ съ силой захлопнулъ дверь, и мимо насъ прошелъ священникъ, который усталымъ движеніемъ, словно уже навѣкъ, сунулъ въ карманъ свой требникъ.

— Мнѣ такъ страшно хочется пить, Хасинто... это все философія такъ изсушаетъ...

Мы начали спускаться. Купили на одномъ изъ ларьковъ открытку съ изображеніемъ базилики и только было хотѣли сѣсть въ экипажъ, какъ кто-то съ удивленіемъ окликнулъ:

— Хасинто! это ты?

Мой принцъ, не меньше изумленный, раскрылъ объятія.

— Морисъ!

И радостно побѣжалъ черезъ улицу къ кафэ, гдѣ подъ полосатымъ навѣсомъ костлявый человѣкъ съ бородкой клинышкомъ размѣшивалъ абсентъ. Соломенная шляпа его съѣхала на затылокъ, пиджакъ былъ разстегнутъ на шелковой сорочкѣ; галстуха вовсе не было, словно онъ по-домашнему сидѣлъ на скамьѣ у себя въ саду.

Оба не переставали удивляться встрѣчѣ.

— Я-то у себя дома, — говорилъ Морисъ, — по-семейному въ туфляхъ. Я ужъ три мѣсяца, какъ обитаю на этихъ высотахъ истины... Но ты какъ очутился на священномъ холмѣ? Ты человѣкъ низинъ и улицъ города Израиля.

Мой принцъ указалъ на меня.

— Вотъ этотъ мой пріятель потребовалъ, чтобъ я совершилъ

паломничество къ базиликѣ... Вотъ, познакомьтесь: мой другъ, Хозэ Фернандесъ Лорена... Морисъ де Майоль, старый товарищъ.

Г. де Майоль, чертами лица и аристократическимъ огромнымъ носомъ напоминавшій короля французскаго Франциска, приподнялъ шляпу. Затѣмъ придвинулъ стулья и потребовалъ, чтобы мы съ намъ выпили по рюмочкѣ абсенту, или «бокъ».

— Выпей «бокъ», Зэ Фернандесъ, — посовѣтовалъ мнѣ Хасинто. — Вѣдь ты давеча плакался, что тебя мучитъ жажда.

Я медленно облизалъ губы, сухія, какъ пергаментъ.

— Я предпочитаю подождать и утолить свою жажду за обѣдомъ, замороженнымъ шампанскимъ.

Морисъ молча съ изумленіемъ посмотрѣлъ на меня и повернулся къ моему принцу.

— Цѣлыхъ три года не видались мы съ тобой, Хасинто. Какъ это могло случиться? Вѣдь Парижъ все-таки большая деревня и ничего больше.

— Жизнь, Морисъ, разводитъ людей... И въ самомъ дѣлѣ, уже три года миновало съ тѣхъ поръ, какъ мы съ тобой встрѣчались у Ломоттъ-Орселя. Ты все еще бываешь тамъ, въ этомъ святилищѣ?

Морисъ презрительно махнулъ рукой.

— О, я ужъ съ годъ, какъ открестился отъ нихъ... Жалкая, недисциплинированная кучка. Ни тѣни стойкости, системы, ужасающій дилетантизмъ, поистинѣ забавное отсутствіе всякаго опыта... Когда ты еще бывалъ у Ламоттъ-Орселей и въ «Идеальномъ Пивѣ», что было тогда въ модѣ?

Хасинто задумчиво расправлялъ усы, припоминая.

— Что тогда было въ модѣ... Вагнеръ, Эдда, Норы, всяческая миѳологія... Ну и прерафаэлизмъ, конечно... Монтанья, Фра Анджелико... А въ области морали ренанизмъ.

Морисъ пожалъ плечами.

— О, какая сѣдая старина! такъ сказать эпоха свайныхъ построекъ. Когда г-жа Ламоттъ-Орсель обмеблировала свой салонъ заново бархатомъ съ зелеными артишоками на шафрановомъ фонѣ, ренанизмъ былъ уже не менѣе основательно забытъ, чѣмъ картезіанство...

— А ты еще продолжаешь держаться культа собственнаго «я»?

Хасинто весело вздохнулъ:

— Этотъ культъ я пронесъ сквозь всѣ другіе.

— Ну, слушай... Ренана смѣнилъ Гартманъ, философія безсознательнаго. Потомъ Ницше, умственный феодализмъ... Затѣмъ Толстой, неистовое самоотреченіе... Помню, на одномъ изъ обѣ-

довъ явился настоящій русскій, растрепанный, косматый, дѣлавшій страшные глаза при видѣ выръза на платьѣ бѣдной графини д'Аршъ и ворчавшій, грозя намъ пальцемъ: «Идите къ свѣту, ищите свѣта въ прахѣ земномъ». И за дессертомъ мы распространялись о блаженствѣ униженія и рабьяго труда, прихлебывая шампанское, которое Матильда въ торжественныхъ случаяхъ подаетъ въ бокалахъ, имѣющихъ форму чаши св. Грааля... А потомъ въ моду вошелъ Эмерсонъ... Но всего ужаснѣй былъ ибсенизмъ. Короче говоря, дружище, мы построили Вавилонскую башню изъ всякихъ этикъ и эстетикъ. Парижъ словно съ ума сошелъ. Два-три поэтика склонялись даже къ культу Люцифера. А двѣ наши пріятельницы, бѣдненькія — тѣ даже впали въ поклоненіе phallus'у, похабнѣйшій видъ мистицизма, проповѣдуемый злополучнымъ Ла Картомъ... Сплошной ужасъ. А въ одинъ прекрасный день вся эта клика накинулась на рескинизмъ.

Я воткнулъ палку въ землю и оперся на нее, у меня закружилась голова отъ всѣхъ этихъ «измовъ». Даже и у Хасинто помутился взоръ.

— Рескинизмъ... Это еще что такое?

— Ну, ученіе Рескина... старика Рескина. Джона Рескина.

— Ахъ, Рескинъ... Семь свѣточей архитектуры... Оливковый вѣнокъ... Но вѣдь это же культъ красоты.

— Ну да, культъ красоты... Но мнѣ къ тому времени ужъ тошно стало на всѣхъ этихъ головокружительныхъ высотахъ... и я спустился на твердую землю, болѣе надежную и плодородную...

Онъ прихлебнулъ абсенту и закрылъ глаза. Хасинто ждалъ, раздувъ ноздри, словно чая вдохнуть въ себя ароматъ новаго цвѣтка, который долженъ распуститься передъ нимъ.

— Ну? Ну?..

Но Морисъ бормоталъ разсѣянно, словно вдругъ уйдя въ свои мысли.

— Я поселился на Монмартрѣ... Здѣсь у меня есть другъ, геніальный человѣкъ, объѣхавшій всю Индію... Онъ жилъ среди тодовъ, побывалъ въ монастыряхъ Гарма-Кхянъ и Гаши-Лумбо, изучилъ Гегенъ-Хуту въ священной обители въ Ургѣ... Сталъ боддисаттвой... Мы работаемъ, учимся вмѣстѣ... Изучаемъ... не вымыслы, и не видѣнія, но факты, древніе факты, опыты, ведущіе свое начало, быть можетъ, отъ временъ самого Кришны...

При этомъ имени, обвѣянномъ грустнымъ ароматомъ сѣдой древности, онъ отодвинулъ стулъ и, уже стоя, продолжалъ бормотать, глядя устало не на Хасинто, но мимо него, сквозь него, словно

заглядѣвшись на нездѣшнее видѣніе, и въ то же время разсѣянно бросая на столъ серебро и мѣдь въ уплату за абсентъ.

— Въ конечномъ счетѣ все сводится къ высшему предѣлу развитія воли при условіи полной чистоты. Въ этомъ вся мудрость и вся сила великаго индійскаго учителя... Но абсолютная чистота — она такъ трудно достижима... Ее трудно обрѣсти даже и въ пустынѣ, и въ священныхъ рощахъ Тибета... А все-таки, Хасинто, мы уже достигли поразительныхъ результатовъ. Знакомы тебѣ опыты Тиндаля съ чувствительными огоньками? Бѣдный химикъ, изучая колебанія звука, почти коснулся вратъ эзотерической истины. Но онъ былъ человѣкъ науки, а, слѣдовательно, глупецъ, и остался по эту сторону воротъ, среди своихъ колбъ и ретортъ. Мы пошли дальше. Мы установили фактъ «колебаній воли». Мы своими земными глазами видѣли, какъ, подъ вліяніемъ сосредоточенія воли моего учителя и согласно ритму его молитвы, пламя то взметывалось на три метра кверху, то ползло по землѣ, то вскидывалось огненными языками, лизало стѣну, яростно шипѣло, кутаясь въ черныя облака дыма, горѣло ясно и спокойно и внезапно гасло, превращаясь въ пепелъ.

Съ цилиндромъ на затылкѣ, этотъ странный человѣкъ стоялъ, раскинувъ руки, словно вновь созерцая невиданное чудо. Потомъ вдругъ тряхнулъ головой, закурилъ сигару и ужъ опять прежнимъ своимъ веселымъ тономъ объявилъ:

— Я какъ-нибудь на-дняхъ зайду къ тебѣ въ № 202, позавтракать и приведу своего друга. Онъ не ѣстъ ничего, кромѣ риса, салата и плодовъ. Поболтаемъ... У тебя есть, помнится, экземпляръ Сеферъ-Церишахъ» и «Тургумъ» Онкелюса. Мнѣ надо перелистать эти книги.

Онъ пожалъ руку моему принцу, небрежно кивнувъ головой мнѣ грѣшному, и преспокойно зашагалъ по тихой улицѣ, сунувъ руки въ карманы, съ шляпой на затылкѣ, словно самый обыкновенный человѣкъ, думающій о самыхъ обыкновенныхъ вещахъ.

— Хасинто? Что это за магъ и чародѣй? Ради Бога, что это онъ разсказывалъ?... Ну, объясни же.

Лѣниво откинувшись на подушки и поправляя свои безукоризненно разглаженныя брюки, мой принцъ коротко сообщилъ мнѣ, что Морисъ — прекрасный, благородно мыслящій молодой человѣкъ, очень образованный, очень умный, изъ стариннаго рода Майолей, потомокъ герцоговъ Септиманія... И съ обычной скучающей зѣвотой онъ добавилъ:

— Высшее напряженіе воли... Теософія, эзотерическій буддизмъ... Стремленія, разочарованія... Все это такъ знакомо... пробовалъ... Скучно.

Молча катили мы по шумнымъ улицамъ въ Булонскій лѣсъ, обѣдать въ Арменонвильскомъ павильонѣ, гдѣ цыгане, завидя издали Хасинто, тотчасъ начинали играть португальскій національный гимнъ, съ увлеченіемъ, въ темпѣ томнаго и страстнаго чардаша

Я съ удовольствіемъ развернулъ салфетку.

— Ну вотъ, теперь можно выпить и замороженнаго шампанскаго. Я честно заслужилъ его, каррамба! Сколько я нынче философствовалъ... Я даже смѣю думать, что мнѣ даже удалось внушить сеньору донъ Хасинто спасительное отвращеніе къ городу.

Мой принцъ скользнулъ взглядомъ по картѣ винъ, небрежно бросивъ замершему въ почтительной позѣ лакею:

— Поставьте на ледъ двѣ бутылки шампанскаго Сенъ-Марсо... Но раньше дайте стараго барзака, чуть охлажденнаго... И воды Эвіанъ... Нѣтъ, Бюссангъ. Ну, хорошо, и Эвіанъ, и Бюссангъ... А для начала «бокъ».

Медленно разстегивая свое сѣрое пальто, онъ зѣвнулъ:

— Я бы построилъ башню на Монмартрѣ всю изъ желѣза и стекла, чтобы тамъ отдыхать послѣ обѣда и оттуда смотрѣть на городъ...

(Окончаніе слѣдуетъ.)

СТИХОТВОРЕНІЯ.

I.

Много пѣсенъ-жемчужинъ зажглось у меня;
Всѣ прочту ихъ тебѣ при свиданьи.
Дни летятъ безъ конца. Вотъ и осень. Звеня,
Листья кружатся въ тихомъ прощаньи...

Какъ люблю я сентябрь. Золотая тоска
Разукрасила липы и клены.
Такъ прохладно лучисты вверху облака,
Нѣжно грустны церковные звоны.

Зябкій воздухъ. Свѣтло, безмятежно вокругъ,
Лишь проносятся съ криками птицы;
Да мечта о тебѣ обойметъ меня вдругъ,
Словно трепетный свѣточъ зарницы.

II.

Я ушла отъ тебя къ непонятно-мятежному,
Я узнала и страсть и печаль,
Но тебѣ, безпредѣльно далекому, нѣжному
Берегла сердца чистый хрусталь.

Ничего, что въ порывѣ безумья случайнаго
Расплескала я капли вина —
Ты одинъ выпьешь чашу хрустальную,
Ты одинъ ее выпьешь до дна.

Я съ тобою забуду все странно-мятежное,
Въ міръ прекрасный насъ грезы умчатъ
Буду тихой я, ласковой, нѣжною,
Мой любимый, мой рыцарь, мой братъ.

И далекіе — близкіе, робкіе
Яснымъ взглядомъ посмотримъ мы въ даль,
Вѣдь горитъ вѣчно солнце высокое,
Вѣчно искрится чистый хрусталь!

III.

Вы — мой бѣдный Пьеро. Я маркиза.
Я случайно въ толпѣ васъ нашла
И, шутя, завлекла — изъ каприза
И, шутя, вашу душу сожгла.

Мое платье богато и пышно,
Въ волосахъ бѣлоснѣжныхъ перо...
А въ груди стонетъ сердце неслышно!
Я — маркиза. А вы...
Вы Пьеро!

Екатерина Герцогъ.

РУКОПИСНЫЕ ЖУРНАЛЫ РАБОЧИХЪ.

(„ГУСЛИ-МЫСЛИ“, „ГОЛОСЪ НИЗА“, „ВОЛЬНАЯ ДУМКА“.)

Невѣдомыми, неощутимыми путями работаетъ сердце, развивается мысль народная, и — пусть наивно, въ миніатюрѣ — глядишь: то здѣсь, то тамъ огонекъ рукописнаго творчества. Передо мной группы тетрадокъ съ цвѣтными заглавіями. Въ три-четыре листа тетради. На обложкѣ либо весна, либо солнца восходъ, либо дымъ фабричной трубы. Это — рукописные журналы рабочихъ, присланные изъ разныхъ мѣстъ.

Еще нѣсколько лѣтъ назадъ я видѣлъ такой журналъ, — не журналъ для народа, а народный журналъ.

Но если то была первая ласточка, то отнынѣ рукописный журналъ — фактъ, на который наталкиваетесь то въ одномъ районѣ, то въ другомъ. Рукописные журналы я видѣлъ въ Петербургѣ (за Невской заставой и на однихъ вечернихъ курсахъ), въ Москвѣ, въ Кіевѣ, въ Херсонѣ... О рукописныхъ журналахъ сообщаютъ изъ уѣздовъ.

Разумѣется, нѣтъ нужды характеризовать много органовъ. И въ смыслѣ цѣльности, и въ смыслѣ размѣра статья выиграетъ, если за образчикъ писаній фабричнаго центра возьмемъ „Гусли-Мысли“, за образчикъ писаній фабричной глуши — „Голосъ Низа“ или „Вольныя Думки“: вѣдь они лишь немного разнятся другъ отъ друга, болѣе же всего повторяютъ, повторяютъ и по формѣ, и по содержанію.

I.

Вспомните мечты восьмидесятниковъ, мечты о журналѣ для народа. Осуществить ихъ въ условіяхъ восьмидесятыхъ годовъ было невозможно, но, быть можетъ, еще нерѣшительнѣе восьмидесятники подходили къ идеѣ, чѣмъ осуществляли ее.

Интеллигенція, конечно, была увѣрена, что „надобно сказать, что народу нужно“, но отнюдь не была увѣрена ни въ себѣ, ни въ народѣ, который долженъ былъ читать журналъ. То ей казалось,

что пройдетъ не мало времени, прежде чѣмъ овладѣетъ языкомъ интеллигентъ безъ поддѣлки подъ народную рѣчь. „Какимъ языкомъ, на какомъ нарѣчіи заговоримъ мы съ народомъ? — недоумѣвалъ педагогъ народный Аврамовъ, — вотъ мои сомнѣнія, о которыя разбиваются всѣ думы, всѣ желанія по изданію народнаго журнала“. Толстой такъ предлагалъ: пусть будетъ языкъ Карамзина, Филарета, попа Аввакума — только бы не нашъ газетный, ибо будетъ газетный языкъ въ журналѣ — „все пропало“. Еще болѣе чѣмъ языкъ смущала програма журнала. „Нужно все-таки отчетливо понимать вашу идею, а я еще ничего не понимаю“, отвѣчалъ Н. Н. Крамской на приглашеніе. Въ самомъ дѣлѣ, — согласно самому Толстому — программа выяснится лишь „черезъ три года изданія журнала“. Его прежде всего затруднялъ научный отдѣлъ: какъ разъ выйдетъ пошлость, а этого бояться надо больше всего... Но языкъ, программа — съ полбѣды. Сегодня ихъ нѣтъ, „чрезъ три года“ будутъ. А вотъ: какъ быть съ народомъ, который не понимаетъ, что ему нужно! К. М. Сибиряковъ, жертвовавшій капиталъ на журналъ для народа, въ то же время держался того взгляда, что простолюдинъ — въ противоположность „образованному человѣку“, который можетъ отнестись критически къ своимъ поступкамъ и заблужденіямъ — большей частью дѣйствуетъ „подъ вліяніемъ физической потребности“, значитъ не пойметъ тѣхъ стремленій и принциповъ, которыми живетъ интеллигенція. Еще далѣе шелъ Крамской, по мнѣнію котораго народъ еще „по крайней мѣрѣ цѣлое столѣтіе“ подписываться на журналъ не будетъ. Насколько художникъ зналъ его, то вотъ что народъ читалъ: житія святыхъ. Только здѣсь — въ четьи-минеяхъ — молъ, народъ черпалъ нравственную увѣренность, что дѣло не совсѣмъ погибло, такъ какъ существуютъ, или, по крайней мѣрѣ, существовали святые.

Такъ разсуждали въ восьмидесятые годы. Вскорѣ послѣ того выяснилось, насколько страхъ передъ читателемъ соотвѣтствуетъ дѣйствительности. Все же склонность руководить, точно народъ — младенецъ, убѣжденіе, что то, что интеллигенція даетъ народу, дѣйствительно народу нужно, осталось. Осталось и недоумѣніе передъ массой, которая то выростала въ величину, то опускалась „ниже тоненькой былиночки“. Журналъ для рабочихъ, — популярный, ставящій цѣлью вовлечь рабочую среду въ кругъ классовыхъ идей, въ работу самопознанія не удался и въ пору наивысшаго расцвѣта марксистской интеллигенціи; достаточно заглянуть въ партійныя изданія того времени, чтобы убѣдиться въ этомъ. И вотъ пришли наши дни — дни народной интеллигенціи — и журналъ зарождается въ низахъ.

Журналъ безъ печатной машины, но безъ страха передъ читателемъ, кость отъ кости котораго онъ составляетъ. Безъ вліяній со стороны. Вотъ сотрудники журнала „Гусли-Мысли", выходившаго въ Петербургѣ: рабочій электрическаго общества (Гусляръ), рабочій электрическаго общества (Обозрѣватель), слесарь вагонной мастерской (Радостный пессимистъ), слесарь паровозостроительной мастерской (Невольный сотрудникъ), рабочій паровозостроительной мастерской (Эс), служащій трамвайнаго парка (Бодрый духъ) и т. д. Вотъ сотрудники журнала „Голосъ Низа", выходившаго въ провинціи: рабочій-кожевникъ (Шулятиковъ), еврей-приказчикъ (Грезиловъ), портной (Буженинъ), рабочій-металлистъ (Незнанный), конторщикъ (Лемешъ), чернорабочій (Эхо) и т. д. Раскройте „Вольныя Думки"— та же среда, тотъ же процессъ выработки рабочей мысли въ непосредственномъ видѣ.

И рабочая печать исписывается, главнымъ образомъ, рабочимъ писателемъ, рабочимъ-корреспондентомъ. Все же руководятъ ею не рабочіе, и этого не можетъ не отражать рабочая мысль. Интеллигентъ, превосходящій рабочаго и подготовкой, и опытомъ, не можетъ не пригибать и его понятія, и его вкусы. Даже профессіональный журналъ, руководимый рабочимъ, не обходится безъ участія интеллигенціи. Это, конечно, не нажимъ на интеллектуальную совѣсть, но все же нажимъ, котораго въ рукописномъ журналѣ нѣтъ. Худо ли хорошо ли пишутъ — переходя изъ номера въ номеръ, вы въ правѣ сказать: вотъ колыбель, въ которой родится рабочій литераторъ; вотъ тропинки, по которымъ онъ блуждаетъ, предоставленный самому себѣ, прежде чѣмъ доберется до органа рабочей печати. Конечно, это документъ, столь же многоговорящій, сколько и примитивный.

Народная интеллигенція не ждетъ. Сама стучится въ двери. Давно ли курское земское справочное бюро опубликовало результаты своей анкеты о даровитыхъ питомцахъ изъ народа въ формѣ опроса народныхъ учителей? Когда корреспонденты наперебой сообщали о „маніи рисовать и чѣмъ угодно, и гдѣ угодно, лишь бы рисовать", о страсти къ музыкѣ, о дарованіяхъ литературныхъ, артистическихъ, даже архитектурныхъ, восклицая: „несмотря на всѣ неблагопріятныя условія, народъ нашъ не перестаетъ быть высокодаровитымъ", — выводъ этотъ не могъ не волновать каждаго, кто задумывался о томъ запасѣ силъ, какой таится въ низахъ. Только тутъ же — увы! — слѣдовало: разбейтесь, таланты, вы не нужны.

„Таланты гибнутъ въ народѣ", — констатировало земство,— „гибнутъ безъ проявленія", „безъ пользы для жизни", „остаются

безъ употребленія", „подобно дикимъ грушамъ и вишнямъ, подобно полевымъ цвѣтамъ"... Необходимо исключительное стеченіе обстоятельствъ, исключительныя свойства натуры, чтобы найти путь къ свѣту...

Конечно, съ тѣхъ поръ немногое измѣнилось: элементарныя условія развитія народной интеллигенціи не поколеблены, и глушится родникъ поэзіи, ума, творчества въ деревнѣ, на фабрикѣ, на заводѣ. Но если внѣшней перемѣны нѣтъ, то внутренняя не подлежитъ сомнѣнію. Все, что отмѣчено дарованіемъ, роетъ какіе-то ходы. Все, что таитъ въ себѣ чувства новыя, настроенія окрыляющія, рвется наружу, и идейное выраженіе этого напряженія силъ — рукописный журналъ.

Посмотрите только, какъ возникаетъ такой журналъ, — были бы только предварительныя условія налицо.

II.

Это — дѣтище, конечно, кружка саморазвитія. И въ то же время духъ живой, который не даетъ кружку стоять на одномъ мѣстѣ. Какъ зародились „Гусли-Мысли"?

Былъ кружокъ самообразованія за Невской заставой, — читались рефераты по литературѣ, главнымъ образомъ. Кружокъ росъ, но куда „приткнуться"? И вотъ „Гусляру" приходитъ въ голову идея о журналѣ: за дѣло, товарищи...

„И мы взялись за дѣло. Мы основали нашъ журналъ. Быть можетъ, сначала звуки нашихъ гуслей будутъ звучать нестройно, и мысли наши будутъ неясны. Но, стремясь учиться, будемъ помогать другъ другу. Пусть нашъ журналъ будетъ орудіемъ взаимопомощи, центромъ, вокругъ котораго будетъ все шире разростаться нашъ кружокъ".

Таково происхожденіе и „Голоса Низа", и „Вольныхъ Думокъ" и пр. „Товарищи, уже скоро мѣсяцъ, — читаете вы, — какъ возобновилъ свою дѣятельность нашъ кружокъ. За этотъ короткій промежутокъ времени онъ успѣлъ выпустить въ свѣтъ два номера своего журнала „Голосъ Низа", выписать газету". Въ началѣ вся работа еще лежитъ на вдохновителѣ, и только и слышите отъ него „Первый номеръ нашего журнала долженъ былъ выйти къ 1-му мая, но съ выходомъ просрочили около недѣли. Что за причина? Причина не внѣшняя, а зависящая отъ насъ самихъ. Съ первыхъ же шаговъ наблюдается среди васъ вялость"; или: „№ 2 хотя и вышелъ къ сроку заполненнымъ, но произведеніями двухъ-трехъ членовъ, остальные же не доставили въ редакцію ничего". Или:

„номеръ увидѣлъ свѣтъ, благодаря лишь усидчивости редактора, который не въ силахъ выполнять трудную обязанность. Конечно, это не слишкомъ отрадно“... Слѣдуетъ увѣщаніе за увѣщаніемъ, призывъ за призывомъ. „Больше энергіи“, „неужели у насъ не хватитъ силъ самовнушенія“, „хочется вѣрить, что да“. „Безусловно, теперь горячее рабочее время, и кружковцы поглощены работой, но все-таки охота и искренность могутъ сдѣлать „свое“. „Вѣдь для дѣла, къ которому мы себя призвали, не утратно урвать кусочекъ времени отъ сна или развлеченія. Никто не долженъ отказываться отъ жертвы во имя его успѣха“. И вотъ, наконецъ, раздѣленіе труда; каждый несетъ ту или иную долю труда. Одинъ собираетъ деньги на покупку бумаги, — цвѣтной и писчей, гуммиарабика и пр. Налогъ небольшой, но важный: конкретное выраженіе личнаго участія въ дѣлѣ. Уже благодаря лептѣ чувствуютъ себя участниками. Другой сшиваетъ журналъ, клеитъ обложку. Третій переписываетъ, хотя не всегда въ тетради, уже сшитыя, произведенія рабочаго пера. Бываетъ такъ, что журналъ сшивается изъ листковъ подходящихъ по размѣру и уже написанныхъ авторами. Переписка требуетъ не малаго труда, такъ какъ журналъ предназначается не „для самихъ себя“. Переписанный въ десяткѣ экземпляровъ, онъ переходитъ изъ рукъ въ руки. „Теперь уже намъ мало того, что мы будемъ учиться, — читаете вы, — будемъ пріобрѣтать знанія. Мы хотимъ работать. Не будемъ забывать дѣйствительность, будемъ глядѣть ей въ лицо и дружно работать, увлекая за собою остальныхъ“.

Заботятся о внѣшности, о порядкѣ, о чистотѣ. Еще глубже духовная связь, устанавливающаяся между участниками благодаря энергіи двухъ-трехъ, къ которымъ поступаютъ рукописи. Строго говоря, редакціи, конечно, нѣтъ. Сотрудники — одновременно и редакторы и наоборотъ. Но выборъ произведеній все же долженъ имѣть мѣсто. Безъ объединяющей руки журналъ носилъ бы внѣшній характеръ, былъ бы лишенъ цѣльности. Цѣльность же — перво условіе дифференціаціи способностей. Поэтъ пишетъ стихи, беллетристъ — разсказы, публицистъ — статьи на темы дня и т. д. Такимъ образомъ, любовь къ журналу родится въ процессѣ дѣланія, самое соприкосновеніе съ нимъ углубляетъ настроеніе. Духовный пульсъ ускоряютъ уже первые шаги творчества. По мѣрѣ же того, какъ журналъ пріучаетъ къ самодѣятельности, образуетъ слогъ, вырабатываетъ вкусъ къ искусству, къ литературѣ, огонекъ, который еле тлѣлъ въ обстановкѣ двѣнадцатичасового рабочаго дня, отупляющихъ будней, разгорается. Еще нѣсколько пробъ, еще нѣсколько номеровъ, и передъ нами необходимое дѣло, которое

не даетъ заснуть чувству бодрости въ сотрудникахъ, захватываетъ десятки читателей, облагораживаетъ и непишущую среду. Сравните №№ 1—2 „Голоса Низа“ съ №№ 15—16. Послѣдніе богаче разнообразіемъ темъ, разнообразіемъ именъ, богаче и тѣмъ чувствомъ, которое родится въ тайникахъ души путемъ дѣятельнымъ...

Журналистовъ нашихъ постигаютъ и неудачи. Журналъ рабочій или развивается, или замираетъ, не перешагнувъ 2-го и 3-го номера. Но тамъ, гдѣ проба силъ обвѣяна идеализмомъ, — тѣмъ ароматомъ, которымъ такъ богата народная интеллигенція, — и журналъ умретъ, а идея журнала будетъ жить. Таково уже отношеніе къ этой идеѣ, столь наивно выраженное въ статьѣ: „Почему мы замаскировались?“—журнала „Гусли-Мысли“. Дѣло въ томъ, что всѣ статьи журнала подписаны псевдонимами, что у читателей возбуждало недоумѣніе. „Что же вы прячетесь, боитесь говорить откровенно, что ли?“ — повторяетъ авторъ вопросъ. Конечно, отвѣтъ ясенъ — отвѣтъ въ тѣхъ внѣшнихъ условіяхъ, въ силу которыхъ рабочему подписываться своимъ именемъ было невозможно. Однако, авторъ апеллируетъ къ идеѣ журнала.

Излагая въ немъ свои взгляды, они де отдаютъ ихъ на судъ читателей, и устный, и письменный. Судъ, разумѣется, долженъ быть безпристрастенъ, но чтобы судъ былъ безпристрастнымъ, что нужно? Чтобы судьи не видѣли того, кто написалъ, а разбирали бы только то, что онъ написалъ. „Къ сожалѣнію, люди еще настолько несовершенны, — читаемъ мы, — что измѣняютъ свое отношеніе къ человѣку, который, высказавшись откровенно по какому-либо вопросу, сказалъ или какую-нибудь глупую, или какую-нибудь умную вещь“. Вотъ, скажемъ, рабочій. До сихъ поръ онъ находился въ такихъ условіяхъ, которыя не благопріятствовали его развитію. Теперь онъ желаетъ испробовать свои силы въ журналѣ. Весьма возможно, что онъ такое же встрѣтитъ пренебреженіе, какъ и его вкладъ въ журналъ. Наоборотъ, вотъ сотрудникъ, который выдается дарованіями, но не желаетъ быть выдѣленнымъ изъ своей среды, не желаетъ, чтобы относились къ нему, какъ авторитету, а какъ къ равному, и спорили съ нимъ, какъ съ равнымъ. „Будемъ всѣ работать, какъ равные“. „Будемъ помнить, что малая лепта вдовицы цѣннѣе вклада богача. Не нужно обращать вниманіе на то, кто написалъ, будемъ заниматься тѣмъ, что онъ написалъ. Наша молодая семья должна быть дружной, а необходимѣйшее условіе этого — одинаковое отношеніе къ каждому“.

Иллюстрація равенства — рукопись „На прощаной“, возвращенная автору изъ „Голоса Низа“. Вверху — за подписью редакціи — мотивы отказа, согласно которымъ художественная сторона

удовлетворительна, „идея же ненормальна“, затѣмъ резолюція: „сохранить въ цѣлости до возвращенія автору, безъ примѣчаній, безъ надписей по сторонамъ“.

Держу я эту рукопись, попавшую ко мнѣ вмѣстѣ съ журналомъ, не могу не улыбнуться: очень ужъ торжественны наши авторы, таящіе про себя первыя попытки сочинительства, но это въ самомъ дѣлѣ журналъ свой, въ которомъ право на существованіе имѣютъ не только выдающіеся члены кружка, но и рядовые, и только въ особыхъ случаяхъ — дружескій отказъ.

Повторяя одни и тѣ же запросы, журналы, подлежащіе нашему вниманію, — дѣтища разныхъ соціальныхъ вліяній, разныхъ культурныхъ центровъ. Достаточно сравнить „Гусли-Мысли“, — журналъ рабочихъ столичной окраины — съ „Голосомъ Низа“, выходившимъ въ промышленномъ углу, чтобы уловить разницу.

Въ фабричномъ центрѣ перо не удовлетворяетъ возросшимъ потребностямъ. Первый, второй номеръ — „отъ руки“, но вотъ уже не десятокъ, а десятки экземпляровъ; слышатся новыя слова „глицеринъ“, „желатинъ“, „масса“ и — „техника“ готова. Отъ пера перешли къ гектографу. Правда, и „Вольныя Думки“ отчасти гектографированы. Но въ медвѣжьихъ углахъ еще не „насобачились“, по собственному признанію: печатныя буквы сливаются, чернила то густы то блѣдны, — „одна самодѣльщина“. Другое дѣло — въ Петербургѣ, въ Москвѣ. Здѣсь требованія выше, грамматическихъ ошибокъ меньше, богаче матеріалъ. Конечно, и тѣ, и другіе еще только отыскиваютъ свое, близкое. И журналъ столичныхъ рабочихъ, и журналъ провинціальныхъ — вопль души, бродящей въ подпольѣ, вопль, свидѣтельствующій о томъ, что мысли и переживанія народныя можетъ передать лишь тотъ, кто самъ плоть отъ плоти народа.

Но въ столицѣ журналистъ чувствуетъ, что впереди него, рядомъ съ нимъ — дружные ряды. Въ столицѣ у него свой пульсъ, своя семья, и все шире и темы, и вопросы, и все примыкаютъ, и примыкаютъ голоса. Наоборотъ, въ глуши, откуда черпать жизненные соки? Молодые ростки, пробивающіеся изъ народныхъ нѣдръ, распускаются въ нѣжную зелень, вопреки суровымъ условіямъ, но пусты, однообразны эти условія; и уходитъ пролетарій-самородокъ отъ обыденщины, отдается своимъ грезамъ: въ журналѣ меньше конкретности. „Гусли-Мысли“ — при благопріятныхъ условіяхъ — развиваются въ журналъ, печатающійся на машинѣ (въ родѣ „Народной Семьи“ московской или „Зари Поволжья“ самарской). „Голосъ Низа“ — никогда...

Однако, подходимъ мы не въ качествѣ читателя къ журналамъ.

Для насъ всѣ особенности равны. Для насъ „Голосъ Низа“ дополняетъ „Гусли-Мысли“, „Гусли-Мысли“ — „Голосъ Низа“. Развѣ „Вольная Думка“ сама по себѣ не блѣднѣе, не уже, чѣмъ взятая вмѣстѣ съ „Гуслями-Мыслями“, „Голосомъ Низа“? Больше особеннаго, больше разницы, значитъ, — больше и жизни. Раскроемъ же лежащія передъ нами тетрадки.

III.

Когда впервые почуялось движеніе въ пользу самородковъ, обуреваемыхъ „муками слова“, прежде всего выросла фигура Сивачева. Правда, не было еще рабочихъ газетъ; изъ профессіональныхъ журналовъ узнать что-либо о писателяхъ низовъ можно было случайнымъ образомъ, но Горькій разсказалъ уже о сотняхъ самоучекъ, культивирующихъ свое *я* подъ покровомъ молчанія. Однако, цѣнители и судьи восклицали: „свое я, но я маленькое, *я* литературнаго Макара“...

Я отнюдь не утверждаю, что поверхность умственной жизни низовъ не изобилуетъ Макарами. Еще не такъ давно Макаръ заявлялъ въ кіевскомъ журналѣ „Огни“, что редакторы столичныхъ журналовъ, — тѣ самые, что не печатаютъ его произведеній, — не достойны того, чтобы чистить сапоги на его ногахъ. И въ Суздалѣ, и въ Москвѣ не мало поэтовъ, дѣлающихъ „вселенскую смазь“ Сурикову, не мало беллетристовъ „изъ народа“, которыхъ въ жалкой долѣ коснулась культура. Но, замѣтьте, поверхность: глубже литературный Макаръ не идетъ. Если бы шелъ вглубь — имъ была бы запечатлѣна и рукописная литература низовъ. Однако, чего хотите ищите въ „Гусляхъ-Мысляхъ“, „Голосѣ Низа“ — только не грошей культуры. Ни галантерейнаго слога, ни самаго шаблона, какой выработался у авторовъ „альманаховъ“, снабженныхъ портретами и біографіями „писателей изъ народа“.

Безспорно, и наши журналисты не продѣлали большой работы; нѣтъ той предварительной культуры, которая такъ необходима для творчества. Быть можетъ, всѣ знаютъ Некрасова, но не всѣ — Пушкина или Лермонтова. Быть можетъ, всѣ знаютъ Горькаго, но не всѣ — Щедрина или Успенскаго. Въ свою очередь, критики не скупятся выводами, но выводы слабы фундаментомъ. На культуру нѣтъ ни силъ, ни досуга. Но что отличаетъ ихъ отъ Макаровъ — это сознаніе тѣхъ усилій, которыхъ требуетъ литература, это радость творчества, которая даетъ право на него, это подлинный духъ живой.

И въ стихахъ, и въ разсказѣ, и въ статьѣ встрѣчаете свое — слова, правда, высказывавшіяся и не рабочими, но высказывавшіяся не совсѣмъ такъ; слова, которыя имъ ближе, нужнѣе...

Это — голосъ низа, какъ онъ ни элементаренъ, и свое чувство, какъ оно ни отличается отъ общеинтеллигентскаго, и свое міровоззрѣніе, которое не выдумаешь изъ головы.

Въ то время, какъ Макары озлоблены, и ни стихи, ни проза не отвлекаютъ ихъ вниманія отъ самихъ себя, здѣсь бродящее начало даже въ тусклые будничные моменты жизни.

Читая стихи, разсказы, статьи, видишь передъ собою людей, которые, вопреки самымъ тяжкимъ условіямъ, въ которыхъ шла ихъ борьба за мысль, — ждутъ лучшаго, только лучшаго. Конечно не для себя лично. Это литературный Макаръ не прочь выбраться черезъ „альманахъ" наверхъ, и озлобленіе его какъ разъ направлено противъ тѣхъ, кто его именно, Макара, наверхъ не пускаетъ. Здѣсь это лучшее освѣщено свѣтомъ общаго. „Нашъ народъ темный, загнанный отъ вѣку, — пишетъ „Вольная Думка". — Но нѣкоторый кружокъ, — дѣти его, которыхъ можно назвать интеллигенціей народной, — вѣритъ въ возрожденіе своего народа. Онъ-то и издаетъ свой журналъ „Вольная Думка", номеръ которой мы видимъ передъ собой".

Но перейдемъ къ самымъ произведеніямъ. Первый же отдѣлъ нашихъ журналовъ, завоевавшій, — кстати сказать, не мало мѣста, представленъ, главнымъ образомъ, поэтами. Прозѣ не многіе рабочіе въ состояніи отдать свой досугъ, и въ нашихъ тетрадкахъ она не давитъ отдѣла статей. Въ „Гусляхъ-Мысляхъ" ея даже совсѣмъ нѣтъ. Зато рѣдкій пролетарій, въ которомъ только-только засвѣтился свѣтъ рабочаго *я*, не отдается поэтическому творчеству. Кто видалъ, какъ вырѣзаются рабочими стихи, какъ наклеиваются въ тетради: въ одну — стихи о рабочей жизни, въ другую — стихи о тюрьмѣ, съ какой любовью тетрадки съ наклеенными стихотвореніями переходятъ изъ рукъ въ руки, тотъ знаетъ, какъ масса цѣнитъ поэзію. Естественно, рабочая поэзія должна быть велика и обильна. О чемъ же она говоритъ?

Конечно, нашимъ поэтамъ не чуждо ничто человѣческое. Но прежде всего вдохновеніе питается темами рабочей жизни. Одни рисуютъ жизнь: какова есть доля рабочаго, доля безработнаго, женская доля, дѣти окраины, любовь послѣ станка. Другіе освѣщаютъ эту долю свѣтомъ пролетарской мысли. Я, свое *я* — отличное отъ того, которое тоскуетъ, радуется, любитъ въ стихахъ поэтовъ нашего круга, — на первомъ планѣ.

Съ грохотомъ, съ шумомъ крутятся станки.
Стѣны трясутся, дрожатъ потолки.
Словно стихія, — смутила покой, —
Въ стукѣ и громѣ идетъ въ мастерской.
Съ стукомъ желѣзнымъ бѣгутъ шестерни,
Лентами черными вьются ремни . . .

Все темы для вдохновенія: кирпичныя стѣны, физическая работа, на которую уходятъ силы, тьма, изъ которой рвется душа. Томительно хочется на просторъ, къ многообразной природѣ послѣ грохота колесъ, послѣ рева машинъ, и вотъ какъ отражается природа въ поэзіи столичной окраины, съ одной стороны, въ поэзіи промышленнаго мѣстечка — съ другой. Въ уѣздѣ еще сліяніе съ матерью-природой, еще не все порвано съ землей, настолько, что Бурженинъ, поэтъ „Голоса Низа", еще имѣетъ свою хату, свой садикъ:

Къ тебѣ въ тревогѣ непонятной
Я рвусь, блаженная весна.
Расцвѣлъ мой садикъ ароматно,
Душа проснулася отъ сна.
Какъ легкій паръ, лихія тѣни
Зимы холодной уплыли.
И я смотрю на цвѣтъ сирени,
На нивы пышныя вдали...

Душны мастерскія, изнурителенъ трудъ, но каменныхъ стѣнъ еще нѣтъ, еще входитъ въ душу чувство прироры. И нѣтъ *города* въ душѣ, города, который такъ далекъ отъ „нивы пышной", отъ лѣсной чащи съ ея шорохами, отъ всего простора, гдѣ бокъ-о-бокъ съ фабрикой находится деревня. Оттого-то у поэтовъ „Голоса Низа", „Вольной Думки" — интимное отношеніе къ жизни природы, какая-то художественная гармонія съ ней. Вотъ, напр., стихотворенія въ прозѣ, которыя, къ слову сказать, удаются авторамъ подчасъ больше, чѣмъ стихи. Образъ Л. Эха „Лѣсъ весною".

„Люблю тебя, лѣсъ весною! Люблю подышать твоимъ ароматомъ, — пишетъ онъ. — Посмотрю кругомъ: вездѣ жизнь.

„Каждое деревцо, каждый кустикъ оживленъ пѣсней какой-либо птицы. Одна, выбравъ мѣстечко на листвѣ, начинаетъ вить себѣ гнѣздо. Другая сидитъ на елкѣ. Третья подыскиваетъ себѣ друга, съ которымъ проживетъ лѣто въ лѣсу. Все живетъ...

„И звѣри взялись за работу. Поправляютъ жилища, въ которыхъ вывели дѣтенышей, рыщутъ въ поискахъ пропитанія для себя, для дѣтей.

„Жизнь кипитъ, но и смерть промаха не знаетъ: малѣйшая неосторожность жертвы и — хапъ-хапъ! Кто одержитъ побѣду?

„Разумѣется, жизнь. Еще нѣсколько времени, лѣсъ уберется въ листву, и легче будетъ укрыться отъ хищниковъ въ его убранствѣ".

Образъ Ф. Стремилова, напротивъ, — лѣсъ осенью. „Тихо падаютъ листья... Такъ тихо, — чувствуешь біеніе своего сердца.

„На всемъ печать задумчивости. А лѣсъ, одѣтый въ золотисто-темную одежду, стоитъ, пронзенный неяркими лучами солнца.

Гдѣ-то плывутъ клочки заблудившихся тучекъ. И падаютъ, все падаютъ листья... Беззвучно отдѣляются отъ вѣтки, скользятъ въ блѣдныхъ волнахъ воздуха и опускаются на землю. Тихая грусть подступаетъ къ сердцу, завладѣваетъ имъ.

„Тихая, нѣжная грусть! Это не тоска, которая давитъ сердце... Грустно сіяетъ солнце, грустно стоитъ лѣсъ, погруженный въ воспоминанія...

„И падаютъ листья, все падаютъ“...

Это молитвы природѣ. Но вотъ въ „Гусляхъ-Мысляхъ“ ихъ уже нѣтъ. Здѣсь „небо во мглистой брони“, „солнце скрываетъ станки“... Даже попавъ, въ самомъ дѣлѣ, на лоно природы, поэтъ „Гуслей-Мыслей“ во власти станковъ. Вотъ Эсъ побывалъ въ деревнѣ: цвѣточекъ яркій „въ душѣ усталой разогналъ, развѣялъ пошлость и невзгоды пыльныхъ городовъ“. Надолго ль?

Сладко съ думой непривычной прежнихъ дней забыть кошмаръ.
Но надолго ль? Скоро-скоро поѣздъ снова унесетъ
Отъ полей, лѣсовъ родимыхъ въ царство горя и заботъ.
Душной каменной темницы скроютъ стѣны солнца свѣтъ,
Дней унылыхъ вереницы скученъ сумрачный просвѣтъ.

Эсу вторитъ Лиристъ:

Томительно скучный окончился день,
И городъ стозвучный окутала тѣнь.
Зловѣщія думы прокрались ко мнѣ.
И грустно, и жутко въ ночной тишинѣ.

Конечно, жизнь съ пролетарскими радостями, съ пролетарскими печалями и въ городѣ, и въ уѣздѣ одна. И поэтъ „Гуслей-Мыслей“, прошедшій первыя ступени стихосложенія, и поэты „Голоса Низа“, „Вольной Думки“ отражаютъ однѣ и тѣ же черты рабочей психики: разрывъ съ деревней, гибель прежнихъ понятій, чувство необезпеченности, соціальный антагонизмъ.

Таковы уже противорѣчія фабричной жизни. Но не уныніе, не тоску несетъ поэзія рукописныхъ журналовъ. Взоръ поэта устремленъ впередъ. Вотъ излюбленное словечко: весна. „Весна, — какъ много въ этомъ словѣ надежды сладостной, живой“. Или заря: „не дремлите, друзья, уже день. Къ жизни могучей проснулось живое“. Или молотъ... Рѣдкое стихотвореніе и въ „Гусляхъ-Мысляхъ“, и въ „Голосѣ Низа“, и въ „Вольной Думкѣ“ обходится безъ этихъ словъ. Весна, просвѣтъ, молотъ, видите ли, символъ того, что „слышенъ голосъ дрожащаго низа“, — какъ выражается Шулятникъ. Одинъ пишетъ: „живъ человѣкъ въ вѣкъ машинъ, въ двадцатый вѣкъ. Въ ночи черной тьмѣ не страшно идти мнѣ. Яркій, сильный свѣтъ со-мной, проводникъ онъ вѣрный мой“,

Другой пишетъ: „постыдно забвенье, побольше движенья“. Третій пишетъ: „гдѣ свобода царитъ, тамъ и я буду жить. Всѣ мечты мои тамъ, и не мутнымъ волнамъ задержать меня въ этомъ стремленьи“. Поэты нашего круга обратили свои взоры къ проблемѣ смерти; здѣсь вдохновляетъ жизнь, только жизнь. Личность борца, забастовка, подвигъ солидарности, — въ „Гусляхъ-Мысляхъ“ отклики ближе къ злобѣ дня, въ „Голосѣ Низа“ — дальше. Гдѣ-нибудь въ глуши, какъ на необитаемомъ островѣ, затерянъ рабочій-поэтъ со своими замыслами. Въ „Голосъ Низа“ и теперь пишутъ „На смертъ Толстого“:

Не умеръ онъ и не умретъ. Лишь прахъ его земной зарытъ.
Нѣтъ, онъ, святой, средь насъ живетъ и — будетъ жить.

„Гусли-Мысли“ же поспѣваютъ за такимъ событіемъ, какъ выходъ депутата Бурьянова изъ лѣваго крыла соціалъ-демократической фракціи Государственной Думы „съ цѣлью воздѣйствія на фактъ раскола“

Привѣтствую тебя, уединенный!..
Ты правъ, вершитель мудрый спора,
Самимъ собой объединенный:
Въ одномъ не можетъ быть раскола...

Поэтовъ повторяютъ беллетристы. Противорѣчія фабрично-заводскаго режима, гнетъ, всѣ тягости рабочаго бытія, — и у беллетристовъ нашихъ важно не какъ написано, а что написано. Въ художественномъ отношеніи разсказъ Незнаннаго или Шулятника, конечно, лепетъ. Зато разсказъ этотъ такъ взволнуетъ васъ, какъ не затронетъ десятокъ другихъ, написанныхъ, и не безъ дарованія, ибо авторъ разсказываетъ о такихъ явленіяхъ, которыхъ не найдете у другихъ писателей. Если же найдете, то матеріалъ изъ вторыхъ рукъ. Здѣсь же подлиннымъ образомъ фактъ выжигался въ душѣ, прежде чѣмъ появиться на бумагѣ. Вотъ разсказъ „Впервые“, которому предшествуетъ такое предисловіе: „эти картины — быть того жалкаго человѣка, имя которому „босякъ“. Что собою представляетъ босякъ? Это — ястребъ, презрѣвшій буржуазную культуру. На что ему человѣкъ отжившій, когда онъ человѣкъ грядущій! Это — жертва некультурной культуры. Онъ выброшенъ ею за бортъ... Сколько горя претерпѣваетъ онъ, какъ конвульсивно хватается за рвущуюся нить, протянутую жизнью... Но этотъ человѣкъ мучится болѣе всего не отъ насилія другихъ, а отъ потери вѣры, надеждъ. Онъ свободенъ отъ всѣхъ предразсудковъ общества. Онъ звѣрь“... Вотъ разсказъ „увѣчника“, — протестъ противъ чудовища-машины, калѣчащей людей. Вотъ исповѣдь дѣвушки-работницы, продавшейся мастеру.

Это психологія, которой не дашь, если не босячилъ, не по-

лучилъ увѣчья, не продавалъ дѣвичью честь. И что приковываетъ вниманіе, когда читаешь всѣ эти исповѣди, — все тотъ же источникъ бодрости. Кажется, только что Михаилъ Ильичъ вернулся съ работы („Въ весеннюю ночь“ Мельникова), сидѣлъ понурый, изнуренный безсонницей... Но вотъ послышалось у сосѣдей „Назови мнѣ такую обитель“, и Михаилъ Ильичъ воскресаетъ: „Онъ страстно любилъ эту пѣсню и часто за работой, когда ему становилось трудно затягивалъ своимъ звонкимъ голосомъ. „Ага, это наши, — сказалъ себѣ Михаилъ Ильичъ. — Какъ хорошо, какъ хорошо!“ Пѣсня, такъ горячо любимая, побѣдной мелодіей таяла въ воздухѣ, и хотѣлось смѣяться, подхватить звуки пѣсни, идти куда-то туда, гдѣ жизнь... И кто его знаетъ, сколько бы онъ сидѣлъ такъ да думалъ, если бы не заморосилъ дождикъ, который увеличивался и увеличивался“. Въ очеркѣ „Доколѣ?“ выводится временный упадокъ силъ, уныніе въ годы реакціи. Стоитъ это авторъ, неопредѣленный устремивъ взглядъ. „Скучно, тошно“... „Слова эти два, видите ли, неразлучные спутники тогдашняго влачителя существованія“. Стоитъ это, старается не дышать. Атмосфера, видите ли, атмосфера вся пропитана проклятымъ зельемъ, — уныніемъ и апатіей. Но вотъ узкая полоска солнечнаго свѣта улыбнулась ему. И онъ осмотрѣлся кругомъ, — на эти скучные, сѣрые дома, на пыльную мостовую. „Скука, уныніе, гдѣ вы?“ — Я силенъ, я могучъ, — отозвалось что-то вдругъ. „Страшна для меня бодрость и вѣра?“ — Мало страшна.

Случайная встрѣча иногда переворачиваетъ внутренній міръ рабочаго, заставляетъ взглянуть на міръ иными, новыми глазами; и рабочіе-беллетристы то и дѣло изображаютъ такое перерожденіе. Вотъ Ф. Стремова повѣсть „Звуки умолки“. Герой ея—сѣрый пролетарій, попавшій въ тиски безработицы. Спускаясь со ступеньки на ступеньку, онъ знакомится съ курсисткой, которая зазываетъ его къ себѣ. А у нея кружокъ. Съ этого дня полилась его жизнь по-новому. Каждый день давалъ ему возможность забывать свои личныя невзгоды, иначе смотрѣть на жизнь. Онъ уже душою жилъ въ лучшемъ мірѣ. Онъ ожидалъ того часа, когда у курсистки обыкновенно собирались ея товарищи, какъ вѣрующій ожидаетъ пріобщенія св. Тайнъ, и когда желанный часъ наступалъ, онъ вслушивался въ эти новыя слова о человѣкѣ, униженномъ, оплеванномъ и все-таки великомъ, прекрасномъ, о томъ времени, когда каждый будетъ имѣть право именоваться этимъ именемъ. Порою онъ начиналъ думать о своемъ прошломъ. О, какъ онъ презиралъ себя за это прошлое! Черной полосой оно останется въ его жизни... Однако, засыпалъ онъ съ улыбкой. А проснувшись, горѣлъ нена-

вистью ко всему, что уродуетъ жизнь... Какъ въ сказкѣ, было юно, жизнерадостно". Правда, недолго тянулась сказка. Скоро курсистку арестовали: „умолкли звуки". Но того, что родилось въ сердцѣ рабочаго, не арестуешь... Въ разсказѣ „Кровью народной", растянувшемся на пять номеровъ, бокъ-о-бокъ дѣйствуютъ и христіане-рабочіе (Петръ, Настя, Игнатій) и рабочіе-евреи (Айзикъ, Роза), и хотя именно Айзикъ оказывается провокаторомъ — ни Петру, ни Настѣ въ голову не приходитъ, что, кромѣ лица рабочаго, есть еще лицо національное... Въ головѣ — „весна", „солнце", а не человѣконенавистничество.

Натянута, какъ струна, душа рукописнаго поэта, рукописнаго беллетриста. Художественныхъ достоинствъ нѣтъ. Недурна сцена убійства провокатора Айзика на берегу рѣки, подъ смутный шумъ вѣковыхъ сосенъ. Трогательна Зося „у могилы любимаго". „Эхъ, Данило, мой Данило!.." „Опустилась на колѣни, приложила голову къ холодному холмику. Плачетъ, плачетъ... Распустились волосы по плечамъ, и вслѣдъ за слезами грустныя слова падаютъ за землю... Вдругъ вертлявая малиновка прилетѣла къ оградѣ, забралась въ листву молодой березки и запѣла весело, жизнерадостно. Глупая птичка! Она подслушала горе осиротѣлой жизни"... Но, въ общемъ, и стихи и разсказы не отличаются отъ послѣдней страницы рабочей газеты или профессіональнаго журнала съ рубрикой „рабочая жизнь".

Зато — приходъ свѣжаго Я. Нельзя отнять у авторовъ настроенія, не похожаго на то, какое царило послѣдніе годы въ привилегированныхъ верхахъ. Здѣсь, въ „низахъ", молчаливо царило и царитъ величіе жизни, то, согласно которому право на существованіе имѣетъ лишь произведеніе, отразившее душевный подъемъ, призванное къ созиданію. Хотя талантъ и „отъ Бога", — и это, безспорно, живое движеніе, и это право... не на пусто звучащія слова.

IV.

Если таково мѣсто, занимаемое этой литературой, читатель-рабочій вправѣ искать въ рукописномъ журналѣ и отвѣта на тѣ вопросы, которые ставитъ литература. Однако, легче написать стихотвореніе, разсказъ, чѣмъ литературную статью, которая требуетъ эстетической школы, усвоенія художественныхъ цѣнностей, созданныхъ и настоящей, и прошлой культурой. Разсказъ слабъ художественно, зато крѣпокъ матеріаломъ. Стихи примитивны, зато съ призывомъ къ борьбѣ. Другое дѣло — оцѣнить произведеніе, внести свѣтъ. Здѣсь не поможетъ ни призывъ, ни запасъ наблю-

деній. Пока цѣнности искусства не вошли въ сознаніе, критикъ не двинется ни на шагъ.

Но развитіе эстетическое затруднено тѣмъ, безъ сомнѣнія, что всѣ мечты, всѣ думы рабочей интеллигенціи — внѣ литературы. Душа мыслящаго рабочаго — въ общественности. Вотъ почему подлинныхъ критиковъ въ „Гусляхъ-Мысляхъ", въ „Голосѣ Низа", въ „Вольной Думкѣ" нѣтъ. Есть отдѣльныя мысли, отдѣльныя сужденія, болѣе пространныя въ „Гусляхъ-Мысляхъ", менѣе — въ „Голосѣ Низа". Въ Петербургѣ и литературныя утра, и рабочій театръ, и художественныя экскурсіи, получившія такое развитіе, — все это направляетъ больше вниманія къ литературѣ, къ искусству, чѣмъ въ промышленныхъ углахъ.

Однако, и мысли, и сужденія эти, хоть отчасти, не даютъ представленія о томъ, какъ подходятъ къ литературѣ наши журналисты, о томъ, чего ищутъ въ ней. Когда берете въ руки рабочую газету, критическій фельетонъ, написанный рабочимъ, подчасъ поражаетъ задоромъ, не стоящимъ ни въ какой связи съ существомъ аргументовъ. Я полагаю, эта тенденція навязывается писателю-пролетарію извнѣ. Если бы это было не такъ, тотъ же задоръ имѣлъ бы мѣсто въ рукописномъ журналѣ. Между тѣмъ здѣсь чувства тонкія даже въ спорѣ.

Конечно, соціальное положеніе, принадлежность къ тому или иному классу общества опредѣляетъ психологію воспріятія. Наблюдатели въ одинъ голосъ отмѣчаютъ, что рабочій интеллигентъ — въ силу чисто-психологическихъ особенностей — врагъ средняго. И въ нашихъ журналахъ не мало крайностей; самыя оцѣнки, когда надо, — остры. Сколько яду, напр., въ характеристикѣ „Новаго Времени", „Русскаго Слова" и др., примѣнительно къ новому году, въ обзорахъ „Гуслей-Мыслей". „Новое Время", — пишетъ критикъ, — конечно, входитъ въ новый годъ, озираясь, съ нечистой совѣстью. Нѣтъ ли жида? Новое засилье въ послѣдніе дни открыло „Новое Время": изсякла вѣра даже въ жида". „Русское Слово" отмѣчаетъ, что общество миновало полосу послѣ-революціоннаго застоя, но хочетъ скрыться за тридцать тысячъ кооперативовъ... Богъ не выдастъ — свинья не съѣстъ". „День" и „Современка", сходятся на безличности: видятъ во всемъ собственное изображеніе" и т. д. Только это отнюдь не отрицаніе ради отрицанія. Достаточно умѣреннаго, но искренняго демократизма, чтобы критикъ перемѣнилъ гнѣвъ на милость.

Наши журналы выросли, конечно, въ атмосферѣ марксизма: предпосылки марксистскаго мышленія и въ столицѣ, и въ провинціи. Однако, въ нихъ имѣетъ мѣсто объективная оцѣнка журналовъ и

газетъ, отнюдь не марксистскихъ. Интересна параллель между „Рѣчью" и „Русскими Вѣдомостями". „Рѣчь" видитъ пропасть между курсомъ и требованіями жизни; сгораетъ желаніемъ заполнить пропасть собой. „Русскія же Вѣдомости" видятъ пропасть между народомъ и интеллигенціей. Правда, „это у нас изъ низовъ по-другому выглядитъ". Но разница остается разницей. Вотъ отзывъ о „Русскомъ Богатствѣ": „въ теченіе тридцати лѣтъ „Русское Богатство" искренно служитъ идеѣ, стоитъ на стражѣ трудящихся массъ, призываетъ на борьбу съ темными силами. Сколько оно пережило преслѣдованій, арестовъ! Пріучилось терпѣть. Въ то время, какъ души потрясали вѣсти о безконечныхъ жертвоприношеніяхъ богу насилія, и куковала неумолчно кукушка порнографіи, „Русское Богатство" устами поэта-страстотерпца П. Я. ободряло на борьбу, звало впередъ. И теперь, даже потерявъ лучшихъ сыновъ своихъ, группа благородныхъ народниковъ продолжаетъ служить идеѣ".

Такъ пишутъ „Гусли-Мысли", „Голосъ Низа" о чужихъ. Когда же другъ о другѣ говорятъ — слова строгія, а на устахъ улыбка. Вотъ, напр., Д. Журавлевъ такъ характеризуетъ Ф. Стремова, какъ поэта, беллетриста и публициста. „Стремовъ пробуетъ свои силы въ публицистикѣ. Эта сторона писательства ему не дается. Въ его статьяхъ факты сами по себѣ вѣрны, но чувствуется только претензія на публициста. Изъ его беллетристическихъ произведеній мнѣ удалось прочесть только нѣкоторыя. Здѣсь уже Стремовъ даетъ гораздо больше. Въ общемъ разсказы произвели на меня впечатлѣніе какъ бы отъ чтенія какого-либо популярнаго писателя, и только при разборѣ фразеологіи можно замѣтить недостатки. Чувствуется наблюдательность, любовь къ природѣ, умѣнье поэтично описать ее. Стихотворенія тоже страдаютъ отдѣлкой. Въ то время, напр., какъ стихотвореніе написано ямбическими стопами, первый стихъ представляетъ сочетаніе ямба и дактиля. Но, безспорно, авторъ можетъ гордиться. Онъ не лишенъ глубокаго смысла, жизненной правды и поэзіи". Это — ласка съ одной стороны, опредѣленность, спокойная и достойная, съ другой, что, очевидно, не имѣло бы мѣста, если бы, напр., авторы, — вопреки знакомству не столько съ литературой, сколько съ обрывками ея — все же не знали, чего имъ надо отъ нея.

Когда-то, — еще въ пору „Этюдовъ о русской читающей публикѣ" — фабричный рабочій А. Я—въ такъ резюмировалъ г. Рубакину свой взглядъ на художественное произведеніе: „Нужно брать (для сюжетовъ) самыя реальныя стороны жизни народа и описывать безъ всякихъ заднихъ мыслей". А. Я—въ хотѣлъ сказать:

безъ тенденцій. Это, какъ нельзя болѣе, передаетъ художественные вкусы той среды, изъ которой вышли сотрудники рукописныхъ журналовъ. Въ то время, какъ крестьянинъ передовой ищетъ тенденціи, поученія, какъ жить, сотрудникъ „Гуслей-Мыслей“ или „Вольной Думки“ отъ художественнаго произведенія требуетъ художественной правды. Относясь глубоко, проникновенно, онъ и отъ художника ждетъ, что онъ глубоко, проникновенно, безъ поученій, а однѣми картинами овладѣетъ читателемъ. Вотъ статья рабочаго паровозостроительныхъ мастерскихъ Николаевской желѣзной дороги „Искусство“, помѣщенная въ „Гусляхъ-Мысляхъ“. „Если бы мы изъ всѣхъ произведеній искусства выбрали то, что не служитъ идеямъ, — пишетъ онъ, — то пришлось бы большую часть произведеній, даже самыхъ знаменитыхъ, выбросить. Творческое сознаніе, воспроизводя жизнь въ видѣ картинъ, ваянія, литературы, бываетъ зеркаломъ жизни. Исторія искусства учитъ насъ, что искусство такъ измѣнялось, какъ измѣнялась жизнь. Да такъ и должно быть, потому что жизнь дѣлаетъ искусство, а не искусство дѣлаетъ жизнь. И нельзя говорить, что искусство должно учить. Этого никогда не будетъ“.

Что прежде всего привлекаетъ автора въ художественномъ произведеніи, это реализмъ, понятый не примитивно, какъ описаніе случившихся событій, а какъ „правда“ въ образахъ, живущихъ второй жизнью. „Если бы мы заставляли художниковъ передавать не то, что подсказываетъ творческое воображеніе, а то, что по нашимъ убѣжденіямъ должно изучить, то всѣ художники превратились бы въ ремесленниковъ, рисующихъ нравоучительныя картинки. Для человѣка, который умѣетъ все обобщать, изъ всего дѣлать выводы, школой будетъ весь міръ, всѣ явленія. Всякое произведеніе искусства, нравственное или безнравственное, чему-нибудь научитъ, но само искусство свободно, какъ человѣческая мысль“.

Это — психологія фабрики. Все разсчитано по часамъ, по свисткамъ. Остается смотрѣть въ глаза тьмѣ низкихъ истинъ. Конечно, рабочій вмѣстѣ съ тѣмъ понимаетъ, что свобода творчества — одно, противорѣчія общественныхъ отношеній, которыя не можетъ не отражать искусство, — другое. Художники — плоть отъ плоти болѣе состоятельныхъ классовъ общества, и эти классы сообщаютъ имъ свое настроеніе, свои вкусы; общественная среда — въ періодѣ подъема, и художникъ на высотѣ; общественная среда въ состояніи упадка, и художникъ не поднимаетъ духъ, а усыпляетъ. Развитіе этой мысли даетъ слесарь Х. З. въ статьѣ „О современномъ искусствѣ“. „Развитіе капитализма, — говоритъ онъ, — породило классъ буржуазіи съ ея эгоизмомъ, думающей только о

себѣ, не признающей другой реальности, кромѣ своего я. Это оказало вліяніе на буржуазное искусство. Художникъ отошелъ отъ жизни, пропитанъ буржуазными предразсудками; вслѣдствіе этого источникъ вдохновенія для него закрытъ. Ему только остается заниматься собственнымъ я, его болѣзненно-фантастическими переживаніями". З. приводитъ примѣры. Вотъ новѣйшіе футуристы, „ставящіе свое я выше всего, страдающіе маніей величія". Другіе „для этого я придумываютъ особый міръ, стоящій надъ землей, отсюда мистицизмъ въ литературѣ". Немногимъ лучше выходитъ, когда художники привилегированныхъ слоевъ апеллируютъ къ реальной жизни, по мнѣнію З. Такъ, „импрессіонизмъ обращаетъ вниманіе на форму, на свѣтъ, дальше же коры явленій не идетъ". Вообще, буржуазное искусство, — искусство нашего времени, — „переживаетъ періодъ упадка", оторванное отъ жизни. Оно уже не обладаетъ возвышенной природой, какъ прежде, когда буржуазное общество отождествляло себя не съ я, а со всей націей".

Что же нужно художнику, поэту, чтобы онъ былъ признанъ въ „Гусляхъ-Мысляхъ"? Искусство свободно, но искусство — отраженіе жизни. Жизнь же не выноситъ пустоты. Гдѣ жизнь, тамъ вѣра, вѣра въ ту же жизнь. И художникъ живъ до тѣхъ поръ, пока передъ нимъ даль. „Когда какое-нибудь чувство возвышаетъ душу человѣка, оно дѣлаетъ его способнымъ къ твореніямъ, — пишетъ З. — Христіанское искусство обязано христіанской вѣрѣ. Новая вѣра могла бы вызвать новый расцвѣтъ искусства и теперь. Но такой вѣрой является соціализмъ, а ея носитель — пролетаріатъ, который уже имѣетъ своихъ поэтовъ, сумѣвшихъ понять и оцѣнить это". Аналогично и напутствіе Д. Журавлева поэтамъ и беллетристамъ „Голоса Низа": „Не относитесь съ недовѣріемъ, идите навстрѣчу будущему, которое подготовляетъ сама жизнь. Окружающая атмосфера, конечно, придавила васъ, и невыносимо душно въ ней. Но придетъ время выйти изъ нея чистыми, бодрыми, со свѣжими силами. Въ этой подготовительной работѣ должны участвовать и вы, если не потеряли любви къ человѣку". Однако, теоріей Журавлевъ не подкрѣпляется. Когда статья принадлежитъ „Гуслямъ-Мыслямъ", она носитъ характеръ нѣкоторой „учености". Въ ней и иностранныя слова, и книжные обороты. „Гусли-Мысли" иногда поднимаются на такую высоту, съ которой не легко и спуститься. Другое дѣло „Голосъ Низа" или „Вольная Думка", говорящіе больше отъ себя. И это понятно. Столичный рабочій находится въ лучшихъ условіяхъ развитія и эстетически, и умственно. Онъ больше учится.

Итакъ, критика „рукописная" еще въ зародышевомъ состояніи.

Однако, намѣчается свой вкусъ, свой „образъ мыслей“, свое настроеніе художественное. Критикъ „изъ народа“ — бодрый, безъ слезы, безъ жалкаго слова — стоитъ передъ вопросомъ объ образованіи литературномъ. Какъ подняться ступенью выше? Монтеръ, написавшій статью о кинематографѣ, обращаетъ вниманіе „Гуслей-Мыслей“ на роль этого изобрѣтенія, какъ пропагандиста литературы. „По своимъ свойствамъ онъ можетъ быть обращенъ, — пишетъ авторъ, — въ большую культурную силу наподобіе театра. Кинематографъ для иллюстраціи произведеній великихъ писателей — вотъ наше требованіе. Всѣмъ, кто любитъ литературу, нужно стараться использовать это орудіе свѣта, избавивъ этимъ своихъ дѣтей и товарищей отъ деморализующаго вліянія желтыхъ электротеатровъ“. „Въ этомъ направленіи нужно вести пропаганду, лучше же всего могутъ повліять культурно-просвѣтительныя организаціи“.

V.

Фабрика благопріятна болѣе всего для журнала именно публицистическаго типа. „Своимъ соціальнымъ положеніемъ, — пишутъ наши авторы, — мы поставлены въ основаніе той пирамиды, которая обладаетъ страннымъ свойствомъ давить одинаково больно на насъ какъ своими несоотвѣтствіями, такъ еще болѣе соотвѣтствіемъ“. Но такъ какъ нѣтъ угла фабричнаго, гдѣ бы не бился въ наши дни пульсъ общественный, то двойной гнетъ какъ разъ родитъ нервный подъемъ, впечатлительность боевика, — то, что нужно публицисту. Именно публицисты рукописныхъ журналовъ убѣждаютъ насъ, насколько вѣренъ тотъ взглядъ, согласно которому журналъ для народа долженъ топтаться въ сферѣ узенькихъ вопросовъ, что къ рабочимъ нужно подходить съ особымъ масштабомъ, съ пониженными требованіями...

Это уже публицисты подлинные. Въ „Голосѣ Низа“ есть свои обозрѣватели, въ „Гусляхъ-Мысляхъ“ — свои; общую хронику ведетъ одинъ, мѣстную — другой. Вотъ заглавія обозрѣвателя „Голоса Низа“: „сила правительства“, „промышленность“, „настроеніе крестьянства“, „пресса текущаго момента“, „что намъ говоритъ текущій моментъ“ и т. д. Заглавія хроникъ мѣстныхъ: „наше настроеніе“, „національная личность“ и т. д. На ряду съ обозрѣніемъ нѣсколько статей въ каждомъ номерѣ, статей по животрепещущимъ вопросамъ. Международное положеніе Россіи, Россія и ея экономическая жизнь, Россія и ея политическая жизнь, земство въ прошломъ, въ настоящемъ, съ одной стороны; рабочая психологія, рабочее движеніе, рабочая культура — съ другой, — вотъ публицистическій ручей, бьющій изъ народныхъ нѣдръ.

И что примѣчательнѣе разнообразія — полнота, послѣдовательность изложенія, правильность построеній, запасъ знаній, значительно большій, чѣмъ въ области литературы. Ужъ по однѣмъ ссылкамъ судя, начитанность налицо. Правда, начитанность соціалистическая, — по Марксу, по Каутскому, по Плеханову, — но все же начитанность.

Рѣзче и различіе въ публицистикѣ, чѣмъ въ другихъ отдѣлахъ. До 1906 г. взоры рабочей демократіи были обращены во внѣ. Годы реакціи обратили ихъ внутрь. Рабочій понялъ, что внѣшній врагъ силенъ до тѣхъ поръ, пока силенъ внутренній, что десять культурниковъ, вставшихъ на ноги, ближе къ цѣли, чѣмъ тысяча некультурныхъ, хотя и сознательныхъ. Но все относительно. На ряду съ новымъ настроеніемъ живо и старое, которое менѣе даетъ себя знать въ фабричномъ центрѣ, болѣе въ промышленномъ мѣстечкѣ. Вотъ почему темы „Гуслей-Мыслей", по преимуществу, внутренняго характера, темы „Голоса Низа" или „Вольной Думки", по преимуществу внѣшняго. Говорю: по преимуществу, такъ какъ вѣянія одни и тѣ же, разница — въ степени. Однако, нельзя разницу тутъ же не подчеркнуть.

Дѣло въ томъ, что публицисты несутъ свое я, подобно поэтамъ, беллетристамъ, критикамъ. Но статьи внѣшнія — противъ администраціи, капитала, привилегированной интеллигенціи — какъ разъ не оригинальны. Нельзя имъ отказать въ остроуміи, подчасъ въ мѣткости. Вотъ образчики: „Прогрессъ замѣтенъ во многомъ. Прогрессируютъ: расходы на государственную оборону, доходы отъ продажи питей, оптимизмъ министра финансовъ, пессимизмъ конституціоналистовъ-демократовъ, число штрафовъ на рабочія руки, количество подписчиковъ „Копейки", число проданныхъ крестьянскихъ участковъ, густота красокъ на физіономіяхъ футуристовъ" и т. д. Или: „Депутаты говорятъ, говорятъ... Въ общемъ все въ движеніи. Не остываютъ надежды. Наука же въ большомъ почетѣ, ибо не разбиваетъ этихъ надеждъ". Или: „самый талантливый защитникъ самобытности — Володя Пуришкевичъ".

Больше всего страшныхъ словъ по адресу капитала. Но внутренній смыслъ явленій отступаетъ иногда подъ напоромъ словъ. Такова, напр., тирада, посвященная кооперацiи. „30.000 кооперативовъ, — пишетъ рабочій электрическаго общества. — Вѣдь если въ каждомъ изъ нихъ по 100 руб, то 30 милліоновъ... Но около этихъ денегъ мы видимъ кто стоитъ? Потъ и кулакъ... Когда у тебя на глазахъ профессіональные союзы постоянно четвертуютъ, отказываешься вѣрить въ сравнительно покровительствуемое движеніе. Черной тучей движется это явленіе, и не знаемъ

мы, какая это туча, несетъ ли она грозу и дождь, или градовыя опустошенія". Рабочій, въ которомъ элементъ стихіи уступилъ мѣсто самоанализу, можетъ быть, то слово молвитъ, да не такъ о кооперативномъ движеніи. Если же молвитъ да такъ, то подъ гипнозомъ словъ: „потъ", „кулакъ", „купеческая погоня за процентами".

Оригинальнѣе уже статьи информаціонныя, которыми въ особенности изобилуетъ „Голосъ Низа". Такъ: очерки кожевника Шулятника — очерки кожевенной промышленности, при чемъ описывается такъ, какъ испытано на собственной спинѣ. Публицисты наши, кстати сказать, въ большомъ недоумѣніи отъ промышленности. „Передъ нами все время вопросъ, — читаете вы, — упадокъ или подъемъ. И мы не въ силахъ его рѣшить. Съ одной стороны, у насъ ничего не хватаетъ своего, — все изъ-за границы, даже нефть и металлъ. Съ другой — за воротами заводовъ, — арміи безработныхъ. Голодъ металлическій и нефтяной и безработица въ тѣхъ же отрасляхъ". Свѣжи и наблюденія Ф. Стремова надъ деревней, точнѣе надъ тѣми измѣненіями, какія внесли въ ея психологію теорія и практика указа 9-го ноября. „Кто думаетъ, что народныя массы остались тѣ же, что въ революціонный періодъ, — предупреждаетъ онъ, — много ошибается. Ошибается тотъ, кто думаетъ, что развитіе сознанія среди крестьянъ идетъ по пути прогресса".

Однако, тончайшія переживанія рабочей демократіи не здѣсь. Процессъ выдѣленія рабочей интеллигенціи прежде всего — процессъ психологическій, процессъ идейно-психологическаго воспитанія. Грандіозны внѣшнія усилія, которыя она дѣлаетъ, чтобы завоевать свое мѣсто на исторической аренѣ. Но еще примѣчательнѣе тотъ переворотъ, который идетъ въ понятіяхъ, въ чувствахъ, въ самой личности труженика фабричнаго станка. Естественно, статьи, отразившія душевную эволюцію, не могутъ не быть оригинальнѣе другихъ. Вотъ вопль души рабочаго, только почувствовавшей, какъ тернистъ путь отъ стихіи, — нераздѣльно царящей на фабрикѣ, на заводѣ, у прилавка, — къ сложности жизни. Называется вопль: „Моя жизнь". „Эхъ, жизнь моя, одинокая, оброшенная! — начинаетъ авторъ Л. Эхо. — Я не живу. Я жить хочу, но это лишь одно хотѣніе. Жизнь, какъ всегда, уходитъ, быстро гонитъ день за днемъ, а я, точно тѣнь, хожу... Чего-то жду. Чего жду я? Я жду жизни, которая принесла бы то, что волнуетъ кровь, о чемъ болитъ мой мозгъ. Но придетъ ли она, жизнь желанная? Я вѣрю въ будущее... Прочь житейскій кошмаръ, который долгое время усыплялъ мою душу. Я съ ясно улыбкой гляжу въ грядущее. Приходи, дорогое!"

Чтобы понять подобный вопль, надо принять во вниманіе тѣ условія, въ которыхъ личность рабочаго выростаетъ на ряду со всѣми своими запросами. Вѣдь рабочій интеллигентъ тонетъ въ рабочей массѣ, которая подчасъ сводитъ на-нѣтъ весь его внутренній подъемъ. „Оторванные отъ культурныхъ центровъ,—жалуется „Голосъ Низа“,—мы опустились въ яму сѣрой жизни. Интеллигентныхъ работниковъ мы не имѣемъ. Почва песчана подъ посѣвъ... Гдѣ же силы для развитія? Становится тяжело и обидно. Все, что осталось лучшаго, должно сознавать свою слабость и безсиліе“. Конечно, становится тяжело и обидно на минуту, такъ какъ достаточно перевернуть страницу, чтобы убѣдиться, что эволюція мѣсто имѣетъ.

Ярче въ „Гусляхъ-Мысляхъ“, блѣднѣе — въ „Голосѣ Низа“.. Что же это за эволюція? Эволюція своего *Я*. Стремленіе заговорить собственнымъ голосомъ, стать на собственныя ноги. Напрасно стали бы вы искать слѣды того интеллигентоѣдства, которое такъ характерно для „литературныхъ Макаровъ“. Поскольку же интеллигентоѣдство есть, это протестъ противъ нажима. Больше довѣрія къ доброй волѣ низовъ, больше простора для голоса. Чѣмъ меньше фигура проводника, чѣмъ незамѣтнѣе фигура посредника — тѣмъ лучше... Удивительно ли, если даже единомышленники вызываютъ въ публицистахъ рукописныхъ журналовъ чувство настороженности. „Это законъ: если мнящіе себя поводырями начинаютъ грызться между собой за пядь радіуса вниманія, — читаемъ мы, — то это значитъ: имъ пришлось замѣтить, что „средній уровень понятій“ опекаемыхъ ими низовъ перешагнулъ элементарность. Когда спорятъ изъ-за буквы, это значитъ: несомнѣнно, азбука массой усвоена давно и хорошо.. И почемъ знать — не слишкомъ ли въ своей отеческой снисходительности насъ не дооцѣниваютъ. Мы и въ словарѣ далеко зашли за слово „бунтъ“, даже перешагнули слово „идеологъ“ и „демагогъ“. Вопросъ въ томъ, пріобрѣлъ передовой рабочій общественный опытъ, предпосылки мышленія, или не пріобрѣлъ. Не пріобрѣлъ, значитъ, надо пріобрѣсти, пріобрѣсти своими средствами, не чужими. Теперь передъ нами одно: насколько возможно, нужно отдаться учету момента, разбираясь, изучая его въ мельчайшихъ подробностяхъ. Крикливые, шумливые не найдутъ у насъ сочувствія. Мы не встрѣтимъ ихъ объятіями, когда услышимъ ихъ напыщенные призывы. Мы, представители трудящихся массъ, уже можемъ знать своихъ друзей, своихъ враговъ. Текущій моментъ представилъ намъ человѣка, какъ онъ есть, снялъ съ него маску, и событія уже не разочаруютъ насъ такъ глубоко, какъ это было недавно. Вѣру свою въ людей мы сумѣемъ ограничить расчетомъ, беря ее на фундаментѣ изученія фактовъ“.

Такъ-то нѣтъ вопроса не только общественной, экономической, политической, но и индивидуальной жизни, который бы не занималъ потревоженнаго сознанія авторовъ. Религіозный индифферентизмъ рабочей среды хорошо извѣстенъ; однако, даже этотъ вопросъ не даетъ Шулятнику покою. Безграничное небо, — восклицаетъ онъ въ статьѣ „Бытіе-небытіе". — „Я передъ собой ничтожный, безвольный. Я песчинка морского берега передъ милліардами твоихъ міровъ. Высокое небо! Я не въ силахъ постичь тайнъ твоихъ, понять скрытое тобой. Сколько тысячъ милліоновъ лѣтъ смотрятъ звѣзды равнодушно къ намъ на холодную землю. Что тамъ у васъ? Жизнь ли свободная, необъятная, или мертвая пустыня? Человѣкъ хочетъ знать это. Человѣку это знать необходимо... Съ непостижимой высоты льется въ изобиліи жизнедательный свѣтъ, источникъ жизни, резервуаръ тепла нашей земли. О, небо! Не обманываешь ли ты насъ поцѣлуемъ? И богъ разрушенія, сила смерти скрыты въ тебѣ..." Тѣмъ ощутительнѣе вопросъ, который тутъ же разрѣшимъ, вопросъ женскій, принимающій такой специфическій характеръ на фабрикѣ. Дѣло въ томъ, что женщина, тѣлесную красоту которой цѣнитъ мужчина, гоняющійся за наслажденіями, старается этой тѣлесной красотой обратить вниманіе мужчины. „Будемъ говорить о близкой намъ рабочей средѣ, имѣя въ виду особъ женскаго пола, — пишетъ монтеръ. — Онѣ тоже въ большинствѣ случаевъ грѣшатъ увлеченіемъ модами, танцами и т. д. Почему же это? Или въ рабочей средѣ тоже существуетъ потребность въ женщинѣ, какъ наслажденіи?" Какъ ни печальна истина, авторъ не можетъ не признать ея. „Недостойно человѣка искать какихъ-то плотскихъ наслажденій, каждый успѣхъ, всякое хорошое дѣло, которое мы сдѣлали, доставляютъ наслажденіе. Вотъ это жизнь человѣческая. Будемъ же съ этой человѣческой точки зрѣнія смотрѣть на женщину". Еще болѣе достается работницѣ. Во-первыхъ, она мать. Какъ же будетъ воспитывать дѣтей работница, знающая всѣ тонкости кокетства, но не имѣющая понятія объ естественныхъ наукахъ!" Во-вторыхъ, она жена: „какова будетъ подруга рабочаго, которая не понимаетъ того, чѣмъ интересуется мужъ?". Въ-третьихъ, она не только мать, не только жена, какъ бываетъ въ привилегированныхъ кругахъ. Она принуждена продавать свой трудъ, работать на фабрикѣ. Однако, борется она слабо, ей нужно больше силъ. Но такъ какъ мужчина отчасти виноватъ въ этой слабости, онъ долженъ помочь ей выбраться на дорогу. „Въ 70-хъ годахъ въ нашемъ обществѣ было свѣтлое явленіе. Молодые люди изъ дворянъ подумали, что, если ихъ отцы довели крестьянъ до печальнаго состоянія, то дѣти должны искупить этотъ грѣхъ. Это были кающіеся

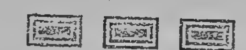
дворяне. И мужчина долженъ покаяться, измѣнить свое отношеніе къ женщинѣ, уважая въ женщинѣ товарища".

Надо ли еще иллюстрировать настроенія, проникающія эти писанія, эти призывы...

„Мы обращаемся къ тѣмъ, которыхъ видимъ на фабричныхъ заводахъ, въ мастерскихъ, конторахъ, на которыхъ вольно или невольно обращаемъ вниманіе: товарищи, давайте работать!" „Если вы имѣете свободное время, то используйте его такъ, чтобы оно не прошло даромъ. Посѣщайте школы, лекціи, музеи, театры. Собирайтесь въ кружки, провѣряйте знанія, будемъ помогать другъ другу". „Мы хотимъ васъ видѣть искателями истины, стремящимися къ знанію. Такихъ мы привѣтствуемъ, такихъ васъ полюбимъ". „Пишите въ нашъ журналъ. Нужно подготовляться къ жизненной борьбѣ, пока полонъ силъ и энергіи, пока обладаешь наибольшей воспріимчивостью къ впечатлѣніямъ, формирующимъ міросозерцаніе".

Конечно, эти призывы ничего не прибавятъ къ тому, что уже нами сказано.

Л. Клейнбортъ.

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ЗЕМЕЛЬНЫЕ БАНКИ ВЪ РОССІИ И ИХЪ ДАЛЬНѢЙШАЯ СУДЬБА [1]).

Среди разнообразнаго наслѣдія недавно свергнутаго государственнаго строя въ Россіи во внутренней экономической политикѣ, безспорно, немаловажную роль занимаютъ наши два громадные государственные земельные банка: такъ называемые, Крестьянскій поземельный и Государственный дворянскій земельный.

Исторія возникновенія и дѣятельности этихъ двухъ учрежденій болѣе или менѣе извѣстна; она была предметомъ многократныхъ обсужденій и въ печати, и въ различныхъ ученыхъ обществахъ, а потому я позволю себѣ изложить ее возможно кратко, насколько это необходимо для выясненія современнаго положенія обоихъ банковъ, въ каковомъ ихъ засталъ современный новый строй.

Оба банка возникли сравнительно недавно, въ 80-хъ годахъ истекшаго столѣтія: сначала въ 1882 г. — Крестьянскій, а затѣмъ, въ 1885 г. — Дворянскій; оба — во время управленія нашимъ финансовымъ вѣдомствомъ покойнымъ профес. Н. Хр. Бунге.

По уничтоженіи крѣпостного права, вслѣдствіе относительной ограниченности въ надѣленіи крестьянъ землею, слабой культурности въ области сельскохозяйственной, а также вслѣдствіе тяжелыхъ матеріальныхъ условій, въ которыя крестьянское населеніе было поставлено, среди послѣдняго быстро обнаружилось, такъ называемое, „малоземелье". На это явленіе обратили вниманіе и научная литература (труды покойнаго профес. Ю. Э. Янсона — „Опытъ стат. изслѣдов. о крест. надѣлахъ и платежахъ") и земства; нѣкоторыя изъ послѣднихъ (тверское, московское, полтавское и др.) организовали даже особый кредитъ на покупку крестьянами необходимой для ихъ хозяйства земли. Наконецъ, съ этой же цѣлью,

[1]) Настоящая статья была прочитана авторомъ какъ докладъ въ Вольномъ Экономическомъ Обществѣ, въ засѣданіи петроградскаго отдѣла лиги аграрныхъ реформъ 9 мая с. г.

въ 1883 г. былъ основанъ государственный, такъ назыв., Крестьянскій поземельный банкъ.

При основаніи Крестьянскаго банка въ административныхъ сферахъ возникли тренія: на ряду съ основной тенденціей самого учрежденія — помощи развитію землевладѣнія среди малоземельныхъ крестьянъ появилась мысль о помощи болѣе сильнымъ въ имущественномъ отношеніи крестьянамъ, какъ элементу болѣе приспособленному къ воспріятію высшихъ пріемовъ веденія сельскаго хозяйства и, вѣроятно, по чисто политическимъ соображеніямъ, — ради созданія класса „крѣпкаго крестьянства“, какъ элемента болѣе консервативнаго, слѣдовательно, и болѣе подходящаго къ господствовавшей въ то время системѣ управленія государствомъ.

Тренія эти, вѣроятно, и были причиною тому, что самая цѣль учрежденія Крестьянскаго банка въ его уставѣ („положеніи“) была не вполнѣ ясно формулирована; такъ ст. 1-я устава гласитъ: „банкъ учреждается для облегченія крестьянамъ всѣхъ наименованій способовъ къ покупкѣ земли, когда владѣльцы земель пожелаютъ продать, а крестьяне — пріобрѣсти оныя“.

Эта неясность политики банка при самомъ его учрежденіи привела къ тому, что, несмотря на правильное пониманіе цѣли учрежденія со стороны стоявшихъ во главѣ его управляющаго и совѣта, дѣятельность банка на мѣстахъ съ самаго начала приняла крайне разнохарактерное направленіе. На ряду съ тенденціями, если можно такъ выразиться, народническими, во многихъ мѣстахъ разыгрались чисто хищническіе аппетиты. Развилась земельная спекуляція [1]): владѣльцевъ, пожелавшихъ продать землю, особенно на окраинахъ, гдѣ она либо пустовала, либо приносила незначительный доходъ, оказалось много, тогда какъ, благодаря сложнымъ формальностямъ, которыми была обставлена покупка земли при посредствѣ банка, крестьянъ, желавшихъ пріобрѣсти таковую, находилось не такъ много. Явились фиктивныя товарищества крестьянъ, товарищества, хотя и состоявшія дѣйствительно изъ малоземельныхъ хозяевъ, но сбродныя — изъ крестьянъ разныхъ губерній,

---

[1]) Укажу для примѣра на учрежденіе форменнаго посредническаго бюро нотаріусомъ въ посадѣ Крюковѣ (Полтавской губ.) Козицкимъ-Фидлеромъ, получавшимъ по 1 р. за проданную десятину съ помѣщика и по 50 коп. — съ покупщиковъ-крестьянъ; далѣе на распродажу крупнаго имѣнія въ Изюмскомъ уѣздѣ, Харьковской губ., — Бугаевки, — факты, бывшіе предметомъ особыхъ спеціальныхъ обслѣдованій (см. отчеты члена совѣта Ф. Ф. Воронопова и старш. дѣлопроизводителя Д. И. Рихтера).

различныхъ даже національностей[1]), связанныхъ между собою только одной жаждой — осѣсть на землю, смутно понимающихъ тѣ трудно выполнимыя обязательства, которыя они на себя брали, пріобрѣтая давно желанную землю. Съ развитіемъ земельной спекуляціи цѣны на землю быстро пошли въ гору и мѣстами въ какіе-нибудь 2—3 года поднялись процентовъ на 50 [2]).

Всѣ эти недочеты въ дѣятельности Крест. банка стали ощущаться въ самые первые годы его существованія. Уже весною 1884 г. бывшій въ то время управляющій банкомъ Е. Э. Картавцовъ въ своемъ отчетѣ о поѣздкѣ по Россіи прямо ставитъ вопросъ, какому разряду крестьянъ служитъ банкъ — малоземельнымъ или „наиболѣе состоятельнымъ"? Это же сомнѣніе вкрадывается и въ отчеты по изслѣдованіямъ членовъ совѣта банка (покойныхъ П. П. Храповицкаго, В. Ю. Скалона и здравствующаго Ф. Ф. Воропонова) и друг. служащихъ банка, изучавшихъ вопросъ на мѣстахъ (А. С. Семяновскаго, Д. И. Рихтера и пр.). Безурядица въ дѣятельности банка скоро сказалась: недоимочность заемщиковъ стала быстро возрастать, сдѣлки начали лопаться [3]).

Параллельно съ этимъ въ Петербургѣ зрѣла мысль о созданіи кредитнаго учрежденія съ спеціальной цѣлью поддержанія дворян-

---

1) Напримѣръ, въ Харьковской губ., такъ назыв. „Ставропольское т-во" купившее 355 дес. земли и состоявшее изъ 35 домохозяевъ:

великороссовъ	2	домохоз.	изъ	Таврич.	губ.	1	уѣзда	и	1	селенія
„	5	„	„	Курск.	„	1	„	„	1	„
украинцевъ	4	„	„	Черниг.	„	3	у-довъ	„	4	„
„	13	„	„	Полтав.	„	5	„	„	6	„
украинцевъ и великороссовъ	11	„	„	Харьк.	„	2	„	„	4	„
	35	домохоз.	изъ	5	губерній	12	у-довъ	и	16	селеній.

Товарищество это просуществовало всего $2^1/_2$ года, и всѣ его члены распродавъ сосѣдямъ деревянныя части своихъ построекъ, скотъ и инвентарь, ночью „сбѣжали".

2) Въ Константиноградскомъ у-дѣ, по даннымъ стат. бюро полтав. земства (Н. Гр. Кулябко-Корецкаго), средняя продажная цѣна 1 дес. была въ 1879 г. — 41 р., а въ 1880—82 гг. — 61 р.

3) Къ 1 янв. 1884 г. недоимокъ не было

„	„	1885	„	„	1	т. р.
„	„	1886	„	„	26	„ „
„	„	1887	„	„	328	„ „
„	„	1888	„	„	498	„ „
„	„	1889	„	„	562	„ „
„	„	1890	„	„	635	„ „
„	„	1891	„	„	776	„ „
„	„	1892	„	„	691	„ „

Къ 1892 г. недоимки сократились вслѣдствіе того, что въ 1891 г. банкомъ было отобрано отъ его кліентовъ 164 имѣнія въ 45 тыс. дес. съ долгомъ въ 3.386 т. р., при чемъ недоимка (561 т. р.) была погашена. Всего же къ тому времени за банкомъ осталось 132 т. дес. изъ 1.742 т. дес. заложенной въ немъ земли, т. е. $7^1/_2$%.

ства; что и получило свое осуществленіе къ моменту празднованія столѣтія со времени пожалованія Екатериною II грамоты „благородному россійскому дворянству". Въ 1885 г. былъ опубликованъ высочайшій рескриптъ объ учрежденіи особаго дворянскаго банка „дабы дворяне тѣмъ болѣе привлекались къ постоянному пребыванію въ своихъ помѣстьяхъ, гдѣ предстоитъ имъ преимущественно приложить свои силы къ дѣятельности, требуемой отъ нихъ долгомъ ихъ званія"; что, по словамъ того же документа, дѣлается „во вниманіе къ нуждамъ дворянскаго помѣстнаго землевладѣнія, во многихъ мѣстахъ разстроеннаго оскудѣніемъ хозяйственныхъ средствъ и затрудненіемъ кредита". Менѣе чѣмъ черезъ $1^1/_2$ мѣсяца по обнародованіи рескрипта, въ томъ же 1885 г. было утверждено „Положеніе" о Государственномъ дворянскомъ земельномъ банкѣ.

Условія кредита въ этомъ новомъ учрежденіи были легче, чѣмъ въ Крестьянскомъ [1]), и онъ сразу заработалъ во всю, оттѣснивъ на второй планъ Крестьянскій банкъ, какъ мы видѣли, на практикѣ преслѣдовавшій, если не интересы дворянскаго землевладѣнія, то выгоды дворянъ, пожалуй, болѣе, чѣмъ выгоды сословія, имя котораго онъ носилъ, то есть — крестьянства.

При открытіи дѣйствій Дворянскаго банка была допущена странная несообразность: управленіе обоими учрежденіями было поручено одному и тому же лицу, которое въ одно и то же время должно было заботиться и объ укрѣпленіи дворянскаго землевладѣнія и о расширеніи землевладѣнія малоземельнаго крестьянства, несмотря на то, что источникомъ для удовлетворенія этой послѣдней нужды служило почти исключительно то же самое дворянское землевладѣніе. Кромѣ управляющаго обоими банками, были въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и общіе управляющіе отдѣленіями, а въ центрѣ и нѣкоторыя другія высшія должностныя лица (главный бухгалтеръ и др.). Впослѣдствіе эта унія стала еще тѣснѣй. Открытіе новаго дворянскаго банка такъ отразилось на дѣятельности Крестьянскаго:

	Выдано ссудъ (милл. руб.)	
	Крест. банкъ.	Двор. банкъ.
въ 1883 г.	0,9 милл. р.	—
„ 1884 „	9,6 „ „	—
„ 1885 „	13,8 „ „	—
„ 1886 „	11,1 „ „	68,8 милл. р.
„ 1887 „	7,5 „ „	71,0 „ „
„ 1888 „	5,1 „ „	33,7 „ „
„ 1889 „	3,7 „ „	36,7 „ „

[1]) Годовые платежи по займамъ, смотря по срокамъ — $5^3/_4$ и $6^1/_4$%, противъ $7^1/_2$ и $8^1/_2$% для Крестьянскаго банка (правда, за нѣсколько болѣе короткіе сроки).

Приливъ залоговъ въ Дворянскій банкъ сразу достигъ огромныхъ размѣровъ, тогда какъ операціи Крестьянскаго банка быстро пошли на убыль. Для дворянъ явилась возможность, не ликвидируя своихъ земель, пріобрѣтать на выгодныхъ условіяхъ подъ ихъ залогъ кредитъ. Чрезвычайный наплывъ залоговъ въ первые два года дѣятельности Дворянскаго банка именно и объясняется тѣмъ, что многіе помѣщики спѣшили перевести свои имѣнія, заложенныя въ частныхъ земельныхъ банкахъ, въ болѣе для нихъ выгодный — Дворянскій. Значительное сокращеніе въ два слѣдующіе затѣмъ года (1888 и 1889) до извѣстной степени объясняется сравнительно благопріятными условіями русскаго помѣстнаго хозяйства за это время (подъемомъ хлѣбныхъ цѣнъ при недурномъ урожаѣ).

Несмотря на всѣ льготныя условія кредита, наше помѣстное дворянство поправиться не могло, что отразилось и на финансовомъ положеніи самого банка. Недоимочность его кліентовъ быстро возросла (къ концу 1889 г. возросла до 10,6 м. р., или $5^1/_2$% долга по ссудамъ), жалобы со стороны кліентовъ на тягости платежей по ссудамъ росли, и правительству, крайне доброжелательно, хотя и неумѣло, настроенному въ пользу дворянства, пришлось прибѣгнуть къ экстраординарнымъ мѣрамъ для поддержанія своего дѣтища — Дворянскаго банка. Въ концѣ 1889 г. банку былъ разрѣшенъ выпускъ 5% закладныхъ съ выигрышами листовъ на сумму въ 80 милл. р., такъ назыв. „дворянскій заемъ". Листы эти были выпущены по фиксированному курсу 215 р. за 100 н, такимъ образомъ, банкъ получилъ 170 милл. р. вмѣсто 80; т. е. 90 милл. р. совершенно даромъ, безъ обязательства уплаты какъ самой этой суммы, такъ и роста на нее. Эта операція дала банку возможность понизить годовые платежи его кліентовъ съ 5 до $4^1/_2$% при нѣкоторомъ сравнительно незначительномъ (съ 48 л. 8 м. до 51 г. 9 м. и съ 36 л. 7 м. до 38 л. 4 м.) увеличеніи сроковъ займа, ликвидировать недоимку заемщиковъ и, наконецъ, усилить кассовый резервъ учрежденія на 75 милл. р.

Эти экстраординарныя мѣры и рядъ новыхъ льготъ для заемщиковъ (новый уставъ 1890 г., система перезалоговъ, новые сроки и пр.) сразу повліяли на усиленіе ссудной операціи Дворянскаго банка, и въ 1890 г. она достигла 57,3 милл. р.; но и это не спасло положенія: недоимочность снова стала возрастать и быстро (къ 1893 г.) достигла 10,5 милл. р.

Придравшись къ неурожаямъ (отразившимися главнымъ образомъ на благосостояніи крестьянъ, а не частныхъ владѣльцевъ), часть недоимки (4,7 м. р) снова была разсрочена и % платежей

пониженъ. Видимо въ „сферахъ“ поняли, что путь поддержать дворянъ отъ процесса ликвидаціи ихъ земель посредствомъ льготнаго для нихъ кредита — неудовлетворителенъ, и вновь взоры правительственныхъ верховъ были обращены на Крестьянскій банкъ, чтобы посредствомъ послѣдняго, если не удастся пріостановить ликвидаціи дворянскаго землевладѣнія, то по крайней мѣрѣ производить эту ликвидацію на болѣе выгодныхъ для дворянъ условіяхъ и притомъ, чтобы земля, разъ ей уже суждено уйти изъ дворянскихъ рукъ, переходила въ руки „крѣпкаго“, т. е. болѣе или менѣе зажиточнаго крестьянства, какъ болѣе коснаго и болѣе благонадежнаго элемента сельскаго населенія въ смыслѣ политическомъ. Кредитъ сельскимъ обществамъ сократился (относительно), наоборотъ, выдача ссудъ на покупку товариществами крестьянъ и отдѣльными домохозяевами, покупающими землю въ единоличную собственность, расширилась. Такъ за десятилѣтіе 1896—1906 гг., сравнительно съ первымъ періодомъ дѣятельности банка (1883—1895 гг.), площадь земли, купленной селькими обществами, увеличилась менѣе чѣмъ на 7%, тогда какъ купленная товариществами возросла на 230%, а отдѣльными домохозяевами — на 212%. Кромѣ того, Крестьянскому банку было предоставлено право за счетъ собственныхъ его средствъ покупать „земли и имѣнія“ для перепродажи ихъ не исключительно, а „по возможности крестьянамъ“. Благодаря этимъ мѣрамъ, Крестьянскій банкъ сразу расширилъ свою дѣятельность, такъ въ 1896 г. онъ выдалъ ссудъ на 7,3 м. р., а въ 1897 г. — на 20,9 м. р., и, быстро возрастая, эта его операція въ 1903 г. достигла 60 слишкомъ милл. р. Кромѣ того, имъ самимъ было пріобрѣтено 842 тыс. дес. земли за 58,2 милл. р.

Операціи Дворянскаго банка, достигшія въ 1898 г. своего кульминаціоннаго пункта (выдано ссудъ на 84,4 милл. р.), за это время, начали быстро сокращаться и къ концу разсматриваемаго періода въ 1903 г. упали до 33,6 милл. р.

Аграрное движеніе 1904—5 гг. и наступившее затѣмъ „умиротвореніе“ окончательно опредѣлили политику правительства относительно разрѣшенія земельнаго вопроса. На ряду съ переселеніемъ „излишка населенія“ въ Сибирь и Среднюю Азію, правительство среди своихъ мѣропріятій выдвинуло и дѣятельность Крестьянскаго банка.

Законъ 3 ноября 1905 г. и послѣдовавшія въ развитіе его распоряженія широко расширили функціи этого банка. Ему были облегчены операціи по покупаемымъ имъ самимъ или при его содѣйствіи имѣніямъ, состоявшимъ до того уже въ залогѣ у Дворянскаго и другихъ земельныхъ банкахъ. Въ 1906 г. продано Кре-

стьянскому банку свыше милліона десятинъ удѣльныхъ земель [1]). Наконецъ банку предоставлено право выдавать ссуды подъ залогъ надѣльныхъ земель, а именно: 1) для уплаты за надѣлы, оставленные переселяющимися на новыя мѣста крестьянами; 2) для доплаты сверхъ ссуды банка за покупаемыя при его содѣйствіи земли; 3) на покрытіе расходовъ, вызываемыхъ произведеннымъ измѣненіемъ землепользованія — переходомъ отъ общиннаго землевладѣнія къ подворному, разселеніемъ на хутора, раздѣломъ надѣльныхъ земель на отрубные участки и отводомъ къ однимъ мѣстамъ чрезполосныхъ участковъ отдѣльныхъ домохозяевъ; т. е. кромѣ функцій ипотечнаго характера, на банкъ были возложены заботы по землеустройству.

Слѣдуемый за изданіемъ этихъ узаконеній періодъ дѣятельности Крестьянскаго банка отличается особымъ расширеніемъ его операцій. Связь Крестьянскаго банка съ Дворянскимъ стала еще болѣе тѣсной: почти всѣ провинціальныя отдѣленія обоихъ банковъ были едины въ лицѣ ихъ руководителей — управляющихъ. Главное вниманіе и забота удѣлялись развитію операцій Крестьянскаго банка, дѣятельность же Дворянскаго стала глохнуть, сумма выданныхъ имъ ссудъ, составлявшая въ 1904 г. 25,8 милл. р., въ 1907 не достигла и 10 милл. р. (9.998,400 р.), а затѣмъ, хотя и стала возрастать, но болѣе вслѣдствіе выдачи дополнительныхъ ссудъ при перезалогахъ [2]).

Я уже указалъ на роль Крестьянскаго банка какъ повышателя продажныхъ цѣнъ на землю. Ставши крупнымъ, а впослѣдствіи примирующимъ на земельномъ рынкѣ покупателемъ и посредникомъ при продажныхъ сдѣлкахъ на землю въ Россіи, при томъ располагая неограниченными денежными средствами, Крестьянскій банкъ не могъ не вліять на установку цѣнъ на землю. При этомъ замѣчается несообразный ихъ подъемъ, не могущій быть объясненнымъ только другими факторами, обыкновенно вліяющими на колебаніе земельныхъ цѣнъ (развитіемъ желѣзныхъ дорогъ, увеличеніемъ культивируемой площади и т. п.). За періодомъ затишья въ дѣя-

---

[1]) Всего удѣльн. земель продано Крестьян. банку и укрѣплено за нимъ:

въ 1906—12 гг.	1.234,8	тыс. дес.	за	69,5	милл. р.
„ 1913 „	10,8	„ „	„	1,0	„ „
„ 1914 „	3,1	„ „	„	0,2	„ „
„ 1915 „	0,4	„ „	„	0,02	„ „
	1.258,1	тыс. дес.	за	70,7	милл. р.

[2]) Выдано Дворянскимъ банкомъ въ ссуду:

въ 1908 г.	14,6	милл. р., въ т. ч. дополн. при перезалогахъ.	9,4	милл. р.
„ 1909 „	23,4	„ „ „ „ „ „ „	14,6	„ „
„ 1910 „	48,8	„ „ „ „ „ „ „	24,6	„ „
„ 1911 „	48,6	„ „ „ „ „ „ „	29,4	„ „
„ 1912 „	68,9	„ „ „ „ „ „ „	33,5	„ „
„ 1913 „	86,6	„ „ „ „ „ „ „	44,8	„ „

тельности Крестьянскаго банка (1888—92 гг.) среднія цѣны на покупаемыя при его содѣйствіи земли постоянно растутъ, параллельно этому растетъ и оцѣночная стоимость земель, поступающихъ въ залогъ Дворянскаго банка. Такъ (въ среднемъ по Россіи) покупная цѣна и оцѣнка на 1 дес. были:

Годы.	Покупная цѣна 1 дес. Крестьянскаго банка.	Оцѣнка 1 дес. Дворянск. банка.
1883	52 р.	—
1884	52 „	—
1885	52 „	—
1886	46 „	49 р.
1887	42 „	38 „
1888	34 „	33 „
1889	32 „	65 „
1890	36 „	55 „
1891	39 „	60 „
1892	45 „	51 „
1893	50 „	45 „
1894	49 „	64 „
1895	52 „	70 „
1896	49 „	63 „
1897	71 „	69 „
1898	76 „	69 „
1899	78 „	62 „
1900	83 „	77 „
1901	91 „	93 „
1902	108 „	87 „
1903	108 „	90 „
1904	112 „	80 „
1905	111 „	93 „
1906	127 „	102 „
1907	133 „	73 „ [1])
1908	139 „	106 „
1909	144 „	106 „
1910	140 „	142 „
1911	141 „	141 „
1912	145 „	163 „
1913	132 „	163 „

[1]) Рѣзкое паденіе средней оцѣнки Двор. банка въ 1907 г. объясняется залогомъ одного крупнаго (260 тыс. дес.) имѣнія въ вост. части Европ. Россіи, оцѣненнаго по 14 р. за 1 дес.; если исключить этотъ залогъ изъ расчета, средняя подесятинная оцѣнка за 1907 г. составитъ 112 р.

Наступила міровая война. Дѣятельность обоихъ банковъ была сокращена закономъ 23 іюля 1914 г., а именно: 1) по Крестьянскому банку — пріостановлена покупка имѣній самимъ банкомъ (за исключеніемъ башкирскихъ земель въ губ. Уфимской, Оренбургской и Самарской) и сокращенъ размѣръ ссудъ (въ % отношеніи къ оцѣнкѣ) выдаваемыхъ на покупку земель; 2) по Дворянскому банку — новыя ссуды разрѣшено выдавать только по нормальной оцѣнкѣ, при перезалогахъ, совершаемыхъ не ранѣе истеченія пяти лѣтъ со времени предыдущаго залога имѣнія въ банкѣ.

Послѣдствіемъ этого закона было сокращеніе дѣятельности того и другого учрежденія, что ясно видно изъ сопоставленія данныхъ о главнѣйшихъ ихъ операціяхъ за послѣдніе три года (1911—16) съ предшествовавшимъ имъ 1913 годомъ. Такъ выдано ими ссудъ:

	Крестьянскимъ банкомъ.	Дворянскимъ банкомъ.
въ 1913 г.	40.107 сс. на 92,0 м. р.	1.425 сс. на 86,6 м. р.
„ 1914 „	27.967 „ „ 68,3 „ „	1.292 „ „ 67,7 „ „
„ 1915 „	12.214 „ „ 28,8 „ „	470 „ „ 18,0 „ „
„ 1916 „	3.230 „ „ 9,0 „ „	191 „ „ 7,0 „ „

Къ этому необходимо прибавить, что число и сумма ссудъ въ 1914 г. были еще значительны, вслѣдствіе того, что въ первую половину года банки работали при прежнихъ условіяхъ, да и во вторую, когда уже вошелъ въ силу законъ 23 іюля, — оставалось еще много ссудъ ранѣе разрѣшенныхъ совѣтомъ банковъ, слѣдовательно подлежавшихъ выдачѣ. Кромѣ того, за періодъ военнаго времени, при выдачѣ ссудъ широко пользовались „высочайшими повелѣніями", въ обходъ закона.

Операціи Крестьянскаго банка по покупкѣ земель за свой собственный счетъ и ликвидація ихъ за разсматриваемые 4 года выразились въ слѣдующихъ цифрахъ:

	Куплено банкомъ [1]).	Продано имъ.	Земельный фондъ банка къ концу года.
въ 1913 г. . .	346,5 т. д. на 35,8 м. р.	441,4 т. д. на 42,9 м. р.	2.838.980 д.
„ 1914 „ . .	103,6 „ „ „ 13.3 „ „	315,8 „ „ „ 26,1 „ „	2.623.865 „
„ 1915 „ . .	62,6 „ „ „ 7,9 „ „	139,9 „ „ „ 11,2 „ „	2.552.312 „
„ 1916 „ . .	305,9 „ „ „ 47,9 „ „	98,9 „ „ „ 10,9 „ „	2.759.282 „

Развитіе операцій по покупкѣ самимъ банкомъ земель въ 1916 г. объясняется, во-1-хъ, пріобрѣтеніемъ земель отъ подданныхъ и выходцевъ непріятельскихъ государствъ — нѣмцевъ-колонистовъ и нѣкоторыхъ другихъ (законъ 13—XII 1915 г.)—257.340 дес.

[1]) Вмѣстѣ съ перешедшими къ банку отъ неисправныхъ заемщиковъ: въ 1913 г.—35 т. дес., въ 1914 г.—17 т. дес., въ 1915 г.—48 т. дес., въ 1916 г. — 18 т. дес.

(за 44.227.000 р., преимущественно въ губ. Херсонской (69 т. дес.), Бессарабской (63), Таврической (75), Новгородской (ок. 17 т. д.), Екатеринославской (7,5), Петроградской (6,4) и Терской обл. (9,5 т. д.) [1]) и пріобрѣтеніемъ башкирскихъ земель 29.961 дес. (за 1.049.116 р.); относительно послѣднихъ покупокъ необходимо отмѣтить, что почти всѣ башкирскія земли (28.057 дес.) въ 1916 г. куплены въ Пермской губ., не упоминаемой въ законѣ 23 іюля 1914 г. (?).

Современное положеніе обоихъ банковъ, въ какомъ ихъ засталъ нашъ новый государственный строй, по послѣднимъ даннымъ, которыми я располагаю, рисуется таковымъ:

Крестьянскій банкъ. Согласно опубликованному Крестьянскимъ банкомъ (насколько мнѣ извѣстно послѣднему) балансу на 1 дек. 1916 г. [2]), не считая суммъ и обязательствъ связанныхъ съ текущей дѣятельностью учрежденія, свидѣтельствъ банка находится въ обращеніи на 1.485 милл. р., капитальныхъ долговъ земельнымъ банкамъ за пріобрѣтенныя заложенныхъ въ послѣднихъ имѣній — 190 милл. р.; капиталовъ у банка значится на сумму 47,4 милл. р. Это по пассивному счету баланса; въ активѣ же значится: запасъ свидѣтельствъ банка — 131,4 милл. р., ссудъ — 1.401 м. р., стоимость принадлежащихъ банку имѣній — 159,1 м. р., имущество банка — 7,3 м. р., наличныхъ денегъ и процентныхъ бумагъ — 22,2 м. р., неприкосновенный капиталъ и имени имп. Николая II — 4,7 милл. р.

Балансъ, можно сказать, сходится — разница между пассивными и активными счетами составляетъ всего 1,4 м. р., т. е. около 0,07% итога баланса.

Разсмотримъ нѣкоторые отдѣльные счета.

Главная масса свидѣтельствъ банка 5% — на 509 м. р. (къ 1 янв. 1916 г.), затѣмъ 4½% — на 494 м. р. и 4% — на 389 м. р.; остальныхъ — на незначительную сумму. Свидѣтельства банка служатъ ему для выдачи ссудъ, ими же (поскольку мнѣ извѣстно), уплачено банкомъ и за отошедшія къ нему удѣльныя земли.

Въ залогѣ банка (на 1 янв. 1915 г.) состоитъ 407.999 имуществъ въ 16.906.730 дес., оцѣненныхъ въ 1.760 милл. р. (по 104 р. за дес.) и съ долгомъ въ 1.386 м. р. (по 86 р.). Площадь, состоящая въ залогѣ Крестьянскаго банка, составляетъ 15% всего

---

[1]) Всего по свѣдѣніямъ банка подлежало отчужденію отъ иностранцевъ (нѣмцевъ-колонистовъ) 41.480 владѣній площадью въ 3,222.289 дес.

[2]) „Вѣстникъ Финансовъ" 1917 г., № 2.

частнаго землевладѣнія Россіи (111 милл. дес.), и 25% всей заложенной въ ипотечныхъ банкахъ земли (66,0 милл. дес.), среди которыхъ Крестьянскій банкъ занимаетъ первое мѣсто; на слѣдующемъ, въ этомъ отношеніи мѣстѣ, стоитъ Дворянскій банкъ, въ которомъ заложено 15,6 дес.

Долгъ Крестьянскаго банка другимъ земельнымъ банкамъ (по балансу на 1 янв. 1916 г.) состоитъ изъ суммъ, зачисленныхъ за покупку имѣній, заложенныхъ въ Дворянскомъ банкѣ — 171,1 м. р., Особомъ Отдѣлѣ Двор. б. — 8,3 м. р. и въ 10 частныхъ земельныхъ банкахъ — 2,1 м. р., всего 181,5 м. р.

Земли для образованія земельнаго запаса Крестьянскій банкъ пріобрѣлъ исключительно въ періодъ 1906—16 гг. (до того весь запасъ его состоялъ 315 тыс. дес.) — запасъ этотъ если бы не распродавался, составилъ бы 6.789.019 дес.; купленныя въ среднемъ по 90 р. за 1 дес. (ок. 600 м. р.); особенно много пріобрѣтено банкомъ въ 1906 — 1.196 т. д., въ 1907 — 2.033 т. д. и въ 1908 — 1.497 т. д. въ томъ числѣ, какъ было уже сказано выше, отъ удѣла ок. 1.138 т. дес. (90% всей отошедшей отъ этого учрежденія къ банку площади). Въ настоящее время, какъ указано выше, земельный запасъ банка составляетъ 2.759 т. дес., въ томъ числѣ около 810 т. дес. бывшихъ удѣльныхъ земель.

Капиталы банка слѣдующіе: запасный — 32,5 м. р., собственный — 10,2 м. р., неприкосновенный имени имп. Николая II — 4,7 м. р., всего — 47,4 м. р.

Собственный капиталъ (10,2 м. р.) предназначенъ на покупку банкомъ земель, онъ образовался изъ отчисленій прибылей по выкупной операціи въ 1894 г. и другихъ средствъ (4 ст. Б. ст. 3 п. 3); капиталъ этотъ весь расплылся въ разныхъ операціяхъ банка.

Неприкосновенный капиталъ имени имп. Николая II въ память 300-лѣтія царствованія дома Романовыхъ (4,7 м. р.) образованъ и возросталъ на основаніи закона 21 февр. 1913 г. изъ прибылей, полученныхъ банкомъ отъ продажи бывшихъ удѣльныхъ земель, съ тѣмъ, чтобы по достиженіи имъ 50 м. р., полученные на него %, равно и избытокъ самого капитала (св. 50 м. р.) шли „на мѣропріятія по улучшенію условій труда и упроченію хозяйственнаго быта сельскаго населенія". Капиталъ этотъ помѣщенъ въ свидѣтельствахъ Кр. банка.

Запасный капиталъ (32,5 м. р.), образуемый изъ, такъ назыв., чистой прибыли банка, въ дѣйствительности, если существуетъ то только отчасти, такъ какъ наличность и процентныя бумаги банка составляли всего къ 1 янв. 1916 г. — 11,7 милл. р., т. е. немного

болѣе $1/3$, а къ 1 ноября 1916 г. — 22,2 милл. р., или $2/3$ этого (запаснаго) капитала.

Вопросъ о томъ, сводитъ ли Крестьянскій банкъ концы съ концами, или рано или поздно долженъ сѣсть, можетъ быть уже и сидитъ на шеѣ общегосударственныхъ средствъ, освѣщается слѣдующими данными о результатахъ важнѣйшихъ его операцій — ссудной, по эксплоатаціи земельнаго запаса и по ликвидаціи послѣдняго.

По ссудной операціи (согласно даннымъ объяснительной записки мин. финансовъ къ проекту государственной росписи на 1917 г.)[1], начиная съ 1911 г., банкъ не добираетъ значительную часть слѣдуемыхъ ему платежей, а именно:

Годы.	Размѣръ годового оклада, въ м. р.	Сумма внесенныхъ платежей, въ м. р.	Въ % къ годовому окладу.	Сумма недоимочности къ концу года въ м. р.	Въ % къ годовому окладу.
1911	50,4 м. р.	46,2 м. р.	92%	13,1 м. р.	26%
1912	56,6 „ „	54,1 „ „	96 „	15,4 „ „	27 „
1913	61,1 „ „	57,8 „ „	95 „	18,4 „ „	30 „
1914	65,3 „ „	49,9 „ „	76 „	33,7 „ „	52 „
1915	67,9 „ „	54,4 „ „	80 „	46,5 „ „	69 „

Недоимочность 1911 г. въ запискѣ объясняется неурожаемъ на юго-востокѣ Россіи, а ростъ недоимочности въ 1914 и 1915 гг. — военнымъ временемъ и тѣмъ, что въ приведенныя данныя вошли губерніи, занятыя непріятелемъ, а также оказавшіяся въ районѣ военныхъ дѣйствій, въ которыхъ въ 1915 г. подлежало къ поступленію 12,5 м. р. срочныхъ платежей, внесено же заемщиками всего 4,7 м. р. или 38% годового оклада. Но, прибавлю отъ себя, если и исключить приведенныя суммы изъ общихъ за 1915 г., все-таки окажется, что по всей остальной Россіи, вмѣсто слѣдуемаго къ поступленію оклада — 55,4 м. р., внесено заемщиками всего 49,7 м. р. или 89% недоимки составятъ 38,7 м. р., то есть — тѣ же 69% оклада.

Доходы съ принадлежащихъ банку имѣній исчисляются (согласно ст. 1 закона 10 мая 1912 г. и ст. 10 уст. банка) путемъ сравненія итога начисленныхъ въ отчетномъ году платежей арендаторовъ и поступившихъ разныхъ доходовъ отъ имѣній съ итогомъ расходовъ, связанныхъ съ хозяйственнымъ завѣдываніемъ имѣніями. По этому расчету имѣнія банка за послѣдніе 3 отчетныхъ года (1913—1915) принесли „чистаго дохода“:

	Капитальная стоимость имѣній.	Чистый доходъ.	Въ % на капитальную стоимость.
въ 1913 г.	164,3 м. р.	7,2 м. р.	4,4%
„ 1914 г.	152,2 „ „	7,0 „ „	4,6 „
„ 1915 г.	14.3 „ „	5,8 „ „	4,1 „

[1]) Часть II, стр. 9.

Сама по себѣ невысокая доходность имѣній (не покрывающая процентовъ, уплачиваемыхъ по обязательствамъ на затраченный банкомъ при покупкѣ ихъ капиталъ) еще болѣе уменьшится, если принять не „начисляемую арендную плату, а дѣйствительно поступающую въ кассу банка его сумму. Такъ арендаторами, поступленія отъ которыхъ составляютъ за 3 разсматриваемые года св. 80% валового съ этихъ имѣній дохода, уплачено:

	Поступило.	Подлежало поступить.
	милл. рублей.	
въ 1913 г.	12,7	14,6
„ 1914 г.	10,4	13,0
„ 1915 г.	9,3	12,3

Слѣдовательно, къ концу 1915 г. за арендаторами числится недоимокъ около 3 милл. руб.

Купленныя и оставшіяся за банкомъ имѣнія продаются имъ съ прибылью:

Прибыль отъ продажи имѣній банка.

	Отъ купленныхъ у удѣла.	Отъ остальныхъ имѣній.	Всего.
въ 1913 г.	1.032 т. р.	6.844 т. р.	7.876 т. р.
„ 1914 „	2.828 „ „	6.815 „ „	9.643 „ „
„ 1915 „	818 „ „	3.354 „ „	4.181 „ „

Прибыль отъ ликвидаціи бывшихъ удѣльныхъ имѣній, какъ мною уже сказано было выше, идетъ на образованіе неприкосновеннаго именно имп. Николая II капитала; прибыли же отъ продажи другихъ земель перечисляются на счетъ прибылей и убытковъ банка. Кромѣ того, банкъ, развивая свои операціи и не добирая по выданнымъ имъ ссудамъ платежей заемщиковъ въ силу законовъ 21 марта и 14 октября 1916 г. (25 іюня 1912 г.), начиная съ 1906 г., постоянно пользуется позаимствованіями изъ общегосударственныхъ средствъ, а именно ему было отпущено:

въ 1906 г.	2.148 т. р.	въ 1912 г.	14.932 т. р.
„ 1907 „	6.142 „ „	„ 1913 „	14.986 „ „
„ 1908 „	8.617 „ „	„ 1914 „	15.084 „ „
„ 1909 „	10.805 „ „	„ 1915 „	15.340 „ „
„ 1910 „	12.575 „ „	на 1916[1]) „	15.400 „ „
„ 1911 „	14.459 „ „	„ 1917 „	15.500 „ „
		Всего	145.988 т. р.

Изъ сказаннаго можно заключить, что финансовое положеніе Крестьянскаго банка, далеко не блестяще и что онъ по мѣрѣ раз-

[1]) На 1916 и 1917 гг. окончательно сведенныхъ счетовъ банкъ еще имѣетъ и субсидію, взятую согласно росписи госуд. бюджетовъ за эти годы.

витія своихъ землеустроительныхъ и ипотечныхъ операцій все болѣе и болѣе залѣзалъ въ общегосударственный сундукъ.

Посмотримъ, какъ обстоитъ финансовая сторона дѣла въ Дворянскомъ банкѣ.

Въ пассивѣ баланса Дворянскаго банка на 1 дек. 1916 г. на первомъ мѣстѣ стоитъ капиталъ, образовавшійся чрезъ выпускъ 5% закладныхъ съ выигрышами листовъ почти на 75 милл. руб. (74.942.097 р. 72 к.). Сумма эта не измѣняется въ теченіе десятковъ лѣтъ, да и не можетъ измѣниться: она получена банкомъ совершенно даромъ при заключеніи, такъ называемаго, „дворянскаго займа", ее банкъ никому не обязанъ возвратить и по ней никому ничего не платитъ, наоборотъ, пустивъ ее въ оборотъ (въ видѣ ссудъ) онъ все-таки на нее кое-что получаетъ; это прямой барышъ банка, полученный имъ путемъ игры на страсть наивной публики къ легкому обогащенію путемъ лотереи.

Далѣе идетъ запасный капиталъ — 16 милл. р. Капиталу этому въ активѣ соотвѣтствуетъ значительный текущій счетъ банка — 13,7 милл. р. и наличность процентныхъ бумагъ на 27,3 милл. р. Такимъ образомъ запасный капиталъ Дворянскаго банка въ настоящее время — величина реальная, а не фикція, каковою она нѣкогда (лѣтъ 20 тому назадъ) была, когда „запасный" его капиталъ балансировался съ недоимками заемщиковъ и когда банкъ сводилъ концы съ концами, перехватывая милліонныя суммы у Государственнаго банка или у ликвидируемаго имъ Особаго отдѣла (бывш. общества взаимнаго зем. кредита). При этомъ нелишне будетъ отмѣтить, что къ упорядоченію финансоваго положенія Дворянскаго банка много способствовала продажа нѣсколькихъ милліоновъ десятинъ заложенной въ банкѣ земли (при томъ наиболѣе задолженной) Крестьянскому банку. Этой операціей Дворянскій банкъ ликвидировалъ массу недоимокъ и въ лицѣ Крестьянскаго банка получилъ аккуратнаго въ платежномъ отношеніи кліента.

Далѣе — неприкосновенный капиталъ въ память 300-лѣтія царствованія дома Романовыхъ — 10 милл. р. Этотъ фондъ образованъ въ 1913 г. за счетъ запаснаго капитала банка и помѣщенъ въ 5% свидѣтельствахъ Крестьянскаго банка съ тѣмъ, чтобы доходы съ него шли на нужды помѣстнаго дворянства.

Обязательства банка (закладныхъ листовъ отъ $3^1/_2$ до 5%) находится въ обращеніи и 951,4 милл. р.

Въ активѣ баланса этой суммы, вмѣстѣ съ 75 милл. р. капитала, образовавшагося при реализаціи „дворянскаго займа", соотвѣтствуютъ ссуды, выданныя подъ залогъ имѣній (853 милл. р.), остальные по нимъ долги (ок. 3 м. р.), стоимость имѣній, оставшихся за

банкомъ (2,8 м. р.), и долгъ Крестьянскаго банка (167,8 м. р.) за проданныя ему земли.

Изъ приведенныхъ цифръ видно, что финансовое положенiе Дворянскаго банка, поскольку это касается настоящаго момента, хотя и нельзя признать вполнѣ удовлетворительнымъ, но все-таки не въ такой степени, какъ таковое Крестьянскаго банка. Неустойчивость финансоваго положенiя Двор. банка особенно сказывается на ростѣ недоимочности его заемщиковъ. Такъ мы видимъ:

	Недоимки.			Платежи.		
		Въ %%		Причиталось.	Поступило.	
Годы.	Къ 1 янв.	Къ капит. долгу.	Къ платежамъ (предшествующаго года).		Сумма.	Въ %% къ платежамъ.
1913	17,8 м. р.	2,46%	48%	41,7 м. р.	39,9 м. р.	95%
1914	19,6 „ „	2,48 „	47 „	44,2 „ „	36,9 „ „	84 „
1915	26,6 „ „	3,16 „	60 „	43,9 „ „	39,1 „ „	91 „
1916	31,8 „ „	3,73 „	72 „			...

Не удовлетворяетъ банкъ и своему непосредственному назначенiю „поддержанiю землевладѣнiя потомственныхъ дворянъ“ и, несмотря на всевозможныя льготы и послабленiя при взысканiи платежей, снятiи съ торговъ опубликованныхъ за долгъ имѣнiй и т. п., переходъ заложенныхъ мѣры, въ банкѣ дворянскихъ имѣнiй къ недворянамъ изъ года въ годъ растетъ. Не считая 4 милл. дес., купленныхъ Крестьянскимъ банкомъ, за послѣднее трехлѣтiе въ залогѣ Дворянскаго банка состояло земли, принадлежащей:

	Потом. дворянамъ.		Недворянамъ.	
Къ 1 янв. 1914 г.	12.057.055 дес. или	84,3%	2.244.555 дес. или	15,7%
„ 1 „ 1915 „	12.098.089 „ „	83,6 „	2.367.067 „ „	16,4 „
„ 1 „ 1916 „	11.764.258 „ „	81,8 „	2.622.568 „ „	18,2 „

За три года площадь заложенной въ банкѣ земли (дворянской) возросла на 85 тыс. дес., утрачено же дворянами изъ состоявшей въ залогѣ банка — 378 тыс. дес., не считая того, что погашенiе ссудъ, а слѣдовательно и выходъ изъ залога банка земель недворянскихъ происходитъ быстрѣе, чѣмъ дворянской.

Таково въ общихъ чертахъ современное положенiе двухъ разсмотрѣнныхъ нами сословныхъ государственныхъ ипотечныхъ учрежденiй. Остается указать, насколько эти учрежденiя соотвѣтствуютъ современному направленiю государственной политики, и если не соотвѣтствуютъ, то какимъ образомъ можно согласовать съ нею дальнѣйшую ихъ дѣятельность, или приступить къ ихъ ликвидацiи.

Изъ сказаннаго видно:

1) Оба банка носятъ характеръ учрежденій сословныхъ, притомъ Дворянскій банкъ преслѣдуетъ узко сословную цѣль — поддержку землевладѣнія потомственнаго дворянства. Ясно — цѣли банковъ не соотвѣтствуютъ основнымъ положеніямъ новаго государственнаго строя, слѣдовательно, подлежатъ измѣненіямъ въ томъ смыслѣ, что они должны обслуживать всѣхъ землевладѣльцевъ, независимо происхожденія ихъ по рожденію.

2) Крестьянскій банкъ, кромѣ задачъ ипотечнаго характера, преслѣдуетъ еще задачи землеустроительныя. Эта функція его современной дѣятельности должна быть передана въ вѣдѣніе министерства земледѣлія.

3) Вопросъ о реформахъ банковъ тѣсно связанъ съ общимъ рѣшеніемъ аграрнаго вопроса: будетъ ли проведена въ Россіи національзація земли или останется частная земельная собственность? При національзаціи земли — ипотечный кредитъ утрачиваетъ свое значеніе [1]).

4) При проведеніи реформы національзаціи земли, Крестьянскій и Дворянскій земельные банки подлежатъ ликвидаціи; при этомъ должны быть ликвидированы и частные земельные банки. Все дѣло ликвидаціи ипотечныхъ банковъ придется взять на себя государству. Послѣднему всего удобнѣе будетъ сосредоточить это дѣло въ учрежденіи, возникшемъ на мѣстѣ нынѣшнихъ Крестьянскаго и Дворянскаго банковъ.

5) При сокращеніи института частнаго землевладѣнія обоимъ банкамъ нѣтъ необходимости существовать порознь; они могутъ быть слиты въ одинъ Государственный земельный банкъ.

6) Въ томъ и другомъ случаѣ, т. е. будутъ ли Крестьянскій и Дворянскій банки подлежать ликвидаціи или преобразованы въ Общегосударственный земельный банкъ, на возникшее на ихъ мѣстѣ учрежденіе можно будетъ возложить оказаніе кредита на меліорацію и другія связанныя съ сельскимъ хозяйствомъ мѣры и нужды (ссуды сел.-хоз. артелямъ, кооперативамъ, на оборудованіе сел.-хоз. складовъ и т. п.).

7) До рѣшенія вопроса о дальнѣйшей судьбѣ того и другого банка, необходимо немедленно принять слѣдующія мѣры:

а) Согласовать уставы банковъ съ основными положеніями новаго государственнаго строя.

б) Пріостановить выдачу ссудъ, какъ по спеціальной и нормальной оцѣнкамъ [2]), такъ и по перезалогамъ.

---

[1]) За исключеніемъ развѣ кредита на меліоративныя цѣли.

[2]) Нормальныя оцѣнки, утвержденныя для обоихъ банковъ въ 1914 г., высоки, такъ какъ въ основу ихъ положены не минимальныя, а среднія цѣны на землю для той или другой мѣстности.

в) Пріостановить распродажу принадлежащихъ банкамъ земельныхъ имуществъ.

г) Рѣшить вопросы, связанные съ бывшими удѣльными землями, какъ общегосударственнымъ достояніемъ.

д) Разсмотрѣть происхожденіе тѣхъ или другихъ капиталовъ спеціальнаго назначенія (напр. Романовскихъ) и рѣшить, какое датъ имъ направленіе.

и е) До окончательнаго рѣшенія основного вопроса о судьбѣ обоихъ банковъ, продолжать веденіе текущихъ дѣлъ и упорядочить сложное хозяйство по управленію принадлежащими имъ имуществъ (земель и домовъ).

Д. Рихтеръ.

НОВАЯ ТЕОРІЯ КРИЗИСОВЪ.

(По поводу книги г. Бунятяна: *„Экономическіе кризисы. Опытъ морфологіи, теорія періодическихъ экономическихъ кризисовъ и теорія конъюнктуры“*. М. 1915.)

Вопросъ, выясненію котораго посвященъ трудъ г. Бунятяна, представляя крупный теоретическій интересъ, имѣетъ, въ то же самое время и очень большое практическое значеніе. Кризисы, періодически поражающіе народно-хозяйственные организмы, причиняютъ огромныя потери различнымъ классамъ общества; они тяжело отражаются и на государственномъ хозяйствѣ. Словомъ, отъ кризисовъ страдаетъ не одинъ какой-либо классъ общества, но общество въ его цѣломъ: общество, какъ таковое. И это заставляетъ государство стать на путь рѣшительныхъ мѣръ въ борьбѣ съ кризисами. Въ цѣляхъ раціональной постановки этой борьбы, выработки правильныхъ мѣропріятій противъ кризисовъ, а также и въ цѣляхъ своевременности ихъ примѣненія, какъ публично-правовыми, такъ и частно-правовыми организаціями устраиваются огромныя статистическія обсерваторіи для наблюденія надъ хозяйственной конъюнктурой (состояніе и движеніе денежнаго рынка и рынка капиталовъ, движеніе цѣнъ, желѣзно-дорожныхъ перевозокъ, производства различныхъ продуктовъ). Такія обсерваторіи мы имѣемъ въ Америкѣ, въ Франціи, Германіи; въ послѣдней даже нѣсколько такихъ учрежденій съ кильскимъ институтомъ міроваго хозяйства во главѣ. Наконецъ, нѣчто подобное мы имѣемъ и въ Россіи при харьковскомъ институтѣ. Однако однихъ фактовъ, однихъ статистичетхихъ матеріаловъ, какъ бы обширны эти матеріалы ни были, еще не достаточно для планомѣрной борьбы съ кризисами. Для этого еще необходимо правильное теоретическое объясненіе этихъ фактовъ: нужна теорія кризисовъ. Указаннымъ въ значительной мѣрѣ и объясняется то исключительное вниманіе, которое удѣлялось теоріи кризисовъ въ теченіе всего XIX вѣка и удѣляется теперь [1]. Къ сожалѣнію, многочисленныя попытки теоре-

[1] Литературу см. Prof. Herkner, „Krisen“ статья въ Handwörterbuch d. Staatswisc III Aufl. — С. А. Первушинъ „Теорія кризисовъ“ М. И. Туганъ-Барановскаго („Юридич. Вѣстн.“, 1914 г., № 2-й).

тическаго изученія кризисовъ не дали сколько-нибудь удачнаго разрѣшенія этой сложной проблемы и до сихъ поръ „теорія кризисовъ перепроизводства остается задачей неразрѣшенной“.

Поэтому новая серьезная строго научная попытка ея разрѣшенія не можетъ не приковывать къ себѣ вниманія изслѣдователей. Изслѣдованіе же г. Бунятяна заслуживаетъ особеннаго вниманія уже по самой постановкѣ вопроса. Въ противоположность большинству предшествовавшихъ изслѣдователей объектомъ изслѣдованія г. Бунятяна служатъ не единичные кризисы, а хозяйственная конъюнктура [1]) — экономическіе циклы, „отдѣльнымъ моментомъ въ которыхъ является кризисъ“ (Бунятянъ, стр. XXVII).

Второе, что отличаетъ теорію Бунятяна отъ другихъ теорій, это тѣсная связь ея съ теоріей цѣнности. Задачу теоріи періодическихъ кризисовъ г. Бунятянъ видитъ въ объясненіи феномена перепроизводства „въ связи съ теоріей цѣнности“. Наконецъ, основаніемъ его теоріи, можно сказать, впервые служитъ субъективная (иначе: австрійская, психологическая) теорія цѣнности. Такимъ образомъ трудъ г. Бунятяна является одной изъ первыхъ серьезныхъ попытокъ построенія теоріи кризисовъ, какъ теоріи конъюнктуры на основѣ субъективной теоріи цѣнности.

Этотъ трудъ, какъ указывается въ введеніи (стр. XXX), „основывается на детальныхъ историческихъ изысканіяхъ“, предпринятыхъ г. Бунятяномъ „еще съ 1899 г.“, и обращаетъ на себя вниманіе исключительнымъ [2]) знакомствомъ автора съ литературой вопроса. Все это, а также и тотъ большой внѣшній успѣхъ, который выпалъ на долю г. Бунятяна по выходѣ его перваго нѣмецкаго изданія — къ его теоріи „присоединились въ полномъ объемѣ или въ существенныхъ ея частяхъ prof. Esslen, prof. J. Lescure и W. Fischer“ (введеніе стр. XXXIII) заставляетъ насъ особенно внимательно остановиться на критикѣ его работы.

Въ первой части дается опредѣленіе кризисовъ и ихъ классификація. Г. Бунятянъ классифицируетъ кризисы: 1) „по характеру того разстройства..., которымъ вызываются частно-хозяйственныя потери“, 2) смотря по тому, „вызваны ли они обстоятельствами, лежащими внѣ дѣятельности коллективнаго хозяйственнаго организма“..., или же... „органически вытекаютъ изъ существующаго

---

[1]) Зачатки такой постановки вопроса мы находимъ уже у Родбертуса; еще ярче поставилъ проблему конъюнктуры К. Марксъ въ своемъ „Капиталѣ“, а въ позднѣйшее время: Зомбартъ (1903 г.), Туганъ-Барановскій (1898) и др.

[2]) См. приложеніе, стр. 295—303 (списокъ использованной литературы).

экономическаго строя" (первые г. Бунятянъ называетъ эгзогенетическими, вторые эндогенетическими), наконецъ, 3) съ точки зрѣнія „ихъ внѣшней связи съ различными областями и органами производственнаго процесса". Съ этой послѣдней точки зрѣнія г. Бунятянъ дѣлитъ кризисы на общіе и частичные, или спеціальные. Послѣдніе онъ, въ свою очередь, подраздѣляетъ: 1) на кризисы средствъ обращенія (денежный кредитный кризисъ), 2) на кризисы обращенія цѣнностей (товарный и биржевой кризисъ) и 3) кризисы производства (промышленный и аграрный кризисъ).

Не возражая по существу противъ второй изъ приведенныхъ классификацій и оставляя безъ разсмотрѣнія третью (общіе и спеціальные кризисы), такъ какъ самъ авторъ указываетъ, что „она не претендуетъ на строгое единство отличительнаго признака" (стр. 8), остановимся, однако, на первой, какъ наиболѣе существенной. По „характеру разстройства" г. Бунятянъ дѣлитъ экономическіе кризисы на „кризисы производственные (стр. 2) и „кризисы распредѣленія хозяйственныхъ благъ". Свою классификацію онъ сопровождаетъ слѣдующимъ поясненіемъ: „Въ первомъ случаѣ частно-хозяйственныя потери происходятъ отъ разстройства экономической дѣятельности, отъ уничтоженія капитала и отъ потери экономической энергіи; во второмъ случаѣ онѣ являются послѣдствіемъ простого измѣненія въ распредѣленіи въ ущербъ... предпринимателей и въ пользу... потребителей" (стр. 2). Но самъ г. Бунятянъ нѣсколько далѣе замѣчаетъ, что „эти типы не встрѣчаются, однако, въ абсолютно чистой формѣ. Кризисы производственные... вызываютъ... и измѣненія въ распредѣленіи состояній и доходовъ. Съ другой стороны, кризисы распредѣленія обыкновенно влекутъ за собой и кризисы производственнаго процесса" (стр. 2). Еще ярче эта тѣсная связь между обоими видами кризисовъ подчеркивается г. Бунятяномъ во второй части его труда (стр. 133 и 185). Здѣсь авторъ указываетъ, что „первичная причина измѣненія цѣнъ должна лежать внѣ условій распредѣленія", что для начала подъема послѣ депрессіи нуженъ извѣстный поводъ. Повидимому, такой „поводъ" нуженъ и для начала кризиса послѣ подъема промышленности (стр. 16, 185). Изъ перечисленій же такихъ „примѣрныхъ" поводовъ къ подъему или кризису („чрезмѣрное сокращеніе производства..., возрастаніе спроса промышленности вслѣдствіе открытія новаго способа производста", урожай или неурожай) видно, что обычнымъ поводомъ къ общему подъему и кризису (кризису распредѣленія — по терминологіи г. Бунятяна) является подъемъ или кризисъ производства въ какой-либо отрасли народнаго хозяй-

ства (производственный кризисъ) и, такимъ образомъ, кризисъ распредѣленія является здѣсь уже какъ бы второй стадіей кризиса производства въ какой-либо отрасли народнаго хозяйства. Классификація г. Бунятяна страдаетъ и тѣмъ недостаткомъ, что не вмѣщаетъ въ себѣ нѣкоторые виды кризисовъ. Куда, напримѣръ, долженъ быть отнесенъ кризисъ потребленія, какъ слѣдствіе радикально измѣнившейся моды? Ни къ кризису производства или распредѣленія, конечно, они отнесены быть не могутъ, хотя и вызываютъ за собой, нерѣдко, и тотъ и другой.

Гораздо болѣе плодотворной представляется намъ вторая классификація кризисовъ на эндогенетическіе и экзогенетическіе — дѣленіе, на которое, впрочемъ, уже неоднократно указывали экономисты до г. Бунятяна (Джевонсъ, Марксъ, Зомбартъ, и др.).

Въ самомъ дѣлѣ, тѣ экономическіе кризисы, которые мы наблюдаемъ въ дѣйствительности, могутъ корениться въ условіяхъ современной капиталистической организаціи (ея неорганизованности, склонности къ неограниченному расширенію и пр.), но они также могутъ быть слѣдствіемъ какихъ-либо внѣшнихъ факторовъ, внѣ капитализма лежащихъ, и этотъ вопросъ далеко еще не представляется рѣшеннымъ.

Если, въ противоположность Рикардо и Джевонсу, большинство позднѣйшихъ экономистовъ (Родбертусъ, Марксъ, и пр.) и склонно объяснять періодическіе кризисы органическими пороками современной капиталистической системы, то въ самое послѣднее время такое объясненіе снова и при томъ весьма основательно оспаривается.

Такъ, огромное значеніе внѣкапиталистическимъ факторамъ кризисовъ придаютъ Lexis, Ditzel, prof. Moore. Немаловажную роль въ развитіи хозяйственной конъюнктуры играютъ, такъ называемые, „besondere Aalässe“ и у Шпитгоффа. Съ другой стороны, и жизнь, въ частности факты современнаго военнаго періода, показали, что капиталистическое хозяйство вовсе не представляетъ собою такой хрупкій организмъ, какъ это казалось раньше.

Поэтому, прежде чѣмъ строить теорію капиталистической конъюнктуры, нужно убѣдиться въ капиталистической сущности природы этихъ колебаній — нужно устранить другія возможныя гипотезы. Изъ числа внѣкапиталистическихъ факторовъ на конъюнктуру огромное вліяніе имѣютъ: техническая эволюція промышленности, развитіе финансоваго хозяйства, наконецъ, колебанія сельскохозяйственной промышленности, какъ слѣдствіе колебаній урожаевъ.

Первыя двѣ возможности г. Бунятяномъ игнорируются совершенно (если не считать нѣсколькихъ отдѣльныхъ замѣчаній, сдѣ-

ланныхъ имъ на стр. 264—6 относительно техники). Что касается третьей гипотезы, т. е. колебаній сельско-хозяйственной промышленности, то на нихъ г. Бунятянъ останавливается довольно подробно. Въ различныхъ частяхъ своего труда онъ неоднократно подчеркиваетъ крупное значеніе колебаній сельско-хозяйственной промышленности для общей промышленной конъюнктуры.

Такъ на стр. 72 г. Бунятянъ говоритъ, что „условія сельско-хозяйственнаго производства и спеціальные аграрные кризисы принадлежатъ къ важнѣйшимъ факторамъ, которые извнѣ вліяютъ на циклическое развитіе экономической жизни".

„Между кризисами, вызванными неблагопріятными естественными условіями, особенное значеніе имѣетъ кризисъ, являющійся послѣдствіемъ неурожая" (73 стр.). Послѣдній „распространяется, обыкновенно на большія пространства и представляетъ частое явленіе особенно въ странахъ съ сильно континентальнымъ климатомъ и экстенсивнымъ сельскимъ хозяйствомъ (тамъ же)... „Неурожаи, замѣчаетъ онъ далѣе, особенно тяжело отражаются на мелкихъ земледѣльцахъ," но его... „послѣдствія отражаются не только на сельско-хозяйственномъ, но и на остальномъ населеніи, на торговлѣ и промышленности... что неблагопріятно отражается на всей экономической дѣятельности страны" (74). Какъ неурожаи, такъ и обильные урожаи, обыкновенно, повторяются нѣсколько лѣтъ подъ рядъ, и тогда ихъ воздѣйствіе бываетъ еще глубже и постояннѣе" (стр. 75). „Далеко не случайно, пишетъ затѣмъ г. Бунятянъ, что экономическимъ кризисамъ въ Англіи обыкновенно предшествуетъ усиленный ввозъ хлѣба, за который Англія расплачивается наличными деньгами"... „въ связи съ этимъ находится также и то обстоятельство, что кризисы возникаютъ обыкновенно осенью, когда... „народное хозяйство нуждается въ большомъ количествѣ денегъ для движенія сельско-хозяйственныхъ продуктовъ, составляющихъ главную массу всѣхъ товаровъ" (стр. 26).

Уже изъ всего приведеннаго можно заключить, что колебаніямъ сельско-хозяйственнаго производства г. Бунятянъ придаетъ огромное значеніе въ развитіи экономической конъюнктуры, а если вспомнить, что продукты этого производства отличаются минимальной (по сравненію съ большинствомъ другихъ продуктовъ) эластичностью [1]), то будетъ еще болѣе яснымъ, насколько значительную роль въ концепціи г-на Бунятяна играютъ колебанія сельско-хозяй-

---

[1]) См. С. А. Первушинъ „Потребленіе (теорія и статистика) въ Энциклопедическомъ словарѣ бр. Гранатъ".

ственной промышленности, и читатель вправѣ былъ бы ждать отъ автора обстоятельнаго выясненія этого вопроса, тѣмъ болѣе, что въ самое послѣднее время онъ и въ экономической литературѣ снова поднятъ цѣлымъ рядомъ экономистовъ.

Къ сожалѣнію, г. Бунятянъ не останавливается на выясненіи этого вопроса и ограничивается въ этомъ отношеніи лишь одними общими замѣчаніями.

„Не слѣдуетъ преувеличивать, говоритъ онъ, вліянія случайныхъ метеорологическихъ условій на количество сельско-хозяйственныхъ продуктовъ... Колебанія сбора .. въ разныхъ странахъ происходятъ зачастую въ различныхъ направленіяхъ, и вліяніе ихъ на общій объемъ производства, такимъ образомъ, въ значительной степени нейтрализуется... Эти случайныя... колебанія производства отступаютъ потому на задній планъ по сравненію съ общими колебаніями въ количествѣ хозяйственныхъ благъ, наблюдаемыми періодически въ народно-хозяйственной жизни“ (134).

Конечно, не подлежитъ сомнѣнію, что съ развитіемъ мірового хозяйства колебанія добычи или выработки отдѣльныхъ продуктовъ въ отдѣльныхъ странахъ происходятъ нерѣдко въ противоположныхъ направленіямъ и, такимъ образомъ, до извѣстной степени нейтрализуются. Но это явленіе касается не одного только сельско-хозяйственнаго производства [1]), но имѣетъ общій характеръ и оказываетъ „смягчающее“ вліяніе на общее движеніе цѣнъ... на конъюнктуру.

Колебанія цѣнъ отъ максимума къ минимуму и, наоборотъ, значительно уменьшаются. Въ подтвержденіе сказанному позволю себѣ привести нѣсколько цифръ.

Движеніе цѣнъ на желѣзо въ Германіи.

Относительн. числа 1895 = 100.

Годъ.	Максимумъ цѣнъ.	Минимумъ цѣнъ.	Разница между максимумомъ и бл. миним.	Разница между минимумомъ и ближайшимъ максимумомъ.
1873—1879	330	105	225	80
1880—1886	185	90	95	100
1890—1895	190	100	90	80
1900—1903	180	110	70	30
1906—1908	140	92	48	20
1912 (апр.)	112			

[1]) Наоборотъ, даже сельскаго хозяйства оно касается въ меньшей степени, т. к. и міровые урожаи подвержены очень значительнымъ колебаніямъ: около 12—15% 90-е и 900-е года (см. Руландъ „Основы образованія цѣнъ на с.-х. продукты“).

Такая же картина движенія цѣнъ получается и по Англіи, Франціи, Америкѣ.

Параллельно съ уменьшеніемъ колебаній цѣнъ, какъ свидѣтельствуютъ тѣ же источники, уменьшается и острота и опустошительность кризисовъ, а продолжительность депрессіи сокращается. Депрессія 1907/8 года продолжалась всего одинъ годъ, а въ Америкѣ даже нѣсколько мѣсяцевъ, тогда какъ прежде продолжительность депрессіи колебалась отъ 3 до 4 лѣтъ.

Однако эти „смягченныя" колебанія конъюнктуры все же совпадаютъ съ смягченными колебаніями міровыхъ урожаевъ и наиболѣе ярко проявляются въ тѣхъ странахъ, гдѣ сельское хозяйство играетъ относительно большую роль (въ Америкѣ и Россіи) [1].

Такимъ образомъ, г. Бунятянъ не опровергъ возможной гипотезы о зависимости промышленныхъ колебаній отъ сельско-хозяйственныхъ; совершенно обошелъ и другія возможныя гипотезы.

Однако допустимъ обратное, — что капиталистическая „природа" періодическихъ колебаній доказана. Но и въ такомъ случаѣ колебанія цѣнъ товаровъ могутъ происходить подъ вліяніемъ двоякаго рода причинъ: во-первыхъ, измѣненія абсолютной цѣнности товаровъ и, во-вторыхъ, измѣненія цѣнности денегъ измѣрителей, въ которыхъ выражается цѣна товаровъ.

Г. Бунятянъ стоитъ на первой точкѣ зрѣнія: тѣ колебанія цѣнъ товаровъ, которыя мы наблюдаемъ, являются слѣдствіемъ измѣненія абсолютной цѣнности товаровъ (ея повышеніе, а не результатомъ пониженія цѣнности денегъ). Авторъ согласенъ, что количество денежныхъ знаковъ, въ частности же, количество золота, имѣетъ огромное вліяніе на цѣны товаровъ. Колебанія въ добычѣ золота онъ объясняетъ даже въ полномъ соотвѣтствіи съ теоретиками количественной теоріи — „вѣковыя движенія цѣнъ, такъ наз. „oscillations de longue drée". Всѣ его возраженія противъ количественной теоріи сводятся къ слѣдующимъ пунктамъ; 1) ежегодная добыча золота, — „даже столь значительная, какъ добыча золота съ середины 90-хъ годовъ прошлаго столѣтія, составляетъ лишь очень малую долю существующаго запаса; вслѣдствіе этого условія добычи драгоцѣнныхъ металловъ вліяютъ на цѣнность лишь медленно... въ промежутокъ же, соотвѣтствующій экономическому циклу, оно едва замѣтно" (121).

---

[1]) См. Ditel, „Ernte" (Handworterbuch d. Staatswiss. III Auflage), Moore „Economic Cycles" New Iork. 1913. Glier, Zur neuesten Entwickelung ler Amerikanischen Eisenindustrie" (Schmoller's Jahrluch. B XXVIII). А. С. Первушинъ, „Періодическія колебанія сельско-хозяйственной и городской внѣ-земледѣльческой промышленности въ Россіи", 1912 г.

2) Кризисы также регулярно наступаютъ въ періоды повышенія цѣнности денегъ, какъ и въ періоды ея пониженія (122).

3) Исторія кризисовъ показываетъ, что денежный и кредитный кризисъ не въ состояніи вызвать чувствительнаго паденія цѣнъ, если только условія производства и сбыта не даютъ къ этому основаній (127).

4) Періодическія движенія цѣнъ не только не вызываются измѣненіями абсолютной цѣнности денегъ, но, напротивъ, замедляются и умѣряются вторичными измѣненіями ея, такъ какъ цѣнность денегъ измѣняется въ томъ же направленіи (129).

Послѣднимъ утвержденіемъ г. Бунятянъ какъ будто и самъ призналъ, что на ряду съ медленными „вѣковыми" измѣненіями цѣнности денегъ возможны и погоднія колебанія цѣнности денегъ, но только эти погоднія колебанія являются не столько слѣдствіемъ измѣненій въ годичной добычѣ золота, сколько результатомъ факторовъ совершенно особаго порядка[1]). Что же касается его утвержденія, что цѣнность денегъ измѣняется въ томъ же направленіи, что и цѣны, то оно было бы чрезвычайно интересно и важно для дальнѣйшей разработки вопроса о кризисахъ, если бы были доказаны г. Бунятяномъ. Между тѣмъ такого доказательства въ книгѣ нѣтъ, если не считать нѣкоторыхъ отдѣльныхъ замѣчаній на этотъ счетъ (стр. 197). Къ тому же, если говорить объ этихъ отдѣльныхъ замѣчаніяхъ, то среди послѣднихъ есть и такія, которыя доказываютъ обратное (стр. 128—129 примѣч.).

Но будемъ считать, что это положеніе доказано и тѣ колебанія цѣнъ, которыя мы наблюдаемъ, имѣютъ свой корень въ измѣненіяхъ абсолютной цѣнности товаровъ и не только не вызываются колебаніями цѣнности денегъ въ противоположномъ направленіи, но даже умѣряются таковыми.

Какъ же тогда объяснить періодическія колебанія цѣнъ.

Отвѣтъ на это г. Бунятянъ даетъ на стр. 134—136.

„Мы напрасно бы, — говоритъ онъ, — стали искать причины внезапнаго паденія цѣнности... въ условіяхъ общественнаго потребленія". Общественный спросъ... величина чрезвычайно устойчивая. „Причину этого явленія мы должны искать во второмъ факторѣ — въ предложеніи, въ измѣненіи количества предлагаемыхъ благъ. При сильномъ увеличеніи количества благъ ихъ предѣльная полезность, а слѣдовательно и цѣнность понижается („ибо послѣднія количества этихъ благъ будутъ соотвѣтствовать менѣе интенсивной надобности въ нихъ"), напротивъ, послѣдняя должна

---

[1]) Въ связи съ этимъ и теряетъ свою убѣдительность 2-й пунктъ.

подняться при уменьшеніи количества благъ. „Эти-то колебанія общественной цѣнности благъ (въ связи съ колебаніями предложенія) и находятъ свое выраженіе въ періодическихъ колебаніяхъ ихъ цѣнъ“ (136).

Типичной же причиной такихъ колебаній въ предложеніи товаровъ являются обыкновенно колебанія въ распредѣленіи общественнаго дохода: концентрація и диффузія покупательной силы. Концентрація покупательной силы у производителей, по мнѣнію Бунятяна, неминуемо влечетъ за собой усиленную капитализацію (или „перекапитализацію“, какъ говоритъ г. Бунятянъ), слѣдствіемъ которой и является увеличеніе предложенія товаровъ ..., ихъ послѣдующее обезцѣненіе, наконецъ кризисъ. „Періодическіе экономическіе кризисы суть не что иное, какъ періоды насильственной, неожиданно наступившей декапитализаціи необыкновенныхъ размѣровъ“ (267), оказывающейся необходимой послѣ періодовъ форсированной капитализаціи, опирающейся на репродуктивное потребленіе.

„Періодъ расцвѣта съ высокими цѣнами... и періодъ депрессіи съ его низкими цѣнами“... суть двѣ стороны одного и того же феномена — перекапитализаціи.

Механизмъ періодическихъ колебаній г. Бунятянъ представляетъ себѣ слѣдующимъ образомъ:

1) Повышеніе цѣнъ какихъ-либо отдѣльныхъ продуктовъ, благодаря измѣненію условій спроса и предложенія. Поводомъ къ повышенію могутъ служить разныя обстоятельства... урожаи... новые рынки... изобрѣтенія (стр. 185).

2) Всякое такое „измѣненіе“ въ соотношеніи надобности и количества (повышеніе спроса) въ увеличенномъ масштабѣ отражается на цѣнности и цѣнахъ благъ (159).

3) Въ силу „естественнаго уравниванія цѣнностей и спекуляціи“ оно вызоветъ одновременно возрастаніе цѣнъ и другихъ благъ. „Въ результатѣ явится, во всякомъ случаѣ, общій подъемъ уровня цѣнъ и увеличенія цѣнности всей совокупности благъ“ (159).

4) Всякое повышеніе цѣнъ вызываетъ централизацію общественной покупательной силы въ рукахъ класса производителей и содѣйствуетъ накопленію капитала, т. е. доля производителей въ общественномъ доходѣ повысится, а доля потребителей соотвѣтственно понизится. Стремленіе къ накопленію, въ свою очередь, дѣлается факторомъ общаго прогрессивнаго повышенія, производя концентрацію спроса на производственныя блага.

5) „Капитализація безъ отвѣтственнаго повышенія потребленія скоро находитъ свои границы какъ по техническимъ, такъ и

по экономическимъ основаніямъ" (183—84)... результатомъ чего является перепроизводство и паденіе цѣнъ.

6) Обезпеченіе потребительныхъ благъ въ силу закона уравненія цѣнности дѣлается факторомъ общаго прогрессивнаго паденія цѣнъ и влечетъ за собой децентрализацію покупательной силы и диффузію спроса.

Какъ видно, въ основѣ этой новой теоріи — не будемъ сейчасъ рѣшать вопросъ, насколько она оригинальна — лежатъ: 1) законъ G. King'a, 2) „законъ выравниванія цѣнностей, въ силу котораго подъемъ или упадокъ цѣнъ одной категоріи благъ влечетъ общій подъемъ или упадокъ цѣнъ", и 3) законъ концентраціи и диффузіи покупательной силы при соотвѣтственныхъ подъемахъ и паденіяхъ цѣнъ.

Насколько же обоснованы эти законы.

Прежде всего законъ G. King'a. Г. Бунятанъ называетъ его „основнымъ закономъ колебаній общественной цѣнности и цѣнъ благъ". Ему кажется „страннымъ", что послѣдователи субъективной теоріи цѣнности не использовали этого закона въ полной мѣрѣ. Придавая, однако, такое большое значеніе этому закону, г. Бунятянъ почти никакъ не обосновываетъ его. Если оставить въ сторонѣ его малообоснованную ссылку на „поразительное соотвѣтствіе" закона G. King'a съ психо-физическимъ закономъ Вебера и Фехнера [1]), то остаются лишь одни факты. Однако и этихъ фактовъ нѣтъ. Эмпирическое обоснованія закона г. Бунятянъ замѣнилъ ссылкой на „авторитеты въ исторіи цѣнъ" Тука и Роджерса (145).

Такая ссылка наводитъ на сомнѣніе прежде всего потому, что работы Тука касаются анализа движенія цѣнъ въ XVI—XVIII вѣкахъ, т. е. того періода времени, когда даже въ Европѣ не были элементарно налажены пути сообщенія, когда не только еще нельзя говорить о міровомъ хозяйствѣ (которое и изслѣдуется г. Бунятяномъ), но даже и о національномъ капитализмѣ можно говорить лишь съ очень крупными оговорками.

То же должно сказать и о Роджерсѣ, къ тому же сосредоточи-

---

[1]) Самый законъ Вебера-Фехнера еще оспаривается психологами (напр. г. Эббингаусъ „Основы психологіи", т. I, вып. 2, стр. 77 и дальше). Однако, если его признать безспорнымъ, то и тогда въ высшей степени оспоримо распространеніе его на явленія соціальной оцѣнки и цѣнъ. Главныя возраженія противъ такого распространенія дѣлались въ литературѣ Орженцкимъ „Ученіе объ экономическомъ явленіи (1902); В. К. Дмитріевымъ: „Экономич. очерки" вып. I, проф. А. Д. Билимовичемъ и Max'омъ Weber'омъ въ его работѣ „Grentznutzlehre und das Psychophisische Gesetz" (Sombart's Archiv, 1908).

вающемъ свое изслѣдованіе, главнымъ образомъ, на сельско-хозяйственныхъ продуктахъ.

Итакъ, если бы законъ G. King'a и былъ доказанъ Тукомъ и Роджерсомъ, то распространять ихъ выводы на явленія позднѣйшаго мірового капитализма съ прекрасно налаженными средствами сообщенія и высокой техникой врядъ ли возможно.

Между тѣмъ и у цитированныхъ г. Бунятяномъ „авторитетовъ" законъ G. King'a ни въ коемъ случаѣ „статистически" не доказанъ. Въ самомъ дѣлѣ, для статистическаго доказательства этого закона нужны: во-первыхъ, замкнутый неизмѣнный и строго опредѣленный рынокъ, нужны детальныя данныя о движеніи цѣнъ на этомъ рынкѣ (ежедневныя, еженедѣльныя, но никакъ не среднія по четвертямъ года или тѣмъ болѣе годичныя среднія), наконецъ аналогичныя данныя о снабженіи рынка соотвѣтствующими продуктами.

Конечно, тотъ матеріалъ, который приведенъ у Тука и Роджерса, ни въ коей мѣрѣ не удовлетворяетъ этимъ требованіямъ. Совершенно неудовлетворительно съ точки зрѣнія современной статистической науки и использованіе этого матеріала для данной цѣли: тѣснота связи опредѣляется не вычисленіемъ соотвѣтствующихъ коэффиціентовъ корреляціи — пріемомъ единственно здѣсь пригоднымъ, а путемъ простого сопоставленія рядовъ. Впрочемъ, и таковое имѣетъ мѣсто, только въ весьма ограниченныхъ размѣрахъ и по отношенію къ сельско-хозяйственнымъ продуктамъ — максимально неэластичнымъ и далеко не свободно воспроизводимымъ (зависимость отъ урожая, размѣры котораго находятся внѣ воли человѣка). И распространять при такихъ обстоятельствахъ выводы, полученные на основаніи движенія цѣнъ сельско-хозяйственныхъ продуктовъ, на всѣ продукты, „свободно воспроизводимые", врядъ ли возможно.

Поэтому и Роджерсъ и особенно Тукъ, до извѣстной степени обобщая законъ G. King'a, все же высказываются съ большой осторожностью. Въ ихъ трудахъ мы находимъ скорѣе лишь идею обобщенія закона King'a, но отнюдь не доказанное обобщеніе.

Переходя къ фактамъ болѣе близкаго намъ періода времени, слѣдуетъ указать, что хотя статистическое изслѣдованіе, гдѣ таковое только возможно, и даетъ въ общемъ обратную зависимость между цѣнами и снабженіемъ мірового рынка, однако тѣснота этой зависимости сравнительно невелика (коэффиціенты корреляціи колеблются отъ —0,2 до —0,6). Есть одинъ довольно хорошій способъ провѣрки закона G. King'a — это мясная площадка въ крупныхъ городахъ. Въ трудахъ комиссіи по изученію современной дорого-

визны (вып. II, ст. 373), между прочимъ, приведены статистическія данныя и діаграмма о еженедѣльномъ движеніи цѣнъ на мясо на петроградскомъ и на московскомъ городскомъ скотопригонѣ въ связи съ колебаніями предложенія крупнаго рогатаго скота. Эти данныя опредѣленно показываютъ, что колебанія цѣнъ на мясо значительно слабѣе, чѣмъ колебанія предложенія скота на рынкѣ, и такимъ образомъ для мяса законъ King'а въ настоящее время уже не примѣнимъ. Если теперь вспомнить, что мясо принадлежитъ къ предметамъ потребленія сравнительно мало эластичнымъ (менѣе эластично только потребленіе хлѣба и соли) и большинство другихъ предметовъ потребленія отличается большей эластичностью (сахаръ, напитки, обувь, одежда, предметы роскоши), то можно сдѣлать единственный выводъ, что законъ для большинства товаровъ недѣйствителенъ, да и по отношенію къ сельско-хозяйственнымъ продуктамъ онъ теперь нуждается въ очень крупныхъ оговоркахъ. Онъ проявляетъ свою силу въ полной мѣрѣ лишь при чрезвычайныхъ обстоятельствахъ (напр. въ осажденной крѣпости), но никакъ не въ нормальныхъ условіяхъ современнаго мірового хозяйства.

Вторымъ основаніемъ, на которомъ покоится теорія г. Бунятяна, является, такъ называемый, законъ уравненія цѣнностей, гласящій, что „всякое измѣненіе цѣнъ единичныхъ благъ вызываетъ общее движеніе цѣнъ въ сторону первоначальныхъ измѣненій цѣнъ отдѣльныхъ благъ“ (157).

Однако и этотъ второй законъ, въ свою очередь вытекающій изъ закона King'а, у г. Бунятяна также крайне слабо обоснованъ. Авторъ правъ, когда говоритъ, что повышеніе цѣнъ отдѣльныхъ продуктовъ *можетъ* повлечь за собой общій подъемъ цѣнъ, но неизбѣжность такого общаго повышенія изъ его изложенія отнюдь не вытекаетъ. Авторъ слишкомъ кратко и односторонне освѣщаетъ тѣ процессы, которые развиваются на рынкѣ на почвѣ частичнаго измѣненія цѣнъ. Онъ, въ данномъ случаѣ, забываетъ одно изъ своихъ же собственныхъ основныхъ положеній, что, если благодаря значительному повышенію цѣнъ на какіе-либо продукты повышается покупательная способность потребителей этихъ продуктовъ, за счетъ которыхъ и произошло это повышеніе цѣнъ. Анализъ данныхъ какъ общій, такъ и спеціальный — бюджетной статистики потребленія показываетъ, что повышеніе цѣнъ на какіе-либо продукты (скажемъ на хлѣбъ, мясо) ведетъ при *прочихъ равныхъ условіяхъ* къ пониженію потребленія другихъ продуктовъ чаю, сахару. Это имѣетъ мѣсто не только по отношенію къ предметамъ непосредственнаго, но и „репродуктивнаго“ потре-

бленія (вздорожаніе сырья или топлива ведетъ нерѣдко къ меньшему потребленію и фабрикатовъ).

Такимъ образомъ, необходимость общаго повышенія цѣнъ у г. Бунятяна остается недоказанной. Но будемъ считать, что и этотъ второй законъ доказанъ г. Бунятяномъ. Въ такомъ случаѣ надлежитъ еще доказать, что всякое повышеніе общаго уровня цѣнъ, какъ правило, ведетъ къ концентраціи доходовъ (и спроса) и, наоборотъ, пониженіе цѣнъ — къ диффузіи доходовъ (и спроса).

Соображенія, которыми г. Бунятянъ подтверждаетъ свой взглядъ, сводятся къ слѣдующему:

„Въ современномъ хозяйственномъ строѣ цѣны являются важнѣйшими факторами распредѣленія".

„Измѣненіе общей цѣнности совокупности всѣхъ благъ... не означаетъ, конечно, увеличенія и уменьшенія общественнаго богатства. Колебанія общей цѣнности совокупности благъ являются лишь слѣдствіемъ оцѣнки общественнаго богатства, въ основаніе которой положены различныя единицы относительной цѣнности. Ибо относительная цѣнность, или покупательная сила денегъ уменьшается одновременно съ подъемомъ ихъ и увеличивается при паденіи ихъ. Подъемъ цѣнъ представляется намъ, такимъ образомъ, процессомъ дифференціаціи цѣнности благъ, направленной кверху на основаніи все уменьшающейся единицы относительной цѣнности, тогда какъ пониженіе цѣнъ представляется въ видѣ подобнаго же процесса дифференціаціи, но идущей книзу (159)".

Конечно, въ утвержденіи г. Бунятяна есть доля истины: наличность процесса перераспредѣленія цѣнностей въ періоды подъема и паденія цѣнъ и въ тѣсной зависимости отъ колебаній послѣднихъ врядъ ли подлежитъ сомнѣнію. Разумѣется, повышеніе цѣнъ ведетъ къ паденію реальнаго дохода тѣхъ группъ населенія, которыя получаютъ фиксированные доходы (чиновники, служащіе), а также и тѣхъ, доходы которыхъ, хотя и возрастаютъ, но въ меньшей пропорціи, чѣмъ цѣны. И, наоборотъ, отъ этого повышенія выигрываютъ производители, реализующіе свои продукты по повышеннымъ цѣнамъ.

Однако г. Бунятяну надлежитъ еще доказать, во-первыхъ, что это перераспредѣленіе можетъ быть квалифицируемо, какъ дифференціація кверху и книзу, во-вторыхъ, что эта дифференціація настолько рѣзко выражена, чтобы вызвать періодическія колебанія промышленности.

Къ сожалѣнію, никакихъ доказательствъ, кромѣ упомянутаго выше общаго положенія и нѣсколькихъ подстрочныхъ примѣчаній (напр. на стр. 192), мы не находимъ. Поэтому попытаемся самостоятельно выяснить эти вопросы.

Итакъ, происходитъ ли концентрація и диффузія доходовъ въ періоды колебаній цѣнъ. Дѣйствительно сильно увеличивается доходъ предпринимателей-капиталистовъ — растущіе дивиденды [1]) представляютъ тому наглядное доказательство. Однако такое увеличеніе доходовъ предпринимателей происходитъ отнюдь не за счетъ рабочаго класса, какъ предполагаетъ г. Бунятянъ (см. стр. 190). Послѣдній даже выигрываетъ отъ подъема. Паденіе реальнаго дохода класса рабочихъ (во время подъема) выводится изъ сопоставленія колебаній общаго уровня цѣнъ съ соотвѣтствующими колебаніями уровня заработной платы. Въ періодъ подъема цѣны поднимались выше, чѣмъ заработанная плата и, наоборотъ, при застоѣ плата падала меньше, чѣмъ цѣна товаровъ. Такъ, по даннымъ для Англіи за періодъ съ 1851 по 1907 г. повышеніе цѣнъ достигало 17%, а пониженіе — 16%; для заработной платы же повышеніе составило 12%, а паденіе — 3%. Отсюда и дѣлается выводъ о паденіи реальной заработной платы въ періодъ промышленнаго подъема и повышенія ея въ періодъ депрессіи. Однако такой методъ доказательства вызываетъ серьезныя сомнѣнія. Для того, чтобы рѣшить данный вопросъ, нужно сопоставлять движеніе заработной платы не съ общимъ index-number'омъ цѣнъ, а съ бюджетнымъ index'омъ т.-е. съ колебаніями цѣнъ лишь тѣхъ продуктовъ, которые входятъ въ составъ расходнаго бюджета рабочаго класса. Очевидно, сюда не войдутъ цѣны на чугунъ, желѣзо и другіе металлы, — но войдутъ цѣны на хлопокъ и другое сырье, т.-е. продукты, какъ разъ дающіе наибольшія колебанія цѣнъ, что явствуетъ изъ приводимой ниже таблицы.

Средняя интенсивность колебаній цѣнъ.

	Среднее повышеніе цѣнъ въ періодъ подъема.	Среднее пониженіе цѣнъ въ періодъ депрессіи.
Общій	17%	16%
Предметы питанія.	17%	14,5%
Минеральная группа	36%	24%
Чугунъ	53%	33%

Какъ извѣстно, болѣе половины рабочаго бюджета даютъ расходы на пищу, въ томъ числѣ на животную пищу, которая даетъ слабыя колебанія цѣнъ, и на напитки и на наркотики, цѣны на которые непрерывно понижались и ни въ какой связи съ колеба-

[1]) См. Prof. Attalion, „Des Crises Périodiques“, I—II и Prof. Lescure, „Des cries périodiques et génerales“, его же „Hausses et baisses génerales des prix“, 1913.

ніями промышленности не стоятъ. Затѣмъ около 15—16$^0/_0$ рабочаго бюджета приходится на одежду; наконецъ, около 12 — 15$^0/_0$ на расходы на квартиру. Если такимъ образомъ вычесть бюджетный index изъ этихъ продуктовъ, принимая во вниманіе ихъ относительное значеніе въ рабочемъ бюджетѣ (органическое строеніе рабочаго бюджета), то получимъ среднее вздорожаніе рабочаго бюджета въ періодъ подъема не болѣе, чѣмъ на 5—6$^0/_0$. Если же принять во вниманіе колебанія безработицы, которая очень сокращается въ періодъ подъема, то тогда будетъ еще болѣе несомнѣннымъ, что рабочій классъ въ его цѣломъ не только не проигрываетъ отъ подъема промышленности, но опредѣленно выигрываетъ. Его рельный доходъ измѣняется прямо пропорціонально колебаніямъ промышленности.

Такимъ образомъ, остаются „владѣльцы облигацій съ твердымъ доходомъ, пенсіонеры, служащіе въ частныхъ и общественныхъ учрежденіяхъ, лица либеральныхъ профессій, т. е. лица съ независимыми отъ колебаній индустріи и почти неподвижными доходами.

Послѣднія группы населенія, какъ потребители, конечно, страдаютъ отъ повышенія цѣнъ на продукты и выигрываютъ отъ паденія послѣднихъ. Чтобы выяснить размѣры колебаній реальныхъ доходовъ этихъ группъ населенія въ связи съ колебаніями конъюнктуры и ихъ вліяніе на народное хозяйство въ его цѣломъ, нужно знать; 1) органическое строеніе расходной части ихъ бюджета, 2) колебанія цѣнъ на продукты, входящіе въ составъ ихъ расходнаго бюджета, и 3), наконецъ, „удѣльный вѣсъ" означенныхъ группъ населенія, т. е. процентное отношеніе къ общему количеству населенія и къ общему доходу страны.

Что касается перваго вопроса, то хотя бюджеты среднихъ классовъ населенія и рантьеровъ и мало изучены, мы все же и на основаніи имѣющихся матеріаловъ можемъ до извѣстной степени грубо опредѣлить органическое строеніе бюджетовъ этихъ группъ населенія. Сопоставленіе бюджетовъ служащихъ и среднихъ классовъ съ рабочими бюджетами во всякомъ случаѣ показываетъ, что на нихъ еще въ меньшей степени отражается повышеніе цѣнъ въ періоды подъема, чѣмъ на рабочихъ. Впрочемъ, ради осторожности мы можемъ по отношенію къ этимъ группамъ населенія принять расчеты, сдѣланные для рабочихъ, и считать, что ихъ бюджетъ также повышается въ періодъ подъема на 5—6$^0/_0$. Въ такомъ случаѣ реальный доходъ этихъ группъ дѣйствительно падаетъ въ періодъ подъема приблизительно на тѣ же 5—6$^0/_0$.

Однако, принимая во вниманіе, что эти группы населенія составляютъ сравнительно очень незначительный процентъ самодѣя-

тельнаго населенія, — въ среднемъ около 6—7%, — мы смѣло можемъ сказать, что эти сдвиги въ общихъ колебаніяхъ народнаго дохода играютъ очень незначительную роль. Если и происходитъ благодаря различной эластичности спроса и предложенія различныхъ благъ значительное перераспредѣленіе цѣнностей въ связи съ колебаніями промышленности, то затрагиваетъ оно въ гораздо большей степени отдѣльныя группы производителей (доходы производителей сырья возрастаютъ до извѣстной степени за счетъ производителей полуфабрикатовъ и готовыхъ продуктовъ), чѣмъ потребителей готовыхъ продуктовъ.

Помимо приведенныхъ выше соображеній это доказывается и колебаніями потребленія различныхъ продуктовъ.

Повышеніе непосредственнаго потребленія различныхъ продуктовъ, въ періодъ подъема, данныя подоходной статистики и цѣлый рядъ другихъ признаковъ опредѣленно показываютъ, что наиболѣе характернымъ при колебаніяхъ промышленности является не концентрація и диффузія доходовъ, а общее повышеніе доходовъ въ періодъ подъема и общее паденіе въ періодъ депрессіи.

И такое общее увеличеніе доходовъ въ періодъ подъема является не столько слѣдствіемъ увеличенія цѣнъ и не столько за счетъ потребителей, сколько въ результатѣ увеличенія оборотовъ.

Въ сравнительно недавно вышедшей статьѣ въ „Revue d'économie internationale" (май, 1914) Лескюръ путемъ тонкаго статистическаго анализа доказываетъ, что повышеніе прибыли въ періодъ подъема происходитъ не отъ повышенія цѣнъ товаровъ, а отъ увеличенія оборота; онъ даже статистически доказываетъ, что какъ разъ тѣ предпріятія давали наивысшую прибыль, которыя продаютъ свои продукты или услуги по установленной цѣнѣ по опредѣленной таксѣ, напримѣръ трамваи, желѣзныя дороги, предпріятія электрическаго освѣщенія. Это какъ нельзя болѣе убѣждаетъ въ неправильности утвержденій г. Бунятяна. И самъ авторъ на стр. 133 заявляя, что „первичная причина измѣненій цѣнъ должна лежать внѣ условій распредѣленія", тѣмъ самымъ призналъ, что „концентрація и диффузія доходовъ и спроса" не могутъ объяснить періодическихъ колебаній промышленности, и такимъ образомъ какъ бы самъ опровергъ свою теорію.

Итакъ, г. Бунятянъ не разрѣшилъ поставленной имъ задачи. Его систематика кризисовъ неудовлетворительна. Также неудовлетворительна и его теорія періодическихъ капиталистическихъ кризисовъ: автору совершенно не удалось доказать и объяснить періодичность кризисовъ.

Но если г. Бунятянъ и не разрѣшилъ этой исключительной

сложности проблемы, то все же его трудъ имѣетъ, несомнѣнно очень большую научную цѣнность.

Прежде всего интересны его описанія отдѣльныхъ формъ проявленія экономическихъ кризисовъ, свидѣтельствующія о глубокомъ знакомствѣ автора съ изучаемымъ имъ вопросомъ. Далѣе весьма цѣнна критическая часть, въ частности оригинальная и сильная критика теоріи „недостатка капитала". И здѣсь особенно любопытны его положенія относительно накопленія и помѣщенія капитала (стр. 212—223), къ которымъ, кстати сказать, въ послѣднее время примкнули prof. Herkner, Atfalion, Lescure и Esslen. Очень большое самостоятельное значеніе имѣютъ страницы, посвященныя вопросу о цѣнности денегъ.

Наконецъ, и положительная часть труда г. Бунятяна, не давая законченнаго и строго обоснованнаго отвѣта на поставленный вопросъ, несомнѣнно, имѣетъ большую цѣнность, какъ новая, оригинальная и по существу правильная постановка вопроса. Его основная мысль о необходимости изученія хозяйственной конъюнктуры въ связи съ теоріей цѣнности, въ частности съ психологической теоріей, открываетъ правильный и, думается намъ, плодотворный путь для новыхъ изслѣдованій въ этомъ направленіи.

С. Первушинъ.

РАСКОЛЪ ВЪ КАТОЛИЧЕСКОМЪ МІРѢ.

Ни одна война въ прошломъ не знаменовала собою столкновенія стольких противоположностей, не захватывала столь глубоко сознанія враждующихъ націй, какъ война современная. Почти тотчасъ же за открытіемъ военныхъ дѣйствій борьба перекинулась на идейную почву, найдя свое наиболѣе яркое выраженіе въ знаменитомъ манифестѣ 93 представителей нѣмецкой науки и искусства и отповѣди на тотъ манифестъ изъ противоположнаго лагеря. Чѣмъ дальше, тѣмъ больше и больше столкновеніе политико-экономическихъ интересовъ пріобрѣтало характеръ идейный и, наконецъ, серьезно возникъ вопросъ: да не религіозная ли это война? Дѣйствительно, становилось все яснѣе, что столкнулись если не два догмата вѣры, какъ въ доброе старое время, то два догмата морали, два противоположныхъ нравственныхъ міросозерцанія, — „старый нѣмецкій богъ“ какъ будто вступилъ въ конфликтъ со Христомъ.

Католическіе круги Франціи и Германіи всего болѣе способствовали углубленію борьбы въ этомъ направленіи; самая борьба велась горячо и еще не закончилась. Мы хотимъ отмѣтить ея главнѣйшіе этапы.

Здѣсь, какъ и во всемъ въ настоящей войнѣ, начало было положено Германіей. Въ концѣ 1914 г, вышли книги профессоровъ католическаго богословія въ Падербонѣ Норберта Петерса (Der Krieg des Herrn, Paderborn 1914) и Шрерса изъ Бонна (Der Krieg und Katholicismus), при чемъ сочиненіе послѣдняго нарочито было переведено на нѣсколько языковъ. И тотъ и другой одинаково находили, что современная борьба есть борьба высшей культуры съ культурой низшей, и одинаково противополагали „здоровый нравственный организмъ Германіи „сгнившей“ Франціи, сильный нѣмецкій католицизмъ безпомощному католицизму французскому. Петерсу, кромѣ того, еще казалось, что союзники должны погибнуть отъ „лезвея меча“, какъ нѣкогда погибли „египитяне, амаликитяне, моавитяне, хананеи, филистимляне и асирійцы, вавилоняне и сирійцы“... — Дорогу народу Господню! — требовала его книга.

Вызовъ былъ немедленно принятъ. Во Франціи образовался „католическій комитетъ французской пропаганды за границей“, во главѣ котораго стали два высшихъ прелата республики — кардиналъ Аметтъ (Amette), архіепископъ парижскій, и кардиналъ Люсонъ, архіепископъ реймсскій. Коммерческіе круги сдѣлались его экономическимъ базисомъ. Вокругъ комитета объединились всѣ наиболѣе крупные дѣятели католической Франціи; по подпискѣ были собраны значительныя денежныя средства, и въ первые же мѣсяцы 1915 г. приготовленъ коллективный трудъ — „La guerre allemande et le catholicisme“. Директоръ исполнительнаго комитета, выдѣленнаго „комитетомъ пропаганды“, Бодрильяръ, Франсуа Вейльо (Veuillot) и Жоржъ Гуайо приняли участіе въ ея составленіи; кардиналъ Аметтъ предпослали сборнику свое введеніе. Альбомъ фотографическихъ снимковъ иллюстрировалъ методы „германской войны“. Переводъ на нѣсколько иностранныхъ языковъ долженъ былъ обезпечить широкое распространеніе книгѣ, которая дѣйствительно и разошлась въ самое непродолжительное время болѣе чѣмъ въ 75 тысячахъ экземпляровъ. Цѣлый рядъ значительныхъ книгъ, трактатовъ и брошюръ послѣдовали за сборникомъ. Ежемѣсячные отчеты для членовъ комитета и отчеты на трехъ языкахъ для нейтральныхъ странъ должны были дать представленіе о дѣятельности комитета въ ея цѣломъ. За 1915 г. въ общей сложности комитета было пущено въ оборотъ до $1^1/_2$ милліона печатныхъ изданій (La Revue hebdomadaire, 8 avr. 1916. Vaudrillart—Notre propagande). Пропаганда, поднятая во имя принципа Curam habe de bono nomine, провозглашеннаго кардиналомъ Аметтомъ, отъ обороны быстро перешла въ наступленіе. Авторы убѣдительно доказывали нейтральнымъ католикамъ, что ни духъ христіанства, ни католическая церковь не выиграютъ отъ побѣды центральныхъ имперій; яркими фактами подтверждали они мысль, что принципы и дѣйствія Германіи, а не Франціи, въ настоящей войнѣ противны католичеству и христіанству: Германія начала кровавую распрю и нарушила нейтралитетъ Бельгіи, Германія объявила войну церквамъ и памятникамъ искусства, Германія истребляла мирное населеніе и избивала служителей церкви, она, а не Франція, превращаетъ борьбу въ религіозную войну. Германскіе католики претендуютъ на исключительную вѣрность принципамъ католицизма, но вѣроисповѣдные интересы „католическаго центра“ рейхстага давнымъ давно были принесены въ жертву богу воинствующаго націонализма, и не имъ, поклонникамъ государя, призвавшаго мусульманъ къ священной борьбѣ съ христіанскими народами, заподозривать вѣру сыновъ „старшей дочери католической церкви.“

Французская отповѣдь произвела огромное впечатлѣніе и въ нейтральныхъ странахъ, и въ Германіи. Сотни газетъ такъ или иначе отнеслись къ коллективному труду дѣятелей „комитета“. Кардиналы Беттингеръ, архіеп. мюнхенскій, и Гартманъ, архіеп. кёльнскій, въ торжественномъ посланіи къ императору назвали книгу „La guerre allemande“, несмотря на то, что она вышла съ благословенія двухъ французскихъ кардиналовъ, „клеветою на нѣмецкое отечество и его славную армію“, отъ имени нѣмецкаго епископата выразили по поводу ея „горестное негодованіе“ и обѣщали пожаловаться папѣ, чего, впрочемъ, не сдѣлали. Потокъ газетныхъ статей и памфлетовъ, подписанныхъ именами нѣмецкихъ католиковъ, сопровождался коллективными протестами и манифестами. Доктора Бахемъ изъ Кёльна, Финке изъ Франкфурта, Алоисъ Шульцъ изъ Бонна, Бринъ изъ Фрейбурга, Розенбергъ изъ Падерборна, Видманъ изъ Дюссельдорфа, Пфейферъ изъ Мюнхена и т. д. заполняли длинные столбцы въ „Kölnische Zeitung“, „Kölnische Volkszeitung“, „Norddeutsche Zeitung“ и др., сочиняли длинныя статьи въ Teologie und Glaube. Семьдесять семь виднѣйшихъ католическихъ дѣятелей изъ политическаго міра, магистратуры и профессуры въ коллективномъ манифестѣ выразили свое негодованіе по поводу книги „La guerre allemande et le catholicisme“. „Намъ, нѣмецкимъ католикамъ, — писали авторы манифеста, — въ высшей степени прискорбно констатировать, что вѣрующіе той же самой церкви... проповѣдуютъ дикую ненависть... національная страсть привела къ оскорбленію одновременно и истины, и справедливости. Эта ненависть ставитъ въ упрекъ Германіи преступленія и жестокости, изъ которыхъ ни одно въ дѣйствительности не доказано неопровержимымъ образомъ; она называетъ жестокостями то, что въ сущности было законной защитой противъ вольныхъ стрѣлковъ“ (francs-tireurs); она преувеличиваетъ единичные факты, злоупотребляя обобщеніями... Мы торжественно провозглашаемъ нашъ протестъ противъ обвиненія нашихъ солдатъ и всего нашего народа въ варварствѣ“... Авторы манифеста заявили подъ конецъ, что они „поручили составленіе... отвѣта человѣку, чувствующему себя свободнымъ отъ всякагс предубѣжденія противъ Франціи и который будетъ служить исключительно истинѣ“. Этимъ избранникомъ оказался докторъ Розенбергъ, который дѣйствительно и выступилъ вскорѣ съ книгой „Der deutsche Krieg und der Katholicismus“. Профессора богословскаго факультета въ Падерборнѣ, съ своей стороны, составили трудъ — „Der deutshe Katholicismus im Weltkrieg“, которому было предпослано предисловіе Шультэ, епископа падерборнскаго. Заявили о себѣ и военныя власти: ввозъ и

продажа книги и альбома къ ней были запрещены подъ угрозой нѣсколькихъ лѣтъ тюремнаго заключенія. Наконецъ, при католическомъ университетѣ во Фрейбургѣ (in Bresgau) была образована спеціальная комиссія, которая и выпустила въ свѣтъ томъ большого формата, болѣе чѣмъ въ 500 страницъ, подъ общей редакціей проф. Пфейльшифтера при сотрудничествѣ 19 другихъ лицъ, среди которыхъ, между прочимъ, оказался и епископъ Шнейра. Трудъ получилъ общее названіе „Die deutsche Kultur, Katholicismus und der Weltkrieg“ (Freib. in Bresgau, 1915) и спеціально предназначался для опроверженія французскаго сборника. Переводъ на шесть иностранныхъ языковъ долженъ былъ помочь распространенію книги. Упомянутое сочиненіе Розенберга въ существенныхъ пунктахъ идентично съ содержаніемъ этого коллективнаго труда.

Авторы усвоили себѣ весьма скромный тонъ. Они имѣли въ виду не нападать, а только защищаться, конечно, поскольку защита возможна безъ нападенія. Они сожалѣютъ, что имъ придется бросить французкимъ католикамъ упрекъ въ томъ, что тѣ начали раздоры на религіозной почвѣ. Они отрицаютъ виновность германскаго императора и народа въ возникновеніи войны, а бельгійскій нейтралитетъ нарушили сами бельгійцы, французы и англичане. Въ борьбѣ „за правое дѣло“ были допущены жестокости, но виноватыми оказывались обычно противники нѣмцевъ. Отдѣльные случаи недисциплинированности, конечно, были возможны, — вѣдь въ милліонныхъ арміяхъ всегда есть элементы, мѣсто которымъ въ исправительномъ домѣ, но вся армія въ цѣлости не можетъ быть обвинена ни въ жестокости, ни въ кощунствѣ, ни въ святотатствѣ, а благочестіе въ нѣмецкихъ войскахъ, какъ показываетъ спросъ на „слово Божіе“, пожалуй, повыше, чѣмъ у французовъ. У нѣкоторыхъ нѣмецкихъ писателей, вѣроятно, найдутся мысли, которымъ можно придать неблагопріятный для нѣмцевъ смыслъ, но нравственный обликъ нѣмецкаго народа не можетъ быть затемненъ писаніями нѣсколькихъ неуравновѣшенныхъ людей. Французскимъ католикамъ, быть можетъ, слѣдуетъ припомнить лучше о своихъ писателяхъ, начиная съ Вольтера и кончая сторонниками акта объ отдѣленіи церкви отъ государства. Быть можетъ, имъ слѣдовало бы также вспомнить, какъ нѣсколько ранѣе Жоржъ Гуайо привѣтствовалъ въ нѣмецкомъ католическомъ центрѣ побѣдоносную моральную силу. Пусть французскіе католики знаютъ, что этотъ центръ попрежнему стоитъ на стражѣ католическихъ интересовъ въ Германіи, которымъ, впрочемъ, здѣсь никто и не угрожаетъ и всѣхъ менѣе, быть можетъ, ненавистный французамъ, но ими, нѣмцами, высокочтимый императоръ. Французскіе католики будто совсѣмъ забыли, что ихъ

отечество идетъ теперь рука объ руку со схизматической Россіей и протестантской Англіей. Неужели судьбы католиковъ-поляковъ и уніатовъ-русинъ перестали интересовать французовъ? Неужели они забыли, что дорогіе для католиковъ интересы для англичанъ оставались и остаются не болѣе какъ просто popery? Откуда же, наконецъ, вся эта злоба противъ нѣмецкихъ католиковъ, откуда это неудержимое стремленіе запятнать ихъ нравственную личность, втоптать въ грязь великій нѣмецкій народъ? Отвѣтъ очень простой. Французы отъ природы — оптимисты, но на полѣ сраженій были нанесены страшные удары этому оптимизму; тогда они озлобились, и результатомъ этой безсильной ярости и была книга „La guerre allemande et le catholicisme".

На газетныя статьи нѣмецкихъ докторовъ французскіе католики тотчасъ же отвѣтили дождями своихъ статей въ различныхъ періодическихъ изданіяхъ, а на общемъ засѣданіи комитета 12 іюня 1915 г. былъ заслушанъ и принятъ отвѣтъ и на манифестъ 77-ми. „Господи, благодарю Тебя, что я не таковъ, какъ всѣ остальные люди, — въ этой евангельской фразѣ заключается, кажется, вся суть манифеста 77 нѣмецкихъ католиковъ"... — писали составители отвѣта. „Они обвиняютъ насъ въ томъ, что мы отвергли духъ примиренія и любви, которыми они преисполнены... Но между подписями находится и имя М. Эрцбергера, депутата центра, оратора своей партіи, который недавно выражалъ желаніе „видѣть уничтоженнымъ весь Лондонъ", который требовалъ, чтобы „ничто не было пощажено, ни женщины, ни дѣти, ни старики, ни церкви ни общественныя и частныя постройки, ни какая бы то ни было другая собственность", который усвоилъ себѣ отвратительный софизмъ: „Чѣмъ болѣе безжалостна и жестока война, тѣмъ болѣе она человѣчна". Вы упрекаете авторовъ книги (La guerre allemande), что они приписали нѣмцамъ „воззрѣніе на войну и цивилизацію, которое имъ не принадлежитъ". Эти авторы цитировали только вашихъ наиболѣе знаменитыхъ мыслителей, вашихъ военныхъ писателей, вашихъ государственныхъ людей, — вы отказываетесь отъ нихъ? Нѣтъ, потому что вы заставляете подписывать вашъ манифестъ М. Эрцбергера, который говорилъ подобно имъ... Вы не опровергаете нашихъ утвержденій... Подобно редакторамъ манифеста 93 нѣмецкихъ интеллигентовъ, которые говорили: „неправда!", вы говорите: „неправдоподобно!"... „или вы прибѣгаете къ легендамъ, много разъ опровергнутымъ о такъ называемыхъ вольныхъ стрѣлкахъ... Наше дѣло — не дѣло ненависти, но дѣло справедливости и истины... Не вамъ упрекать насъ въ чрезмѣрномъ національзмѣ... Съ твердостью, но спокойно, мы

будемъ продолжать утверждать предъ нашими братьями изъ нейтральныхъ странъ, что католическая церковь не заинтересована въ вашей побѣдѣ"...

Обѣщаніе было исполнено весьма быстро. Уже въ концѣ 1915 г. началъ печататься и въ началѣ 1916 выпущенъ былъ комитетомъ французской католической пропаганды „новый коллективный трудъ „L'Allemagne et les alliês devant la conscience chrétienne" въ отвѣтъ и опроверженіе нѣмецкихъ возраженій. Кажется, нѣтъ ни одного факта, ни одного соображенія, приведенныхъ нѣмецкими авторами, которые не были бы разсмотрѣны составителями сборника. Обвиненіе въ иниціативѣ возбужденія книжной войны и перенесенія спора на почву религіи было опровергнуто Бодрильяромъ въ предисловіи. Въ большой главѣ „La France et l'Allemagne devant la doctrine chrêtienne" Шапонъ, епископъ ниццскій, показалъ, что за всею настоящей войной съ ея жестокостями и безсмысленнымъ разрушеніемъ со стороны германцевъ кроется опредѣленная доктрина, которая ихъ освящаетъ и направляетъ. Культура и милитаризмъ Германіи тѣсно связаны другъ съ другомъ, а пангерманизмъ сдѣлался міросозерцаньемъ, философіей и религіей. Вѣра въ свое „сверхчеловѣчество", избраничество Божіе, въ свою побѣду, какъ „метафизическую небходимость", — отголосокъ еще гегелевскаго пангерманизма. Отсюда же проистекаетъ и доктрина, что „хороши всѣ средства", которыя ведутъ къ тріумфу Германіи. Богъ, котораго германскій императоръ называетъ „своимъ союзникомъ", — не христіанскій Богъ, а его религія — наихудшее изъ нечестій, потому что она отвергаетъ христіанскій идеалъ, христіанскую мораль и не знаетъ другой церкви, кромѣ государства. Франція, несмотря на всѣ свои ошибки, въ гораздо большей степени служитъ принципамъ христіанства. И кто знаетъ, — быть можетъ „union sacrêe" „не является только временнымъ единеніемъ предъ лицомъ врага, но началомъ, наброскомъ истиннаго и окончательнаго единенія въ вѣчной благости Божіей".

Лантакъ де Лабори и Дени Кошенъ еще разъ возвратились къ вопросу о виновникахъ войны и нарушенія бельгійскаго нейтралитета и еще разъ подчеркнули виновность Германіи и одной только Германіи. Жанвье разсмотрѣлъ теорію христіанской войны и показалъ, что дѣянія германскихъ солдатъ, дѣйствовавшихъ по сознательнымъ приказаніямъ офицеровъ, всего менѣе соотвѣтствуютъ принципамъ этой теоріи. Антуаръ дополнилъ картину изображеніемъ режима военноплѣнныхъ въ Германіи и Франціи.

Эдмонъ Блу далъ замѣчательный и обстоятельно документированный очеркъ эволюціи политики католическаго центра, который

онъ называетъ „новымъ центромъ", отмѣчая принципіальное различіе въ воззрѣніяхъ его нынѣшнихъ представителей по сравненію съ его старыми вождями. Шагъ за шагомъ слѣдитъ онъ за его измѣной старымъ принципамъ и зарожденіемъ въ его средѣ самыхъ худшихъ націоналистическихъ, милитаристическихъ, антикатолическихъ и шовинистическихъ тенденцій. Шагъ за шагомъ отмѣчаетъ онъ трансформацію ихъ идеологіи для того, чтобы спросить въ концѣ главы: „а не перестали ли представители центра быть католиками?" Трансформація политики „католическаго" представительства въ рейхстагѣ, впрочемъ, была въ значительной мѣрѣ лишь отраженіемъ измѣненій, совершавшихся въ нѣдрахъ католическихъ ассоціацій, какъ „христіанскіе синдикаты" Volksverein.

Въ приложеніяхъ къ сборнику данъ значительный матеріалъ, подтверждающій и иллюстрирующій текстъ. Составители хотѣли подчеркнуть, что они опираются на факты, а не утверждаютъ и не отрицаютъ только, подобно ихъ противникамъ. Новый альбомъ фотографическихъ снимковъ долженъ былъ служить той же цѣли.

Заканчивая обзоръ, можно указать еще на небольшую книжку Гуайо (Goyau) „Les catholiques allemands et l'empire évangèlique" 1917, которая является, въ сущности, расширеніемъ одной изъ главъ перваго французскаго сборника, написанной авторомъ. Здѣсь данъ исчерпывающій отвѣтъ на недоумѣніе одного изъ составителей книги „Die deutsche Kultur, Katholicismus und der Weltkrieg" по поводу перемѣны взглядовъ Гуайо на католическій центръ. — Этотъ центръ съ нѣкотораго времени можетъ называться евангелическимъ, націоналистическимъ, патріотическимъ, или какъ угодно иначе, но только не католическимъ, а были дѣйствительно славныя времена, когда вдохновитель Kulturkampf'а капитулировалъ предъ его представителями.

Приведеннаго матеріала болѣе чѣмъ достаточно, чтобъ уразумѣть всю глубину раскола, раздѣлившаго передовыхъ католическихъ дѣятелей обѣихъ странъ на два враждебныхъ лагеря. Въ борьбѣ находятся два міра идей, при чемъ носители того и другого одинаково убѣждены, что только отъ побѣды истины зависитъ духовное будущее человѣчества. И тѣ и другіе одинаково увѣрены, что эта истина на ихъ сторонѣ. Очевидно, что подъ одними и тѣми же словами съ той и другой стороны разумѣются не однѣ и тѣ же вещи. У противниковъ нѣтъ общаго идеала, какъ нѣтъ и общаго языка.

Расколъ подготовлялся годами, но его сразу и рѣзко вскрыла война. Гдѣ найти почву для будущаго сближенія? — Австрійскіе католики остались внѣ спора, а потому и внѣ подозрѣнія. Да и въ

самой Германіи французскіе оппоненты склонны признать наличность болѣе или менѣе значительнаго числа подлинныхъ католиковъ — въ глубинахъ части народныхъ массъ, въ высшихъ представителяхъ церкви, быть можетъ. Отсюда робкая надежда на выходъ: „Нѣмецкимъ католикамъ необходимо отказаться отъ поисковъ въ Берлинѣ за наукой добра и зла... И быть можетъ, если вѣрить слухамъ, въ сердцѣ баварскихъ толпъ уже начинаетъ пробуждаться нѣкое сожалѣніе (je ne sais quel regret) о времени, когда Баварія, въ качествѣ одного изъ членовъ Священной католической имперіи съ Вѣною во главѣ, избѣгала всякаго духовнаго порабощенія, всякаго угнетенія совѣсти, наложеннаго евангельскимъ суверенитетомъ Гогенцоллерновъ“ (Goyau, Les catholiques allemands et l'empire évangèlique, p. 70).

Н. Соколовъ.

НѢМЕЦКАЯ ПРОПАГАНДА ВЪ ШВЕЙЦАРІИ.

I.

„Въ нашемъ XX столѣтіи существуютъ два способа веденія войны: война въ печати и война пулеметами, летательными аппаратами, подводными лодками и другими орудіями разрушенія", — говоритъ предисловіе одной нѣмецкой брошюры, изданной въ Берлинѣ и предназначенной для распространенія въ нейтральныхъ странахъ. И нѣмцы ни на минуту не упускаютъ этого изъ виду и на ряду съ военными дѣйствіями, развертывающимися на всѣхъ театрахъ войны, все время ведутъ войну въ печати, распространяя въ нейтральныхъ странахъ безконечное количество печатнаго матеріала, направленнаго противъ ихъ враговъ, при чемъ эту войну они понимаютъ въ самомъ широкомъ смыслѣ и одновременно съ ней ведутъ хорошо организованную и поставленную на самую широкую ногу печатную кампанію, чтобы привлечь на свою сторону нейтральныя страны.

Объ этой нѣмецкой пропагандѣ въ печати говорилось уже много, и она не разъ привлекала вниманіе прессы союзныхъ странъ. Разбирать эту пропаганду во всѣхъ нейтральныхъ государствахъ было бы немыслимо по огромному количеству и разнообразію матеріала, а потому я долженъ ограничиться одной только Швейцаріей.

Не говоря уже о различныхъ книгахъ, брошюрахъ и журналахъ, предназначенныхъ для продажи въ нейтральныхъ странахъ, Германія ежедневно переправляетъ изъ Берлина и печатаетъ въ различныхъ городахъ нѣмецкой Швейцаріи цѣлую массу книгъ и брошюръ, которыя разсылаются безплатно по всей Швейцаріи и высылаются по первому же требованію всѣмъ интересующимся лицамъ. Трудно сказать, кто и какъ организуетъ эту пропаганду, — надо думать, что центральное управленіе этой хорошо организованной системы находится въ Берлинѣ, откуда оно руководитъ дѣятельностью главныхъ бюро въ каждой нейтральной странѣ. Въ Швей-

царіи это главное бюро скрывается подъ таинственнымъ адресомъ: Цюрихъ, почтовый ящикъ такой-то. И этотъ почтовый ящикъ охотно отзывается на всякій запросъ и присылаетъ по первому же требованію кипу разнообразнаго печатнаго матеріала, считая своимъ долгомъ напоминать о себѣ и впослѣдствіи, періодически присылая всѣ новинки въ этой области.

Значительная часть населенія Швейцаріи говоритъ по-нѣмецки, и такимъ образомъ Германія можетъ распространять здѣсь всѣ книги и журналы, издающіеся въ Германіи. Для французской Швейцаріи вопросъ обстоитъ гораздо сложнѣе: всѣ книги и журналы, предназначенные для пропаганды, приходится печатать по-французски, а кромѣ того надо считаться съ тѣмъ, что симпатіи громаднаго большинства населенія французской Швейцаріи находятся на сторонѣ Франціи и ея союзниковъ. И потому-то матеріалы для пропаганды во французской Швейцаріи особенно многочисленны, несмотря на всѣ трудности, сопряженныя съ изданіемъ книгъ на чужомъ языкѣ.

Какія же задачи ставитъ себѣ эта пропаганда?

Этихъ задачъ много, но главнѣйшихъ изъ нихъ всего четыре, и всѣ остальныя можно подвести подъ одну изъ этихъ четырехъ рубрикъ. Прежде всего нѣмцы стараются показать мощь и величіе Германіи и ея союзниковъ; затѣмъ они стремятся дискредитировать державы четверного согласія и показать, что ужъ, конечно, побѣдятъ ихъ и заставятъ подчиниться своей волѣ. Третья задача — это оправдать тѣ или иные свои поступки и дѣйствія, которые вызывали общее негодованіе не только во враждебныхъ державахъ, но и въ нейтральныхъ странахъ; и, наконецъ, четвертая — такъ или иначе показать, что державы согласія въ томъ или иномъ случаѣ поступаютъ совершенно неправильно, что онѣ далеки отъ той роли, которую хотятъ себѣ присвоить, что онѣ не покровительницы малыхъ державъ и народовъ а, наоборотъ, угнетательницы.

Во всѣхъ этихъ попыткахъ они ставятъ своимъ девизомъ: „цѣль оправдываетъ средства", и, ужъ, конечно, не останавливаются ни передъ какими средствами, будетъ ли то удачная подтасовка фактовъ, или же простое искаженіе ихъ.

II.

Перейдемъ теперь къ самой пропагандѣ и постараемся дать краткій очеркъ содержанія серіи наиболѣе характерныхъ журналовъ и брошюръ.

Въ періодической печати на первомъ мѣстѣ стоитъ ежемѣсячное изданіе „Альбомъ Великой Войны“, выходящее въ Берлинѣ. Достаточно открыть его, чтобы видѣть, что этотъ журналъ предназначенъ для самаго широкаго распространенія далеко за предѣлами Германской имперіи: подписи подъ иллюстраціями даны на пяти, а иногда на шести языкахъ: англійскомъ, нѣмецкомъ, французскомъ, итальянскомъ, испанскомъ и португальскомъ. Скромная замѣтка на обложкѣ гласитъ, что номеръ стоитъ 50 пфенниговъ, но, конечно, всѣ эти номера разсылаются по всей Швейцаріи безплатно. Это — хорошо изданные небольшіе альбомы съ цѣлой серіей отличныхъ, заботливо подобранныхъ фотографій. Составъ этихъ фотографій, конечно, понятенъ самъ собой: на первомъ планѣ стоитъ Германія, ея военная и промышленная мощь, и потому громадное большинство фотографій относится къ германскимъ войскамъ въ занятыхъ областяхъ и къ развитію нѣмецкой промышленности не только въ самой Германіи, но и въ занятыхъ ею странахъ.

Какъ же представлены въ этихъ альбомахъ враги Германіи? Перелистывая альбомъ, то и дѣло попадаешь на такія фотографіи, какъ плѣнные французы, англичане и русскіе въ Германіи, трофеи, взятые въ такомъ-то и такомъ-то бою, сбитые нѣмцами аэропланы, и т. д.

Попадаются фотографіи и сантиментальнаго, явно тенденціознаго характера; такъ, напримѣръ, въ № 3 за 1915 годъ есть фотографія, озаглавленная „Нѣмецкіе солдаты среди населенія сѣверной Франціи“. Она изображаетъ группу нѣмецкихъ солдатъ, въ центрѣ которой стоятъ двѣ улыбающіяся женщины, а одинъ солдатъ держитъ на рукахъ и кормитъ хлѣбомъ ребенка.

Попадаются и курьезы, но скорѣе какъ исключеніе, такъ какъ альбомъ изданъ очень хорошо и заботливо. Все же въ одномъ изъ альбомовъ есть такая подпись: „Типы плѣнныхъ: тюркосъ (сержантъ), спахи (капралъ) и сенегалецъ (людоѣдъ)“.

Слѣдующее мѣсто занимаютъ ежемѣсячники „Journal de la guerre“ — анонимный, неизвѣстно гдѣ издающійся журналъ, разсылаемый безплатно по отелямъ и пансіонамъ Швейцаріи, а также всѣмъ мало-мальски извѣстнымъ жителямъ. Это уже болѣе серьезное изданіе: кромѣ фотографій того же типа, что и въ предыдущемъ журналѣ, здѣсь помѣщается цѣлый рядъ самыхъ разнообразныхъ статей.

Каковы же эти статьи, и какая ихъ цѣль?

Вопросъ о томъ, кто началъ эту войну, не разъ разбирался не только въ печати, но и во всѣхъ парламентахъ. Нѣмцы особенно часто возвращаются къ нему, стараясь доказать, что не они

виновны въ этой войнѣ, а русскіе. Еще въ концѣ 1916 года имперскій канцлеръ Бетманъ-Гольвегъ снова подробно разбиралъ этотъ вопросъ. Его рѣчь цѣликомъ приведена въ одномъ изъ номеровъ „Journal de la guerre“ и, конечно, находитъ въ немъ горячій откликъ, въ видѣ нѣсколькихъ статей, старающихся доказать виновность Россіи.

Интересно отмѣтить, что въ этихъ статьяхъ приводится цѣлый рядъ секретныхъ бумагъ различныхъ русскихъ правительственныхъ учрежденій. Такъ, напримѣръ, тамъ приводится секретное отношеніе штаба варшавскаго военнаго округа отъ 30 сентября 1912 года, за № 2450, командующему 6-мъ армейскимъ корпусомъ о томъ, что впредь объявленіе мобилизаціи будетъ въ то же время означать и объявленіе войны Германіи; а затѣмъ нѣсколько весьма секретныхъ бумагъ начальника Кольскаго уѣзда Калишской губерніи волостнымъ старшинамъ и войтамъ уѣзда относительно запасныхъ и иностранцевъ.

Не менѣе усердный откликъ находитъ на страницахъ этого журнала и другой такой же важный вопросъ, а именно вопросъ о нарушеніи нейтралитета Бельгіи. Для доказательства невиновности Германіи приводится цѣлая серія различныхъ дипломатическихъ документовъ, начиная чуть ли не съ 1904 года, въ которыхъ нѣмцы, подтасовывая факты и удачно подбирая ихъ, стремятся доказать, что между Бельгіей и Англіей давно уже существовало соглашеніе о томъ, что въ случаѣ войны между Англіей и Германіей, Бельгія пропуститъ черезъ свою территорію англійскія и французскія войска, такъ что Германія, нарушивъ нейтралитетъ Бельгіи, только предупредила неизбѣжное нападеніе со стороны Бельгіи. Само собой разумѣется, что здѣсь, больше чѣмъ гдѣ бы то ни было, нѣмцы придерживаются лозунга, что цѣль оправдываетъ средства.

Много страницъ въ этомъ журналѣ посвящены такъ сильно нашумѣвшему вопросу объ увозѣ внутрь Германіи бельгійскихъ рабочихъ и о принудительной для нихъ работѣ. Въ Швейцаріи этотъ насильственный увозъ всколыхнулъ все населеніе и вызвалъ горячій протестъ, окончившійся подачей петиціи правительству, на которой было собрано нѣсколько сотъ тысячъ подписей. Вотъ почему нѣмцы сочли нужнымъ оправдать эти дѣйствія и въ одномъ изъ послѣднихъ номеровъ „Journal de la guerre“ подробно разбираютъ этотъ вопросъ, стараясь обѣлить себя и показать, что это отнюдь не рабство, а, наоборотъ, благодѣяніе, спасеніе рабочихъ отъ безработицы и голодной смерти.

Недавнее провозглашеніе независимости Польши также вызвало нѣсколько горячихъ страницъ въ этомъ журналѣ. Разбирая протестъ русскаго правительства, журналъ заявляетъ, что

провозглашеніе независимости Польши отнюдь не явилось нарушеніемъ международныхъ договоровъ, а наоборотъ, возстановленіемъ попранныхъ правъ.

Вопросъ о кампаніи подводныхъ лодокъ является далеко не послѣднимъ изъ разбираемыхъ въ этомъ журналѣ вопросовъ. Его, конечно, слѣдуетъ отнести все къ той же категоріи вопросовъ, въ которыхъ нѣмцы стараются оправдать свои дѣйствія, противорѣчащія существующему международному праву.

Разбирая рѣчи государственныхъ дѣятелей четвернаго согласія, этотъ журналъ старается показать, что между этими державами часто происходятъ различныя недоразумѣнія. По поводу рѣчей Асквита и Ллойдъ-Джорджа журналъ дѣлаетъ такое заключеніе: „такимъ образомъ изъ устъ нашихъ самыхъ смертельныхъ враговъ мы узнаемъ то, въ чемъ мы нисколько и не сомнѣвались, — положеніе на фронтахъ остается неудовлетворительнымъ для Англіи и ея союзниковъ, что насъ можетъ только безконечно радовать". Такимъ образомъ вторая категорія статей стремится показать, что несмотря на категорическія заявленія враждебныхъ нѣмцамъ государственныхъ дѣятелей о желаніи довести войну до конца, державы согласія настолько слабы, что не смогутъ этого сдѣлать, тѣмъ болѣе, что среди нихъ царятъ распри. Нѣмцамъ остается еще одно послѣднее усиліе, и тогда побѣда останется за ними.

И вотъ сейчасъ же, для того, чтобы показать, на какія послѣднія усилія способна Германія, появляются статьи о дѣятельности германской арміи и разбираются и комментируются всѣ послѣдніе бои. Этимъ статьямъ сильно помогаютъ иллюстраціи такого содержанія, какъ „французы, взятые въ плѣнъ въ послѣднихъ бояхъ на Соммѣ". „Проходъ въ Софіи первыхъ плѣнныхъ румынъ". „Фельдмаршалъ Макензенъ на берегу Дуная наблюдаетъ за переходомъ черезъ рѣку", и т. д., Интересны также статьи о цеппелинахъ. Въ нихъ доказывается, что поврежденія, причиняемыя цеппелинами громадны, и что англичане скрываютъ это, стараясь выставить цеппелины, какъ оружіе, не имѣющее никакого боевого значенія. Не надо забывать, что въ періодической печати нейтральныхъ странъ не разъ указывалось, что цеппелины далеко не оправдали всѣхъ тѣхъ громадныхъ затратъ, которыя были сдѣланы для сооруженія нѣмецкаго воздушнаго флота, и такимъ образомъ появленіе статей о цеппелинахъ становится понятнымъ.

Ежемѣсячно приводятся въ журналѣ статистическія данныя о потеряхъ державъ согласія на различныхъ фронтахъ. Къ сожалѣнію, журналъ не приводитъ потерь Германіи и ея союзниковъ, такъ что эти данныя не съ чѣмъ сравнить. Исключеніе составляютъ только

данныя объ аэропланахъ, потерянныхъ союзниками и нѣмцами, но приводимыя этими данными цифры таковы, что читатель невольно останавливается надъ ними въ раздумьѣ. Такъ, напримѣръ, въ октябрьскомъ номерѣ 1916 года значится:

Французы и англичане потеряли за сентябрь:

Въ воздушныхъ бояхъ	97 аппаратовъ.
Сбито на землю	25 „
Принуждены были опуститься позади нѣмецкой линіи	7 „
	129 аппаратовъ.

За это время нѣмцы потеряли:

Въ воздушныхъ бояхъ	20 аппаратовъ.
Исчезъ	1 „
	21 аппаратовъ.

	Пот. нѣмц.	Пот. союз.	Разн.
Съ 1 сент. 1915 г. по 31 авг. 1916 г.	124	436	312
Въ сентябрѣ 1916 г.	21	129	108
Съ 1 сент. 1915 г. по 30 сент. 1916 г.	145	565	420

Въ дальнѣйшихъ номерахъ за 1916 и 1917 года приводятся не менѣе поразительныя цифры. Я думаю, что комментаріи къ этимъ даннымъ излишни.

За этими статистическими данными слѣдуетъ хронологія войны, но само собой разумѣется, что она составлена по офиціальнымъ донесеніямъ нѣмецкаго, австрійскаго, турецкаго и болгарскаго штабовъ.

Нужно прибавить, что всѣ номера этого журнала пестрятъ выдержками изъ различныхъ нѣмецкихъ газетъ и журналовъ, но самый журналъ остается анонимнымъ, и только въ концѣ его имѣется маленькое указаніе: „Напечатанъ и изданъ М. Бергомъ“.

Нѣсколько статей вызвало также предложеніе Германіи о мирѣ и отказъ державъ согласія. Но въ данномъ случаѣ этотъ журналъ явился только отголоскомъ всей нѣмецкой прессы, съ недоумѣніемъ спрашивавшей себя, почему державы согласія не хотятъ признать своего пораженія, когда оно ясно рѣшительно всѣмъ и не требуетъ никакихъ дальнѣйшихъ подтвержденій.

III.

Слѣдующее мѣсто въ періодической печати несомнѣнно занимаетъ „Арденская Газета“ („Gazette des Ardennes“, journal des

pays occupés), издающаяся въ Шарльвиллѣ. О ея распространеніи говоритъ скромная замѣтка на верху газеты: „тиражъ 160.000 экземпляровъ". Цѣна этой газеты всего 5 сантимовъ, но, конечно, въ Швейцаріи она разсылается безплатно всѣмъ желающимъ.

Каковъ же характеръ этой газеты и ея физіономія? Чтобы выяснить это, прослѣдимъ вкратцѣ ея содержаніе. Значительную часть каждаго номера занимаютъ списки умершихъ французовъ въ занятыхъ нѣмцами областяхъ, списки французскихъ солдатъ, погребенныхъ нѣмцами позади ихъ линій, и, наконецъ, списки французскихъ солдатъ, павшихъ въ различныхъ бояхъ. За эти списки, конечно, нужно только благодарить издателей газеты, такъ какъ они сильно помогаютъ въ веденіи учета павшихъ французовъ.

Кромѣ того, здѣсь же періодически печатаются списки французовъ, попавшихъ въ плѣнъ въ Германію. Въ принципѣ печатаніе этихъ списковъ можно только привѣтствовать, но, къ сожалѣнію, французская періодическая печать неоднократно указывала, что въ этихъ спискахъ нѣмцы умышленно даютъ невѣрныя свѣдѣнія, часто помѣщая одного и того же плѣннаго нѣсколько разъ въ различныхъ спискахъ. Однако мы лишены возможности провѣрить эти утвержденія, не имѣя подъ руками никакихъ другихъ данныхъ, кромѣ этихъ списковъ, такъ какъ неоднокрасно встрѣчающіяся одинаковыя имена и фамиліи могутъ существовать въ дѣйствительности.

Эта часть стоитъ совершенно отдѣльно и не имѣетъ никакого отношенія къ остальному матеріалу газеты. Затѣмъ помѣщаются офиціальныя сообщенія: нѣмецкое, французское и англійское. Такимъ образомъ здѣсь видно стремленіе издателей показать, что газета безпартійная и хочетъ быть объективной при разборѣ всѣхъ вопросовъ, касающихся войны. Это подтверждаютъ также приводимыя въ газетѣ выдержки изъ французскихъ и англійскихъ газетъ, но, къ сожалѣнію, на этомъ и ограничивается объективность газеты; передовыя статьи явно противорѣчатъ этому стремленію. Въ нихъ опять поднимаются все тѣ же вопросы, которые такъ усердно разбираются въ ежемѣсячномъ журналѣ.

Интересно отмѣтить отношеніе этой газеты къ русской революціи. Какъ извѣстно, первыя извѣстія о русской революціи вызвали взрывъ бурной радости въ Берлинѣ и другихъ городахъ центральныхъ имперій, и только черезъ нѣсколько дней нѣмцы поняли, что давно ожидаемая ими революція не принесла съ собой того, что отъ нея ожидали. „Арденнская Газета" съ самаго начала отнеслась къ русской революціи очень сдержанно и предупреждала своихъ читателей, что до полнаго выясненія всѣхъ обстоятельствъ

и полученія самыхъ подробныхъ свѣдѣній изъ Россіи нельзя судить ни о самой революціи, ни о тѣхъ послѣдствіяхъ, которыхъ отъ нея можно ожидать. Первые дни газета старательно воздерживалась отъ всякихъ комментаріевъ и только недѣли черезъ двѣ появилась передовая статья, посвященная революціи. Эта статья обрушила громы и молніи на самаго ненавистнаго врага Германіи, Англію, „желающую во что бы то ни стало продолжать войну и мѣшающую своимъ союзникамъ заключить миръ съ Германіей".

Здѣсь можно, между прочимъ, отвлечься немного въ сторону и коснуться вопроса, котораго я пока избѣгалъ: противъ кого главнымъ образомъ направлены всѣ эти статьи и всѣ эти сочиненія? Для читателя, конечно, не можетъ быть никакого сомнѣнія, что главные выпады направлены противъ Англіи, выступленіе которой явилось такой неожиданностью для Германіи и разстроило всѣ ея, такъ хорошо задуманные планы. Англія — смертельный врагъ Германіи; не даромъ же по всей Германіи распѣвался знаменитый „гимнъ ненависти". Вполнѣ понятно поэтому, что главная часть тѣхъ статей, которыя стараются унизить враговъ, направлена противъ Англіи. Этихъ статей громадное большинство, и только незначительная часть ихъ посвящена другимъ врагамъ. Интересно отмѣтить, что выступленіе, напримѣръ, Италіи, а затѣмъ Румыніи вызвало, конечно, рядъ статей противъ этихъ державъ, но какъ только первое острое негодованіе прошло, почти исчезли и статьи противъ нихъ, но зато, вотъ ужъ скоро три года, какъ, не умолкая раздается вопль ненависти противъ Англіи. Порядочное количество статей посвящается и Россіи и Франціи, — Россіи, конечно, больше, но все это ничто въ сравненіи съ тѣмъ, что приходится на долю Англіи.

Объ „Арденнской Газетѣ" остается сказать очень немного: за исключеніемъ офиціальнаго сообщенія и выдержекъ изъ нѣсколькихъ французскихъ и англійскихъ газетъ, вся остальная часть газеты носитъ характеръ все той же пангерманской пропаганды, и попытка показать свое объективное отношеніе ко всѣмъ разбираемымъ вопросамъ остается только попыткой, или, вѣрнѣе сказать, эта объективность остается только показной, разсчитанной на легковѣрныхъ читателей.

Въ связи съ „Арденнской Газетой" можно упомянуть объ одной небольшой брошюркѣ, озаглавленной: „Годъ газетной работы въ занятыхъ областяхъ". Эта брошюра была издана въ память годового юбилея газеты и заключаетъ въ себѣ, кромѣ краткой исторіи газеты, отвѣты на нѣкоторыя критическія статьи, появившіяся во французской печати. Интересно прослѣдить, какъ увеличи-

вался тиражъ этой газеты. Газета начала выходить въ количествѣ 4.000 экземпляровъ, № 3 вышелъ уже въ количествѣ 17.000, № 10 — 25.000, Въ концѣ марта 1915 года № 34 достигъ 38.000, а 1-го апрѣля 1915 года, послѣ опубликованія 1-го списка плѣнныхъ, тиражъ удвоился. Теперь, какъ я уже говорилъ, тиражъ доходитъ до 160.000 экземпляровъ, при чемъ газета распространяется не только въ занятыхъ нѣмцами областяхъ, но также и въ нейтральныхъ странахъ и даже сбрасывается съ аэроплановъ во французскіе окопы.

Вотъ три главнѣйшихъ типа періодическихъ органовъ нѣмецкой пропаганды. Первый — это ежемѣсячный альбомъ войны, второй — иллюстрированный военно-политическій ежемѣсячникъ и, наконецъ, третій — газета, выходящая четыре раза въ недѣлю и дающая два раза въ мѣсяцъ иллюстрированныя приложенія. Само собой разумѣется, что существуютъ еще и другія періодическія изданія, но разбирать ихъ было бы повтореніемъ того, что я уже говорилъ.

IV.

Второй отдѣлъ печатныхъ произведеній нѣмецкой пропаганды значительно больше и разнообразнѣе перваго. Здѣсь нужно принять во вниманіе то, что всѣ газеты и журналы разсчитаны на самый широкій кругъ читателей, принадлежащихъ къ разнообразнымъ слоямъ общества; каждая же книга или брошюра разсчитана только на опредѣленный кругъ, и нужно отдать справедливость лицамъ, занимающимся пропагандой, что они хорошо учитываютъ это, а потому составъ книгъ и брошюръ самый разнообразный, такъ что вы можете встрѣтить и маленькую брошюрку, изложенную простымъ языкомъ въ самой удобопонятной формѣ, и одновременно съ ней серьезный трудъ съ массой данныхъ и ссылокъ, предназначенный для интеллигентнаго и образованнаго читателя.

Отдѣлъ этотъ настолько великъ, что нѣтъ возможности разбирать въ отдѣльности каждую книгу, а потому я долженъ систематизировать всѣ эти матеріалы и указать на главнѣйшіе ихъ отдѣлы.

Изъ серьезныхъ документовъ главную роль, конечно, играютъ „Бѣлая книга“, или „Книга лжи“, какъ она была названа въ свое время, и „Сборникъ дипломатическихъ документовъ“, съ 1905 по 1914 годъ, будто бы найденныхъ въ Брюсселѣ, по вступленіи туда нѣмецкихъ войскъ. „Книга лжи“ разбиралась часто и подробно въ нашей и заграничной печати, а потому мнѣ нѣтъ надобности говорить о ней. Я напомню только, что въ этомъ сборникѣ нѣмцы

стараются доказать свой миролюбивый характеръ и свалить всю вину на объявленную Россіей мобилизацію. Наша печать, между прочимъ, не разъ указывала, что въ этомъ сборникѣ документы набраны не добросовѣстно: такъ, напримѣръ, телеграммы, которыми обмѣнялись до объявленія войны Николай II и Вильгельмъ помѣщены не всѣ.

Другой сборникъ документовъ имѣетъ болѣе узкую цѣль — оправдать нарушеніе нейтралитета Бельгіи. Нѣмцы утверждают, что уже въ 1905 году существовала англо-бельгійская конвенція, по которой въ случаѣ войны Англіи съ Германіей, Бельгія должна была допустить высадку англійскихъ войскъ, предназначенныхъ для дѣйствій противъ Германіи, такъ что нарушеніе нейтралитета Бельгіи будто бы явилось для нѣмцевъ актомъ самозащиты. Документы въ этой книгѣ набраны очень умѣло и на человѣка свѣжаго, не знакомаго съ тайнами составленія ея, производятъ сильное впечатлѣніе.

Говоря о различныхъ сборникахъ офиціальныхъ документовъ германскаго правительства, я не могу не остановиться и не сказать нѣсколько словъ еще объ одномъ офиціальномъ изданіи, а именно: „La conduite contraire au Drait des Gens de la population belge dans sa lutte contre les troupes allemandes“. Читатель, конечно, помнитъ, какой взрывъ негодованія вызвало во всемъ мірѣ разрушеніе Лувэна и разстрѣлы мирныхъ жителей Бельгіи. Эта книга, оправдывая подобные разстрѣлы жителей и разрушеніе городовъ, утверждаетъ, что все это явилось слѣдствіемъ организованныхъ выступленій бельгійскаго населенія противъ нѣмецкихъ войскъ, такъ что нѣмецкія войска были принуждены разстрѣливать зачинщиковъ и уничтожать ихъ жилища для самозащиты и въ видѣ репрессалій. Почти на каждой страницѣ этой книги читаешь такія фразы: „88 человѣкъ были разстрѣляны, какъ партизаны“, „отецъ и сынъ были разстрѣляны на слѣдующій день 20 августа“, „Казнь заложниковъ, имѣвшая мѣсто въ различныхъ мѣстахъ, такъ же находится въ соотвѣтствіи съ военными законами“. „Войска проникли въ дома и тамъ убили низкихъ убійцъ (читай „мирныхъ жителей“) въ ихъ укрытіяхъ и подожгли дома. Около 200 человѣкъ были убиты въ этихъ бояхъ“. Нѣтъ ничего ужаснѣе такого спокойнаго оправдыванія массовыхъ разстрѣловъ несчастныхъ жителей, и вся книга оставляетъ тяжелое кошмарное впечатлѣніе.

Чтобы докончить описаніе офиціальныхъ документовъ, мнѣ остается только сказать нѣсколько словъ о трехъ небольшихъ иллюстрированныхъ книжкахъ, изданія иностраннаго отдѣла франкфуртскаго Краснаго Креста, подъ заглавіемъ: „Военноплѣнные въ Германіи.“

Цѣль этихъ книжекъ — „описать участь тѣхъ изъ нашихъ враговъ, которые во время этой великой войны сдѣлались военно-плѣнными Германской имперіи, при чемъ эти книжки „сильно помогли успокоить многочисленныя семейства относительно участи ихъ членовъ, попавшихъ въ плѣнъ“. Эти книжки, конечно, изображаютъ участь плѣнныхъ въ самыхъ радужныхъ краскахъ, посвящая цѣлыя страницы восхваленію внутренняго устройства лагерей, царящей въ нихъ чистоты и порядка. Но, къ сожалѣнію, всѣ описанія питанія плѣнныхъ далеко не сходятся съ безчисленными разсказами и жалобами французскихъ плѣнныхъ, интернированныхъ въ Швейцаріи. Да и сами книжки признаютъ, что властямъ пришлось встрѣтить массу затрудненій, но „дѣла шли все лучше и лучше, и положеніе улучшилось еще больше, когда военноплѣнные, и въ особенности французы, начали получать многочисленныя посылки отъ родственниковъ и отъ благотворительныхъ учрежденій“. Что же касается русскихъ „ихъ питаніе было самымъ легкимъ, т. к. для нихъ лучшее качество это количество. И если иногда оно не достаточно для ихъ значительнаго аппетита, они идутъ за остатками отъ стола своихъ союзниковъ“. (Стр. 23 „Les prisonniers de Guerre en Allemagne. Deuxième série“.) Но едва ли кто-нибудь пойдетъ собирать объѣдки отъ чужого стола, если обычное питаніе достаточно и удовлетворительно, и такимъ образомъ сами нѣмцы признаютъ, что голодъ заставляетъ русскихъ плѣнныхъ идти собирать остатки у тѣхъ счастливцевъ, кто, кромѣ обычнаго казеннаго пайка, получаетъ съ родины посылки со съѣстными припасами.

V.

Въ связи съ тѣми сборниками дипломатическихъ документовъ, о которыхъ я только что говорилъ, я долженъ упомянуть объ одной книгѣ и даже подробно остановиться на ней, такъ какъ она рѣзко выдѣляется изъ остальной серіи большею частью анонимныхъ брошюръ. Какъ извѣстно, въ 1915 году въ Швейцаріи была издана на нѣмецкомъ языкѣ книга, озаглавленная „J'accuse!“ („Я обвиняю“.) Неизвѣстный авторъ ея, скрывшійся подъ псевдонимомъ „нѣмецъ“, подробно разбиралъ все предшествующее войнѣ и дѣйствія германскаго правительства и на основаніи этого разбора доказывалъ, что Германія и Австрія давно уже стремились начать эту войну, упорно и заботливо къ ней подготовляясь въ теченіе многихъ лѣтъ. Авторъ этой книги говорилъ, что онъ нѣмецъ, и именно поэтому хочетъ предостеречь нѣмцевъ, открыть имъ глаза и показать, что правительство ведетъ народъ къ разо-

ренію и даже къ гибели. Переведенная сейчасъ же на французскій и англійскій языки книга надѣлала въ Швейцаріи и во всѣхъ сосѣднихъ странахъ много шуму и, конечно, немедленно же вызвала отвѣтные выпады со стороны германской печати, стремившейся доказать, что эту книгу написалъ не нѣмецъ, а французъ, что она отъ слова до слова не вѣрна, и т. д. Вскорѣ послѣ этого появилась книга „Anti-J'accuse" — возраженія по поводу „J'accuse!", и наконецъ та книга, о которой я началъ говорить — „La Vérité", Іосифа Бертуріо (изданная въ Бернѣ).

Пользуясь примѣромъ автора „J'accuse", Бертуріо говоритъ, что онъ французъ, горячо любящій свою родину, и вотъ потому-то и хочетъ предостеречь соотечественниковъ о той гибели, къ которой ведетъ ихъ французское правительство. Онъ разобралъ будто бы документы, найденные въ Бельгіи, и знаетъ всю правду, которой и хочетъ подѣлиться со своими соотечественниками.

Прежде всего онъ обвиняетъ Францію за ея союзъ съ Россіей, войска которой — дикіе варвары, власти же — деспоты и тираны, въ доказательство чего приводитъ примѣръ, что въ Львовѣ русскія власти приказывали носить по городу портреты царя и бить кнутомъ всѣхъ, кто не привѣтствовалъ эти портреты. Онъ обвиняетъ французскія власти въ томъ, что онѣ скрываютъ отъ народа правду и запрещаютъ печатать все то, что можетъ показать „истинный характеръ" нѣмецкаго народа и властей. Вотъ, что онъ говоритъ по поводу нарушенія нейтралитета Бельгіи, разбирая начало войны:

„Однако британское правительство все еще не имѣло возможности вмѣшаться подъ благовиднымъ предлогомъ, но оно съ увѣренностью выжидало моментъ, разсчитывая, что предлогъ ей скоро дастъ давно уже преданный интересамъ Англіи король Альбертъ I, который, не нарушая открыто обязанности нейтралитета, сможетъ достаточно досадить кайзеру, чтобы тотъ нашелъ себя вынужденнымъ совершить какое-нибудь дѣйствіе, противорѣчащее лондонскому договору 1839 года. Германія не сумѣла избѣгнуть ловушки. Она допустила серьезную ошибку, которой отъ нея ждали и которую, конечно, я не хочу оправдывать, несмотря на force majeure, ее мотивировавшую."

Дальше слѣдуетъ объясненіе, что именно побудило Германію, выступить противъ Бельгіи: увѣренность, что если Германія оставитъ Бельгію въ покоѣ, то Бельгія пропуститъ французскія и англійскія войска для нападенія на Германію.

Обсуждая значеніе этой войны для Франціи, авторъ говоритъ, что Франція не получитъ никакой выгоды въ случаѣ побѣды, такъ какъ пріобрѣтеніе Эльзаса и Лотарингіи ничтожно по сравненію съ потерями въ людяхъ и матеріальными убытками, тѣмъ болѣе, что по-

тери Францiи непоправимы, Россiя же и Англiя, продолжая войну, только выигрываютъ. Такъ, напримѣръ, доходы Англiи во время войны больше, чѣмъ до войны; что же касается Россiи, то о ней говорить нечего; она настолько велика, и ея рессурсы настолько неистощимы, что, продолжая войну, она можетъ потерять безъ всякихъ для себя послѣдствiй 10—20 миллiоновъ населенiя, и колоссальныя территорiи и всеже остаться одной изъ самыхъ крупныхъ державъ, свободно могущихъ продолжать свое существованiе и развитiе. Такимъ образомъ Англiя и Россiя ведутъ войну за счетъ Францiи, и на каждые 100 человѣкъ англичанъ Францiя теряетъ 1000.

Резюмируя всѣ эти доводы, авторъ восклицаетъ:

„Францiя! ты еще достаточно сильна, чтобы проявить свою самостоятельность; не жди, пока будетъ слишкомъ поздно. Корыстныя похвалы англичанъ, твоихъ настоящихъ вѣковыхъ и коварныхъ враговъ, не стоятъ жизни ни одного изъ твоихъ сыновъ, или разрушенiя самаго жалкаго очага на твоей землѣ.“

Затѣмъ слѣдуетъ заявленiе, что Францiя можетъ немедленно же заключить миръ, и честь ея будетъ спасена: заключенiе такого мира и является, по мнѣнiю автора, главнѣйшимъ долгомъ французскаго народа и правительства.

Такимъ образомъ эта книга прежде всего старается посѣять раздоръ между союзниками, обвиняя ихъ въ нелойяльномъ отношенiи къ другимъ, но въ то же время она идетъ и дальше, — она старается привить противникамъ идею сепаратнаго мира и доказать, что онъ не только допустимъ, но и необходимъ, что въ заключенiи сепаратнаго мира нѣтъ ничего позорнаго, а наоборотъ, заключивъ такой миръ, правительство только исполнитъ свой долгъ передъ народомъ.

Книга эта, изданная въ Бернѣ, разсылалась безплатно по всей Швейцарiи, какъ и большинство другихъ книгъ и брошюръ. Въ свое время она надѣлала много шума и вызвала сильное негодованiе и горячiй отпоръ въ самыхъ различныхъ слояхъ населенiя Францiи,

VI.

Перейдемъ теперь къ другимъ брошюрамъ, составляющимъ большинство всѣхъ этихъ тенденцiозныхъ изданiй. Всѣ онѣ однородны, и большая часть ихъ направлена противъ Англiи. Вотъ, напримѣръ, брошюры: 1) „Un verdict sur l'Angleterre. L'Egypte et la guerre“. 2) „La domination britannique en Inde“. 3) „La „fidélité“ de l'Inde envers l'Angleterre“. 4) „La domination anglaise aux Indes“. 5) „Pages d'histoire. Les atrocités anglaises. Comment l'Angleterre a conquis ses colonies? Irlande-Etats-Unis“.

Содержаніе ихъ пр[illegible]зительно таково: хотя Англія утверждаетъ, что она освободительница и покровительница малыхъ державъ, на дѣлѣ же какъ разъ на[illegible]боротъ, она притѣсняетъ и угнетаетъ эти государства. Въ Индіи, напримѣръ, туземное населеніе не пользуется никакими правами, а всѣ собираемыя съ него подати тратятся на военныя приготовленія, не имѣющія никакого касательства къ самой Индіи.

Вѣрность колоній по отношенію къ метрополіи только показная, т. к. сражаются за англичанъ не настоящіе представители колоній, а наемники, которымъ рѣшительно все равно куда идти и за кого сражаться, только бы имъ платили за это деньги. Мало того: „когда разразилась эта великая европейская война, въ Европу было отправлено много индусскихъ солдатъ, при чемъ они совершенно не знали, куда ихъ везутъ. („La fidélité de l'Inde envers Angleterre".) Всѣ эти брошюры приводятъ къ заключенію, что положеніе Британской имперіи особенно шатко теперь, такъ какъ колоніи ненавидятъ Англію и стремятся сбросить ея иго. После этого слѣдуетъ призывъ ихъ къ борьбѣ противъ ихъ поработительницы Англіи. Чтобы еще больше подчеркнуть характеръ этихъ книгъ, я приведу двѣ выдержки статистическаго характера. Говоря о томъ, какъ отразилось на Индіи владычество Англіи, авторъ продолжаетъ:

„Въ Индіи, въ теченіе одного только XIX столѣтія число умершихъ отъ голода было свыше 32.000.000!"

„Потери всего міра во всѣхъ войнахъ за 107 лѣтъ (съ 1793 по 1900 г.) достигаютъ 5.000.000, тогда какъ въ теченіе 10 лѣтъ съ 1891 по 1900 г. голодъ скосилъ въ Индіи 19.000.000 жертвъ!" („La domination Anglaise aux Indes". Lausanne. 1916. Стр. 8.)

Какъ я уже говорилъ, большинство статей направлено противъ Англіи, но есть, конечно, статьи и противъ Франціи. У меня подъ рукой имѣются двѣ такія брошюры: „La Tunisie et l'Algerie" — призывъ Туниса и Алжира къ независимости и объединенію съ освобожденной Персіей, Египтомъ и другими народами Африки и Востока, — и „L'Islam dans l'armée francaise", изданная въ Константинополѣ, — разбирающая положеніе мусульманъ во французской арміи и доказывающая, что оно принижено, несмотря на то, что всѣ они съ радостью откликнулись на призывъ Франціи помочь ей въ борьбѣ съ Германіей, и честно и вѣрно служатъ въ ея арміи. Мало того, французы обращаются съ ними какъ съ собаками, доказательствомъ чего приводится такой примѣръ:

„Однажды какой-то стрѣлковый капитанъ, которому унтеръ-офицеръ туземецъ доложилъ, что нѣмецкій снарядъ разрушилъ укрытія и убилъ нѣсколько человѣкъ, отвѣтилъ, не выходя изъ своего основательно защищеннаго подземнаго укрытія: „хорошо! чѣмъ больше ихъ умретъ, тѣмъ больше будетъ мѣстъ въ Алжирѣ бельгійцамъ".

Но это далеко еще не все: авторъ утверждаетъ, что во время штыковыхъ атакъ впередъ посылаются мусульмане, французы же остаются въ окопахъ и выходятъ только послѣ боя, пожинать плоды и получать отличія и награды. Заключеніе этой брошюры, конечно, то же, что и предыдущей.

Есть брошюрки, направленныя противъ Россіи. Такъ, напримѣръ, брошюрка „La Georgie et la Guerre actuelle“ утверждаетъ, что

„кавказцы и въ особенности грузины поняли величіе настоящаго момента. Пробилъ часъ ихъ дѣятельности; война, разразившаяся между Россіей и Турціей, даетъ Грузіи лучшій способъ вернуть политическую независимость, утраченную ею столѣтіе тому назадъ. Съ этой цѣлью Грузія протянула руку Турціи и ея великимъ союзникамъ Германіи и Австріи, чтобы вмѣстѣ съ ними сражаться съ Россіей, этой грозной державой, столѣтіями культивировавшей рабство...“

Далѣе эта брошюра даетъ краткую исторію Грузіи и ея соединенія съ Россіей, описываетъ борьбу Кавказа за независимость и, наконецъ, призываетъ Грузію окончательно свергнуть ненавистное иго русскихъ и съ помощью Турціи и Германіи стать независимымъ народомъ.

Разбирая всѣ эти брошюры, я не могу не упомянуть еще нѣсколько другихъ, носящихъ совершенно иной характеръ, чѣмъ предыдущія. Такъ, напримѣръ, брошюра „Vers la paix!“ — воззваніе къ бельгійскому духовенству одного ихъ собрата, утверждаетъ, какъ и всѣ остальныя брошюры, что въ нарушеніи нейтралитета Бельгіи всецѣло виновата Англія, призываетъ къ полной покорности Германіи не только населеніе Бельгіи, но и ея войска и говоритъ, что тогда Бельгія сможетъ развиваться и процвѣтать подъ покровительствомъ и опекою Германіи. Это одинъ изъ многихъ призывовъ къ сепаратному миру, на этотъ разъ по адресу Бельгіи, войска которой, хотя и малочисленныя сами по себѣ, сильно досаждаютъ Германіи.

Другая брошюра — „La vérité sur la nation allemande“, профессора нью-іоркскаго университета, Джорджа Стюарта Фюллертона, изданная въ Брюсселѣ, стремится доказать всему міру, что нѣмцы далеко не таковы, какими ихъ изображаетъ печать союзниковъ, что это самая миролюбивая и спокойная нація, стремившаяся только къ мирной работѣ, но принужденная взяться за оружіе для защиты своихъ очаговъ. Авторъ этой книжки, американскій профессоръ, много лѣтъ прожившій въ Германіи, сравниваетъ Германію съ Соединенными Штатами, говоря, что эти два молодыя и сильныя государства имѣютъ одинаковые идеалы и стремленія, несмотря на кажущуюся разницу ихъ государственнаго устройства, и совѣтуетъ своимъ соотечественникамъ понять Германію и стать на ея сторону, такъ какъ дальнѣйшее

развитіе міровой культуры всецѣло зависитъ отъ С. Ш. и Германіи. Заканчиваетъ онъ свою книгу пожеланіемъ, чтобы она принесла пользу американцамъ, сблизивъ ихъ съ нѣмцами.

Главная цѣль этой книги — распространеніе идеи пангерманизма въ Америкѣ, но она оказалась вполнѣ пригодной и для пропаганды въ Швейцаріи, и потому ее и распространяютъ безплатно по всей странѣ.

VII.

Чтобы окончить свой обзоръ, я долженъ еще становиться на одной книгѣ, выдѣляющейся изъ ряда всѣхъ остальныхъ и дающей обширные фактическіе матеріалы. Эта книга „La calomnie par l'image“ воспользовалась промахами прессы странъ согласія и на основаніи этихъ промаховъ развиваетъ интересную теорію, дѣлая такія заключенія, съ которыми невольно приходится согласиться, если только признать, что промахи эти сдѣланы умышленно, а не по безалаберности, или по какимъ-либо инымъ причинамъ. Нужно отдать справедливость журналамъ и газетамъ, дѣлающимъ такіе промахи, что они сильно играютъ въ руку своимъ врагамъ и своими ошибками, сдѣланными быть можетъ безъ всякаго умысла, сильно помогаютъ имъ.

Эта брошюра — „Клевета изображеніями. Нѣсколько замѣтокъ объ искусствѣ подстрекать народъ къ ненависти“, — приводитъ примѣры того, какъ иллюстрированные журналы перепечатываютъ иллюстраціи изъ другихъ журналовъ, слегка ретушируя ихъ и мѣняя подъ ними подпись. Я приведу нѣсколько такихъ примѣровъ:

Вотъ двѣ иллюстраціи съ такими подписями: „Недѣля шерсти. 1. — Берлинскіе школьники ходятъ изъ дома въ домъ, собирать шерстяныя вещи для Краснаго Креста. 2. — Берлинскія работницы разбираютъ эти пожертвованія“. Первая изображаетъ группу школьниковъ, везущихъ въ телѣжкѣ нѣсколько ковровъ и другихъ предметовъ домашняго обихода, при чемъ на телѣжкѣ прибито воззваніе жертвовать шерстяныя вещи. Вторая — мастерскую съ нѣсколькими работницами, разбирающими одежду. Обѣ эти иллюстраціи появились въ „Berliner Illustrierte Zeitung“. Французскій журналъ „Miroir“ перепечаталъ эти иллюстраціи, сдѣлавъ слѣдующія подписи: 1. — „Какъ они учатъ своихъ дѣтей. Эти юноши, которыхъ употребляютъ для перевозки украденныхъ ковровъ, будутъ, очевидно, понимать честность какъ и ихъ родители.“ 2. — „Мастерская передѣлокъ“ въ Берлинѣ. Дезинфицированная и разобранная одежда, добытая грабежомъ, доставляется въ мастерскія, гдѣ ее передѣлываютъ для солдатъ“. На первой иллюстраціи воззваніе, бывшее на телѣжкѣ, исчезло,

Второй примѣръ: картина изображаетъ длинный „хвостъ“ рабочихъ съ судками, очевидно, ожидающихъ выдачи пищи. Эта иллюстрація появилась въ берлинской газетѣ „Tag“, отъ 13 августа 1914 года, съ такою подписью: „Какъ мы обращаемся съ русскими и французскими интернированными: интернированные выстроились въ очередь передъ раздачей пищи“. Англійская газета „The Daily News“, отъ 2-го апрѣля 1915 года помѣщаетъ ту же фотографію со слѣдующею подписью: „Нѣмецкіе рабочіе испытываютъ нужду. Эта толпа, выстроившаяся въ очередь для полученія пищи, является обычнымъ зрѣлищемъ въ Германіи. Она показываетъ наше морское могущество“.

Вотъ еще примѣръ, названный въ этой брошюрѣ „исчезнувшая сигара“. Картина изображаетъ кайзера и кронпринца, разговаривающихъ между собой, при чемъ кронпринцъ держитъ въ правой рукѣ сигару и отводитъ ее въ сторону, чтобы дымъ не мѣшалъ отцу. Позади нихъ стоятъ лица свиты. Эта фотографія была снята однимъ фотографомъ въ Берлинѣ. Французская газета „Matin“ отъ 1-го февраля 1915 года помѣщаетъ эту фотографію, нѣсколько измѣнивъ ее, т. е., наложивъ легкую ретушь на лица, она сдѣлала ихъ злыми и раздраженными, сигара изъ руки кронпринца исчезла, а рука сложилась въ кулакъ. Лица свиты тоже слегка измѣнены и сдѣланы иронически улыбающимися. Подпись такова: „Бурное объясненіе. Вильгельмъ разгнѣванъ, жестъ кронпринца многозначителенъ, офицеры свиты иронически улыбаются“.

Наконецъ, еще одинъ примѣръ: картина изображаетъ трехъ нѣмецкихъ офицеровъ съ домашнею утварью въ рукахъ. Позади толпа зрителей. Иллюстрація эта была помѣщена 9-го іюня 1914 года въ берлинскомъ „Lokalanzeiger“ со слѣдующею подписью: „Военный стипль-чэзъ въ Грюнвальдѣ. Побѣдители“. Эта же фотографія появилась въ журналѣ „Весь Міръ“ со слѣдующею подписью: „Нѣмцы-грабители подъ Варшавой. Фотографія Н. З-ко. Нашему художнику-фотографу Н. З-ко удалось сфотографировать группу мародеровъ представителей нѣмецкой арміи, руки которыхъ заняты награбленными предметами“. Толпа, находившаяся позади этихъ офицеровъ, исчезла подъ рукой опытнаго ретушера.

Большинство такихъ передѣлокъ дѣлается, конечно, безъ всякаго злого умысла, иногда по недостатку матеріала, иногда просто, чтобы угодить своимъ читателямъ, охотно накидывающимся на такія сенсаціонныя новинки. Возможно, конечно, что примѣры, приведенные въ этой книгѣ, далеко не всѣ вѣрны, быть можетъ нѣкоторые изъ нихъ тоже поддѣланы умышленно, но, къ сожалѣнію, у насъ нѣтъ сейчасъ возможности провѣрить ихъ.

Эта же книжка приводитъ массу другихъ примѣровъ, какъ, напримѣръ, простое ретушированіе лицъ, чтобы сдѣлать ихъ злыми и кровожадными, и т. д. Изъ всѣхъ этихъ примѣровъ книжка выводитъ заключеніе, что пресса странъ согласія умышленно старается показать въ неправильномъ свѣтѣ своихъ враговъ, развивая къ нимъ ненависть населенія. И такимъ образомъ большая часть того, что говорится про нѣмцевъ и ихъ союзниковъ, противорѣчитъ дѣйствительности, такъ какъ все плохое о нихъ сообщается съ цѣлью вызвать къ нимъ ненависть мирнаго населенія.

На этомъ закончу свой библіографическій очеркъ печати, предназначенной для распространенія въ Швейцаріи. Само собой разумѣется, что онъ далеко не полонъ, но я думаю, что мнѣ удалось дать представленіе о наиболѣе интересныхъ и характерныхъ изданіяхъ.

Нужно ли говорить о томъ, какую громадную роль сыграла въ этой войнѣ нѣмецкая пропаганда? Вѣдь и въ Турціи и въ Болгаріи, и наконецъ въ Греціи она была поставлена образцово съ самаго начала войны. А въ маленькихъ государствахъ, гдѣ народъ колеблется и не знаетъ, чью сторону ему слѣдуетъ принять, часто самый простой удачный подборъ фактовъ можетъ рѣшить всѣ колебанія и повернуть въ ту или иную сторону общественное мнѣніе всего населенія. Нѣмцы хорошо учитываютъ это и съ самаго начала войны стараются повернуть въ свою пользу то или иное колебаніе нейтральныхъ странъ, своевременно направивъ по своему желанію общественное мнѣніе страны.

Къ сожалѣнію, державы четверного согласія не считали нужнымъ слѣдовать въ этомъ отношеніи примѣру своихъ враговъ и только дважды пробовали знакомить нейтральныя страны съ той работой, которую они выполняютъ: французское правительство выпустило въ продажу по очень низкой цѣнѣ цѣлую серію офиціальныхъ фотографій, изображавшихъ главнѣйшіе моменты дѣятельности арміи и флота, а англійское правительство пустило въ обращеніе кинематографическую ленту, называвшуюся, если не ошибаюсь: „Готовность англійскаго флота“, и изображавшую жизнь и дѣятельность боевого англійскаго флота. Но это, конечно, далеко не то, что дѣлаютъ и чего добиваются нѣмцы той громадной планомѣрной работою, которая вотъ уже четвертый годъ ведется ими во всѣхъ нейтральныхъ странахъ.

Leysine (Швецарія).

Е. Н. Шаверновскій.

КАВКАЗЪ И АРМЕНІЯ.

ЗАМѢТКА.

Война на кавказскомъ фронтѣ по необходимости носитъ другой характеръ, чѣмъ на остальныхъ фронтахъ. Вы не услышите ни грохота тяжелыхъ орудій, ни характернаго шума аэроплановъ, не почувствуете ужаса газовыхъ атакъ. Война ведется приблизительно такъ, какъ она велась лѣтъ пятьдесятъ-шестьдесятъ тому назадъ. Формы войны, какъ и формы жизни на Востокѣ, отстали на много десятилѣтій, и люди, побывавшіе на другихъ фронтахъ и затѣмъ пріѣзжающіе на кавказскій, долго осматриваются и съ трудомъ привыкаютъ къ тѣмъ условіямъ, среди которыхъ приходится жить, воевать, и умирать.

Основной чертой, характеризующей войну на кавказскомъ фронтѣ, является ея преемственная связь съ предшествующими войнами. Тѣ же политическіе, національные, экономическіе и религіозные вопросы, которые стояли на очереди дня передъ русско-турецкой войной 1877 года, ставятся и теперь. Среди мѣстнаго населенія — и русскаго и турецкаго — встрѣчается много свидѣтелей минувшей войны, проводящихъ интересныя параллели между пережитымъ тогда и переживаемымъ нынѣ. Для нихъ настоящая война — лишь продолженіе былого, только болѣе жестокое, болѣе страшное и болѣе рѣшающее. Чувствуется, — и это чувствуется здѣсь всѣми, — что возвращеніе къ старому порядку стало на Востокѣ немыслимымъ, что война означаетъ поворотъ въ судьбахъ Малой Азіи.

Исторически Кавказъ (или точнѣе Закавказье) былъ связанъ съ Малой Азіей. Кавказская проблема можетъ быть разрѣшена лишь вмѣстѣ и въ связи съ проблемой мало-азіатской. Наоборотъ, то или иное рѣшеніе малоазіатской проблемы не можетъ не отразиться и на рѣшеніи чисто-мѣстныхъ, кавказскихъ вопросовъ.

Дѣйствительно, достаточно вспомнить любой изъ вопросовъ, выдвинутыхъ кавказской жизнью, чтобы увидѣть ихъ неразрывную и непосредственную связь съ малоазіатской проблемой.

Первое мѣсто среди этихъ вопросовъ занимаютъ вопросы національные, и не уяснивъ себѣ ихъ сущности, нельзя понять ни характера войны, ни значенія возбужденныхъ ею ожиданій и надеждъ.

Извѣстное соглашеніе 26 января 1914 г. о реформахъ въ Арменіи сыграло огромную роль въ этомъ отношеніи. Если и на берлинскомъ конгрессѣ, и во всей безконечной дипломатической перепискѣ, которой ознаменованъ былъ промежутокъ между берлинскимъ трактатомъ и соглашеніемъ 26 января 1914 г., армянскій вопросъ привлекалъ къ себѣ вниманіе Европы, то его политическое значеніе было ясно формулировано лишь во время переговоровъ 1913—1914 годовъ. Переговоры эти поставили вопросъ объ автономіи Арменіи не какъ pium desiderium нѣкоторыхъ національныхъ или политическихъ группъ, а какъ опредѣленный способъ разрѣшенія мало-азіатской проблемы. Здѣсь не мѣсто и не время разсматривать ту программу, которая была выдвинута русскою дипломатіею во время этихъ переговоровъ. Интересно отмѣтить, какое значеніе эта программа пріобрѣла въ періодъ настоящей войны. Опубликованная въ „Оранжевой книгѣ о реформахъ въ Арменіи" переписка свидѣтельствуетъ о томъ подъемѣ, о томъ восторгѣ, которымъ встрѣтило эту программу армянское общество. Вмѣстѣ съ тѣмъ программа эта подчеркнула ту опасность — съ точки зрѣнія младотурецкой идеологіи, — которая кроется въ армянскомъ національномъ движеніи.

Начало войны съ Турціей прекратило всѣ попытки къ осуществленію намѣченныхъ въ январѣ 1914 г. реформъ, но отвѣтъ на вопросъ объ автономіи Арменіи былъ данъ много позже, лѣтомъ 1915 года. Если Саидъ-Кучукъ-паша обѣщалъ превратить Арменію въ географическое понятіе, то программа великаго визиря Абдулъ-Гамида II была осуществлена тѣми, кто низвергъ его господина съ престола. Проѣзжая по этому несчастному краю, вы убѣждаетесь, съ какой точностью было осуществляемо превращеніе Арменіи въ географическое понятіе. Населенія нѣтъ. Оно уничтожено. Жалкіе его остатки, спасшіеся отъ рѣзни, бродятъ по улицамъ Эрзерума, надѣясь на то, что новое чудо имъ дастъ возможность продолжать жизнь, которую чудомъ имъ удалось сохранить. Армянское населеніе было истреблено систематически; планъ его уничтоженія былъ выработанъ и осуществленъ съ математической правильностью. Сначала были арестованы, высланы изъ Эрзерума и по дорогѣ убиты представители армянской интеллигенціи и богатой буржуазіи; съ массой, оставшейся безъ вождей, справиться было легко. Армянскіе дома были частью сожжены и разрушены, частью

заняты турками. Судьбу городского населенія раздѣлило и сельское. Деревня и городъ опустошены, и вопросъ объ автономіи Арменіи превращается силой вещей въ вопросъ о заселеніи Арменіи. Все то, о чемъ говорилось до войны и въ моментъ ея возникновенія, приходится отложить просто потому, что нѣтъ того населенія, для котораго предпринимались реформы.

Опустошеніе всей области ставитъ чрезвычайно трудныя и сложныя задачи предъ русской властью. Наиболѣе остро стоитъ здѣсь вопросъ продовольственный.

Не приходится говорить о томъ, насколько труднымъ представляется снабженіе войскъ въ мѣстности, совершенно разоренной войной, да и въ мирное время крайне бѣдной. Трудно описать лишенія, которыя выносятъ солдаты, и причины этихъ лишеній кроются въ значительной мѣрѣ въ условіяхъ мѣстности. Тамъ, гдѣ отсутствуютъ какія бы то ни было, даже самыя примитивныя дороги, гдѣ продукты и фуражъ доставляются на вьюкахъ, гдѣ на протяженіи десятковъ верстъ не встрѣчается и слѣдовъ человѣческаго жилья, тамъ вопросы снабженія естественно пріобрѣтаютъ особую остроту. Естественно также, что продовольствіе оставшагося населенія становится здѣсь почти невозможнымъ. Если военное вѣдомство, обладая всѣми находящимися въ его распоряженіи средствами, широко черпая ихъ изъ внутренней Россіи, сталкивается въ дѣлѣ снабженія съ огромными затрудненіями, то препятствія въ дѣлѣ продовольствія мѣстнаго населенія представляются почти непреодолимыми. Помимо трудностей чисто техническихъ, въ дѣлѣ продовольствія мѣстнаго населенія приходится имѣть въ виду несомнѣнную связь продовольственнаго вопроса съ вопросомъ объ устроеніи края.

Мирное населеніе края распадается на двѣ рѣзко отличающіяся одна отъ другой группы: оставшихся жителей мусульманъ и выселенцевъ армянъ.

Въ первый періодъ войны, т. е. до взятія Эрзерума, турецкое населеніе при полученіи извѣстій о приближеніи русскихъ войскъ оставляло свои селенія и бѣжало вглубь Турціи. Не существовало тогда на эрзерумскомъ направленіи вопроса объ отношеніи къ мѣстному населенію по той простой причинѣ, что не существовало населенія. Со взятіемъ Эрзерума положеніе рѣзко измѣнилось: въ Эрзерумѣ и эрзерумскомъ округѣ осталось около 60,000 чел., главнымъ образомъ бѣднѣйшаго населенія. Болѣе зажиточные классы оставили городъ задолго до вступленія русскихъ. Иное наблюдалось при взятіи Эрзинджана. Городское населеніе эвакуировало городъ и отошло вмѣстѣ съ отступившими турецкими войсками. Сельское населеніе не послѣдовало его примѣру; наоборотъ, какъ только горожане ушли, сель-

чане стали занимать оставленные дома. Разбираться въ томъ, кто владѣетъ дѣйствительно принадлежащимъ ему имуществомъ и кто самовольно захватилъ чужое,—задача трудная и неблагодарная, въ особенности, если принять во вниманіе, что документовъ почти никакихъ не осталось и приходится полагаться на болѣе чѣмъ сомнительныя показанія окольныхъ людей. Не зная русскаго языка, мѣстные жители склонны видѣть въ каждомъ листкѣ бумаги, снабженномъ печатью, документъ, удостовѣряющій какія-то ихъ права. Намъ пришлось видѣть документъ дословно такого содержанія: „Этотъ домъ мой“, печать и подпись секретаря одного изъ мѣстныхъ благотворительныхъ обществъ. Документъ этотъ былъ представленъ въ видѣ доказательства права собственности на домъ въ Эрзерумѣ. Нечего и говорить о томъ, насколько такое положеніе вещей тормозитъ устроеніе края.

Помимо неопредѣленности юридическихъ отношеній, надо имѣть въ виду и слѣдующее обстоятельство: поля остались невоздѣланными, торговля естественно замерла, благодаря прекращенію сношеній съ внутренней Турціей, ремесленники лишились обычнаго круга заказчиковъ, и остается загадкой, чѣмъ живетъ оставшееся населеніе. Иногда, проходя по базару, заглядываешь въ лавку и невольно удивляешься, чѣмъ именно торгуетъ этотъ лѣниво сидящій купецъ, не обращающій на приходящихъ никакого вниманія. Во всей лавкѣ товару maximum рублей на пять, при чемъ, если къ лавкѣ кто-нибудь и подходитъ, то развѣ для того, чтобы поговорить, но отнюдь не съ цѣлью что-либо купить.

Несравненно болѣе печально положеніе выселенцевъ армянъ. Турецкое населеніе имѣетъ передъ ними огромное преимущество осѣдлости. Жилъ ли турокъ здѣсь раньше, чѣмъ онъ занимался до войны, на какія средства живетъ сейчасъ — эти вопросы сплошь и рядомъ остаются спорными, но во всякомъ случаѣ онъ имѣетъ пріютъ, крытое помѣщеніе.

Армянскіе выселенцы лишены этого. Для нихъ осѣдлость — предметъ ихъ надеждъ, стремленій и мечтаній, сплошь и рядомъ остающихся несбыточными.

Когда въ іюнѣ 1915 г. происходило выселеніе армянъ изъ городовъ и деревень Восточной Анатоліи, — выселеніе, фактически означавшее избіеніе (на дорогѣ) всѣхъ выселяемыхъ, — нѣкоторой, очень немногочисленной ихъ части удалось скрыться у враждебныхъ туркамъ курдовъ-кизильбашей въ горахъ Дереима, и по мѣрѣ проникновенія русскихъ войскъ вглубь Турціи они пробирались обратно въ Эрзинджанъ и Эрзерумъ. Городскихъ жителей среди нихъ сравнительно мало; большинство — сельчане. Попадая

въ область, занятую русскими войсками, они все же не могли вернуться домой: ихъ села либо заняты были послѣ ихъ выселенія турками, либо разорены настолько, что жить тамъ не представляется возможнымъ. Дѣло въ томъ, что въ виду полнаго отсутствія лѣсовъ и топлива, пустыя помѣщенія систематически разбирались на дрова. Несмотря на то, что мѣстныя власти воспрещали это, фактически провести въ жизнь это воспрещеніе нельзя: дровъ нѣтъ, дрова приходится подвозить изъ Сарыкамыша (т. е. за 160 вер.), стоимость сажени при такихъ условіяхъ доходитъ до 800—1000 руб., и естественно, что каждый кусокъ дерева по мѣрѣ возможности обращается на топливо. Какъ бы то ни было, но домовъ, годныхъ для жилья, въ селеніяхъ, почти нѣтъ; всѣ постройки, болѣе или менѣе сохранившіяся, заняты войсковыми частями, либо, какъ отмѣчено выше, турками. Въ такъ называемомъ Басенскомъ районѣ (ближе къ русской границѣ) дѣло обстоитъ нѣсколько иначе: армяне-крестьяне бѣжали въ Россію и, вернувшись потомъ къ себѣ, стали селиться либо въ оставленныхъ ими, либо въ сосѣднихъ лучше сохранившихся, селахъ. Въ Эрзерумскомъ районѣ поселиться въ селахъ удалось немногимъ изъ возвратившихся. Вопросъ о разселеніи ихъ по окрестнымъ, оставленнымъ турками деревнямъ, возбужденный еще весной, не получилъ разрѣшенія, и къ зимѣ въ городѣ собралось около двухъ тысячъ человѣкъ, буквально не имѣвшихъ пристанища. Количество это - то уменьшалось благодаря отправкѣ нѣкоторыхъ изъ нихъ въ тылъ, то увеличивалось благодаря приходу новыхъ выселенцевъ изъ Эрзинджана и его окрестностей. Среди возвращавшихся армянъ преобладаютъ женщины и дѣти.

При указанныхъ условіяхъ продовольственный вопросъ становился крайне острымъ. Было вычислено, что для продовольствія мѣстнаго населенія въ теченіе десяти мѣсяцевъ необходимо доставить въ Эрзерумъ 400.000 пуд. пшеницы и 50.000 пудовъ разнаго груза (сахара, керосина, крупы и пр.).

Сама по себѣ доставка этого количества въ районъ, въ виду отдаленности отъ желѣзной дороги, сопряжена съ огромными затрудненіями. Независимо отъ этого, вопросъ о распредѣленіи продуктовъ между мѣстными жителями тѣсно связанъ съ вопросомъ о заселеніи края. Если считать желательнымъ усиленіе въ районѣ армянскаго элемента, если считать справедливымъ предоставленіе именно армянамъ возможности заселить вновь тотъ край, откуда они были изгнаны турецкимъ правительствомъ, то въ первую очередь надлежитъ поставить вопросъ о разселеніи прибывающихъ армянъ по деревнямъ района, о снабженіи ихъ строительными матеріалами и скотомъ. Мѣста распредѣленія продуктовъ можно

было бы пріурочить къ тѣмъ мѣстамъ, куда желательно было бы привлечь армянское крестьянство; равнымъ образомъ, и самый выборъ продуктовъ можно было бы согласовать съ нуждами крестьянскаго хозяйства, поставивъ, напр., своей задачей снабженіе ихъ орудіями производства. Другими словами: организація продовольствія населенія можетъ стать орудіемъ заселенія края.

Уже изъ сдѣланныхъ замѣчаній видна тѣсная связь продовольственнаго вопроса съ вопросомъ чисто политическимъ, вопросомъ о томъ, какое населеніе надлежало бы привлечь для заселенія края.

Вопросъ о заселеніи края представляетъ теперь огромную важность. До войны въ Эрзерумскомъ вилайетѣ насчитывались около 645.000 жителей (Statesman's Jear-book for the year 1916). Въ настоящее время мирныхъ жителей насчитывается: въ Басенскомъ районѣ — около 15.000 чел., армянъ-бѣженцевъ въ Эрзерумѣ около 45.000 чел., около 15.000 въ селахъ, возлѣ Эрзерума, и приблизительно тысячъ 50 въ Эрзинджанскомъ районѣ. Такимъ образомъ, въ настоящее время сохранилось процентовъ 20 или 25% прежняго населенія. Вслѣдствіе того безлюдія, которое было только что отмѣчено, въ настоящее время всѣ продукты приходится провозить изъ глубокаго тыла: въ деревняхъ никого нѣтъ, полевыя работы не производились, запасовъ на зиму не было. Немногочисленные жители селъ стремились въ Эрзерумъ, гдѣ все же легче прокормиться. Весной начались обратная тяга изъ города въ деревню. Въ мѣстахъ, занятыхъ войсками, усиленно прокладывались дороги, производились изысканія для постройки дороги отъ Эрзерума до Эрзинджана, приступлено къ разработкѣ естественныхъ богатствъ края (начата добыча каменнаго угля въ районѣ Ашкалы и т. д.). Но упроченіе этой работы, устраненіе въ ней момента случайности, возможно по понятнымъ причинамъ лишь тогда, когда край будетъ вновь заселенъ, когда въ области появится достаточный контингентъ мирнаго населенія.

Возможно ли возвращеніе на прежнія мѣста ушедшаго во время войны турецкаго населенія? Послѣ русско-турецкой войны 1877—1878 гг. среди мусульманъ Закавказья замѣчалась усиленная тяга въ Турцію. Эмиссары турецкаго правительства вели систематическую агитацію среди мусульманскаго населенія Кавказа въ пользу эмиграціи въ предѣлахъ Турціи. Необходимо считаться съ возможностью повторенія такого же явленія. Надо думать, что послѣ войны турецкое правительство приложитъ всѣ старанія къ тому, чтобы усилить контингентъ чисто турецкаго элемента въ Турціи. Вся политика младотурецкаго правительства, видящаго въ пан-отто-

манизаціи свою политическую программу, клонилась до послѣдняго времени къ ослабленію не-турецкаго элемента и къ созданію этнографически единаго турецкаго большинства. Та же политика диктуется и создавшимся въ Турціи политическимъ положеніемъ. Арабское движеніе, приведшее къ отпаденію Аравіи, и — правда, въ иныхъ формахъ — распространившееся передъ войной въ Сиріи, всегда было угрозой для Турціи. Отношеніе младо-турокъ къ армянамъ извѣстно. Національная политика младо-турокъ въ Македоніи привела къ балканской войнѣ. Возможный распадъ современной Турціи естественно заставитъ турецкое правительство послѣ войны еще сильнѣе заботиться объ упроченіи преобладанія чисто-турецкаго элемента въ тѣхъ областяхъ, которыя удастся Турціи сохранить за собой (напр. въ западной Анатоліи). Это обстоятельство выпудитъ турецкое правительство продолжать политику привлеченія мусульманскихъ, а въ частности турецкихъ, элементовъ изъ Россіи въ Турцію. Привлеченіе мусульманскихъ переселенцевъ (муаджировъ) входитъ въ программу младотурецкой партіи, въ качествѣ одного изъ ея основныхъ пунктовъ. Можно съ нѣкоторой увѣренностью предположить, что турецкое правительство послѣ войны постарается задержать въ предѣлахъ внутренной Турціи по возможности всѣхъ переселенцевъ изъ занятыхъ русскими войсками областей.

Всѣ эти причины заставляютъ думать, что большая часть ушедшаго чисто-турецкаго населенія не вернется на мѣста своего прежняго жительства. Между тѣмъ, по географическимъ условіямъ, для заселенія края необходимо привлеченіе сюда такого элемента, который знакомъ съ мѣстными условіями, для котораго жизнь и работа среди этихъ условій является привычной.

Выше была отмѣчена этнографическая и политическая близость Кавказа и Малой Азіи. Въ дальнѣйшемъ можно ожидать упроченія этой связи, скрѣпленія этнографическимъ цементомъ Восточной Анатоліи и Кавказа. Вся задача турецкаго правительства сводилась къ возможному разобщенію населенія Восточной Анатоліи и Кавказа. Та радикальная мѣра, которая была принята турецкимъ правительствомъ по отношенію къ армянскому населенію сосѣднихъ съ Россіей вилайетовъ, имѣла своей цѣлью уничтожить здѣсь наличность населенія, по національности единаго съ большинствомъ жителей пограничныхъ съ Турціей губерній. Постоянное общеніе представителей армянскаго національнаго движенія въ Турціи съ кавказскими армянами, несомнѣнно, представляло для Турціи реальную опасность. Турецкіе армяне видѣли въ Россіи свою естественную покровительницу, искали въ Россіи прибѣжища отъ пре-

слѣдованій и насилій турецкаго правительства, ясно сознавали всю важность нахожденія въ Россіи ихъ религіозно-культурнаго центра. Бѣженское движеніе показало это. Десятки тысячъ турецкихъ армянъ бросились въ Эчміадзинъ, думая найти спасеніе подъ охраной матери всѣхъ армянскихъ церквей. Обстоятельство это даетъ ясный отвѣтъ на вопросъ о томъ, какой именно элементъ долженъ быть въ первую очередь привлеченъ къ дѣлу заселенія края.

Говоря о привлеченіи армянъ къ дѣлу колонизаціи областей, нельзя упускать изъ виду и экономическаго значенія этой мѣры. При водвореніи порядка въ краѣ естественныя богатства страны привлекутъ къ себѣ вниманіе промышленныхъ круговъ. Общеизвѣстная способность армянскаго населенія къ торговлѣ можетъ въ этомъ отношеніи оказать странѣ неоцѣнимыя услуги.

Здѣсь не мѣсто и не время говорить объ армяно-грузинскихъ или армяно-татарскихъ отношеніяхъ. Интересно лишь отмѣтить, какъ отражается на между-національныхъ отношеніяхъ занятіе пограничныхъ областей Турціи русскими войсками. На области эти, заселенныя до войны либо грузинами (Турецкій Лазистанъ), либо армянами (Эрзерумскій, Ванскій, Битлисскій вилайеты), обращены взоры представителей грузинскаго и армянскаго національнаго движенія. Если вопросъ о ренаціонализаціи турецкихъ грузинъ въ Лазистанѣ стоитъ въ качествѣ очередной задачи передъ грузинскимъ обществомъ, то вопросъ о возвращеніи Арменіи ея прежняго національнаго характера является предметомъ горячихъ стремленій армянъ. Содѣйствуя этому именно движенію, давая естественный выходъ желаніямъ враждовавшихъ между собою народностей, русская власть тѣмъ самымъ ослабитъ вредную для всего Кавказа національную рознь.

Н. С.

НОВОЕ ОПРАВДАНІЕ ВОЙНЫ.

По поводу статьи г. Иванова-Разумника: „Испытаніе огнемъ". (сборникъ „Скиѳы", М., 1917).

Наблюдая современныя событія, приходится постоянно вспоминать изреченіе Шиллера: „самый страшный изъ ужасовъ — это человѣкъ въ его безуміи" (Allein der schrecklichste der Schrecken — das ist der Mensch in einem Wahn). Ужасы міровой войны, безпощадная взаимная рѣзня передовыхъ культурныхъ націй, истребленіе и калѣченіе сотенъ тысячъ ни въ чемъ неповинныхъ молодыхъ людей при помощи усовершенствованныхъ смертоносныхъ орудій, разореніе и опустошеніе богатѣйшихъ областей въ Европѣ, безсмысленное уничтоженіе накопленныхъ капиталовъ и всевозможныхъ матеріальныхъ цѣнностей, систематическое озвѣрѣніе народныхъ массъ подъ руководствомъ мнимыхъ поборниковъ права и справедливости, — развѣ это не сплошное безуміе?

Массовое безуміе дѣйствуетъ заразительно, и оно легко охватываетъ обширныя категоріи людей, обладающихъ вообще способностью здраво разсуждать и сознательно взвѣшивать свои поступки. Какъ иначе объяснить попытки вооруженнаго возстанія и возбужденія внутренней гражданской войны въ моменты величайшихъ опасностей внѣшняго разгрома и непріятельскаго нашествія? Одно безуміе влечетъ за собою другое, и война, на ряду съ порывами мужества и самоотверженія, неизбѣжно вызываетъ наружу самыя низменныя и позорныя черты человѣческой психологіи.

Въ первомъ же обозрѣніи иностранной политики послѣ возникновенія войны, въ августѣ 1914 года, я указывалъ — насколько это было возможно при тогдашнихъ условіяхъ печатнаго слова — на исключительную роль стараго монархическаго строя въ созданіи страшной катастрофы и окружавшей ее атмосферы воинственнаго психоза. Для династій Гогенцоллерновъ и Габсбурговъ и связанной съ ними военной аристократіи война не представлялась безуміемъ, а была старательно задуманнымъ и отлично подготовленнымъ завоевательнымъ, т. е. въ сущности разбойничьимъ предпрі-

ятіемъ, соотвѣтствующимъ всѣмъ ихъ политическимъ и сословнымъ традиціямъ. „Я все взвѣсилъ и обдумалъ" — заявилъ въ манифестѣ 15 (2°) іюля 1914 г. „къ своимъ народамъ" престарѣлый Францъ-Іосифъ: „Я вполнѣ сознаю всѣ послѣдствія моего рѣшенія и все значеніе моей отвѣтственности передъ Всевышнимъ (но не передъ „своими народами" и не передъ человѣчествомъ!..) Съ спокойною совѣстью вступаю я на путь, указываемый мнѣ моимъ долгомъ." А этотъ долгъ тутъ же въ манифестѣ подтверждается завѣдомо ложнымъ сообщеніемъ, что, „Сербія отвергла умѣренныя и справедливыя требованія моего (австрійскаго) правительства" и этимъ принудила его „прибѣгнуть къ силѣ оружія". Такъ же точно Вильгельмъ II, объявляя воину направо и налѣво, пытался увѣрить своихъ подданныхъ, что коварные враги напали или собирались напасть на мирную Германію, — при чемъ проклятія нѣмецкаго народа призывались сначала на Россію, а потомъ на Англію. И германскій императоръ могъ съ гораздо большимъ правомъ, чѣмъ его австрійскій союзникъ, сказать, что онъ „все взвѣсилъ и обдумалъ" прежде чѣмъ принять роковое рѣшеніе.

Въ силу существующихъ монархическихъ конституцій, безотвѣтственнымъ наслѣдственнымъ правителямъ предоставлено право распоряжаться всѣми вооруженными силами государствъ, объявлять войну и заключать миръ, — право жизни и смерти надъ своими и чужими народами. Пока народы мирятся съ такимъ положеніемъ вещей, они не должны удивляться тому, что періодически обрушиваются на нихъ кровавые ужасы, устраиваемые „съ спокойною совѣстью" во имя мнимыхъ интересовъ и требованій высшей государственной политики, мотивы которой только заднимъ числомъ и въ завѣдомо ложномъ видѣ сообщаются „вѣрнымъ подданнымъ". Естественно, что сынъ и наслѣдникъ полномочнаго распорядителя Германіи, придурковатый прусскій уланъ, призванный въ будущемъ, по праву рожденія, управлять судьбами великой культурной націи, мечталъ о собственной побѣдоносной войнѣ, о блестящихъ кавалерійскихъ атакахъ, которыя доставили бы ему славу Блюхера. Естественно также, что болѣе умный отецъ его, въ качествѣ опытнаго безотвѣтственнаго правителя, пожелалъ самъ осуществить мечту своего сына, чтобы лучше обставить исполненіе и вѣрнѣе обезпечить успѣхъ дѣла. Нѣтъ ничего удивительнаго и въ томъ, что честолюбивые планы убитаго австрійскаго наслѣдника, разработанные, при участіи Вильгельма II, генеральными штабами обѣихъ союзныхъ имперій, относительно территоріальнаго расширенія въ сторону ближняго Востока, были приняты и усвоены Францемъ-

Іосифомъ и его приближенными, какъ завѣтъ, которому обязательно слѣдовать по долгу чести, изъ уваженія къ памяти покойнаго. Въ результатѣ выходитъ, что ничтожнѣйшія личности могутъ заставить народы бросаться другъ на друга, какъ дикіе звѣри, и подвергаться всевозможнымъ бѣдствіямъ и ужасамъ подъ предлогомъ политической или военной необходимости, — подобно тому, какъ безсильный ребенокъ можетъ устроить страшный пожаръ, если дать ему въ руки зажженную свѣчу [1]).

Само собою разумѣется, что откровенныя династическія войны невозможны въ наше время; онѣ неизмѣнно прикрываются глубокими національно-политическими и экономическими соображеніями, или заманчивыми перспективами будущаго національнаго торжества и процвѣтанія, которыя всегда находятъ услужливыхъ истолкователей и защитниковъ въ печати и парламентахъ. Въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ, для оправданія воинственныхъ плановъ Вильгельма II и его кронпринца, ихъ штабовъ и генераловъ, требовавшихъ непрерывныхъ колоссальныхъ вооруженій, создавалась особая литература, которая систематически подготовляла общественное мнѣніе къ необходимой и неминуемой будто бы міровой войнѣ, — въ то время какъ въ Англіи хлопотали о разоруженіи и международномъ арбитражѣ и съ огромнымъ успѣхомъ распространялась пацифистская книга Нормана Анжела о „великой иллюзіи“, а во Франціи новое поколѣніе окончательно отказывалось отъ идеи реванша и отъ мысли объ обратномъ присоединеніи Эльзаса и Лотарингіи, довольствуясь признаніемъ ихъ правъ на полную мѣстную автономію.

Нѣмецкіе проповѣдники и теоретики войны являлись лишь усердными слугами Гогенцоллерновъ и ихъ антуража, и чаще всего они ссылались на интересы крупной промышленности и торговли, о которыхъ большей частью ничего не знали сами представители коммерческаго міра. Ссылки на широкіе и отдаленные мотивы экономическаго свойства особенно вошли въ моду благодаря усилившемуся вліянію марксизма съ его экономическимъ пониманіемъ исторіи. Многіе соціалъ-демократы, отыскивая корни воинственныхъ предпріятій въ капитализмѣ, сознательно снимали отвѣтственность за эти предпріятія съ непосредственныхъ устроителей ихъ и стали косвенными союзниками монархіи въ дѣлѣ оправданія войны. Народамъ нужно было знать, какому Молоху приносятъ они свои кровавыя и матеріальныя жертвы, и имъ предлагали вѣрить, что этотъ

---

[1]) О тѣсной связи „права войны“ съ монархіею см. мои статьи въ „Вѣстникѣ Европы“, за 1884 и 1886 гг., вошедшія въ книгу „Основные вопросы политики“ (1889), стр. 26—121.

страшный Молохъ — капитализмъ, нуждающійся въ новыхъ рынкахъ, колоніяхъ и т. п. Наивные люди повѣрили, но вскорѣ должны были убѣдиться въ нелѣпости этихъ постоянно повторяемыхъ разсужденій о рынкахъ и колоніяхъ, въ связи съ ужасающими бѣдствіями міроваго пожара. По здравому смыслу нельзя было допустить даже простого сопоставленія такихъ несоизмѣримыхъ вещей, какъ выгоды кучки капиталистовъ и гибель милліоновъ людей. Между тѣмъ ближайшія реальныя причины войны, связанныя съ монархическимъ военно-сословнымъ строемъ центральныхъ имперій, искусственно замалчиваются, и такимъ образомъ получается тотъ удивительный фактъ, что въ самой Германіи ни правительство, ни господствующія партіи не могутъ въ точности опредѣлить, съ какою цѣлью и почему ведется война, и вопросъ объ ея цѣляхъ продолжаетъ еще служить предметомъ споровъ. Если же сами зачинщики войны не могутъ откровенно объяснить ея цѣли, то съ точки зрѣнія участвующихъ въ ней народовъ она есть во всякомъ случаѣ безуміе.

Политика безконечныхъ вооруженій, подготовляющихъ войну подъ предлогомъ обезпеченія мира — писалъ я болѣе четверти вѣка тому назадъ — „есть самая фантастическая, самая безплодная, самая разорительная и пагубная политика, какую когда-либо могли создать злые инстинкты человѣческой природы. Будетъ ли предпринята смѣлая и широкая реформа въ этой области, какой народъ возьметъ на себя починъ въ великомъ дѣлѣ и когда наступитъ эта эпоха отрезвленія, — объ этомъ возможны лишь догадки, для которыхъ не видно еще матеріала въ настоящемъ“ [1]). Воинственные порывы, которымъ часто поддавались западно-европейскія націи, совершенно чужды трудящемуся населенію, особенно сельскому, преобладающему въ нашемъ отечествѣ, и въ этомъ отношеніи многолѣтняя и настойчивая проповѣдь Льва Толстого противъ войны вполнѣ соотвѣтствовала истиннымъ народнымъ чувствамъ и идеаламъ.

Предсказанная мною эпоха отрезвленія наступила только подъ ударами страшной, безсмысленной войны, затѣянной двумя монархіями, и на долю русской демократіи выпала честь почина въ дѣлѣ смѣлой и широкой реформы международныхъ отношеній и международной политики. Но передовые представители русской демократіи, придавленные или лишенные свободы въ родной странѣ, слишкомъ долго проходили нѣмецкую школу на чужбинѣ, воспитывались на отвлеченныхъ нѣмецкихъ теоріяхъ и всецѣло прониклись

---

[1]) Тамъ же, стр. 121.

схоластическимъ духомъ марксизма, усвоивъ всѣ его устарѣлые лозунги сороковыхъ, пятидесятыхъ и шестидесятыхъ годовъ. Съ самаго начала міровой войны они подошли къ ней съ готовыми шаблонами нѣмецкой соціалъ-демократической доктрины и упорно не находили въ разыгравшихся событіяхъ ничего другого, кромѣ проявленій господства капитализма и борьбы классовъ; однако, послѣ паденія царской власти, получивъ неожиданно возможность оказывать прямое вліяніе на судьбы Россіи, они невольно расширили свой кругозоръ и, хотя продолжали повторять шаблонныя фразы о капитализмѣ и буржуазіи, но перестали уже возлагать всѣ свои надежды на несуществующій „Интернаціоналъ" и на объединеніе фактически разъединеннаго „пролетаріата всѣхъ странъ" въ видахъ возстановленія общаго мира. Въ извѣстномъ обращеніи нашихъ демократическихъ организацій „къ народамъ всего міра" обнаруживается уже болѣе ясное пониманіе той простой истины, что никакой войны не было бы и она не могла бы вовсе возникнуть, если бы народы сами опредѣляли и устраивали свои взаимныя отношенія. На этомъ пути къ дѣйствительной свободѣ политическаго самоопредѣленія народовъ имѣется только одна могущественная преграда — военно-монархическій строй центральной Европы, косвенно поддерживаемый и защищаемый нѣмецкою соціалъ-демократіею. Капитализму и буржуазіи приписывается то, что создается глубоко укоренившимися традиціями монархіи, и послѣдняя незамѣтно укрѣпляетъ свои позиціи, пользуясь систематическимъ отвлеченіемъ своихъ бывшихъ непримиримыхъ враговъ, соціалъ-революціонеровъ и демократовъ, въ сторону безплодной фиктивной борьбы съ капитализмомъ.

Къ несчастью, русская интеллигенція всегда отличалась склонностью къ отвлеченному доктринерству и съ особенною любовью разрабатывала самые крайніе выводы изъ модныхъ иностранныхъ ученій. Наши радикальныя партіи придавали мало значенія даже крупнѣйшимъ политическимъ реформамъ; ихъ занимаютъ и удовлетворяютъ только перспективы отдаленнѣйшихъ соціальныхъ преобразованій, предполагающихъ коренную перемѣну человѣческаго быта и всей человѣческой психологіи. Покойный Н. К. Михайловскій отыскивалъ соціологическіе законы среди ихтіозавровъ, полипняковъ и медузъ и основывалъ свою теорію прогресса на будущемъ появленіи новаго типа людей, въ видѣ самодовлѣющихъ „цѣлостныхъ индивидовъ", не знающихъ общественнаго раздѣленія труда; и эти мнимо-научныя фантазіи, несмотря на представленныя про-

тивъ нихъ возраженія, до сихъ поръ находятъ еще приверженцевъ въ нашей печати [1]).

Эта склонность нашей интеллигенціи къ крайнимъ теоретическимъ исканіямъ и рѣшеніямъ въ области соціальныхъ вопросовъ проявляется всякій разъ, когда событія ставятъ на очередь важныя практическія задачи, выходящія за предѣлы текущей общественной и политической жизни. Когда возникаетъ возможность созданія новаго свободнаго государственнаго строя, передовые дѣятели отворачиваются отъ нея съ пренебреженіемъ и требуютъ немедленнаго осуществленія обширнѣйшей соціальной программы, разсчитанной на сотню лѣтъ впередъ. Когда, сверхъ всякаго ожиданія, удалось свергнуть безпутный царскій режимъ и доставить народу желанную свободу, радикальная интеллигенція не довольствуется уже демократическою республикою, а добивается полнаго и окончательнаго проведенія въ жизнь всѣхъ принциповъ западно-европейскаго теоретическаго соціализма, — съ тѣмъ, чтобы, въ концѣ концовъ, остаться и оставить весь народъ при старомъ разбитомъ корытѣ. Все или ничего, — все то, чего нигдѣ въ культурномъ мірѣ не пытались еще осуществить, или хроническая анархія, съ возрастающими шансами возврата къ позорному прошлому, — такова дилемма, которая ставится предъ нами дѣятельностью передовыхъ политическихъ партій. Крайняя нетерпимость къ чужимъ мнѣніямъ и группамъ, отрицаніе ихъ права на существованіе, хотя бы за ними стояли милліоны вліятельныхъ и свѣдущихъ гражданъ, подрываютъ основы республиканскаго строя и не создаютъ почвы для мирнаго развитія страны. Слѣпая вѣра въ ту или другую доктрину или программу, въ тѣ или другіе партійные лозунги, пріобрѣтаетъ иногда мистическій оттѣнокъ и не поддается уже никакимъ доводамъ разсудка и логики.

Такое же безнадежное-партійное доктринерство господствовало до послѣдняго времени по отношенію къ войнѣ. Когда нужно такъ или иначе защищаться отъ нападеній непріятеля, угрожающаго нашей столицѣ, возбуждаются споры о войнѣ вообще, о допустимости обороны или наступленія, о желательности побѣды или пораженія, о провозглашеніи мира и братства между воюющими народами. Любопытный образчикъ отвлеченно-мистическаго взгляда на происходящія событія представляетъ обширная статья г. Иванова-Разум-

[1]) Моя полемика съ Н. К. Михайловскимъ въ 1889 году („Вѣстникъ Европы", мартъ и слѣд.) не привела ни къ чему, такъ какъ ей сразу приданъ былъ — не съ моей стороны — чисто личный и отчасти мелочный характеръ. См. „Полное собраніе сочиненій Н. К. Михайловскаго", т. X, Спб., 1913, стр. 98—190.

ника, помѣщенная въ вышедшемъ недавно интересномъ сборникѣ „Скиѳы“, подъ заглавіемъ „Испытаніе огнемъ“. Статья, по словамъ автора, написана въ концѣ 1914 года, дополнена и закончена въ 1915 году, но не была пропущена цензурою и могла появиться въ печати только теперь, послѣ революціи. Она читалась въ рукописи и въ гектографированныхъ спискахъ среди разныхъ соціалистическихъ кружковъ, но на первыхъ порахъ не имѣла успѣха, и авторъ оставался въ „блестящемъ идейномъ одиночествѣ“, имѣя на своей сторонѣ только трехъ-четырехъ единомышленниковъ, пришедшихъ самостоятельно къ тѣмъ же воззрѣніямъ. Однако „одинокіе еретики“ мало-по-малу побѣждаютъ „правовѣрную соціалистическую массу“, солидарную въ вопросѣ о войнѣ съ „массою обывательскою“, и взгляды автора торжествуютъ надъ идеями противниковъ, къ которымъ онъ прилагаетъ презрительную кличку „соціалъ-патріотовъ“. Онъ говоритъ теперь о своей статьѣ „съ чувствомъ глубокаго внутренняго удовлетворенія“, ибо въ ней онъ раньше другихъ высказывался, какъ послѣдовательный „интернаціоналистъ“, противъ соціалъ-патріотизма и „оборончества“; онъ предвидитъ, что ему опять предстоитъ „блестящее идейное одиночество“, такъ какъ соціалистическое большинство, превратившееся подъ вліяніемъ войны въ соціалъ-патріотовъ, не выдержитъ, повидимому, испытанія въ огнѣ революціи и вскорѣ потеряетъ свою „революціонность“; даже „былые интернаціоналисты“ незамѣтно катятся теперь „по наклонной плоскости къ „революціонному оборончеству“, къ „тоже-патріотизму“. Авторъ утѣшается только сознаніемъ, что „ближайшее будущее всегда принадлежитъ большинству; будущее же вообще — иногда далекое, иногда близкое — всегда принадлежитъ еретикамъ“.

Какъ представитель революціоннаго меньшинства, которое одно только обладаетъ „правдой“, г. Ивановъ-Разумникъ смотритъ сверху внизъ на всѣхъ остальныхъ соціалистовъ, называя ихъ „соціалистами-мѣщанами“, и не скрываетъ своего презрѣнія къ „обывательской массѣ“, т. е. къ массѣ обыкновенныхъ смертныхъ, не посвященныхъ въ тайны его высшей невѣдомой „правды“. Въ то же время онъ вѣритъ въ торжество демократіи (въ томъ числѣ и обывательской массы)? „во всѣхъ странахъ“, если не въ ближайшіе годы, то „въ ближайшія десятилѣтія“, и „снова вокругъ идей революціоннаго меньшинства сплотится большинство соціализма. Пусть только снова на короткое время, — восклицаетъ авторъ, — что до того! Лишь бы было это меньшинство, иной разъ уменьшающееся до единицы, — лишь бы не угасала въ немъ вѣра въ побѣду на пути къ новому міру. Совершится ли побѣда революціонеровъ

теперь, въ эту революцію 1917 года, или ихъ побѣдятъ соціалисты-мѣщане, бывшіе „націоналисты“ и „интернаціоналисты“, нынѣ одинаково вѣрные слуги стараго міра? Мы не знаемъ; но тѣмъ энергичнѣе будемъ бороться за нашу правду... Пусть эта борьба противъ всѣхъ противорѣчитъ всѣмъ здравымъ принципамъ практической политики.., тѣмъ съ большею смѣлостью должны мы высказать именно теперь нашу правду. И правда нынѣшняго дня — отмежеваніе революціонеровъ-соціалистовъ отъ соціалистовъ-мѣщанъ, какое бы названіе они ни носили. Ибо мѣщане эти — во всѣхъ партіяхъ, и, напримѣръ, далеко не всѣ „соціалисты-революціонеры“ суть подлинные революціонеры-соціалисты“.

Дѣйствительное осуществленіе извѣстныхъ соціальныхъ идеаловъ безразлично для г. Иванова-Разумника; для него важно лишь установить, что подлинная правда принадлежитъ только ему и его „ничтожному меньшинству“, что только онъ и признанные имъ единомышленники суть подлинные революціонеры-соціалисты, чуждые всякаго идейнаго и житейскаго мѣщанства, и что имъ надо прежде всего отмежеваться отъ прочей „соціалистической массы“ и въ томъ числѣ отъ многихъ товарищей по партіи. При такомъ постоянномъ стараніи отмежеваться отъ другихъ и работать въ горделивомъ одиночествѣ, въ союзѣ съ отборнымъ меньшинствомъ, не можетъ быть и рѣчи о побѣдѣ, и авторъ самъ признаетъ, что „эта борьба противъ всѣхъ противорѣчитъ всѣмъ здравымъ принципамъ практической политики“. А между тѣмъ соціализмъ, по своимъ цѣлямъ и задачамъ, непосредственно входитъ въ область самыхъ жизненныхъ отношеній и интересовъ всего народа и поэтому никакъ не можетъ пренебрегать здравыми принципами практической политики. Если держаться девиза: „товарищи-соціалисты, разъединяйтесь, отмежевывайтесь другъ отъ друга и отъ обывательской массы, храните свою вѣру и оберегайте свою правду отъ профановъ“, — то соціализмъ никогда не перейдетъ на практическую почву и превратится въ какое-то безплодное и узкое сектантство. „Идеи — по справедливому замѣчанію автора — побѣждаютъ не числомъ своихъ послѣдователей, а своею внутренней силою“; но въ данномъ случаѣ дѣло идетъ не о побѣдѣ извѣстныхъ теоретическихъ идей, а о проведеніи въ жизнь опредѣленныхъ практическихъ требованій, что немыслимо безъ активнаго участія и поддержки возможно большаго числа сочувствующихъ послѣдователей. Г. Ивановъ-Разумникъ и не думаетъ о реальномъ примѣненіи своихъ идей: „наша побѣда — возвѣщаетъ онъ въ концѣ своего послѣсловія — *всегда впереди!*“ Другими словами, она никогда не станетъ настоящею дѣйствительностью, а всегда будетъ мелькать

предъ нами впереди, какъ заманчивый миражъ или блуждающій огонекъ, оставаясь неизмѣнно въ туманной дали будущаго. И этотъ заключительный выводъ автора придаетъ какой-то непріятный оттѣнокъ всѣмъ его разсужденіямъ о войнѣ и соціализмѣ.

Въ чемъ же заключаются собственныя идеи г. Иванова-Разумника, на которыя онъ заявляетъ теперь привилегію первенства? Къ крайнему удивленію оказывается, что это только отрыжки плохо понятаго марксизма, смѣшанныя съ избитыми шаблонными представленіями о міровыхъ колоніальныхъ имперіяхъ, объ обязательной взаимной борьбѣ ихъ и о великой роли ихъ въ исторіи. Авторъ сразу, съ первыхъ же строкъ своей статьи, принимаетъ необыкновенно самоувѣренный, вызывающій тонъ, какой и подобаетъ человѣку, считающему себя единственнымъ обладателемъ истины. Совершенно правильное, по-моему, опредѣленіе настоящей войны, какъ сплошного безумія, онъ называетъ „ходячею пошлостью мѣщанской мудрости“; онъ дѣлаетъ видъ, что не понимаетъ и никогда не пойметъ, „почему истреблять своего ближняго огнемъ и мечомъ значитъ стать безумнымъ, а позволять этому ближнему мирно гибнуть отъ голода, болѣзней и отъ нашей сытости значитъ быть безумнымъ“, — хотя онъ, конечно, отлично понимаетъ разницу между умышленнымъ массовымъ истребленіемъ здоровыхъ молодыхъ людей и пассивнымъ равнодушіемъ къ чужимъ болѣзнямъ и къ чужой нуждѣ, и едва ли онъ когда-нибудь видѣлъ, какъ люди „позволяютъ“ своимъ ближнимъ умирать отъ голода, отъ болѣзней и отъ нашей сытости, и самъ, вѣроятно, никогда не участвовалъ въ такомъ „позволеніи“.

Г. Ивановъ-Разумникъ откровенно оправдываетъ войну, какъ законный плодъ господства „мѣщанской культуры“ и владычества „мірового купца“. „И не въ безуміи, — говоритъ онъ, — а въ здравомъ умѣ и твердой памяти оба враждующихъ стана, стремясь „подсознательно“ къ міровой цѣли, засыпаютъ другъ друга „чемоданами“, взрываютъ минами, душатъ газами: міромъ правитъ купецъ, и онъ долженъ (почему ?) создать міровыя колоніальныя имперіи. Происходитъ столкновеніе интересовъ — и начинается кровавая кутерьма... Не послѣдняя это война, а напротивъ, первая міровая колоніальная война, первая въ ряду міровыхъ войнъ, которыя сулитъ намъ двадцатый вѣкъ“. Роль возбудителя принадлежитъ національному чувству, на которое опираются купеческіе интересы. Если „германскій купецъ“ будетъ теперь окончательно побѣжденъ, разсуждаетъ авторъ-то наступитъ пора столкновеній остальныхъ пяти „міровыхъ купцовъ“: неизбѣжно должны столкнуться Россія и Англія изъ-за „историческаго движенія“ нашего на югъ, о чемъ

писали такіе вліятельные авторитеты, какъ гг. Мигулинъ и Дживелеговъ; затѣмъ предстоятъ конфликты изъ-за разграниченія сферъ вліянія въ Палестинѣ, столкновенія „монгольскаго купца съ американскимъ“, борьба изъ-за Филиппинъ, война возрожденнаго Китая съ Франціею изъ-за Индо-Китая, столкновенія монголовъ съ Россіею, и т. д. „Міровыя войны только начинаются“, и прекратятся онѣ только съ крушеніемъ національзма, а такъ какъ, по общему мнѣнію, національное чувство (которое авторъ явно смѣшиваетъ съ націонализмомъ), не можетъ исчезнуть, то „никогда не исчезнутъ и внѣшнія войны“.

Предвидя эти ужасныя перспективы, о которыхъ до сихъ поръ разсуждали только отдѣльные, мрачно настроенные публицисты и легкомысленные газетные политики, г. Ивановъ-Разумникъ невольно — вѣроятно „подсознательно“, — раскрываетъ предъ нами свое подлинное убѣжденіе въ долговѣчности существующаго капиталистическаго и государственнаго строя, способнаго вызывать міровыя войны еще въ теченіе цѣлаго столѣтія. Куда же дѣвалась вѣра автора въ неминумое торжество революціоннаго соціализма „не въ одной Россіи, но и въ другихъ европейскихъ странахъ“? Онъ просто забылъ о своемъ соціализмѣ и о своей непримиримой революціонности, когда писалъ свои — скажемъ прямо — нелѣпыя строки о будущихъ міровыхъ „купеческихъ“ или колоніальныхъ войнахъ. Или онъ предполагаетъ, что осуждаемые имъ нынѣшніе „соціалъ-патріоты“, „соціалъ-націоналисты“ и „тоже-интернаціоналисты“ разныхъ странъ будутъ также предпринимать „купеческія“ завоевательныя войны? Если бы онъ на минуту реально представилъ себѣ фактическія условія и мотивы этихъ неизбѣжныхъ будто бы войнъ, онъ, несомнѣнно, самъ призналъ бы несообразность своихъ предположеній.

„Міровой купецъ“, который ради своихъ матеріальныхъ выгодъ возбуждалъ бы „кровавую кутерьму“ между великими державами въ Европѣ, обнаружилъ бы этимъ только свое безуміе, а вовсе не холодную разсчетливость, какъ увѣряетъ г. Ивановъ-Разумникъ, — ибо купечество въ цѣломъ, если не считать спеціалистовъ по казеннымъ и военнымъ поставкамъ, наиболѣе страдаетъ отъ войны: внѣшняя торговля прекращается или доводится до ничтожныхъ размѣровъ, многія важныя отрасли производства разоряются и перестаютъ дѣйствовать, крупная промышленность подвергается тяжелому кризису, правильная перевозка товаровъ и необходимыхъ продуктовъ становится невозможною вслѣдствіе реквизиціи желѣзныхъ дорогъ военнымъ вѣдомствомъ, коммерческій кредитъ подрывается и разстраивается, денежные капиталы теряютъ значи-

тельную долю своей цѣнности вслѣдствіе обезцѣненія кредитныхъ билетовъ, — и выигрываютъ только немногіе заводы, работающіе на оборону, и рабочіе, получающіе возможность повышать свою заработную плату до небывалаго еще уровня. Разрушеніе цѣнныхъ имуществъ и уничтоженіе капиталовъ въ районахъ военныхъ дѣйствій и въ занятыхъ непріятелемъ мѣстностяхъ, потопленіе коммерческихъ и пассажирскихъ пароходовъ, — все это также обрушивается всею своею тяжестью на классъ капиталистовъ и на такъ называемую буржуазію. Какой же сумасшедшій изъ представителей „мірового купечества“ пожелаетъ водворенія подобной убійственной разрухи? А если бы нашелся такой сумасшедшій, то гдѣ нашлось бы достаточно безумное правительство, чтобы слѣдовать совѣтамъ и требованіямъ этого сумасшедшаго? Какой народъ терпѣлъ бы надъ собою правительство, готовое пожертвовать милліонами гражданъ и подвергнуть страну неслыханнымъ бѣдствіямъ и кровавымъ ужасамъ для удовлетворенія какихъ-то всемогущихъ купцовъ? Ни въ одной странѣ мы не видимъ этого таинственнаго „мірового купца“, распоряжающагося судьбою государствъ, и представляется крайне страннымъ, почему онъ проявляетъ такое исключительное могущество только за кулисами, и никто не вытаскиваетъ его на свѣтъ Божій, не показываетъ его власти въ парламентахъ и въ министерскихъ кабинетахъ. Купеческая группа нигдѣ не играетъ замѣтной роли въ народномъ представительствѣ и не образуетъ даже особой политической партіи. Никто никогда не слыхалъ, чтобы правительства совѣтовались съ купцами и выслушивали ихъ рѣшенія прежде, чѣмъ предпринять войну.

Въ Германіи отдѣльные представители крупнаго купечества пользовались личнымъ расположеніемъ и даже дружбою Вильгельма II, но никогда не привлекались имъ къ обсужденію государственныхъ дѣлъ; глава крупнѣйшей пароходной кампаніи, Баллинъ, считавшійся довѣреннымъ лицомъ императора, не былъ даже предупрежденъ своевременно о предстоящей войнѣ и потому не успѣлъ распорядиться вернуть обратно свои океанскіе пароходы, оставшіеся въ непріятельскихъ портахъ, вслѣдствіе чего кампанія его обанкротилась. Германскій „міровой купецъ“, въ лицѣ Баллина, зналъ о планахъ германскаго генеральнаго штаба не больше остальной нѣмецкой публики; онъ не имѣлъ права голоса въ вопросѣ о войнѣ, и никто не интересовался его взглядами по этому предмету, такъ что конкретно существующее германское купечество никакъ не могло быть иниціаторомъ войны и никогда не имѣло случая высказываться за возбужденіе конфликта съ сосѣдними государствами. Поэтому ни съ какой точки зрѣнія нельзя назвать настоящую войну

„купеческою"; еще менѣе основаній считать ее „колоніальною", ибо Германія, вступивъ въ борьбу съ коалиціею, въ которой участвуетъ Англія, могла только потерять свои колоніи, а никакъ не пріобрѣсть новыя. Нѣмецкія колоніи въ Африкѣ, доставшіяся теперь фактически англичанамъ и ихъ союзникамъ, не представляютъ такой цѣнности, чтобы изъ-за нихъ тратить милліарды и губить милліоны человѣческихъ жизней. Германія пріобрѣла свои значительныя африканскія колоніи безъ всякой европейской войны, и до сихъ она расходуетъ на нихъ больше, чѣмъ получаетъ: такъ, по бюджету 1916—17 г. на содержаніе колоній приплачивается съ имперской казны тридцать милліоновъ марокъ и сверхъ того изъ суммъ особаго колоніальнаго займа 60 милліоновъ. Колоніальные вопросы вообще не имѣютъ никакого отношенія къ настоящей войнѣ, и трудно понять, на чемъ основываетъ г. Ивановъ-Разумникъ обозначеніе ея, какъ „колоніальной".

Ни „міровой купецъ", ни „государство-купецъ", ни другія фантастическія фигуры, выводимыя на сцену для мнимо-радикальнаго объясненія причинъ войны, не устраняютъ того безспорнаго факта, что интересы промышленности и торговли находятся въ непримиримомъ противорѣчіи съ какими бы то ни было воинственными планами и стремленіями. Еще Кантъ, въ своемъ замѣчательномъ „Философскомъ проектѣ вѣчнаго мира", утверждалъ, что „духъ торговли несовмѣстимъ съ войною, и могущество денежной силы заставляетъ государства поддерживать миръ и предупреждать войну своимъ посредничествомъ, гдѣ бы она ни грозила возникнуть". Такъ же точно Огюстъ Контъ доказывалъ, что по мѣрѣ промышленнаго развитія народовъ должны исчезнуть войны; того же взгляда придерживался и Спенсеръ. Кантъ съ удивительною проницательностью для своего времени — конца восемнадцатаго вѣка — указывалъ на единственный способъ окончательнаго устраненія войнъ и обезпеченія постояннаго мира, — способъ, къ которому мы только теперь приходимъ, — введеніе республиканскаго строя въ главныхъ странахъ Европы и союзъ свободныхъ народовъ для охраны началъ международнаго права. Люди же, попирающіе право при помощи силы, — какъ говоритъ Кантъ, — „вполнѣ заслуживаютъ того, чтобы истреблять другъ друга и находить вѣчный миръ въ обширной могилѣ, которая покроетъ всѣ ужасы насилія вмѣстѣ съ ихъ виновниками". Ближайшій, непосредственный источникъ международныхъ войнъ — монархія, и пока она не будетъ низвергнута въ Германіи и Австро-Венгріи, до тѣхъ поръ не прекратятся періодическіе военные конфликты.

Этотъ существенный пунктъ почему-то старательно обходится

нашими „радикалами“, которые упорно отклоняются въ сторону, многозначительно „киваютъ на Петра“ — на капитализмъ, отыскиваютъ фиктивнаго „мірового купца“ и взваливаютъ на него отвѣтственность за всѣ преступленія германской военной партіи и ея союзниковъ. Г. Разумникъ-Ивановъ идетъ гораздо далѣе простого молчаливаго оправданія германской сословно-монархической военной партіи; онъ стоитъ за то, чтобы другіе народы не сопротивлялись ей и не оборонялись отъ ея нападеній, а добровольно подчинялись бы владычеству новыхъ завоевателей. Онъ не находитъ убѣдительными тѣ доводы, которые заставляютъ „націоналъ-соціалистовъ“ бояться пораженія Россіи германцами. „Громадная контрибуція? Спору нѣтъ, — говоритъ онъ, — громадная контрибуція тяжко ляжетъ на плечи народа, но докажите, что она ляжетъ тяжелѣе, чѣмъ тотъ громадный „налогъ крови“, который вы всячески призываете къ народной уплатѣ. Отторженіе территоріи? Безспорно, отторженіе отъ Россіи значительной территоріи наноситъ ущербъ пресловутымъ „національнымъ идеаламъ“ и „единству“ Россіи, но докажите, что благо народа потерпитъ ущербъ отъ этого ущерба, а если и потерпитъ, то болѣе того, чѣмъ терпитъ во время войны милліонами смертей. Тяжелый торговый договоръ? Конечно, торговый договоръ, навязанный Россіи побѣдительницей-Германіею, будетъ очень выгоденъ германскимъ аграріямъ и промышленникамъ, очень невыгоденъ германскому трудовому народу, но докажите, что онъ будетъ невыгоденъ русскому трудовому народу (а не русскому купцу)“. Болѣе основательными кажутся автору аргументы россійскихъ „пораженцевъ“, утверждающихъ, что „благо народное тѣсно связано именно съ пораженіемъ Россіи“, что „только отсюда придетъ политическая свобода, которая залѣчитъ всѣ экономическія раны“, и что въ случаѣ побѣды Россіи будетъ, по всей вѣроятности, установленъ у насъ крайне покровительственный тарифъ при минимальныхъ ставкахъ на зерно, чѣмъ закроется къ намъ доступъ для дешевыхъ продуктовъ германской индустріи. При нашествіи непріятеля, — говорится въ другомъ мѣстѣ, — подобно тому, какъ въ толстовской сказкѣ объ Иванѣ-дуракѣ люди не противились нападенію сосѣдей, а только горько плакали и этимъ побѣдили, — наша демократія должна „не призывать къ оружію противъ внѣшняго врага“ и „помнить, что, быть можетъ, даже полное раздѣленіе страны“ между сосѣдними государствами „для народа лучше (и справедливѣе и выгоднѣе) той кровавой кутерьмы, отъ которой народъ погибнетъ“.

Выходитъ такъ: по приказу „мірового купца“ государства и народы, будучи въ здравомъ умѣ и твердой памяти, устраиваютъ

кровавую катастрофу, отъ которой и должны погибнуть (вмѣстѣ съ „міровымъ купцомъ“ или безъ него?), и даже предвидя свою гибель, они никакъ не могутъ уклониться отъ исполненія безумныхъ купеческихъ рѣшеній; они предпочтутъ лучше отдаться во власть враговъ и согласиться на полный раздѣлъ своей страны между чужими державами, лишь бы не нарушать священной воли купцовъ. Такова волшебная сила безумнаго „мірового купца“ и таково ничтожество добровольно подчиняющихся ему правительствъ и народовъ, съ точки зрѣнія г. Иванова-Разумника!

Впрочемъ, какъ поясняетъ авторъ, демократія не можетъ сидѣть сложа руки, проливая горькія слезы, подъ ударами военнаго разгрома, а должна „дѣлать свое внутреннее дѣло“, сущность котораго, однако, не указывается; но по отношенію къ войнѣ она обязана соблюдать принципъ непротивленія до конца, слѣдуя парадоксамъ знаменитаго писателя, разсуждавшаго слѣдующимъ образомъ: „Если бы пришелъ зулусъ, чтобы изжарить моихъ дѣтей, то одно, что я могу сдѣлать — это постараться внушить зулусу, что это ему невыгодно и нехорошо, — внушить, покоряясь ему по силѣ, — тѣмъ болѣе, что мнѣ нѣтъ расчета съ зулусомъ бороться. Или онъ одолѣетъ меня и еще больше моихъ дѣтей изжаритъ, или я одолѣю, и дѣти мои завтра заболѣютъ въ мученіяхъ худшихъ и умрутъ отъ болѣзни. Расчета нѣтъ потому, что, покоряясь, я навѣрно дѣлаю лучше, а сопротивляясь, я сомнительно дѣлаю лучше“. По мнѣнію г. Иванова-Разумника, надо пожалѣть и противника: „вѣдь то, что страшно для русскаго народа, страшно и для германскаго“. Нельзя желать побѣды себѣ и своимъ союзникамъ, ибо всѣ люди для насъ одинаковы. Освобождать и объединять армянъ — значить обижать турокъ; въ случаѣ пораженія Германіи на нее обрушатся всѣ тѣ бѣды, которыхъ счастливо избѣгнутъ союзники, а бѣдная Австрія чуть ли не цѣликомъ исчезнетъ съ географическихъ картъ. Если ужъ погибать какому-нибудь государству и народу, то пусть это будетъ Россія. Таковъ ходъ разсужденій автора.

Любопытнѣе всего, что г. Ивановъ-Разумникъ предполагаетъ и въ будущемъ, даже послѣ нашей революціи, господство у насъ промышленнаго протекціонизма и безправное положеніе рабочихъ, владычество аграріевъ и безсиліе соціалъ-демократіи въ Германіи, хозяйничаніе представителей капитала, имперіалистовъ и націоналистовъ въ другихъ странахъ. Онъ хотѣлъ бы, чтобы въ цѣломъ рядѣ предстоящихъ будто бы міровыхъ войнъ отдѣльные народы не оказывали сопротивленія нападающимъ на нихъ державамъ, заранѣе покорялись бы имъ, отдавали бы имъ свои земли и обращались бы въ ихъ данниковъ и вассаловъ. Весь міръ раздѣлился бы тогда

на двѣ части: съ одной стороны — могущественные насильники, съ военными династіями во главѣ, располагающіе милліонными арміями, а съ другой — миролюбивыя націи, руководимыя „интернаціоналистами“ и усвоившія ихъ принципы, отрицающія оборону и готовыя во всякое время подчиниться любой разбойничьей организаціи, являющейся извнѣ съ опредѣленнымъ завоевательнымъ планомъ. Легко представить себѣ, какой порядокъ вещей водворился бы тогда въ Европѣ и что̀ сталось бы съ идеалами соціализма подъ гнетомъ вновь утвердившихся воинственныхъ монархій. Тѣмъ временемъ демократія будетъ дѣлать свое таинственное „внутреннее дѣло“, не заботясь о насиліяхъ завоевателей и о страданіяхъ народа; она будетъ постоянно вырабатывать все новыя идеи и теоріи освобождаясь „изъ путъ всяческой догмы, — хотя бы отъ окостенѣвшей догмы марксизма или народничества, если они не шли впередъ, а топтались на мѣстѣ, становились ортодоксальными“. По мнѣнію автора, всякая „ортодоксія“, т. е. совокупность добытыхъ уже и прочно установленныхъ или признанныхъ истинъ, „есть мертвое тѣло; все живое, все молодое всегда шло впередъ въ поискахъ новыхъ путей, въ борьбѣ за духовную свободу личности человѣческой“. Нужны постоянныя идейныя перемѣны, нужно „революціонное горѣніе“, нужна вѣчная погоня за новыми заманчивыми формулами, которыя потомъ отбрасываются, уступая мѣсто болѣе крайнимъ лозунгамъ. Такъ должны идти впередъ люди новаго сознанія — „идти своимъ путемъ къ новому міру, хотя бы не сорокъ лѣтъ, а сорокъ десятилѣтій суждено было имъ блуждать въ пескахъ пустыни къ землѣ обѣтованной, на пути къ свободному будущему міра, народа, человѣчества“. Очевидно, никакой вѣры въ соціалистическіе идеалы у автора нѣтъ, если онъ отодвигаетъ осуществленіе ихъ на нѣсколько столѣтій, въ зависимости отъ дальнѣйшихъ поисковъ и блужданій „людей новаго сознанія“ въ безнадежной моральной пустынѣ.

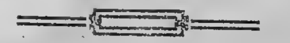
Погоня за крайностями, желаніе сказать нѣчто болѣе радикальное, чѣмъ высказывали другіе, стремленіе удивить читателя необычайною смѣлостью и оригинальностью своихъ мыслей, жажда сильныхъ эффектовъ, рѣзкіе пренебрежительные отзывы о лицахъ и обширныхъ группахъ, раздѣляющихъ другіе взгляды, — все это, къ сожалѣнію, обычныя черты, свойственныя значительной части нашей свободной журналистики и общественности. Среди общаго политическаго возбужденія безпрестанно придумываются самые разнообразные, явно неосуществимые лозунги, создаются самые невѣроятные планы и проекты, спеціально для уловленія душъ и голосовъ господствующей демократіи. Народъ всегда пойдетъ за тѣми, кто на словахъ предлагаетъ ему больше другихъ, кто обѣщаетъ

немедленно дать ему землю и желанный внѣшній миръ, и нельзя винить людей за чрезмѣрное довѣріе къ этимъ широкимъ, легкомысленнымъ или недобросовѣстнымъ обѣщаніямъ. Демагоги играютъ крупную роль въ каждой революціи, но это роль эфемерная, скоропреходящая; они способны вызвать волненія и безпорядки, увлечь толпу на путь беззаконій, но не могутъ устроить что-либо прочное, положить начало какому-нибудь полезному установленію или нововведенію. Здравый умъ народныхъ массъ поможетъ имъ разобраться среди сложныхъ явленій, вызванныхъ революціею, и въ концѣ концовъ страна получитъ такую организацію государственной власти, какая соотвѣтствуетъ народному сознанію и чувству. Старый монархическій строй опирался на систему насилія и безправія; и если онъ въ болѣе приличномъ и очищенномъ видѣ до сихъ поръ держится въ высоко-культурныхъ странахъ центральной Европы, при существованіи значительной свободы общественнаго мнѣнія и народнаго представительства, то въ этомъ виноваты только сами народы. То, что создается грубою военною силою, обманомъ и принужденіемъ, легко получаетъ торжественную народную санкцію и выдается потомъ за самобытное порожденіе исконныхъ народныхъ началъ. Давно уже сказано, что всякій народъ имѣетъ то правительство, какого онъ достоинъ; очень многое въ этомъ отношеніи зависитъ отъ степени пониманія и умственнаго развитія большинства населенія. Весьма мѣтко выразилъ эту мысль поэтъ Н. М. Минскій въ стихотвореніи, обращенномъ къ ученому государствовѣду и публицисту:

Все ты принялъ во вниманіе:
Почву, климатъ, и науки
Благотворное вліяніе,
Но одна тобой забыта
Всѣхъ державъ и странъ основа,
И о глупости народовъ
Въ книгѣ нѣтъ твоей ни слова.

То, что г. Н. Минскій называетъ здѣсь „глупостью народовъ“, есть въ сущности только невѣдѣніе, незнаніе обстоятельствъ и причинъ происходящихъ событій. Народы часто не вѣдаютъ, что̀ творятъ, — и это вполнѣ неизбѣжно; но что̀ сказать о публицистахъ, которые сознательно поддерживаютъ самыя дикія теоріи и въ величайшихъ народныхъ испытаніяхъ видятъ лишь интересный матеріалъ для партійнаго „испытанія огнемъ“ и для безцѣльнаго „революціоннаго горѣнія“?

Л. Слонимскій.

ЛѢТОПИСЬ ВНУТРЕННЕЙ ЖИЗНИ.

Творчество революціи. — Организація демократіи. — Іюльскія событія. — Возстановленіе смертной казни. — Стратегическое отступленіе революціи. — Признаки общественной реакціи. — Вѣра въ будущее.

При нынѣшнемъ удесятеренномъ темпѣ жизни и соотвѣтствующей вялости типографской машины, откликъ на темы дня всегда звучитъ отдаленнымъ, послѣднимъ эхомъ. Какъ мячикъ, брошенный по скату горы, россійская жизнь дѣлаетъ причудливые прыжки, порывисто внизъ, эластично вверхъ, крутой дугой, размашистыми скачками, — и кто скажетъ, чѣмъ кончится воздушная скачка упругой резины?

Лѣтній зной не утомилъ ея бѣга, зачатаго въ мартѣ. Событія попрежнему рождаются, нарастаютъ, раздаются въ ширь, прокатываются волной отголосковъ, иной разъ оставляя глубокую борозду, значенія которой мы пока еще не способны ни оцѣнить, ни взвѣсить. Разрушеніе идетъ рука объ руку съ творчествомъ, сказка становится былью, быль уходитъ въ прошлое подъ нестройный гулъ голосовъ радости, негодованія, отчаянія, надежды, и подъ надоѣдливую воркотню тѣхъ, кто любитъ покой и не умѣетъ цѣнить быстроты теченія, — тѣхъ, кто въ творчество революціи не вѣритъ.

А между тѣмъ, великая русская революція, при возможно спокойной и объективной ея оцѣнкѣ, поразительна именно запасомъ творческой энергіи. Въ періодъ еще не исчерпанной паники и боязни самыхъ неожиданныхъ эксцессовъ это можетъ звучать чуть ли не ироніей. Паника пройдетъ, страхи разсѣются, и тогда ярко выявится то положительное и прочное, что создано революціей въ самый бурный ея періодъ, въ самые первые ея мѣсяцы. Но и сейчасъ, едва отвлекшись отъ партійной полемики и борьбы, отъ всегда острой злобы дня, мы уже можемъ подмѣтить многое, днемъ сегодняшнимъ рожденное для будущаго.

Въ лабораторіи русской революціи творятся формы общежитія совершенно невиданныя. Мы живемъ уже шестой мѣсяцъ фактически въ условіяхъ политической свободы, и врядъ ли можно объ-

ективно и чистосердечно сравнивать условія жизни при этой дезорганизованной свободѣ съ условіями организованнаго произвола, нами изжитаго при старомъ режимѣ, — не высказавшись въ пользу настоящаго. Тѣ эксцессы, съ которыми намъ приходится теперь считаться, пугаютъ насъ не столько своей природой, сколько намекомъ на возможность возврата прошлаго. Эксцессы на виду; о нихъ говорятъ, ихъ сильно раздуваетъ пресса, они пугаютъ воображеніе обывателя; неисчислимыя же блага молодой свободы воспріемлются, впитываются незамѣтно, они какъ бы не идутъ въ счетъ, ихъ не чувствуютъ, какъ не чувствуетъ выздоровѣвшій человѣкъ пораженныхъ частей тѣла, раньше доставлявшихъ ему страданіе при малѣйшемъ движеніи. Такъ, всѣ наперерывъ подчеркиваютъ и подмѣчаютъ злоупотребленія свободой слова и печати, невольно забывая, что все это — мелочи, въ сравненіи съ той великой культурной работой, которую сейчасъ выполняетъ уличная каѳедра и печатный листъ. И у всѣхъ на виду и на примѣтѣ дикія проявленія власти тьмы, — между тѣмъ какъ немногимъ виденъ громадный ростъ въ Россіи гражданственности, удивительное просачиваніе сознательности въ народную толщу, лежавшую годами невспахиваемой, подъ паромъ.

Недооцѣнка творческаго проявленія революціи — явленіе общее. Перелистанныя страницы русской исторіи, дававшія достаточно примѣровъ быстраго крушенія самыхъ умѣренныхъ надеждъ, сдѣлали насъ всѣхъ пессимистами. Поэтому и теперь, воочію наблюдая естественный поступательный ходъ назадъ, отъ чрезмѣрныхъ очарованій къ реальности, отъ прыжка въ царство свободы къ пугливому стратегическому отступленію въ царство необходимости, мы ежеминутно готовы предаваться отчаянію, повторяя, что революція погибла. А между тѣмъ гибнетъ и несомнѣнно погибнетъ лишь то, что, оставшись жить, было бы чудомъ. Чудесъ же исторія не знаетъ.

Было бы чудомъ, если бы русскій народъ, рожденный рабомъ и изжившій свое рабство только внѣшне, вдругъ, въ одинъ изъ мартовскихъ дней, сталъ народомъ культурнымъ и готовымъ къ принятію такихъ формъ общежитія, которыя недоступны были даже его западнымъ братьямъ. Было бы чудомъ, если бы русская интеллигенція, этотъ „первый ученикъ“ школы общественной жизни, на зубокъ выучившій девизы передовой европейской демократіи, смогла сразу наполнить ихъ практическимъ, примѣнимымъ къ жизни содержаніемъ. Было бы чудомъ, если бы Россія изъ отсталаго государства, миновавъ переходную полосу, вдругъ стала передовымъ, образчикомъ государственности новой, по которому должна равняться Европа.

Такимъ образомъ всѣ явленія реакціи у насъ болѣе чѣмъ естественны: они неизбѣжны, они, пожалуй, необходимы. И законную тревогу вызываетъ лишь темпъ этой уже начавшейся реакціи, не замедляющейся, но растущей. Лишь то, что ея проводниками оказываются не вновь окрѣпшія, хорошо намъ знакомыя „темныя силы“, а представители той самой революціонной демократіи, которая взяла вожжи революціи съ первыхъ дней и изъ послѣднихъ силъ до сего дня старается направить разнесшихъ лошадей на вѣрную дорогу. Именно отъ нея исходятъ приказы объ ограниченіи необузданной свободы, о подчиненіи чужихъ воль дирижерской палочкѣ власти, о „новой желѣзной дисциплинѣ“, о пріостановкѣ дѣйствія нашего своеобразнаго Habeas Corpus Act'а. Поскольку въ привычныхъ рукахъ старой власти это являлось бы привычнымъ для населенія очереднымъ нажимомъ, постольку въ практикѣ власти революціонной это можетъ означать грядущую диктатуру. Диктатура же, хотя бы временная, хотя бы кажущаяся для даннаго момента желательной и спасительной, есть всегда явленіе опасное, свидѣтельствующее прежде всего о крушеніи первоначальныхъ надеждъ революціи.

Но, конечно, и это явленіе не должно быть источникомъ крайняго пессимизма, которому мы съ такой легкостью предаемся. Творческій элементъ революціи никогда не гибнетъ. То, что свершается на нашихъ глазахъ, я сравнилъ бы съ великимъ и таинственнымъ актомъ рожденія. Мы видимъ муки и слышимъ вопли рождающей, и это зрѣлище заслоняетъ отъ насъ красоту воплощающейся тайны въ мірѣ новаго существа, призваннаго быть участникомъ новой творимой міромъ исторіи. Мученья матери лишь усилятъ ея тѣсную связь съ ребенкомъ, и чѣмъ сильнѣе мученья, тѣмъ прочнѣе эта связь.

Однимъ изъ творческихъ проявленій русской революціи является оригинальная структура органовъ, объединяющихъ революціонную демократію. Можно сомнѣваться въ томъ, донесетъ ли революція до періода успокоенія эти органы въ томъ видѣ, какъ они создались и дѣйствуютъ отъ ея имени сейчасъ, но какъ явленіе переходнаго момента они въ будущемъ послужатъ не только матеріаломъ соціологическихъ изслѣдованій, но образцами для европейскихъ демократій, среди которыхъ уже опредѣляется будущее, быть можетъ недалекое реагированіе на идею русской революціи.

Совѣты рабочихъ, солдатскихъ и крестьянскихъ депутатовъ нельзя назвать ни представительствомъ чисто классовыхъ организацій, ни представительствомъ профессіональныхъ союзовъ, ни органомъ партійныхъ объединеній, ни тѣмъ болѣе, суррогатомъ на-

роднаго представительства. Это — революціонныя организаціи, объединяющія отдѣльныя группы революціонной демократіи; и вполнѣ естественно къ нимъ пытается пріобщиться еще одна группа того же порядка — группа революціонной трудовой интеллигенціи. Если до сихъ поръ она не можетъ создать своихъ обособленныхъ „совѣтовъ", то только потому, что почти вся трудовая интеллигенція разбилась по тремъ основнымъ группамъ, взявъ на себя представительство специфически ей чуждыхъ интересовъ рабочихъ и крестьянъ. Впрочемъ, въ Москвѣ, напримѣръ, уже существуетъ особый „совѣтъ интеллигентныхъ депутатовъ", хотя и не проявляетъ себя дѣятельно и не пользуется признаніемъ широкихъ слоевъ демократіи.

До іюньскаго съѣзда совѣты рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ имѣли лишь мѣстное значеніе, кромѣ петроградскихъ, которые, наоборотъ, претендовали на всероссійскій масштабъ вліянія. Іюньскій съѣздъ впервые даетъ ихъ объединенію авторитетъ голоса всей россійской демократіи. Хотя къ этому времени крестьянскіе совѣты оказываются еще не достаточно организованными, чтобы занять въ этомъ представительствѣ подобающее имъ мѣсто, но и ихъ голосъ уже принимается во вниманіе съ тѣмъ большей готовностью, что онъ не вноситъ никакого диссонанса въ общее настроеніе. Дальнѣйшимъ шагомъ организаціи революціонной демократіи явится, конечно, тѣсное объединеніе всѣхъ трехъ революціонно-демократическихъ группъ, призванныхъ революціей къ активному участію въ организаціи порядка.

Несмотря на то, что Государственная Дума, изъ лона которой вышло первое Временное Правительство, никакимъ декретомъ не распущена и лишь — какъ признано на съѣздѣ совѣтовъ — перестала существовать съ момента революціи, — фактически она, какъ государственное учрежденіе, конечно, уже не существуетъ. Ея роль все болѣе и болѣе переходитъ къ съѣзду совѣтовъ, являющемуся для переходнаго времени какъ бы полномочнымъ парламентомъ, передъ которымъ Временное Правительство, и во всякомъ случаѣ министры-соціалисты, считаютъ себя отвѣтственными. Такъ какъ эти строки пишутся какъ разъ послѣ „іюльскихъ событій", не случайно совпавшихъ съ кризисомъ перваго коалиціоннаго министерства, то мы еще не можемъ сказать, въ какую форму выльются дальнѣйшія отношенія между съѣздомъ совѣтовъ и только что сформировавшимся новымъ коалиціоннымъ министерствомъ. Рано поэтому и выступать съ критикой этой невыясненной формы.

Что же касается до іюньскаго съѣзда, то онъ, конечно, въ значительной степени былъ болѣе „голосомъ революціонной демо-

кратіи", чѣмъ одиночныя выступленія петроградскихъ совѣтовъ. И, въ смыслѣ опредѣленія дальнѣйшаго развитія революціи, его роль очень замѣтна. Не говоря уже о томъ, что его именемъ удалось ликвидировать двѣ попытки контръ-революціи, исходившія изъ блока большевистскихъ отбросовъ съ германскимъ главнымъ штабомъ, — онъ же опредѣлилъ и направленіе политики коалиціоннаго министерства, выразивъ полное довѣріе ему и его основнымъ планамъ работы. Это ярко выражено въ принятой на съѣздѣ резолюціи по вопросу объ отношеніи къ Временному Правительству. Мы не останавливаемся здѣсь на анализѣ этой чрезвычайно важной резолюціи по той простой причинѣ, что при современномъ ходѣ событій она уже ушла далеко въ прошлое. Но нужно опредѣленно отмѣтить, что она была первымъ голосомъ благоразумія послѣ отуманившаго головы угара революціи, первымъ актомъ пробудившагося сознанія государственности. Именно такъ ее и приняли общество и періодическая печать.

Чѣмъ больше организуется революціонная демократія, тѣмъ слышнѣе „правѣетъ" голосъ ея резолюцій, тѣмъ менѣе шатаній въ ея рѣшеніяхъ и тѣмъ пріемлемѣе для нея блокъ съ партіями и организаціями, представлявшими другую, чуждую ея интересамъ часть организованной Россіи. И въ то же время тѣмъ слышнѣе диссонансы распыленной революціонной массы, еще не сплотившейся въ организованные кадры и не способной пріять принципы самоограниченія во имя спасенія государственности. И такимъ образомъ вслѣдъ за іюньскимъ совѣщаніемъ, казалось бы положившимъ базу порядка, мы имѣемъ событія первыхъ чиселъ іюля, вспыхнувшія безъ всякихъ основаній и поводовъ и вылившіяся въ форму вооруженнаго возстанія неизвѣстно кого, неизвѣстно противъ кого. Кто это возстаніе поощрялъ и думалъ использовать — мы знаемъ; но разгадка удачи этихъ возмутительныхъ попытокъ кроется только въ темнотѣ и неорганизованности массъ, идущихъ по первому зову и разбѣгающихся при первомъ выстрѣлѣ.

Былъ и еще одинъ факторъ, рѣшавшій дѣло, который мы назвали бы неврастеніей революціоннаго Петрограда, пятый мѣсяцъ переживающаго состояніе перемежающейся революціонной лихорадки. Неврастенія сверху донизу. Неврастенія Правительства, члены котораго не знаютъ сна и всѣ дни проводятъ въ метаньи отъ инцидента къ инциденту, отъ штыковъ къ толпѣ, съ засѣданія на митингъ, изъ столицы въ провинцію, оттуда на фронтъ. Неврастенія представительныхъ органовъ пролетаріата и войска, взявшихъ на себя не только руководство революціей, но чуть ли не управленіе всей страной. Неврастенія войсковыхъ частей, уставшихъ

отъ кипѣнія въ политическомъ котлѣ, распыленныхъ напраснымъ катаньемъ по городу, уставшихъ отъ этого гораздо больше, чѣмъ могла утомлять фронтовая жизнь. И, наконецъ, неврастенія обывателя, въ конецъ испуганнаго тѣмъ строемъ, который лишь тогда можно будетъ назвать „новымъ свободнымъ строемъ", когда онъ укрѣпится на прочной базѣ сознанія гражданскаго долга еще слишкомъ темными массами.

И чрезвычайно характерно и знаменательно, что на эту болѣзненную петроградскую панику ни единымъ жестомъ испуга не отозвалась Москва, менѣе ярко пережившая первые моменты революціи и до сихъ поръ сохраняющая самообладаніе. Отозвались только два-три большихъ провинціальныхъ пункта, если только не болѣе правильно будетъ считать нижегородскія и Иваново-вознесенскія волненія самостоятельными вспышками тьмы народной, внѣ связи съ бунтомъ петроградской уличной вольницы.

Параллель, но не прямую связь съ іюльскими событіями являетъ и наше военное пораженіе на галиційскомъ фронтѣ, конечно, представляющееся не только „результатомъ большевистской пропаганды", а слѣдствіемъ цѣлаго ряда факторовъ, создавшихъ разложеніе сильной арміи. Вообще обывательскій испугъ заставляетъ насъ придавать слишкомъ много значенія дѣятельности маленькихъ безотвѣтственныхъ сѣятелей сумятицы въ солдатскомъ мозгу. Мы часто забываемъ о долгихъ годахъ безправья и духовнаго рабства. Вовсе не требуется наличность злонамѣреннаго смутьяна, чтобы захмелѣвшій отъ свободы мозгъ пересталъ руководить движеніями человѣка. Возможно, что позорная страничка нашего отступленія была такимъ же естественнымъ явленіемъ, какъ и блестящій фактъ наступленія 18 іюня. Уже теперь, на разстояніи нѣсколькихъ недѣль, мы имѣемъ возможность не только подѣлить вину, но и найти болѣе спокойное объясненіе той паникѣ, которая охватила хорошо оборудованную армію предъ лицомъ слабѣйшаго непріятеля.

Стратегическое значеніе отступленія — внѣ настоящаго обзора. Но событія на фронтѣ положили начало политической реакціи по всей линіи, и на фронтѣ, и въ тылу. Новое коалиціонное Правительство, съ трудомъ сформировавшееся и долженствующее стать Правительствомъ дѣловымъ, взвалило на свои плечи тяжелый крестъ урѣзки революціонныхъ вольностей. Эта урѣзка началась еще до его образованія, и она продолжается сейчасъ. Составъ новаго Правительства не таковъ, чтобы мы могли приписать измѣненіе курса вступленію въ ряды Правительства реакціонныхъ элементовъ. Коалиціонное Правительство создалось съ благословенія ор-

гановъ революціонной демократіи и ею поддерживается. И постольку, поскольку уклонъ къ реакціи можетъ быть свойственен и революціоннымъ умамъ, мы въ данный моментъ должны быть особенно на стражѣ молодой россійской свободы, которой угрожаетъ опасность уже безспорная. Кто бы ни стоялъ во главѣ Россіи, обязанность здороваго гражданскаго духа — поддерживать дѣловую программу Правительства, предостерегая его отъ метанія отъ крайности къ крайности. Сейчасъ мы переживаемъ именно тотъ моментъ, когда передъ печатнымъ органомъ независимой мысли стоитъ благодарнѣйшая изъ задачъ: задача свободной критики дѣйствій революціонной власти, уже вышедшей изъ младенчества, уже не нуждавшейся въ тактическомъ оправданіи ошибокъ, уже требующей къ себѣ отношенія строгаго и спокойнаго. Изъ вихря утопическихъ надеждъ и неясныхъ страховъ, изъ метанья отъ вольницы къ самосуду и отъ несдержанной свободы къ принужденью силой оружія вновь, какъ бывало, вырастаютъ забытыя нами великія и безсмертныя традиціи независимой и свободной политической мысли, для которой главныя основы свободнаго строя уже давно и прочно кристаллизованы въ ясныя и незыблемыя формы реальной свободы совѣсти и слова, неприкосновенности личности гражданина, независимаго суда и автономіи мѣстныхъ самоуправленій. Иронія жизни заставляетъ русскую демократію встать на защиту этихъ принциповъ противъ начинающихъ сыпаться на нихъ ударовъ одновременно справа и слѣва, и изъ рядовъ господствующихъ крайнихъ лѣвыхъ и изъ укрывшихся за ихъ спинами рядовъ давно намъ знакомыхъ представителей „темной безотвѣтственной силы“. Вѣсы политической жизни на зыбкомъ уровнѣ: да не перевѣситъ ихъ правая чашка!

Однимъ изъ первыхъ творческихъ актовъ русской революціи была отмѣна смертной казни. Величіе этого акта революціоннаго Правительства въ томъ, что онъ былъ объявленъ еще въ разгаръ революціонной борьбы, когда народное сознаніе было еще полно ненависти къ представителямъ павшаго режима и когда естественнѣе всего было ждать актовъ мести, а не акта великодушія.

13-го іюля, послѣ прорыва на юго-западномъ фронтѣ и отступленія революціонной арміи, смертная казнь возстановлена на фронтѣ. Никогда, ни при какихъ условіяхъ, ни въ какой обстановкѣ совѣсть гражданина страны свободной не можетъ мириться со смертной казнью. Какъ бы ни былъ испуганъ нашъ умъ, какія бы страшныя перспективы предъ нимъ ни вставали, что бы ни сулилъ

намъ ужасъ ближайшихъ дней, — наше внутреннее, въ тайникѣ души скрытое чувство протестуетъ противъ убійства по судебному приговору. Можно убивать, обороняясь или нападая. Можно слѣпо вѣрить, что для спасенія страны, ея благъ и ея чести нѣтъ иныхъ средствъ, какъ быстрый и жестокій судъ смерти, — но и эта слѣпая вѣра не заглушитъ голоса совѣсти, который кричитъ, протестуя противъ того холоднаго ужаса, который носитъ названіе смертной казни.

Мы не хотимъ вѣрить, что безъ смертной казни нѣтъ дисциплины. И неразрѣшимой остается трагедія нашей гражданской совѣсти, для которой не можетъ быть двухъ отношеній къ смертной казни, — въ тылу и на фронтѣ, въ нормальное и въ исключительное время. Смертной казни мы не можемъ признать и оправдать никогда. Не сказать этого прямо и откровенно, значило бы умалить свою гражданскую честь. Но и только сказать — мало. Мы должны еще признать, что вся тяжесть возврата въ нашу жизнь этого позора лежитъ на общей нашей отвѣтственности, и что пока новымъ и послѣднимъ актомъ не будетъ возстановленъ величайшій изъ творческихъ актовъ революціи, — мы не можемъ быть носителями званія свободныхъ гражданъ свободной Россіи. Это званіе должно быть нами вновь завоевано.

Закономъ 4 августа вводятся нѣкоторыя ограниченія закона 13 іюля, разъясняется подсудность дѣлъ, грозящихъ смертной казнью, и даются извѣстныя гарантіи правосудности примѣненія кары. Принципіально всѣ эти поправки ничтожны, хотя юридически онѣ, быть можетъ, не безполезны.

Дальнѣйшее умаленіе революціонныхъ завоеваній является уже вполнѣ естественнымъ скатомъ по той наклонной плоскости, на которую поставили Россію „іюльскія событія" и отступленіе на фронтѣ. Тѣми или иными способами власть должна была стать подлинной властью. Высокаго моральнаго авторитета за нею не было; съ нею не считались не только тѣ, кто объявлялъ ей войну, но даже и тѣ, кто обѣщалъ ей поддержку. Та же необходимость срочныхъ мѣръ, которая привела къ возстановленію смертной казни на фронтѣ, вынудила коалиціонное Правительство отказаться отъ политическаго творчества и обратиться къ готовымъ мѣрамъ борьбы съ политическими противниками, выработаннымъ старымъ режимомъ и слишкомъ ненадолго сданнымъ въ архивъ. За короткое время мы имѣемъ длинный рядъ постановленій Временнаго Правительства о предоставленіи военному министру права закрывать органы печати, призывающіе къ военному бунту и неповиновенію власти на фронтѣ, о предоставленіи министрамъ военному и внутреннихъ дѣлъ права

не допускать и закрывать съѣзды и собранія, представляющіе опасность въ военномъ отношеніи или въ отношеніи государственной безопасности и, наконецъ, о предоставленіи министру внутреннихъ дѣлъ по соглашенію съ министромъ юстиціи постановлять „о заключеніи подъ стражу лицъ, дѣятельность которыхъ является особо угрожающей завоеванной революціей свободѣ и установленному нынѣ государственному порядку“ и „подвергать этихъ лицъ высылкѣ въ особо указываемыя для сего мѣстности“. Въ послѣднемъ постановленіи, дополняющемъ постановленіе Правительства отъ 16 іюля 1917 года „объ отмѣнѣ исключительныхъ положеній и о внѣсудебныхъ арестахъ“, новинкой является только особая мѣра: „предлагать указаннымъ лицамъ въ особый назначенный для сего срокъ покинуть предѣлы Россійскаго государства“ да оговорка, что „дѣйствія этого постановленія прекращаются со дня открытія Учредительнаго Собранія“.

Было бы излишнимъ выступать съ критикой всѣхъ этихъ „временныхъ“ мѣропріятій. За долгіе предшествующіе годы, невзирая на стѣсненія цензуры, прогрессивная печать посвятила ихъ критикѣ тысячи бумажныхъ стопъ, не разойдясь по вопросу о безполезности, несправедливости и ненужности этихъ мѣръ, стѣсняющихъ гражданскую свободу и не достигающихъ ни цѣлей порядка, ни цѣлей государственнаго успокоенія. И не о томъ сейчасъ можетъ идти рѣчь.

Рѣчь идетъ о томъ, гдѣ должна остановиться сдача позицій революціи. Что мы присутствуемъ при ея стратегическомъ отступленіи — это ни для кого болѣе не тайна. Безграничная свобода оказалась намъ не по плечу. Сейчасъ уже нѣтъ рѣчи не только объ „углубленіи революціи“, но и объ окопаніи на мѣстѣ; лишь выборъ новыхъ позицій для обороны можетъ быть предметомъ обсужденія.

И вотъ здѣсь-то независимая мысль, чуждая революціоннаго якобинства и стократъ чуждая реакціоннаго малодушія должна указать Временному Правительству, что траншеи стараго режима, взятыя почти безъ бою въ дни февральской революціи, не могутъ служить базой для новой оборонительной линіи. Плохи эти траншеи, въ которыя насъ загоняетъ теперь паника отступленія. Плохи, ненадежны, оскорбительны для воинскаго духа. Если правительственная мысль принуждена, забывъ о творчествѣ, обратиться къ архивамъ, то правильнѣе она поступитъ, порывшись въ архивахъ хотя бы той умѣренной оппозиціи старому режиму, которую въ дни революціи революціонная власть презрительно клеймила кличкой „либеральной буржуазіи“. Не характерно ли, что протестъ противъ явно-реакціонныхъ постановленій Правительства мы слышимъ прежде

всего со страницъ тѣхъ самыхъ „Русскихъ Вѣдомостей“, которымъ еще недавно, въ пылу революціоннаго увлеченія, бросался упрекъ не только въ отсталости, но чуть ли не въ противодѣйствіи революціи?

„Такъ ли необходимы всѣ подобныя мѣры? — спрашиваетъ газета. — Дѣйствительно ли Правительство не можетъ обойтись безъ исключительныхъ полномочій, безъ отмѣны основныхъ гарантій неприкосновенности личности, для того, чтобы охранять завоеванія революціи? Въ этомъ можно сомнѣваться“. Въ этомъ нельзя не сомнѣваться, — добавимъ мы. Если возможно когда-нибудь прибѣгать къ такимъ исключительнымъ мѣрамъ, вѣруя въ ихъ цѣлебныя свойства, то не прежде, какъ будутъ использованы всѣ мѣры правовыя и законныя, а ихъ Временное Правительство не использовало. Развѣ не въ его рукахъ немедленно предать суду тѣхъ „злонамѣренныхъ лицъ“, для которыхъ оно готовитъ теперь чрезвычайную административную ссылку и даже высылку за предѣлы Россійскаго государства? Развѣ не отъ него зависитъ проявить ту же или большую энергію въ дѣлахъ о государственной измѣнѣ лидеровъ большевистскихъ организацій, чѣмъ какая проявлена въ дѣлѣ Сухомлинова? Развѣ не въ его власти закрыть по суду тѣ газеты, которыя оно закрываетъ въ порядкѣ административномъ? Развѣ не его обязанность прэт вост впть силу права анархической вольницѣ, тѣмъ самымъ прекративъ мотивы для самосуда толпы?

И вполнѣ правы „Русскія Вѣдомости“, напоминая, что надо, наконецъ, считаться и съ возможнымъ будущимъ. Если теперешній составъ Правительства даетъ намъ извѣстную гарантію противъ злоупотребленій новыми мѣрами, то что будетъ, „если настоящее Временное Правительство сойдетъ со сцены, не дождавшись Учредительнаго Собранія, и будетъ замѣнено Правительствомъ, или опирающимся исключительно на совѣты рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ, или, наоборотъ, Правитель твомъ, во главѣ котораго будетъ стоять какой-нибудь предпріимчивый генералъ? Нужно помнить,— говоритъ газета, — что отступленія отъ великихъ завѣтовъ права никогда не проходятъ безнаказанными.“

Но есть реакція, страшнѣе реакціи власти и страшнѣе всякихъ правительственныхъ заблужденій; это — реакція общественная.

Зачавшись кто знаетъ гдѣ, быть можетъ въ томъ же хвостѣ у булочной, въ которомъ зачалась и революція, эта реакція, въ формѣ унынія, отчаянія, апатіи охватываетъ широкіе слои населенія, интеллигентные круги, партійныя организаціи, руководящую

прессу, городъ, деревню, обывателя, воина, дѣльца, всю Россію сверху донизу. Страшный натискъ упадка духа настигаетъ насъ въ то самое время, когда лишь общественный, всенародный, національный подъемъ можетъ вывести страну и революцію изъ тупика событій.

Въ частной жизни эта реакція духа сказывается въ охватившей всѣхъ жаждѣ бѣгства отъ политическихъ интересовъ въ уютъ личной жизни, къ интересамъ возможнаго личнаго благополучія. Въ жизни политической она выражается въ явномъ уклоненіи тѣхъ немногихъ интеллигентныхъ силъ, которыми Россія располагаетъ, отъ прямого участія и отвѣтственности въ дѣлахъ государственнаго управленія. Но ярче всего сказывается она въ настроеніи массъ, уставшихъ за дни революціи отъ сумятицы идей, безпорядочно наваленныхъ на ихъ непривычный мозгъ. Прежнее цѣлодневное внимание митинговымъ рѣчамъ смѣнилось угрюмымъ отмахиваніемъ отъ партійныхъ проповѣдей и легкихъ посулъ. Партійные организаторы констатируютъ бѣгство изъ организаціонныхъ ячеекъ не только „мартовскихъ" революціонеровъ, но и болѣе старыхъ работниковъ. Прекратился наконецъ ростъ газетъ-поденекъ; часть представителей новой прессы сумѣла упрочиться и развиться до „размѣра столичныхъ газетъ", болѣе значительная часть доживаетъ послѣдніе дни. По инерціи еще возникаютъ издательства брошюръ, но въ послѣднее время книжные магазины отказываются принимать на комиссію брошюры новыхъ издательствъ, ограничивая заказы и старымъ. Непомѣрный, исключительный ростъ пьянства, неистовый картежъ, проникшій въ деревню въ качествѣ моднаго „разумнаго развлеченія", — все это характерные показатели начавшейся реакціи. Вѣра въ революцію утрачена; но реакція еще не дошла до тѣхъ предѣловъ, когда тоска по порядку можетъ облечь въ мантію великомученичества старый режимъ.

Для многихъ эти показатели движенія назадъ мерещатся грозными. Но правильнѣе признать ихъ естественными и столь же преходящими, сколь преходящимъ былъ молодой революціонный экстазъ. Въ данную минуту мы не ближе къ гибели или къ спасенію, чѣмъ были въ первый мѣсяцъ революціи. Какъ бы ни были сложны и запутаны наши внутреннія дѣла, — первоисточникомъ событій остается міровая война, въ которой мы лишь одна изъ воюющихъ націй. Ея исходъ опредѣляетъ наше будущее, какъ и будущее всей Европы.

Приливъ и отливъ, отходъ и наступленіе, подъемъ и упадокъ, расцвѣтъ, увяданіе и новое набуханіе живыхъ почекъ послѣ мертваго зимняго покоя, — развѣ не этой вѣчной смѣной характаризуются

творчество жизни? Россія — не одинокая планета, носящаяся въ міровомъ эѳирѣ; она — живая часть культурной Европы, сплетенная съ нею нитями культурныхъ общеній. И если мы дѣйствительно стоимъ передъ перестройкой всего міра на новыхъ началахъ, и если дѣйствительно не умираютъ великія заданія, — то не только удачи наши, но и наши ошибки будутъ вкладомъ въ міровую сокровищницу политическаго опыта. Крушеніе соціальныхъ утопій у насъ укажетъ вѣрную дорогу соціальному строительству Запада; но возможно, что изъ этихъ утопій мы сохранимъ и возродимъ больше, чѣмъ смѣли надѣяться европейскіе реальные политики. Исторіи было угодно, чтобы надъ живымъ тѣломъ Россіи была произведена вивисекція, что ея жертвами и ея страданіями были измѣрены завоеванья будущаго. Мы пошли на это. Мы не смогли дать примѣра легкаго и свободнаго творчества. Слишкомъ грубъ и первобытенъ былъ сырой матеріалъ, который мы хотѣли обработать. Но слѣпъ тотъ, кто даже въ нынѣшнихъ жалкихъ обломкахъ творческихъ попытокъ революціонной Россіи не усмотритъ тѣхъ рѣдкихъ по смѣлости и красотѣ штриховъ, которые характеризуютъ истиннаго художника. То, что мы теперь, въ припадкѣ унынія и разочарованія въ своихъ силахъ, готовы бросить въ пыльный уголъ, — то самое позже раскопаетъ и возсоздастъ творецъ болѣе сильный и менѣе поддающійся припадкамъ меланхоліи.

И какія бы новыя реакціонныя новеллы ни сулилъ намъ завтрашній день, — развѣ не счастье уже то, что мы не только свободно ихъ предвидимъ, не только принимаемъ на себя отвѣтственность за нихъ, но и можемъ съ недоступной для насъ прежде независимостью вскрыть ихъ сущность, дать имъ свободную оцѣнку? Это не оптимизмъ. Это — неумирающая вѣра, рожденная первой побѣдой революціи.

М. А. Осоргинъ.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Печальныя дѣла русской революціи и ихъ политическія послѣдствія. — Партійная рознь и внутренняя анархія. — Дѣло Корнилова и ошибки Временнаго Правительства. — Мирное посредничество папы. — Отвѣты на папскую ноту и вопросъ о будущемъ мирѣ.

Русская революція, по общему признанію, все болѣе спускается внизъ и неудержимо тянетъ за собою страну и народъ въ область безнадежной анархіи. И хуже всего, что она спускается морально, растерявъ какъ будто всѣ свои первоначальные возвышенные идеалы и поставивъ на ихъ мѣсто непримиримые интересы и требованія различныхъ общественныхъ организацій и группъ.

Отдѣльныя партіи и ихъ руководители борются между собою, можно сказать, на глазахъ торжествующаго непріятеля и по мѣрѣ возможности устраиваютъ свои собственныя дѣла, не думая вовсе о благѣ и пользѣ Россіи. У насъ нѣтъ и слѣда того „гражданскаго мира“ (Burgfrieden), который устраняетъ на время войны всякую партійную рознь въ Германіи; нѣтъ ничего подобнаго тому „священному единенію“ (Union sacrée), которое позволяетъ передовымъ французскимъ соціалистамъ работать совмѣстно съ типическими представителями либеральной буржуазіи, въ родѣ Рибо. Въ русскомъ обществѣ и народѣ нѣтъ патріотическаго чувства, или оно встрѣчается очень рѣдко; самое слово „патріотизмъ“ опошлено до того, что назвать порядочнаго человѣка патріотомъ значитъ нанести ему кровную обиду. Нѣтъ и не можетъ быть любви къ государству, которое всегда было для народа источникомъ всякаго зла, угнетенія и насилія; нѣтъ истинной привязанности къ отечеству, потому что представленіе объ отечествѣ не имѣло въ себѣ ничего реальнаго и постоянно соединялось съ какимъ-то миѳическимъ „престоломъ“. Народъ поневолѣ чуждался враждебной ему государственной власти. Каждый въ отдѣльности привязанъ къ своей родинѣ, гдѣ онъ провелъ свое дѣтство и юные годы, но Россія въ цѣломъ слишкомъ велика, чтобы быть для кого-нибудь родиною. Русскій обыватель привыкъ считать своею родиною ту или другую мѣстность, городъ или даже губернію, и если онъ самъ — изъ

Тверской или Курской губерніи, то ему глубоко безразлична судьба Волынской, Гродненской или Ковенской губерніи. Всякій французъ, кто бы онъ ни былъ по соціальному положенію, сознаетъ свою принадлежность къ великому цѣлому, называемому Франціею; для него нѣтъ ничего священнѣе этого имени, и онъ не можетъ говорить о своемъ отечествѣ иначе какъ съ любовью и благоговѣніемъ. Всякій нѣмецъ — прирожденный патріотъ; онъ не знаетъ ничего выше и лучше своего „фатерланда", и самые крайніе соціалисты сходятся въ этомъ съ консерваторами. Русскій человѣкъ лишенъ этого чувства національной гордости и національнаго самосознанія. Вѣками самовластья онъ былъ низведенъ на степень безправнаго, покорнаго подданнаго, не смѣющаго даже интересоваться дѣлами государства; онъ долженъ былъ молча переносить разорительное хозяйничанье поставленныхъ сверху распорядителей и мириться съ мыслью о жалкой долѣ русскаго народа подъ безконтрольнымъ владычествомъ наслѣдственныхъ деспотовъ, большею частью злобныхъ и бездарныхъ, хотя и именовавшихся „высочайшими" и „мудрыми". Государство стало исключительнымъ достояніемъ отдѣльной полунѣмецкой фамиліи и ея многочисленныхъ льстивыхъ и жадныхъ слугъ; охрана этой особой государственности отъ какого бы то ни было вмѣшательства русскихъ обывателей и русскаго общественнаго мнѣнія составляла главнѣйшую задачу обширнаго служебнаго класса бюрократіи. Офиціальная Россія была воплощеніемъ самодовольной тупости и всегда искала опору въ принудительно поддерживаемой темнотѣ народныхъ массъ для борьбы съ интеллигенціею и съ лучшими элементами русской общественности. Ненависть къ этой извращенной государственности переносилась на самое государство, и только привилегированные классы, извлекавшіе всевозможныя выгоды изъ своей близости къ власти, утѣшались сознаніемъ, если не величія, то величины Россіи и обиліемъ ея природныхъ богатствъ.

Чувства и взгляды большинства обывателей и народныхъ массъ по отношенію къ государству не могли сразу измѣниться подъ вліяніемъ революціи. Не удивительно поэтому, что краснорѣчивые призывы къ спасенію родины, раздававшіеся часто за послѣднее время изъ рядовъ Временнаго Правительства, оставались гласомъ вопіющаго въ пустынѣ. Быть можетъ, эти призывы ужъ слишкомъ настойчиво заявляли объ отчаянномъ положеніи Россіи, дѣлая какъ бы излишними и напрасными дальнѣйшія заботы объ ея спасеніи. „Россія находится на краю гибели", она „гибнетъ или уже погибла", „надо спасать родину", — это и подобные возгласы вызывали только панику въ обществѣ, заставляли множество людей уѣзжать изъ сто-

лицы въ такія области Россіи, которыя еще не погибли, — въ разныя внутреннія губерніи или даже въ далекую Сибирь, — но ни въ комъ не возбуждали рѣшимости содѣйствовать спасенію страны, тѣмъ болѣе, что реальныя средства спасенія не указывались ни Правительствомъ, ни поддерживающими его общественными организаціями. Подобно тому какъ прежде, при царскомъ режимѣ, постоянно повторялись, вопреки очевиднымъ неудачамъ, самоувѣренныя фразы о конечной рѣшительной побѣдѣ, такъ теперь стали обычными заявленія противоположнаго характера — офиціальныя признанія неизбѣжности окончательнаго пораженія и гибели. А если люди не предвидятъ возможности успѣха, они падаютъ духомъ, чувствуютъ себя заранѣе побѣжденными, добровольно отступаютъ или бѣгутъ съ поля битвы, — и естественно требуютъ скорѣйшаго заключенія мира на какихъ бы то ни было условіяхъ. Вызывать такое подавленное настроеніе въ странѣ и въ арміи едва ли цѣлесообразно, если не имѣется въ виду немедленно положить оружіе. При несравненно худшихъ обстоятельствахъ, когда разбитая Франція буквально лежала у ногъ Бисмарка, организаторъ національной обороны Гамбетта призывалъ всѣхъ къ бодрой энергіи и къ „подъему духа“: „sursum corda!“ Правители нынѣшней Германіи, несмотря на ея крайне тяжелое положеніе, постоянно твердятъ, что надо держаться до конца, не поддаваясь никакимъ внушеніямъ малодушія и голода. Фельдмаршалъ Гинденбургъ, въ недавнемъ обращеніи къ нѣмецкому народу въ отвѣтъ на привѣтствія по случаю семидесятилѣтія со дня его рожденія, пишетъ: „Не заботьтесь о томъ, что будетъ послѣ войны. Это ведетъ за собою лишь малодушіе и усиливаетъ надежды враговъ. Твердо уповайте, что Германія достигнетъ всего, что ей нужно для обезпеченія ея національнаго бытія, на вѣчныя времена. Напрягите ваши мускулы, крѣпко взнуздайте нервы и устремите взоры впередъ. Мы ясно видимъ одну цѣль — созданіе великой и свободной Германіи“. „Крѣпко закусимъ губы, — говоритъ онъ въ другой телеграммѣ, — и ни слова больше о мирѣ, пока не окончится кровавое состязаніе. Побѣда будетъ наша. Таковъ долженъ быть лозунгъ всего германскаго народа“. Оттого и германскій генеральный штабъ избѣгаетъ сообщать подробности о своихъ неудачахъ и потеряхъ на западномъ фронтѣ и остается вообще крайне сдержаннымъ въ своихъ офиціальныхъ сообщеніяхъ. У насъ же ставка верховнаго главнокомандующаго систематически публикуетъ во всеобщее свѣдѣніе — и въ томъ числѣ для свѣдѣнія германцевъ — извѣстія о самовольномъ оставленіи русскими войсками своихъ позицій, о полномъ развалѣ арміи и превращеніи ея въ „дезорганизованную толпу“, — такъ что, съ одной стороны,

указывается германцамъ благопріятный моментъ для нанесенія намъ рѣшительнаго удара, а съ другой стороны, нашимъ союзникамъ дается поводъ къ раздраженію и негодованію противъ революціонной Россіи.

На московскомъ „государственномъ совѣщаніи“, 13 августа, верховный главнокомандующій, генералъ Корниловъ, котораго министръ-предсѣдатель рекомендовалъ собранію, какъ „перваго солдата Временнаго Правительства“, заявилъ въ своей рѣчи, что у него „нѣтъ увѣренности, чтобы русская армія исполнила безъ колебаній свой долгъ передъ родиной“. „Опасность новыхъ разгромовъ, — говорилъ онъ, — еще виситъ надъ страной, еще виситъ угроза новыхъ потерь территорій и городовъ, и виситъ опасность непосредственно надъ самой столицей. Врагъ стучится въ ворота Риги, и если только состояніе нашей арміи не дастъ намъ возможности удержаться на побережьѣ Рижскаго залива, дорога къ Петрограду будетъ открыта“. Казалось бы, что при такомъ положеніи на фронтѣ верховному главнокомандующему слѣдовало быть на мѣстѣ и принимать всѣ нужныя мѣры для предотвращенія угрожавшей намъ опасности, а не сообщать о ней въ Москвѣ, которая въ данномъ случаѣ ничѣмъ помочь не могла; между тѣмъ разглашенныя генераломъ Корниловымъ секретныя свѣдѣнія были чрезвычайно цѣнны для противника, который и не замедлилъ ими воспользоваться: недѣлей позже Рига была дѣйствительно занята германцами, послѣ того какъ русскія войска, значительно превосходившія ихъ численностью, отступили въ силу категорическихъ приказаній начальствующихъ лицъ. А нѣсколько дней спустя, 26 августа, „первый солдатъ Временнаго Правительства“ потребовалъ устраненія этого Правительства и передачи ему, Корнилову, всей полноты власти, — какъ бы въ награду за сознательную, если не умышленную, потерю Риги. Въ подтвержденіе серьезности своихъ требованій онъ ссылался на вооруженную силу, готовую двинуться на Петроградъ по его приказу; и въ самомъ дѣлѣ, какіе-то военные отряды и въ томъ числѣ „дикая дивизія“, были имъ направлены противъ столицы, такъ что вмѣсто возвѣщенной имъ опасности германскаго нашествія намъ угрожало нападеніе нашихъ собственныхъ русскихъ войскъ подъ командой русскаго верховнаго главнокомандующаго. „Первый солдатъ Временнаго Правительства“ внезапно превратился въ мятежника, устроителя вооруженнаго возстанія противъ существующей государственной власти, представляющей собою новую революціонную Россію. Чѣмъ объяснить это неожиданное, явно преступное предпріятіе человѣка, котораго выдвинула революція и которому она довѣрилась съ первыхъ же дней своего тор-

жества? На что онъ разсчитывалъ, на что надѣялся и кого имѣлъ за собою? Нѣтъ сомнѣнія, что въ русскомъ обществѣ бродила мысль о контръ-революціи, о необходимости положить конецъ разнузданной анархіи въ странѣ и особенно въ арміи, придать устойчивость правительственной организаціи, обезпечить внѣшній порядокъ и общественное спокойствіе, — и эта мысль, встрѣчавшая все большее сочувствіе и поддержку среди имущихъ классовъ населенія, могла вдохновить какого-нибудь популярнаго генерала на страшно рискованное дѣло; но гдѣ у насъ тѣ генералы, за которыми слѣпо пошли бы преданныя имъ войска, какъ за новымъ Бонапартомъ? На этотъ разъ оказалось спасительнымъ существованіе въ арміи выборныхъ комитетовъ, какъ посредствующихъ инстанцій между командным составомъ и солдатской массой; эти демократическіе комитеты никакъ не могли бы согласиться принять участіе въ контръ-революціи, направленной къ возстановленію прежней военной дисциплины и къ отмѣнѣ пріобрѣтенныхъ солдатами гражданскихъ правъ. Солдатская масса не находится теперь въ безусловномъ распоряженіи офицерства, и нельзя было бы заставить ее идти на Петроградъ иначе какъ путемъ обмана, который раскрылся бы тотчасъ при приближеніи къ столицѣ. Невозможно было бы предположить, что войска, не желающія воевать съ германцами, пойдутъ сражаться со своими же и при томъ противъ своихъ собственныхъ интересовъ, только въ силу явно незаконнаго приказа главнокомандующаго. Генералъ Корниловъ показалъ арміи плохой примѣръ дисциплины и уваженія къ законамъ; но, какъ высшій отвѣтственный начальникъ русскихъ войскъ, стоящихъ на фронтѣ предъ лицомъ побѣдоноснаго врага, онъ совершалъ величайшее изъ преступленій; онъ задумалъ и подготовилъ междоусобную войну въ самый опасный моментъ внѣшняго непріятельскаго наступленія, обезсилилъ и парализовалъ оборону и открылъ противнику прямую дорогу къ Петрограду. Къ счастью, предпріятіе генерала Корнилова было обречено на неудачу благодаря именно той демократизаціи арміи, противъ которой онъ такъ рѣшительно возставалъ; онъ требовалъ смертной казни для солдатъ за неповиновеніе, за самовольный уходъ съ фронта, и теперь, несмотря на свое высокое отвѣтственное положеніе въ арміи, онъ самъ подвелъ себя подъ свои суровыя мѣры, согласно римскому изреченію: „patere legem quam ipse tulisti“ (терпи законъ, который ты самъ установилъ); онъ на собственномъ примѣрѣ доказалъ безсиліе смертной казни въ дѣлѣ предупрежденія извѣстнаго рода преступныхъ дѣйствій и замысловъ, — и конечно, къ нему лично не будетъ примѣнена эта устрашающая карательная мѣра.

Нравственные мотивы поступка генерала Корнилова столь же загадочны, какъ и военные и политическіе. Онъ находилъ, что Правительство не стоитъ на высотѣ событій; но съ чего онъ взялъ, что онъ самъ стоитъ на высотѣ и поведетъ дѣла лучше существующаго Временнаго Правительства? На чемъ основывалъ онъ возможность навязывать свою личную волю русскому обществу, всѣмъ его различнымъ партіямъ и группамъ, въ томъ числѣ солдатамъ и рабочимъ? Чѣмъ доказалъ онъ свою способность управлять государствомъ и благополучно разрѣшать труднѣйшіе и важнѣйшіе вопросы даннаго момента? Какъ боевой генералъ, онъ имѣлъ, вѣроятно, свои достоинства и заслуги; онъ пріобрѣлъ извѣстность своимъ бѣгствомъ изъ германскаго плѣна, но не успѣлъ одержать ни одной побѣды и далеко не пользовался такою репутаціею и военнымъ авторитетомъ, какъ Брусиловъ, Алексѣевъ, Рузскій; онъ съ самаго начала революціи сдѣлался почему-то фаворитомъ Временнаго Правительства и оставался имъ еще наканунѣ своего выступленія.

Такъ называемое возстаніе Корнилова было легко подавлено, безъ кровопролитія, и этимъ мы прежде всего обязаны благоразумію и сдержанности вовлеченныхъ въ него войскъ. Первымъ послѣдствіемъ этой контръ-революціонной попытки было рѣшеніе Временнаго Правительства немедленно провозгласить „Россійскую республику", чтобы „положить предѣлъ внѣшней неопредѣленности государственнаго строя"; соотвѣтственно этому рѣшенію было объявлено въ актѣ 1-го сентября, что „государственный порядокъ, которымъ управляется Россійское государство, есть порядокъ республиканскій". Дѣлая этотъ серьезный шагъ — формально, можетъ быть, неправильный, какъ вторгающійся въ компетенцію будущаго Учредительнаго Собранія, — Правительство въ сущности только констатировало и подтверждало существующее положеніе вещей, исключающее, повидимому, всякую мысль о реставраціи. Ничего другого, кромѣ республики, не можетъ установить у насъ никакое Учредительное Собраніе, хотя бы самое консервативное, — ибо старая династія окончательно себя похоронила, и о воцареніи кого-либо изъ ея представителей не можетъ быть и рѣчи, а создавать новую династію было бы слишкомъ нелѣпо. Само собою разумѣется, что офиціальное признаніе республики ни въ чемъ не измѣнитъ внутренняго состоянія страны, не устранитъ партійной розни, не прибавитъ крѣпости и устойчивости Временному Правительству и не предупредитъ дальнѣйшихъ контръ-революціонныхъ заговоровъ. Актъ 1-го сентября имѣетъ значеніе, главнымъ образомъ, для нашихъ союзниковъ, которые до послѣдняго времени не считали установившагося у насъ демократическаго государственнаго строя окончательнымъ и вѣрили

еще въ возстановленіе монархіи въ лицѣ великаго князя Михаила Александровича, способности котораго къ роли правителя великаго многомилліоннаго народа абсолютно никому неизвѣстны. Теперь по крайней мѣрѣ прекратятся эти наивные толки и намеки заграничныхъ газетъ по поводу неустойчивости нашихъ внутреннихъ дѣлъ.

Вторымъ послѣдствіемъ Корниловской попытки является всеобщая боязнь контръ-революціи и, въ связи съ этимъ, чрезвычайно усилившееся вліяніе крайнихъ лѣвыхъ партій, преимущественно, такъ называемыхъ, большевиковъ. Въ засѣданіи петроградскаго Совѣта Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ, 31 августа, подавляющимъ большинствомъ принята была резолюція, предложенная большевиками и требующая немедленнаго осуществленія цѣлаго ряда радикальнѣйшихъ реформъ, а именно: „немедленной отмѣны частной собственности на помѣщичью землю безъ выкупа и передачи ея въ завѣдываніе крестьянскихъ комитетовъ съ обезпеченіемъ бѣднѣйшихъ крестьянъ инвентаремъ“ (т. е. скотомъ и орудіями насчетъ неисчерпаемыхъ казенныхъ, т. е. тѣхъ же народныхъ, средствъ?); „немедленнаго возстановленія полной свободы агитаціи въ арміи“, „объявленія тайныхъ дипломатическихъ договоровъ недѣйствительными“ (съ рискомъ прямой ссоры съ правительствами Англіи, Франціи и Сѣверной Америки?) и т. п. Большевики торжествовали и постепенно достигли фактическаго преобладанія въ Совѣтѣ; президіумъ, съ г. Чхеидзе во главѣ, вышелъ въ отставку, и 25 сентября состоялись новые выборы, которые, къ общему удивленію, привели къ избранію на постъ предсѣдателя извѣстнаго союзника гг. Ленина и Зиновьева, г. Троцкаго. Откровенные демагоги завладѣли самымъ вліятельнымъ и, можно сказать, руководящимъ органомъ революціонной демократіи, и такіе заслуженные дѣятели, какъ гг. Чхеидзе и Церетели, должны были уступить мѣсто безцеремоннымъ агитаторамъ, соблазняющимъ народныя массы необычайною щедростью своихъ программъ. Они обѣщаютъ немедленный миръ, хотя бы и сепаратный, и въ этомъ — секретъ ихъ возрастающей популярности въ темныхъ классахъ населенія. Но эта популярность быстро исчезнетъ, когда имъ придется перейти отъ громкихъ словъ къ дѣловой прозаической работѣ.

Временное Правительство, съ своей стороны, совершило рядъ крупныхъ ошибокъ, которыя неминуемо должны были подорвать довѣріе къ завоеваніямъ революціи и къ созданному ею государственному строю. Во-первыхъ, передовые дѣятели, входившіе въ составъ этого Правительства, измѣнили всѣмъ прежнимъ своимъ принципамъ и традиціямъ, допустивъ возстановленіе смертной казни, административной ссылки и произвольныхъ

насилій надъ печатью, при чемъ эти суровыя беззаконныя мѣры мотивировались тѣми же самыми соображеніями, — и даже тѣми же словами — какія обыкновенно приводились въ защиту ихъ при царскомъ режимѣ. Въ-третьихъ, Правительство, по неизвѣстнымъ причинамъ, допустило устраненіе отъ дѣлъ нашихъ лучшихъ генераловъ, — Брусилова, Рузскаго, Алексѣева, Лечицкаго, — которыхъ нельзя было отпускать ни въ коемъ случаѣ, точно такъ же, какъ въ Германіи правительство не могло разстаться съ Гинденбургомъ. Послѣдней, не только военною, но и политическою ошибкою было возложеніе обязанностей верховнаго главнокомандующаго на министра-предсѣдателя, который по своей прошлой дѣятельности не имѣлъ никакого отношенія къ военному дѣлу. Одно изъ двухъ: или званіе верховнаго главнокомандующаго имѣетъ реальное значеніе, и тогда оно можетъ принадлежать только лицу наиболѣе компетентному и авторитетному въ военномъ дѣлѣ; или же это званіе есть только пустой почетный титулъ, а не высшая отвѣтственная должность въ управленіи арміей, и тогда это званіе должно быть отмѣнено. Двусмысленный характеръ верховнаго командованія не можетъ способствовать поддержанію авторитета правительственной власти и водворенію дисциплины въ рядахъ высшаго офицерства и подчиненной ему солдатской массы.

Нечего говорить о томъ впечатлѣніи, какое производятъ печальныя дѣла нашей новорожденной Россійской республики за границей и особенно среди союзныхъ съ нами націй. Добровольное оставленіе Риги русскими войсками по приказу командующихъ генераловъ, не вызванное военною необходимостью, при отсутствіи соотвѣтствующаго напора со стороны германцевъ, о чемъ откровенно заявляется въ офиціальныхъ сообщеніяхъ германскаго генеральнаго штаба, принято было въ западно-европейской печати какъ начало конца Россіи въ качествѣ великой державы. Парижскій „Temps“ видитъ въ оставленіи Риги не только военную, но и моральную катастрофу: „ничто, даже выигранное сраженіе, — по словамъ газеты, — не радуетъ такъ сердце германскаго правительства, какъ зрѣлище революціи, совершающей самоубійство“. Лондонскій „Times“ оправдываетъ дѣйствія Корнилова тѣмъ безысходнымъ положеніемъ, въ какое поставили Россію военные и рабочіе совѣты и комитеты, не дающіе установиться никакому правительственному порядку. „Виды (Россіи) на будущее, — заключаетъ „Times“ свое разсужденіе о нашихъ дѣлахъ, — крайне мрачны, и этотъ фактъ существенно вліяетъ на войну на всѣхъ фронтахъ, и союзники приходятъ уже къ убѣжденію, что даже при самыхъ благопріятныхъ обстоятельствахъ возрожденіе русской военной

силы представляется дѣломъ болѣе или менѣе отдаленнаго будущаго".

Среди союзныхъ странъ не замѣчается уже внѣшнихъ признаковъ и проявленій симпатіи къ русской революціи и къ русской свободѣ; напротивъ, все сильнѣе высказываются совершенно противоположныя чувства, и вмѣстѣ съ тѣмъ все болѣе распространяется взглядъ, что безполезно разсчитывать на дальнѣйшее участіе Россіи въ войнѣ, что не слѣдуетъ уже оказывать ей какую-либо поддержку или принимать во вниманіе ея интересы, а надо предоставить Россію собственной ея судьбѣ. Германія рѣшила воспользоваться такимъ настроеніемъ союзниковъ, чтобы зондировать почву относительно возможныхъ переговоровъ о мирѣ съ западными державами въ ущербъ Россіи; съ этою цѣлью предпринята была дипломатическая кампанія на основѣ мирнаго посредничества папы Бенедикта XV.

Текстъ ноты папы отъ 1-го (14) августа къ правительствамъ воюющихъ державъ составленъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

„Главамъ участвующихъ въ войнѣ народовъ. Съ самаго начала вступленія на папскій престолъ, послѣдовавшаго среди ужасовъ, страшной, разразившейся надъ Европой войны, мы приняли три рѣшенія: относиться съ совершеннымъ безпристрастіемъ ко всѣмъ воюющимъ, какъ подобаетъ тому, кто является отцомъ для всѣхъ и кто любитъ всѣхъ своихъ дѣтей одинаковой любовью; непрестанно стараться сдѣлать всѣмъ, елико возможно, болѣе добра и, при томъ безъ всякаго лицепріятія и независимо отъ національности и религіи, какъ это намъ предписываетъ законъ милосердія и высшій духовный санъ, возложенный на насъ Христомъ; наконецъ, какъ того также требуетъ наша миссія примирителя, не упускать ничего, находящагося въ нашей власти, что могло бы содѣйствовать ускоренію конца этого бѣдствія, и пытаться склонить народы и ихъ вождей къ болѣе умѣреннымъ рѣшеніямъ и къ спокойному обсужденію мира, мира „справедливаго и прочнаго".

Кто слѣдилъ за нашей дѣятельностью въ теченіе этихъ трехъ скорбныхъ лѣтъ, недавно окончившихся, тотъ легко можетъ убѣдиться, что если мы все время оставались вѣрны нашему рѣшенію быть совершенно безпристрастными и посвящали всѣ силы нашей благотворительной работѣ, то мы также не переставали призывать воюющіе народы и правительства стать снова братьями, хотя не все, предпринятое нами для достиженія этой возвышенной цѣли, стало достояніемъ гласности. Въ концѣ перваго года войны мы обратились къ борющимся націямъ съ убѣдительнѣйшимъ призывомъ и, кромѣ того, указали на тотъ путь, по которому надлежитъ идти, дабы достигнуть прочнаго и почетнаго для всѣхъ мира. Къ несчастію, нашъ призывъ не былъ услышанъ, и война со всѣми ея ужасами, съ прежнимъ ожесточеніемъ продолжалась въ теченіе еще двухъ лѣтъ. Она стала даже еще болѣе жестокой и распространилась по землѣ, подъ водой и въ воздухѣ, и человѣчество увидѣло,

какъ на незащищенные города, на спокойныя деревни и на ихъ невинное населеніе обрушились и скорбь, и смерть, и гибель. Да и теперь никто не можетъ себѣ представить, насколько умножатся и усилятся страданія всѣхъ, если къ кровавому трехлѣтію прибавятся новые мѣсяцы или даже новые годы. Неужели цивилизованному міру суждено превратиться въ поле, покрытое трупами, или Европа, столь славная и столь цвѣтущая, какъ бы поддавшись всеобщему безумію, будетъ и дальше катиться въ пропасть, содѣйствуя собственной гибели? При такомъ тревожномъ положеніи, предъ лицомъ столь страшной опасности, мы, не преслѣдуя никакихъ политическихъ цѣлей, не руководствуясь просьбами или интересами ни одной изъ воюющихъ сторонъ, но движимые исключительно сознаніемъ нашего высшаго долга, какъ отца всѣхъ вѣрныхъ, движимые просьбами нашихъ чадъ, просящихъ о нашемъ вмѣшательствѣ и ожидающихъ нашего умиротворяющаго слова, побуждаемые чувствомъ человѣчности и разума, — вновь призываемъ къ миру, вновь обращаемся къ тѣмъ, кто держитъ въ своихъ рукахъ судьбы народовъ. Но, не желая ограничиваться болѣе общими выраженіями, къ чему насъ прежде побуждали обстоятельства, мы хотимъ выступить нынѣ съ болѣе конкретными и практическими предложеніями и пригласить правительства воюющихъ народовъ достигнуть соглашенія по слѣдующимъ вопросамъ, которые, повидимому, должны явиться основой справедливаго и прочнаго мира, предоставивъ этимъ правительствамъ точнѣе опредѣлить и развить эти вопросы. Прежде всего, основнымъ принципомъ должно явиться положеніе, что мѣсто матеріальной силы оружія должна занять моральная сила права. Отсюда слѣдуетъ, что должно быть заключено справедливое всеобщее соглашеніе объ одновременномъ всеобщемъ сокращеніи вооруженій на основаніи правилъ и въ соотвѣтствіи съ гарантіями, которыя должны быть установлены въ мѣрѣ необходимой и достаточной для поддержанія порядка въ каждой странѣ. Далѣе, взамѣнъ войскъ, долженъ быть установленъ арбитражъ, выполняющій высокія миротворческія функціи, въ формахъ, которыя надлежитъ выработать по соглашенію, и располагающій средствами для принужденія тѣхъ государствъ, которыя отказались бы отъ разрѣшенія путемъ арбитража международныхъ вопросовъ или отъ подчиненія вынесенному по этимъ вопросамъ рѣшенію.

Послѣ того, какъ такимъ образомъ будетъ установлено господство права, должны быть уничтожены всѣ преграды, закрывающія народамъ пути сообщенія, и точно такъ же должны быть установлены правила, обезпечивающія дѣйствительную свободу и нейтральность морей. Это, съ одной стороны, устранило бы сразу множество причинъ, способныхъ вызывать конфликты, а съ другой стороны — открыло бы передъ всѣми народами новые источники благополучія и прогресса.

Что касается возстановленія причиненныхъ войной разрушеній и возмѣщенія вызванныхъ ею затратъ, то мы не видимъ иного пути къ разрѣшенію этого вопроса, кромѣ всеобщаго взаимнаго сотрудничества, какъ общаго принципа. Такой исходъ будетъ оправданъ также и неизмѣримыми благодѣяніями всеобщаго разоруженія,

тѣмъ болѣе, что не можетъ быть и мысли о продолженіи этой кровавой бойни исключительно по мотивамъ экономическаго порядка. Если въ единичныхъ случаяхъ найдутся достаточныя основанія для отступленій отъ этого принципа, то они должны быть взвѣшены съ осторожностью и справедливостью.

Однако, эти мирныя соглашенія, со всѣми неисчислимыми преимуществами, въ нихъ заключающимися, не представляются возможными безъ взаимнаго возвращенія занятыхъ территорій. Вслѣдствіе этого, со стороны Германіи должна послѣдовать полная эвакуація Бельгіи, сопровождаемая гарантіей ея полной политической, военной и экономической независимости по отношенію ко всѣмъ державамъ, а также эвакуація французской территоріи. Со стороны другой группы воюющихъ державъ необходима подобная же эвакуація германскихъ колоній.

Что касается остальныхъ территоріальныхъ вопросовъ, напримѣръ, тѣхъ, которые являются предметомъ спора между Италіей и Австріей и между Германіей и Франціей, то надо надѣяться, что, ясно сознавая неизмѣримыя преимущества прочнаго мира, связаннаго съ разоруженіемъ, воюющія стороны постараются разрѣшить ихъ въ согласительномъ духѣ, въ мѣру необходимости, принимая во вниманіе, какъ принципъ справедливости, такъ и фактическія возможности, согласно тому, что нами уже ранѣе говорилось о вожделѣніяхъ народовъ, а именно, согласуя частные интересы съ общимъ благомъ великаго человѣческаго сообщества.

Въ томъ же духѣ непредвзятости и справедливости должны быть подвергнуты разсмотрѣнію другіе территоріальные и политическіе вопросы, а именно, относящіеся къ Арменіи, къ Балканскимъ государствамъ и къ землямъ, составляющимъ части прежняго польскаго государства, къ которому, между прочимъ, его благородныя историческія традиціи и перенесенныя во время настоящей войны страданія должны привлечь симпатіи всѣхъ народовъ.

Таковы главныя основанія, на которыхъ, какъ мы вѣримъ, должна покоиться будущая реорганизація международныхъ отношеній. Они сдѣлаютъ невозможнымъ въ будущемъ повтореніе подобнаго конфликта и подготовятъ разрѣшеніе экономическаго вопроса въ направленіи, благопріятномъ для будущаго и для матеріальнаго благополучія всѣхъ воюющихъ государствъ.

Представляя эти предложенія вамъ, направляющимъ въ этотъ трагическій часъ судьбы воюющихъ народовъ, мы воодушевлены радостной надеждой увидѣть ихъ принятыми вами и дождаться въ ближайшемъ времени окончанія этой ужасной борьбы, которая чѣмъ дальше, тѣмъ больше становится безсмысленнымъ избіеніемъ. Весь міръ признаетъ, кромѣ того, что честь оружія ни съ той, ни съ другой стороны отъ этого не пострадаетъ. Итакъ, не останьтесь глухи къ нашей просьбѣ, примите отеческое приглашеніе, съ которымъ мы къ вамъ обращаемся во имя Божественнаго Искупителя, Властителя міра. Примите во вниманіе вашу тяжкую отвѣтственность передъ Богомъ и людьми. Отъ вашихъ рѣшеній зависитъ благополучіе и радость безчисленныхъ семействъ и молодыхъ воиновъ. Облагодѣтельствуйте народы, по отношенію къ которымъ на васъ

лежитъ безусловный долгъ обезпечить ихъ благополучіе. Да внушитъ вамъ Господь рѣшеніе, согласное съ его святой волей. Да содѣлаетъ небо, чтобы вы, заслуживъ похвалы вашихъ современниковъ, обезпечили себѣ и предъ лицомъ будущихъ поколѣній прекрасное имя миротворцевъ. Въ тѣсномъ молитвенномъ и покаянномъ единеніи со всѣми вѣрными душами, томящимися по миру, мы просимъ, чтобы осѣнилъ васъ божественный разумъ своимъ свѣтомъ и указаніемъ".

Въ приведенной нотѣ излагается въ сущности планъ сепаратнаго мира между центральными имперіями и ихъ западными противниками — Франціею и Англіею, безъ прямого участія Россіи, о которой говорится лишь вскользь и только косвенно, по поводу освобожденія и возрожденія Польши. Папа Бенедиктъ XV предлагаетъ воюющимъ, какъ основу для переговоровъ о мирѣ, — вѣроятно съ вѣдома и согласія германскаго правительства — очищеніе сѣверной Франціи и Бельгіи отъ германскихъ войскъ, съ возстановленіемъ и обезпеченіемъ независимости бельгійскаго государства, — и затѣмъ формулируетъ разныя хорошія пожеланія относительно будущихъ международныхъ гарантій въ видахъ сохраненія постояннаго мира. Что касается Россіи, то ей молчаливо предоставляется примириться съ своею участью и отдать противнику все то, что онъ у нея забралъ и еще пожелаетъ забрать, при чемъ предполагается присоединеніе всѣхъ отнятыхъ у насъ земель къ территоріи польскаго народа. Папа заранѣе привѣтствуетъ Польшу, какъ самостоятельную страну, умалчивая объ обязательной вассальной связи ея съ Германіею и Австріею; онъ вообще съ видимымъ сочувствіемъ относится къ обѣимъ великимъ державамъ, ожидая отъ нихъ желаннаго водворенія прочнаго мирнаго порядка въ Европѣ на новыхъ началахъ свободы и равноправности народовъ.

Впечатлѣніе, произведенное этой папскою идилліею, предвѣщало какъ будто благопріятный отвѣтъ „побѣдителей" и возбудило въ нѣмецкой печати оживленные толки о предположенныхъ будто бы конкретныхъ условіяхъ мира; но это впечатлѣніе было вскорѣ разсѣяно нотою президента Соединенныхъ Штатовъ Вильсона, отъ 15 (28) августа, въ которой по пунктамъ опровергаются благодушныя предположенія Бенедикта XV относительно основаній возможнаго мира. Текстъ этой пространной ноты слѣдующій.

„Сердце каждаго человѣка, который не былъ ослѣпленъ или не очерствѣлъ за время этой ужасной войны, должно быть тронуто этимъ умилительнымъ призывомъ его святѣйшества, должно оцѣнить достоинство и силу тѣхъ гуманитарныхъ и благородныхъ мотивовъ, которыми подсказано это предложеніе, и должно пожелать, чтобы мы вступили на путь мира, на который онъ намъ такъ убѣ-

дительно указываетъ; но было бы безразсудствомъ вступить на этотъ путь, если онъ, въ дѣйствительности, не приведетъ насъ къ той цѣли, которую онъ предлагаетъ. Нашъ отвѣтъ долженъ основываться на непреложныхъ фактахъ и только на нихъ, такъ какъ онъ желаетъ не только окончанія войны, но и прочнаго длительнаго мира. Намъ не слѣдуетъ опять возвращаться къ тѣмъ же страданіямъ, а путемъ совершенно трезвыхъ сужденій, слѣдуетъ установить, что можетъ обезпечить насъ отъ этихъ страданій. Его святѣйшество, въ сущности, предлагаетъ намъ возвратиться къ положенію, существовавшему до войны, съ тѣмъ, чтобы потомъ установилось общее взаимное прощеніе, разоруженіе и согласіе народовъ на основаніи принципа арбитража; чтобы, на основаніи такого же соглашенія, была установлена свобода морей и чтобы территоріальныя требованія Франціи и Италіи, затруднительныя проблемы балканскихъ государствъ и возрожденіе Польши были бы предоставлены такимъ примирительнымъ компромиссамъ, какіе окажутся возможными. При новомъ характерѣ подобнаго мира, должное вниманіе должно быть обращено на стремленіе народовъ, политическая судьба и этническая связь которыхъ затронута. Очевидно, что ни одна часть этой программы не можетъ быть успѣшно выполнена, если возвращеніе къ прежнему положенію не представитъ твердой и удовлетворительной почвы для этого.

Цѣлью этой войны является освобожденіе независимыхъ народовъ всего міра отъ угрозъ и отъ реальной опасности обширной военной организаціи, находящейся подъ контролемъ безотвѣтственнаго правительства, которое тайно стремилось къ господству надъ всѣмъ міромъ и приступило къ исполненію этого плана безъ всякаго вниманія къ священнымъ обязательствамъ, налагаемымъ трактатами и давно существующими обычаями, и къ принципамъ международныхъ отношеній и чести, которые съ давнихъ поръ почитались священными. Организація эта нанесла задуманный ею ударъ свирѣпо и внезапно, не останавливаясь ни передъ какими преградами, не сдерживаемая ни закономъ, ни завѣтами милосердія, и залила весь континентъ потокомъ крови не только солдатъ, но и невинныхъ женщинъ и дѣтей и безпомощныхъ бѣдняковъ. И вотъ, сила эта, пріостановленная въ своемъ натискѣ, но не сломленная, стоитъ передъ четырьмя пятыми населенія земного шара въ качествѣ врага. Сила эта — не германскій народъ, а жестокій властелинъ германскаго народа.

Не наше дѣло разсматривать, какимъ образомъ этотъ великій народъ подпалъ подъ эту власть или почему онъ на нѣкоторое время сдѣлался пассивнымъ орудіемъ ея цѣлей, но наше дѣло добиться того, чтобы исторія остальныхъ народовъ міра болѣе не была предоставлена этой власти. Имѣть дѣло съ подобной властью на основаніи того мира, который предлагается его святѣйшествомъ папой, означало бы, насколько мы можемъ усмотрѣть, возстановленіе этой мощи и возобновленіе ея политики, а это принудило бы насъ установить постоянную враждебную коалицію народовъ противъ германскаго народа, являющагося орудіемъ ихъ, а кромѣ того, намъ пришлось бы предоставить обновленную Россію интри-

гамъ и многообразнымъ пріемамъ тонкаго вмѣшательства въ ея внутреннія дѣла и неминуемой вслѣдствіе этого контръ-революціи, на организаціи которой сосредоточились бы всѣ тѣ злостныя вліянія, съ которыми шесть поколѣній германскаго правительства уже давно ознакомили весь міръ.

Можетъ ли міръ быть основанъ на возстановленіи такой власти, или на какихъ бы то ни было обѣщаніяхъ и честномъ словѣ такой власти въ мирномъ договорѣ, ею подписанномъ. Отвѣтственные государственные люди теперь, конечно, всѣ, гдѣ бы они ни были, увидятъ, если они до сихъ поръ еще не увидѣли этого, — что никакой миръ не можетъ основываться на политическихъ или экономическихъ ограниченіяхъ, которыя имѣютъ въ виду пользу однихъ народовъ и вредъ или затрудненія для другихъ, на какихъ бы то ни было дѣйствіяхъ мести, реванша или сознательной несправедливости.

Американскій народъ подвергся невыносимымъ оскорбленіямъ со стороны германскаго правительства, но онъ не желаетъ никакихъ репрессій въ отношеніи германскаго народа, который самъ подвергался всякимъ страданіямъ въ теченіе этой войны, которой онъ самъ не могъ желать. Американскій народъ считаетъ, что миръ долженъ основываться на правахъ народовъ, а не на правахъ правительствъ; на правахъ народовъ, великихъ и малыхъ, сильныхъ и слабыхъ, на равномъ правѣ ихъ на свободу, безопасность и самоуправленіе, и на участіи ихъ на справедливыхъ основахъ въ экономической жизни всего міра. Германскій народъ, конечно, также подразумѣвается въ этомъ перечнѣ, если только онъ признаетъ принципъ равенства и не стремится къ господству. Вслѣдствіе этого, пробой для всякаго мирнаго предложенія является то, основывается ли этотъ миръ на чести всѣхъ заинтересованныхъ народовъ, а не только, съ одной стороны, на словѣ властолюбиваго и интригующаго правительства, а съ другой — на словѣ группы свободныхъ народовъ. Такая проба доходитъ до корня вопроса, и подобная проба должна быть примѣнена и къ этому предложенію.

Цѣли Соединенныхъ Штатовъ въ этой войнѣ извѣстны всему міру и каждому народу, которому дозволено ознакомиться съ правдой; эти цѣли не нуждаются въ новомъ изложеніи. Мы не стремимся ни къ какимъ матеріальнымъ выгодамъ, и мы полагаемъ, что невыносимыя оскорбленія, которыя были нанесены въ этой войнѣ свирѣпой и грубой силой императорскаго германскаго правительства, должны быть искуплены, но не цѣною суверенитета какого бы то ни было народа, а, вѣрнѣе, путемъ возстановленія суверенитета какъ тѣхъ, кто слабъ, такъ и тѣхъ, кто силенъ. Нанесеніе вреда, какъ наказаніе, расчлененіе имперіи, установленіе эгоистичныхъ и исключительныхъ экономическихъ лигъ, мы считаемъ нецѣлесообразнымъ средствомъ и даже болѣе нежели излишнимъ, такъ какъ это не можетъ служить надлежащей основой для какого бы то ни было мира, а менѣе всего, для постояннаго мира. Такой миръ долженъ быть основанъ на справедливости, добросовѣстности и на общихъ правахъ человѣчества.

Мы не можемъ принять слово нынѣшнихъ руководителей Гер-

маніи въ качествѣ гарантіи какого-либо длительнаго положенія, если только это слово не будетъ формально подтверждено такимъ дѣйствительнымъ выраженіемъ воли и намѣренія самого германскаго народа, какое въ глазахъ другихъ народовъ всего міра могло бы служить оправданіемъ для принятія такого слова. Безъ такихъ гарантій трактаты объ установленіи новаго порядка соглашенія о разоруженіи и договоры для установленія арбитража вмѣсто силы, территоріальное устройство, возстановленіе маленькихъ народовъ, если они состоятся по соглашенію съ германскимъ правительствомъ, не могутъ внушить довѣрія ни одному человѣку и ни одной націи. Мы должны дождаться новаго изъявленія намѣреній великихъ народовъ центральныхъ державъ. Дай Богъ, чтобы это случилось скоро, и чтобы, такимъ образомъ, оно могло возстановить вѣру всѣхъ народовъ въ честь націй и въ возможность договорнаго мира".

Исчерпывающій практическій отвѣтъ президента Вильсона, очевидно, разстроилъ всю комбинацію, основанную на мирномъ посредничествѣ Ватикана, и центральныя державы заговорили въ совершенно другомъ тонѣ, чѣмъ ожидалось раньше. Оба правительства просто обошли вопросъ о реальныхъ условіяхъ мира, не упомянули даже объ очищеніи территорій Бельгіи и сѣверной Франціи, и пустились въ общія разсужденія о будущемъ идеальномъ устройствѣ международныхъ отношеній подъ могущественною благодѣтельною опекою Гогенцоллерновъ и Габсбурговъ. Эти пространныя дипломатическія разсужденія чрезвычайно характерны, и мы считаемъ нужнымъ привести ихъ здѣсь цѣликомъ. Германскій отвѣтъ, отъ 8 (21) сентября, гласитъ:

„Г-нъ кардиналъ. Вашему преосвященству угодно было передать императору при письмѣ вашемъ отъ 14-го (2-го) августа сообщеніе папы, исполненное озабоченности по поводу вызываемыхъ міровой войной опустошеній и обращающееся къ главамъ правительствъ участвующихъ въ войнѣ народовъ съ трогательнымъ призывомъ къ миру.

Императоръ поручилъ мнѣ отвѣтить на эту ноту. Въ теченіе долгаго времени его величество съ глубокимъ уваженіемъ и искренней благодарностью слѣдитъ за усиліями его святѣйшества смягчить, по мѣрѣ возможности, вызываемыя войной страданія въ духѣ истиннаго безпристрастія, а также ускорить моментъ окончанія враждебныхъ дѣйствій. Императоръ усматриваетъ въ послѣднемъ шагѣ его святѣйшества доказательство его благородства и гуманныхъ чувствъ. Императоръ самымъ горячимъ образомъ желаетъ, чтобы призывъ папы увѣнчался успѣхомъ на благо всего міра.

Стремленіе папы Бенедикта XV проложить путь къ соглашенію между народами могло съ тѣмъ большей увѣренностью разсчитывать на сочувственный пріемъ и убѣжденную поддержку его величества, что императоръ съ самаго вступленія на престолъ усматривалъ свою благороднѣйшую и священнѣйшую задачу въ томъ, чтобы сохранить германскому народу и всему міру блага мира.

Въ первой же своей тронной рѣчи, произнесенной при открытіи германскаго рейхстага 12-го (25-го) іюня 1888 г., императоръ далъ обѣщаніе, что его любовь къ германской арміи и занимаемое имъ относительно нея положеніе, никогда не введутъ его въ искушеніе лишить страну благословеній мира иначе, какъ въ томъ единственномъ случаѣ, если война будетъ навязана намъ необходимостью, вслѣдствіе нападенія на насъ или нашихъ союзниковъ. Назначеніемъ же германской арміи, по мысли императора, было обезпечить намъ миръ; а въ томъ случаѣ, если бы послѣдній все же былъ нарушенъ, она должна была оказаться въ состояніи съ честью завоевать его для насъ оружіемъ.

Въ продолженіе своего 26-лѣтняго благословеннаго правленія, императоръ, вопреки всѣмъ проискамъ недоброжелателей и искушеніямъ, сдержалъ данное имъ обѣщаніе. Также и во время кризиса, предшествовавшаго теперешнему пожару, охватившему міръ, императоръ до послѣдняго момента стремился разрѣшить споръ мирными путями.

Послѣ того, какъ война, вопреки его волѣ и желанію все-таки разразилась, императоръ въ согласіи со своими высокими союзниками первымъ выразилъ свою готовность вступить въ мирные переговоры. За его величествомъ стоялъ съ дѣйственной волей къ миру германскій народъ.

Германія стремилась къ свободному развитію принадлежащихъ ей духовныхъ и матеріальныхъ благъ внутри своихъ національныхъ границъ, а за ихъ предѣлами — къ свободной конкуренціи съ равноправными и пользующимися равнымъ уваженіемъ націями. Свободное соревнованіе во всемъ мірѣ мирно соперничающихъ другъ съ другомъ силъ должно было повести къ высшему совершенствованію благороднѣйшихъ свойствъ человѣчества.

Между тѣмъ несчастное сцѣпленіе обстоятельствъ въ 1914 г. прервало процессъ развитія, подававшій наилучшія надежды, и превратило Европу въ залитую кровью арену.

При обсужденіи значенія, которое надлежитъ признать за обращеніями его святѣйшества, императорское германское правительство не преминуло подвергнуть добросовѣстному изученію содержащіяся въ немъ предложенія (Angegungen).

Особыя мѣры, принятыя при обсужденіи поставленныхъ вопросовъ и выработкѣ отвѣта на нихъ въ тѣснѣйшемъ контактѣ съ германскимъ народнымъ представительствомъ доказываютъ, сколь близко къ сердцу приняло императорское правительство задачу въ соотвѣтствіи желаніями его святѣйшества и съ резолюціею германскаго рейхстага о мирѣ, принятой 19-го іюля (н. ст.) и требующею изыскать пріемлемыя основанія для справедливаго и прочнаго мира.

Съ особымъ сочувствіемъ императорское правительство привѣтствуетъ руководящую мысль мирнаго призыва папы, въ которомъ его святѣйшество ясно выражаетъ свое убѣжденіе, что въ будущемъ моральная сила права должна стать на мѣсто матеріальной силы оружія. Мы также проникнуты убѣжденіемъ, что больной организмъ человѣческаго общества можетъ исцѣлиться лишь посредствомъ укрѣпленія моральной силы права.

Слѣдствіемъ принятія этой точки зрѣнія должно, по мнѣнію его святѣйшества, явиться одновременное численное уменьшеніе боевыхъ силъ всѣхъ странъ и введеніе обязательнаго третейскаго суда для разрѣшенія спорныхъ международныхъ вопросовъ. Мы раздѣляемъ взглядъ его святѣйшества, что созданіе опредѣленныхъ и надежныхъ гарантій, какъ одновременнаго и взаимнаго ограниченія вооруженій на сушѣ, на морѣ и въ воздухѣ, такъ и установленія дѣйствительной свободы морей, составляютъ такую тему, при обсужденіи которой долженъ найти свое первое многообѣщающее выраженіе новый духъ, коему въ будущемъ надлежитъ господствовать во взаимныхъ отношеніяхъ государствъ.

При этомъ сейчасъ представилась бы задача разрѣшенія возникающихъ международныхъ разногласій не примѣненіемъ вооруженныхъ силъ, а мирными способами и въ особенности третейскимъ судомъ, миротворческое вліяніе котораго мы такъ же полно признаемъ, какъ и его святѣйшество.

Въ виду этого, императорское правительство будетъ поддерживать всякое предложеніе, совмѣстимое съ жизненными интересами Германской имперіи и германскаго народа. Географическое положеніе Германіи и ея потребности дѣлаютъ для нея необходимымъ мирное сожительство съ сосѣдними и даже отдаленными странами. Поэтому ни одинъ народъ не имѣетъ болѣе сильныхъ основаній желать, чтобы, вмѣсто всеобщихъ ненависти и борьбы, между народами воцарился духъ миролюбія и братства. Когда народы, руководимые этимъ духомъ, придутъ къ убѣжденію, что выдвигать во взаимныхъ отношеніяхъ всѣ начала объединяющія — болѣе важно, чѣмъ начала разъединяющія, тогда удастся урегулировать отдѣльные, еще остающіеся открытыми, спорные вопросы этимъ путемъ, чтобы для всѣхъ народовъ были созданы удовлетворительныя условія мира и чтобы повтореніе большихъ міровыхъ катастрофъ сдѣлалось невозможнымъ. Лишь при этомъ предположеніи можетъ быть положено основаніе продолжительному миру, который будетъ благопріятствовать возобновившемуся духовному сближенію и возобновившемуся развитію человѣческаго общества. Это глубокое и искреннее убѣжденіе позволяетъ намъ питать увѣренность, что наши противники также усмотрятъ въ предложенныхъ его святѣйшествомъ ихъ вниманію мысляхъ достаточное основаніе къ тому, чтобы при условіяхъ, соотвѣтствующихъ духу справедливости и положенію въ Европѣ, приступить къ подготовкѣ будущаго мира.

Еще болѣе благожелательнымъ духомъ проникнутъ австрійскій отвѣтъ:

„Святѣйшій отецъ! Съ должнымъ благовѣніемъ и глубокимъ волненіемъ узнали мы о новомъ шагѣ передъ главами другихъ воюющихъ державъ, предпринятомъ вашимъ святѣйшествомъ во исполненіе священнаго долга, возложеннаго на васъ Господомъ, долга, состоящаго въ томъ, чтобы примирить между собою подверженные тяжкому испытанію народы и тѣмъ вернуть имъ миръ. Съ благодарностью приняли мы этотъ новый даръ отеческаго по-

печенія, дарованный вами всѣмъ народамъ безъ различія, и отъ глубины души привѣтствуемъ мы тотъ потрясающій призывъ, который обращенъ былъ вашимъ святѣйшествомъ къ воюющимъ народамъ. Въ теченіе всей этой жестокой войны мыслили мы о вашемъ святѣйшествѣ, какъ о высочайшей личности, стоящей въ силу своей миссіи выше всего земного и въ силу высокаго пониманія своего долга выше всѣхъ воюющихъ народовъ, недоступно никакимъ вліяніямъ и потому могущей найти путь къ осуществленію нашего желанія установить прочный и для всѣхъ почетный миръ.

По восшествіи на тронъ нашихъ отцовъ, мы, сознавая отвѣтственность, лежащую на насъ передъ Богомъ и людьми за судьбы ввѣренной намъ австро-венгерской монархіи, никогда не упускали изъ виду высокой цѣли привести наши народы къ благодѣтельному миру. Непосредственно послѣ вступленія нашего въ управленіе страной, дано было намъ совмѣстно съ нашими союзниками, предпринять подготовительный шагъ къ почетному и прочному миру, подготовленный уже нашимъ предшественникомъ, императоромъ Францемъ-Іосифомъ.

Въ тронной рѣчи, произнесенной нами при открытіи австрійскаго и венгерскаго парламента, мы выразили это наше желаніе и подчеркнули при этомъ, что мы стремимся къ миру, который можетъ обезпечить жизнь и будущее народовъ отъ ненависти и мстительности и спасти ихъ на многія поколѣнія отъ необходимости примѣненія силы оружія. Наше объединенное правительство, въ то же время, неоднократно въ убѣдительныхъ и всему міру доступныхъ декларацiяхъ выражало волю, какъ нашу, такъ и австро-венгерскихъ народовъ, положить конецъ кровопролитію путемъ заключенія такого же мира, какой имѣлся въ виду и вашимъ святѣйшествомъ.

Въ радостномъ сознаніи, что наши желанія съ самаго начала направлены были къ цѣли, которую ваше святѣйшество признаетъ достойной, мы подвергли предложенныя вашимъ святѣйшествомъ конкретныя и практическія указанія подробному разсмотрѣнію и пришли къ слѣдующему результату: Мы съ глубокимъ убѣжденіемъ привѣтствуемъ руководящую мысль вашего святѣйшества о томъ, что будущій международный строй долженъ быть основанъ на моральной силѣ права и на владычествѣ международной справедливости и законности, при полномъ исключеніи силы оружія.

Мы также питаемъ надежду на то, что ростъ правосознанія приведетъ къ моральному возрожденію человѣчества. Поэтому мы присоединяемся ко взгляду вашего святѣйшества, согласно которому переговоры между воюющими державами должны привести къ соглашенію о созданіи международныхъ гарантій, при которыхъ возможно будетъ до извѣстной степени одновременное всеобщее и постепенное разоруженіе войскъ и морского и воздушнаго флота, а также къ освобожденію принадлежащихъ всѣмъ народамъ открытыхъ морей отъ полнаго или хотя бы частичнаго владычества отдѣльныхъ державъ, и къ открытію ихъ для всеобщаго пользованія. Вполнѣ сознавая великое значеніе для будущаго мира

предложенія вашего святѣйшества о разрѣшеніи международныхъ вопросовъ всемірнымъ трибуналомъ, мы согласны вступить въ переговоры и объ этомъ предложеніи, если удастся достигнуть такого соглашенія между воюющими, которое приведетъ къ осуществленію этой возвышенной мысли и тѣмъ обезпечитъ безпрепятственное дальнѣйшее развитіе Австро-Венгерской монархіи. Тогда не представитъ чрезмѣрныхъ затрудненій удовлетворительное разрѣшеніе воюющими державами и остальныхъ вопросовъ въ духѣ справедливости и должнаго вниманія ко взаимнымъ жизненнымъ интересамъ.

Если бы народы согласились вступить въ переговоры въ указанномъ вашимъ святѣйшествомъ миролюбивомъ духѣ, то въ результатѣ этихъ переговоровъ былъ бы достигнутъ прочный миръ. Они привели бы къ полной свободѣ открытыхъ морей. Тяжкія экономическія послѣдствія войны могли бы быть устранены, и могли бы быть открыты новые источники благосостоянія. Руководимые духомъ умѣренности и примиренія, усматриваемъ мы въ сдѣланныхъ вашимъ святѣйшествомъ предложеніяхъ достаточную основу для открытія переговоровъ, которые смогутъ подготовить миръ справедливый и прочный, и твердо надѣемся, что и наши сегодняшніе враги руководятся той же мыслью. Мысля такъ, просимъ мы Всевышняго, да благословитъ Онъ начатое вашимъ святѣйшествомъ дѣло мира".

Австрійское правительство проявляетъ необыкновенное великодушіе относительно будущаго, обѣщаетъ послѣ войны проводить и подтверждать новые благотворные принципы международнаго права, но ничего не говоритъ о томъ, какъ оно намѣрено поступить съ разгромленною австрійцами Сербіею, и думаетъ ли оно дать надлежащую автономію хорватамъ, словакамъ и румынамъ, подвластнымъ до сихъ поръ австро-венгерской монархіи. Австрійскій министръ иностранныхъ дѣлъ, графъ Чернинъ, въ своей рѣчи, произнесенной въ Будапештѣ 19 сентября, изложилъ цѣлую программу коренныхъ реформъ въ духѣ пацифизма: онъ стоитъ за всеобщее полное разоруженіе сухопутныхъ и морскихъ силъ, за обязательное подчиненіе державъ международному трибуналу, за свободу экономическихъ и торговыхъ сношеніи между всѣми народами и за отказъ отъ всякой мысли о реваншѣ въ будущемъ. Австро-Венгрія, по мнѣнію графа Чернина, „доказала свою жизнеспособность и военную мощь", и она имѣетъ теперь возможность „положить оружіе одновременно съ своими врагами и предъ лицомъ международнаго суда привести существующіе споры къ мирному разрѣшенію"; но она измѣнитъ свои условія и сохранитъ за собою свободу дѣйствій, если противники откажутся прекратить войну. Министръ увѣренъ, что черезъ годъ военное положеніе центральныхъ имперій будетъ еще болѣе благопріятно, чѣмъ въ настоящее время; онъ не доказываетъ своей мысли, но думаетъ,

очевидно, что главный врагъ Австро-Венгріи окончательно побѣжденъ и не подымется больше. Паденіе Риги послужило нагляднымъ доказательствомъ полнаго торжества Германіи на важнѣйшемъ для нѣмцевъ восточномъ фронтѣ; послѣдовавшее затѣмъ занятіе германцами острововъ Даго и Эзеля отдаетъ весь Рижскій заливъ во власть непріятеля, угрожая Финляндіи и Петрограду.

Всѣ мечтаютъ у насъ о мирѣ, но достигнуть его при настоящихъ обстоятельствахъ можно только однимъ способомъ — подчиненіемъ волѣ Вильгельма II и безпрекословнымъ принятіемъ тѣхъ условій, которыя онъ предпишетъ намъ совмѣстно съ императоромъ Карломъ V. Въ этомъ случаѣ Россійская республика своими руками надолго укрѣпила бы монархическій принципъ въ центральной Европѣ, заслужила бы презрѣніе и вражду союзныхъ западно-европейскихъ націй и подготовила бы свое собственное паденіе.

Что же дѣлается у насъ въ виду этой грозной перспективы? Открываются все новыя говорильни, спорятъ безъ конца о партійномъ составѣ Правительства, о буржуазіи и капитализмѣ, предлагаютъ сразу рѣшить всѣ соціальные вопросы и перевернуть вверхъ дномъ весь хозяйственный бытъ страны, пристраиваются такъ или иначе къ „общественному пирогу“, предъявляютъ неслыханныя требованія къ государственному казначейству и доводятъ государственные расходы (не считая военныхъ) до фантастическихъ размѣровъ, принимаютъ разныя широковѣщательныя резолюціи и все еще сомнѣваются, слѣдуетъ ли обороняться отъ внѣшняго врага или надо ему предоставить свободу дальнѣйшаго движенія къ русской столицѣ. Между тѣмъ лучшіе дѣятели нашей интеллигенціи молчатъ или держатся въ сторонѣ, — и никто не крикнетъ увлекающимся представителямъ нашихъ многочисленныхъ демократическихъ и партійныхъ организацій: „Остановитесь, одумайтесь, пока еще не поздно! Вѣдь вы губите Россійскую республику своими безконечными внутренними распрями и возрастающими притязаніями, — губите не только матеріально, но и морально, и вмѣстѣ съ нею хороните тѣ возвышенные идеалы, за которые боролись и жертвовали собою благороднѣйшіе русскіе люди въ теченіе многихъ десятилѣтій!“

Л. Слонимскій.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Herbert Spencer. By Hugh Elliot L. 1917.

Требовалось большое мужество, чтобы въ настоящее время написать и издать книгу о Гербертѣ Спенсерѣ. Казалось, все говорило противъ такого предпріятія. Вѣдь ни одинъ философъ, ни одинъ писатель такъ много не потерялъ въ популярности, какъ именно этотъ, быть можетъ, крупнѣйшій мыслитель второй половины XIX вѣка. Вся теперешняя жизнь какъ бы служитъ опроверженіемъ, если не истинности его идей, то ихъ пріемлемости, ихъ проникновенія въ глубь нашего сознанія, ихъ вліянія на общество. Казалось, что именно наше время съ царствующими вокругъ теоретическими взглядами и практикой поведенія наиболѣе полно игнорируетъ Спенсера, не хочетъ знать ни его „принциповъ", ни его теорій и осужденій. И вдругъ, когда отъ спенсеровскаго ученія уже, какъ будто ничего не осталось, появляется довольно большая книга „Гербертъ Спенсеръ" и, что еще любопытнѣе, книга имѣетъ огромный успѣхъ: о ней не только печатаются вездѣ обширныя рецензіи, но во многихъ изданіяхъ по поводу нея затѣвается полемика, въ которой принимаютъ участіе Бернардъ Шоу, Коуртни, Гавелокъ, Эллисъ и др. извѣстные англійскіе писатели. И добро бы книга представляла собою, сама по себѣ, нѣчто замѣчательное. Авторъ ея даетъ лишь гладкое изложеніе содержанія „Синтетической философіи", заключавшейся вначалѣ въ 10 томахъ, изданныхъ, какъ извѣстно, въ разное время. Къ этому онъ прибавляетъ изложеніе и нѣкоторыхъ другихъ работъ Спенсера, имѣющихъ тѣсную связь съ его философіей, хотя и не вошедшихъ въ число ея томовъ, и сопровождаетъ все это нѣкоторыми біографическими данными о философѣ и кое-какими отдѣльными критическими или одобрительными замѣчаніями. Книга, конечно, полезна для тѣхъ, которые или вовсе не читали Спенсера или забыли то, что читали. Она возстановитъ многое или возбудитъ интересъ къ знакомству съ сочиненіями великаго мыслителя, а нѣкоторыя замѣчанія автора объ этихъ сочиненіяхъ, разсматри-

ваемыхъ при свѣтѣ новѣйшихъ научныхъ данныхъ помогутъ, хотя и немного, разобраться въ утвержденіяхъ Спенсера, который во многихъ областяхъ знанія являлся то піонеромъ, то самостоятельнымъ творцомъ.

Интересъ книги Эллiота, однако, не столько въ содержаніи ея самомъ по себѣ, сколько въ выходѣ ея на свѣтъ въ настоящій моментъ. И въ самомъ дѣлѣ, передъ нами философія, одинъ изъ главныхъ принциповъ которой выдвигаетъ, какъ основу прогресса соціальнаго, свободу личности противъ власти государства, а между тѣмъ власть государства приняла на дѣлѣ такіе размѣры, что отъ свободы личности осталось какъ бы только пріятное воспоминаніе, и рабство, подъ тѣмъ или другимъ именемъ и видомъ, быстро надвигается на европейское общество.

Спенсеръ училъ, что по типу своей организаціи общества раздѣляются на индустріальныя и милитарныя, при чемъ войны свойственны второму типу, а мирное сожительство народовъ — первому типу. А на дѣлѣ мы видимъ, что именно индустріальный вѣкъ, что именно государства съ наиболѣе развитой индустріей воспламенили народы на войну, самую страшную, самую большую и опустошительную, какую только знала исторія. Онъ требовалъ даже въ то время, когда о вооруженіяхъ народовъ, какія предпринимались въ послѣднія пять или десять лѣтъ передъ войной, и представленія не имѣли, уменьшенія вооруженій, такъ какъ они не только служатъ послѣдствіемъ, но и причиной войнъ, а Европа только то и дѣлала, что строила новые и расширяла старые арсеналы и оружейные заводы.

Но замѣчательно, что эта казавшаяся такой несовременной книга о непринятой и низвергнутой якобы въ прахъ философіи напомнила о многихъ истинахъ, высказанныхъ Спенсеромъ и получившихъ особенное значеніе въ наше время.

„Еще разъ, во время войны, я прочелъ Спенсера, — разсказываетъ въ своей книгѣ Эллiотъ, — и въ головѣ возникаетъ невольно мысль, что, если бы Европа слѣдовала за Спенсеромъ, этой войны никогда бы не произошло. Европа теперь купается въ крови; ея богатство и благосостояніе исчезаютъ. Духъ Трейчке восторжествовалъ надъ духомъ Спенсера, нѣмецкая метафизика — надъ здравымъ смысломъ Англіи. И прочитывая еще разъ Спенсера, я пришелъ къ заключенію, что, несмотря на его ошибки, его ученіе было основательно и вѣрно. Пусть Европа пошла по другому пути. Но взгляните на результаты.“

Эллiотъ тутъ, конечно, подразумѣваетъ ростъ соціализма въ ущербъ индивидуальной свободѣ; но онъ признаетъ, что Гербертъ

Спенсеръ преувеличивалъ страхи передъ соціализмомъ, какъ передъ системой, ведущей къ рабству и къ вырожденію человѣческаго характера. Расширеніе власти государства казалось ему настолько опаснымъ, что онъ отрицалъ даже пользу правительственной почты и правительственныхъ учебныхъ заведеній. Единственныя функціи, которыя Спенсеръ признавалъ за государствомъ, состояли въ защитѣ отъ внѣшняго врага, а внутри государства — отъ насилія одного гражданина надъ другимъ. Основныя, руководящія идеи Спенсера были — эволюція и свобода личности. Первая, какъ фактъ, какъ указаніе направленія перемѣнъ въ мірѣ матеріальномъ и духовномъ, — вторая, какъ цѣль, какъ указаніе пути, куда должны устремляться усилія человѣчества.

Свобода, которую Спенсеръ опредѣлялъ, какъ „свободу дѣлать все, что человѣкъ хочетъ, разъ онъ этимъ не нарушаетъ равной свободы другого человѣка", была дорога для Спенсера не только какъ этическій принципъ, не только сама по себѣ, какъ линія поведенія, наиболѣе удовлетворяющая требованіямъ счастья, но еще гораздо больше какъ путь къ высшему развитію человѣческой личности и достиженію высшихъ формъ общежитія.

Но путь этотъ — медленный, крайне медленный, потому что истинная свобода можетъ наступить лишь тогда, когда человѣкъ научится ограничивать и взнуздывать самого себя. „Народная форма правленія въ сравненіи съ монархической, — говоритъ Спенсеръ („Social Statics", глава „The Constitution of the state"), — явно ставитъ меньше помѣхъ личности. Говоря о ней, мы употребляемъ такія выраженія, какъ свободныя учрежденія, самоуправленіе, гражданская свобода, показывающія отсутствіе ограниченій. Но уменьшеніе внѣшняго ограниченія возможно только по мѣрѣ увеличенія внутренняго".

Спенсеръ не вѣрилъ во внезапныя измѣненія природы людей. Читатель его „Началъ этики" найдетъ на послѣднихъ страницахъ II тома чрезвычайно интересныя и вѣскія въ этомъ отношеніи предостереженія „Старыя повѣрья, — пишетъ онъ, — въ совершенія чудесъ добрыми феями были не болѣе основательны, чѣмъ вѣра въ чудеса революціонированной соціальной системы... Натура, рождающая международную ненависть и жажду мести, — которая производитъ дуэлистовъ и презрѣніе къ тѣмъ, которые не ищутъ возмездія за оскорбленія въ пролитіи крови, — такая натура служитъ плохой почвой для созданія гармонично-живущихъ обществъ. Люди, которые толпами бѣгутъ на футбольныя состязанія, чтобы увидѣть, какъ грубо игроки толкаютъ другъ друга, которые то и дѣло своимъ свирѣпымъ ревомъ одобряютъ ихъ и нападаютъ на посред-

никовъ, если рѣшеніе послѣднихъ ихъ не удовлетворяетъ, такъ что необходима полицейская защита, — такіе люди наврядъ ли выкажутъ достаточно уваженія къ требованіямъ другихъ, даже если и согласились работать вмѣстѣ для общаго блага".

Соціалистическое государство безъ измѣненія человѣческаго характера поэтому ему казалось немыслимымъ, если только подъ такимъ государствомъ понимать высшій строй свободнаго общества, а не рабство. „Мѣняя лишь одни соціальные порядки и не измѣняя людскихъ характеровъ, надѣются получить результаты добра, котораго еще нѣтъ", — говоритъ онъ.

Но вѣдь человѣческій характеръ можно измѣнить? Да, — отвѣчаетъ Спенсеръ. — Но для такой эволюціи человѣка требуются не десятки и даже не сотни, а тысячи лѣтъ. Спенсеръ приписываетъ ходячія мнѣнія о быстромъ улучшеніи человѣческой природы невѣжеству, главнымъ образомъ, плохой системѣ образованія, пренебрегающей естественными науками, и непониманію роли біологическихъ факторовъ въ эволюціи человѣчества. Но въ то же время велика и роль политическихъ учрежденій въ ихъ воздѣйствіи на характеръ людей. И Спенсеръ поэтому въ разныхъ мѣстахъ своихъ многочисленныхъ работъ нападаетъ на милитаризмъ и войны, которыя, по его мнѣнію, не только являются результатомъ грубости характеровъ и ограниченія свободы, но и причиной ихъ. „Когда общества перестанутъ пожирать другъ друга и считать побѣды славными дѣяніями, тогда очеловѣченіе звѣря сдѣлается сравнительно дѣломъ легкимъ. Невозможенъ значительный прогрессъ въ сторону политической справедливости внутри государства, когда во внѣшнихъ сношеніяхъ поддерживается царство политическаго грабежа".

Однимъ изъ способовъ укрѣпленія личной свободы, которая только и въ состояніи поднять человѣка на вершину гармоничнаго существованія общества, Спенсеръ считалъ уваженіе къ собственнымъ правамъ, борьбу за нихъ, отстаиваніе во всѣхъ случаяхъ своей личности, когда, конечно, этимъ отстаиваніемъ ея не нарушаются чужія права, чужая свобода. Не только уваженіе къ другимъ, но и къ себѣ — вотъ рецептъ его этики. Вотъ почему, будучи вообще самымъ ярымъ антимилитаристомъ, онъ все же далеко не былъ безусловнымъ пацифистомъ и считалъ защиту отечества необходимой въ цѣляхъ прогресса. Свой взглядъ на патріотизмъ, взглядъ, который, какъ и всѣ убѣжденія и мысли Спенсера, вытекаетъ изъ основныхъ его идей объ эволюціи и свободѣ, онъ отчасти изложилъ въ „The study of Socialogy".

Чувство патріотизма онъ выводилъ изъ того же корня, изъ котораго происходитъ личный эгоизмъ, и также, какъ послѣдній, это

чувство рядомъ съ благомъ приноситъ и зло. „Уваженіе къ своему обществу, — писалъ Спенсеръ, — есть отраженіе самоуваженія. Защита требованій общества — это косвеннымъ образомъ защита собственныхъ требованій, составляющихъ часть ихъ“.

„Отъ слишкомъ большого патріотизма“, — говоритъ онъ тамъ же (гл. 9), — проистекаютъ національный воинственный задоръ и національное тщеславіе. Отъ слишкомъ малаго же патріотизма происходитъ слабое отстаиваніе національныхъ правъ и нарушеніе ихъ другими народами. Рядомъ съ этимъ происходитъ и низкая оцѣнка національныхъ способностей и учрежденій, что вредно для усилій и прогресса“.

Гербертъ Спенсеръ понималъ прогрессъ не какъ увеличеніе комфорта, развитіе науки, искусства или техники. Все это — прогрессъ внѣшній, возможный и при вырождающейся цивилизаціи и въ упадочномъ поколѣніи. Прогрессъ онъ понималъ въ смыслѣ органическомъ, и прогрессъ человѣческаго общества для него означалъ усовершенствованіе формъ общежитія, основанное всецѣло на развитіи индивидуальныхъ силъ и характеровъ членовъ этого общества. Критеріемъ нравственныхъ началъ, того, что слѣдуетъ и чего не слѣдуетъ, былъ для него вопросъ о томъ, способствуетъ ли данный поступокъ или данное явленіе усовершествованію личности или нѣтъ. И такъ какъ принужденіе и насилія, по его мнѣнію, какъ и уступчивость насиліямъ портили личность и мѣшали ея развитію, онъ и ставилъ свободу личности и свободу націи высшимъ принципомъ жизни и защиту ея — величайшимъ долгомъ, именно во имя прогресса личности, какъ и націи.

„Сопротивленіе нападенію не только законно, но и повелительно. Несопротивленіе вредитъ одинаково и альтруизму, и эгоизму“, — писалъ онъ. (гл. 8).

Правда, эта высокая оцѣнка значенія характера личности для прогресса принимала иногда у Спенсера крайнія формы. Такъ, онъ, напримѣръ, былъ упорнымъ противникомъ тредъ-юніоновъ, такъ какъ послѣдніе сдѣлали добродѣтель изъ принудительнаго послушанія и порокъ изъ независимаго поведенія. Его мало занимало то, что при настоящихъ условіяхъ тредъ-юніонизмъ — единственное, быть можетъ, орудіе защиты интересовъ рабочихъ въ ихъ борьбѣ съ капиталомъ. Но Спенсера занимала не высота рабочей платы, не экономическое положеніе рабочихъ, когда онъ говорилъ о тредъ-юніонизмѣ, а вопросъ о свободѣ и рабствѣ, и приговоръ его поэтому былъ осудительный. „Люди (т. е. члены тредъ-юніоновъ), которые такъ мало понимаютъ значеніе свободы, неизбѣжно потеряютъ и ту долю, которую имѣютъ“, — писалъ онъ въ „Началахъ этики“.

Въ заключеніе напомнимъ слова, которыми Спенсеръ въ „Соціальной статикѣ“ закончилъ свои „общія соображенія“: „Никто не можетъ быть совершенно свободнымъ, пока не будутъ свободны всѣ: никто не можетъ быть совершенно нравственнымъ, пока не будутъ нравственны всѣ, и никто не можетъ быть совершенно счастливымъ, пока не будутъ счастливы всѣ“.

Иначе говоря, личность зависитъ отъ общества, и общество — отъ составляющихъ его личностей. Въ этомъ законъ спенсеровскаго ученія.

С. И. Рапопортъ.

Gustave Le Bon. Enseignements psychologiques de la guerre européenne Paris, 1917. 3 fr. 50. Стр. 364.

Ле-Бонъ извѣстенъ въ Россіи, главнымъ образомъ, какъ авторъ нашумѣвшихъ книгъ: „L'évolution de la matière“ и „L'évolution des forces“, затрагивавшихъ основные вопросы философіи естествознанія, но у него имѣется множество изслѣдованій по соціологіи и психологіи, къ которымъ и примыкаютъ „Психологическіе уроки европейской войны“.

Авторъ желалъ стать „au dessus de la mêlee“, по выраженію Ромэнъ Роллана, освѣтить войну и ея психологическіе факторы съ научной точки зрѣнія, но это ему не вполнѣ удалось. Слишкомъ часто эмоціональное, личное затемняетъ его мысль, дѣлаетъ ее черезчуръ пристрастной. Онъ справедливо указываетъ, что „поколѣнія, созидающія исторію, не умѣютъ ее писать“, что „вѣрованія и иллюзіи скрываютъ отъ нихъ истину“, но самъ охотно допускаетъ цѣлый рядъ отступленій историческаго характера и подчасъ поддается вліянію тѣхъ широко распространенныхъ идей, которыя можно по Бэкону назвать „idola fori“.

Излѣдователь борется въ немъ съ горячимъ французскимъ патріотомъ, зритель — съ участникомъ, ученый — съ обыкновеннымъ человѣкомъ, захваченнымъ міровой бурей, и эта двойственность не позволяетъ работѣ подняться до высоты объективнаго изслѣдованія. Впрочемъ, недостатки „Психологическихъ уроковъ“ столь же типичны для ихъ автора, какъ и для большинства тѣхъ, кто пытается слѣдовать трезвымъ указаніямъ разума, чтобы разобраться въ бурномъ потокѣ событій.

Цѣлые отдѣлы „Психологическихъ уроковъ“, посвященные вопросу о „дипломатическихъ переговорахъ“, объ „экономической эволюціи Германіи“, о „поводахъ къ войнѣ“, не имѣютъ прямого отношенія къ основной темѣ. Нѣсколько выпадовъ противъ русскаго правительства, его политики въ Галиціи и анализъ „психологическихъ ошибокъ въ Россіи“ (Imprevisions et erreures de psycho-

logie en Russie"), — испугавшіе цензоровъ стараго режима, — въ настоящій моментъ потеряли всякое значеніе для русскаго читателя.

Останавливаютъ на себѣ вниманіе тѣ мѣста книги, гдѣ авторъ стремится объяснить нѣкоторыя явленія нашего времени на основаніи общихъ формулъ коллективной психологіи.

Строго различая области умственной и аффективной дѣятельности человѣка, онъ подчеркиваетъ незначительность вліянія разума и раціональной логики на коллективъ. Толпа и составляющіе ее индивиды очень легко поэтому поддаются всякимъ „психологическимъ аберраціямъ“, психической заразѣ идейнаго или мистическаго характера. Война, по Ле-Бону, принадлежитъ къ числу тѣхъ внѣ-раціональныхъ явленій, которыя обладаютъ своей особой логикой и разумомъ приняты быть не могутъ. Они настолько же рождены причинами реальными, какъ и иллюзорными, и обусловливаются всей той подсознательной сферой человѣческой психики, которая, въ сущности, часто ускользаетъ изъ-подъ контроля разума и тайно опредѣляетъ наши поступки. „Война — взрывъ страстей, разнуздываніе инстинктовъ, обнаженіе въ человѣкѣ его первобытнаго и наслѣдственнаго начала, явленіе коллективной заразы со всѣми ея типическими чертами и послѣдствіями“. Тотъ, кто обладаетъ соотвѣтственнымъ комплексомъ чувствованій и аффектовъ, принимаетъ войну, но не мыслью, а органически („органическое воспріятіе“). Всякая же попытка раціональнаго подхода къ ней невозможна, ибо тотчасъ она превращается въ нашихъ глазахъ въ величайшее безуміе: по существу своему она противна разуму, и не можемъ мы мыслью оправдать гибель милліоновъ людей, вакханалію смерти и разрушенія.

Любопытны замѣчанія автора относительно измѣненій человѣческой психологіи во время войны. По его мнѣнію, энтузіазмъ, вспыхнувшій во всѣхъ странахъ въ началѣ войны, „типическое явленіе мистическаго порядка“. Массы подчинились власти инстинктовъ и иллюзій, достигшихъ силы и распространенности религіозныхъ вѣрованій. Съ быстротой обычной психической заразы идеи, бывшія прежде достояніемъ небольшой группы людей, стали всеобщими, пріобрѣли значеніе идеальныхъ цѣнностей. Таковы національная идея во Франціи, ненависть къ Англіи или идея имперіализма въ Германіи, идея борьбы противъ прусскаго милитаризма и защита малыхъ народностей и права въ другихъ странахъ. Война породила цѣлое „миѳотворчество“, внесла ослѣпленіе въ общественность и политику, затуманила мысль преклоненіемъ предъ фетишами и обманами, обильно растущими на почвѣ разнузданныхъ страстей, обнаженныхъ эмоцій и неприкрытыхъ инстинктовъ“.

Не менѣе поучительны выводы Ле-Бона въ области индивидуальной психологіи, особенно его теорія измѣняемости нашей психической личности (variations de la personnalité). Онъ отрицаетъ устойчивость нашей психической личности и этимъ путемъ объясняетъ ея приспособляемость къ условіямъ военной дѣйствительности, полное забвеніе и потерю своего прежняго „я" у милліоновъ солдатъ и т. д. Чрезвычайно мѣтки его замѣчанія о „психической сопротивляемости личности", объ „естественномъ героизмѣ", о роли привычки, о взаимоотношеніи индивидуализма и среды.

Читатель съ интересомъ остановится на разсужденіяхъ Ле-Бона о будущемъ Европы. Французскій ученый полагаетъ, что „миръ не принесетъ мира", и человѣчество вступило въ долгій періодъ войнъ, смутъ и борьбы. 1914 годъ открываетъ бурную эпоху переворотовъ и измѣненій, какъ въ области международныхъ сношеній, такъ и во внутреннемъ бытіи націй. Ле-Бонъ ожидаетъ отъ будущаго „не мира, но меча": „кто бы ни оказался побѣдителемъ, тайная работа побѣжденныхъ будетъ клониться къ реваншу, вспыхнутъ новыя войны, и борьба будетъ продолжаться до тѣхъ поръ, пока не измѣнятся основныя соціально-экономическія условія жизни народовъ и пока не произойдетъ коренной сдвигъ въ идеяхъ и иллюзіяхъ, двигающихъ націями". Къ сожалѣнію, Ле-Бонъ недостаточно останавливается на томъ, какую роль въ предполагаемомъ сдвигѣ могутъ сыграть сознательныя усилія массъ и ростъ демократіи.

Въ книгѣ намѣчены многіе вопросы, касающіеся научнаго анализа явленій, порожденныхъ войной. Вдумчивый читатель сумѣетъ найти въ „Психологическихъ урокахъ европейской войны" цѣлый рядъ страницъ, которыя помогутъ ему сознательнѣе и строже разобраться въ нашей смутной и сложной дѣйствительности.

М. Слонимъ.

Аллешъ. Ренессансъ въ Италіи. Пер. съ нѣмецкаго Е. Григоровичъ. М. 1916 г. Изд. М. и С. Сабашниковыхъ. Ц. 2 р. 50 к. Стр. 559.

Сабашниковская серія „Страны, вѣка и народы", познакомившая русскаго читателя съ книгами Вернонъ Ли, Диля, Масперо, Морэ и др., благодаря умѣлому и серьезному подбору своихъ изданій, заняла видное мѣсто въ нашей научно-популярной литературѣ по исторіи и искусству.

Книга „Ренессансъ въ Италіи" нѣмецкаго профессора Г. фонъ-Аллеша, вышедшая въ 1913 г., состоитъ изъ двухъ неровныхъ частей: введенія, принадлежащаго перу Аллеша и занимающаго 80 страницъ, и переводовъ изъ жизнеописаній художниковъ и скульпто-

ровъ эпохи Возрожденія, принадлежащихъ перу Джорджіо Вазари и заключающихъ въ себѣ около 450 стр. Такимъ образомъ, мы имѣемъ хрестоматію съ предисловіемъ. Предисловіе это на три четверти занято опредѣленіемъ сущности античной культуры, при чемъ г. Аллешъ сущность эту видитъ въ „способности отвлеченія и возведенія отдѣльныхъ признаковъ до общеобязательныхъ". Усиленно подчеркивая, что у древнихъ „разсудочное пониманіе преобладало надъ непосредственнымъ переживаніемъ", Аллешъ изъ этихъ отвлеченныхъ положеній выводитъ анализъ греко-римскаго искусства, по преимуществу со стороны его формальныхъ достиженій. Методъ его чисто абстрактный, и внѣшнія признаки искусства, способъ выраженія и воплощенія онъ неизмѣнно подчиняетъ идеѣ. Получается схема логически стройная, но исторически неправильная. Основной ея ошибкой является разсмотрѣніе всего развитія искусства послѣ паденія античнаго міра исключительно съ точки зрѣнія усиленія или ослабленія связи съ греко-римскимъ міромъ. Для Аллеша не существуетъ объективнаго анализа каждаго момента въ исторіи искусства съ точки зрѣнія его внутренней и самодовлѣющей цѣнности: онъ разсматриваетъ, напр., искусство среднихъ вѣковъ и Возрожденія по отношенію къ античному. Искусство Ренессанса, по его мнѣнію, освобождаетъ отъ средневѣковыхъ вліяній здоровое зерно античности, стремится къ ясности и расчлененности, типичной для древняго міра, и благодаря этому, достигаетъ высокаго развитія.

Не приходится настаивать на томъ, что подобныя разсужденія являются совершенно произвольными. Едва ли кто будетъ теперь повторять отжившую формулу: „Ренессансъ — только возрожденіе классической древности". Мы прекрасно знаемъ, что особенности эпохи Возрожденія, а въ частности его искусства — типично національны и самобытны и совершенно не исчерпываются связью съ античнымъ искусствомъ.

Замѣтимъ еще слѣдующее: Аллешъ хотѣлъ дать въ своей книгѣ конкретную картину пластическаго искусства эпохи Возрожденія и опредѣлить его формальные признаки, т. е. то, какъ отдѣльные художники разрѣшали проблемы пропорціи, перспективы и т. д. Но для этого, во-первыхъ, необходимы были иллюстраціи, а во-вторыхъ, въ качествѣ матеріала для изученія формальныхъ достиженій искусства Ренессанса совершенно непригодны біографіи Вазари, приведенныя въ количествѣ 17. Одна-двѣ странички авторскихъ замѣчаній, имъ предшествующихъ, ничуть не мѣняютъ дѣла, а лишь усиливаютъ несоотвѣтствіе между чисто художественной оцѣнкой, напр., Рафаэля и композиціи его картинъ (проблема рит-

мичности въ пространствѣ или линейной передачи въ его творчествѣ) и тѣми анекдотами изъ его жизни, которыми снабжаетъ насъ Вазари. Вѣдь Вазари—неоцѣнимый источникъ для исторіи эпохи Возрожденія, дающій богатый матеріалъ для того, кто изучаетъ духъ Ренессанса, не руководитель въ художественной критикѣ и исторіи стилей.

Цѣнными въ книгѣ Аллеша слѣдуетъ признать переводы нѣсколькихъ отрывковъ изъ сочиненій L. B. Alberti, Parioli (Divina proportio) и L. da Vinci (De pittura). Но и они, конечно, — сырой матеріалъ, который безъ надлежащихъ комментаріевъ и критическаго углубленія не можетъ послужить для уясненія сущности искусства Возрожденія.

М. Слонимъ.

Дж. Б. Бьюри. Государственный строй въ византійской имперіи. Историко-юридическій этюдъ. Пер. А. К. Елачичъ, подъ ред. проф. В. Н. Бенешевича.

„Тѣ формы правленія — такъ начинаетъ свой небольшой, но интересный очеркъ Бьюри, — которыя причисляются къ абсолютнымъ монархіямъ, не привлекли того вниманія и не были такъ тщательно изучены, какъ тѣ формы государственнаго строя, которыя извѣстны подъ именемъ республики и конституціонной монархіи". Вѣроятную причину такого пренебреженія кэмбриджскій профессоръ предполагаетъ въ кажущейся простотѣ конструкціи абсолютной монархіи. „Когда мы говоримъ, — пишетъ онъ, — что воля монарха — верховная воля, то можетъ казаться, что этимъ сказано все". И вотъ, задача очерка, заглавіе котораго указано выше, показать на примѣрѣ Византіи, что, кромѣ приведеннаго, объ абсолютной монархіи часто можно „сказать еще многое другое".

Прежде всего Бьюри не удовлетворяетъ самый терминъ „абсолютная монархія". Употребляя его на ряду съ терминомъ „ограниченная монархія", приходится подводить подъ общее понятіе монархіи двѣ государственныя формы, гораздо болѣе отличныя другъ отъ друга, нежели сродныя. „Монархія въ строгомъ смыслѣ слова — одна лишь абсолютная монархія". И если уже нужно создать взамѣнъ общаго термина „монархія" другое, то Бьюри предлагаетъ терминъ „автократія", какъ болѣе гибкій и допускающій градацію.

Автократіей является и Византійская имперія со времени діоклетіано-константиновскихъ реформъ. Но византійская автократія — далеко не синонимъ абсолютизма въ вульгарномъ его пониманіи. Въ доказательствѣ послѣдняго тезиса — центръ очерка Бьюри.

Однако, принимая на себя указанную задачу, авторъ мѣняетъ обычную постановку проблемы. Онъ не считаетъ возмож-

нымъ трактовать вопросъ лишь строго de lege. Онъ желаетъ заглянуть въ глубину самихъ жизненныхъ отношеній. Это сказывается прежде всего въ устанавливаемомъ понятіи абсолютизма, какъ формы, при которой на ряду съ монархомъ „не существуетъ другой независимой и конкурирующей власти“ (стр. 3). Бьюри пишетъ просто „не существуетъ“, избѣгая вводить въ свое опредѣленіе моментъ „законности“, наличностью котораго отличается близкое сюда опредѣленіе Сиджвика. Но Бьюри подчеркиваетъ, что, устраняя или, вѣрнѣе, ослабляя значеніе момента легальности, онъ вовсе не склоненъ признать ограниченія верховной власти въ Византіи ограниченіями не конституціонными (стр. 15). Послѣднее покоится на своеобразномъ, весьма характерномъ, конечно, для англичанина, пониманіи конституціи. Нормы ея могутъ и не быть нормами точно во внѣ формулированными (стр. 19). Къ ея содержанію относятся всѣ тѣ традиціи и обычаи, которые въ качествѣ конституціонныхъ живутъ въ обществѣ (стр. 22), и которые впиталъ въ себя и глава государства, какъ дитя своего времени (стр. 23. Ср. сюда стр. 16—17: legibus alligatus). Избирая такой базисъ, Бьюри и утверждаетъ рѣшительно, что Византія не можетъ быть признана абсолютной монархіей, а является автократіей и при томъ автократіей ограниченной (стр. 21).

Каковы же эти вносящіе моментъ ограниченія элементы и въ чемъ проявляется ихъ ограничивающая сила? Въ качествѣ такихъ элементовъ Бьюри указываетъ главнымъ образомъ на войско, сенатъ и церковь. И роль, которая въ интересующемъ насъ отношеніи выпала на ихъ долю, сводилась къ слѣдующему.

Занятіе престола въ Византіи — какъ указываетъ авторъ — покоилось на комбинаціи принциповъ династическаго и избирательнаго. Если умирающій императоръ не назначалъ преемника, то этотъ послѣдній провозглашался арміей или сенатомъ. Подробностей мы не касаемся; достаточно отмѣтить лишь самую функцію указанныхъ факторовъ. Сенатъ и армія осуществляютъ здѣсь свое собственное конституціонное право и, являясь такимъ образомъ „независимою и конкурирующею властью“, представляютъ собою ограничивающія автократію начала.

Провозглашеніе могло произойти во всякое время, даже при жизни императора. И, соотвѣтственно этому, Бьюри отмѣчаетъ право свержения главы государства, подходя такимъ образомъ къ пресловутой, но довольно неудачной формулѣ Моммзена относительно „автократіи, смягченной правомъ революціи“, которую проф. Э. Гриммъ совершенно справедливо назвалъ въ своемъ изслѣдованіи „импровизаціей“ (см. „Изслѣдованія по исторіи развитія римской императорской власти“. I. Спб. 1900. Стр. 49, прим.).

Что касается церкви, то съ формальной стороны достаточно припомнить возможность отлученія, правда, довольно рѣдко примѣнявшагося, но бывшаго тѣмъ не менѣе такимъ орудіемъ въ рукахъ церкви, съ которымъ императору volens-nolens приходилось считаться. Наконецъ, авторъ останавливается и на контрольномъ значеніи сената, мало, впрочемъ, существенномъ...

Въ заключеніе Бьюри еще разъ подчеркиваетъ свою методологическую, если можно такъ выразиться, идею. Какое значеніе имѣетъ то, что конституціонныя ограниченія византійской автократіи не отлились въ твердыя и опредѣленныя формы закона? Конституціонное значеніе традиціи и обычая для него не подлежитъ сомнѣнію, тѣмъ болѣе, что результатъ налицо: „конституція обезпечила, за немногими мрачными, но, правда, короткими промежутками, послѣдовательную смѣну даровитыхъ и работящихъ правителей, такихъ, подобныхъ которымъ — думаетъ авторъ — нельзя найти въ лѣтописяхъ любого другого государства за столь долгій періодъ времени“.

Б. П. Ивановъ.

Л. Н. Толстой. Памятники творчества и жизни. I. Изд-во „Огни“. Петроградъ. 1917. Стр. 234. Ц. 3 р.

Въ первомъ выпускѣ этого изданія, выходящаго подъ редакціей В. И. Срезневскаго и А. Л. Бема, наиболѣе примѣчателенъ дневникъ А. Б. Гольденвейзера, относящійся къ 1908—09 гг. и отличающійся необыкновенною простотою и безпритязательностью своихъ записей.

Въ наши дни намъ особенно дорогъ образъ писателя, вся жизнь и творчество котораго были яркимъ олицетвореніемъ протеста противъ ужасовъ и позора тогдашней русской жизни. Годы, къ которымъ относится дневникъ Гольденвейзера, — годы столыпинскаго режима. И вотъ писатель, котораго „никакое несчастье, страданье не могло заставить желать смерти“, при видѣ того, что творилось въ двадцатомъ столѣтіи всенародно на Руси, находилъ, что „единственное, что̀ остается — умереть“ (запись отъ 29 мая 1909 г.). Это своего рода taedium vitae, мракъ отчаянія, къ которому, естественно, долженъ былъ придти писатель съ его философіей непротивленія злу, когда кругомъ царили произволъ и насиліе, висѣлица и разстрѣлъ. Слишкомъ восемь лѣтъ понадобились для того, чтобы вся эта вакханалія крови и безумія, жестокости и лжи достигла апогея — и на „обломкахъ самовластья“ воспрянула свободная, раскрѣпощенная Россія. Эта Россія не можетъ не хранить благоговѣйную память о тѣхъ, кто безстрашно возвышали тогда свой голосъ противъ гасителей духа и палачей

мысли; какое бы то ни было обращеніе къ послѣднимъ Толстой считалъ противнымъ, „просто невозможнымъ“ (запись отъ 22 августа 1909 г. по поводу ареста Н. Н. Гусева, личнаго секретаря Л. Н. Толстого).

Л. Н. Толстой не дожилъ до зари русской свободы. Но жива и неугасима память о рыцаряхъ мысли и революціонерахъ духа. Странички А. Б. Гольденвейзера оживляютъ эту память и озаряютъ ее мягкимъ и благороднымъ свѣтомъ.

Обстановка среды и обстоятельствъ, среди которыхъ жилъ и работалъ Толстой въ записанный А. Б. Гольденвейзеромъ яснополянскій періодъ, получила, если не исчерпывающее, то, во всякомъ случаѣ, болѣе или менѣе полное отраженіе въ литературѣ. Многіе здѣсь перебывали и столь же многіе запечатлѣли эти свои посѣщенія на бумагѣ и въ печати. При всемъ томъ, записи А. Г. чрезвычайно любопытны и носятъ какъ бы интересъ новизны, — хотя на самомъ дѣлѣ, записанныя имъ мысли — давнія мысли Толстого, о которыхъ знаетъ всякій, сколько-нибудь образованный читатель. Эти мысли — о Богѣ и религіи, нравственности и культурѣ, христіанствѣ и государственномъ строѣ, капиталѣ и соціализмѣ, собственности и землѣ, народѣ и интеллигенціи, господствующихъ классахъ и рабочей массѣ, наукѣ и искусствѣ, школѣ и воспитаніи, матеріальномъ и духовномъ мірѣ, смыслѣ жизни, добрѣ и злѣ. Среди этихъ мыслей имена Бетховена и Мендельсона, Генри Джорджа и нѣмецкаго мистика Angelus'a Silesius'a, Канта и Шопенгауэра, Гете и Анатоля Франса, Марка Аврелія и Эпиктета, Магомета и Лао-Тзе, Герцена и Прудона, Паскаля и Галилея, Бакунина и Соловьева, Тютчева и Щедрина, Тургенева и Бѣлинскаго, Писарева и Михайловскаго, Горькаго, Андреева и Куприна. Но въ каждой изъ этихъ мыслей свѣтится обаяніе генія, умѣющаго обо всемъ сказать по-своему и по-новому, — черта, которую такъ высоко цѣнилъ Л. Н. въ искусствѣ и во всѣхъ вообще областяхъ (запись отъ 6 сентября 1908 г.). Вотъ почему эти столь извѣстныя мысли и сужденія Л. Н. Толстого, записанныя въ дневникѣ А. Б. Гольденвейзера, не теряютъ ни въ силѣ, ни въ значеніи. Заноситъ ли А. Б. Гольденвейзеръ заповѣдныя думы Л. Н. по самымъ разнообразнымъ вопросамъ; описываетъ ли посѣщеніе Ясной Поляны и бесѣды и расхожденіе съ Л. Н. И. И. Мечникова (запись отъ 30 мая 1909); отмѣчаетъ ли диспутъ между Л. Н. и П. Б. Струве по вопросу о нравственномъ законѣ и сохраненіи человѣческой жизни (запись отъ 12 августа 1909 г.); воспроизводитъ ли пространную бесѣду Л. Н. съ народными учителями и учительницами земскихъ школъ о взглядахъ на обученіе

дѣтей и задачи учителя (запись отъ 14 сентября 1909 г.), — все это полно живѣйшаго интереса, во всемъ сказывается ищущая и мятущаяся въ своихъ поискахъ душа писателя.

Въ первый сборникъ „Памятниковъ творчества и жизни Толстого", кромѣ дневника А. Б. Гольденвейзера, вошли и прочіе матеріалы (разсказъ Л. Н. Толстого о Федоткѣ, замѣтка В. И. Срезневскаго „Къ исторіи созданія Хаджи-Мурата", одна изъ главъ котораго содержитъ рѣзко-отрицательную характеристику Николая I, обстоятельный очеркъ Б. И. Модзалевскаго „Родъ графа Л. Н. Толстого", и др.).

М. Королицкій.

Владиміръ Розенбергъ. Журналисты безвременья. К-во „Задруга". Москва. 1917. Стр. 489. Ц. 4 р. 50 к.

Съ живымъ и сосредоточеннымъ интересомъ читаются страницы В. А. Розенберга. Прекрасно написанныя, богатыя фактическимъ содержаніемъ, онѣ возсоздаютъ въ памяти читателя одну изъ мрачныхъ эпохъ русской журналистики, — крестныя муки, черезъ которыя прошелъ рядъ нашихъ выдающихся писателей, запечатлѣвшихъ „кровью сердца и сокомъ нервовъ" свои завѣтнѣйшіе идеалы и стремленія.

Журналисты безвременья... Кто они? Въ умѣ встаетъ живая вереница борцовъ за свободу и раскрѣпощеніе русскаго духа, встаютъ и великія тѣни, и нынѣ здравствующіе писатели-публицисты. Всѣ они образуютъ свой пантеонъ, всѣ вызываютъ любовь и сочувствіе, ко всѣмъ протягиваются нити симпатіи и единенія. Салтыковъ, Успенскій, Толстой, Михайловскій, Соболевскій, Чупровъ, Посниковъ, Короленко, Аксаковъ, Арсеньевъ, Кони — такова галлерея главнѣйшихъ журнальныхъ дѣятелей, представленныхъ въ книгѣ В. Розенберга. Ихъ образы и характеристики даны на фонѣ цѣннаго историко-литературнаго матеріала, зарисованы со всею четкостью, выявляющей и индивидуальные портреты и черты эпохи. Этой эпохѣ — проклятой эпохѣ безвременья, о которой можно сказать словами поэта: „бывали хуже времена, но не было подлѣй" — посвящаетъ В. А. Розенбергъ свой вступительный очеркъ. Онъ останавливается на исторіи цензуры въ эпоху крѣпостного права, при чемъ считаетъ исторію эту „первой страницей въ исторіи нашей цензуры вообще". Онъ разсказываетъ про цензуру въ царствованіе Павла, Александра I, Николая I, — цензуру, тѣснѣйшимъ образомъ связанную съ пресловутымъ „третьимъ отдѣленіемъ". И если на первой страницѣ этой исторіи, по замѣчанію В. А. Розенберга — кровь, то сплошное мученичество

сопутствуетъ всему дальнѣйшему существованію русской журналистики вплоть до нашихъ дней.

При свѣтѣ этихъ дней, когда цѣпи позорнаго рабства разбиты, когда „насиліе и гнетъ“ перестали глушить „вольную мысль“, „свободное слово“, — поучительно оглянуться назадъ, задуматься надъ тѣмъ, чѣмъ была Россія. Очеркъ В. А. Розенберга — яркая къ тому иллюстрація. „Какъ могли въ такихъ условіяхъ существовать и дѣйствовать у насъ журналисты и публицисты въ истинномъ значеніи этого слова?“ — вотъ вопросъ, которымъ задается въ заключеніе своего очерка авторъ и на который даетъ исчерпывающій отвѣтъ въ приводимыхъ имъ матеріалахъ и характеристикахъ. Наиболѣе обширны матеріалы о М. Е. Салтыковѣ и Г. И. Успенскомъ — переписка перваго съ Н. А. Бѣлоголовымъ и В. М. Соболевскимъ и Г. И. Успенскаго съ А. С. Посниковымъ и В. М. Соболевскимъ (редакторами „Русскихъ Вѣдомостей“). Въ этой перепискѣ обрисовываются облики обоихъ писателей въ годы суровой реакціи восьмидесятыхъ годовъ, ознаменовавшейся закрытіемъ „Отечественныхъ Записокъ“ и водвореніемъ въ литературѣ „тишины“. Въ этой перепискѣ ярко выступаетъ „презрѣнное время“, „тоска смертная“, среди которыхъ ныли и изнывали наши писатели. Слѣдующая глава „Л. Н. Толстой“ знакомитъ съ работой Л. Н. въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ“ съ конца восьмидесятыхъ годовъ и до послѣдняго времени, — работой, сопровождавшейся сѣтью предостереженій, каръ, штрафовъ и запретительныхъ циркуляровъ. „Одному изъ самыхъ благородныхъ вождей русскаго общества“ и его работѣ въ тѣхъ же „Русскихъ Вѣдомостяхъ“ посвящена глава „Н. К. Михайловскій“. Главнѣйшіе дѣятели „Русскихъ Вѣдомостей“ охарактеризованы въ главахъ: „Редакторъ газеты“ (В. М. Соболевскій) „Отклики сердца“ (А. И. Чупровъ) и „Живая душа“ (А. С. Посниковъ). Дальнѣйшія главы отведены В. Г. Короленко, его журнально-публицистической дѣятельности, И. С. Аксакову съ его проповѣдью „не угашайте духа“, „четыремъ жертвамъ“ (С. А. Муромцеву, М. Я. Герценштейну, Г. Б. Іоллосу, В. Е. Якушкину), „учителямъ“ (П. И. Бларамбергу, В. Ю. Скалону, А. П. Чупрову, В. М. Соболевскому) и „старикамъ“ (К. К. Арсеньеву и А. Ѳ. Кони).

Во всѣхъ этихъ очеркахъ то съ большей, то съ меньшей яркостью отражены образы того или другого дѣятеля или писателя. Но всѣ ихъ роднитъ одна черта — мягкость тона, образность изложенія, любовь автора къ зарисовываемымъ имъ лицамъ, ко всѣмъ этимъ дѣятелямъ эпохи безвременья.

М. Королицкій.

Матеріалы для изученія естественныхъ производительныхъ силъ Россіи. Изд. Акад. Наукъ. П. 1915—1916. Вып. I—II. Ц. отъ 10 до 50 коп.
Рудный вѣстникъ. Журналъ Рудной Секціи Химическаго Отдѣла Главнаго по снабженію арміи Комитета Всеросійскихъ Земскаго и Городского Союзовъ. М. 1916.
Поверхность и нѣдра. Ежемѣсячн. журн. П. 1916.
Производительныя силы Россіи. Журналъ, издав. московскимъ военно-промышленымъ комитетомъ. М. 1916.

Въ пьесѣ Чехова „Вишневый садъ" имѣется одно замѣчательное мѣсто. Помѣщикъ, Симеоновъ-Пищикъ, объясняя, при какихъ условіяхъ онъ внезапно разбогатѣлъ, говоритъ: „англичане, великаго ума люди, пріѣхали и нашли на моей землѣ бѣлую глину". Этими словами геніальный знатокъ нашей общественности, быть можетъ, даже невольно, охарактеризовалъ исконное отношеніе Россіи къ своимъ производительнымъ силамъ. Тысячи помѣщиковъ, въ родѣ Симеонова-Пищика, сидѣли на своихъ земляхъ, обрабатывали ее самыми примитивными способами, но всю иниціативу въ использованіи своихъ земель предоставляли отечественнымъ земельнымъ банкамъ или иностранному капиталу. Война и измѣнившіяся, благодаря ей, экономическія условія, заставили на многое посмотрѣть иными глазами.

Какъ бы мы ни оцѣнивали многое изъ того, что совершается сейчасъ въ области промышленной жизни страны, пусть большая часть здѣсь не соотвѣтствуетъ требованіямъ научныхъ обоснованій промышленно-экономическихъ отношеній, важно уже то, что обращено усиленное вниманіе на наши естественныя богатства, на сырые матеріалы, какъ основу всей фабрично-заводской промышленности. Съ самаго начала войны этимъ вопросомъ занялся рядъ правительственныхъ учрежденій и общественныхъ организацій. При Академіи Наукъ образовалась подъ предсѣдательствомъ акад. В. И. Вернадскаго комиссія по изученію естественныхъ производительныхъ силъ Россіи. Уже съ первыхъ мѣсяцевъ своей дѣятельности комиссія рѣшила издавать неперіодически небольшіе выпуски, посвященные отдѣльнымъ вопросамъ въ области минеральныхъ богатствъ, промышленнаго растеніеводства, животноводства и проч. Каждый выпускъ посвященъ какому-либо одному вопросу. Изданіе разсчитано не столько на спеціалистовъ, сколько на лицъ, желающихъ вообще проявить свою иниціативу въ использованіи естественныхъ богатствъ и не знающихъ, къ чему приложить свои силы.

Форма изданій въ высшей степени удачна: спеціальные труды ученыхъ и академическихъ организацій слишкомъ громоздки, мало доступны, особенно въ провинціи. Небольшой же форматъ и не-

значительная стоимость изданій комиссіи способствуютъ распространенію ихъ въ самыхъ широкихъ слояхъ общества. До сихъ поръ выпущенно 11 брошюръ.

„Рудный Вѣстникъ", издающійся въ Москвѣ на средства петрографическаго института „Lithogaea", подъ редакц. В. А. Обручева, посвященъ разработкѣ вопросовъ изученія и использованія минеральныхъ богатствъ. Кромѣ оригинальныхъ статей, въ журналѣ широко поставленъ информаціонный отдѣлъ, въ которомъ подробно излагается дѣятельность общественныхъ организацій и учрежденій, преслѣдующихъ аналогичныя цѣли, сообщенія о разслѣдованіяхъ и развѣдкахъ, статистическія данныя и проч. Очень подробно составляется библіографическій отдѣлъ, въ которомъ всѣ свѣдѣнія разбиты по отдѣльнымъ минераламъ и соединеніямъ.

Тѣ же самые вопросы выдвигаетъ журналъ „Поверхность и нѣдра". Главное вниманіе редакціи этого журнала удѣляется также минеральнымъ богатствамъ, но подходитъ къ этимъ вопросамъ журналъ нѣсколько иначе. „Рудный Вѣстникъ" обращаетъ больше вниманія на химико-геологическую сторону, изученія и изслѣдованія естественныхъ богатствъ, журналъ же „Поверхность и нѣдра" освѣщаетъ тѣ же вопросы преимущественно со стороны промышленно-экономической, съ точки зрѣнія промышленнаго и техническаго использованія ихъ. Судя по вышедшимъ нумерамъ, журналъ составляется въ высшей степени интересно, и, что особенно важно въ разсматриваемой области, совершенно объективно.

Наконецъ, послѣдній изъ перечисленныхъ въ заголовкѣ настоящей замѣтки журналовъ — „Производительныя силы Россіи" — долженъ быть отнесенъ къ числу изданій болѣе общаго характера. Въ вышедшемъ до настоящаго времени 1-мъ № журнала имѣются статьи, какъ узко-спеціальнаго характера, такъ и общаго, освѣщающія современныя экономическія условія съ точки зрѣнія использованія естественныхъ богатствъ страны. Какъ видно изъ програмной статьи, редакція не примыкаетъ рѣшительно ни къ теченію научно-экономической мысли, полагающей дальнѣйшее развитіе Россіи въ ея полной индустріализаціи, ни къ противоположному теченію, заключающемуся въ отстаиваніи историческихъ народно-хозяйственныхъ формъ и стремится „найти необходимый путь синтеза", считая правильнымъ въ своихъ принципіальныхъ основаніяхъ „соединеніе началъ широкаго промышленнаго хозяйства, развитія съ интенсивнымъ подъемомъ нашего сельскаго хозяйства". Журналъ подымаетъ массу вопросовъ, которые въ настоящее время носятся въ воздухѣ. Проф. П. Фоминъ намѣчаетъ планъ организаціи экономическаго развитія Россіи, С. А. Смирновъ указываетъ въ своей

статьѣ (докладъ) на необходимость общественной и правительственной помощи въ дѣлѣ изобрѣтаній и т. д.

Исходя изъ соображеній необходимости глубокаго соотвѣтствія научныхъ изысканій, въ области изслѣдованій естественныхъ богатствъ страны, съ промышленными интересами ея будущаго, всѣ эти изданія открываютъ собою какъ бы новую область, бывшую до сихъ поръ въ загонѣ. Въ этомъ ихъ общественное значеніе и съ этой стороны необходимо обратить на нихъ вниманіе широкихъ круговъ общества и читающей публики.

Н. Сумъ.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.

Максимъ Ковалевскій. Къ годовщинѣ смерти. 1851—1916. Ар. Фатѣева. Стр. 94. Харьковъ. Ц. 1 р. 25 к.

Имя Максима Максимовича Ковалевскаго навсегда останется однимъ изъ самыхъ симпатичныхъ именъ въ исторіи русской науки и общественности. Особенно дорого это имя для нашего журнала, душою котораго онъ былъ съ конца 1908 года до самой своей смерти, въ теченіе болѣе восьми лѣтъ. Онъ явился, можно сказать, спасителемъ „Вѣстника Европы", когда журналу предстояло закрытіе вслѣдствіе непосильной для М. М. Стасюлевича убыточности изданія въ періодъ освободительнаго движенія 1905—07 годовъ; онъ принялъ на себя званіе и отвѣтственность издателя и далъ журналу возможность пережить тяжелый кризисъ и дождаться лучшихъ временъ. Сдѣлавшись формально собственникомъ журнала, М. М. Ковалевскій предоставилъ прежнимъ ближайшимъ сотрудникамъ, съ маститымъ К. К. Арсеньевымъ во главѣ, организовать редакцію на началахъ коллегіальности и полной независимости въ веденіи дѣла, при чемъ самъ оставался лишь предсѣдателемъ и гостепріимнымъ хозяиномъ редакціонныхъ собраній; онъ никогда не пытался оказывать какое-нибудь давленіе на редакцію, а напротивъ, съ добродушнѣйшей готовностью уступалъ и подчинялся ея взглядамъ даже въ тѣхъ случаяхъ, когда приходилось почему-либо откладывать печатаніе его собственныхъ статей. Истинный джентльменъ въ лучшемъ смыслѣ этого слова, онъ вносилъ въ настроеніе редакціоннаго кружка духъ единства и бодрости, устранялъ и улаживалъ всякія недоразумѣнія, и, скромно отклоняя отъ себя роль руководителя, онъ своею обаятельною личностью оказывалъ большое моральное вліяніе на все веденіе журнальнаго дѣла.

Какъ выработалась эта богато одаренная отъ природы обаятельная личность, при какихъ жизненныхъ условіяхъ и подъ какими вліяніями образовался этотъ живой разносторонній умъ и благороднѣйшій характеръ, — о томъ разсказываетъ въ своей интересной книжкѣ одинъ изъ его признательныхъ учениковъ, г. Фатѣевъ. Авторъ сообщаетъ собранныя имъ свѣдѣнія о предкахъ М. М. Ковалевскаго, о семейной обстановкѣ его въ годы дѣтства и юности, о вліяніи на него матери, выдающейся и замѣчательной въ своемъ родѣ женщины (урожденной Познанской), о школьномъ воспитаніи, о подготовленіи къ профессурѣ и о позднѣйшей научной дѣятельности. Многія стороны необыкновенно продуктивной и разнообразной жизненной работы М. М. Ковалевскаго не затронуты въ книж-

кѣ; ничего не говорится и объ его выдающейся роли въ бывшемъ Государственномъ Совѣтѣ; не упоминается также объ его дѣятельности, какъ редактора „Страны“ и издателя „Вѣстника Европы“. Г. Фатѣевъ и не имѣлъ въ виду дать полную біографію М. М. Ковалевскаго, а поставилъ себѣ болѣе скромную задачу, которую и исполнилъ съ большою любовью и уваженіемъ къ памяти покойнаго. Книжка напечатана очень изящно и снабжена семью портретами — двумя портретами отца, двумя — матери и тремя — самого М. М. въ разные періоды его жизни. Л. С.

А. И. Герценъ. Полное собраніе сочиненій и писемъ. Подъ ред. М. К. Лемке. Т. I—VIII. Петроградъ, 1915—1917.

Обширное, въ высшей степени цѣнное для русской литературы предпріятіе — первое полное изданіе всѣхъ сочиненій и писемъ А. И. Герцена — составляетъ, несомнѣнно, крупную заслугу Мих. Конст. Лемке, который съ неутомимой энергіею при содѣйствіи семьи Герцена собиралъ нужные для этого изданія матеріалы и подготовилъ ихъ къ печати. „Десять лѣтъ, — говоритъ почтенный редакторъ въ предисловіи, — отдалъ я труду изученія жизни и сочиненій Герцена и современныхъ ему обстоятельствъ общественной, политической и литературной жизни“. Война прервала регулярныя сношенія съ наслѣдниками Герцена, и отправленныя ими рукописи, касающіяся его заграничной жизни, пропали; многихъ свѣдѣній нельзя теперь добыть, благодаря военнымъ обстоятельствамъ, но эти недочеты могутъ быть пополнены, и недостатки будутъ исправлены впослѣдствіи, такъ какъ, по компетентному мнѣнію М. К. Лемке, „Собранію соч.“ Герцена „предстоитъ большой успѣхъ и весьма возможно скорое его переизданіе“. До сихъ поръ вышло восемь большихъ томовъ, около 500 и болѣе страницъ въ каждомъ, обнимающихъ періодъ времени съ 1820 по 1857 годъ. Въ обстоятельномъ предисловіи редакторъ сообщаетъ подробныя свѣдѣнія о методѣ и ходѣ своей работы, — о составѣ „Собранія“, о системѣ распредѣленія матеріала, о способѣ опредѣленія датъ, объ установленіи текста, объ указателяхъ и иллюстраціяхъ. Къ сожалѣнію, ни въ предисловіи, ни на обложкѣ перваго тома не обозначены условія подписки на это изданіе и не указана цѣна отдѣльныхъ томовъ; впрочемъ, возможно, что эти свѣдѣнія имѣются въ предисловіи издателей (наслѣдниковъ Герцена), котораго недостаетъ въ находящемся у насъ экземплярѣ перваго тома, хотя оно значится въ оглавленіи.

Новый энциклопедическій словарь. Двадцать девятый томъ. Изд. акц. общ. Брокгаузъ-Ефронъ. Съ картами и иллюстраціями. Стр. 960. Петроградъ, 1917.

Словарь, неразрывно связанный съ именемъ покойнаго И. А. Ефрона, не нуждается въ рекомендаціи: онъ давно занимаетъ одно изъ самыхъ видныхъ и почетныхъ мѣстъ въ ряду высоко-полезныхъ и роскошныхъ изданій подобнаго рода не только у насъ въ Россіи, но и въ Европѣ. Новое изданіе доведено уже до тридцатаго тома, но дальнѣйшее печатаніе, если не ошибаемся, временно пріостановлено вслѣдствіе невозможно тяжелыхъ условій, въ какія поставлено нынѣ печатное дѣло. Послѣдній томъ — 29-й — заключаетъ въ себѣ статьи на буквы Н—О. (Нью-Фаундлендъ-Отто.)

Е. А. Вудхаузъ. Міръ въ ожиданіи. Петроградъ, 1917. Изданіе „Ордена звѣзды на Востокѣ“. Стр. 177. Ц. 2 р.

Въ мірѣ, по словамъ г. Вудхауза, очень распространено въ настоящее время убѣжденіе, что „вскорѣ явится среди насъ великій Учитель жизни“, новый представитель божества на землѣ. Для подготовленія этого мірового событія основанъ 11 января 1911 года „Орденъ звѣзды на Востокѣ“ — и основанъ, конечно, въ Индіи, странѣ высшей магіи; глава ордена — г. Кришнамурти (Алкіонъ), а представительница его въ Россіи — г-жа В. Н. Пушкина (адресъ ея точно указанъ). Всѣ эти свѣдѣнія сообщаются издательствомъ на обложкѣ и тамъ же перечислены условія для вступленія въ члены Ордена. Кромѣ книги г. Вудхауза, „Орденъ звѣзды на Востокѣ“ успѣлъ издать еще двѣ книги: „Братство и любовь, какъ основа грядущаго вѣка“ и „Творчество новаго Неба и новой Земли“ В. Н. Пушкиной. Высказывать какое-либо сужденіе объ этихъ кни-

гахъ мы не рѣшаемся, такъ какъ тема ихъ намъ мало доступна, и мы ничего не слыхали о предстоящемъ пришествіи новаго Мессіи. По всей вѣроятности, Орденъ имѣетъ нѣкоторый успѣхъ, въ виду настроеній и событій, связанныхъ съ міровой войною; но многихъ должно смущать недоумѣніе, почему спасительный Орденъ основанъ именно въ Индіи и почему основателемъ его является неизвѣстно гдѣ проживающій индусъ по имени „Кришнамурти (Алкіонъ)". Или, можетъ быть, наоборотъ: именно индійское происхожденіе Ордена и таинственность его основателя могутъ привлечь толпы вѣрующихъ? Все возможно въ наше время. Л. С.

Проф. А. М. Евлаховъ. Гергартъ Гауптманъ. Путь его творческихъ исканій. Ростовъ на-Дону. 1917. Стр. 151. Ц. 2 р.

Проф. А. М. Евлаховъ опредѣляетъ существо своей книги, какъ „строго научное изслѣдованіе эволюціи творческихъ исканій Гауптмана". Онъ ссылается на методологическія основы, изложенныя имъ въ его теоретическихъ работахъ по исторіи и философіи художественнаго творчества, при чемъ изъ двухъ методовъ — психологическаго и эстетическаго — при изученіи творчества Гауптмана слѣдовалъ, главнымъ образомъ, психологическому принципу.

Въ дѣйствительности работа А. М. Евлахова представляетъ собою простой разборъ, какъ соціальныхъ, такъ и символическихъ произведеній Гауптмана. Авторъ приводитъ разнообразныя мнѣнія и истолкованія Гауптмана; съ одними изъ нихъ онъ соглашается, съ другими полемизируетъ.

„Проблемы узко - натуралистическаго и соціальнаго характера; проблема творческаго преображенія жизни"—таковы два полюса, между которыми, по мнѣнію А. М. Евлахова, расположилось творчество Гауптмана, эволюціонировавшаго отъ реализма къ символизму и пришедшаго въ концѣ къ „признанію побѣднаго торжества духа надъ матеріей".

М. К.

В. Г. Сахновскій. Московскій Художественный театръ и романтизмъ на сценѣ. Москва. 1917. Стр. 80. Ц. 1 р. 25 к.

Въ книжкѣ В. Сахновскаго противопоставлены два начала — эмпирическое и романтическое — въ искусствѣ сцены. Олицетвореніе перваго — московскій Художественный театръ съ его творцомъ и основоположникомъ К. С. Станиславскимъ; воплощеніе второго — въ театрѣ Ѳ. Ѳ. Коммиссаржевскаго.

Отдавая должное Художественному театру и его главѣ и вдохновителю, В. Г. Сахновскій заявляетъ себя рѣшительнымъ сторонникомъ новой художественной идеи, яркое претвореніе которой ему видится въ театрѣ Коммиссаржевскаго. Конечныя цѣли театра, какъ автономнаго искусства, онъ представляетъ себѣ не въ „эмпирической дѣйствительности", а въ „мистической реальности". И поскольку Художественный театръ знаменуетъ „полное развитіе формъ натуралистическаго театра", В. Г. Сахновскій выдвигаетъ ему въ противовѣсъ — романтическій театръ Ѳ. Ѳ. Коммиссаржевскаго — „театръ постиженій повсюдной, но незримой красоты, театръ душевнаго устремленія, очищенія и паѳоса".

Съ В. Г. Сахновскимъ можно спорить; его утвержденія не всегда обоснованы. Но его книжку проникаетъ искреннее и живое увлеченіе, любовь къ тому серьезному и большому дѣлу, которое зовется театромъ. М. К.

П. Е. Щеголевъ. Дуэль и смерть Пушкина. Изслѣдованіе и матеріалы. Съ 15 портретами и факсимиле. Изд. 2-е, исправленное. Петроградъ. Стр. 432. Ц. 10 р.

Оцѣнка этой книги была въ свое время дана на страницахъ „Вѣстника Европы".

Второе изданіе свидѣтельствуетъ объ исключительномъ вниманіи, вызванномъ въ широкихъ кругахъ читателей къ предмету и содержанію этого глубоко-интереснаго и поучительнаго изслѣдованія.

Измѣненія, внесенныя во 2-е изданіе, касаются, главнымъ образомъ, иноязычныхъ текстовъ, данныхъ, въ отличіе отъ 1-го изданія, въ русскомъ переводѣ; сдѣланы и нѣкоторыя другія, менѣе существенныя, исправленія. М. К.

Въ теченіе іюня, іюля и августа въ редакцію поступили слѣдующія книги и брошюры.

Автономія и федерація. Соціально-политическая библіотека, подъ редакціей В. Н. Усовскаго. Харьковъ, 1917 г. Ц. 25 к.

Александръ Федоровичъ Керенскій. Изд. Центральн. Комит. Трудовой Группы. Птгр., 1917 г. Ц. 1 р. 25 к.

Бердниковъ, Я. Сонетъ рабочаго. Книжка I. Птгр., 1917 г. Ц. 20 к.

Борцамъ за свободу. Литературный сборн., подъ ред. В. В. Вальковскаго (Валько-Отшельника). Птгр., 1917 г. Ц. 70 к.

Bulletin of the society for the study of the social consequences of the war. Nr. 3. Copenhagen, 1917. Price: 2 kr.

Валько-Отшельникъ (В. В. Вальковскій). Недопѣтый аккордъ. Птгр., 1917 г. Ц. 60 к.

Вліяніе травосѣянія на отдѣльныя стороны крестьянскаго хозяйства. Вып. 10. Москва, 1917 г.

Гвелесіани, Гр. Муниципальный соціализмъ. Кутаисъ, 1917 г. Ц. 60 к.

Даниловичъ, I. Государственный строй Англіи. К-во М. А. Ясныго, б. Попова. Птгр., 1917 г. Ц. 35 к.

Извѣстія Бакинской Городской Думы. № 1—2—3. 1917 г.

Извѣстія Всероссійскаго Союза Городовъ. № 41—42. Москва,

Извѣстія особаго совѣщанія по топливу. Птгр., 1917 г. № 4,

Извѣстія по продовольственному дѣлу. Май, 1917 г.

Календарь и записная книжка земскаго корреспондента Московской губерніи на 1917 г. Москва, 1917 г.

Косинскій, В. А. проф. Основныя тенденціи въ мобилизаціи земельной собственности и ихъ соціально-экономическіе факторы. Ч. I. Кіевъ, 1917 г.

Косинскій, В. А. проф. Основныя тенденціи въ мобилизаціи земельной собственности и ихъ соціально-экономическіе факторы. Ч. I. (Приложеніе. — Статистическія таблицы I—XX). Кіевъ, 1917 г.

Леонидовъ, Олегъ. Вождь свободы А. Ф. Керенскій. К-во „Копница". Москва. Ц. 35 к.

Dr. F. Lifschitz. Die Russische Revolution. Bern, 1917.

Лучининъ, Леонидъ. Нити жемчужныя. Романъ. Кн-во „Орифлама". Птгр., 1916 г. Ц. 5 р.

Оленевъ, И. Карельскій край и его будущее въ связи съ постройкою Мурманской желѣзной дороги. Гельсингфорсъ, 1917 г. Ц. 2 р.

Положеніе о волостномъ земствѣ. Изд. Земск. Отд. Мин. Внутр. Дѣлъ. Птгр., 1917 г. Ц. 1. 25 к.

Рейзнекъ, В. Счастье и несчастье. Волховъ, 1917 г. Ц. 1 р.

Revue de Nations. Paris. Mai, 1917.

Роминскій, Н. Нео-соціальное государство. Рига, 1917 г.

Роминскій, Н. Что такое нео-соціализмъ? Рига, 1917 г.

Рукавишниковъ, Ив. Тріолеты любви и вѣчности. Московское книгоиздательство. Ц. 1 р. 50 к.

Сельско-хозяйственный обзоръ за 1915 г. Оренбургской Губернской Земской Управы. Оренбургъ, 1917 г.

Статистическій ежегодникъ 1916 г. Харьковской Губернской Земской Управы. Харьковъ, 1917 г.

1915 годъ въ сельско-хозяйственномъ отношеніи по отвѣтамъ, полученнымъ отъ хозяевъ. Вып. VI. Ч. III. Птгр., 1916 г.

1917 годъ въ сельско-хозяйственномъ отношеніи по отвѣтамъ, полученнымъ отъ хозяевъ. Вып. 1—2—3. Птгр. 1917 г.

Угольный рынокъ петроградско-ревельскаго района въ 1915 г. Птгр., 1917 г.

Усовскій, Б. Избирательное право. Харьковъ, 1917 г. Ц. 30 к.

Усовскій, Б. Монархія или республика. Харьковъ, 1917 г. Ц. 30 к.

Хаустовичъ, В. Лирика I. Рига, 1917 г. Ц. 30 к.

А. де-Н. Сектантъ, антисемитъ, анархистъ. (Люди упрощенной психики.) Птгр. 1917 г. Ц. 15 к.

Алтаевъ, А. Сдѣлайте сами! Зимнія занятія для дѣтей младшаго возраста. Съ 69-ю рисунками. 2-е изд., исправл. и дополн. К-во „Жизнь и Знаніе". Птгр. 1917 г. Ц. 1 р. 50 к.

Аполлоновъ, С. Свободныя пѣсни и настроенія. Баку. 1917 г. Ц. 1 р.

Балика, Д. Въ лабораторіи поэта. (Ѳ. Сологубъ, А. Бѣлый, Е. Замятинъ.) Вып. I. Изд. Н. Я. Фридьевой. Г. Белебей. 1917 г. Ц. 1 р. 50 к.

Блохинъ, Вл. Житейская муть. Птгр. 1917 г. Ц. 1 р.

Брусянинъ, В. Убійство Павла I. Романъ. Ч. III. К-во „Жизнь и Знаніе". Птгр. 1917 г. Ц. 2 р. 50 к.

Бунаковъ, П. Изъ тьмы на свѣтъ. Стихи. Московск. изд-ство „Земля и Воля". Ц. 75 к.

Bulletin Yougoslave. № 23. Paris. 1-er Juillet, 1917.

Верхоустинскій, Б. Разсказы. К-во „Задруга". Москва. 1917 г. Ц. 1 р. 50 к.

Въ помощь читателю и библіотекарю. Библіографическій ежемѣсячникъ. Вып. I. Подъ ред. И. В. Владиславлева. К-во „Наука". Москва, 1917. Ц. 45 к.

Въ помощь читателю и библіотекарю. Библіографическій ежемѣсячникъ. Вып. II. Подъ ред. И. В. Владиславлева. К-во „Наука". Москва. 1917. Ц. 45 к.

Гедъ Ж. и *Лафаргъ П.* Программа рабочей партіи, ея основанія и комментарій къ ней. Перев. съ франц. В. Величкиной. К-во „Жизнь и Знаніе". Птгр. 1917 г. Ц. 1 р. 50 к.

Горькій, М. Мать. Кн. 1-я. К-во „Жизнь и Знаніе". Птгр. 1917 г. Ц. 3 р.

Горькій, М. Мать. Кн. 2-я. К-во „Жизнь и Знаніе". Птгр. 1917 г. Ц. 3 р.

Грушецкій, А. Обреченные (Гутникъ). Переводъ съ польскаго Е. и И. Леонтьевыхъ. К-во „Жизнь и Знаніе". Птгр. 1917 г. Ц. 2 р.

Дмитріевичъ, Д. Союзъ Болгаріи съ Германіей передъ судомъ свободной Россіи. (Факты и документы.) Съ предисловіемъ М. В. Родзянко. Птгр. 1917 г. Ц. 1 р.

Загорскій, С. Война послѣ мира. К-во „Жизнь и Знаніе". Птгр. 1917 г. Ц. 5 р.

Записная книжка милиціонера. Изд. милиціонныхъ курсовъ при нижегородск. народн. универс. Н.-Новгородъ. 1917 г. Ц. 1 р. 20 к.

Извѣстія Всероссійскаго Союза Городовъ. № 43—44. Москва.

Изд. Т-ва „Друкарь": *Білоусенко, О.* Селянська доля — земля і воля. Птгр. 1917. Ц. 35 к. Робітничі пісні. Птгр. 1917. Ц. 10 к. — *Слюсаренко, Ф.* Про державний лад. Птгр. 1917. Ц. 85 к. — *Стебницький (Смутокъ, П.)* Українська справа. Птгр. 1917. Ц. 50 к. — *Стебницкій, П.* Украина и украинцы. Птгр. 1917. Ц. 50 к. — *Якименко, М.* Земельна справа на Україні. Птгр. 1917. Ц. 40 к.

Издан. к-ва „Жизнь и Знаніе": *Величкина, В.* Борецъ за свободу. Вильгельмъ Вейтлингъ. Біографическій очеркъ. Птгр. 1917 г. Ц. 25 к. — *Изгнанникъ.* На рубежѣ свободы. Птгр. 1917 г. Ц. 25 к. — *Каутскій, К.* Патріотизмъ, война и соціалдемократія. Перев. В. Величкина. Птгр. 1917 г. Ц. 35. — *Коллонтай, А.* Работница-мать. Птгр. 1917 г. Ц. 25 к. — *Ленинъ, Н.* Политическія партіи въ Россіи и задачи пролетаріата. Птгр. 1917 г. Ц. 30 к. — Программа и уставъ россійской с.-д. рабочей партіи. Птгр. 1917 г. Ц. 10 к. — Пѣсни революціи. Птгр. 1917 г. Ц. 25 к. — *Шевлягина, Н.* Дурная болѣзнь или сифилисъ. Птгр. 1917 г. Ц. 30 к.

Исчисленіе населенія г. Харькова и его пригородовъ. Харьковское городское общественное управленіе. Ц. 1 р. 50 к.

Ivan Kvek. Les slovènes. Avec deux cartes. Librairie Félix Alcan. Prix: 1 franc.

Лебедевъ, Н. Рабочіе союзы. Москва. 1917 г. Ц. 30 к.

Масловъ, П. Имперіализмъ и война. К-во „Наука". Москва. 1917. Ц. 40 к.

Мацокинъ, Н. Японская печать и внутреннее положеніе въ Россіи. 3-е дополн. изд. Общ. русск. оріенталистовъ. Харбинъ. 1917 г. Ц. 25 к.

Медынскій, Е. Вся земля — всему народу. К-во „Наука". Москва. 1917. Ц. 25 к.

Мейендорфъ, Ю., баронъ. Мысли по аграрному вопросу. Умань. 1917 г.

Осоргинъ, М. Охранное отдѣленіе и его секреты. Студенч. изд-во „Грядущее". Москва. 1917 г. Ц. 25 к.

Олигеръ, Н. Разсказы, т. VI. К-во „Жизнь и Знаніе". Спб. 1914. Ц. 2 р.

Петроградская пролетарская юношеская организація „Трудъ и свѣтъ". Кн. 2. Птгр. 1917 г. Ц. 30 к.

Популярная общественно-политическая библіотека „Книга и Жизнь“: *Великая революція и аграрный вопросъ* (матеріалы и документы). Вып. I. Собралъ В. Л. Львовъ-Рогачевскій. Москва. 1917. — *В. Л. Львовъ-Рогачевскій.* Всеобщее избирательное право и борьба за него. Москва. 1917 г. Ц. 45 к. — *В. Львовъ-Рогачевскій.* Свободное слово. Москва. 1917. Ц 40 к. — *Вознесенскій, А.* Всероссійское Учредительное Собраніе и его задачи. Москва. 1917. Ц. 30 к. — *Краткій политическій словарь.* Пособіе при чтеніи газетъ и книгъ по общественнымъ вопросамъ. Подъ ред. И. В. Владиславлева. Москва. 1917. Ц. 45 к. — *Мартовъ, Л.* Рабочій классъ въ Россіи и его требованія. 6-е изд. Москва. 1917 г. Ц. 50 к. — *Медынскій, Е.* Какъ вести бесѣды по политическимъ вопросамъ. Изд. 2-е. Москва. 1917 г. Ц. 20 к. — *Медынскій, Е.* Революція и внѣшкольное образованіе. Москва. 1917 г. Ц. 20 к. — *Программы политическихъ партій въ Россіи.* Подъ ред. и со статьей И. В. Владиславлева. Вып. I, изд. 2-е, испр. Москва. 1917. Ц. 40 к. — *Сомовъ, О.* Подготовка къ выборамъ въ Учредительное Собраніе и внутренняя организація работы въ немъ. Москва. 1917. Ц. 30 к. — *Турати, Ф.* Современная классовая борьба и соціализмъ. Москва. 1917. Ц. 12 к.

Пругавинъ, А. Бунтъ противъ природы. (О хлыстахъ и хлыстовщинѣ.) Вып. I. К-во „Задруга“. Москва. 1917 г. Ц. 1 р. 50 к.

Розенбергъ, Вл. Журналисты безвременья. К-во „Задруга“. Москва. 1917 г. Ц. 4 р. 50 к.

Сахаровъ, Н. Окисленіе желѣза, какъ химическая основа жизненныхъ явленій. Изд. 2-е, исправл. и дополн. Тифлисъ. 1917 г. Ц. 1 р.

Соколовъ, Н., и *Гумимъ, Г.* Кабинетъ родного языка. Систематическій указатель книгъ и пособій по преподаванію русскаго языка на первой и второй ступени обученія. К-во „Жизнь и Знаніе“. Птгр. 1917 г. Ц. 3 р. 75 к.

Соловьевъ, А. Мысли индивида въ дни революціи. №№ 1, 2, 3. Изд. Индивида. Гельсингфорсъ. 1917 г.

Стебельскій, А. Злободневные вопросы. Москва. 1917 г. Ц. 1 р. 20 к.

1916 годъ въ сельско-хозяйственномъ отношеніи. Выпускъ VI. Птгр. 1917 г.

1917 годъ въ сельско-хозяйственномъ отношеніи. Вып. IV. Птгр. 1917 г.

Фатъевъ, Ар. Максимъ Ковалевскій. (Къ годовщинѣ смерти.) Харьковъ. 1917 г. Ц. 1 р. 20 к.

Ющкевичъ, С. Комедія брака. К-во „Жизнь и Знаніе“. Птгр. 1917 г. Ц. 3 р.

Издатель: Д. Н. Овсянико-Куликовскій.

Ред.: Д. Д. Гриммъ.
Д. Н. Овсянико-Куликовскій.

ОТЪ СОВѢТА ОБЩЕСТВА ДОМА-МУЗЕЯ ПАМЯТИ БОРЦОВЪ ЗА СВОБОДУ.

Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1917 г. Организаціонный Комитетъ по созданію Дома-Музея памяти борцовъ за свободу опубликовалъ въ столичныхъ и провинціальныхъ газетахъ воззваніе къ гражданамъ Россіи съ изложеніемъ задачъ и цѣлей Дома-Музея и съ призывомъ къ пожертвованіямъ для осуществленія этого большого національнаго дѣла.

22-го мая состоялось учредительное собраніе общества, выбравшее временный совѣтъ и поручившее ему продолжать организаціонную работу по собиранію историческихъ матеріаловъ и денежныхъ средствъ.

За протекшее время полученъ цѣнный вкладъ въ Домъ-Музей — часть архива редакціи „Народной Воли", пожертвованный В. Л. Бурцевымъ, и чрезвычайно цѣнная библіотека покойнаго В. Я. Богучарскаго. Кромѣ того, имѣется рядъ обѣщаній отъ многихъ общественныхъ и политическихъ дѣятелей о передачѣ Дому-Музею имѣющихся у нихъ документовъ, писемъ, портретовъ и т. п., какъ, напр., заграничнаго архива „Былого" и „Будущаго" и всѣхъ матеріаловъ и литературы, собранныхъ обществомъ изученія революціи 1917 г.

Въ кассу общества поступили слѣдующія пожертвованія:

Отъ Правленія Страхового Общества „Волга"	50.000 р. — к.
„ „ Восточнаго „	25.000 „ — „
„ „ Русск. Торг. и Трансп. Банка	25.000 „ — „
„ „ Общества „Кавказъ и Меркурій"	25.000 „ — „
„ студентовъ Воронежскаго Сельско-Хоз. Института	29 „ — „
„ служащихъ Азовско-Донск., Международнаго банковъ и Общества Взаимнаго Кредита въ Керчи	74 „ — „
Сборъ во время лекціи К. Д. Бальмонта въ Екатеринославѣ	358 „ — „
„ на митингѣ въ с. Столбецкомъ (Орл. губ.)	2 „ 44 „
Отъ учениковъ мужск. гимн. въ Бронницахъ	28 „ 50 „
„ гражданки Шпервартъ	15 „ — „
„ С. Д. Марголина	70 „ — „
„ Л. Н. Оглобиной	10 „ — „
Чистый доходъ съ концерта-митинга	9.099 „ — „
Отъ художника Ормикса Крикъ	10 кронъ
Всего	134.786 р. 59 к. и 10 кронъ.

Временно Домъ-Музей помѣщается на Милліонной ул., № 27, дворецъ Маріи Павловны.

Давая свой первый отчетъ, совѣтъ общества обращается ко всѣмъ учрежденіямъ и лицамъ, которыя могли бы оказать ему свое содѣйствіе въ дѣлѣ пріобрѣтенія и собиранія историческихъ матеріаловъ съ просьбой присылать ихъ въ Домъ-Музей или освѣдомлять о своемъ желаніи передать ихъ въ Домъ-Музей, чтобы совѣтъ могъ самъ озаботиться ихъ доставкой.

Къ вамъ, граждане, непосредственно принимавшіе участіе въ освободительномъ и революціонномъ движеніи, къ вамъ, товарищи, освобожденные изъ тюремъ, вернувшіеся изъ ссылки, ко всѣмъ, стоявшимъ близко къ погибшимъ борцамъ за свободу, обращаетъ совѣтъ свой призывъ — нести въ Домъ-Музей реликвіи, документы, письма, портреты, автографы, которые сохранились у васъ и могутъ служить иллюстраціями того, въ какихъ условіяхъ творцамъ русской революціи приходилось жить и бороться за свободу. По этимъ матеріаламъ подрастающее поколѣніе будетъ знакомиться съ исторіей освободительнаго движенія, будетъ учиться любить свободу и чтить тѣхъ, благодаря героизму и самопожертвованію которыхъ свобода была, наконецъ, добыта.

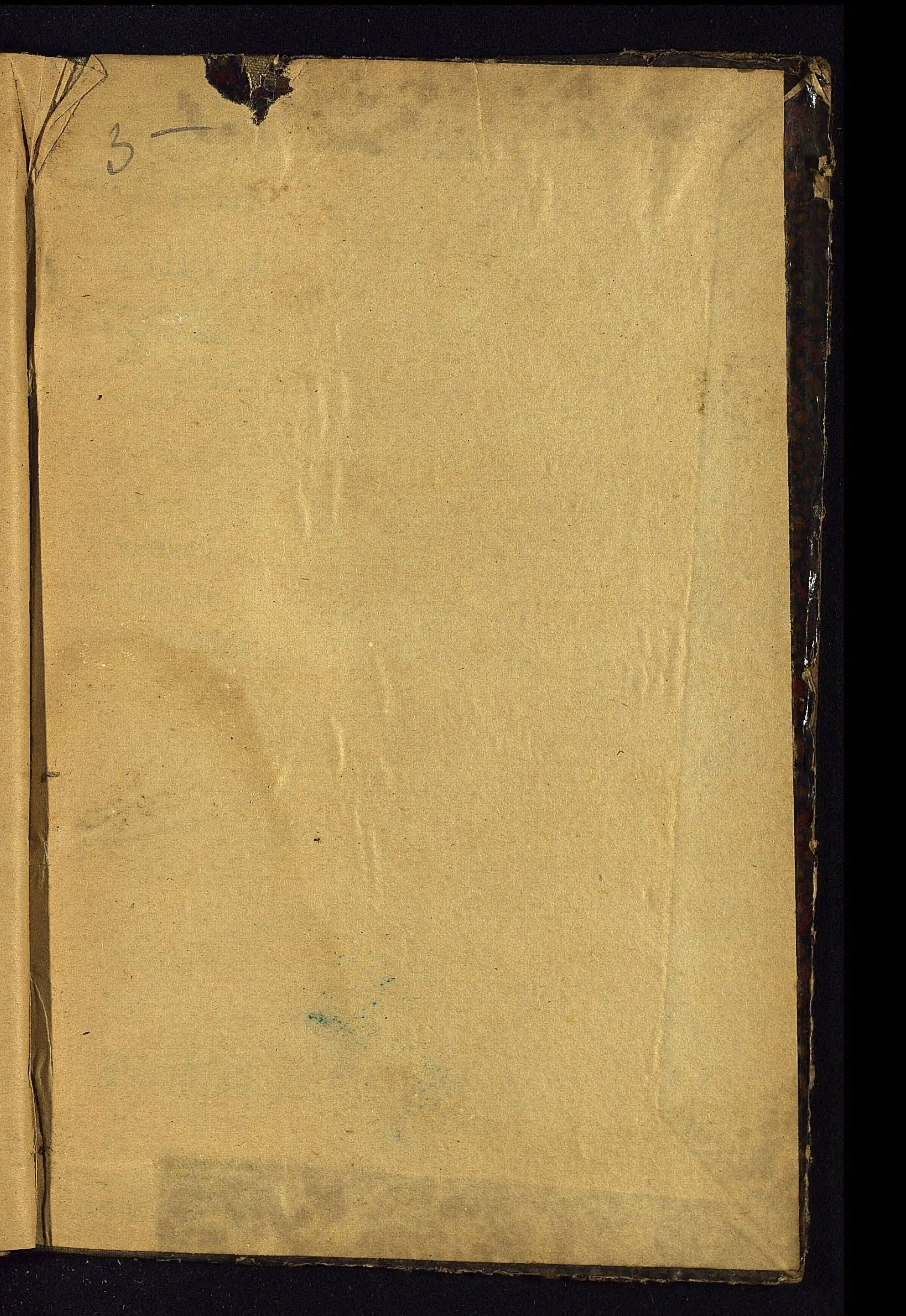
Совѣтъ гарантируетъ полную неприкосновенность и тайну тѣхъ документовъ, которые по желанію жертвователей въ данный моментъ не должны подлежать огласкѣ.

Составъ временнаго совѣта: В. Л. Бурцевъ, С. А. Венгеровъ, В. И. Гессенъ, И. Я. Гинцбургъ, Р. В. Ивановъ-Разумникъ, Н. И. Карѣевъ, Л. П. Купріянова, Н. А. Морозовъ, В. А. Мякотинъ, М. В. Новорусскій, С. Ф. Ольденбургъ, А. М. Пѣшковъ (Горькій), А. Е. Прѣсняковъ, В. И. Срезневскій, В. Н. Фигнеръ, А. А. Шахматовъ, В. Р. Шахъ, Э. В. Яковлева.

По дѣламъ и справкамъ просятъ обращаться къ Л. П. Купріяновой (Б. Пушкарская ул. № 34 кв. 12) и къ В. Р. Шахъ (В. проспектъ, № 88, телеф. 208—03).

Председатель Совѣта *С. Венгеровъ.*

Секретарь Совѣта *Л. Купріянова.*

3 —

